

4
ТОМ 23
2021

ВЕСТНИК

КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Bulletin of Kemerovo State University. 2021, 23(4): 855–1113

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Вестник Кемеровского государственного университета – национальный рецензируемый журнал, публикующий результаты новейших научных исследований в области истории, археологии, психологии и языкознания. Междисциплинарность издания раскрывается в оригинальных и обзорных статьях, рецензиях, посвященных толерантности, идентичности, межкультурной коммуникации в современности и ретроспективе, поликультурному образовательному пространству, истории языка, билингвизму, психолингвистике, национальным, этническим и этнокультурным вопросам (национальной политике, определению себя в рамках нации, национальным языкам). Журнал ориентирован на интегрирование основных тенденций и достижений современных научных исследований, на установление и укрепление научных связей между учеными из разных регионов России и других стран.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-67989.
Выдано Роскомнадзором.

Издается с 1999 года. Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6;
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Научные статьи, оформленные по требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование (Double-blind review).

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:
<https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зам. главного редактора: *Васютин С. А.*, д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ

им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Н. В., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The Bulletin of Kemerovo State University is a Russian peer-reviewed journal that provides the latest research achievements of history, archeology, psychology, and linguistics. The Bulletin publishes research papers, review articles, and book reviews. As an interdisciplinary periodical, we publish articles that promote tolerance and identity issues. Our authors write about intercultural communication, multicultural education, language history, bilingualism, and psycholinguistics. They develop both national and ethnocultural issues, e.g. national politics, self-identification, national languages, etc. Our mission is to promote the main trends and achievements of contemporary science in order to establish links between Russian and foreign scientific communities.

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

Certificate of registration: PI no. FS 77-67989. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Founded in 1999. Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online).

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000.
+7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000;
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation.

The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

Opinions expressed in the articles published in the Bulletin are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Bulletin is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://vestnik.kemsu.ru>

16+

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Deputy Editor-in-Chief: *Sergey A. Vasyutin*, Dr.Sc.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Natalia V. Melnik, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr.Sc.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr.Sc.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr.Sc.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr.Sc.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr.Sc.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и Археология

- Изображения на керамике халафской культуры в Сирии
Мажар Ф. 855
- Научная деятельность ученого-востоковеда А. А. Семенова в составе
Туркомстариса и Средазкомстариса (1921–1928 гг.)
Мамаева Г. Е. 865
- Источники формирования контингента учащихся Тайгинского
техникума железнодорожного транспорта в 1943–1991 гг.
Мишенин С. Е. 876
- Жизнь и деятельность подполковника милиции Алексея Николаевича
Овчинникова (1920-е гг. – 1941 г.)
Овчинников В. А., Суверов Е. В. 884
- Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья
Подзюбан Е. В. 897
- Особая тройка НКВД Красноярского края: к вопросу исполнения
приговоров (осень 1938 г.)
Потапова Н. А., Бабий А. А. 911
- «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев
Томской области на смерть И. В. Сталина
Филиппенко О. В. 920

Психология

- Динамические аспекты трансформации системы идентичностей студентов
вузов в процессе обучения
Браун О. А., Билан М. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. 929
- Готовность молодежи к развитию цифровых компетенций с помощью
дистанционных форм обучения
Воскресенская Н. Г. 939
- Реконструкция психосемантического базиса системы межличностных
отношений посредством системы ТЕЗАЛ
Долганов Д. Н., Каменева В. А. 948
- Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения
российского студенчества на различных этапах информатизации общества
Микляева А. В., Проект Ю. А., Хороших В. В. 958
- Оценка сформированности биоэтического сознания студентов
(на материале обучающихся Пермского государственного национального
исследовательского университета)
Пузырёва А. О., Жданова С. Ю. 976
- Цифровая образовательная среда как новое пространство становления
профессиональной идентичности
Пфетцер А. А. 985
- Адаптация иностранных студентов в России в связи с их культурной
принадлежностью
Федотова В. А. 1002
- Личностные факторы адаптации студентов-первокурсников
к образовательной среде медицинского вуза
Чижкова М. Б. 1005

Языкознание

- Антиценностный концепт *трусость* в комическом дискурсе
англосаксонской лингвокультуры
Бочкарев А. И. 1016
- О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов
современной письменной коммуникации
Голев Н. Д. 1024
- Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей
в речевых жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*
Кравчук Е. Р. 1032
- Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе
англоязычных поэтических текстов
Куракина Н. А., Ачинович И. С. 1041
- Стратегия дискредитации власти в интернет-комментариях к публикациям
мэров Нью-Йорка и Лондона
Мельник Н. В., Митякина О. В. 1051
- Первопризнаки концептов *богатство* и *wealth* в русской и английской
языковых картинах мира
Мендешева М. М. 1060
- Степень вариативности денотата языкового знака (экспериментальное
исследование интерпретационной деятельности говорящих)
Сатучина Т. Ю. 1067
- К вопросу о склонении топонимов среднего рода на *-ово/-ево, -ино/-ыно*
Тейкин М. С. 1074
- Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья:
принципы создания, структура и возможности использования
Фельде О. В. 1086
- Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения
в русских и персидских вопросительных предложениях
Хакрах Кахнамуи Т., Хоссейни А. А. 1096
- Указатель статей, изданных за 2021 г. в журнале «Вестник КемГУ» 1104

History & Archeology

Images on Halaf Pottery from Syria

Majar F.

862

Asian Studies Expert A. A. Semenov: Turkomstaris and Sredazkomstaris Periods (1921–1928)

Mamaeva G. E.

874

Students of Railway College of the Town of Taiga in 1943–1991

Mishenin S. E.

881

Life and Work of Lieutenant Colonel of Militia Alexey N. Ovchinnikov in 1920s – 1941

Ovchinnikov V. A., Suverov E. V.

894

Mesolithic Sites in the Upper Tobol

Podzuban E. V.

909

Special Troika of the Krasnoyarsk NKVD: the Number of the Repressed in the Fall of 1938

Potapova N. A., Babiy A. A.

918

"People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death

Filippenko O. V.

927

Psychology

Identity System in University Students: Transformation Dynamics during Learning Process

Braun O. A., Bilan M. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V.

937

Distance Learning as a Means of Digital Skills Development in High School and University Students

Voskresenskaya N. G.

946

Automated Personal Thesaurus TEZAL: Reconstructing the Psychosemantic Foundations of Interpersonal Relations

Dolganov D. N., Kameneva V. A.

956

Axiological Identity of Russian Students at Different Stages of Social Digitalization: a Meta-Analysis

Miklyaeva A. V., Proekt Yu. L., Khoroshikh V. V.

970

Bioethical Awareness in Students of the Perm State National Research University

Puzyreva L. O., Zhdanova S. Yu.

982

Digital Academic Environment and Professional Identity Development

Pfettser A. A.

992

International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin

Fedotova V. A.

995

Personal Factors of Adapting to Academic Environment in First-Year Medical Students

Chizhkova M. B.

1013

Linguistics

The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon
Linguistic Culture

Bochkarev A. I. 1022

Codes of Modern Written Communication: Acoustic-Auditory
vs. Manual-Visual

Golev N. D. 1029

Linguistic Image of a TV Hostess in Chat and Portrait Interviews

Kravchuk Ye. R. 1038

Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts

Kurakina N. A., Achinovich I. S. 1049

Discrediting Strategy in Internet Comments to Publications made
by the Mayors of New York and London

Melnik N. V., Mityakina O. V. 1058

Basic Signs of the Concepts of *Bogatstvo* and *Wealth* in Russian and English
Language Pictures of the World

Mendesheva M. M. 1065

Denotation Variation Degree of Linguistic Sign: an Experimental Study
of Interpretative Activity

Satuchina T. Y. 1072

To the Question of Neuter Gender Toponyms' Declension Ending
on *-ovo/-evo, -ino/-yno*

Teikin M. S. 1084

Electronic Corpus of Linguaculture of the Northern Angara Region:
Foundations, Structure, and Application

Felde O. V. 1094

Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation
in Russian and Persian Interrogative Sentences

Khakrah Kahnammouei T., Hosseini A. A. 1101

Index of articles published in 2020 in the journal "Bulletin of Kemerovo
State University"

1109

оригинальная статья

Изображения на керамике халафской культуры в Сирии

Фадель Мажар

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-5656-8469>; fadel.rf987@gmail.com

Поступила в редакцию 25.06.2021. Принята после рецензирования 06.10.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: С наступлением земледельческой революции и переходом человека к оседлой жизни его интеллектуальные способности получили стимул к развитию, что нашло отражение в использовании новых материалов. Наиболее важным из них является керамика, на которой человек сумел запечатлеть свои идеи в символической форме. Данная статья представляет примеры искусства древности, в частности изображений животных и людей. Приводится описание рисунков на ряде керамических сосудов, обнаруженных на археологических памятниках халафской культуры в Сирии, и предлагается трактовка их значений. Цель – изучить отдельные изображения на керамических сосудах и дать объяснение каждой из рассматриваемых фигур. Материалами исследования послужили керамические сосуды с рисунками, обнаруженные на археологических памятниках халафской культуры в Сирии. Для изучения изображений на керамических сосудах были применены дескриптивный и аналитический методы исследования. Сделан вывод, что древний человек рисовал животных на используемых в быту керамических сосудах из благоговения или страха перед ними. В конечном счете подобные сюжеты свидетельствуют о взаимодействии между людьми и животными, а также об их тесной связи с окружающей природой – основным источником продолжения жизни.

Ключевые слова: неолит, расписная керамика, зооморфные изображения, антропоморфные изображения, интерпретация изображений

Цитирование: Мажар Ф. Изображения на керамике халафской культуры в Сирии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 855–864. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-855-864>

Введение

Халафская культура – одна из известных земледельческих культур керамического неолита северной Месопотамии. Она названа в честь памятника Телль Халаф на севере Сирии [1], который расположен к северо-западу от города Рас-эль-Айн на берегу реки Хабур. Халафская культура датируется около 6000–5300 гг. до н. э. [2, таб. 1а; 3]. Ее ареал простирается от побережья Средиземного моря на западе до иранского горного хребта Загрос на востоке, от горного хребта Тавр на севере до пределов сирийской пустыни на юге [3, р. 840].

Керамика, получившая развитие в обществах халафской культуры [4, с. 241], была изготовлена вручную из качественной огнеупорной глины [5, с. 73; 6, р. 455]. Сосуды имели округлые стенки и широкие горловины. Керамические изделия отличались разнообразием форм и функций. Некоторые из них были предназначены для повседневного использования, например, чашки для питья, тарелки и горшки для приготовления пищи [7, с. 12]. В эту эпоху также использовалась раскрашенная керамика [8, с. 59], на которой изображались геометрические фигуры (вертикальные параллельные линии и круги), растительные элементы, силуэты животных и людей [7, с. 13; 9, с. 65].

Приблизительно с VI тыс. до н. э. в северной Месопотамии появились новые технологии и образцы керамического производства, которые отличались по стилю орнаментации. Этот период в исторической науке называется прото-халафским или переходным [10, р. 135]. Для керамики этого периода характерно появление новой формы – парадной

керамики (*Fine Wares*), отличающейся сложным орнаментом. Исследователи отмечают изменения и в морфологии сосудов [11, р. 83]. Технология и стиль орнаментации керамики переходного периода похожи по всей северной Месопотамии [11, р. 85].

Керамика этого периода характеризуется разнообразием открытых сосудов – чаш и тарелок, различных форм закрытых сосудов, в декоре используются различные цвета и изображения. Цвета керамики разнообразные: черный, коричневый, красный, зеленый, белый, а также монохромные, бихромные и трихромные оттенки [12, р. 33]. Если более детально анализировать декор халафской керамики, то зафиксировано более 350 различных мотивов [13, р. 113; 14, р. 134]. Стилизованные фигуры представляют собой изображения бычьих черепов (бычьи головы и рога), птиц, антропоморфных существ, животных и построек [15, р. 163]. Когда говорят об изображенных животных на расписной керамике халафской культуры, в первую очередь – это изображение головы быка. Кроме того, встречаются олени, барсы, птицы, змеи и рыбы.

Цель данной статьи – в дополнение к предшествующим исследованиям описать и проанализировать некоторые изображения животных и людей на керамических сосудах, относимых к халафской культуре в Сирии. Задачи – выявить специфику рисунков на халафской керамике; обозначить предполагаемые причины, побудившие художника их изобразить.

Изображения животных**Бык**

На памятнике Телль Юнус, расположенном на реке Евфрат близ Каркемиша (Джерабулуса) на севере Сирии¹, в 1913 г. в печах, раскопанных Л. Вулли (L. Woolley), была найдена посуда халафской культуры [16, р. 215; 17, р. 146]. Т. Дэвидсон датирует формы и декор сосудов периодами среднего и позднего халафа [16, р. 215]. Орнаментация керамики представлена изображениями животных (быков, птиц, оленей), наряду с человеческими фигурами, большинство из которых интерпретировалось как изображения танцующих людей или движения, которые могли быть присущи персонажам ритуальных сцен [18, р. 45].

На этом памятнике было найдено несколько сосудов, в декоре которых в разных вариациях использован мотив черепа быка. Верхняя часть одного из сосудов декорирована узором, который образуют головы быков, соединенные линиями. На стенках другого сосуда изображено несколько бычьих черепов, рога которых переданы дугообразными линиями, соединенными сверху. Черепа отделены друг от друга вертикальными рядами черных точек (рис. 1) [19].

Верхний край следующего сосуда по всему периметру украшает рисунок из бычьих черепов. Примечательно, что концы бычьих рогов не соединяются друг с другом, а разграничены двумя вертикальными рядами точек. Еще один сосуд из Телль Юнус украшен орнаментом из бычьих черепов. Головы быков опираются на прямые линии подобно скульптурам на фиксированном основании. Стоит отметить, что их рога не соединяются сверху, а висают вниз. При этом черепа разделяет множество черных точек (рис. 2). Кроме того, на памятнике был обнаружен сосуд, украшенный бычьими головами, разделенными узором, напоминающим звезды [4, с. 245].

Расписная керамика выявлена на памятнике Телль Халула на реке Евфрат, в 150 км к востоку от города Алеппо [20, р. 53; 21, р. 65]. Раскопки памятника начались в 1991 г. под руководством М. Молиста [22, р. 443]. Орнамент керамики включал изображения растений, цветов, животных (быки), птиц, рыб и людей. На этом памятнике был найден фрагмент венчика керамического сосуда желтого цвета, сверху и снизу ограниченный оранжевыми полосками [9, с. 66]. На венчике схематически изображена бычья голова с разведенными в сторону рогами и перпендикулярными голове ушами (рис. 3а). Был найден еще один керамический фрагмент с изображением головы быка, датирующийся периодом среднего халафа. Изображение в целом аналогично предыдущему, но рога быка длиннее и направлены вверх (рис. 3б).

На памятнике Телль Халаф, который расположен в западной части Хабурского треугольника, раскопки проводил Макс фон Оппенгейм в 1911–1913 гг. и в 1929 г. Затем раскопки

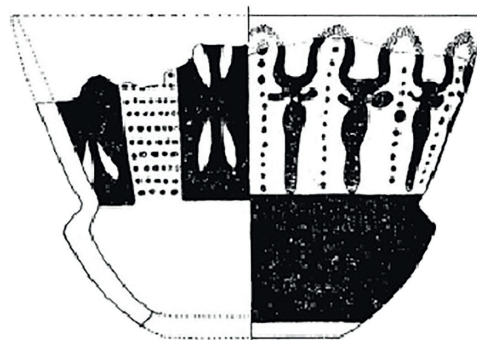

Рис. 1. Стилизованные вертикальные черепа быков, Телль Юнус [19, fig. 5.9.c, p. 85]

Fig. 1. Stylized vertical bull skulls, Tell Yunus [19, fig. 5.9.c, p. 85]

Рис. 2. Керамический сосуд с изображением бычьих черепов, отделенных друг от друга множеством черных точек, Телль Юнус [4, с. 370]

Fig. 2. Vessel ornamented with bull skulls separated by black dots, Tell Yunus [4, p. 370]

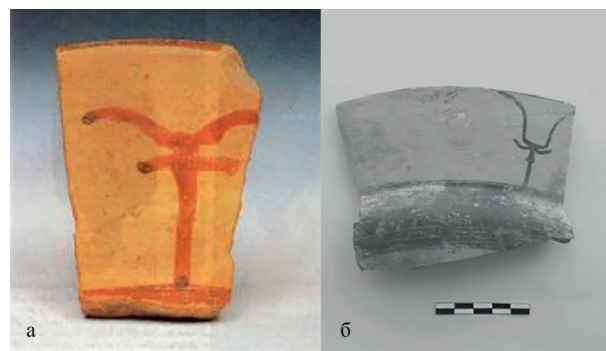

Рис. 3. Фрагменты керамики с изображением головы быка, Телль Халула: а [23, с. 173; 9, с. 80]; б [22, fig. 40.9, p. 450]

Fig. 3. Pottery fragments with a bull head, Tell Halula: a [23, p. 173; 9, p. 80]; b [22, fig. 40.9, p. 450]

¹ جرابلس [Jarablos]. Режим доступа: <https://www.marefa.org/%D8%AC%D8%B1%D8%A7%D8%A8%D9%84%D8%B3> (дата обращения: 07.03.2021).

возобновились в 2006 г. и продолжались до 2010 г. [6, p. 455]. На керамике, обнаруженной на этом памятнике, изображены животные, в том числе олени и лошади [18, p. 41]. При раскопках был найден целый керамический сосуд, на его горловине нарисованы в ряд головы быков с длинными дугообразными рогами, которые направлены вверх, но при этом не соединяются концами друг с другом. Пространство между головами быков заполнено черными точками, под изображениями голов быков идет полоса, украшенная нарисованными в ряд стилизованными цветами. В верхней части тулова сосуда изображены фигуры быков (или оленей с бычьими рогами) в позе с подогнутыми ногами, под которыми идет полоса с рядом цветов. Двумя рядами ниже располагаются «цветы» в виде нарисованных точками кругов с точкой внутри. Под цветами изображены такие же, как на горловине сосуда, бычьи головы, разделенные точками. Ниже голов проведена полоса, орнаментированная рядом стилизованных цветов, под полосой проведена линия (рис. 4).

Рыбы

При раскопках памятника Телль Кашкашок, представляющего собой группу из четырех холмов, расположенных примерно в 20 км к северо-западу от сирийского города Эль-Хасака [24, p. 2; 25, c. 28], обнаружен фрагмент глиняной посуды желтого цвета, на котором изображена рыба с круглым глазом со зрачком в виде черной точки. Туловище рыбы окрашено в красный цвет и обведено черным контуром [23, c. 173], рот рыбы открыт (рис. 5).

На памятнике Телль Халула был найден обломок керамического сосуда с нанесенными черной краской изображениями двух рыб, который датируется эпохой среднего халафа [26, p. 167]. Хотелось бы отметить, что при изображении одной из рыб художник точно показал детали туловища: нарисовал передние и задние плавники и хвост, однако он не изобразил таких деталей головы, как глаза и рот. Художник мастерски передал динамику движения туловища плывущей рыбы. Это свидетельствует о том, что художник нарисовал рыбу на керамическом сосуде после того, как наблюдал ее в воде. Другая рыба изображена не полностью, она нарисована так же, как первая рыба, в динамике, но не сохранилось изображение ее головы, только передние и задние плавники, хвост (рис. 6).

Олень

На Телль Кашкашок был найден обломок керамики, на котором запечатлен фрагмент ряда следующих друг за другом вправо профильных фигур животных семейства оленевых. Изображение переднего оленя уцелело почти полностью, его голова увенчана длинными извилистыми рогами, детали морды не прорисованы. Шея и спина оленя выпрямлены, живот очерчен ровной линией, хвост опущен. Положение ног указывает на то, что животное движется или готовится двинуться с места. От следующего оленя сохранились лишь

Рис. 4. Керамический сосуд с изображениями бычьих голов и оленей, Телль Халаф [18, p. 139, fig. 1]

Fig. 4. Pottery with bull and deer heads, Tell Halaf [18, p. 139, fig. 1]

Рис. 5. Фрагмент керамического сосуда с изображением рыбьей головы, Телль Кашкашок [23, c. 173; 9, c. 81]

Fig. 5. Pottery fragment with a fish head, Tell Kashkashok [23, p. 173; 9, p. 81]

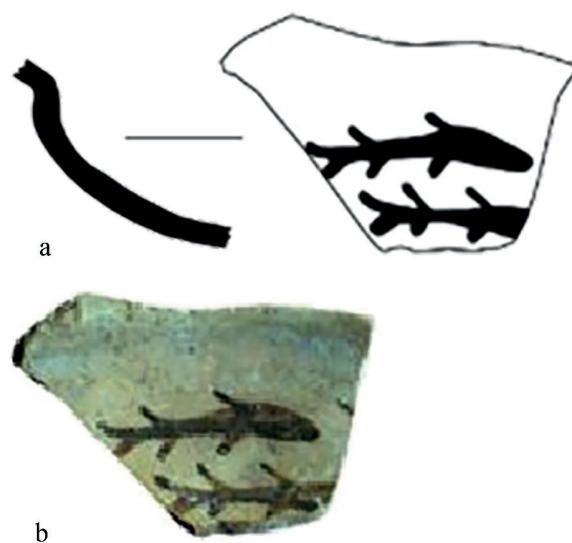

Рис. 6. Мотив рыбы в орнаменте фрагмента чаши, переходный этап халафа, Телль Халула: а [26, Lámina 15, THL 1165, p. 168]; б [26, Lámina 31, THL 1165, p. 200]

Fig. 6. Pottery fragment with fish ornament, transitional Halaf, Tell Halula: a [26, Lámina 15, THL 1165, p. 168]; b [26, Lámina 31, THL 1165, p. 200]

шея, голова и длинные рога, от последнего – только рога [23]. Внешние контуры силуэтов оленей окрашены в красный цвет, тогда как внутренние линии – черные (рис. 7).

Рис. 7. Фрагмент керамики с изображением фигур оленей, Телль Кашкашок [23, с. 173]
Fig. 7. Pottery fragment with deer, Tell Kashkashok [23, p. 173]

Орнаментированная керамика обнаружена на памятнике Телль Амарна, который расположен примерно в 8 км к югу от Джерабулуса и впервые был раскопан в 1914 г. под руководством Л. Вулли [27, р. 1; 28, р. 95]. Потом раскопки были продолжены в 1990-х гг. под руководством Ö. Тунча. В. Круэллс датирует керамику Телль Амарна средним и поздним халафом [27, р. 1, 8]. Изображения на керамике представлены растительными мотивами, в том числе цветочными, головами быков, оленями, а также деревьями и фигурами людей.

На этом памятнике был найден обломок керамического сосуда, датируемый эпохой среднего халафа [18, р. 158]. На нем нарисована группа из пяти оленей черного цвета. Изображение покрывало всю поверхность сосуда.

Рис. 8. Фрагмент керамического сосуда с изображением группы оленей, Телль Амарна, этап среднего халафа [18, р. 159, fig. 72, 14(b)]
Fig. 8. Pottery fragment with a group of deer, Tell Amarna, Middle Halaf [18, p. 159, fig. 72, 14(b)]

Заклученные в медальон оленя показаны движущимися по кругу. Полностью сохранились изображения одного из оленей, идущего по кругу, и маленькой фигурки в центре медальона. Длинные, слегка изогнутые рога оленя обращены назад, а ноги находятся в вертикальном положении. Фигура оленя в центре медальона меньше других. Фигуры еще трех оленей сохранились частично: от одного остались туловище с ногами, от другого – только голова без рогов, передняя часть туловища с ногами и часть задних ног, от последнего – только пара ног (рис. 8).

Памятник Телль Брак расположен к западу от реки Джаг-Джаг, притока реки Хабур [29, с. 6; 30, с. 9; 31, с. 13], в 40 км от сирийского города Эль-Хасака². Первые раскопки на памятнике были проведены в 1937–1938 гг., а потом продолжены под руководством Д. Отс и Дж. Отс в 1976 г. [29, с. 6]. С 2006 по 2011 г. памятник раскапывала Агуста Мак Махон (Augusta McMahon). Т. Дэвидсон соотносит халафскую керамику Телль Брак с поздним халафом и переходным периодом Халаф-Убейд [16, р. 158–159]. В декоре керамики с этого памятника встречаются цветы, животные (быки, оленя) и птицы.

На обломке керамического сосуда, который был найден в Телль Браке, нарисован неподвижно стоящий олень (рис. 9). Верхняя линия контура фигуры, которая также обрисовывает рога, уши и сохранившуюся часть морды, отличается толщиной. Следует отметить наличие у оленя глаз. Художник подчеркнул хвост и ноги. Хвост изображен коротким и направленным вверх, возможно, это является признаком определенного вида оленей, который существовал в районе памятника в то время. Олень заключен в медальон из двух полос, внешняя из которых украшена зигзагообразным орнаментом [32].

Рис. 9. Изображение оленя на фрагменте сосуда, Телль Брак [32, Plate LXXX.14]

Fig. 9. Pottery fragment with a deer, Tell Brak [32, Plate LXXX.14]

² براك (تل) [Brak (Tell)] // Arab encyclopedia. Режим доступа: <http://arab-ency.com.sy/artifacts/detail/166272> (дата обращения: 04.03.2021).

Птицы

На памятнике Телль Буэйд, который находится на правом берегу реки Хабур [33, р. 55], в ее среднем течении, напротив памятника Умм-Ксайр, расположенного на левом берегу реки [34, р. 4], был найден керамический сосуд с изображением птицы с длинной шеей и широким хвостом [35, р. 87]. Кроме того, на памятнике Телль Брак обнаружили фрагмент сосуда, на котором нарисована длинношеяя птица с круглой головой (рис. 10). Ее тело окрашено в коричневый цвет, а пробелами обозначены перья [9, с. 68].

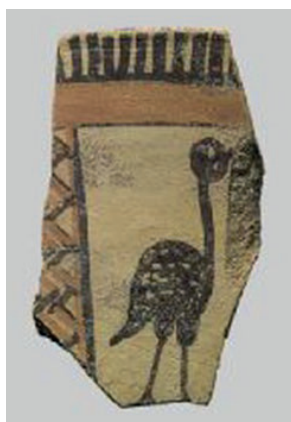

Рис. 10. Фрагмент керамического сосуда с изображением птицы, Телль Брак [9, с. 82]
Fig. 10. Pottery fragment with a bird, Tell Brak [9, p. 82]

На Телль Брак был найден обломок керамики, на котором нарисованы четыре птицы, внешне похожие на страуса (*Ostrich*). Профильные изображения двух птиц идентичны практически полностью: овальная голова, черной точкой обозначен глаз, длинный клюв. Отметим, что художник нарисовал перья на теле в виде решетчатого орнамента. Ноги – длинные, заканчивающиеся тремя пальцами. Изображение двух других птиц сохранилось частично – только головы, аналогичные головам двух первых птиц. Птицы с обеих сторон ограничены двумя вертикальными параллельными линиями и двумя горизонтальными параллельными линиями сверху, которые

Рис. 11. Птицы в декоре керамического сосуда, Телль Брак, переходный период Халаф-Убейд [32, Plate LXXX.17]
Fig. 11. Birds on bowl pottery, Tell Brak, Halaf-Ubaid Transitional period [32, Plate LXXX.17]

толще боковых. По обе стороны вертикальных параллельных линий нанесены ряды вертикальных зигзагообразных линий. Очевидно, художник пытался комбинировать изображения, сочетая геометрические и зооморфные рисунки в декоре одного сосуда (рис. 11).

Изображения людей

Памятник Телль Саби Абьяд, расположенный в долине Вади Эль-Балих [36, р. 25], состоит из четырех холмов и находится примерно в 30 км к югу от сирийско-турецкой границы и в 80 км к северу от города Ракка [37, р. 5; 38, р. 65]. Телль Саби Абьяд датируется доисторическим временем, археологические работы на нем были начаты в 1986 г. голландской экспедицией, возглавляемой профессором М. Ван Лоном, продолжены под руководством П. Аккерманса и осуществлялись вплоть до 2010 г.

На этом памятнике был найден обломок раннехалафской керамики, на котором изображены две антропоморфные фигуры [39, р. 18, fig. 40]. Они стоят друг за другом и, возможно, облачены в обрядовые одеяния, что наводит на мысль, что это участники какого-то ритуала. Оба персонажа изображены с несколько согнутыми в коленях ногами, их туловища, лишённые каких бы то ни было деталей, заканчиваются подобием хвоста. За спиной каждого из них изображена треугольная деталь, от которой отходят линии, напоминающие бахрому или стилизованное птичье крыло. В руках показано нечто наподобие лука. От третьей фигуры сохранились только ноги. Их положение указывает на то, что персонаж двигался в противоположном направлении (рис. 12).

На памятнике Телль Саби Абьяд был найден фрагмент раннехалафской керамики, на гладкой оранжевой поверхности которого блестящей черной краской изображены три следующие друг за другом антропоморфные фигуры [40, р. 166]. Сохранилось изображение двух антропоморфных фигур по пояс и фрагмент причёски третьего человека. Головы персонажей показаны в профиль,

Рис. 12. Керамический черепок с изображением антропоморфных фигур, Телль Саби Абьяд [39, fig. 40, р. 18]
Fig. 12. Pottery fragment with anthropomorphic figures, Tell Sabi Abyad [39, fig. 40, p. 18]

туловища – в анфас. Головы вертикально удлинены или вследствие деформации самой головы, или таким способом передана сложная высокая прическа с длинными прядями волос сзади. Левая рука каждого персонажа согнута в локте под острым углом и показана перед торсом, правая согнута под углом, близким к прямому, и пересекает торс. Художник абстрактно изобразил человеческие фигуры без передачи реальных черт (рис. 13).

Рис. 13. Антропоморфные персонажи, Телль Сабь Абьяд, ранний Халаф [40, fig. IV.43.349, p. 210]

Fig. 13. Anthropomorphic figures, Tell Sabi Abyad, Early Halaf [40, fig. IV.43.349, p. 210]

На памятнике Телль Халула был найден фрагмент керамики, датирующийся прехалафским периодом, предшествующим раннему халафу. На фрагменте черной краской изображен человек. Сохранилось изображение верхней части фигуры, так же как на охарактеризованном фрагменте рис. 13, голова персонажа показана в профиль, тело – в анфас. Прическа состоит из нескольких длинных прядей, выгнутых дугообразно. Голова воспроизведена более реалистично. Детализирован глаз в виде незакрашенного кружка (рис. 14).

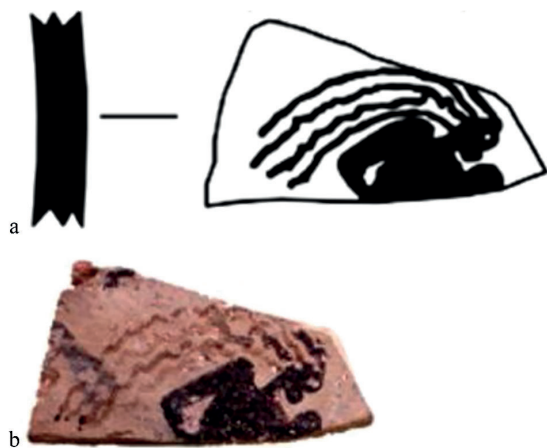

Рис. 14. Изображение человека, Телль Халула, прехалафский период: a [26, Lámina 15.THL 1071]; b [26, Lámina 31.THL 1071]

Fig. 14. Anthropomorphic image, Tell Halula, Pre-Halaf period: a [26, Lámina 15.THL 1071]; b [26, Lámina 31.THL 1071]

Заключение

Рисунки на керамических сосудах, созданные в период халафской культуры, а также в предшествующие периоды, отличаются значительным разнообразием. Начиная с докерамического неолита А, древний художник изображал черепа быков, чтобы выразить свое благоговение перед этим животным, примером чему служат находки из сирийского памятника Мурейбит [9, ص 71].

На раннехалафском этапе изображения наносились на керамические сосуды с широким и открытым насадком. В свою очередь, в среднехалафский период рисунки можно встретить на посуде самой разнообразной формы, к примеру, горшках, чашках и сосудах с длинными и высокими основаниями. Изображения, будь то геометрические формы, фигуры людей или животных, помещались на наружной поверхности сосуда. Для позднехалафской орнаментации свойственно изображение бычьих рогов в дополнение к центральному украшению, таким как роза или крест, а также использование нескольких цветов, таких как красный, белый и коричневый, на оранжевом фоне.

Данные представленного исследования свидетельствуют о том, что художник халафской эпохи избегал детализации фигур животных, за исключением изображения рогов, которые символизируют силу и мужественность. Наличие изображений быка в окружении черных точек, аналогичных звездам, как в случае керамики из Телль Юнус, указывает на особое почитание этого животного и его обожествление или некую связь с небом.

Можно предположить, что изображения оленей символизировали обновление жизни, поскольку это животное теряет рога зимой, чтобы затем вырастить новые, более впечатляющие и ветвистые. Помимо того, олень был одним из животных, на которых интенсивно охотился доисторический человек, люди ценили оленей как важный источник пищи.

Распространенность изображений рыб обусловлена их важной ролью в рационе носителей халафской культуры. Археологические памятники, на которых были найдены керамические сосуды, украшенные подобными рисунками, находятся на реке Евфрат и ее притоках, богатых рыбными ресурсами.

По мнению М. Аль-Хайек, до халафской эпохи птиц вовсе не изображали на керамике [9, ص 73]. Впоследствии художники стали изображать рябков (*Pterocles*), внешне похожих на страуса (*Ostrich*), но отличающихся размерами. Эти птицы до сих пор гнездятся в районе сирийского Евфрата. На большинстве рисунков птицы запечатлены стоящими, поскольку рябки чаще перемещаются по земле, чем летают.

Число изображений человека в соответствующий период невелико. При этом характерно отсутствие сцен, в которых люди и животные были бы запечатлены вместе. Кроме того, художник схематично воспроизводил облик персонажей. Тем не менее изображения, подобные найденному на памятнике Телль Сабь Абьяд, отличаются динамикой, отражая человеческую деятельность.

Рассмотрев ряд примеров изображений животных и людей на халафской керамике, мы можем заключить, что древний человек рисовал животных на используемых в быту керамических сосудах из благоговения или страха перед ними. Как бы то ни было, подобные сюжеты свидетельствуют о взаимодействии между людьми и животными,

а также об их тесной связи с окружающей природой – основным источником продолжения жизни.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Oppenheim M. F. von, Schmidt H. Tell Halaf. Bd. I. Die prähistorische Funde. Berlin: Walterde Gruyter & Co., 1943. 140 p.
2. Bach A. G., Cruells W., Molist M. Sharing spheres of interaction in the 6th millennium cal. BC: Halaf communities and beyond // *Paléorient*. 2016. Vol. 42. № 2. P. 117–133.
3. Nieuwenhuys O. P. Globalizing the Halaf // *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization* / ed. T. Hodos. N. Y.: Routledge, 2017. P. 839–854.
4. محيسن. سلطان. 2006. عصور ما قبل التاريخ. منشورات جامعة دمشق. 464 ص
5. توم. جمال. 2011. الجذور ما قبل التاريخية للحضارات التاريخية البكرة في المشرق العربي القديم. دمشق. 368 ص
6. Becker J. Tell Halaf: new results on the Late Neolithic period in Northeastern Syria // *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia* / eds. O. P. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P. M. M. G. Akkermans, J. Rogasch. Turnhout: Brepols Publisher, 2013. P. 455–466.
7. Амиров Ш. Н. Халафская культура Северной Месопотамии в свете современных исследований // *Восток (Oriens)*. 2019. № 6. С. 6–22. <https://doi.org/10.31857/S086919080007226-5>
8. Мунчаев Р. М. К истории российских археологических исследований в Месопотамии // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2009. № 1. С. 54–63.
9. الحايك مي. الرسوم الإنسانية والحيوانية على الأواني الفخارية في سورية خلال عصري النيوليت والكالكوليت // *مجلة دراسات تاريخية*. 2014. العدد 126–125. (ص: 91–59)
10. Nieuwenhuys O. P. The social uses of decorated ceramics in Late Neolithic Upper Mesopotamia // *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia* / eds. O. P. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P. M. M. G. Akkermans, J. Rogasch. Turnhout: Brepols Publisher, 2013. P. 135–145.
11. Nieuwenhuys O. P. The 'Painted Pottery Revolution': emulation, ceramic innovation and the Early Halaf in Northern Syria // *Méthodes d'approche des premières productions céramiques: étude de cas dans les Balkans et au Levant: table-ronde de la Maison de l'Archéologie et de l'Ethnologie* (Nanterre, France, 28 février 2006). Leidorf: Rahden/Westf, 2009. P. 81–91.
12. İpek B. Halaf Kültürünün Yukarı Dicle Bölgesi'ndeki Dağılımı // *İlkçağlardan Osmanlıya Diyarbakır* / eds. İ. Özcoşar, A. Karakaş, M. Öztürk, Z. Polat. İstanbul: Ensar Neşriyat. 2018. P. 29–51.
13. Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early agricultural settlements in the Sinjar Plain, northern Iraq // *Iraq*. 1973. Vol. 35. № 2. P. 93–113. <https://doi.org/10.2307/4199958>
14. Merpert N. Y., Munchaev R. M. Yarım Tepe II: The Halaf Levels // *Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq* / eds. N. Yoffee, J. J. Clark. Tucson: The University of Arizona Press, 1993. P. 129–162.
15. Nieuwenhuys O. Halaf Settlement in the Khabur Headwaters // *Prospection Archéologique Haut-Khabur Occidental (Syrie du N. E.)* / ed. B. Lyonnet. Beirut: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient [IFAO], 2000. Vol. 1. P. 151–260
16. Davidson T. E. Regional variation within the Halaf ceramic tradition: unpublished PhD thesis. University of Edinburgh, 1977. 534 p.
17. Woolley C. L. The Prehistoric pottery of Carchemish // *Iraq*. 1934. Vol. 1. № 2. P. 146–162. <https://doi.org/10.2307/4241569>
18. İpek B. Figural motifs on Halaf pottery: an iconographical study of late neolithic society in Northern Mesopotamia: master's thesis. Bilkent University, 2019. 181 p.
19. Hole F. Constrained innovation: Halafian ceramics // *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia* / eds. O. P. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P. M. M. G. Akkermans, J. Rogasch. Turnhout: Brepols Publisher, 2013. P. 77–87.
20. Taha B., Molist M., Sidéra I. Tell Halula, Syria: Pre-Pottery Neolithic, Pre-Halaf and Halaf bone objects. From technology to typology // *Paléorient*. 2017. Vol. 43. № 2. P. 53–67.
21. Estébaranz F., Martínez L. M., Anfruns J., Pérez-Pérez A. Tell Halula (Syria), seasons 1992–2005 // *Bioarchaeology of the Near East*. 2007. Vol. 1. P. 65–67.
22. Molist M., Anfruns J., Bofill M., Borrell F., Buxó R., Clop X., Cruells M., Faura J. M., Ferrer A., Gomez A., Guerrero E., Sana M., Tornero C., Vicente O. Tell Halula (Euphrates Valley, Syria): New Data from the Late Neolithic Settlement // *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia* / eds. O. P. Nieuwenhuys, R. Bernbeck, P. M. M. G. Akkermans, J. Rogasch. Turnhout: Brepols Publisher, 2013. P. 443–453.

23. فورتان ميشيل. سورية أرض الحضارات. دمشق: مطابع وزارة الثقافة, 2012. 337 ص.
24. Nishiaki Y. The Late Halafian lithic industry of Tell Kashkashok I, the Upper Khabur, Syria // *Orient*. 2018. Vol. 53. P. 1–21.
25. Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н., Сулейман А. Поселения Телль Хазна I и Кашкашок III в Северо-Восточной Сирии – сравнительный анализ // *Российская археология*. 2011. № 2. С. 27–42.
26. Cruells W. La cerámica Halaf en Tell Halula (VII y VI milenios cal BC). Orígenes y desarrollo // *Tell Halula: un poblado de los primeros agricultores en el valle del Éufrates, Siria* / eds. M. Molist, M. M. Montaña. Madrid: Ministerio de Educación, Cultura y Deporte. 2013. T. II. P. 59–211.
27. Cruells W. The Halaf Levels of Tell Amarna (Syria). First preliminary report // *Akkadica*. 1998. № 106. P. 1–21.
28. Cruells W. Nouvelles données sur les origines et le développement de la céramique Halaf en Syrie // *Méthodes d'approche des premières productions céramiques: étude de cas dans les Balkans et au Levant: table-ronde de la Maison de l'Archéologie et de l'Ethnologie* (Nanterre, France, 28 février 2006). Leidorf: Rahden/Westf, 2009. P. 93–103.
29. Амиров Ш. Н. Северо-Восточная Сирия в IV – первой половине III тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2006. 42 с.
30. Багду А. История археологического изучения Северо-Восточной Сирии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 30 с.
31. Амиров Ш. Н. Хабурская степь Северной Месопотамии в IV – первой половине III тыс. до н. э. М.: ТАУС, 2010. 412 с.
32. Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar // *Iraq*. 1947. Vol. 9. 259 p.
33. Cruells W., Nieuwenhuys O. The Proto-Halaf period in Syria. New sites, new data // *Paléorient*. 2004. Vol. 30. № 1. P. 47–68.
34. Akahane S. landforms and geology // *Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria* / eds. A. Tsuneki, Y. Miyake. Tsukuba: Tsukuba University, 1998. P. 4–13.
35. Cruells Banjo W. Orígens, emergència i desenvolupament de la ceràmica Halaf a Síria: Unpublished PhD. Universitat Autònoma de Barcelona, 2005. 590 p.
36. Akkermans P. M., Schwartz G. M. The Archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 467 p.
37. Akkermans P. M. M. G., Verhoeven M. An image of complexity: the Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria // *American Journal of Archaeology*. 1995. Vol. 99. № 1. P. 5–32.
38. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad (Raqqa) // *A History of Syria in One Hundred Sites* / eds. Y. Kanjou, A. Tsuneki. Oxford: Archaeopress Publishing LTD, 2016. P. 65–68.
39. Akkermans P. M. M. G., Le Miere M. The 1988 excavations at Tell Sabi Abyad, a later Neolithic village in northern Syria // *American Journal of Archaeology*. 1992. Vol. 96. № 1. P. 1–22.
40. Excavations at Tell Sabi Abyad – prehistoric investigations in the Balikh Valley, Northern Syria / ed. P. M. M. G. Akkermans. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1989. 386 p.

original article

Images on Halaf Pottery from Syria

Fadel Majar

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-5656-8469>; fadel.rf987@gmail.com

Received 26 Jun 2021. Accepted after peer review 6 Oct 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: Pottery marked the advent of the agricultural revolution, transition to sedentary life, and a new era of intellectual development. Man used pottery to communicate important ideas in symbolic form. This article presents examples of ancient art, in particular, zoomorphic and anthropomorphic images on pottery. The research featured ceramic vessels found at the archaeological sites of Halaf culture in Syria. The research objective was to interpret their meaning using various descriptive and analytical methods. The author believes that the ancient potter used animal images out of reverence or fear. Animal images on pottery point at the close interaction between people, animals, and nature.

Keywords: Neolithic, painted ceramics, zoomorphic image, anthropomorphic image, image interpretation

Citation: Majar F. Images on Halaf Pottery from Syria. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 855–864. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-855-864>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Oppenheim M. F. von, Schmidt H. *Tell Halaf. Bd. I. Die prähistorische Funde*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1943, 140.
2. Bach A. G., Cruells W., Molist M. Sharing spheres of interaction in the 6th millennium cal. BC: Halaf communities and beyond. *Paléorient*, 2016, 42(2): 117–133.
3. Nieuwenhuyse O. P. Globalizing the Halaf. *The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization*, ed. Hodos T. N. Y.: Routledge, 2017, 839–854.
4. Mukhaisen S. *Prehistoric eras*. Damascus University Publications, 2006, 464. (In Arab.)
5. Tammam D. *Prehistoric roots of early historical civilizations in the Ancient Arab East*. Damascus, 2011, 368. (In Arab.)
6. Becker J. Tell Halaf: new results on the Late Neolithic period in Northeastern Syria. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia*, eds. Nieuwenhuyse O. P., Bernbeck R., Akkermans P. M. M. G., Rogasch J. Turnhout: Brepols Publisher, 2013, 455–466.
7. Amirov Sh. N. Modern approaches to the research of Halaf Culture (Northern Mesopotamia). *Vostok (Oriens)*, 2019, (6): 6–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086919080007226-5>
8. Munchaev R. M. The history of Russian archaeological research in Mesopotamia. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*, 2009, (1): 54–63. (In Russ.)
9. Al-Hayek M. Human and animal drawings on pottery in Syria during the Neolithic and Chalcolithic eras. *Historical research journal*, 2014, (125–126): 59–91. (In Arab.)
10. Nieuwenhuyse O. P. The social uses of decorated ceramics in Late Neolithic Upper Mesopotamia. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia*, eds. Nieuwenhuyse O. P., Bernbeck R., Akkermans P. M. M. G., Rogasch J. Turnhout: Brepols Publisher, 2013, 135–145.
11. Nieuwenhuyse O. P. The 'Painted Pottery Revolution': emulation, ceramic innovation and the Early Halaf in Northern Syria. *Méthodes d'approche des premières productions céramiques: étude de cas dans les Balkans et au Levant: table-ronde de la Maison de l'Archéologie et de l'Ethnologie*, Nanterre, France, 28 février 2006. Leidorf: Rahden/Westf., 2009, 81–91.
12. İpek B. Distribution of Halaf Culture in the Upper Tigris Region. *From Antiquity to the Ottoman Empire, Diyarbakir*, eds. Özcoşar İ., Karakaş A., Öztürk M., Polat Z. İstanbul: Ensar Neşriyat, 2018, 29–51. (In Turk.)
13. Merpert N. Y., Munchaev R. M. Early agricultural settlements in the Sinjar Plain, northern Iraq. *Iraq*, 1973, 35(2): 93–113. <https://doi.org/10.2307/4199958>
14. Merpert N. Y., Munchaev R. M. Yarım Tepe II: The Halaf Levels. *Early stages in the evolution of Mesopotamian civilization: Soviet excavations in Northern Iraq*, eds. Yoffee N., Clark J. J. Tucson: The University of Arizona Press, 1993, 129–162.
15. Nieuwenhuyse O. Halaf Settlement in the Khabur Headwaters. *Prospection Archéologique Haut-Khabur Occidental (Syrie du N. E.)*, ed. Lyonnet B. Beirut: Institut Français d'Archéologie du Proche-Orient [IFAPO], 2000, vol. 1, 51–260.
16. Davidson T. E. *Regional variation within the Halaf ceramic tradition*. Unpublished PhD thesis. University of Edinburgh, 1977, 534.
17. Woolley C. L. The Prehistoric pottery of Carchemish. *Iraq*, 1934, 1(2): 146–162. <https://doi.org/10.2307/4241569>
18. İpek B. *Figural motifs on Halaf pottery: an iconographical study of late neolithic society in Northern Mesopotamia*. Master's thesis. Bilkent University, 2019, 181.
19. Hole F. Constrained innovation: Halafian ceramics. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia*, eds. Nieuwenhuyse O. P., Bernbeck R., Akkermans P. M. M. G., Rogasch J. Turnhout: Brepols Publisher, 2013, 77–87.
20. Taha B., Molist M., Sidéra I. Tell Halula, Syria: Pre-Pottery Neolithic, Pre-Halaf and Halaf bone objects. From technology to typology. *Paléorient*, 2017, 43(2): 53–67.
21. Estébaranz F., Martínez L. M., Anfruns J., Pérez-Pérez A. Tell Halula (Syria), seasons 1992–2005. *Bioarchaeology of the Near East*, 2007, 1: 65–67.
22. Molist M., Anfruns J., Bofill M., Borrell F., Buxó R., Clop X., Cruells M., Faura J. M., Ferrer A., Gomez A., Guerrero E., Sana M., Tornero C., Vicente O. Tell Halula (Euphrates Valley, Syria): New Data from the Late Neolithic Settlement. *Interpreting the Late Neolithic of Upper Mesopotamia*, eds. Nieuwenhuyse O. P., Bernbeck R., Akkermans P. M. M. G., Rogasch J. Turnhout: Brepols Publisher, 2013, 443–453.
23. Fortan M. *Syria is the land of civilizations*. Damascus: Ministry of Culture Press, 2012, 337. (In Arab.)
24. Nishiaki Y. The Late Halafian lithic industry of Tell Kashkashok I, the Upper Khabur, Syria. *Orient*, 2018, 53: 1–21.
25. Munchaev R. M., Amirov Sh. N., Suleiman A. The settlements Tell Hazna I and Kashkashok III in Northeastern Syria: a comparative analysis. *Russian Archaeology*, 2011, (2): 27–42. (In Russ.)

26. Cruells W. La cerámica Halaf en Tell Halula (VII y VI milenios cal BC). Orígenes y desarrollo. *Tell Halula: un poblado de los primeros agricultores en el valle del Éufrates, Siria*, eds. Molist M., Montaña M. M. Madrid: Ministerio de Educación, Cultura y Deporte, 2013, vol. II, 59–211.
27. Cruells W. The Halaf Levels of Tell Amarna (Syria). First preliminary report. *Akkadica*, 1998, (106): 1–21.
28. Cruells W. Nouvelles données sur les origines et le développement de la céramique Halaf en Syrie. *Méthodes d'approche des premières productions céramiques: étude de cas dans les Balkans et au Levant: table-ronde de la Maison de l'Archéologie et de l'Ethnologie*, Nanterre, France, 28 février 2006. Leidorf: Rahden/Westf, 2009, 93–103.
29. Amirov Sh. N. Northeastern Syria in IV – first half of the III millennium BC. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 42. (In Russ.)
30. Bagdu A. *The history of archaeological study of the North-Eastern Syria*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2009, 30. (In Russ.)
31. Amirov Sh. N. *Habur steppe of the Northern Mesopotamia in the IV – first half of the III millennia B. C.* Moscow: TAUS, 2010, 412. (In Russ.)
32. Mallowan M. E. L. Excavations at Brak and Chagar Bazar. *Iraq*, 1947, 9: 259.
33. Cruells W., Nieuwenhuys O. The Proto-Halaf period in Syria. New sites, new data. *Paléorient*, 2004, 30(1): 47–68.
34. Akahane S. landforms and geology. *Excavations at Tell Umm Qseir in Middle Khabur Valley, North Syria*, eds. Tsuneki A., Miyake Y. Tsukuba: Tsukuba University, 1998, 4–13.
35. Cruells Banzo W. *Orígens, emergència i desenvolupament de la ceràmica Halaf a Síria*. Unpublished PhD. Universitat Autònoma de Barcelona, 2005, 590.
36. Akkermans P. M., Schwartz G. M. *The Archaeology of Syria: from complex hunter-gatherers to early urban societies (c. 16,000–300 BC)*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003, 467.
37. Akkermans P. M. M. G., Verhoeven M. An image of complexity: the Burnt Village at Late Neolithic Sabi Abyad, Syria. *American Journal of Archaeology*, 1995, 99(1): 5–32.
38. Akkermans P. M. M. G. Tell Sabi Abyad (Raqqā). *A History of Syria in One Hundred Sites*, eds. Kanjou Y., Tsuneki A. Oxford: Archaeopress Publishing LTD, 2016, 65–68.
39. Akkermans P. M. M. G., Le Miere M. The 1988 excavations at Tell Sabi Abyad, a later Neolithic village in northern Syria. *American Journal of Archaeology*, 1992, 96(1): 1–22.
40. *Excavations at Tell Sabi Abyad – prehistoric investigations in the Balikh Valley, Northern Syria*, ed. Akkermans P. M. M. G. Oxford: British Archaeological Reports International Series, 1989, 386.

оригинальная статья

Научная деятельность ученого-востоковеда А. А. Семенова в составе Туркомстариса и Средазкомстариса (1921–1928 гг.)

Гульнара Ермаковна Мамаева

Университет имени Шакарима города Семей, Республика Казахстан, г. Семей; elmira_77777@mail.ru

Поступила в редакцию 17.08.2021. Принята после рецензирования 01.10.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: В статье рассматривается научно-исследовательская деятельность выдающегося ученого-востоковеда Александра Александровича Семенова (1873–1959 гг.) в составе Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, 1921–1925) и Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис, 1925–1928). Приводятся данные из научных статей А. А. Семенова, опубликованных в 1926 и 1928 гг., в первом и третьем выпусках «Известий Средне-Азиатского Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы», изданных по итогам археологических экспедиций. В работе имеются ценные сведения и факты из статей профессора А. М. Миронова и председателя Средазкомстариса Д. И. Нечкина, в которых излагается история создания комитетов. Отмечены заслуги замечательных преподавателей Лазаревского института В. Ф. Миллера (русский ученый), Н. Н. Харузина (российский этнограф, историк и археолог, последователь эволюционной школы), Ф. Е. Корша (русский филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик), М. О. Аттая (российский лингвист-востоковед), которые оказали влияние на становление А. А. Семенова как ученого. Приведены факты, свидетельствующие о влиянии В. В. Бартольда (российский и советский востоковед) на формирование научного мировоззрения А. А. Семенова. Определен вклад А. А. Семенова в развитие и становление советского востоковедения, а также в мировую науку.

Ключевые слова: Средняя Азия, Ташкент, экспедиция, архитектурные памятники, исследователь, тюрколог, иранист, культурное наследие, полевые исследования

Цитирование: Мамаева Г. Е. Научная деятельность ученого-востоковеда А. А. Семенова в составе Туркомстариса и Средазкомстариса (1921–1928 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 865–875. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-865-875>

Введение

Государственная политика по охране объектов культурного наследия стала первостепенной с первых дней установления советской власти в Средней Азии. В деле организации комитетов по изучению историко-архитектурных памятников огромную роль сыграли представители русской интеллигенции.

Актуальность исследуемой темы связана с повышенным научным интересом к зарождению и становлению советского востоковедения, широкому размаху исследований прошлого восточных народов.

Цель – определить вклад выдающегося советского востоковеда, специалиста широкого профиля А. А. Семенова (1873–1958 гг.) в развитие культуры и науки республик Средней Азии в годы работы в составе комитетов Туркомстариса и Средазкомстариса. Задачи: 1) изучить основные этапы жизни ученого-востоковеда; 2) рассмотреть факторы, оказавшие влияние на формирование научного мировоззрения А. А. Семенова; 3) исследовать научную деятельность ученого в составе Туркомстариса и Средазкомстариса.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма. В работе использованы общенаучные методы и специальные исторические методы

(сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический и просопографический).

Степень разработанности проблемы. Историография научной деятельности востоковеда А. А. Семенова в составе Туркомстариса и Средазкомстариса имеет определенные научные наработки. В то же время изучаемая тема до сих пор не стала предметом специального изучения, поэтому всю имеющуюся литературу по данной проблеме целесообразно разделить на несколько основных блоков: 1) труды, в которых раскрывается история создания комитетов, а также охарактеризована научно-исследовательская деятельность А. А. Семенова; 2) труды А. А. Семенова, содержащие характеристику археологических экспедиций в составе Туркомстариса и Средазкомстариса; 3) труды ученого В. В. Бартольда, наставника А. А. Семенова.

В первую очередь необходимо отметить статью председателя Туркомстариса (Средазкомстарис) Д. И. Нечкина «Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии» [1] и работу профессора А. М. Миронова «Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (бывшего Туркомстариса) за пятилетие его существования» [2]. Научно-биографический

очерк Б. А. Литвинского и Н. М. Акрамова «Александр Александрович Семенов» раскрывает основные этапы жизни и деятельности А. А. Семенова [3]. Ценный материал содержится в статье Б. В. Лунина «Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис)» [4].

Ко второй группе относятся статьи А. А. Семенова «Мечеть Ходжи-Ахмеда Есевийского в Туркестане» [5], «По Закаспийским развалинам» [6], «Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии» [7].

В третью группу включены труды академика В. В. Бартольда, посвященные комплексному исследованию Средней Азии: «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» [8], «Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии» [9], «Работы по исторической географии» [10] и др.

Некоторые страницы жизни и деятельности выдающегося исследователя А. А. Семенова

Александр Александрович Семенов родился 30 сентября (12 октября) 1873 г. в селе Польное Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии (нынешнего Шацкого района Рязанской области) в купеческой семье, у которой были татарские корни. Поэтому он с детства владел татарским языком, наряду с родным русским [11, с. 43].

После окончания Тамбовского Екатерининского учительского института А. А. Семенов был принят в Лазаревский институт восточных языков в Москве и окончил его в 1900 г. с дипломом первой степени, получив специальность ориенталиста со знанием трех восточных языков [12, с. 241]. Усердно занимаясь всеми тремя языками т. н. мусульманского Востока – арабским, персидским и турецким, А. А. Семенов особенно увлекался двумя последними.

А. А. Семенов учился в специальных классах Лазаревского института в те годы, когда директором института стал крупный ученый В. Ф. Миллер. В одном из трудов, посвященных истории специальных классов, отмечено, что после назначения его директором института в постановку изучения восточных языков был внесен академизм без ущерба для практической подготовки студентов к деятельности на Востоке [3, с. 13–14].

Перед А. А. Семеновым, блестяще закончившим Лазаревский институт, была открыта дорога к научно-преподавательской карьере: его оставляли на кафедре турецкой словесности. Заняться изучением Средней Азии советовали ему и Ф. Е. Корш (русский филолог-классик, славист, востоковед, стиховед, поэт-переводчик) и В. Ф. Миллер, мнение которых для него было решающим. А. А. Семенов отправляется в Асхабад (ныне Ашхабад) [3, с. 30]. В 1902 г. он познакомился с В. В. Бартольдом во время поездки последнего

Александр Александрович Семенов, 1900 г.
Alexander A. Semenov, 1900

в Асхабад [13, с. 50]. Знакомство с крупнейшим русским востоковедом впоследствии перешло в тесную дружбу, продолжавшуюся вплоть до смерти В. В. Бартольда в 1930 г. [3, с. 41]. В. В. Бартольд до конца жизни, по его собственным словам, оставался «преимущественно историком Средней Азии» [8, с. 6].

К концу XIX в. Туркестанское генерал-губернаторство включало в себя области: Сырдарьинскую с центром в Ташкенте, где находилась резиденция генерал-губернатора, Семиреченскую – с центром в г. Верный (ныне Алматы), Ферганскую – с центром в Скобелеве (в настоящее время г. Фергана), Самаркандскую – с центром в Самарканде,

Закаспийскую – с центром в Асхабаде. В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем, в соответствии с ним была существенно ограничена власть генерал-губернатора края, которая переходила под контроль Азиатской части Главного штаба. Исполнительным органом Туркестанского края стала канцелярия Туркестанского генерал-губернатора.

5 мая 1901 г. приказом по Закаспийской области А. А. Семенов был назначен исполняющим обязанности помощника делопроизводителя канцелярии начальника Закаспийской области, а 23 мая ему было поручено заведование статистическим отделом канцелярии [3, с. 32].

Незадолго до приезда А. А. Семенова в Асхабаде был организован Закаспийский кружок любителей археологии и истории Востока. Учредительное заседание состоялось 13 марта 1901 г. А. А. Семенов был принят в члены кружка и активно включился в его работу [3, с. 34]. Александру Александровичу наука обязана и одним из наиболее подробных описаний известной мечети в Анау близ Ашхабада [12, с. 242]. При переводе арабских надписей А. А. Семенов использовал советы и указания арабиста М. О. Аттая [3, с. 54].

А. А. Семенов принял участие в работе американской экспедиции Р. Пампелли, который от археологической комиссии получил открытый лист на проведения раскопок. Экспедиция, которую субсидировал фонд Карнеги, проводила раскопки на Гяур-Кале – древнейшем поселении на территории Мерва, превратившемся в цитадель этого крупнейшего древнего (и средневекового) города. Вторым стационаром экспедиции являлись два холма Анау [3, с. 36].

А. А. Семенов участвовал в работе Асхабадского отделения Общества востоковедения, которое среди прочих мероприятий в сентябре 1903 г. организовало курсы восточных языков с преподаванием туркменского и персидского языков и обычного права туркмен. Персидский язык преподавал А. А. Семенов [1, с. 39–40].

Пятилетнее пребывание в Асхабаде было важным периодом жизни А. А. Семенова. В это время наметились многие

направления его научных интересов, именно тогда появилась серия его работ по этнографии. Важнейшей была книга «Этнографические очерки Зарафшанских (Зеравшанских) гор Каратегина и Дарваза», вышедшая в Москве в 1903 г. Первоначальный замысел книги А. А. Семенов согласовал со своими наставниками по Лазаревскому институту, в предисловии он упоминает М. О. Аттая, Ф. Е. Корша, В. Ф. Миллера, Н. Н. Харузина и Р. Р. Штакельберга (иранист), а также руководителя экспедиции А. А. Бобринского (археолог и этнограф). За труд по этнографии Центральной Азии Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило А. А. Семенову золотую медаль 11 октября 1903 г. [3, с. 41–42].

Летом 1906 г. А. А. Семенова неожиданно для него, как он пишет в автобиографии, перевели в Ташкент и назначили делопроизводителем канцелярии. С этого момента началось его быстрое продвижение по служебной лестнице [3, с. 43].

20 октября 1906 г. Александр Александрович стал действительным членом Туркестанского кружка любителей археологии в Ташкенте. Своими исследованиями он вскоре завоевал авторитет крупного знатока восточных рукописей (преимущественно персидско-таджикских) и выдающегося специалиста по истории ислама, в том числе исмаилитов, в Средней Азии. По словам академика И. Ю. Крачковского, работы А. А. Семенова «ввели в обиход колоссальный материал по исламоведению. Его труды, связанные с разработкой среднеазиатских рукописей, в частности арабских, занимают у нас совершенно исключительное место» [цит. по: 12, с. 241–242]. Ученый внес вклад в научное описание восточных рукописей из собраний русского историка-востоковеда В. В. Вельяминова-Зернова.

Важный вклад А. А. Семенов внес и в создание «Туркестанского сборника». В 1867 г. известный русский библиограф В. И. Межов на средства, выделенные туркестанским генерал-губернатором К. П. Кауфманом, начал гигантскую работу: подбор книг, брошюр, статей (на русском и иностранных языках) по Средней Азии и сопредельным странам. Этот материал переплетался в тома одинакового формата и направлялся в Туркестанскую публичную библиотеку. В. И. Межов составил 416 томов, затем после длительного перерыва работа была продолжена, но уже не в Петербурге (как при В. И. Межове), а в Ташкенте. В этом капитальном собрании печатных материалов А. А. Семенову принадлежит составление 48 последних томов. Эту работу он осуществил за пятилетие с 1911 по 1916 г. [3, с. 58–59].

Затем началась Первая мировая война. Как пишет А. А. Семенов, «мобилизация всех военных, из которых в подавляющем большинстве комплектовались кадры местных правительственных лиц по управлению краем, оставила много мест пустыми, которые приходилось замещать разными лицами случайного порядка. При таком положении вещей [я] был назначен исполняющим обязанности помощника военного губернатора Самаркандской

области (в августе 1916 г.), а после революции был утвержден Временным правительством заведующим продовольствием в Самаркандской области. В конце апреля 1917 года получил четырехмесячный отпуск, во время которого был назначен советником при Российском резидентстве в Бухаре..., я фактически исполнял дела заведующего туземной канцелярией при Российском резидентстве и обязанности первого драгомана» [3, с. 43–44]. А. А. Семенов дослужился до чина статского советника, был награжден многими орденами и медалями.

А. А. Семенов занимал определенное положение в царской администрации Туркестанского края. Было бы неправильно игнорировать тот факт, что в дореволюционное время А. А. Семенов был винтиком (и совсем не рядовым) того огромного пресса, который создавало царское самодержавие для угнетения населения Средней Азии. А. А. Семенов – царский администратор, занимавший высокие посты в аппарате Туркестанского генерал-губернаторства, но вместе с тем человек, сочувствовавший угнетенным, нередко использовавший свое положение и влияние для проведения гуманных мероприятий [3, с. 43–44].

Итак, выпускник Лазаревского института А. А. Семенов за полтора десятка лет службы в Туркестанском генерал-губернаторстве не только приобрел чиновные звания, ордена и медали, но и стал серьезным ученым. За эти годы он написал около полусотни книг, статей, рецензий, многие из которых заняли почетное место в истории туркестановедения. При этом необходимо подчеркнуть, что занятость служебными делами серьезно мешала научной деятельности А. А. Семенова. Бывали месяцы, когда поток административных дел захлестывал его, и он мог только с грустью думать о своих любимых рукописях, не имея ни сил, ни времени обратиться к научным занятиям. Тем более удивительно, как много он успел сделать, отдавая науке часы досуга, а порой, когда это удавалось, урывая для нее и служебное время. В нем всегда жила бескорыстная и всепоглощающая страсть к востоковедению [3, с. 65–66].

Его научная деятельность началась на рубеже XIX и XX вв. и продолжалась около шестидесяти лет. Свыше 40 лет он жил и работал в условиях советского строя. Он относится к тем ученым, которые олицетворяют преемственность дореволюционной и советской науки. Преподаватель, воспитавший армию востоковедов, ученый, создавший серию работ по истории, филологии, археологии, этнографии, истории искусства среднеазиатских народов, организатор и руководитель нескольких крупных научных коллективов [3, с. 3].

Уже в 1917–1918 гг. Советское государство приняло ряд важных мер в области охраны и изучения археологических памятников. 5 октября 1918 г. было решено провести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещественных памятников старины и искусства. 18 апреля 1919 г. Совнарком утвердил декрет об учреждении Российской Академии истории материальной культуры

(РАИМК), причем слово *истории* было вписано в первоначальный проект самим В. И. Лениным. Эта поправка носила глубоко принципиальный характер, подчеркивая значение археологии как исторической дисциплины. Наряду с РАИМК на местах были созданы научные учреждения, ставившие целью охрану и изучение памятников старины [3, с. 80–81]. В 1920-е гг. А. А. Семенов много и успешно занимался археологией Средней Азии, вопросами охраны археологических памятников.

Научная работа А. А. Семенова в составе Туркомстариса (1921–1925 гг.)

Оценить масштабы деятельности комстарисов в Средней Азии возможно, если ознакомиться с историей их становления. Данные госучреждения занимались изучением, охраной и реставрацией исторических памятников народов Средней Азии [14, с. 37]. Следует отметить, что в XIX в. в России начинает бурно развиваться востоковедение [15, с. 19]. После присоединения Средней Азии к России изучение истории, культуры и быта местного населения начинает занимать важное место в деятельности многих русских исследователей [16, с. 44].

Туркестанская АССР (с 30 апреля 1918 г. по 27 октября 1924 г.) без изменения унаследовала административное деление бывшего Туркестанского генерал-губернаторства в составе пяти областей. В октябре 1920 г. Мангышлакский уезд Закаспийской области (переименованный незадолго до этого в Адаевский) был передан вновь образованной Киргизской АССР (ныне Казахстан). Тогда же была образована Амударьинская область из одноименного отдела Сырдарьинской области. В 1921 г. Закаспийская область была переименована в Туркменскую, в 1922 г. Семиреченская – в Джетысуйскую.

Первым этапом по организации будущего Комитета по делам музеев и охране старины, искусства и природы было издание Центральным исполнительным комитетом советов Туркестанской Республики декрета от 30 января 1920 г. № 191, явившегося результатом предварительной инициативной работы Уполномоченного главархива РСФСР и Туркомиссии (Комиссия ВЦИК по делам Туркестана) Д. И. Нечкина по выяснению необходимости распространить государственную охрану далеко за пределы архивов, в обширную область охраны памятников старины и искусства, имеющих важное государственное научное и художественное значение. Путем обсуждения разнообразных вопросов, относящихся к делу создания этой организации, в неоднократно собиравшихся им совещаниях из научных и общественных деятелей Туркеспублики были подготовлены достаточные материалы для обсуждения в высшем законодательном органе Туркеспублики и издания соответствующего декрета Совнаркома Туркеспублики. Именно такой декрет № 127 «Положение о Комитете при Наркомпросе по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы» и был издан Советом Народных Комиссаров Туркеспублики

от 23 мая 1921 г. [2, с. 19–20]. Комитет являлся государственным учреждением в Туркестане, которое должно было не только сберечь и сохранить культурное наследие, но и показать его значение и роль для науки и культуры [17].

В статье профессора А. М. Миронова излагаются общие положения Комитета и обширный круг его деятельности:

- Ст. 1. Для объединения и управления всем музейным делом и для охраны и реставрации памятников старины, искусства и природы Туркестанской Республики, в составе Народного Комиссариата Просвещения учреждается Комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис).
- Ст. 2. В круг ведения Туркомстариса входят: а) заведование всеми музеями гуманитарными, естественно-историческими и производственными, как центральными, так и областными и местными; б) регистрация всех памятников старины, искусства и природы; в) охрана и регистрация памятников старины, искусства и охраны памятников природы; г) собирание и научная обработка всех материалов, относящихся к задачам Туркомстариса. *Примечание:* 1) в ведение Туркомстариса не входят кабинеты и собрания образцов и пособий при учебных заведениях и производствах, имеющие исключительное значение; 2) приобщение широких масс населения к работам Туркомстариса путем лекций, бесед, экскурсий и т. п. входит в круг ведения Туркестанского политико-просветительского Комитета (Туркполитпросвета).
- Ст. 4. Управление Туркомстариса находится в городе Ташкенте; осуществление же задач на местах производится через органы, учреждаемые им, временные или постоянные Комиссии, а также путем научных экспедиций и посылкой специальных эмиссаров [2, с. 20].

Дальнейшие статьи Положения регламентируют состав и внутреннюю организацию Туркомстариса. Во главе Туркомстариса состоят: председатель и Совет, которому принадлежит научно-техническое руководство всеми делами, входящими в круг ведения Туркомстариса. Вместе с установлением определенной организации Туркомстариса и подробным выявлением его задач декретное «Положение Совнаркома Туркеспублики» устанавливает и важные для жизни и деятельности Комитета права.

Таким образом, со времени опубликования Положения начинается свое существование определенно сконструированный и в своих работах действующий уже не в виде придатка к Центральному Управлению архивным делом, а как самостоятельная сложная организация Комитет по делам музеев и охране памятников старины, искусства и природы Туркестанской Республики (Туркомстарис) [2, с. 21].

Начиная с 1920-х гг. наблюдается оживление организационных дел по изучению и охране памятников архитектуры древних городов Туркестана [18, с. 441]. Для руководящей помощи Комитету в составе РАИМК (Ленинград) была организована комиссия в составе В. В. Бартольда (предсе-

датель), С. Ф. Ольденбурга, Н. К. Бакланова, С. М. Дудина, К. К. Романова, А. П. Удаленкова и др. В. В. Бартольд принадлежала направляющая роль в деятельности Туркомстариса [12, с. 38], он проявлял постоянное внимание и оказывал содействие в деле развертывания археологических работ и охраны памятников на территории Туркестана [9, с. 5]. Только блестящее знание исторической географии позволило ему решительно и навсегда покончить с реакционной теорией постепенного усыхания Средней Азии, отвергавшей возможность ее дальнейшего прогресса [10, с. 5].

Создание Туркомстариса позволило сосредоточить усилия заинтересованных учреждений на решении важнейших задач сохранения и изучения памятников культуры и искусства [19, с. 24]. Во время своего пребывания в Средней Азии в 1920 г. В. В. Бартольд высказал мысль, что представителем РАИМК в Туркомстарисе «мог бы быть научный сотрудник Академии, имеющий постоянное местопребывание в Ташкенте» [3, с. 82–83]. 10 марта 1921 г. А. А. Семенов, являвшийся таким сотрудником, был назначен представителем РАИМК в Туркомстарисе. Внимательно наблюдая за ходом научной работы в Средней Азии, В. В. Бартольд всегда выделял особо способных специалистов и любителей, искренне преданных науке, и создавал благоприятные условия для их работы [20, с. 93].

В эти годы А. А. Семенов начал принимать активное участие в работе среднеазиатских археологических учреждений и часто сам выезжал в различные экспедиции. Так, он был участником Самаркандской экспедиции 1921 г., включавшей председателя Туркомстариса Д. И. Нечкина, инженеров М. Ф. Маурера, Б. Н. Кастальского, а также В. А. Вяткина, архитектора Г. М. Сваричевского и др. Целью экспедиции было решение вопроса об укреплении минарета медресе Улугбека [3, с. 83].

Следует отметить, что собственно раскопками А. А. Семенов никогда не занимался, чисто архитектурные штудии его мало привлекали. Он занимался памятниками архитектуры прежде всего как знаток письменных источников, из которых извлек немало ценнейших сведений о среднеазиатских памятниках зодчества и связанных с ними лицами. Тесно с этим было связано прочтение надписей. Эпиграфика была одним из наиболее любимых занятий А. А. Семенова. Этой области науки ученый посвятил немало специальных работ. Главное место в них обычно занимает не собственно эпиграфический анализ, а издание текста надписи, ее перевод и историко-культурный комментарий [3, с. 150].

Осенью 1922 г. А. А. Семенов вместе с А. Э. Шмидтом (русский и советский арабист, востоковед), Д. И. Нечкиным и инженером С. К. Орловым участвовал в экспедиции «для осмотра и принятия мер к охране и ремонту мечети Ахмеда Ясеви» (Ходжи Ахмеда Ясави) в г. Туркестан [3, с. 83]. Произведенный 4 и 5 ноября 1922 г. осмотр мечети совместно с представителями Туркестанского исполкома и шейхов дал весьма неутешительные результаты, хотя и порадовал тем, что металлические предметы и резные двери оказались

в целости. Из всего здания в удовлетворительном состоянии находилась лишь центральная часть: огромная ханака, где стоит знаменитый котел и проходят разные собрания и кормления пловом по пятницам многочисленных посетителей, усыпальница Ходжи-Ахмеда и помещение, где в настоящее время варят плов [5, с. 125–126]. А. А. Семенов и А. Э. Шмидт в одних случаях осуществили, в других уточнили чтение ряда надписей; в статье А. А. Семенова, посвященной этой поездке, приводятся сведения некоторых письменных источников [3, с. 83].

7 сентября 1920 г. был опубликован декрет Совета народных комиссаров об учреждении в Ташкенте государственного университета. Так завершилась работа по созданию университета в Ташкенте, в которой А. А. Семенов принял самое активное участие; позже, на протяжении двух с половиной десятилетий (если исключить перерывы), он был профессором этого университета.

На историко-филологическом факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ) и в Восточном институте А. А. Семенов в начале 1920-х гг. читал такие курсы: Введение в иранскую филологию, Персидская словесность, Персидская литература, Персидский язык (на старших курсах), История исследования Туркестана, Археология Туркестана [3, с. 75–77]. В 1920–1929 гг. преподавал персидский язык на военных курсах востоковедения (впоследствии Высшая военная школа востоковедения) [3, с. 79–80].

Осуществляя работу в Туркомстарисе, исследователь параллельно принимал активное участие в работе различных обществ. С именем А. А. Семенова связано возникновение еще одной организации, посвятившей свою деятельность археолого-этнографическому изучению Средней Азии. В ноябре 1923 г. А. А. Семенов сообщает В. В. Бартольду, что возникает мысль о возобновлении деятельности археологического кружка в Ташкенте (существующего номинально как секция при Турк. геогр. обществе). Однако кружок как самостоятельное учреждение не возобновил свою работу, его преемником в какой-то мере стала возникшая в 1924 г. секция археологии и этнографии Среднеазиатского отдела Русского географического общества, председателем которой на организационном заседании 21 февраля 1924 г. был избран А. А. Семенов [3, с. 86].

В 1924 г. А. А. Семенов, откликаясь на нужды социалистического строительства, в то время поставившего на повестку дня в Средней Азии национально-территориальное размежевание, опубликовал статью «К проблеме национального размежевания Средней Азии». Статья вполне отвечает своему подзаголовку: она состоит из краткой исторической справки о прошлом Средней Азии, а также некоторых племенных группах.

Помимо Среднеазиатского отдела Русского географического общества, А. А. Семенов участвует в работе ряда других обществ. Например, он не только являлся

членом научно-педагогического общества при САГУ, но и выступал там с докладами.

А. А. Семенов очень тесно был связан с Обществом изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, одним из деятельных членов которого он был. В архивных материалах имеется точная дата организации Общества – 9 января 1925 г, причем указывается, что оно должно состоять «при ЦИК Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики», а «до открытия ЦИК состоит в ведении ревкома ТАССР» [3, с. 88–89]. А. А. Семенов активно участвовал в заседаниях общества, часто выступал с докладами.

Обществом были опубликованы и два издания, подготовленные А. А. Семеновым. Это осуществленный под его руководством перевод описания Катагана и Бадахшана, составленного в 1923 г. афганским чиновником Бурхан-уд-Дином Куштеки. Этот труд содержит в основном сведения географического характера, но в него включено немало этнографических сведений, касающихся населения зарубежного и советского Памира. Второе издание Общества – выполненный самим А. А. Семеновым перевод части одного из сочинений, почти несомненно принадлежащего Насир-и Хосрову, а именно «Ваджих-и дйн» (Рўй-и дйн). Перевод текста А. А. Семенов осуществил по двум ташкентским рукописям и печатному берлинскому изданию 1924 г. Это богословское произведение, которое пользовалось большой популярностью в среде памирских исмаилитов, многократно использовалось в предыдущих исследованиях А. А. Семенова по исмаилизму, он приводил отдельные (иногда обширные) выдержки из него и комментировал их. Но наибольший по объему перевод содержится в рассматриваемой работе «К догматике памирского исмаилизма». Помимо развернутого введения издание снабжено примечаниями, раскрывающими содержание отдельных исмаилитских понятий. Хотя Александр Александрович начал заниматься исмаилизмом еще до революции, именно работы 1920-х гг. стяжали ему славу крупнейшего знатока исмаилизма в стране.

Общество выпустило два сборника – «Туркестан» и «В. В. Бартольд», А. А. Семенов был одним из редакторов [3, с. 90].

В 1925–1926 гг. А. А. Семенов вместе со студентами САГУ провел подробную фиксацию, главным образом фотографическую, старинных архитектурных памятников Ташкента [3, с. 83].

Таковы результаты столь обширной работы ученого в составе Туркомстариса.

Научная деятельность А. А. Семенова в составе Средазкомстариса (1925–1928 гг.)

В связи с территориальным разграничением среднеазиатских республик в 1924 г. и созданием национальных Комстарисов при СНК Республик в 1925 г. Туркомстарис был преобразован в Средазкомстарис [21]. С образованием

Средазкомстариса расширилась полевая экспедиционная деятельность, причем «ведущей тематикой становятся вопросы исторической географии и исторической топонимии городов» [4, с. 41]. В числе основоположников Средазкомстариса был профессор А. А. Семенов [22, с. 651].

Д. И. Нечкин отмечает: «Являясь местом весьма древней культуры, где когда-то были расположены Бактриана, Согдиана, Маргиана, Гиркания, страна саков, Хорезм, страны по древнему Оксусу и Яксарту, Средняя Азия в своем историческом прошлом была ареной замечательнейших событий, где одна культура за длинный ряд веков сменяла другую, оставляя следы этих смен в виде развалин городов, крепостей, дворцов, гробниц и проч., частью оставшихся на поверхности земли, а частью скрытых песками пустынь. Наиболее сохранившимися памятниками являются памятники мусульманского периода. Обилие остатков старых культур в виде разного рода сооружений и предметов старины и искусства делает из Средней Азии один сплошной "музей". К сожалению, все эти сокровища древней культуры не только не изучены, но и в большой своей части не имеют простого обследования и предоставленные сами себе или гибнут под действием времени и стихии, или расхищаются, разрушаются людьми» [1, с. 6].

В 1926–1929 гг. А. А. Семенов участвовал в ряде экспедиций в Южную Туркмению. В 1926 г. по просьбе правительства Туркменской ССР Средазкомстарисом для решения вопроса о судьбе мечети в Анау была командирована комиссия в составе А. Э. Шмидта и А. А. Семенова, к которым от ГАИМК присоединился архитектор А. П. Удаленков. Помимо обследования мечети в Анау комиссия осмотрела развалины Нисы в ауле Багир. Кроме того, были осмотрены, описаны и сфотографированы мавзолей шейха Абу-Саида Мейхенейского, а также памятники древнего Мерва. А. Э. Шмидт прочитал многие арабские надписи. А. А. Семенов в своей отчетной статье привел подробные описания осмотренных памятников, уточнил ряд вопросов их истории, привлек ценные сведения из восточных первоисточников. Помимо сведений по истории Анау, Нисы, Меана А. А. Семеновым были приведены отрывки из суфийских сочинений относительно Бэсмэ, отождествляемого с Безмеином [3, с. 83–84]. В работе ученого «По Закаспийским развалинам» приведены следующие данные: «После того, как была написана эта статья, в Туркменской республике с осени 1926 г. и приступили к ремонту мечети в Анау. В июне 1927 г. я и А. Э. Шмидт, по поручению Средазкомстариса, осматривали эти ремонтные работы» [6, с. 84]. Осмотрев ремонтировавшуюся мечеть в Анау, они еще раз посетили городище Нисы, холм Ак-Тепе (который тогда же А. А. Семенов правильно определил как остатки доисторического поселения), развалины в ауле Кеши.

В 1928 г. А. А. Семенов возглавил Хаверанскую экспедицию, проводившуюся Средазкомстарисом и Институтом туркменской культуры при Совнарком Туркменской ССР. В 1929 г. Хаверанская экспедиция продолжалась.

А. А. Семенов и А. Э. Шмидт вместе со студентами востфака САГУ и представителями Института туркменской культуры обследовали развалины в Меане и Чехче. Были сделаны описания памятников, проведена большая и трудоемкая эпиграфическая работа [3, с. 84–85].

Хотя преподавательская деятельность и экспедиции отнимали у А. А. Семенова много сил, основное время он все же уделял работе над письменными источниками, и составленные им описания восточных рукописей вышли в печати.

Второе направление, в котором работал А. А. Семенов, – позднесредневековая и новая история Средней Азии и прилегающих областей. Особое значение имела его книга «Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства» (1929), которая открыла новую главу в изучении Бухарского ханства.

Занимался А. А. Семенов и вопросами таджикского языка. В 1927 г. он выпустил «Краткий грамматический очерк таджикского языка с хрестоматией и словарем». Работал А. А. Семенов и в области реформы таджикской письменности, состоявшей в ее переводе с арабской на латинскую графику. Обсуждение принципов и проектов латинизированного алфавита таджикского языка продолжалось с 1924 по 1930 г. [3, с. 91–93].

О том, что наряду с большой и основной работой Средазкомстариса по учету и охране памятников старины и искусства в его деятельности все большее место начала занимать и научно-исследовательская тематика широкого историко-краеведческого профиля, особенно ярко свидетельствует содержание третьего (и, к сожалению, последнего) выпуска его Известий (1928): Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии (А. А. Семенов); Старый Сайрам (М. Е. Массон); О местонахождении сада Тимура Довлет-абад (М. Е. Массон); Талгарское городище (В. Д. Городецкий); По Закаспийским развалинам (А. А. Семенов); Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен (Л. В. Ошанин); Кукольный театр Узбекистана (М. Ф. Гаврилов); Дорвоз (А. К. Боровков); Баксы в жизни киргиз (А. А. Диваев); Бытовые особенности туркмен (Иомудский Карашхан-оглы); Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен (Н. В. Брюллова-Шаскольская); О ремесленных цехах Средней Азии (М. Ф. Гаврилов); Система наименования у коренного населения города Ташкента (Н. Г. Маллицкий); Орошение по Аму-Дарье (В. В. Бартольд, В. В. Цинзерлинг); Сборник оружейной палаты (А. А. Семенов); Образы старого Самарканда (М. Е. Массон, А. Ю. Якубовский); К вопросу о законодательном оформлении Средазкомстариса (И. В. Янковский); К плану археологических работ Средазкомстариса (М. М. Цвибак); Археологическая и ремонтно-реставрационная работа Средазкомстариса в 1927 году (И. И. Умняков); Самаркандская археологическая хроника (В. А. Вяткин); Монетные находки в Средней Азии. 1917–1927 гг. (М. Е. Массон); Средне-Азиатский музей

революции в Ташкенте (И. У. – *прим.*: фамилия не указана); Художественный музей в Ташкенте (А. М. Миронов); К постановке этнографической работы Главного Средне-Азиатского музея (М. М. Цвибак).

В своей совокупности научно-исследовательские публикации штатных и в большинстве своем общественных сотрудников Комитета вносили существенный вклад в развитие гуманитарных знаний в Средней Азии [4, с. 41].

В статье «Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии» А. А. Семенов пишет: «Мы позволим себе лишь заметить в заключение, что материальное творчество среднеазиатских народов, будучи в известных своих проявлениях столь могучим и жизнеспособным, что оставило следы своего влияния на культуре других народов, оказалось бессильным бороться с могущественным фактором современной жизни – рыночным, механическим производством» [7, с. 21–22].

Средазкомстарис просуществовал до конца 1928 г. Его практика не только охраны, но и изучения памятников старины нашла свое продолжение в деятельности Узкомстариса [4, с. 42].

Краткий обзор научной деятельности А. А. Семенова в 1930-е гг. – 1953 г.

В 1930-е гг. научная и педагогическая деятельность ученого в Ташкенте была прервана административной ссылкой. В 1930–1931 гг. восточный факультет САГУ был ликвидирован (восстановлен в 1944 г.). Деятельность его ведущих работников, в частности А. А. Семенова, подверглась резким, в большинстве случаев необоснованным нападениям. В 1932–1934 гг. А. А. Семенов жил и работал в Казани, затем вновь вернулся в Ташкент [3, с. 100].

В 1941 г. А. А. Семенов принял участие в Самаркандской экспедиции по вскрытию склепов Тимура, Улугбека, Казы-Заде-Руми. В составе экспедиции, возглавляемой Т. Н. Кары-Ниязовым, помимо А. А. Семенова, были М. М. Герасимов, Л. В. Ошанин, В. А. Шишкин, химик-реставратор В. Н. Кононов и др. [3, с. 105]. 1942 г. была важной вехой в научной биографии ученого. Крупнейший востоковед, опубликовавший к тому времени свыше ста тридцати работ, А. А. Семенов не имел еще степени доктора наук. Защита состоялась 26 февраля 1942 г. на Ученом совете САГУ и прошла успешно. А. А. Семенову была присуждена степень доктора исторических наук [3, с. 106–107]. В 1943 г. А. А. Семенов был избран членом-корреспондентом АН Узбекской ССР. С 1951 г. – академик АН Таджикской ССР. В 1956 г. стал депутатом Верховного Совета Таджикистана [12, с. 244].

В апреле 1951 г. Президиум Верховного Совета, Совет министров Таджикской ССР и ЦК КП(б) Таджикистана приняли постановление об учреждении на базе Таджикского филиала АН СССР Академии наук Таджикской ССР. Ее президентом был избран старейший таджикский ученый, классик таджикской литературы С. Айни.

Руководство партийных и советских органов республики, Президиум АН Таджикской ССР настойчиво просили А. А. Семенова переехать в Душанбе и возглавить Институт истории, археологии и этнографии, который еще предстояло организовать. И маститого ученого, первоклассного организатора увлекла эта идея. Он согласился покинуть Ташкент, где прошли годы его молодости и зрелости, т. к. понимал, что его знания, опыт, эрудиция и научный авторитет могут оказать серьезную помощь в организации нового центра исторической науки. С 4 июня 1951 г. А. А. Семенов – директор Института истории, археологии, этнографии АН Таджикской ССР [3, с. 121].

Одной из заслуг А. А. Семенова является его работа по воспитанию научных кадров республики [23]. Под его руководством осуществляли научно-исследовательскую работу молодые ученые: Н. Латыпова, А. Маджлисова, А. Мухтарова, З. Бахрамова, С. А. Стеценко и др.

Не прерывал А. А. Семенов и своих связей с Институтом востоковедения АН Узбекской ССР. В издательстве АН Таджикской ССР, АН Узбекской ССР и АН СССР одна за другой выходили фундаментальные работы ученого: каталоги, переводы первоисточников, исследования [3, с. 128–129].

В 1953 г. общественность Таджикистана торжественно отметила 80-летие ученого. Указом Президиума Верховного Совета СССР юбилар был награжден орденом Трудового Красного Знамени [3, с. 136–137].

В последующие годы академик А. А. Семенов продолжал свои исследования в области изучения проблем истории Центральной Азии [24, с. 13]. Следует отметить, что научную и педагогическую деятельность Александр Александрович Семенов успешно совмещал с научно-организационной работой, его достижения в области образования получили высокую оценку.

Заключение

Анализ источников по исследуемой теме позволил рассмотреть широкомасштабную работу российского и советского ученого-востоковеда А. А. Семенова в Средней Азии. Его научные исследования в составе Туркомстариса

и Средазкомстариса были опубликованы в издании Средазкомстариса.

Бесценным является вклад ученого в прочтение надписей на памятниках старины. Главное место среди его работ занимают перевод и историко-культурный комментарий к надписям на погребениях тимуридов в мавзолее Гур-и эмира (Гур-Эмир) в Самарканде. Результаты были опубликованы в трех первых выпусках издания «Эпиграфика Востока».

Работая в составе комстарисов, он параллельно принимал участие в работе таких среднеазиатских научных учреждений, как Среднеазиатский отдел Русского географического общества, Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами.

Особое место занимают исследования А. А. Семенова по истории народов Средней Азии, в их числе: Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени; К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана; Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр; Шейбанихан и завоевание им империи Тимуридов; Таджикистан в конце XVII в. и в первой половине XVIII в.; Таджикистан во второй половине XVIII в.

В работах ученого освещаются биографии выдающихся личностей минувших лет – средневекового ученого, врача и философа Авиценны (Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина) и средневекового персидского ученого-энциклопедиста и мыслителя Бируни (Абу Рейхан Мухаммед ибн Ахмед аль-Бируни).

Перу А. А. Семенова принадлежат сборники «Краткий грамматический очерк таджикского языка» и «Образцы таджикских официальных документов», а также «Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии».

Доктор исторических наук, профессор А. А. Семенов внес значительный вклад в развитие науки и образования. Высокий профессионализм ученого и педагога А. А. Семенова снискали глубокое уважение среди коллег.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Нечкин Д. И. Задачи и ближайшие цели Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы в Средней Азии // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 3–17.
2. Миронов А. М. Организационная, научная и практическая деятельность Средазкомстариса (быв. Туркомстариса) за пятилетие его существования // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 18–42.
3. Литвинский Б. А., Акрамов Н. М. Александр Александрович Семенов (научно-биографический очерк). М.: Наука, 1971. 179 с.
4. Лунин Б. В. Из истории изучения памятников старины и искусства Средней Азии (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис) // Общественные науки в Узбекистане. 1990. № 3. С. 37–44.
5. Семенов А. А. Мечеть Ходжи-Ахмеда Есевийского в Туркестане // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарис). Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 121–130.

6. Семенов А. А. По Закаспийским развалинам // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1928. Вып. 3. С. 56–84.
7. Семенов А. А. Некоторые особенности материальной культуры прошлых эпох Средней Азии // Известия Средне-Азиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1928. Вып. 3. С. 11–22.
8. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Собрание сочинений. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. Т. 1. С. 5–763.
9. Бартольд В. В. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии // Бартольд В. В. Собрание сочинений. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 5–497.
10. Бартольд В. В. Работы по исторической географии // Бартольд В. В. Собрание сочинений. М.: Наука, 1965. Т. 3. С. 5–713.
11. Соегов М. Страницы из ашхабадского периода жизни востоковеда А. А. Семенова – уроженца Шацкого села Польное Конобеево // Вестник Тамбовского университета. Серия филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. № 4. С. 42–49.
12. Костецкий В. А. Россияне в Узбекистане. Ташкент: Нихол, 2008. 336 с.
13. Бустанов А. Между нацией и артефактом: восточная археология в Советском Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. В. Герасимов, С. В. Глебов, А. П. Каплуновский, М. Б. Могильнер, А. М. Семёнов. М.: Садра, 2017. С. 38–79.
14. Хамидова М. С. Фотодокументы ЦГА РУЗ об истории архитектурных памятников Узбекистана // Вестник науки и образования. 2017. № 2. С. 36–39.
15. Ходжаева Н. Д. Топонимика, орфография и гидрография современного Таджикистана в трудах русских исследователей второй половины XIX – начала XX веков // Вклад российской науки в изучение уникального историко-культурного и природного богатства Таджикистан: сб. мат-лов Междунар. науч. конф., посв. 200-летию российского востоковедения. (Худжанд, 23 ноября 2018 г.) Оренбург: Университет, 2019. С. 19–25.
16. Алиева Р. Р. Вклад русских путешественников и ученых в изучение истории, этнографии, экономики и политического строя таджикского народа // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 2. С. 43–47.
17. Москалев О. М. К охране памятников истории и культуры Кыргызстана. 29.01.2012. Режим доступа: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/k-okhrane-pamyatnikov-istorii-i-kultury-kyrgyzstana/> (дата обращения: 12.08.2021).
18. Хамидова М. С. Освещение истории изучения архитектурных памятников Самарканда в архивных документах (1918–1924 гг.) // Документ. Архив. История. Современность: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г.) Екатеринбург: УрФУ, 2016. С. 440–445.
19. Шигабдинов Р. Н., Махкамова Н. Р. У истоков Академии наук Республики Узбекистан: поиск и формирование // Академия наук в интеллектуальной истории Узбекистана / отв. ред. Д. А. Алимова, У. А. Абдурасулов. Ташкент: Yangi nashr, 2012. С. 12–54.
20. Бегалиева А. К., Косанбаев К. История изучения этнографии народов Туркестана в трудах дореволюционных российских исследователей в XVIII – начала XX вв. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 118 с.
21. Кольченко В. А. Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–1930 гг. (работы М. П. Грязнова, М. В. Воеводского, А. И. Тереножкина и Палеоэтнологической экспедиции ГАИМК) // Степи Евразии в древности и Средневековье: мат-лы Междунар. конф., посв. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. (Санкт-Петербург, 20–24 марта 2002 г.) СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 43–47.
22. Аминов Ф. М. Бухара и русское востоковедение // Молодой ученый. 2015. № 22. С. 650–652.
23. Шерматов Г. Аксакал исторической науки: что сделал Александр Семёнов для Таджикистана. 14.10.2018. Режим доступа: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20181014/vitse-gubernator-istorik-literaturoved-arheolog> (дата обращения: 25.06.2021).
24. Рахимов Н. Т., Икромов Н. А. Исследования А. А. Семёнова о истории материальной культуры таджиков // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2020. № 3. С. 9–14.

original article

Asian Studies Expert A. A. Semenov: Turkomstaris and Sredazkomstaris Periods (1921–1928)

Gulnara E. Mamaeva

Shakarim State University of Semey, Kazakhstan, Semey; elmira_77777@mail.ru

Received 17 Aug 2021. Accepted after peer review 1 Oct 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: The research featured the biography of Alexander A. Semenov (1873–1959), an outstanding expert in Asian Studies, who made a great contribution to Soviet and global oriental scholarship. The paper focuses on his work at the Turkistan Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature (Turkomstaris) and the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature (Sredazkomstaris) in 1921–1928. The research involved articles published by A. A. Semyonov in 1926 and 1928 in the Proceedings of the Central Asian Committee, as well as valuable data from publications made by Professor A. M. Mironov and Chairman of Sredazkomstaris D. I. Nechkin. A. A. Semyonov owed his education to the outstanding teaching staff of Lazarev Institute: V. F. Miller, N. N. Kharuzin, F. E. Korsh, and M. O. Attai. His scientific worldview was shaped under the influence of orientalist V. V. Barthold.

Keywords: Central Asia, Tashkent, expedition, architectural monuments, researcher, Iranist, Turkologist, cultural heritage, field research

Citation: Mamaeva G. E. Asian Studies Expert A. A. Semenov: Turkomstaris and Sredazkomstaris Periods (1921–1928). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 865–875. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-865-875>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Nechkin D. I. Tasks and immediate goals of the Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature in Central Asia. *News of the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature (Sredazkomstaris)*. Tashkent, 1926, iss. 1, 3–17. (In Russ.)
2. Mironov A. M. Organizational, scientific and practical activities of Sredazkomstaris (formerly Turkomstaris) for the five years of its existence. *News of the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature (Sredazkomstaris)*. Tashkent, 1926, iss. 1, 18–42. (In Russ.)
3. Litvinsky B. A., Akramov N. M. *Alexander Alexandrovich Semenov (scientific and biographical sketch)*. Moscow: Nauka, 1971, 179. (In Russ.)
4. Lunin B. V. From the history of studying the monuments of antiquity and art of Central Asia (Turkomstaris, Sredazkomstaris, Uzkomstaris). *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1990, (3): 37–44. (In Russ.)
5. Semenov A. A. Mosque of Khoja-Akhmed Yeseviy in Turkestan. *News of the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature (Sredazkomstaris)*. Tashkent, 1926, iss. 1, 121–130. (In Russ.)
6. Semenov A. A. The Trans-Caspian ruins. *News of the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature*. Tashkent, 1928, iss. 3, 56–84. (In Russ.)
7. Semenov A. A. Material culture of the past epochs of Central Asia. *News of the Central Asian Committee for Museums and Protection of Antiquities, Art, and Nature*. Tashkent, 1928, iss. 3, 11–22. (In Russ.)
8. Bartold V. V. Turkestan in the era of the Mongol invasion. *Collected works*. Moscow: Izd-vo vost. lit-ry, 1963, vol. 1, 5–763. (In Russ.)
9. Bartold V. V. Works on archeology, numismatics, epigraphy, and ethnography. *Collected works*. Moscow: Nauka, 1966, vol. 4, 5–497. (In Russ.)
10. Bartold V. V. Works on Historical Geography. *Collected works*. Moscow: Nauka, 1965, vol. 3, 5–713. (In Russ.)
11. Soyegov M. Pages from the Ashgabat period of life of orientalist A. A. Semenov – native of Shatsks village Polnoe Konobeevo. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya filologicheskie nauki i kulturologiya*, 2016, 2(4): 42–49. (In Russ.)
12. Kostetskii V. A. *Russians in Uzbekistan*. Tashkent: Nikhol, 2008, 336. (In Russ.)

13. Bustanov A. Between the nation and the artifact: eastern archeology in Soviet Kazakhstan. *Muslims in the new imperial history*, eds. and comps. Bobrovnikov V. O., Gerasimov I. V., Glebov S. V., Kaplunovsky A. P., Mogilner M. B., Semenov A. M. Moscow: Sadra, 2017, 38–79. (In Russ.)
14. Khamidova M. S. Photodocuments of CSARU about the history of architectural monuments of Uzbekistan. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2017, (2): 36–39. (In Russ.)
15. Khodzhaeva N. D. Toponyms, spelling, and hydrography of modern Tajikistan in the works of Russian researchers in the second half of the XIX – early XX century. *Contribution of Russian science to the study of the unique historical, cultural, and natural heritage of Tajikistan*: Proc. Intern. Sci. Conf. dedicated to the 200th anniversary of Russian oriental studies, Khujand, 23 Nov 2018. Orenburg: Universitet, 2019, 19–25. (In Russ.)
16. Alieva R. R. Contribution of Russian travelers and scientists at studying of history, ethnography, economy and political structure of Tajik people. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (2): 43–47. (In Russ.)
17. Moskaev O. M. *To the protection of monuments of history and culture of Kyrgyzstan*, 29 Jan 2012. Available at: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/k-okhrane-pamyatnikov-istorii-i-kultury-kyrgyzstana/> (accessed 12 Aug 2021). (In Russ.)
18. Khamidova M. S. Illumination of the history of study of architectural monuments of Samarkand in archival documents (1918–1924). *Document. Archive. History. Modernity*: Proc. VI Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 2–3 Dec 2016. Ekaterinburg: UrFU, 2016, 440–445. (In Russ.)
19. Shigabdinov R. N., Makhkamova N. R. Origins of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan: search and formation. *Academy of Sciences in the intellectual history of Uzbekistan*, eds. Alimova D. A., Abdurasulov U. A. Tashkent: Yangi nashr, 2012, 12–54. (In Russ.)
20. Begaliev A. K., Kosanbaev K. *History of the study of the ethnography of the peoples of Turkestan in the works of pre-revolutionary Russian researchers in the XVIII – early XX centuries*. Almaty: Kazakhskii universitet, 2019, 118. (In Russ.)
21. Kolchenko V. A. Archaeological researches in Kyrgyzstan in 1928–1930 (M. P. Gryaznov, M. V. Voevodsky, A. I. Terenozhkin and the results of investigations undertaken by Paleoethnological Expedition of the SAHMC). *Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages*: Proc. Intern. Conf. dedicated to the 100th anniversary of M. P. Gryaznov, St. Petersburg, 20–24 Mar 2002. St. Petersburg: Gos. Ermitazh, 2002, 43–47. (In Russ.)
22. Aminov F. M. Bukhara and Russian oriental studies. *Molodoi uchenyi*, 2015, (22): 650–652. (In Russ.)
23. Shermatov G. *Aksakal of historical science: what Alexander Semyonov did for Tajikistan*, 14 Oct 2018. Available at: <https://asiaplustj.info/news/tajikistan/society/20181014/vitse-gubernator-istorik-literaturoved-arheolog> (accessed 25 Jun 2021). (In Russ.)
24. Rakhimov N. T., Ikromov N. A. A. A. Semenov's reseaches on the history Tajiks' material culture. *Scientific Notes of Khujand State University named after academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences*, 2020, (3): 9–14. (In Russ.)

оригинальная статья

Источники формирования контингента учащихся Тайгинского техникума железнодорожного транспорта в 1943–1991 гг.

Сергей Евгеньевич Мишенин

Кузбасский региональный институт развития профессионального образования, Россия, г. Кемерово; s-e-m-57@mail.ru

Поступила в редакцию 08.09.2021. Принята после рецензирования 08.11.2021. Принята в печать 08.11.2021.

Аннотация: Проведен исторический анализ состава поступающих в Тайгинский техникум железнодорожного транспорта за 1943–1991 гг. Важнейшим элементом методологии стали факторный, или причинно-следственный, структурно-системный и исторический подходы к анализу социальной группы. Тайгинский техникум железнодорожного транспорта (ныне – Тайгинский институт железнодорожного транспорта – филиал Омского государственного университета путей сообщения) – одно из учебных заведений почти с 80-летней историей. Уже более 30 лет он является одним из ведущих учебных учреждений своей отрасли в стране. Для достижения поставленной цели были рассмотрены этапы изменений источников пополнения состава обучаемых, а также методы формирования контингента. Они рассматривались в связи с развитием страны, с практикой образовательной политики, с ориентацией на объяснение исторической ограниченности системы. Выявленные характеристики позволили уточнить логику развития конкретного учреждения, анализируя изменение форм и методов комплектования. Главной линией здесь видится введение новых форм и эволюция методов набора от мобилизационного к добровольным, от платно-бесплатного к бесплатному, от разновозрастного к более близкому по возрасту. В этом плане формы комплектования выступают как частные проявления методов, среди них – станции юных техников, участие в смотрах-конкурсах моделей устройств до уровня выставок достижений народного хозяйства, укрепление учебно-материальной базы техникума и пропаганда профессий и специальностей железнодорожников через выпускников и др. Важными агитаторами за поступление в Тайгинский техникум железнодорожного транспорта были хорошие условия работы и ее достойная оплата.

Ключевые слова: г. Тайга, железнодорожный техникум, профориентация, методы пополнения контингента, железнодорожные общеобразовательные школы, среднее профессиональное образование, социальные группы учащихся

Цитирование: Мишенин С. Е. Источники формирования контингента учащихся Тайгинского техникума железнодорожного транспорта в 1943–1991 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 876–883. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-876-883>

Введение

Тайгинский техникум железнодорожного транспорта (ТТЖТ) за свою почти 80-летнюю историю прошел трудный путь от достаточно слабого учреждения военной поры до одного из ведущих учебных учреждений своей отрасли в СССР, а теперь и в России. Истории этого учреждения уже посвящены некоторые публикации¹ [1], но в них не поднимается вопрос о его комплектовании. В обобщающих работах обычно фиксируется факт набора, а его механизм остается за пределами внимания [2–19].

Цель статьи – проследить изменения в подборе состава контингента обучающихся. Период 1943–1991 гг. охватывает большую долю советской эпохи, неоднозначно воспринимаемой в условиях новой России. Для достижения цели выдвигаются такие задачи, как выявление изменений источников пополнения состава обучаемых, а также определение методов формирования контингента техникума

на основных этапах его развития в связи с основными этапами развития страны, что позволит уточнить характеристики логики развития советской системы.

Методы и материалы

В основе методологии решения поставленных задач – факторный, или причинно-следственный, структурно-системный и исторический подходы к анализу социальной группы. В отечественной методологии теория ее анализа разрабатывалась в работах Л. А. Гордона, Т. И. Заславской, Р. В. Рывкиной, О. И. Шкаратана и др. [20, с. 58]. Конкретно исторический вариант ее применения в Кузбассе на материалах нескольких отраслей рабочих был наработан в конце 1950-х – 1970-е гг. творческой группой во главе с З. Г. Карпенко. С конца 1980-х гг. внимание к этой тематике стало угасать. Но именно этот опыт позволил обратиться

¹ Богданова Н. Это нашей истории строки // Тайгинский рабочий: газета. 29.11.2018. № 48. С. 2–3; Болтенко С. История железнодорожного техникума ст. Тайга. 18.11.2010. Режим доступа: <http://zap-sib-rail.narod.ru/Article/tehnikum-taiga.html> (дата обращения: 26.08.2018); Тайга в годы войны // Исторический музей Тайгинского городского округа. Режим доступа: http://taigamuz.ucoz.ru/index/tajga_v_gody_vojny/0-13 (дата обращения: 10.08.2018); Омский государственный университет путей сообщения: альбом. М.: УМЦ ЖДТ; Пиар-Пресс, 2009. 111 с.

внимание на два важнейших сюжета темы: выяснение источников и форм пополнения в диалектике с важнейшими факторами развития страны.

Среди источников для разработки темы важное место занимают делопроизводственные материалы местных органов государства, КПСС, отдела учебных заведений Кемеровской железной дороги (решения, отчеты, справки), сектора культуры, образования статистического управления Кемеровской области. Эти материалы хранятся в Государственном архиве Кемеровской области (ГАКО).

Чрезвычайно богатый материал содержится в архиве наследника ТТЖТ – Тайгинском институте железнодорожного транспорта – филиале Омского государственного университета путей сообщения: годовые отчеты с года основания, нормативные документы, собрания материалов средств массовой информации, разнообразные материалы из фондов музея учреждения. Многие документы и публикации предложены на официальном сайте этого учреждения². За этим стоит внимание и уважение к своей истории администрации учреждения, преподавателей-энтузиастов. В этом плане надо отметить вклад ветерана техникума, его выпускника, преподавателя и директора А. Ф. Маслова, автора ряда публикаций и воспоминаний³ о техникуме. В своих воспоминаниях он описал трудности поступления в техникум деревенского паренька первых послевоенных лет и быта учащегося 1950-х гг.

Правда, есть в области другие техникумы, которые готовили будущих железнодорожников до 1991 г.: Кузнецкий металлургический техникум (с 1942 г.), Новокузнецкий горнотранспортный техникум (с 1987 г.). Они готовили кадры для промышленного железнодорожного транспорта. Так уж сложилось, что там не работали такие подвижники этой сферы, которые оставили бы потомкам свои обобщения.

Результаты

Чертой советской образовательной системы стало расщепление подготовки рабочих кадров по всей стране. Это было одним из необходимых условий форсированной модернизации системы в пределах огромного государства. Великая Отечественная война ускорила данный процесс.

В числе других предприятий и учреждений эвакуировали Харьковский и Ленинградский техникумы

НКПС СССР. Местом их дислокации выбрали г. Тайга: через этот город проходил главный ход Транссиба, связывающий тогда Восток с европейской частью СССР. Здесь формировался важный грузопоток из Западной Сибири, в основе которого были уголь и металл. Рядом находился г. Томск, где уже действовал железнодорожный техникум. Официальной позицией принято, что ТТЖТ ведет свою историю с 1 декабря 1943 г., когда на базе эвакуированного из Харькова электромеханического техникума был организован техникум по специальности *Паровозное хозяйство*⁴.

1 этап. Формирование контингента учащихся в годы Великой Отечественной войны

Работа техникума на новом месте началась необычно. Учащиеся 3-х групп 1 курса Харьковского техникума при эвакуации из Харькова были направлены в Тайгу, но к месту назначения не явились⁵. В январе-феврале 1943 г. был осуществлен прием. Уже в 1944 г. контингент составил 365 человек⁶.

Долгие годы стабильность набора облегчалась тем обстоятельством, что многие специальности железнодорожников были достаточно популярны, престижны и почетны среди населения. Привлекали высокой оплатой и качественным отбором. Стимулировал и тот факт, что железнодорожный транспорт с 1943 по 1956 гг. был на военном положении [21, с. 13–14] и в армию его штат не призывался, но обучающиеся, будущие железнодорожники, проходили военную комиссию.

Первые наборы (с 1942/1943 учебного года до 1956 г.) осуществлялись на платной и бесплатной, при необходимости – на мобилизационной основе. Так, среди учащихся первого набора Харьковского техникума НКПС СССР, размещенного в Тайге, из 246 учащихся только 32 были освобождены от платы за обучение⁷ [22; 23]. Кто они были по социальному статусу, выявить не удалось, как не удалось выявить состав семей и их материальное положение остальных 214 учащихся. Но на основании самой разной информации можно предположить, что подавляющее число учащихся происходило из рабочих семей горожан. Значимой была доля сельской молодежи. Подавляющее большинство поступавших и обучающихся в техникум были русскими. Мужской состав объяснялся тем,

² Тайгинский институт железнодорожного транспорта – филиал Омского государственного университета путей сообщения. Режим доступа: <https://tigt.site/> (дата обращения: 10.08.2018).

³ Маслов А. Ф. Дорога, которую я выбираю... Кемерово: Кузбасс, 2005. 256 с.

⁴ Болтенко С. История железнодорожного техникума ст. Тайга...; Общие знаменательные и памятные даты по Кемеровской области на 2013 год. Режим доступа: <https://shikardos.ru/text/obshie-znamenatelnye-i-pamyatnye-dati-po-keмеровской-oblasti/page-6> (дата обращения: 03.09.2018); Тайга в годы войны...; Троицкая И. Тайгинский техникум железнодорожного транспорта отмечает 60-летний юбилей // МедиаКузбасс. 27.02.2004. Режим доступа: <https://mediakuzbass.ru/news/22312.html#/news-text> (дата обращения: 03.09.2018); Платное образование, негосударственные вузы – из истории вопроса. Режим доступа: <http://www.miepl.ru/platnoe-obucheniye-vysshee-obrazovanie.html> (дата обращения: 10.08.2018).

⁵ Брызгалов С. Будут ли в Кузбассе учить на железнодорожников? // Кузбасс: газета. 16.05.2011. Режим доступа: <http://kuzbass85.ru/2011/05/16/budut-li-v-kuzbasse-uchit-na-zheleznodorozhnikov/> (дата обращения: 03.09.2018); Историческая справка // Тайгинский институт железнодорожного транспорта – филиал Омского государственного университета путей сообщения. Режим доступа: <https://tigt.site/?page=history> (дата обращения: 21.08.2018).

⁶ Маслов А. Ф. Юбилей Тайгинского техникума // Локомотив: ежемесячный массовый производственный журнал. 1994. № 1. С. 47.

⁷ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 225. Л. 31.

что работа на паровозе априорно допускала только физически сильных людей. Для комплектования ССУЗов на железных дорогах страны применялся территориальный принцип⁸. Основой будущего контингента была молодежь Кемеровской области, нуждающимся предоставлялось место в общежитии.

II этап. Завершение Великой Отечественной войны – вторая половина 1950-х гг.

Второй этап ознаменовался новыми чертами, которые скорректировали состав контингента. Увеличилась доля фронтовиков среди обучаемых, что было важнейшим элементом их социальной адаптации к жизни в мирных условиях. Будучи старше сокурсников (выпускников школ), обладая разнообразным бытовым и боевым опытом, они ускорили взросление новых пополнений, служили социальным препятствием для проявления недисциплинированности, были опорой педагогов в воспитании молодого пополнения.

По социальному происхождению контингент учащихся техникума вполне соответствовал советской системе образования. 60–70 % происходило из семей рабочих, к тому же в подавляющем большинстве, видимо, т. н. молодых рабочих, т. е. рабочих в первом поколении. Немногим более 20 % учащихся приходилось на семьи интеллигенции и служащих. Остальные – на сельскую молодежь⁹, доля которой стала сокращаться.

Еще одна черта была подмечена А. Ф. Масловым, пояснявшим ее на своем примере. Ему пришлось поступать в начале 1950-х гг., семья жила в небольшой деревне Новосибирской области. Особенностью структуры односельчан была этническая смешанность населения: большинство представляли немцы и украинцы. В условиях значительной изоляции в деревне сложился своеобразный бытовой язык общения – смесь русского, украинского и немецкого, но каждый из них был далек от своих классических образцов. Поэтому письменный экзамен по русскому языку вызывал особую трудность. Сам А. Ф. Маслов был зачислен в техникум, по его словам, потому что экзаменаторы поверили его стараниям на предыдущих экзаменах, которые он выдержал на отлично¹⁰. Это пример становления единого русскоговорящего интернационального советского пространства.

III этап. Переход железнодорожного транспорта на электрическую и дизельную тягу, 1960-е гг.

Данный этап потребовал перестройки подготовки кадров от коренной переработки учебной программы до переосмысления содержания и использования учебно-материальной базы [24, с. 162–196], что в числе других обстоятельств подвело к необходимости реформы образования в СССР в 1958 г. [25] и позволило ввести специальности, которые допускали привлечение женского труда на транспорте. Соответственно, в составе контингента до четверти состава стали занимать девушки¹¹. Рост популярности ТТЖТ привел к появлению в числе абитуриентов и поступивших юношей и девушек с разных уголков страны. Среди учащихся были сироты, а также имевшие опыт общения с правоохранительными органами. Учиться стали бесплатно, бесплатно питались в столовой¹².

Чтобы охватить больший круг желающих получить рабочие профессии железнодорожников, ТТЖТ открыл филиал и учебно-консультационные пункты (УКП) в г. Белово (1962; с обучением от 300 до 600 человек ежегодно)¹³ и г. Новокузнецк (с обучением от 160 до 200 человек ежегодно)¹⁴. И не случайно: эти города были точками дислокации еще двух кузбасских отделений. Теперь каждое из отделений (Тайгинское, Беловское и Новокузнецкое) имели такие точки профессиональной подготовки и переподготовки.

Новой чертой стало и то, что обучение в ТТЖТ для многих железнодорожников становилось семейной традицией¹⁵. Здесь сформировались трудовые династии: Волчек, Гайдаш, Панкратовы, Пашковы, Щегольковы. В их семьях от 2 до 4 детей учились в этом учреждении¹⁶.

Последним изменением в составе будущих учащихся следует назвать рост комсомольской прослойки. К концу обучения она стала достигать 4/5 и более состава.

IV этап. Начало 1970-х гг. – 1991 г.

В эти годы действовали основные тенденции предшествующих лет, но появились и новые. Первая касалась изменения роли и возможностей техникума, как и всей ССУЗ страны в образовательной политике советского государства. Техникумы, наряду с общеобразовательной школой, системой ПТУ, стали звеном на пути получения среднего общего образования, что стало более прочной базой для получения профессионального образования

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1965. Оп. 23. Д. 53. Л. 278.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 118. Л. 6 об. (Прим.: расчеты автора).

¹⁰ Маслов А. Ф. Дорога, которую я выбираю... С. 12–13.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 118. Л. 1 об.

¹² Брызгалов С. Будут ли в Кузбассе учить на железнодорожников?..

¹³ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 281. Л. 13; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 293. Л. 32.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 293. Л. 33; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 298. Л. 36.

¹⁵ Левашева М. Кузбасская железная дорога начинается в Тайге // Комсомольская правда. 28.08.2003. С. 15.

¹⁶ Болтенко С. История железнодорожного техникума ст. Тайга...; Смирнов Н. Тайгинский техникум накануне 30-летия // Тайгинский рабочий. 31.07.1971. С. 2.

и усилило их притягательность. При этом сама содержательная часть программы образования становилась богаче, но не удалось минимизировать знание до социально необходимого, которое бы стало базой системного убеждения молодого человека. Состав обучающихся по возрасту стал более ровным. В стране развернулся Всесоюзный смотр «Каждому – среднее образование», в котором участвовали и железнодорожники¹⁷.

Но надо признать, что существовали и развивались другие тенденции, которые препятствовали развитию будущего профессионального образования: практика остаточного финансирования развития материальной базы образовательных учреждений, что заставляло их руководителей инициативно изыскивать для этого ресурсы (что удалось тогда новому директору ТТЖТ А. Ф. Маслову и его команде) [25; 26]; борьба с отсевом учащихся в школах и за обеспечение максимальной успеваемости, и поэтому предоставление другим звеньям образования и народному хозяйству доли формально отучившихся выпускников¹⁸ [25]; усиление формализма в воспитании. Это были тенденции, полнота которых усиливалась по мере приближения к завершению советской фазы развития общества.

Это становилось проблемой не только ТТЖТ. Не случайно, как и во многих городах страны, в Тайге при отделении тогда Западно-Сибирской железной дороги с 1966 г. стали работать подготовительные курсы по подготовке в ВУЗы и техникумы на железнодорожные специальности¹⁹, стали проводиться «Дни открытых дверей», встречи выпускников, началась практика выступлений преподавателей и обучающихся перед потенциальными поступающими.

Но главным ресурсом привлекательности учреждения новый директор ТТЖТ А. Ф. Маслов и его команда выбрали качественное преобразование учебно-материальной базы своего учреждения и технологии образования при опоре на предприятия узла, дороги, Министерство путей сообщения СССР. Работа началась в начале 1970-х и продолжается до настоящего времени. Это стало лучшим мотивом за поступление именно в ТТЖТ и одним из немногих удачных опытов вступления техникума на рынок [26].

Вторая новая тенденция в формировании контингента техникума была связана с появлением нового средства социализации молодого поколения. До середины 1960-х гг. руководство техникума рассчитывало на то, что

учащиеся школ, демобилизованные солдаты и молодые рабочие, руководствуясь профессией родителей, популярностью специальностей техникума выберут именно его. В 1960-е и последующие годы положение изменилось: продолжалось увеличение набора, изменились интересы молодежи. Ответом стало появление и развитие нового социального института – института профориентации. Смысл ее был в том, чтобы рассказать и показать содержание и возможности специальности или профессии.

Для такой работы традиционно у железных дорог была своя база – общеобразовательные железнодорожные школы. В советский период они работали по общегосударственным программам преподавания дисциплин, но с подбором кадров и финансирования через наркомат (министерство) достаточного кадрового потенциала²⁰. Количество учащихся в 1991 г. в школах дороги достигло 12886, из них детей железнодорожников было 7534, или 56,4 %²¹.

Важным фактором развития потенциальных железнодорожников стали станции юных техников (СЮТ). На Кемеровской железной дороге положительно выделялась Новокузнецкая СЮТ. Она работала по трем направлениям: железнодорожный моделизм, электрика и радиоэлектроника. Работа ее была высоко оценена на региональном уровне в управлении Кемеровской железной дороги. Правда, не все выпускники железнодорожных школ и кружков выбирали железнодорожный транспорт²². Но обучение в них было мощным фактором развития профессионального кругозора и технической культуры.

Таким образом, за годы своего существования в советский период ТТЖТ была наработана достаточная практика комплектования своего контингента. Все эти черты обеспечили неуклонный рост численности контингента учащихся на протяжении всего периода 1942–1991 гг. примерно в 10 раз – с 246 до 2063²³. Но примерно с 1980-х гг. в отдельные годы в ТТЖТ периодически стала обостряться проблема набора, что не было критичным для учреждения.

Заключение

Учреждения профобразования в СССР действовали в условиях доминирования экстенсивных факторов развития, поэтому ТТЖТ был заинтересован в росте численности обучающихся. В отличие от первого десятилетия Советской власти социальное происхождение уже не было фактором отбора при зачислении в техникум.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 915. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1369. Л. 1.

¹⁸ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 915. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1369. Л. 1; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1593. Л. 32–33.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-1695. Оп. 17. Д. 126. Л. 22–23.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 662. Л. 20; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1143. Л. 16; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1369. Л. 17; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1590. Л. 17; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 2512. Л. 18; ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 2284. Л. 3.

²¹ ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 2512. Л. 18.

²² ГАКО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 1593. Л. 13.

²³ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 223. Л. 31; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 234. Л. 8; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 234. Л. 10; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 237. Л. 40; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 234. Л. 9; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 234. Л. 9 об.; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 275. Л. 28; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 273. Л. 28; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 273. Л. 22; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 454. Л. 34; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1593. Л. 18.

Главными факторами за выбор поступления в ТТЖТ были наглядная полезность обществу, видимая сложность труда, технический прогресс в отрасли, достаточная оплата труда, другие формы поддержки и качественное образование. Это передавалось выпускниками и привело к зарождению семейной традиции обучения в техникуме.

ТТЖТ предлагал молодежи обучение как в головном учреждении, так и в его филиале и У КП, на дневном, вечернем или заочном отделении. Подготовку профессионального выбора осуществляли как через отраслевую общеобразовательную школу, так и через кружковую работу (СЮТ), продукция которых доходила до представления на выставках достижений народного хозяйства.

Методы набора обучаемых зависели от конкретных исторических условий. Если в годы Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы были черты административно-мобилизационного комплектования ТТЖТ, то в последующие годы они были заменены добровольным выбором. В этом плане формы комплектования выступают как частные проявления методов.

К поступающим предъявлялась все более серьезная образовательная подготовка. Это отражается в этапах развития процесса формирования контингента учащихся ТТЖТ в 1943–1991 гг.

В годы Великой Отечественной войны в техникум принимали с учетом мобилизации. В первое послевоенное десятилетие доля мобилизованных резко сократилась. Стал преобладать интерес, формироваться трудовые династии железнодорожников, представители которых обучались именно в ТТЖТ. Третий этап связан с приходом

в техникум лиц, которых привлекали специальности, связанные с электрификацией железнодорожного транспорта.

Четвертый (завершающий) этап в формировании контингента учащихся ТТЖТ в советский период пришелся на начало 1970-х – 1991 гг., когда поступающие ориентировались не только на получение специальностей, связанных с электрификацией железнодорожного транспорта, но и на получение полного среднего образования, если его не удалось получить в общеобразовательной школе (при поступлении в техникум на базе сначала 8-ми, а после перехода на 11-летнее обучение – 9-ти классов).

История ТТЖТ в 1943–1991 гг. позволила накопить достаточный опыт в формировании контингента обучающихся. Он использовался и может быть использован и в постсоветской России. Например, это развитие учебно-материальной базы и методики преподавания, подбор и развитие кадрового потенциала учреждения, детских и юношеских форм кружковой работы и конкурсов в сфере железнодорожной техники и ее применения, предложение для обучения разных форм работы отделений в зависимости от потребности практики (а теперь и от эпидемиологической обстановки), проведение «Дней открытых дверей» и др. Но теперь часть мероприятий требует продумывания и нахождения источников развития кадрового потенциала и финансирования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Мишенин С. Е. Подготовка железнодорожников Кузбасса в учреждениях начального и среднего профессионального образования в советский период // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 2. С. 197–210.
2. Воронин А. В. Этапы становления и развития учебных заведений среднего профессионального образования // Образование через всю жизнь: непрерывное образование для устойчивого развития: сб. тр. конф. (Санкт-Петербург, 3–6 июня 2007 г.) СПб.: Alter Ego, 2007. С. 91–92.
3. Емельянова Е. И. Высшее и среднее профессиональное образование аграрного профиля Курской области (1985–2000 гг.): к проблеме профориентации // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2011. № 5. С. 231–235.
4. Зеленин А. А., Кочергин Д. Г., Овчинников В. А. Начальное и среднее профессиональное образование Кузбасса в 1991–1999 гг. // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2018. № 2. С. 194–206.
5. История среднего профессионального образования в России / общ. ред. П. Ф. Анисимова, В. М. Зуева. М.: ИПР СПО, 2001. Кн. 2. 704 с.
6. Конов А. А. Подготовка технических кадров на железных дорогах Урала в 1956–1991 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2. С. 86–91.
7. Локтин К. М. Становление и развитие среднего специального образования в Западной Сибири 1954–1965 гг. как социокультурный феномен // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 285–295.
8. Локтин К. М., Беловолов В. А. Формирование контингента учащихся средних специальных учебных заведений в 1954–1965 гг. (на примере Западно-Сибирского региона) // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 1. С. 217–222.
9. Новикова И. В. Среднее специальное образование в РСФСР в 1965–1980 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 186 с.
10. Овчинников В. А., Кочергин Д. Г. Профессиональное образование Кузбасса в постсоветский период: тенденции реформирования и развития // Педагогика. 2020. № 4. С. 107–117.

11. Овчинников В. А., Кочергин Д. Г. Система начального и среднего профессионального образования Кузбасса в пост-советский период. Кемерово: КРИПО, 2019. 252 с.
12. Поликарпова Т. В. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров специалистов среднего звена в 1971–1980 гг. (на материалах Нечерноземной зоны РСФСР): дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. 209 с.
13. Попов В. П. Система среднего специального образования в СССР и Российской Федерации в 1917–2000-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 242 с.
14. Смирнова М. М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по развитию среднего специального образования (1959–1965 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1981. 222 с.
15. Трофименко В. И. Средняя техническая школа России в период социально-экономических реформ конца 1980-х – середины 1990-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 212 с.
16. Сопегина В. Т., Шакуто Е. А., Кузнецова И. Ю., Апухтина А. Г. Феномен профориентации в контексте непрерывного образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 1. С. 104–111.
17. Сойников А. А. Организация профориентационной работы в средних специальных гуманитарных учебных заведениях России в 1960-е гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 1. С. 26–31.
18. Горина И. И. Среднее профессиональное образование России в условиях системных реформ: 1990-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 197 с.
19. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И., Абанкина И. В. Молодые профессионалы для новой экономики: среднее профессиональное образование в России. М.: ИД ВШЭ, 2019. 272 с.
20. Одяков С. В. Методологические подходы к исследованию структуры современного российского общества // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 4. С. 58–61. <https://doi.org/10.14529/hum150410>
21. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3: 1945–1991 гг. / под общ. ред. В. Д. Кузьмича, Б. А. Левина. М.: МГУПС, 2004. 631 с.
22. Самсонов А. Как Сталин «платное образование» ввёл // Военное обозрение. 06.06.2016. Режим доступа: <https://topwar.ru/96335-kak-stalin-platnoe-obrazovanie-vvel.html> (дата обращения: 11.09.2021).
23. Храмова Е. А. Средние специальные учебные заведения России 1941–1945 годов в современной историографии // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 5. С. 167–170.
24. Григорьева Н. А. Государственная политика и практика развития гражданского образования в России: 1958–2006 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Астрахань, 2009. 504 с.
25. Анисимова Т. С. Исторический опыт разработки и реализации государственной политики перехода к всеобщему среднему образованию: 1965–1985 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2006. 426 с.
26. Мишенин С. Е. А. Ф. Маслов. Концепция руководства Тайгинским техникумом железнодорожного транспорта МПС СССР // XIV Чтения, посвященные памяти Р. А. Яворского (1925–1995): к 80-летию высшего педагогического образования в Кузбассе: сб. науч. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф. (Новокузнецк, 26 апреля 2019 г.) Новокузнецк: Арт-экспресс, 2019. С. 59–63.

original article

Students of Railway College of the Town of Taiga in 1943–1991

Sergey E. Mishenin

Kuzbass Regional Institute for Vocational Education Development, Russia, Kemerovo; s-e-m-57@mail.ru

Received 8 Sep 2021. Accepted after peer review 8 Nov 2021. Accepted for publication 8 Nov 2021.

Abstract: The present article introduces a historical analysis of students of the Technical College of Taiga in 1943–1991. The social analysis involved factorial, structural-systemic, and historical approaches. The Technical Railway College has almost 80 years of history, which makes it one of the leading educational institutions of its branch in the country. Since 1991, it has been the Taiga Institute of Railway Transport, a branch of the Omsk State Railway University. The author identified the changes in the contingent of applicants in 1943–1991. They appeared to be connected with the development of the country and education policy. The revealed characteristics made it possible to clarify the logic of the development of a particular institution based on the changes in the forms and methods of recruitment, payment, age, etc. In this regard, recruitment acted as a set of special methods, e.g. clubs of young naturalists, contests and conferences, material base, promotion of railway

professions through alumni, etc. In addition, good working conditions and high salary were important factors that attracted people to the Technical College of Taiga.

Keywords: Taiga, Railway College, career guidance, methods of replenishment, railway general education schools, secondary vocational education, social groups of students

Citation: Mishenin S. E. Students of Railway College of the Town of Taiga in 1943–1991. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 876–883. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-876-883>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Mishenin S. E. The training of railway workers of Kuzbass in institutions of primary and secondary vocational education in the Soviet period. *Professional education in Russia and abroad*, 2020, (2): 197–210. (In Russ.)
2. Voronin A. V. Stages of formation and development of educational institutions of secondary vocational education. *Life-Long education for sustainable development: Proc. Conf., St. Petersburg, 3–6 Jun 2007*. St. Petersburg: Alter Ego, 2007, 91–92. (In Russ.)
3. Yemelyanova E. I. Higher and secondary vocational education of the agrarian profile of the Kursk region (1985–2000): vocational guidance. *Strategiia ustoychivogo razvitiia regionov Rossii*, 2011, (5): 231–235. (In Russ.)
4. Zelenin A. A., Kochergin D. G., Ovchinnikov V. A. Elementary and secondary vocational education in Kuzbass during the period 1991–1999. *Professional education in Russia and abroad*, 2018, (2): 194–206. (In Russ.)
5. *History of secondary vocational education in Russia*, eds. Anisimov P. F., Zuev V. M. Moscow: IPR SPO, 2001, book 2, 704. (In Russ.)
6. Konov A. A. Training of technical staff at the railways of the Ural region in 1956–1991. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, (3-2): 86–91. (In Russ.)
7. Loktin K. M. Formation and the development of special secondary education in Western Siberia 1954–1965 what is for sociocultural phenomenon. *Siberian Pedagogical Journal*, 2010, (2): 285–295. (In Russ.)
8. Loktin K. M., Belovolov V. A. Molding of the contingent of the average special training into 1954–1965 year's based on the example of West Siberian region. *Siberian Pedagogical Journal*, 2011, (1): 217–222. (In Russ.)
9. Novikova I. V. *Specialized secondary education in the RSFSR in 1965–1980*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2006, 186. (In Russ.)
10. Ovchinnikov V. A., Kochergin D. G. Kuzbass professional education in the post-Soviet period: reform and development trends. *Pedagogika*, 2020, (4): 107–117. (In Russ.)
11. Ovchinnikov V. A., Kochergin D. G. *The system of primary and secondary vocational education in Kuzbass in the post-Soviet period*. Kemerovo: KRIRPO, 2019, 252. (In Russ.)
12. Polikarpova T. V. *Party leadership in the training and education of mid-level specialists in 1971–1980 (the case of the Non-Black Earth Zone of the RSFSR)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1984, 209. (In Russ.)
13. Popov V. P. *The system of secondary specialized education in the USSR and the Russian Federation in 1917–2000*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2001, 242. (In Russ.)
14. Smirnova M. M. *Activity of party organizations in Western Siberia for the development of secondary specialized education (1959–1965)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Tomsk, 1981, 222. (In Russ.)
15. Trofimenko V. I. *Secondary technical school in Russia during the period of socio-economic reforms in the late 1980s – mid-1990s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2007, 212. (In Russ.)
16. Sopegina V. T., Shakuto E. A., Kuznetsova I. Yu., Apukhtina A. G. The phenomenon of career guidance in the context of continuing education. *Professional education in Russia and abroad*, 2020, (1): 104–111. (In Russ.)
17. Soynikov A. A. Organization of vocational guidance work in secondary specialized humanitarian educational institutions of Russia in the 1960s. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (1): 26–31. (In Russ.)
18. Gorina I. I. *Secondary vocational education in Russia in the context of systemic reforms: 1990s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2004, 197. (In Russ.)
19. Dudyrev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I., Abankina I. V. *Young professionals for the new economy: secondary vocational education in Russia*. Moscow: ID VShE, 2019, 272. (In Russ.)

20. Odyakov S. V. Methodological approaches to the study of the social structure of modern Russian society. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2015, 15(4): 58–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.14529/hum150410>
21. *The history of railway transport in the Soviet Union. Vol. 3: 1945–1991*, eds. Kuzmich V. D., Levin B. A. Moscow: MGUPS, 2004, 631. (In Russ.)
22. Samsonov A. How Stalin introduced "paid education". *Voennoe obozrenie*, 6 Jun 2016. Available at: <https://topwar.ru/96335-kak-stalin-platnoe-obrazovanie-vvel.html> (accessed 11 Sep 2021). (In Russ.)
23. Khramkova E. L. Average special educational institutions of Russia in 1941–1945 years in modern historiography. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo soetsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2007, (5): 167–170. (In Russ.)
24. Grigorieva N. A. *State policy and practice of the development of civic education in Russia: 1958–2006*. Dr. Hist. Sci. Diss. Astrakhan, 2009, 504. (In Russ.)
25. Anisimova T. S. *Historical experience in the development and implementation of state policy for the transition to universal secondary education: 1965–1985*. Dr. Hist. Sci. Diss. Slavyansk-on-Kuban, 2006, 426. (In Russ.)
26. Mishenin S. E. A. F. Maslov. The concept of leadership of the Taiga Technical Railway College of the Ministry of Railways of the USSR. XIV R. L. Yavorsky (1925–1995) Readings: 80th anniversary of higher pedagogical education in Kuzbass: Proc. All-Russian Sci. Conf., Novokuznetsk, 26 Apr 2019. Novokuznetsk: Art-ekspress, 2019, 59–63. (In Russ.)

оригинальная статья

Жизнь и деятельность подполковника милиции Алексея Николаевича Овчинникова (1920-е гг. – 1941 г.)

Владислав Алексеевич Овчинников
Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>;
rpcsib@rambler.ru

Евгений Васильевич Суверов
Барнаульский юридический института МВД России, Россия,
г. Барнаул

Поступила в редакцию 04.11.2021. Принята после рецензирования 25.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: На основе впервые введенных в научный оборот материалов личного архива подполковника милиции А. Н. Овчинникова, документов архивов Главных управлений Министерства внутренних дел России по Алтайскому краю и по Новосибирской области в рамках новой биографической истории реконструирован начальный этап профессиональной деятельности А. Н. Овчинникова в контексте истории советской милиции Западной Сибири. Дана характеристика особенностей его профессиональной деятельности и личного участия в процессе становления и развития органов внутренних дел на территории современных Алтайского края и Кузбасса. Начало службы в милиции А. Н. Овчинникова совпало с кардинальным реформированием советской милиции, ее подчинением Объединенному государственному политическому управлению ОГПУ, военизацией, восстановлением полторганов, что являлось важной составляющей курса на создание командно-административной системы, проведение коллективизации и индустриализации. Подтверждено, что в это время сотрудники милиции оценивались не только по профессиональным качествам, определяющую роль играла партийно-комсомольская принадлежность (в первую очередь для начальствующего состава), политическая позиция и уровень образования. Источники позволили уточнить детали, выявить личную позицию участника процесса формирования и развития органов милиции в 1930–1940-е гг. Несмотря на постоянные кадровые проблемы, низкий уровень образования, на этом этапе удалось с помощью партийно-комсомольских призывов переломить ситуацию – повысить дисциплину и образовательный уровень, укрепить морально-нравственные качества и политическую сознательность сотрудников милиции, что напрямую отразилось на повышении эффективности борьбы с преступностью и охране общественного порядка. Сделан вывод о необходимости дальнейшей персонализации истории путем изучения жизнедеятельности руководителей и простых сотрудников, их роли в укреплении милиции с использованием потенциала личных и семейных архивов.

Ключевые слова: биография, советская милиция, органы внутренних дел, НКВД, МВД, Западная Сибирь, персональная история

Цитирование: Овчинников В. А., Суверов Е. В. Жизнь и деятельность подполковника милиции Алексея Николаевича Овчинникова (1920-е гг. – 1941 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 884–896. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-884-896>

Введение

Персональная история человека на современном этапе становится одним из активно разрабатываемых направлений исторической науки [1]. В этой связи повышается значение документов личного происхождения как источника биографических сведений, которые, являясь памятниками своего времени, позволяют через историю конкретного человека, его общественную и профессиональную деятельность охарактеризовать исторические реалии эпохи. Уникальная особенность документов личного происхождения состоит в том, что они разнообразны по содержанию и позволяют увидеть исторические события глазами его непосредственного участника – создателя источника. Их основные характеристики: документальность, ретроспективность и субъективность – определяют подбор исследователем определенного методического инструментария для их изучения [2, с. 375–376]. Часто документы личного происхождения

хранятся в личных и семейных архивах и недоступны историку-исследователю [3; 4].

Недавно у историков появилась возможность изучить документы, хранящиеся в личном архиве подполковника милиции А. Н. Овчинникова (годы жизни: 1906–1990, годы службы: 1931–1961): письменные исторические: воспоминания, частная и деловая переписка, делопроизводственные документы – автобиографии и служебные характеристики, документы о служебной и общественной деятельности, в том числе удостоверения, командировочные удостоверения, пропуск, вещевые книжки, свидетельства о наградах, периодическая печать (газетные вырезки); вещественные и изобразительные: фотографии официальные и в кругу семьи, награды и памятные подарки, элементы обмундирования. Анализ источников дает возможность изучить процесс становления А. Н. Овчинникова

как профессионала – советского милиционера – и выявить особенности истории милиции Западной Сибири.

Сложный период истории страны и советской милиции совпал с временем службы подполковника милиции А. Н. Овчинникова. Начало службы пришлось на период коллективизации, индустриализации и массовых репрессий, бескомпромиссной борьбы против преступного элемента. В годы Великой Отечественной войны на фронт была призвана значительная часть личного состава милиции, остро встала кадровая проблема. В сложнейших условиях сотрудники органов внутренних дел ликвидировали, помимо бандитско-воровского элемента, группы дезертиров и диверсантов.

С этими этапами истории советской милиции тесно связан профессиональный путь А. Н. Овчинникова, который осенью 1931 г. по партийному призыву был направлен политруком в Пospelikhинское отделение милиции, в 1930-е гг. служил политинспектором Барнаульского городского управления милиции, заместителем начальника по политчасти Анжеро-Судженского горуправления милиции Сибирского края, начальником райотдела милиции в с. Алтайское, начальником 2-го отделения милиции Октябрьского района г. Барнаул. С августа по декабрь 1941 г. он проходил учебу в Центральной школе милиции НКВД СССР, затем был назначен начальником Троицкого райотдела милиции Алтайского края, служил начальником Троицкого райотдела НКВД, с 1946 г. – начальником Барнаульского горотдела милиции, с июня 1948 г. по декабрь 1961 г. – начальником Бийского горотдела милиции.

Несмотря на наличие источников в архиве Главного управления МВД России по Алтайскому краю, музейных экспонатов (в том числе документов, воспоминаний) в Центральном музее МВД России, музеях милиции в Алтайском крае и Кузбассе, единая биография подполковника милиции А. Н. Овчинникова отсутствует, не было специальных научных работ, ставивших целью изучение его жизни или отдельных этапов профессиональной деятельности. В научной литературе и периодической печати упоминался только фрагмент его жизни при описании «Бийского бунта» или «бунта в базарный день» 1961 г.¹ [5, с. 406].

Несмотря на возрастание в постсоветский период интереса к изучению истории органов внутренних дел в Западной Сибири и появление целого ряда комплексных исследований, жизнедеятельность руководителей и простых советских милиционеров, их роль в преодолении проблем развития милиции, участие в наиболее громких делах освещены неполно и требуют дальнейшего исследования [6–17].

Объектом исследования в рамках данной статьи является жизнь и профессиональная деятельность подполковника милиции А. Н. Овчинникова в контексте истории советской милиции. Цель – изучение биографии А. Н. Овчинникова

А. Н. Овчинников (крайний слева), политрук Пospelikhинского районного управления милиции, вместе с друзьями – слушателями Барнаульской совпартшколы, 1931 г.

A. N. Ovchinnikov (on the far left) as a political instructor of the Pospelikhin militia, with fellow students from the Barnaul Soviet Communist Party School, 1931

с описанием особенностей профессиональной деятельности и личного участия в процессе становления и развития советской милиции в Западной Сибири на основе впервые введенных в научный оборот источников. Хронологические рамки ограничены 1920-ми гг. – 1941 г. – временем становления личности и направления на службу в милицию А. Н. Овчинникова, его работой в органах внутренних дел в 1930-е гг. и во время начала Великой Отечественной войны. Профессиональной деятельности А. Н. Овчинникова в 1941–1960-е гг. и его жизнедеятельности после ухода на пенсию будет посвящена отдельная научная статья.

Методология и источники

В работе применялись историко-сравнительный, историко-генетический, историко-биографический методы исследования. Историко-биографический метод позволил описать, реконструировать и проанализировать обстоятельства жизни и деятельности, дать характеристику А. Н. Овчинникову как яркому представителю советской милиции Западной Сибири.

Именно с совершенствованием применения биографического метода связано развитие направления персональной истории, или новой биографической истории, в отечественной историографии. Новая биографическая история стала основой для развития междисциплинарного подхода в отечественной исторической науке, а также «точкой стыковки» микро- и макроистории, т. к. биография человека содержит детальные сведения об эпохе и ее особенностях.

В рамках статьи мы изучаем личную историю человека в контексте истории советской милиции на основе личных

¹ Муравлев А. Бийский погром: 45 лет назад, 25 июня 1961 года, во втором по величине городе Алтая произошло одно из крупнейших народных волнений в СССР // Алтайская правда. 23.06.2006.

документов и воспоминаний – собственноручно написанной личной истории, по сути, автобиоисториографического произведения. В основе методологического подхода лежат «отсутствие установки» на исчерпывающее объяснение, признание уникальности человеческой личности и неповторимости индивидуального опыта, нацеленность на восстановление «истории одной жизни» [18–22].

В исследовании впервые были введены в научный оборот как документы, хранящиеся в архиве Главного управления МВД России по Алтайскому краю, так и материалы личного архива, которые хронологически охватывают период с 1926 г. по 1985 г. Наибольшую ценность для исследователей представляют воспоминания, написанные А. Н. Овчинниковым собственноручно (6 пронумерованных школьных тетрадей) по просьбам сотрудников музея УВД Алткрайисполкома Центрального музея МВД СССР (г. Москва), музея УВД Кемеровской области.

Воспоминания содержат как факты автобиографии, так и указание основных направлений работы и проблем милиции, характеристики сослуживцев, описание наиболее громких уголовных дел. Таким образом, мемуары представляют собой современную историю – вид источника личного происхождения, когда современник в записях сообщает о важных событиях его жизни, связанных в этом случае со службой в советской милиции. Воспоминания были созданы спустя несколько десятилетий после описываемых событий и содержат ретроспективный взгляд на историю милиции и личную биографию [23]. Их спецификой является документальность и внимание к деталям, что позволяет восстановить факты, которые не были зафиксированы в других источниках.

Безусловно, источники имеют ярко выраженный субъективный характер – их создателем был коммунист, человек, прошедший путь в советской милиции от политрука до начальника городского отдела МВД. Эти особенности социально-психологического уровня биографии конкретного человека нашли отображение в восприятии им исторических событий и их оценки. Но эти особенности и дают возможность историку-исследователю детально реконструировать отдельные события и выявить особенности исторической эпохи.

Сведения, изложенные в воспоминаниях, соотносятся с другими документами, хранящимися в личном архиве А. Н. Овчинникова, в том числе его характеристикой как члена ВАКСМ Центральной ячейки Змеиногорска, члена Змеиногорского сельского совета для вступления в ряды ВКП(б) 1926 г.; автобиографией (написана собственноручно), апрель 1983 г.; личным листком по учету кадров от 20 января 1987 г. В источниках достоверно и достаточно полно с фиксацией деталей и обозначением собственной позиции создателя зафиксированы основные события собственной жизни и истории милиции. Достоверность источников подтверждает сопоставление с известными научными трудами по истории милиции изучаемого периода и документами

архива Главного управления МВД России по Алтайскому краю, предоставленными по запросу Информационным центром ГУ МВД России по Алтайскому краю (архивная справка о службе А. Н. Овчинникова в органах внутренних дел, архивные копии из материалов личного дела и др.).

В личном архиве хранятся фотографии (23 единицы) с указанием на обороте даты, места, ФИО и должностей изображенных лиц. Они содержат информацию об обмундировании и знаках различия, обстановке рабочих помещений, формах отдыха сотрудников милиции, отражают участие в определенных событиях [24]. О высокой оценке работы по ликвидации преступности в военное и послевоенное время свидетельствует уровень и время представления к государственным наградам – в личном архиве хранятся 15 удостоверений к наградам, в том числе две орденовские книжки.

Ценность представляют вещевая книжка начальствующего состава НКВД, военный билет начальствующего состава запаса РККА, пропуск № УМ 117 МВД по Алтайскому краю капитану А. Н. Овчинникову. От 10 февраля 1948 г. – удостоверение № 39 А. Н. Овчинникова. Вечерний университет марксизма-ленинизма при Бийском ГК ВКП(б): слушатель с 1 сентября 1948 г. по 1 июля 1950 г.

Работу ветеранов и органов МВД по сохранению истории советской милиции раскрывает переписка А. Н. Овчинникова с Советом ветеранов УВД Алткрайисполкома о создании музея истории боевой и трудовой славы милиции на Алтае, с музеями милиции Алткрайисполкома и Кемеровской области, Центральным музеем МВД (г. Москва), акты приемки-передачи предметов музейного значения, газетные вырезки с указанием деталей биографии А. Н. Овчинникова из газеты «Бийский рабочий» (1978 г.).

Различные удостоверения, справки, грамоты, выписки из протокола заседаний ячеек ВКП(б), характеристики 1920-х – начала 1930-х гг. позволяют проследить начало трудового пути и комсомольско-партийной работы, понять, как формировалась личность А. Н. Овчинникова, что послужило причиной для его направления на службу в ряды советской милиции.

Сохранились документы, свидетельствующие о первом этапе службы в милиции:

- служебное удостоверение от 3 октября 1931 г., подтверждающее, что «А. Н. Овчинников действительно находится на службе в управлении РКМ Поспелихинского района в должности политрука. Имеет право ношения оружия»;
- удостоверение от 1 августа 1931 г. о командировании тов. А. Н. Овчинникова, члена Поспелихинской районной РКМ в Клепечихинский сельсовет Поспелихинского района «для организации групп содействия РКИ при всех структурах Клепечихинского сельсовета»;
- удостоверение от 30 июля 1932 г. выдано А. Н. Овчинникову – «Состоит на службе в Барнаульском межрайонном секторе Р. К. милиции в должности политического

инспектора. Присваивается право ношение и хранение оружия системы наган»;

- удостоверение от 11 июня 1932 г. – «Тов. Овчинников командирован в с. Власиха горкомом ВКП(б) для проведения массовой работы по реализации решений ЦК ВКП(б) и СНК о хлебозаготовительной кампании от урожая 1932 г., скотозаготовке и колхозной торговле»;
- вызов 31 октября 1932 г. политинспектора Барнаульского ГУМ Овчинникова на месячные сборы политсостава СибВО в военный городок г. Новосибирск на основании циркуляра Политуправления Штаба СибВО.

Документы отражают все этапы службы А. Н. Овчинникова вплоть до увольнения на пенсию, а также его последующую работу начальником отряда ведомственной военизированной охраны Бийского химического комбината и меры по развитию народных дружин. Например, выписка из приказа начальника УВД Алтайского края о поощрении подполковника милиции А. Н. Овчинникова от 25 ноября 1961 г. – «Прослужил более 30 лет и в настоящее время увольняется на пенсию по болезни. Наградить деньгами в сумме 40 руб.».

Начало жизненного пути и формирование личности.

Этап жизни до службы в милиции

Алексей Николаевич Овчинников родился 17 марта 1906 г. в г. Змеиногорск Змеиногорского уезда Томской губернии. Во всех автобиографиях А. Н. Овчинников указывал социальное происхождение – из рабочих². Отец – Николай Андреевич Овчинников – служил в годы Первой мировой войны в Российской императорской армии. Он работал на сереброплавильной фабрике и руднике, потом каменщиком и печником, член ВКП(б) с 1920 г. После установления Советской власти работал в сапожной мастерской, позже возглавил профсоюз кожевников. Мать – Александра Никитична Овчинникова – из семьи кузнеца Змеиногорского рудника. После смерти своего отца работала прислугой в Змеиногорске и Барнауле, где и вышла замуж. У А. Н. Овчинникова были две старших сестры и младший брат. В автобиографии он писал, что они с матерью жили в землянке, пока отец не пришел со службы.

Змеиногорский рудник был закрыт в 1871 г., а в 1893–1894 гг. прекратил работу и сереброплавильный завод (был перепрофилирован в электролитную фабрику). В начале XX в. Змеиногорск представлял собой торговое село с мелкой промышленностью. Село было административным центром Змеиногорского уезда (с 1894 г. – округ, с 1898 г. – уезд в составе Томской губернии, с июня 1917 г. –

уезд в составе Алтайской губернии), промышленным и торговым центром.

Детство и молодость А. Н. Овчинникова пришлось на сложные и насыщенные событиями годы революции, гражданской войны и становления советской власти на юге Западной Сибири. С 11 лет он обучался три года (по другим данным – 4 года) в 1917–1920 гг. в одном из действующих в Змеиногорске одноклассных начальных училищ. Рано, в подростковом возрасте, в 1917–1919 гг. начал работать по найму в весенний сезон и сезон хлебоуборки «в погоньчых» – погонщиком.

15 марта 1918 г. в Змеиногорском уезде была установлена советская власть, прошел первый съезд советов крестьянских рабочих и солдатских депутатов уезда. Но уже в июне 1918 г. в городе произошел контрреволюционный переворот. После этого в уезде активно развернулось красное партизанское движение. Окончательно советская власть была установлена в декабре 1919 г. В 1921 г. президиум Алтайского губисполкома перевел центр Змеиногорского уезда из Змеиногорска в село Рубцовское, а сам уезд стал называться Рубцовским. В июле 1925 г. уездным городом вновь стал Змеиногорск, а уезду было возвращено наименование Змеиногорский [25; 26].

В 1920–1921 гг. семья Овчинниковых вступила в коммуну, организованную в 12 км от Змеиногорска. Там А. Н. Овчинников вступил в комсомол (РКСМ), был секретарем комсомольской ячейки. Но просуществовав два года, коммуна распалась из-за «слабой хозяйственной основы». В 1921–1925 гг. он работал батраком в единоличных хозяйствах и по найму (хлебоуборка, разгрузка плотов в порту, пила дров, учеником в сапожной мастерской) в Семипалатинской и Алтайской губерниях (с 1925 г. – Сибирском крае). В 1925 г. в с. Красный Яр Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской губернии повторно вступил в комсомол (РАКСМ), т. к. выбыл из его рядов механически, потому что в населенных пунктах, где он работал по найму, не было комсомольских ячеек.

В 1925 г. вернулся в Змеиногорск. После недолгого периода работы по найму и 4-х месяцев рабочим на масломолочном заводе он был направлен РК РАКСМ в общество потребительской кооперации Змеиногорска (1926–1928). В это же время он в 1926–1927 гг. являлся секретарем комсомольской организации райцентра с. Змеиногорское, которая насчитывала более 80 человек, и членом сельского совета. В 1927 г. был принят кандидатом в члены ВКП(б). Член ВКП(б) – с 1928 г.

В июне 1928 г. был слушателем курсов секретарей партийных ячеек Пospelихинского района, затем направлен на курсы окружного партактива в г. Рубцовск, которые проводились под руководством секретаря Рубцовского окружкома партии М. И. Дьякова³. В связи со сложным проведением

² Архив Главного управления МВД России по Алтайскому краю (Архив ГУ МВД России по АК). Ф. 9. Оп. 30. Д. 602. Л. 29, 36.

³ Фотография с надписью на оборотной стороне: «Июнь 1928 г. Окружные курсы секретарей парторганизаций, г. Рубцовск. 4-й слева во втором ряду в очках и галстуке секретарь Рубцовского окружкома партии М. И. Дьяков, рядом его заместители Бычков, Журавлев и Подорожный» // Личный архив А. Н. Овчинникова.

хлебозаготовительных кампаний в 1927–1928 гг. ЦК ВКП(б) 14 и 24 декабря 1927 г. направила две директивы партийным организациям с требованием чрезвычайных мер в связи с резким сокращением хлебных заготовок в октябре и ноябре. К хлебозаготовкам были привлечены аппараты милиции и государственного политического управления. В январе-феврале 1928 г. инспекционную поездку по хлебным регионам Сибири совершил генеральный секретарь ВКП(б) И. В. Сталин, посетив г. Барнаул и г. Рубцовск. 23 января он лично участвовал в заседании бюро Рубцовского окружкома ВКП(б), дав жесткие оценки и установки: «выполнить план в установленные сроки» – лично М. И. Дьякову и партактиву. Темпы сбора хлеба в регионе резко возросли, Алтай дал в 1928 г. более 50 % всего собранного в Сибири хлеба, из которого около 80 % было отправлено в центральные регионы СССР. Некоторые исследователи именно с этими событиями связывают начало жесткого курса на коллективизацию.

После окончания курсов райкомом ВКП(б) А. Н. Овчинников был послан секретарем парторганизации в с. Екатериновка и по совместительству заведующим избой-читальней, где проработал с сентября 1928 г. по сентябрь 1929 г. За успешное выполнение плана хлебозаготовок был направлен на учебу в Барнаульскую межрайонную совпартшколу 2-й ступени, которую закончил в марте 1931 г. С 1930 г. он исполнял обязанности секретаря комитета комсомола школы и был членом бюро парткома. Подобные школы завершали систему специального обучения для взрослых с ярко выраженным партийно-общественным уклоном: школа политграмоты – совпартшкола 1-й ступени – совпартшкола 2-й ступени. В советско-партийные школы 2-й ступени с 2-годовичным курсом обучения (общеобразовательный курс для взрослых в них был несколько короче, чем в обычной общеобразовательной школе) принимали людей, уже получивших начальную ступень образования⁴ [27].

Как лучший активист совпартшколы он был поощрен грамотой, подписанной командиром – политруком 8-й роты 6-го терр. полка и секретарем ячейки ВКП(б). В 1928 г. он вел селькорскую работу, состоял в кружке «Селькор» Змеиногорского сельсовета⁵. После окончания школы поступил в распоряжение Пospelихинского РК ВКП(б) и был направлен в коммуны им. Мамонтова секретарем партийной организации, где проработал с марта по октябрь 1931 г. Программа создания на пустующих землях новых совхозов и колхозов начала реализовываться с 1929 г. В Пospelихинском районе сначала был создан совхоз «12 лет Октября», а затем на базе одного из отделений была создана коммуна (совхоз), названная в честь легендарного партизанского командира Е. М. Мамонтова.

Начало службы в милиции

Начало службы А. В. Овчинникова пришлось на время кардинальных преобразований советской милиции в 1930-х гг. В начале 1920-х гг. численность милиции сократили примерно в два раза, передав ее содержание на местный бюджет. Материальное положение сотрудников значительно ухудшилось. Как следствие этой ситуации низкая дисциплина и падение профессионализма сотрудников негативно отразились на охране общественного порядка и борьбе с преступностью [28].

Начало 1930-х гг. в период сплошной коллективизации и ликвидации кулацких хозяйств стало временем антиколхозных выступлений в СССР. В конце 1930 г. на территории Западной Сибири было ликвидировано 537 банд. Только в 45 сельских районах Западно-Сибирского края в 1930 г. 26 милиционеров было убито и 27 ранено [29, с. 74]. Антисоветский характер в 1930 г. в Западной Сибири носили Добытинское восстание, Усть-Пристанский мятеж, Муромцевское восстание и другие выступления крестьян [29, с. 78; 30, с. 327–332].

В этих условиях милиция в Западной Сибири, где основной проблемой оставался дефицит квалифицированных кадров, показала свою неэффективность. В органы внутренних дел приходили малограмотные, имеющие слабые представления об охране общественного порядка молодые люди. Проверки показывали недостаточную политическую грамотность милиционеров. Физическое освидетельствование 1931 г. группы руководящих сотрудников выявило из 341 человек только 41 здорового, а 25 % оказались полностью непригодны к службе в милиции⁶ [31, с. 59; 32]. Милиция Западной Сибири в 1931 г., по оценке исследователей, выполняла массу несвойственных ей функций; отличалась развитием преступности среди личного состава, падением дисциплины, разложением отдельных звеньев аппарата (пьянство, связь с чуждым элементом и пр.), неудовлетворительными материально-бытовыми условиями, колоссальной текучестью личного состава. Криминогенная ситуация в начале 1930-х гг. в Западной Сибири была ужасающей: регион был буквально наводнен всевозможными бандами и преступными группами. В регионе после гражданской войны было сосредоточено большое количество оружия [7, с. 17, 23].

В этой ситуации в рамках курса на свертывание НЭПа и построения административно-командной системы с усилением роли Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) была проведена реформа милиции, определившая контуры ее развития вплоть до начала 1960-х гг. 15 декабря 1930 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о ликвидации НКВД союзных

⁴ Фотография с надписью на оборотной стороне: «Вместе учились в совпартшколе Барнаула в 1931 г. и жили в одной квартире. С 1931 г. работал политруком в Пospelихинском райуправлении милиции» // Личный архив А. Н. Овчинникова.

⁵ Грамота активисту совпартшколы. 1928 г.; удостоверение от 01 января 1928 г. дано Овчинникову Алексею в том, что он состоит в кружке «Селькор» и ведет селькорскую работу // Личный архив А. Н. Овчинникова.

⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Р.-Ф. 47. Оп. 5. Д. 140. Л. 42.

и автономных республик. Одновременно с этим было принято секретное постановление «О руководстве органами ОГПУ деятельностью милиции и уголовного розыска». Это стало первым шагом на пути централизации милиции. 25 мая 1931 г. СНК СССР утвердил первое общесоюзное «Положение о рабоче-крестьянской милиции». Одним из направлений повышения эффективности работы милиции стала ее военизация – введение единоначалия, дисциплинарного устава и аттестации, установление специальных званий и формы одежды.

Были восстановлены политорганы в милиции, упраздненные в 1920-е гг., для политической и культурно-просветительной работы, укрепления политико-морального состояния личного состава. Их структура и функционал были определены Инструкцией ЦК ВКП(б) от 11 октября 1931 г. «О работе политорганов милиции». В Главном управлении милиции при СНК РСФСР был создан политотдел, в местных органах милиции – политинспекции. Общее руководство партийной работой в органах милиции осуществлял ЦК ВКП(б) через политотдел Главной инспекции ОГПУ по милиции. Непосредственное руководство парторганизациями милиции осуществлялось областными (краевыми) комитетами ВКП(б), горкома и райкома партии через политотделы и политинспекции милиции, являвшимися рабочим аппаратом этих партийных комитетов.

В нормативных документах Сибревкома предлагалось призывать в милицию «наиболее сознательных, грамотных рабочих, крестьян, твердо стоявших на платформе "Советской власти"» [7, с. 17; 33, с. 162–166]. Пополнение органов внутренних дел шло за счет притока молодых кадров в ходе партийно-комсомольских мобилизаций. Именно по партийному призыву А. Н. Овчинников 1 октября 1931 г. решением Поспелихинского бюро райкома партии был направлен на службу политическим руководителем (политруком) отдельного взвода ведомственной милиции Поспелихинского райуправления милиции Алтайского края⁷. Во время службы командировался в села района для организации при сельсоветах групп содействия милиции, проводил политико-воспитательную работу, одновременно преподавал в вечерней Поспелихинской совпарт школе историю классовой борьбы и историю ВКП(б)⁸.

Внутри органов идеологическое и политико-воспитательное воздействие партии на сотрудников осуществлялось через политорганы, партийные и комсомольские организации. Наряду с личными профессиональными качествами партийно-комсомольская принадлежность была основной для занятия руководящих должностей. На политорганы милиции была возложена работа по политическому просвещению кадров. С октября 1932 г. была введена обязательная марксистско-ленинская учеба для лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава (Циркуляром от 8 октября 1932 г. «О развитии общеобразовательной работы в органах РК милиции»).

Служба в г. Барнаул

С марта 1932 г. А. Н. Овчинников возглавил политическое направление Барнаульского межрайонного сектора милиции, а в апреле был назначен политинспектором Барнаульского городского отделения милиции⁹. В это время он активно повышал свой образовательный уровень, который являлся недостаточным для решения непростых задач политического воспитания кадров милиции¹⁰. Помимо организации политической работы с сотрудниками он регулярно выезжал в командировки, контролируя ход хлебозаготовок, сдачу скота государству, колхозную торговлю¹¹. В сферу его ответственности входил г. Барнаул и еще 10 сельских районов со сложной оперативной обстановкой. Много преступлений совершалось в городских кварталах, особенно в районе вещевого базара (карманные кражи, аферы, спекуляция). Опасным местом в городе была т. н. Дунькина Роща – лесной массив на окраине (в настоящее время это район Алтайского государственного технического университета), где собирался преступный элемент. В воспоминаниях А. Н. Овчинникова уточняется, что штат уголовного розыска насчитывал всего 8 сотрудников (начальник – тов. Сибирцев), из транспорта было лишь 2 лошади, поэтому часто выполнять служебные задания приходилось пешком в любое время года и суток. Серьезную помощь в охране общественного порядка и поиска преступников оказывало небольшое подразделение конной милиции (отдельный кавалерийский эскадрон)¹².

⁷ Автобиография А. Н. Овчинникова. 09.04.1932. Копия // Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю.

⁸ Удостоверение от 01.08.1931 о том, что «тов. Овчинников А. Н., член райКК-РКИ командирован Поспелихинской районной КК-РКИ в Клепечихинский сельсовет Поспелихинского района для организации групп содействия РКИ при всех структурах Клепечихинского сельсовета»; Справка от 22.03.1932 «дана А. Н. Овчинникову в том, что он работал в Поспелихинской опорной совпартшколе в качестве преподавателя по истории классовой борьбы и истории ВКП(б) с 01.11.1931 г. по 22.03.1932 г. Преподавание проводил в порядке общей нагрузки» // Личный архив А. Н. Овчинникова.

⁹ Автобиография А. Н. Овчинникова... 20.10.1938.

¹⁰ Вызов «1-й Западно-Сибирский коммунистический университет им. Ф. Дзержинского. Заочно-курсовой сектор (Новосибирск, Красный проспект № 5). Тов. Овчинников А. Н. вызывается на 5-дневную установочную конференцию заочников Комвуза, которая начинается 25 января 1932 г.»; Вызов «31 октября 1932 г. политинспектору Барнаульского ГУМ Овчинникову надлежит отправиться на месячные сборы политсостава СибВО в г. Новосибирск, Военный городок. Основание: циркуляр Политуправления Штаба СибВО» // Личный архив А. Н. Овчинникова.

¹¹ Удостоверение от 11.06.1932: «Тов. Овчинников командировается в с. Власихагоркомом ВКП(б) для проведения массовой работы по реализации решений ЦК ВКП(б) и СНК о хлебозаготовительной кампании от урожая 1932 г., скотозаготовке и колхозной торговле» // Личный архив А. Н. Овчинникова.

¹² Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 179. Л. 199.

Милиция решала широкий круг задач: от ликвидации детской беспризорности (милиционеры направляли беспризорников в детские дома) до борьбы с бандитизмом. В воспоминаниях А. Н. Овчинников отмечает, что несмотря на невысокий уровень образования, у многих сотрудников милиции был богатый практический опыт и большое желание честно служить своей Родине. Это часто выражалось в их героическом поведении. Так, летом 1932 г. в районе старого кладбища г. Барнаул (в настоящее время – городской нагорный парк, бывший ВДНХ) сотрудниками уголовного розыска была проведена успешная операция по нейтрализации бандитского подполья. Ночью они с оружием и факелами окружили заброшенную часовню, где собирались бандиты. Тов. Сибирцев громко скомандовал: «Спротивление бесполезно, выходим по одному...». Преступники были ошеломлены и не оказали серьезного сопротивления, во время обыска у них были изъяты ножи, бритвы, краденые вещи¹³.

В связи с увеличением автотранспорта на улицах города с 15 марта 1932 г. было принято решение об организации команды по регулированию уличного движения, стали готовиться регулярные отчеты об авариях и несчастных случаях в Барнауле¹⁴.

Служба в г. Анжеро-Судженск

С сентября 1933 г. А. Н. Овчинников был направлен на новое место службы на должность помощника начальника по политчасти Анжеро-Судженского городского управления милиции Сибирского края¹⁵. Здесь он также часто посещал местные колхозы, где решал вопросы по выполнению плана хлебозаготовок. По его воспоминаниям, уровень и характер преступности на новом месте службы мало чем отличались от г. Барнаул (лишь меньшим масштабом). Городской уголовный розыск насчитывал 5 сотрудников во главе с тов. Елизарьевым. Милицейский гарнизон в г. Анжеро-Судженск состоял из взвода милиции – 39 человек и отделения городской милиции – 17 человек¹⁶.

На основании приказа по Управлению Рабоче-Крестьянской милиции Западно-Сибирского края от 16 апреля 1934 г. были установлены новые штаты в Анжеро-Судженском главном управлении милиции (ГУМ) в количестве 60 человек [34, с. 172]. Это позитивно отразилось на снижении уровня преступности, улучшении общественного порядка. Так, сотрудниками милиции было раскрыто зверское убийство семьи шахтера. Когда глава семьи был на работе,

в квартиру пробрались двое бежавших заключенных. Они закололи ножами жену и детей и похитили ценные вещи. Преступники были вскоре задержаны, суд приговорил их в высшей мере наказания – расстрелу.

Сложной проблемой оставалась детская беспризорность и безнадзорность. Важным элементом борьбы с ней стали детские приемники-распределители (ДПР), перешедшие с 1935 г. под контроль НКВД СССР. Серьезную озабоченность вызывало у А. Н. Овчинникова состояние Анжеро-Судженского ДПР НКВД (начальник – А. В. Волединский). Он писал: «помещение было сильно загрязнено, в двух жилых комнатах хранился овес (уже сильно испорченный), печи не были исправны, двойные рамы не вставлены, многие стекла разбиты. Дети были грязные, ходили босиком, в "рваном" белье, пытались согреться около железной печи, получая при этом много ожогов, питание было организовано плохо»¹⁷. В результате его вмешательства ситуация была исправлена.

Начальником горуправления милиции Анжеро-Судженска был латыш Карл Карлович Кийссел, член ВКП(б) с 1920 г., который много внимания уделял воспитанию и спецподготовке личного состава, сам выезжал на происшествия. Как отмечает А. Н. Овчинников, он многому у него научился, и личность К. К. Кийсселя у него оставила неизгладимое впечатление. Вскоре К. К. Кийссел был назначен начальником отдела Новосибирского краевого управления милиции, участвовал в Великой Отечественной войне, служил начальником горуправления милиции г. Рига и в структурах НКВД Латвийской ССР и НКВД СССР. В 1948 г. ему было присвоено звание комиссара милиции 3-го ранга¹⁸.

Как начальник с 1931 г. Анжеро-Судженского горотдела милиции К. К. Кийссел активно участвовал в исполнении решения бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (май 1931 г.) «О ликвидации кулачества как класса». Для проведения операции в районах были созданы райпятайки, которые решали судьбу крестьян, включенных в списки сельсоветами к экспроприации и выселению в Нарым. При райпятайках Анжеро-Судженского района была создана тройка по экспроприации и выселению под председательством начальника горотдела милиции К. К. Кийсселя.

Служба в Алтайском районе Западно-Сибирского края

В январе 1935 г. А. Н. Овчинников был назначен начальником Алтайского районного отдела милиции¹⁹. Этот район отличался многочисленными случаями краж зерна,

¹³ Воспоминания ветерана милиции Овчинникова. Тетрадь № 1 // Личный архив А. Н. Овчинникова.

¹⁴ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 180. Л. 159.

¹⁵ Автобиография А. Н. Овчинникова... 11.05.1940.

¹⁶ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 253. Л. 23–26.

¹⁷ Архив ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 220. Л. 313; Воспоминания А. Н. Овчинникова о службе в г. Анжеро-Судженске. Приложение к ответу на письмо руководителя музея УВД Кемеровской области от 29.08.1984 // Личный архив А. Н. Овчинникова.

¹⁸ Воспоминания А. Н. Овчинникова о службе в г. Анжеро-Судженске. Приложение к ответу на письмо...; ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 7. Д. 359. Л. 1–15.

¹⁹ Архивная справка. Приложение к исх. письму «О направлении архивных справок» № 10/О-6 от 21.06.2021 // Архив ГУ МВД России по Алтайскому краю.

самогонарения и конокрадства. Милиция опиралась на бригадмильцев и сельских исполнителей, которые во время хлебоуборочной кампании охраняли тока и «ссыпные» пункты с зерном. Для профилактики особо тяжких преступлений с применением огнестрельного оружия был организован «месячник по добровольной сдаче оружия». Было принято от местного населения множество трехлинейных винтовок, берданок и даже гранат системы «Милас» образца 1914 г.

В это время в Сибири не редкостью были преступления против представителей советской власти на местах. Так, в 1935 г. в глухом переулке с. Алтайское был застрелен из нагана депутат местного сельского совета. Вскоре преступники были обезврежены. Два бандита (один из них – главарь Громоздин) при выходе из чайной были задержаны сотрудниками милиции. Стал известен и мотив убийства: представитель советской власти стал невольным свидетелем, как они похищали зерно, и из-за боязни разоблачения воры решили его ликвидировать.

В районе активно проводились мероприятия по «зачистке» представителей «социально вредного и деклассированного элемента». Задерживались уже отбывшие наказание уголовные преступники, лица без постоянного места жительства, не имевшие паспорта, нищие, бродяги на основании циркуляра НКВД СССР № 61 от 7 августа 1937 г. [35, с. 36].

Этот этап профессиональной деятельности А. Н. Овчинникова напрямую связан с завершающим этапом процесса централизации органов милиции, который был закреплен приказом НКВД СССР от 13 июля 1934 г. «Об организации органов НКВД на местах», согласно которому в краях и областях были созданы управления НКВД с отделами милиции. После образования в июле 1934 г. НКВД СССР основную кадровую работу начали вести специализированные аппараты. Во главе стоял отдел кадров НКВД СССР. Важным шагом укрепления кадрового состава милиции стало проведение в ноябре-декабре 1935 г. аттестации начальствующего состава, установление специальных званий и знаков различия для сотрудников, определение прав и обязанностей начсостава. Было принято «Положение о прохождении службы начальствующим составом милиции», утвержденное СНК СССР 3 июля 1936 г. В зависимости от подготовки и квалификации, служебной аттестации и стажа работы начсоставу присваивались специальные звания согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 26 апреля 1936 г. «О специальных званиях и знаках различия личного состава РКМ НКВД СССР». А. Н. Овчинникову приказом НКВД СССР № 964 от 9 октября 1936 г. было присвоено специальное звание младшего начальствующего состава милиции НКВД СССР – сержант милиции. По рангу оно соответствовало званиям сержанта госбезопасности в НКВД и лейтенанта в РККА и РККФ.

Возвращение в г. Барнаул

В ноябре 1939 г. А. Н. Овчинников в очередной раз сменил место службы – он стал начальником 2-го отделения милиции Октябрьского района г. Барнаул, где был избран депутатом Октябрьского райсовета. Ему было присвоено звание младшего лейтенанта милиции приказом НКВД СССР № 2301 от 31 декабря 1939 г.

Серьезное внимание в это время уделялось идеологическому воспитанию сотрудников органов внутренних дел, существенно усиливался политический аппарат милиции. В августе 1937 г. были введены новые штаты политаппаратов. 15 сентября 1939 г. ЦК ВКП(б) утвердил Положение о политическом отделе Главного управления НКВД СССР, которое стало руководящим партийно-политическим органом НКВД СССР. Свою работу политотдел ГУ РКМ НКВД СССР проводил через местные политотделы, политаппараты, политруков, партийные и комсомольские организации. Плановые занятия по политической подготовке проходили во 2-м Барнаульском городском отделении милиции.

С момента образования Алтайского края и УНКВД по Алтайскому краю (1937 г.) стала формироваться новая штатная структура. Отдел краевого уголовного розыска (31 сотрудник) состоял из 4-х отделений: 1-е отделение занималось раскрытием убийств и иных тяжких преступлений; 2-е раскрывало кражи личного и государственного имущества; 3-е занималось задержанием мошенников, хулиганов, насильников; 4-е специализировалось на розыске карманных воров [16, с. 13]. Эти меры положительно отразились на повышении эффективности охраны общественного порядка и борьбы с уголовными преступлениями.

Учеба в Центральной школе милиции

НКВД СССР. Начало Великой Отечественной войны

В августе 1941 г. А. Н. Овчинников был направлен на учебу в Центральную школу милиции (ЦШМ) НКВД СССР (г. Москва). В августе 1940 г. ЦШМ была организована на базе Центральной школы усовершенствования руководящего начсостава РК милиции с двухгодичным сроком обучения слушателей²⁰ [36, с. 30]. 15 августа 1941 г. Барнаульским горвоенкоматом А. Н. Овчинникову был выдан военный билет (группа учета: средняя, род войск: политический, запас 1-го разряда, снят с военного учета 19 февраля 1962 г. по достижению предельного возраста)²¹.

Об этом этапе службы (август-декабрь 1941 г., времени учебы в ЦШМ) в документах личного архива, в том числе воспоминаниях, в документах личного дела, хранящегося в архиве Главного управления МВД России по Алтайскому краю, практически нет сведений. В них и в личных воспоминаниях содержится упоминание о том, что А. Н. Овчинников исполнял обязанности политрука 6-го взвода курсантов,

²⁰ Личный листок по учету кадров. 20.01.1987; Автобиография А. Н. Овчинникова ... Апрель 1983 г. Л. 8–9.

²¹ Военный билет начальствующего состава запаса РККА № РЯ 20640, выдан 15.08.1941 городским военкоматом г. Барнаула, Народный комиссариат обороны СССР // Личный архив А. Н. Овчинникова.

и об участии в организации эвакуации после решения ГКО 16 октября 1941 г. СНК СССР из г. Москва.

С началом войны ЦШМ была переведена на особый режим. Руководил школой подполковник внутренней службы Н. Г. Чарский. Преподаватели и слушатели, находившиеся на казарменном положении, помимо учебы несли службу в столице и на подступах к городу, выполняли различные задания оперативного характера. После октября 1941 г. ЦШМ была эвакуирована в г. Горький. Там личный состав нес службу по охране железнодорожных коммуникаций, обеспечивал охрану автомобильных дорог и вокзалов. В феврале 1942 г. ЦШМ вновь была переведена в столицу.

В военный период срок обучения в ЦШМ был сокращен с 2 лет до 9 месяцев. Серьезное внимание уделялось боевой подготовке (тактико-боевая, противохимическая подготовка, использование противогазов), изучался также русский язык, математика, география, естествознание (факультативно); социально-экономические дисциплины: Конституция СССР (80 часов), всеобщая история (110 часов), история СССР (140 часов), история ВКП(б) и ленинизм (300 часов), политическая экономия (200 часов); специальные дисциплины: организация охраны общественного порядка и борьбы с преступностью (80 часов), уголовное право (80 часов), уголовно-процессуальное право (60 часов); военные дисциплины: строевая и физическая подготовка (80 часов), стрелковое дело и технические средства борьбы (100 часов), тактика (120 часов), топография (80 часов). Во внеучебное время слушатели принимали участие в мероприятиях по противовоздушной обороне и охране общественного порядка [37].

В декабре 1941 г. А. Н. Овчинников получил назначение начальником Троицкого райотдела милиции Алтайского края, где прослужил до марта 1946 г. В феврале 1945 г. он был награжден медалью «За боевые заслуги», в декабре 1945 г. – медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», в декабре 1946 г. – орденом Красной Звезды²².

Заключение

Содержание материалов личных архивов привнесло в историографию советской милиции Сибири сведения об особенностях эпохи, сложностях развития милиции на различных

этапах. Материалы личного архива А. Н. Овчинникова представляют значительную ценность как исторический источник по истории милиции региона. Их использование в совокупности с другими источниками позволило уточнить и расширить понимание процесса создания и развития советской милиции в Западной Сибири и, отойдя от опоры только на официальные источники, более точно понять проблемы, жизненную позицию и мотивацию сотрудников милиции 1930–1940-х гг.

Дальнейшее изучение истории органов внутренних дел с усиленным вниманием к роли и вкладу начальствующего состава и милиционеров в борьбу с преступностью позволило выявить новые характеристики процесса развития милиции в Сибири, показать «человеческое лицо» органов внутренних дел, их заслуги в противовес сложившейся оценке их деятельности как одного из механизмов «бездушной сталинской машины репрессий». Требуется уточнения участие милиции в политических репрессиях и борьбе с «врагами народа» в 1937–1938 гг. в ходе «изъятия» «социально-вредного и уголовно-преступного элемента» во время облав и работе под руководством партийных органов по выявлению вредительства в колхозах и совхозах. Безусловно, сотрудники милиции были представителями своего времени и решали задачи, поставленные партией и государством, в том числе и заслужившие осуждение и резко негативную оценку в наши дни. Это подтверждает жизнь и деятельность А. Н. Овчинникова, прошедшего сложный путь от политрука в сельском райуправлении милиции до начальника Барнаульского и Бийского городских отделов милиции. Ветеран милиции Б. А. Урзя вспоминал: «А. Н. Овчинников, честный, порядочный человек с волевым характером, преданный служебному долгу»²³.

А. Н. Овчинников отмечал: «Мои воспоминания написаны правдиво! Как было действительно в жизни. На конкретных примерах самоотверженной борьбы работников милиции, моих товарищей по службе»²⁴.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Бурмистров Е. С. Персональная история каждого человека, «историческое бессмертие» и цифровая история // Историческая информатика. 2020. № 2. С. 1–25. <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2020.2.32707>
2. Люцай И. А. Исторические источники личного происхождения и их информационная ценность // Молодой ученый. 2017. № 6. С. 375–378.

²² Удостоверение № 011330 от 17.07.1945 к медали «За боевые заслуги», удостоверение № 011330 от 08.12.1945 к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; орденская книжка № 289772 от 01.12.1946 к ордену Красной Звезды // Личный архив А. Н. Овчинникова.

²³ Нашей истории строки: сб. очерков и воспоминаний / ред.-сост. А. И. Кобелев. Барнаул: Алтай, 2002. С. 26.

²⁴ Воспоминания ветерана милиции А. Н. Овчинникова. Тетрадь № 1А // Личный архив А. Н. Овчинникова.

3. Калистратова Э. А. Проблемы сохранности семейных (личных) архивов и использование их в родословном поиске и краеведении // Седьмые Чупинские краеведческие чтения: мат-лы конф. (Екатеринбург, 18–19 февраля 2014 г.) Екатеринбург: СОУНБ им. В. Г. Белинского, 2014. С. 106–112.
4. Овсянников Ю. З. «Семейный архив» – программный комплекс для организации архивов личного происхождения // Историческая информатика. 2017. № 3. С. 135–154.
5. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе: 1953 – начало 1980-х гг. М.: РОССПЭН, 2009. 543 с.
6. Бодерко Л. Н. Милиция Западной Сибири в 1930–1956 годах: На материалах Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 1999. 26 с.
7. Кузнецов Д. Е. Деятельность советской милиции по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в Западной Сибири 1925–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 25 с.
8. Николаев П. Ф. Организация и деятельность советской милиции Сибири в период военного коммунизма и перехода к новой экономической политике (август 1919 – декабрь 1922): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1965. 22 с.
9. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
10. Харлов Н. А. Милиция Сибири в 20-е г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 20 с.
11. Чибурова Е. А. Деятельность милиции Алтайского края по борьбе с преступностью и охране общественного порядка в 1945–1953 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2010. 26 с.
12. Шатилов С. П. Деятельность милиции Западной Сибири в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. 156 с.
13. Суверов Е. В., Чибурова Е. А. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Алтайском крае (1945–1953 гг.). Барнаул: БЮИ МВД России, 2012. 120 с.
14. Суверов Е. В. Ликвидация бандитизма сотрудниками милиции в 1945–1949 гг. (на примере Алтайского края и Кемеровской области) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5. С. 43–47.
15. Суверов Е. В., Миронов Е. В. Деятельность Алтайской милиции (1953–1991). Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 104 с.
16. Суверов Е. В., Кузнецов Д. Е. Деятельность милиции по борьбе с преступностью в Сибири (20–30-е годы XX века). М.: Проспект, 2019. 128 с. <https://doi.org/10.31085/9785392305582-2019-128>
17. Суверов Е. В., Москвитин Ю. Н., Антропов В. М., Миронов Е. В. История органов внутренних дел Алтая. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 347 с.
18. Попова Т. Н. Историография в человеческом измерении // Історіографічні дослідження в Україні. 2012. № 22. С. 265–292.
19. Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории. Человек – память – текст / науч. ред. Л. П. Реина, отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 344–360.
20. Репина Л. П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. Т. 2. С. 7–13.
21. Жуйков Д. А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25. С. 133–136.
22. Биографический метод в социологии: история, методология, практика / отв. ред. Е. Ю. Мещеркина, В. В. Семенова. М.: Институт социологии РАН, 1994. 147 с.
23. Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 114 с.
24. Стрельникова А. Семейные фотоальбомы как ретрансляторы биографической памяти поколений // Historians. 31.03.2014. Режим доступа: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1104-anna-strelnykova-seмейnye-fotoalbomy-kak-retransliatory-byohrafycheskoi-pamiaty-pokoleniy> (дата обращения: 15.10.2021).
25. Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска) / под ред. В. Б. Бородаева. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 1999. 520 с.
26. История Змеиногорска. XX век / под ред. В. А. Моисеева. Барнаул: Азбука, 2004. 579 с.
27. Плюсин-Кронин Б. А. Новый этап: Новая система народного образования в РСФСР и новые программы Государственного Ученого совета. М.: Работник просвещения, 1925. 84 с.
28. Карпов Р. А. Охрана сотрудниками рабоче-крестьянской милиции общественного порядка в населенных пунктах Алтайской губернии (1920–1925 гг.) // Армия и общество. 2014. № 5. С. 35–39.
29. Бодерко Л. Н. История милиции Западной Сибири в 1930–1956 годах. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД РФ, 2001. 115 с.
30. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1918–1939. Документы и материалы. Т. 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. 864 с.
31. Суверов Е. В. История алтайской милиции (1917–1953 гг.). Барнаул: БЮИ МВД России, 2013. Ч. 1. 92 с.

32. Кузнецов Д. Е. Проблемы в деятельности милиции Западной Сибири (1925–1932 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 2. С. 46–49. <https://doi.org/10.17223/19988613/34/8>
33. Николаев П. Ф. Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск: Западно-Сибирское кн. изд-во. Омское отд-ие, 1967. 291 с.
34. Главное управление внутренних дел Кемеровской области 1917–2002 / авт.-сост. А. А. Лопатин. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 2002. 375 с.
35. Иваненко А. В., Малкова Ю. А. Историко-правовой анализ советской пенитенциарной системы (1937–1941 гг.) // Эпомен. 2019. № 31. С. 30–39.
36. МВД России. Энциклопедия / гл. ред. В. Ф. Некрасов. М.: Олма-Пресс, 2002. 623 с.
37. Беляева Л. И., Княжев В. Б. Центральная школа рабоче-крестьянской милиции в годы Великой Отечественной войны // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2020 г.) СПб.: СПбУ МВД России, 2020. Ч. 1. С. 711–716.

original article

Life and Work of Lieutenant Colonel of Militia Alexey N. Ovchinnikov in 1920s – 1941

Vladislav A. Ovchinnikov

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-9050-1850>; rpcsib@rambler.ru

Evgeny V. Suverov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Russia, Barnaul

Received 4 Nov 2021. Accepted after peer review 25 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: This article reconstructs the early history of the Soviet militia in Western Siberia. The research was based on the personal archive of Lieutenant Colonel A. N. Ovchinnikov and previously unpublished official documents stored in the archives of the Ministry of Internal Affairs in the Altai Krai and in the Novosibirsk Region. The research featured A. N. Ovchinnikov's professional activity and personal participation in the development of militia in the Altai Krai and Kuzbass. When A. N. Ovchinnikov joined the militia forces, the institution was undergoing some radical reforms, e.g. it merged with the Joint State Political Directorate, became militarized and politicized, etc. In the 1920s – 1940s, the Soviet militia turned into a command and administrative system that made collectivization and industrialization possible. Militia officers were evaluated not only by their professional qualities, but also by their party affiliation, political views, and education. The sources made it possible to reveal A. N. Ovchinnikov's personal position in the process of militia development in the 1930s – 1940s. Despite the constant personnel shortage and the low level of education, the party managed to improve the discipline, qualifications, moral qualities, and political consciousness of militia officers, thus increasing their performance. The authors believe that personal historic narratives can be a valuable contribution to the historical studies of Soviet militia.

Keywords: biography, Soviet militia, internal affairs, People's Commissariat of Internal Affairs, Ministry of Internal Affairs, Western Siberia, personal history

Citation: Ovchinnikov V. A., Suverov E. V. Life and Work of Lieutenant Colonel of Militia Alexey N. Ovchinnikov in 1920s – 1941. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 884–896. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-884-896>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Reference

1. Burmistrov E. S. Personal history, "historical immortality" and digital history. *Istoricheskaya informatika*, 2020, (2): 1–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2020.2.32707>

2. Lyutsai I. A. Historical sources of personal origin and their informational value. *Molodoi uchenyi*, 2017, (6), 375–378. (In Russ.)
3. Kalistratova E. A. Problems of family (private) archives preservation and use of them in genealogical search and local lore studies. *VII Chupin readings of local lore: Proc. Conf.*, Ekaterinburg, 18–19 Feb 2014. Ekaterinburg: SOUNB im. V. G. Belinskogo, 2014, 106–112. (In Russ.)
4. Ovsyannikov Yu. Z. "Family Archive" – a software package for organizing archives of personal origin. *Istoricheskaya informatika*, 2017, (3): 135–154. (In Russ.)
5. Kozlov V. A. *Mass riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev: 1953 – early 1980s*. Moscow: ROSSPEN, 2009, 543. (In Russ.)
6. Boderko L. N. *Militia of Western Siberia in 1930–1956: Based on materials from Novosibirsk, Omsk, Tomsk, and Tyumen regions*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tyumen, 1999, 26. (In Russ.)
7. Kuznetsov D. E. *The activities of the Soviet militia in the fight against crime and the protection of public order in Western Siberia 1925–1937*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Barnaul, 2016, 25. (In Russ.)
8. Nikolaev P. F. *Organization and activity of the Soviet militia in Siberia during the period of war communism and the transition to a new economic policy (Aug 1919 – Dec 1922)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 1965, 22. (In Russ.)
9. Teplyakov A. G. *Machine of Terror: OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941*. Moscow: Novyi Khronograf; AIRO-XXI, 2008, 632. (In Russ.)
10. Kharlov N. A. *The militia of Siberia in the 1920s*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2002, 20. (In Russ.)
11. Chiburova E. A. *The activities of the militia of the Altai Territory in the fight against crime and the protection of public order in 1945–1953*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2010, 26. (In Russ.)
12. Shatilov S. P. *The activity of the militia of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945: Historical and legal aspect*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. St. Petersburg, 2001, 156. (In Russ.)
13. Suverov E. V., Chiburova E. A. *The activity of the police in the fight against crime in the Altai Territory (1945–1953)*. Barnaul: BII MVD Russii, 2012, 120. (In Russ.)
14. Suverov E. V. Liquidation of banditry by police in 1945–1949 (on the example of Altai and Kemerovo Region). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (5): 43–47. (In Russ.)
15. Suverov E. V., Mironov E. V. *The activity of the Altai militia (1953–1991)*. Barnaul: BII MVD Russii, 2018, 104. (In Russ.)
16. Suverov E. V., Kuznetsov D. E. *Police activities in the first against crime in Siberia (20–30s of the XX century)*. Moscow: Prospekt, 2019, 128. (In Russ.) <https://doi.org/10.31085/9785392305582-2019-128>
17. Suverov E. V., Moskvitin Yu. N., Antropov V. M., Mironov E. V. *History of the Altai internal affairs bodies*. Barnaul: BII MVD Russii, 2018, 347. (In Russ.)
18. Popova T. N. Historiography in the human dimension. *Istoriografichni doslidzhennia v Ukraini*, 2012, (22): 265–292. (In Russ.)
19. Repina L. P. Personal texts and "new biographical history": from individual experience to social memory. *Creation of history. Human – memory – text*, eds. Reina L. P., Vishlenkova E. A. Kazan: Master-Lain, 2001, 344–360. (In Russ.)
20. Repina L. P. Personal history: biography as a means of historical knowledge. *Casus: individual and unique in history*, 1999, 2: 7–13. (In Russ.)
21. Zhuikov D. A. The main methodological problems of biographical research in modern historiography. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2012, (25): 133–136. (In Russ.)
22. *Biographical method in sociology: history, methodology, and practice*, eds. Meshcherkina E. Yu., Semenova V. V. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 1994, 147. (In Russ.)
23. Golubtsov V. S. *Memoirs as a source on the history of Soviet society*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1970, 114. (In Russ.)
24. Strelnikova A. Family photo albums as repeaters of biographical memory of generations. *Historians*, 31 Mar 2014. Available at: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/doslidzhennya/1104-anna-strelnikova-semeinye-fotoalbomy-kak-retranslatory-byohrafycheskoi-pamiaty-pokoleniy> (accessed 15 Oct 2021). (In Russ.)
25. *Silver crown of Russia (Essays on the history of Zmeinogorsk)*, ed. Borodaev V. B. Barnaul: Altaiskii poligraficheskii kombinat, 1999, 520. (In Russ.)
26. *The history of Zmeinogorsk. XX century*, ed. Moiseev V. A. Barnaul: Azbuka, 2004, 579. (In Russ.)
27. Plyusin-Kronin B. A. *A new stage: A new system of public education in the RSFSR and new programs of the State Academic Council*. Moscow: Rabotnik prosveshcheniia, 1925, 84. (In Russ.)
28. Karpov R. A. Protection of public order by employees of the workers and peasants militia in the settlements of the Altai province (1920–1925). *Armiia i obshchestvo*, 2014, (5): 35–39. (In Russ.)
29. Boderko L. N. *History of the militia of Western Siberia in 1930–1956*. Tyumen: Tium. iurid. in-t MVD RF, 2001, 115. (In Russ.)

30. Soviet village through the eyes of the VChK-OGPU-NKVD, 1918–1939. *Documents and materials. Vol. 3. 1930–1934. Book 1930–1931*, eds. Berelovich A., Danilov V. Moscow: ROSSPEN, 2003, 864. (In Russ.)
31. Suverov E. V. *History of the Altai militia (1917–1953)*. Barnaul: BIuI MVD Russii, 2013, pt. 1, 92. (In Russ.)
32. Kuznetsov D. E. Disadvantages of the Siberian militia activity (1925–1932 years). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*, 2015, (2): 46–49. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19988613/34/8>
33. Nikolaev P. F. *Soviet militia of Siberia (1917–1922)*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe kn. izd-vo. Omskoe otd-ie, 1967, 291. (In Russ.)
34. *Main Department of Internal Affairs of the Kemerovo Region 1917–2002*, author-comp. Lopatin A. A. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 2002, 375. (In Russ.)
35. Ivanenko A. V., Malkova Y. A. Historical and legal analysis of formation of the Soviet penential system (1937–1941). *Epomen Scientific Journal*, 2019, (31): 30–39. (In Russ.)
36. *Ministry of Internal Affairs of Russia. Encyclopedia*, ed. Nekrasov V. F. Moscow: Olma-Press, 2002, 623. (In Russ.)
37. Belyaeva L. I., Knyazhev V. B. Central School of Workers and Peasants Militia during the Great Patriotic War. *State. Right. War (to the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War)*: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 28–29 Apr 2020. St. Petersburg: SPbU MVD Rossii, 2020, pt. 1, 711–716. (In Russ.)

оригинальная статья

Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья

Елена Викторовна Подзубан

Центр исследования, реставрации и охраны историко-культурного наследия, Казахстан, г. Костанай; podzuban@mail.ru

Поступила в редакцию 13.10.2021. Принята после рецензирования 17.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: В научный оборот вводятся коллекции находок материальной культуры доисторического периода, полученные на стоянках Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7 в ходе стационарного исследования группы памятников Карасор за время полевого сезона 1998 г. На обозначенных стоянках находки были собраны с поверхности песчаного выдува по причине разрушенного культурного слоя. Они представлены каменными изделиями, фрагментами керамики, керамическим изделием и бронзовым наконечником. Дана описательная характеристика керамики и других предметов, а каменный инвентарь был исследован с помощью технико-типологического метода. Основными параметрами технико-типологического анализа являются продукты первичного расщепления, морфологические параметры пластин, размеры пластин и орудий на пластинах, процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов, приемы вторичной обработки, типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья. Фрагменты керамики, бронзовый наконечник и керамическое изделие на стоянках, по нашему мнению, отложились в эпоху бронзы и раннего железного века. Техничко-типологический анализ позволил сделать выводы по вопросу определения временной и культурной принадлежности каменного инвентаря на исследованных памятниках. Каменная индустрия данных стоянок входит в группу мезолитических памятников Тургайского прогиба, прослеживается близкое сходство с материалами мезолитических памятников Южного и Среднего Зауралья, а также лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. На рассмотренных стоянках материалы укладываются во временной диапазон от мезолита до раннего железного века.

Ключевые слова: мезолит, Тургайский прогиб, каменная индустрия, резцы, острия, фланиты, яшма

Цитирование: Подзубан Е. В. Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 897–910. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-897-910>

Введение

Группа памятников Карасор находится в степной зоне Верхнего Притоболья, относящегося географически к северной части Тургайского прогиба, на берегу высохшего озера, в 15 км к югу от г. Лисаковск (район Б. Майлина, Костанайская область)¹. Археологические работы на памятнике Карасор проводились в полевые сезоны 1998–1999 гг. В ходе исследований было выявлено восемь памятников, которые распространяются вокруг озера и располагаются преимущественно западнее от него (ситуационный план местности Карасорской группы памятников см. в [1, с. 637, рис. 1]). Общая площадь, которую занимает группа памятников Карасор, составляет примерно 196 га. На этом археологическом объекте культурный слой сильно разрушен песчаным выдувом. Раскопы закладывались только на памятнике Карасор-1, где за два года было исследовано около 3000 м. На остальных объектах проводились сборы с поверхности.

Данная статья продолжает серию исследований группы памятников Карасор [1; 2], в ней рассмотрены памятники Карасор-5, Карасор-6 и Карасор-7, исследованные

в полевой сезон 1998 г. Карасор-5 и Карасор-6 находятся в 100 м к западу, за грунтовой дорогой, от памятника Карасор-1, а Карасор-7 – в 50 метрах к северу. Находки на этих памятниках собраны с песчаного выдува².

Ввиду особенностей территории Тургайского прогиба (которые подробно описаны нами ранее [1]) для исследования коллекций, полученных на стоянках Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7, применялись описательный, технико-типологический, сравнительный методы.

Цель – определить хронологическую и культурную принадлежность материалов, полученных на указанных стоянках. Вытекающие задачи: ввести в научный оборот новые сведения о материальной культуре доисторического периода, полученные на стоянках Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7; дать характеристику каменным индустриям с этих стоянок при помощи технико-типологического анализа.

Результаты

В ходе сбора с поверхности на стоянке Карасор-5 была получена коллекция каменных изделий (284 экз.), бронзовый

¹ Логвин А. В., Подзубан Е. В. Раскопки поселения Карасор-1. Исследование карасорской группы памятников // Отчёт о полевых исследованиях отряда Лисаковской археологической экспедиции летом 1998 г. Костанай: Архив Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, 1999. С. 5.

² Там же. С. 54–60.

наконечник и неорнаментированный фрагмент керамики³. Высота бронзового двухлопастного втульчатого наконечника стрелы – 35 мм, ширина в основании – 7,5 мм, в средней части наконечника, у основания одной лопасти, находится небольшое отверстие (рис. 1, 26). Неорнаментированный фрагмент керамики представлен верхней частью сосуда с уплощенным венчиком, тесто фрагмента – с примесью крупнозернистого песка, его толщина – 8 мм (рис. 1, 27).

На стоянке Карасор-6 была собрана коллекция каменных находок (120 экз.) и керамика (6 фр.)⁴. Фрагменты керамики включают верхние части (2 фр.) и стенки (4 фр.) сосудов.

Неорнаментированные верхние части сосудов имеют округлый срез венчика. Поверхность одного фрагмента верхней части сосуда коричневого цвета, тесто фрагмента плотное, с примесью крупнозернистого песка, его толщина – 8 мм (рис. 2, 32). Поверхность второго фрагмента верхней части сосуда бурого цвета, тесто рыхлое, с примесью дресвы, его толщина – 9 мм. На одном фрагменте стенки сосуда прослеживается орнамент, выполненный гладким штампом. Поверхность этого фрагмента коричневого цвета, тесто рыхлое, с примесью крупнозернистого песка, его толщина – 10 мм. Тесто двух неорнаментированных фрагментов

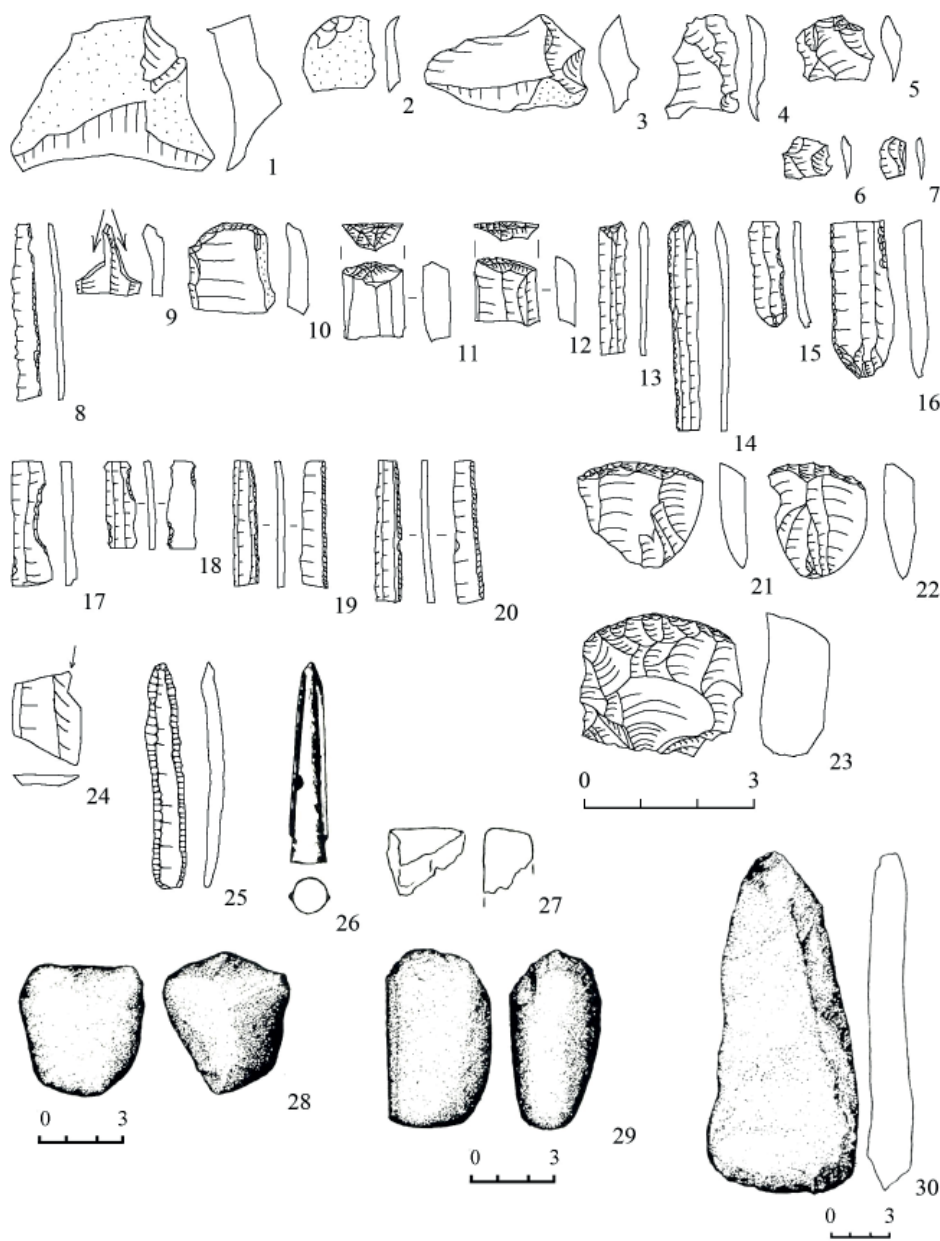

Рис. 1. Изделия со стоянки Карасор-5. Отходы производства: 1–3 – отщепы-отходы; 4–7 – отщепы-заготовки; 9, 24 – резцы; 13, 14 – пластины с ретушью на торце; 8, 15–20 – пластины с ретушью по боковым краям; 10–12, 21–23 – скребки; 25 – проколка; 26 – бронзовый наконечник; 27 – фрагмент керамики; 28 – ретушер; 29 – абразив; 30 – рубящее орудие

Fig. 1. Artifacts from Karasor 5, stone wastes: 1–3 – waste flakes; 4–7 – blanks; 9, 24 – incisors; 13, 14 – plates with retouched ends; 8, 15–20 – plates with retouched lateral edges; 10–12, 21–23 – scrapers; 25 – piercer; 26 – bronze arrow head; 27 – pottery fragment; 28 – retoucher; 29 – abrasive; 30 – chopping tool

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же. С. 57.

рыхлое, с примесью крупнозернистого песка, их толщина – 12–13 мм. Тесто еще одного неорнаментированного фрагмента плотное, с примесью песка, его толщина – 5 мм.

На стоянке Карасоре-7 собрали небольшую коллекцию артефактов: каменные предметы (15 экз.), керамика (3 фр.) и обломок керамического изделия⁵. Керамика представлена неорнаментированными фрагментами стенок от разных сосудов, их толщина – от 7 до 9 мм. Поверхность двух фрагментов коричневая, при этом тесто одного фрагмента плотное, с примесью крупнозернистого песка, а тесто второго – рыхлое, с примесью органики. Поверхность третьего фрагмента красно-коричневого цвета, а излом – серого. Тесто последнего фрагмента плотное, без видимых признаков примеси. Обломок керамического изделия имеет цилиндрическую форму с одним сохранившимся уплощенным шляпковидным концом, на поверхности этого конца прослеживаются два вдавления округлой формы диаметром

18–20 мм. Поверхность изделия гладкая, коричневого цвета и без орнамента, тесто – с примесью шамота (рис. 3, 11).

Технико-типологический анализ каменного инвентаря на рассматриваемых памятниках проводился с учетом следующих показателей: продукты первичного расщепления; морфологические параметры заготовок (отщепы, пластины, пластинчатые отщепы); размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки); процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывался характер используемого сырья [1, с. 638]. Под каменной индустрией понимается «совокупность устойчиво повторяющихся типов заготовок (техника расщепления), типов вторичной обработки продуктов расщепления (техника ретуширования) и типов изделий (набор типов форм)» [3, с. 9].

Рис. 2. Изделия со стоянки Карасор-6. Технические сколы:

1–3 – сколы с ударной площадкой; 21 – ребристая пластина; отходы производства: 20 – краевая пластина; 22–24 – отщепы-отходы; 25–27 – чешуйки; 4–6 – отщепы-заготовки; пластины-заготовки: 7, 8 – целые пластины; 9–12 – проксимальные части; 13–16 – медиальные части; 17–19 – дистальные части; 28 – резец; 29–31, 36, 37 – пластины с ретушью по боковым краям; 33, 34 – скребки; 32 – фрагмент керамики; 35 – пластина с ретушью на торце

Fig. 2. Artifacts from Karasor-6, technical chips: 1–3 – chips with a striking platform; 21 – ribbed plate; stone waste: 20 – edge plate; 22–24 – flakes; 25–27 – flakes; 4–6 – flakes; blank plates: 7, 8 – complete plates; 9–12 – proximal parts; 13–16 – medial parts; 17–19 – distal parts; 28 – incisor; 29–31, 36, 37 – plates with retouched lateral edges; 33, 34 – scrapers; 32 – pottery fragment; 35 – plate with retouched ends

⁵ Там же. С. 59.

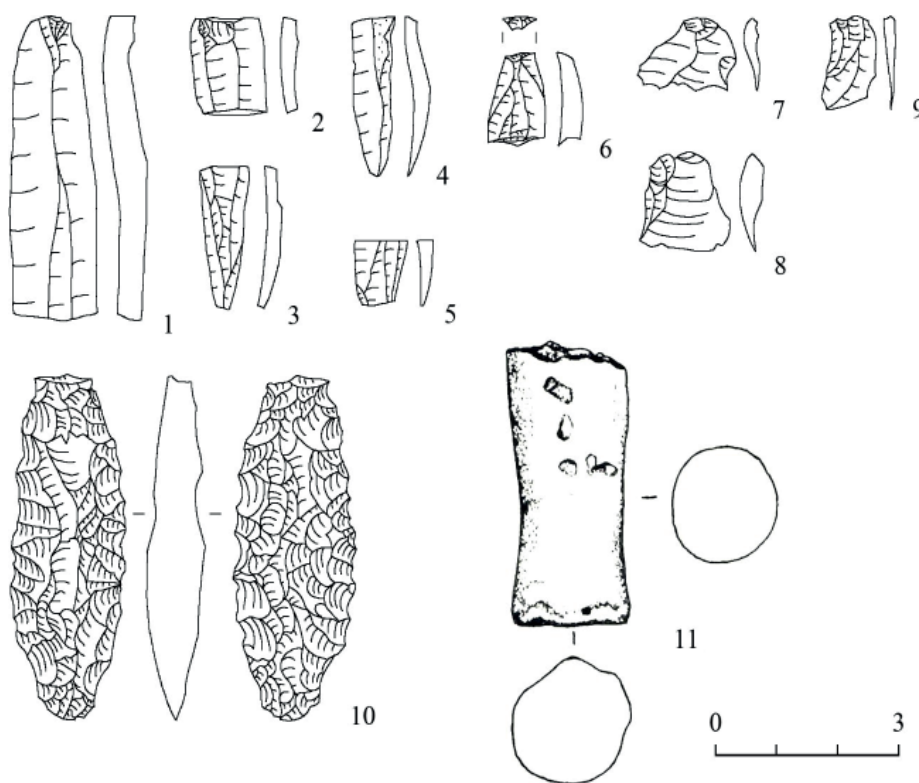

Рис. 3. Изделия со стоянки Карасор-7. Пластины-заготовки: 1 – проксимальные части; 2 – медиальные части; 3–5 – дистальные части; 6 – пластина с ретушью на торце; 7–9 – отщепы-заготовки; 10 – двусторонне обработанный наконечник; 11 – обломок керамического изделия
Fig. 3. Artifacts from Karasor-7, blank plates: 1 – proximal parts; 2 – medial parts; 3–5 – distal parts; 6 – plate with retouched ends; 7–9 – blank flakes; 10 – double-sided arrow head; 11 – pottery fragment

На рассматриваемых стоянках каменный инвентарь изготавливался преимущественно из фтанитов, халцедонолитов, яшмы, кремнистых алевролитов, кахолонга. На стоянке Карасор-5 изделия из этих пород составляют 94 %: фтаниты (51 %), халцедонолиты (24 %), яшма (13 %), кремнистый алевролит (4 %), кахолонг (2 %). На стоянке Карасор-6 из указанных пород изготовлено 99 % изделий: фтаниты (76 %), халцедонолиты (17 %), яшма (4 %), кремнистый алевролит (2 %). На Карасоре-7 на данные породы приходится 93 %: халцедонолиты (80 %), фтаниты (6 %), яшма (7 %). Изделия из кварцитов и кварцитопесчаников на данных памятниках составляют от 1 до 7 %.

Продукты первичного расщепления

Под первичным расщеплением понимается процесс подготовки нуклеуса (ядрища) из сырья с целью его дальнейшего раскалывания для получения сколов-заготовок (вторичных заготовок) – отщепов и пластин. Известно, что процедура изготовления нуклеуса проходит четыре стадии [4, с. 6]. Предметы первичного расщепления встречаются только на стоянке Карасор-5: это истощённые нуклеусы (4 экз.), которые составили 1,4 % каменных изделий, из них конусовидных – 3 экз., карандашевидных – 1 экз. Карандашевидный нуклеус изготовлен из фтанита, его размеры – 35×8 мм (рис. 4, 4). Ударная площадка скошена и подработана серией сколов, а основание нуклеуса заостренное, со следами изнашивания. На поверхности нуклеуса

отмечены заломы от скалывания пластин. Негативы от скалывания микропластин расположены по всему периметру, их ширина – от 2 до 4 мм.

Первый конусовидный нуклеус изготовлен из кахолонга, его размеры – 27×10 мм (рис. 4, 1). Ударная площадка прямая и подработана серией сколов. В профиле основание является заостренным, а в плане слегка расширено на 4 мм и со следами изнашивания. На поверхности нуклеуса под площадкой отмечены заломы от скалывания пластин. Негативы от скалывания микропластин расположены по всему периметру, их ширина – от 4 до 6 мм.

Второй конусовидный нуклеус патинизирован, его размеры – 23×10 мм (рис. 4, 2). Ударная площадка скошена к контрфронту и подработана серией сколов. В профиле основание заостренное, а в плане слегка расширено на 5 мм и со следами изнашивания. Фронт скалывания занимает $\frac{2}{3}$ периметра, контрфронт подработан вертикальными сколами. Ширина негативов – от 3 до 5 мм. Один негатив – от скалывания, расположен на фронте, шириной до 7 мм.

Третий конусовидный нуклеус выполнен из фтанита, его размеры – 26×10 мм (рис. 4, 3). Ударная площадка прямая и подработана серией сколов. В профиле прослеживается заостренное основание, а в плане слегка расширено на 4 мм и со следами изнашивания. Негативы от скалывания микропластин расположены по всему периметру, их ширина – от 3 до 5 мм.

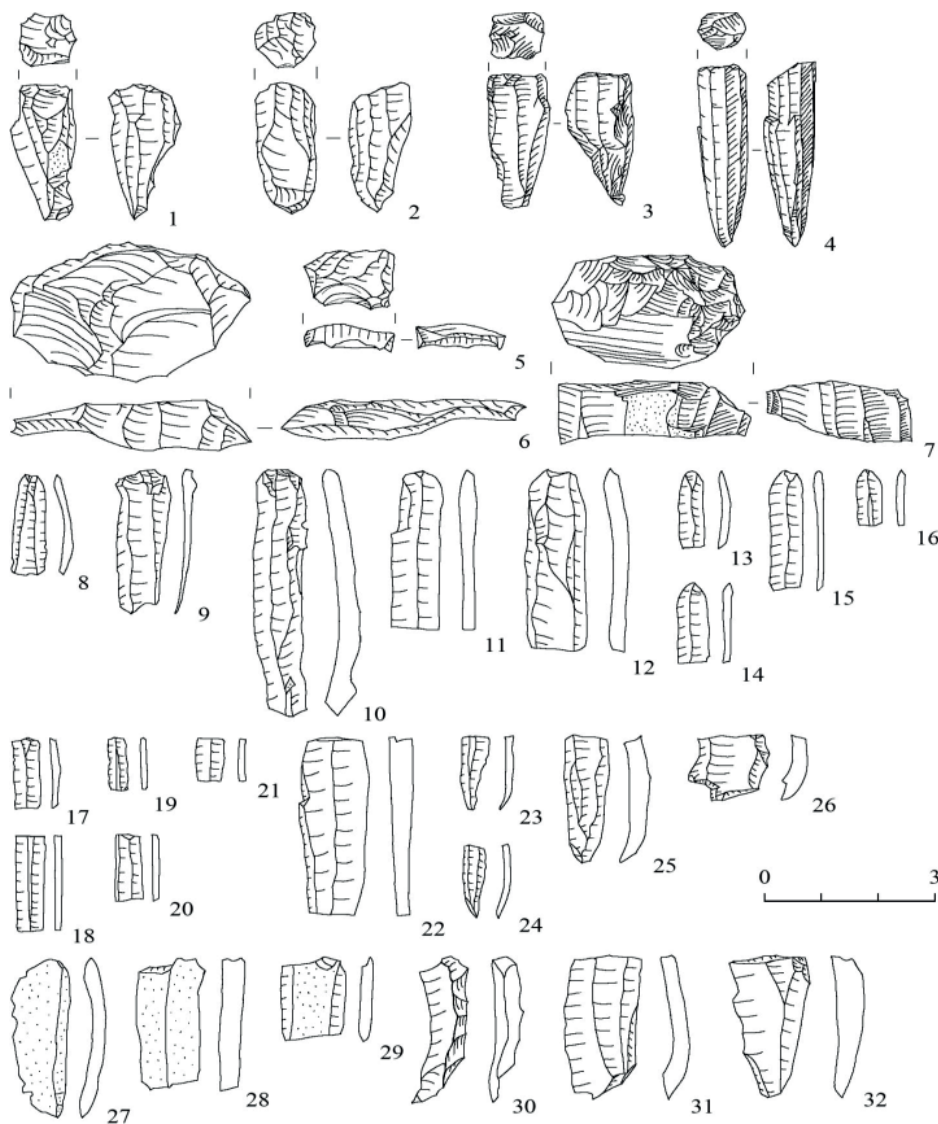

Рис. 4. Каменные изделия со стоянки Карасор-5:
1-4 – нуклеусы; технические сколы: 5-7 – сколы с ударной площадкой; 30 – ребристая пластина; 31, 32 – вертикальные сколы; отходы производства: 27-29 – краевые пластины; пластины-заготовки: 11-16 – проксимальные части; 17-22 – медиальные части; 23-26 – дистальные части; 8-10 – целые пластины
Fig. 4. Artifacts from Karasor-5:
1-4 – cores; technical chips: 5-7 – chips with a striking platform; 30 – ribbed plate; 31, 32 – vertical chips; stone waste: 27-29 – edge plates; blank plates: 11-16 – proximal parts; 17-22 – medial parts; 23-26 – distal parts; 8-10 – complete plates

Отходы производства

В ходе первичного расщепления появляются отходы производства, к которым относятся отщепы, сохранившие полностью или частично желвачную корку; обломки сырья; пластины с коркой (краевые сколы); неправильные пластины с аморфным сечением, отходы вторичной обработки.

В коллекции каменного инвентаря стоянки Карасор-5 на отходы производства приходится 15 % каменных изделий, которые представлены отщепами, сохранившими полностью желвачную корку (3 экз.), обломками сырья (7 экз.), пластинами с коркой (краевые пластины) (8 экз.) и отходами вторичной обработки (25 экз.).

Отщепы-отходы по наибольшему диаметру распределяются в пределах от 11 до 20 мм (2 экз.) и от 31 до 40 мм (1 экз.) (рис. 4, 1-3). Все обломки сырья имеют диаметр от 11 до 20 мм. Среди обломков сырья желвачная

корка сохранилась полностью на 1 экз., частично – на 3 экз. Преимущественно отщепы-отходы и обломки сырья выполнены из фтаниа, халцедонита, кахолонга и яшмы.

Пластины с коркой (краевые сколы) сохраняют параметры, характерные для пластин, за исключением следов предшествующих сколов на поверхности, поскольку их дорсальная поверхность покрыта желвачной коркой (рис. 4, 27-29). В рассматриваемой коллекции краевые сколы, сохранившие полностью (3 экз.) или частично (5 экз.) желвачную корку, представлены целой пластиной и сломанными частями: дистальными (1 экз.), медиальными (4 экз.), проксимальными (2 экз.). Все краевые сколы изготовлены из фтаниа. Пластины с коркой по ширине распределяются от 8 до 11 мм, а один краевой скол – шириной 15 мм. Следы сработанности прослеживаются по одному краю с дорсала на 2 экз., с вентрала – на 1 экз.

Отходы вторичной обработки представлены чешуйками (25 экз.), размеры чешуек – менее 10 мм, выполнены преимущественно из фтанита и частично халцедонолита и яшмы (рис. 1, 6, 7).

В коллекции каменного инвентаря стоянки Карасор-6 отходов производства выявлено 18 % каменных изделий, которые представлены отщепами, сохранившими полностью (2 экз.) или частично (6 экз.) желвачную корку, пластинами с коркой (краевые сколы) (2 экз.) и отходами вторичной обработки (12 экз.).

Отщепы-отходы по наибольшему диаметру распределяются в пределах от 11 до 20 мм (5 экз.), от 21 до 30 мм (1 экз.) и от 31 до 40 мм (2 экз.) (рис. 2, 22–24). Все отщепы-отходы были получены в ходе раскола фтанита серого цвета.

В рассматриваемой коллекции на *пластинах с коркой (краевые сколы)* частично сохранилась желвачная корка (2 экз.), они представлены медиальными (1 экз.) и проксимальными (1 экз.) частями. Краевые сколы (рис. 2, 20) изготовлены из фтанита серого цвета, их ширина – 6 мм и 7 мм.

Отходы вторичной обработки включают чешуйки (12 экз.), размеры чешуек – менее 10 мм, выполнены все из фтанита серого цвета (рис. 2, 25–27).

В коллекции каменного инвентаря Карасор-7 на отходы производства приходится 20 % каменных изделий, которые представлены только отходами вторичной обработки, а именно чешуйками (3 экз.), чешуйки изготовлены из халцедонолита, их размеры – менее 10 мм.

Технические сколы или продукты «омоложения» нуклеуса

В процессе расщепления нуклеус нуждался в «подживлении» с целью получения правильных пластин с параллельными краями. В ходе «подживления» появлялись *технические сколы или продукты «омоложения» нуклеуса*, к которым принадлежат вертикальные сколы, ребристые пластины, сколы с основанием, сколы с ударной площадкой. Технические сколы выявлены только на стоянках Карасор-5 и Карасор-6.

В коллекции стоянки Карасор-5 технических сколов насчитывается 6 экз. (2 % каменных изделий): ударные площадки (3 экз.), вертикальные сколы (2 экз.), ребристые пластины (1 экз.). Сколотые ударные площадки представлены овальной (2 экз.) и округлой (1 экз.) формами. Эти ударные площадки, полученные в результате «оживления» нуклеусов, несут «захваченные» небольшие участки фронта, которые занимали примерно 1/2 периметра или весь периметр нуклеусов. Размеры одного скола с ударной площадки овальной формы – 41×28×8 мм. Сама площадка подработана серией сколов. На узком крае фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной от 6 до 10 мм (рис. 4, 6). Размеры второго скола с ударной площадки овальной формы – 31×22×10 мм. Сама площадка подработана серией сколов. Судя по сохранившемуся участку фронта, скалывание пластин велось по всему периметру, а ширина негативов

от снятия пластин – от 3 до 9 мм (рис. 4, 7). Размеры скола с ударной площадки округлой формы – 15×11×5 мм. Ударная площадка подработана серией сколов. На узком крае фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной 4 мм и 5 мм (рис. 4, 5).

Вертикальные сколы представлены обломками, размеры одного вертикального скола – 27×12×2 мм, второго – 27×13×5 мм. На поверхности вертикальных сколов фиксируются негативы от снятия пластин шириной от 3 до 6 мм, и визуально прослеживаются следы утилизации по боковым краям (рис. 4, 31, 32).

Ребристая пластина представлена дистальной частью, ее размеры – 30×8×5 мм (рис. 4, 30).

В коллекции стоянки Карасор-6 технические сколы составляют 5 экз. (4 % каменных изделий): сколы с основанием (1 экз.), ударные площадки (2 экз.), ребристые пластины (2 экз.). Сколотые ударные площадки имеют подтреугольную форму. Размеры одного скола с ударной площадки – 26×26×13 мм, сама площадка подработана серией сколов, на участке фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной от 5 до 10 мм, а контрфронт покрыт желвачной коркой (рис. 2, 1). Размеры второго скола с ударной площадки – 14×12×2 мм, сама площадка подработана серией сколов, на узком крае фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной 4 мм и 5 мм (рис. 2, 2). Скол с основанием – предположительно от конусовидного нуклеуса, его размеры – 11×7×3 мм (рис. 2, 3). Ребристые пластины представлены дистальной частью (рис. 2, 21) и медиальной. Размеры первой ребристой пластины – 39×9×3 мм, второй – 16×8×3 мм.

Целью изготовления и расщепления нуклеуса являются *вторичные заготовки*, к которым принадлежат пластины без вторичной обработки, отщепы без вторичной обработки и пластинчатые отщепы. На стоянке Карасор-5 присутствуют отщепы без вторичной обработки (50 экз.) и пластины без вторичной обработки (145 экз.).

Отщепов без вторичной обработки насчитывается 18 % от общего количества каменных изделий (рис. 1, 4, 5). Отщепы-заготовки по наибольшему диаметру распределяются следующим образом: от 11 до 20 мм – 48 экз., от 21 до 30 мм – 2 экз.

Пластины без вторичной обработки составляют 51 % от общего количества каменного инвентаря, среди них преобладают сломанные пластины (135 экз.). Из сломанных пластин доминируют проксимальные части – 57 экз. (рис. 4, 11–16), чуть меньше медиальных частей – 53 экз. (рис. 4, 17–22) и дистальных – 25 экз. (рис. 4, 23–25). Большинство пластин-заготовок – с параллельными краями. Сломанные пластины неправильной формы представлены конвергентными (5 экз.). Визуально прослеживаются следы утилизации по боковым краям на 21 экз., преимущественно с вентральной поверхности – на 13 экз. Целых пластин – 10 экз. (рис. 4, 8–10), из них конвергентных – 2 экз.

Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с трапециевидным (77 экз.) и треугольным (63 экз.) сечением. Пластин-заготовок с прямым профилем – 115 экз., с изогнутым – 30 экз.

Среди медиальных частей пластин представлены прямоугольные (33 экз.), трапециевидные (17 экз.) и квадратные (3 экз.) формы. Проксимальные части пластин-заготовок преимущественно встречаются с точечными (50 экз.) и линейными (7 экз.) площадками. Дистальные части имеют ступенчатое (10 экз.), петлеобразное (7 экз.) и перообразное (8 экз.) окончания. Длина целых пластин колеблется от 11 до 50 мм, из которых 90 % равномерно распределяются от 11 до 32 мм. На целых пластинах прослеживаются точечные (7 экз.) и линейные (3 экз.) площадки, а дистальные части имеют ступенчатое (3 экз.), петлеобразное (4 экз.) и перообразное (3 экз.) окончания.

Ширина всех пластин без вторичной обработки распределяется от 3 до 15 мм. С опорой на методику Г. Ф. Коробковой [3, с. 9] пластины без вторичной обработки были разделены на три группы: до 6,9 мм (72 экз.); от 7 до 10 мм (50 экз.); от 11 до 15 мм (23 экз.). Толщина пластин без вторичной обработки колеблется от 1 до 5 мм, при этом пластин-заготовок толщиной от 1 до 1,9 мм насчитывается 112 экз., что составляет 77 %.

На стоянке Карасор-6 выявлены отщепы без вторичной обработки (12 экз.) и пластины без вторичной обработки (68 экз.). Отщепов без вторичной обработки насчитывается 10 % от общего количества каменных изделий (рис. 2, 4–6). Отщепы-заготовки по наибольшему диаметру распределяются следующим образом: от 11 до 20 мм – 11 экз., от 21 до 30 мм – 1 экз.

Пластины без вторичной обработки составляют 57 % от общего количества каменного инвентаря, среди них преобладают сломанные пластины (66 экз.). Из сломанных пластин доминируют проксимальные части – 29 экз. (рис. 2, 9–12), чуть меньше медиальных частей – 21 экз. (рис. 2, 13–16) и дистальных – 16 экз. (рис. 2, 17–19). Большинство пластин-заготовок – с параллельными краями. Сломанные пластины неправильной формы представлены конвергентными (4 экз.). Визуально прослеживаются следы утилизации по боковым краям на 22 экз., из них преимущественно с вентральной поверхности – на 14 экз. Целые пластины (2 экз.) имеют параллельные края (рис. 2, 7, 8).

Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с трапециевидным (42 экз.) и треугольным (25 экз.) сечением. Пластин-заготовок с прямым профилем – 47 экз., с изогнутым – 21 экз.

Среди медиальных частей пластин представлены прямоугольные (15 экз.), трапециевидные (3 экз.) и квадратные (3 экз.) формы. Проксимальные части пластин-заготовок преимущественно встречаются с точечными (24 экз.) и линейными (5 экз.) площадками. Дистальные части имеют ступенчатое (7 экз.), петлеобразное (2 экз.) и перообразное (7 экз.) окончания. Длина целых пластин колеблется

от 23 до 31 мм. На целых пластинах прослеживаются точечные (2 экз.) площадки, а дистальные части имеют ступенчатое (1 экз.) и перообразное (1 экз.) окончания.

Ширина всех пластин без вторичной обработки распределяется от 3 до 11 мм. С опорой на методику Г. Ф. Коробковой [3, с. 9] пластины без вторичной обработки были разделены на три группы: до 6,9 мм (36 экз.); от 7 до 10 мм (31 экз.); от 11 до 15 мм (1 экз.). Толщина пластин без вторичной обработки колеблется от 1 до 3 мм, при этом пластин-заготовок толщиной от 1 до 1,9 мм – 63 экз., что составляет 93 %.

На стоянке Карасор-7 отмечены отщепы без вторичной обработки (5 экз.) и пластины без вторичной обработки (5 экз.). Отщепов без вторичной обработки насчитывается 33 % от общего количества каменных изделий (рис. 3, 7–9). Диаметр отщепов-заготовок (5 экз.) – от 11 до 20 мм. Отщепы без вторичной обработки и отходы вторичной обработки (чешуйки) происходят от одного сырьевого источника – халцедонита коричневатого-серого цвета.

Пластины без вторичной обработки составляют 33 % от общего количества каменного инвентаря и представлены только сломанными пластинами: дистальные части – 3 экз. (рис. 3, 3–5), медиальные части – 1 экз. (рис. 3, 2), проксимальные части – 1 экз. (рис. 3, 1). Кроме одной конвергентной пластины, остальные пластины-заготовки – с параллельными краями. Дистальные части пластин выполнены из халцедонита коричневатого-серого цвета, так же как отщепы-заготовки и отходы вторичной обработки.

Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с трапециевидным (4 экз.) и треугольным (1 экз.) сечением. Пластин-заготовок с прямым профилем – 2 экз., пластин с изогнутым профилем – 3 экз.

Медиальная часть пластины имеет квадратную форму. Проксимальная часть пластины-заготовки с фасетированной площадкой выполнена из кварцитопесчаника. Дистальные части имеют ступенчатое (1 экз.) и перообразное (2 экз.) окончания.

По мнению специалистов в области экспериментальной археологии, «причиной возникновения ступенчатого окончания принято считать слишком сильную нагрузку "на отрыв" в момент скалывания. Она приводит к сильному изгибу уже отделившейся части скола, превышающему его пластические возможности, в результате чего скол ломается, образуя либо ступеньку, либо излом. Условием формирования перообразного окончания признаются оптимальные пропорции нагрузки "на сжатие" и "на отрыв" при регулярной поверхности скалывания» [5, с. 44–45]. Показатель размеров пластин на рассматриваемых стоянках, указывающий на ярко выраженный микролитизм, позволяет утверждать, что «узкие пластины» с конусовидных и «карандашевидных нуклеусов», вероятнее всего, снимались только с помощью ручного отжима [5, с. 69–73].

Ширина всех пластин без вторичной обработки распределяется от 6 до 14 мм. С опорой на методику Г. Ф. Коробковой [3, с. 9] пластины без вторичной обработки были разделены на три группы: до 6,9 мм (1 экз.); от 7 до 10 мм (2 экз.); от 11 до 15 мм (2 экз.). Толщина пластин без вторичной обработки колеблется от 2 до 5 мм, при этом пластин-заготовок толщиной от 1 до 1,9 мм – 3 экз., что составляет 60 %.

Орудийный набор каменных изделий

На стоянках Карасор-5, Карасор-6 и Карасор-7 выявлены небольшие коллекции орудий (*орудийный набор*). Орудийный набор каменных изделий на стоянке Карасор-5 состоит из 36 экз. (13 % каменных изделий). Среди них выделены группы орудий из пластин (29 экз.), из отщепов (2 экз.), из пластинчатых отщепов (2 экз.) и прочие орудия (3 экз.).

При их изготовлении использовались техники вторичной обработки: ретуширование (86 %), резцовый скол (6 %), шлифование (3 %), оббивка (3 %). Ретушированием изготовлена большая часть типов орудий из пластин, отщепов, пластинчатых отщепов. Классификация ретуши производилась по следующим признакам: расположение на плоскостях орудия (*дорсальная, вентральная, бифасиальная, чередующаяся*); степень покрытия ретушью поверхностей орудия (*покрывающая* – распространяющаяся на всю плоскость изделия, *распространенная* – занимает более трети ширины орудия, *захватывающая* – занимает менее трети ширины орудия, *краевая*) [6, с. 107–108]; наклон ретуши (*стелющаяся* – нанесена под углом до 10°, *плоская* – от 10° до 30°, *полукрутая* – от 30° до 60°, *крутая* – от 60° до 90°, *вертикальная* – 90°); соотношение размеров фасеток (*равнофасеточная* и *разнофасеточная*; *протяженная* и *прерывистая*) [7, с. 150–153].

Подавляющее большинство орудий из пластин на стоянке Карасор-5 оформлено краевой равнофасеточной и протяженной ретушью с дорсальной поверхности. Из видов ретуши на орудиях из пластин отмечены крутая (10 экз.), комбинированная (6 экз.), полукрутая (5 экз.), плоская (4 экз.) и вертикальная (2 экз.). Для изготовления орудий из пластин преимущественно использовались медиальные части (18 экз.), проксимальные (9 экз.), дистальные (1 экз.) и целая пластина, ее размеры – 15×5×1 мм. Большинство орудий изготовлено из пластин с прямым профилем – 27 экз., 2 экз. – с изогнутым. По ширине орудия из пластин распределяются следующим образом: до 6,9 мм – 19 экз., от 7 до 10 мм – 6 экз., от 11 до 15 мм – 4 экз. Толщина орудий из пластин колеблется от 1 до 4 мм, при этом 21 экз. имеет толщину от 1 до 1,9 мм (72 %).

Орудия из отщепов содержат краевую протяженную и равнофасеточную ретушь с дорсала. В одном случае – крутая ретушь, во втором – вертикальная. Орудия этой группы были изготовлены из отщепов, которые по наибольшему размеру распределяются от 11 до 30 мм.

На орудиях из пластинчатых отщепов отмечена краевая протяженная и равнофасеточная ретушь с дорсала. Рабочий край изделий оформлен вертикальной ретушью. Пластинчатые отщепы, из которых выполнены орудия, по наибольшему диаметру укладываются в интервал от 21 до 30 мм.

Орудийный набор каменных изделий на стоянке Карасор-6 состоит из 13 экз. (11 % каменных изделий), среди них выделены группы орудий из пластин (12 экз.) и пластинчатых отщепов (1 экз.). При их изготовлении использовались такие техники вторичной обработки, как ретуширование (85 %) и резцовый скол (15 %). Самым распространенным приемом вторичной обработки является ретуширование. Данным способом изготовлена большая часть типов орудий этих групп на рассматриваемом памятнике.

Подавляющее большинство орудий из пластин на стоянке Карасор-6 оформлены краевой равнофасеточной и протяженной ретушью с дорсальной поверхности. Из видов ретуши на орудиях из пластин отмечены крутая (5 экз.), плоская (2 экз.), вертикальная (2 экз.) и комбинированная (1 экз.). Для изготовления орудий из пластин преимущественно использовались медиальные (7 экз.), проксимальные (4 экз.) и дистальные части (1 экз.). Большинство орудий изготовлено из пластин с прямым профилем – 11 экз., 1 экз. – с изогнутым. По ширине орудия из пластин распределяются следующим образом: до 6,9 мм – 7 экз., от 7 до 10 мм – 5 экз. Толщина орудий из пластин колеблется от 1 до 4 мм, при этом толщина 10 экз. – от 1 до 1,9 мм (83 %).

На орудии из пластинчатого отщепа отмечена краевая протяженная и равнофасеточная ретушь с дорсала. Рабочий край изделия оформлен вертикальной ретушью. Пластинчатые отщепы, из которых выполнены орудия, по наибольшему диаметру укладываются в интервал от 11 до 20 мм.

Орудийный набор каменных изделий на стоянке Карасор-7 состоит из 2 экз. (13 % каменных изделий), среди них выделены группы орудий из пластин (1 экз.) и из отщепов (1 экз.). При их изготовлении использовалась такая техника вторичной обработки, как ретуширование. Орудие из пластины оформлено краевой равнофасеточной и протяженной ретушью с дорсальной поверхности и изготовлено из дистальной части с изогнутым профилем. Рабочий край изделия оформлен вертикальной ретушью. Ширина орудия из пластины – 10 мм, а толщина – 4 мм. Орудие из отщепа по наибольшему диаметру укладывается в интервал от 51 до 60 мм и оформлено бифасиально.

Группы орудий каменных предметов со стоянки

Карасор-5

Орудийный набор каменных предметов со стоянки Карасор-5 включает следующие группы: орудия из пластин, орудия из отщепов, орудия из пластинчатых отщепов, прочие орудия. В свою очередь группы орудий состоят

из следующих категорий: пластины с ретушью по боковым краям, резцы, перфораторы, пластины с ретушью на торце, скребки, абразивы, крупные орудия, орудия для обработки камня.

Группа орудий из пластин

- Пластины с ретушью по боковым краям (21 экз.). Большинство из них изготовлено из сломанных пластин: медиальные части (12 экз.), проксимальные части (7 экз.), дистальные части (1 экз.). Одно орудие выполнено из целой пластины.
- Пластины с выемками (2 экз.). Выемка одной пластины глубокая и протяженная, обработана крутой ретушью с дорсала (рис. 1, 17). Четыре небольшие выемки на другой пластине расположены по двум краям ближе к углам поперечных изломов. На каждом крае пластины – по две выемки, оформленные крутой противоположающей ретушью (рис. 1, 18).
- Пластины, ретушированные с дорсала по одному краю (7 экз.). Края всех пластин обработаны ретушью по всей длине (рис. 1, 15).
- Пластины, ретушированные с дорсала по двум краям (1 экз.). Один край пластины оформлен крутой ретушью по всей длине, а другой край по всей длине обработан плоской ретушью (рис. 1, 16).
- Пластины, ретушированные с вентрала по одному краю (4 экз.). Боковой край одной пластины обработан ретушью частично, а края других пластин – по всей длине. На одной такой пластине противоположный ретушированному краю с вентрала – со следами зубчатой сработанности (рис. 1, 8).
- Пластины, оформленные противоположающей ретушью (7 экз.) (рис. 1, 19, 20).
- Резцы (2 экз.) выполнены из медиальных частей пластин. Один резец – угловой (рис. 1, 24), а второй – срединный (рис. 1, 9).
- Проколка изготовлена из проксимальной части пластины. Рабочая часть и оба края обработаны вертикальной ретушью с дорсала. По рабочему краю с вентрала прослеживаются следы утилизации в виде сколов (рис. 1, 25).
- Пластины с ретушью на торце (2 экз.) выполнены на медиальной и проксимальной частях пластин. Торце одной пластины слегка вогнут и скошен, обработан крутой ретушью. Боковые края этого орудия оформлены с дорсала ретушью со следами изношенности (рис. 1, 13). Торце второй пластины также слегка скошен и обработан вертикальной ретушью, а боковые края оформлены противоположающей ретушью (рис. 1, 14).
- Скребки (3 экз.) изготовлены из медиальных частей пластин. Все скребки из пластин – с одним лезвием. Один скребок – с прямым ровным лезвием, а на боковых краях с вентрала визуально прослеживаются следы

утилизации (рис. 1, 11). Два других орудия – с выпуклыми скошенными лезвиями (рис. 1, 9, 12).

Группа орудий из отщепов

- Скребки (2 экз.) представлены орудием с одним лезвием (1 экз.) (рис. 1, 23) и обломком скребкового лезвия (1 экз.).

Группа орудий из пластинчатых отщепов

- Скребки (2 экз.) с одним лезвием. Одно орудие – с выпуклым скошенным лезвием (рис. 1, 22), а второе – с прямым ровным лезвием (рис. 1, 21).

Группа прочих орудий

- Абразив (1 экз.) в плане подовальной формы, заглажен со всех сторон, с одного торца наблюдается забитость (рис. 1, 29).
- Рубящее орудие (1 экз.), целое, в плане подтреугольной формы, с острым обушком. Длина орудия – 168 мм, ширина лезвия – 75 мм, ширина обуха – 21 мм. Рабочее лезвие выпуклое и скошенное, асимметричное, в продольном сечении. Один боковой край и рабочее лезвие оформлены методом двусторонней краевой оббивки. Большую часть поверхности с обеих сторон занимает желвачная корка (рис. 1, 30).
- К группе орудий из желваков отнесен ретушер, изготовленный из гальки округлой формы с крупными кварцевыми вкраплениями. По всем выступающим участкам поверхности отмечаются следы сработанности (рис. 1, 28).

Группы орудий каменных предметов со стоянки

Карасор-6

Группа орудий из пластин

- Пластины с ретушью по боковым краям (8 экз.) изготовлены из сломанных пластин: медиальные (5 экз.) и проксимальные части (3 экз.).
- Пластины, ретушированные с дорсала по одному краю (4 экз.) (рис. 2, 36).
- Пластины, ретушированные по одному краю с вентрала (1 экз.) (рис. 2, 31).
- Пластины, ретушированные по двум краям с вентрала (1 экз.) (рис. 2, 29).
- Пластины с противоположающей ретушью (1 экз.) (рис. 2, 37).
- Пластины с выемкой (1 экз.), оформленной крутой ретушью с вентрала (рис. 2, 30).
- Резцы (2 экз.) выполнены из медиальных частей пластин, представляют собой орудия с одним угловым резцовым сколом (рис. 2, 28).
- Пластина с ретушью на торце изготовлена из дистальной части, где концевой участок пластины слегка скошен и оформлен вертикальной ретушью (рис. 2, 35).
- Скребок на проксимальной части пластины с прямым ровным лезвием, оформленным вертикальной ретушью с дорсала. На орудии боковой край с дорсала дополнительно оформлен ретушью (рис. 2, 34).

Группа орудий из пластинчатых отщепов

- *Скребок* с выпуклым скошенным лезвием, оформленным вертикальной ретушью с дорсала. На орудии боковой край с дорсала дополнительно обработан ретушью (рис. 2, 33).

Группы орудий каменных предметов со стоянки Карасор-7

В орудийный набор каменных изделий со стоянки Карасор-7 вошли следующие группы: орудия из пластин и орудия из отщепов. В свою очередь группы орудий состоят из таких категорий: пластины с ретушью на торце, наконечники.

Группа орудий из пластин

- *Пластина с ретушью на торце* (рис. 3, 6) изготовлена из дистальной части, прямой концевой участок пластины оформлен вертикальной ретушью.

Группа орудий из отщепов

- *Двусторонне обработанный наконечник* листовидной формы с небольшим и слабо выраженным черешком (рис. 3, 10), первая часть наконечника обломана, его размеры – 52×20×8 мм.

Выводы

Каменный инвентарь на стоянках Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7 преимущественно изготавливался из фтанитов, халцедонолитов, яшмы, кремнистых алевролитов, кахолонга. На эти породы приходится от 93 до 100 %. При этом значительную долю каменных изделий составляют фтаниты (от 6 до 76 %) и халцедонолиты соответственно (от 17 до 80 %). Ближайшие выходы этих источников сырья находятся в пределах 51–52° с. ш., 66–68° в. д. на территории Тургайского прогиба. Это Тас-Обинское проявление яшм и фтанитов; Красивинское проявление яшм и фтанитов; проявление Кустарник, где встречаются яшмы и опалы; в Джетыгаринском районе Костанайской области – Шевченковское и Тарасовское проявления халцедонолитов, опалов, аметистов [8, с. 218, 248–254]. Эти ближайшие выходы сырья расположены в радиусе 200–300 км от рассматриваемых памятников.

Представленные виды сырья характерны для мезолитической группы памятников (Евгеньевка-1, Дузбай-6, Дачная, Узынагаш-1, Туз-1, Каражар-2) Тургайского прогиба. На Карасоре-1, Карасоре-2 и Карасоре-3 такие виды сырья, как фтаниты, халцедонолиты, яшмы, кремнистые алевролиты, кахолонг, составляют от 10 % до 30 %, что мы объясняем присутствием в этих коллекциях мезолитических материалов. Каменный инвентарь памятников Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7 по сырьевому признаку соотносится с мезолитической группой памятников Тургайского прогиба и с материалами мезолитических памятников Южного и Среднего Зауралья (Андреевка III, Мариинская I, Сухрино I, Выйка II, Крутяки I) и лесостепной зоны Тоболо-Иртышского междуречья

(Убаган III, Камышное I, Тельмана VIIa) [9, с. 427; 10, с. 20; 11, с. 76–77; 12, с. 97–98; 13, с. 123].

Продукты первичного расщепления представлены конусовидными и карандашевидными нуклеусами только на стоянке Карасор-5. Аналогичные типы нуклеусов встречаются в коллекциях мезолитической группы памятников Тургайского прогиба и в коллекциях мезолитических памятников лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья, Южного и Среднего Зауралья [9, с. 428; 10, с. 22–23; 12, с. 99; 13, с. 108–110; 14, с. 60–65]. Наличие истощенных нуклеусов и присутствие вертикальных сколов, ребристых пластин и сколов с ударной площадкой среди технических сколов позволяют утверждать, что раскалывание нуклеусов с целью получения пластин происходило на стоянках. Присутствие отходов вторичной обработки (чешуйки), хотя и немногочисленных, не исключает возможности изготовления орудий также на стоянках.

Из трех видов заготовок на рассматриваемых памятниках представлены только пластины и отщепы. Доминирующее положение занимают пластины, которые составляют от 50 до 74 % среди заготовок на стоянках Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7. Однако на стоянках Карасор-5 и Карасор-6 среди орудий встречаются единичные пластинчатые отщепы.

Большинство пластин без вторичной обработки и орудий из них – с параллельными краями (от 95 до 100 %). Среди пластин-заготовок преобладают сломанные. Это преимущественно проксимальные (от 20 до 43 %) и медиальные (от 20 до 36 %) части. Превалируют пластины без вторичной обработки с треугольным (от 43 до 80 %) и трапециевидным (от 20 до 53 %) сечениями. Пластин-заготовок с прямым профилем – от 40 до 79 %, с изогнутым – от 20 до 53 %. Проксимальные части пластин-заготовок и целые пластины на стоянках Карасор-5 и Карасор-6 представлены только площадками точечного и линейного типов. На стоянке Карасор-5 проксимальные части пластин-заготовок и целые пластины с площадками точечного типа составляют 85 %, а линейного типа – 15 %. Соответственно на стоянке Карасор-6 проксимальные части пластин и целые пластины с площадками точечного типа насчитывают 84 %, а линейного – 16 %. На стоянке Карасор-7 обнаружена только одна проксимальная пластина с площадкой фасетированного типа. Дистальные части пластин-заготовок и целые пластины имеют ступенчатое (от 33 до 44 %), петлеобразное (от 11 до 31 %) и перообразное (от 31 до 67 %) окончания.

Среди заготовок отщепы составляют от 12 до 33 %. Судя по наибольшему диаметру, устойчивой заготовкой являлись отщепы от 11 до 30 мм, которых насчитывается 100 %. При этом из них на отщепы-заготовки размером от 11 до 20 мм приходится от 92 до 100 %. По данному показателю прямые аналогии прослеживаются с мезолитической группой памятников Тургайского прогиба [9, с. 428]. Провести сопоставление с материалами памятников

сопредельных территорий по данному показателю не представляется возможным из-за отсутствия таковых сведений.

Ширина всех пластин без вторичной обработки на стоянках Карасор-5, Карасор-6 и Карасор-7 распределяется от 3 до 15 мм. На пластины-заготовки шириной до 6,9 мм приходится от 20 до 53 %. При этом на Карасоре-5 и Карасоре-6 пластины шириной до 6,9 мм составляют соответственно 50 % и 53 %. Пластины-заготовки шириной от 7 до 10 мм насчитывается от 34 до 46 %, а от 11 до 15 мм – от 1 до 16 %. Таким образом, пластины-заготовки шириной до 10 мм на Карасоре-5 составляют 84 %; на Карасоре-6 – 99 %; на Карасоре-7 – 60 %. Преобладающая толщина пластин-заготовок – от 1 до 1,9 мм (от 60 % до 93 %). Подводя итог, следует отметить, что на рассматриваемых стоянках в качестве основной заготовки для орудий использовалась пластина шириной до 10 мм, толщиной от 1 до 2 мм и длиной от 11 до 50 мм.

Аналогичный микролитизм прослеживается и на орудиях из пластин на обозначенных стоянках. Преимущественно орудия из пластин представлены на стоянках Карасор-5 и Карасор-6, а на стоянке Карасор-7 отмечено только одно орудие из пластины. По ширине орудия из пластин распределяются от 6,9 до 25 мм. Орудия из пластин шириной до 10 мм на Карасоре-5 составляют 87 %, а на Карасоре-6 – 100 %. При этом на орудия из пластин до 6,9 мм на Карасоре-5 приходится 66 %, а на Карасоре-6 – 58 %. Большинство орудий из пластин по толщине укладывается в интервал от 1 до 4 мм. Орудия из пластин толщиной от 1 до 1,9 мм на Карасоре-5 составляют 72 %, а на Карасоре-6 – 83 %. Ближайшие аналогии по размерам пластин-заготовок и орудий из пластин мы находим на мезолитической группе памятников Тургайского прогиба [9, с. 428]. На Дузбае-6 ярко выражен микролитизм, поскольку большинство пластин-заготовок (59 %) и орудий из пластин (66 %) имеют ширину до 6,9 мм и толщину 1 мм. Пластины шириной до 10 мм и толщиной 1–2 мм в мезолитических коллекциях Южного и Среднего Зауралья, лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья составляют 80–90 % [10, с. 36; 12, с. 100–101; 13, с. 110–127].

На представленных стоянках орудия в основном изготавливались из таких видов заготовок: пластины, отщепы и пластинчатые отщепы. Орудия из этих видов заготовок преимущественно отмечены на стоянках Карасор-5 и Карасор-6, где большинство орудий выполнено из пластин, на которые приходится 88 % (Карасор-5) и 92 % (Карасор-6) от суммы этих групп орудий. Орудия из пластинчатых отщепов на Карасоре-5 составляют 6 %, а на Карасоре-6 – 7,6 %. Орудия из отщепов отмечены только на Карасоре-5, на них приходится 6 %. На стоянке Карасор-7 одно орудие изготовлено из пластины, а второе – из отщепа.

Проводя сопоставление по этому показателю с памятниками каменного века, мы отмечаем ближайшее сходство с орудиями мезолитической группы памятников Тургайского прогиба [9, с. 428]. Орудия из пластин

преобладают на всех памятниках мезолитической группы, составляя от 71,6 % (стоянка Дачная) до 92,5 % (стоянка Дузбай-6). На орудия из отщепов приходится от 7,5 % (Дузбай-6) до 25 % (Дачная) орудийного набора. Орудия из пластинчатых отщепов составляют от 1 % (Евгеньевка-1) до 2 % (Дачная). Провести сопоставление орудий мезолитической группы памятников Тургайского прогиба и сопредельных территорий по данному показателю не представляется возможным из-за отсутствия таковых сведений.

Среди приемов, используемых для оформления орудий на рассматриваемых стоянках, применялось ретуширование, техника резцового скола или их комбинация, а также техника оббивки и в единичном случае шлифование. Техника ретуширования занимает ведущее положение среди обозначенных приемов для оформления орудий и на стоянке Карасор-5 составляет 87 %, на стоянке Карасор-6 – 85 %, на стоянке Карасор-7 – 100 %. Край заготовки намеренно отделялся, чаще всего краевой ретушью с дорсала. По характеру ретушь преимущественно прослеживается равнофасеточная, протяженная, крутая, полукрутая, вертикальная и плоская. Среди группы мезолитических памятников Тургайского прогиба по данному показателю сопоставление прослеживается с материалом памятников Дузбай-6 и Евгеньевка-1, где край заготовки отделялся полукрутой и плоской ретушью. Ближайшее сходство в технике вторичной обработки прослеживается с мезолитическими материалами Южного Зауралья [15, с. 19].

В перечне орудийных наборов представленных стоянок выявлены каменные изделия, которые являются маркерами для уточнения времени обитания человека на памятниках. К ним относятся, прежде всего, пластины с ретушью по боковым краям, проколка, резцы угловые, пластины с ретушью на торце, скребки из различных видов заготовок, ретушер, абразив, рубящее орудие. Такие типы орудий характерны для мезолитической группы памятников Тургайского прогиба [9, с. 429]. Среди орудий из пластин типична многочисленная категория пластин с ретушью по боковым краям. Наиболее представительны пластины, ретушированные по одному краю, с дорсала или вентрала в равном количестве. Аналогичная ситуация отмечена на памятниках Южного и Среднего Зауралья.

Другие типы орудий этой группы (с противоположающей ретушью, с чередующейся, с выемками) количественно менее выражены. Пластины с выемками (скобели) отмечены только на Карасоре-5 и Карасоре-6. Пластины с ретушью на торце и угловые резцы присутствуют также на стоянках Карасор-5 и Карасор-6 и характерны для орудийного набора памятников Южного и Среднего Зауралья и лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья [12, с. 101, 264–265; 13, с. 110–112, 120; 14, с. 61–64, 72, 78]. Следует отметить, что Ю. Б. Сериков и В. Ф. Зайберт в своих трудах пластины с ретушью на торце определяют как «пластины с обработанным концом» и считают, что подобные изделия

служили микроскрёбками, и ретушь появилась в процессе утилизации [12, с. 101; 14, с. 64].

Итак, стоянки Карасор-5, Карасор-6, Карасор-7 по основным технико-типологическим параметрам каменной индустрии входят в группу мезолитических памятников Тургайского прогиба и обнаруживают близкое сходство с материалами мезолитических памятников Южного и Среднего Зауралья (Андреевка III, Мариинская I, Сухрино I, Выйка II, Крутяки I, Краснокаменка, Родники 2, Черная гора) и лесостепной зоны Тоболо-Иртышского междуречья (Убаган III, Камышное I, Тельмана VIIa) [10, с. 18–44; 11; 12, с. 98–114; 13, с. 107–127; 16, с. 53–56]. Несомненно, мезолитические материалы Тургайского прогиба сопоставляются с зауральской мезолитической культурной общностью. По мнению В. С. Мосина, зауральская мезолитическая культурная общность могла сформироваться на местной позднепалеолитической основе (Игнatieвская пещера, Шикаевка II, Троицкая I, Черноозерье II и др.) и в тесной взаимосвязи с культурами Восточного Прикаспия [15, с. 21].

Хронологические рамки мезолитических памятников Тургайского прогиба ввиду отсутствия радиоуглеродных дат можно определить в пределах относительных временных границ. Мезолитические памятники Южного Урала датируются IX–VII тыс. до н. э. [14, с. 66–79]. В лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья памятники (Убаган III, Убаган VIIa, Камышное I) отнесены к позднему мезолиту. Начальный этап позднего мезолита в этом регионе отражает радиоуглеродная дата для стоянки Тельмана XIVa – 10540 ± 200 л. н., т. е. IX тыс. до н. э., а финал мезолита датируется VII тыс. до н. э. [13, с. 126]. Следовательно, мезолитические памятники на территории Тургайского прогиба укладываются в пределы IX–VII тыс. до н. э.

Заключение

Подводя итог, следует определиться с относительными временными границами бытования человека на исследуемых стоянках, где помимо мезолитической каменной индустрии были обнаружены единичные фрагменты керамики, бронзовый наконечник, изделие из керамики и каменный двусторонне обработанный наконечник. Эти предметы мы не связываем с однородной каменной индустрией эпохи мезолита.

Литература

1. Подзюбан Е. В. Стоянка Карасор-2 в Верхнем Притоболье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 636–647. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647>
2. Подзюбан Е. В. Стоянка Карасор-3 в верховьях Притоболья // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 52–61. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61>
3. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // Советская археология. 1975. № 3. С. 8–27.
4. Таймагамбетов Ж. К., Нохрина Т. И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан: Мирас, 1998. 186 с.
5. Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.

По нашему мнению, фрагментированные экземпляры керамики в пределах относительной хронологии соотносятся со временем от эпохи бронзы до раннего железного века. Подобные неорнаментированные фрагменты встречаются на памятниках Тургайского прогиба, где были получены разновременные коллекции находок. Проведя сравнительный анализ, мы пришли к выводу, что обломок керамического изделия со стоянки Карасор-7 (рис. 3, 11) является глиняным грузилом. Такие грузила применяли для рыболовческой деятельности насельники предтаежного Тоболо-Иртышья в эпоху палеометалла [17, с. 260, 369–371]. Для каменного двусторонне обработанного наконечника со слабо выраженным черешком (рис. 3, 10) со стоянки Карасор-7 находятся прямые аналогии в позднеэнеолитических комплексах памятников Тургайского прогиба и сопредельных территорий [14, с. 158–160; 18, с. 48–49; 19, с. 22–26; 20, с. 476–478]. Бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы (рис. 1, 26) со стоянки Карасор-5 находит сходство с двумя бронзовыми наконечниками Еловского поселения (территория Томско-Нарымского Приобья) [17, с. 286, 390]. Еловская культура, имеющая андроновский облик, датируется рубежом II и I тыс. до н. э. Кроме того, аналогичные наконечники встречаются на памятнике Северный Тагискен (территория Восточного Приаралья), который датируется эпохой поздней бронзы [21, с. 109–112].

Таким образом, рассмотренные коллекции находок со стоянок Карасор-5, Карасор-6 и Карасор-7 помещаются во временной промежуток от мезолита до рубежа поздней бронзы и раннего железного века.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Благодарности: Автор выражает признательность и благодарность за предоставленную возможность обработать коллекции со стоянок Карасор-5, Карасор-6 и Карасор-7 сотрудникам Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья в лице руководителя музея Ш. Е. Ермагамбетовой и заместителя руководителя Ю. П. Будановой.

6. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1994. 284 с.
7. Васильев С. А. К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии / отв. ред. С. В. Маркин, С. А. Гладышев. Новосибирск: Б. и., 1986. С. 147–161.
8. Палант Л. И., Тимеева Л. В. Отчёт по теме: «Обобщение геологических материалов по Тургайской области и составление карты перспектив на камнесамоцветное сырьё в м-бе 1:500000 по территории деятельности СКПГО». Кустанай: Б. и., 1983. Т. 1–2. 254 с.
9. Подзубан Е. В. Мезолитическая группа памятников на территории Тургайского прогиба // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». 2020. № 3. С. 425–433.
10. Беспрозванный Е. М., Мосин В. С. К характеристике мезолита Южного Зауралья // Новое в археологии Южного Урала / отв. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1996. С. 18–47.
11. Стоянов В. Е., Крижевская Л. Я., Старков В. Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино I на Исети // Вопросы археологии Урала. 1977. № 14. С. 72–84.
12. Сериков Ю. Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил: НТГПИ, 2000. 430 с.
13. Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. 1981. № 3. С. 107–130.
14. Мосин В. С., Григорьев С. А., Таиров А. Д., Боталов С. Г. Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.
15. Мосин В. С. Мезолит-энеолит Южного Зауралья (проблемы культурогенеза): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 55 с.
16. Мосин В. С. Мезолитические стоянки лесостепного Зауралья // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 1. С. 50–66.
17. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / отв. ред. О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов, М. Ф. Косарев, гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 471 с.
18. Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургай в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Б. и., 1997. 180 с.
19. Зайтов В. И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 17–33.
20. Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 576 с.
21. Байпаков К. М., Таймагамбетов Ж. К. Археология Казахстана. Алматы: Қазақ университеті, 2006. 356 с.

original article

Mesolithic Sites in the Upper Tobol

Elena V. Podzuban

Research, Restoration and Protection of Historic and Cultural Heritage Center, Kazakhstan, Kostanay; podzuban@mail.ru

Received 13 Oct 2021. Accepted after peer review 17 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: The article introduces prehistoric artifacts from the sites of Karasor-5, Karasor-6, and Karasor-7 obtained in 1998. The archaeological site of Karasor is located in the Upper Tobol region, near the town of Lisakovsk. Stone tools, pottery fragments, a ceramic item, and a bronze arrow head were collected from a sand blowout, which had destroyed the cultural layer. The paper gives a detailed description of the pottery. The stone tools were examined using the technical and typological analysis, which featured the primary splitting, the morphological parameters and size of plates, the ratio of blanks, plates, flakes, and finished tools, the secondary processing methods, and the typological composition of the tools. The nature of the raw materials was counted as an independent indicator. The pottery fragments, the bronze arrow head, and the ceramic item belonged to the Bronze Age and the Early Iron Age. The stone industry of the Karasor archeological cluster proved to be a Mesolithic monument of the Turgai Trough. The technical and typological analysis revealed a close similarity with the Mesolithic sites of the Southern and Middle Trans-Urals, as well as the forest-steppe part of the Tobol-Irtysh interfluvium. The stone artifacts were dated from the Mesolithic to the Early Iron Age.

Keywords: Mesolithic, Turgai Trough, stone industry, incisors, arrow head, phtanites, jasper

Citation: Podzuban E. V. Mesolithic Sites in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 897–910. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-897-910>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Acknowledgment: The author expresses sincere gratitude to the staff of the Lisakovsk History and Culture Museum of the Upper Tobol region – director Sh. E. Yermagambetova and vice-director Yu. P. Budanova – for the opportunity to process the collections from the Karasor-5, Karasor-6, and Karasor-7.

References

1. Podzuban E. V. Karasor-3 site in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 636–647. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647>
2. Podzuban E. V. Karasor-3 Site in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 52–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-52-61>
3. Korobkova G. F. Cultural and local variations of medieval Asia (based on materials from the stone industry). *Sovetskaya arkhologiya*, 1975, (3): 8–27. (In Russ.)
4. Taimagambetov Zh. K., Nokhrina T. I. *Archaeological complexes of the Karaungur cave (South Kazakhstan)*. Turkestan: Miras, 1998, 186. (In Russ.)
5. Giryay E. Yu. *Technological analysis of stone industries: a technique of micro-macroanalysis of ancient tools*. St. Petersburg: IIMK RAN, 1997, pt. 2, 198. (In Russ.)
6. Derevyanko A. P., Markin S. V., Vasilev S. A. *Paleolithology: introduction and basics*. Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 1994, 284. (In Russ.)
7. Vasilev S. A. To the methodology of studying the elements of the secondary processing of stone tools. *Problems of Archeology of North and East Asia*, eds. Markin S. V., Gladyshev S. A. Novosibirsk, 1986, 147–161. (In Russ.)
8. Palant L. I., Timeeva L. V. *Report on the topic: "Generalization of geological materials in the Turgai region and roadmap for gemstone raw materials in a scale of 1:500000 in the area of operation of the SKPGO"*. Kostanay, 1983, vol. 1–2, 254. (In Russ.)
9. Podzuban E. V. Mesolithic group of monuments in the Turgay trough. *Bulletin of Abay Kazakh National Pedagogical University. Series "Historical and social-political sciences"*, 2020, (3): 425–433. (In Russ.)
10. Bezprozvannyi E. M., Mosin V. S. Characteristics of the Mesolithic of the Southern Trans-Urals. *New trends in the archeology of the Southern Urals*, ed. Grigoriev S. A. Chelyabinsk: Rifei, 1996, 18–47. (In Russ.)
11. Stoyanov V. E., Krizhevskaya L. Ya., Starkov V. F. Sukhrino I Mesolithic site on the Iset. *Voprosy arkheologii Urala*, 1977, (14): 72–84. (In Russ.)
12. Serikov Yu. B. *Paleolithic and Mesolithic of the Middle Trans-Urals*. Nizhny Tagil: NTGPI, 2000, 430. (In Russ.)
13. Zaibert V. F., Potemkina T. M. The Mesolithic of the forest-steppes of the Tobol-Irtysh interfluvium. *Sovetskaya arkhologiya*, 1981, (3): 107–130. (In Russ.)
14. Mosin V. S., Grigorev S. A., Tairov A. D., Botalov S. G. *Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 1: The Stone Age. The Bronze Age*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU, 2000, 532. (In Russ.)
15. Mosin V. S. *Mesolithic-Aeneolithic of the Southern Trans-Urals (cultural genesis issues)*. Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2005, 55. (In Russ.)
16. Mosin V. S. Mesolithic sites of forest-steppe Trans-Urals. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2012, (1): 50–66. (In Russ.)
17. *Archeology of the USSR. The era of the bronze of the forest belt of the USSR*, eds. Bader O. N., Krainov D. A., Kosarev M. F., Rybakov B. A. Moscow: Nauka, 1987, 471. (In Russ.)
18. Kalieva S. S., Logvin V. N. *Turgai pastoralists in the third millennium, BC*. Kostanay, 1997, 180. (In Russ.)
19. Zaibert V. F. *Botay culture*. Almaty: KazAkparat, 2009, 576. (In Russ.)
20. Zaibert V. F. *Eneolithic of the Ural-Irtysh interfluvium*. Petropavlovsk: Nauka, 1993, 244. (In Russ.)
21. Baipakov K. M., Taimagambetov Zh. K. *Archeology of Kazakhstan*. Almaty: Kazatskii universiteti, 2006, 356. (In Russ.)

оригинальная статья

Особая тройка НКВД Красноярского края: к вопросу исполнения приговоров (осень 1938 г.)

Наталья Анатольевна Потапова

Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск; <https://publons.com/researcher/3880329//>; skna17talya@mail.ru

Алексей Андреевич Бабий

Красноярское историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал», Россия, г. Красноярск

Поступила в редакцию 30.09.2021. Принята после рецензирования 22.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Статья посвящена результатам работы Особой тройки Красноярского края, выполнявшей репрессивные функции по «национальным» операциям на этапе свертывания Большого террора осенью 1938 г. Основное внимание уделено численности осужденных этой внесудебной инстанцией. Работа построена на делопроизводственных документах НКВД, в том числе на решениях Особой тройки Красноярского края. Анализ протоколов Особой тройки и архивно-следственных дел показал, что в регионе осенью 1938 г. по «национальным» операциям прошло 1894 человека, в том числе к высшей мере наказания было приговорено 1690 человек, однако на деле менее 1 % расстрельных приговоров, утвержденных региональной внесудебной инстанцией, были приведены в исполнение. Такая ситуация была характерна не только для Красноярского края, но и для других регионов СССР. Сделан вывод, что одной из причин «милосердия» стал приказ НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г., предписывающий прекратить преследования по карательным акциям Большого террора, а нерассмотренные дела рекомендовал передавать в суды. Осужденные в последний день массовых репрессий попадали под освобождение, органам НКВД запрещалось приводить в исполнение приговоры, утвержденные Особыми тройками после 15 ноября 1938 г. Последующее разъяснение наркома внутренних дел Л. П. Берия от 22 декабря 1938 г. обязывало чекистов считать утратившими силу все расстрельные приговоры внесудебных инстанций, не приведенные в исполнение до 17 ноября.

Ключевые слова: Большой террор, массовые операции, «национальные» карательные акции, внесудебные инстанции, Комиссия НКВД, Прокуратура СССР, Особая тройка

Цитирование: Потапова Н. А., Бабий А. А. Особая тройка НКВД Красноярского края: к вопросу исполнения приговоров (осень 1938 г.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 911–919. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-911-919>

Введение

В 2018 г. исполнилось 80 лет с момента окончания Большого террора, однако до сих пор не ослабевает научный и общественный интерес к теме массовых репрессий в СССР. Повышенное внимание к событиям 1937–1938 гг. объясняется общественно-политическими, культурными, экономическими и демографическими последствиями, которые породил Большой террор. Вплоть до распада Советского Союза возможности изучения массовых репрессий были очень ограничены из-за отсутствия источников. Благодаря «архивной революции» 1990-х гг. историки получили возможность работать с ранее засекреченными материалами, что значительно расширило исследовательскую базу и способствовало более глубокому изучению карательной политики и механизмов репрессий. Открытие архивов позволило историкам добиться крупных успехов в изучении механизмов, масштабов и жертв советского политического террора, однако ставить точку в изучении этого периода советской истории пока не приходится. Остается много лакун, которые требуют дальнейшей проработки темы, глубокого осмысления вопроса и привлечения нового корпуса источников [1].

Одной из малоизученных проблем остается роль внесудебных инстанций в массовых репрессиях 1937–1938 гг. Протоколы этих институтов не нашли должной проработки у исследователей, а вместе с тем такие документы являются уникальным источником по изучению террора. На материалах, содержащихся в них, можно делать выводы о численности репрессированных в общесоюзном и региональном масштабе, о целевых группах операций, о механизмах и технологиях советской карательной политики [2]. Впервые к протоколам внесудебных инстанций как источнику по изучению самой массовой карательной акции – «кулацкой», проводимой по приказу НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г., обратился коллектив историков во главе с М. Юнге [3–6]. Историки показали, как на основе таких документов можно воссоздать картину террора.

Вместе с тем в настоящее время существуют большие сложности с доступом к решениям советских «судилищ». До сих пор эти документы не переданы на государственное хранение и продолжают находиться в ведомственных архивах ФСБ (бывших архивах КГБ). Проблему усложняет еще и то, что протоколы внесудебных инстанций содержатся не в одном конкретном архивохранилище, часть их

отложилась в региональных архивных фондах, а часть хранится за пределами России, в бывших советских республиках. Кроме того, не все территориальные органы госбезопасности провели процедуру рассекречивания упомянутых выше документов, поэтому доступ исследователей к ним закрыт.

Данное исследование базируется на решениях внесудебных инстанций периода Большого террора, хранящихся в УФСБ по Красноярскому краю. Еще в 1990-х гг., на подъеме «архивной» революции, протоколы были переписаны первым председателем красноярского общества «Мемориал» В. С. Сиротининым¹. Уже в наши дни одному из авторов данной статьи, Н. А. Потаповой, удалось вновь поработать с этими документами в территориальном архиве УФСБ. Еще к одной группе источников данного исследования относится База данных Красноярского общества «Мемориал», которая ведется более 20 лет и содержит сведения о более чем 180 тыс. пострадавших от советского политического террора в регионе. В процессе подготовки Книги памяти жертв политических репрессий² была получена база данных фонда прекращенных дел РУ ФСБ, обработаны архивно-следственные дела, переданные в государственный архив. Все эти сведения были перепроверены по уже имеющимся данным Красноярского общества «Мемориал». Таким образом, имеется массив информации, пригодный для исследования. Данный труд основывается на принципах научной объективности и историзма, в работе использовались сравнительно-исторический, описательный, статистический, системный методы исследования.

Фактически в настоящей статье путем сверки протоколов внесудебной инстанции с Книгой памяти жертв политических репрессий Красноярского края предпринята попытка показать итоги работы тройки в последние два месяца Большого террора. Один из авторов данной статьи, А. А. Бабий, совместно с коллегой из «Мемориала» С. Б. Сиротининой справедливо заметил, что сопоставление этих двух разных групп источников (протоколы внесудебной инстанции и персональные справки из Книг памяти) даст не только представление о приговорной деятельности «судилищ», но и продемонстрирует процент исполнительности репрессивных решений на этапе свертывания террора.

Механизм работы внесудебных инстанций Большого террора

Внесудебные инстанции в период карательных акций 1937–1938 гг. обеспечивали массовость террора. Их деятельность предполагала упрощенное, ускоренное, конвейерное, тайное производство. Работа таких органов

заключалась в рассмотрении дел с последующим вынесением приговоров без обращения к судебным процедурам. Функции внесудебности органы советской политической полиции ВЧК-ОГПУ-НКВД получили еще в 1918 г. Согласно декрету СНК РСФСР «Социалистическое отечество в опасности» ВЧК получало право «расстреливать на месте контрреволюционеров, шпионов, спекулянтов, громил, хулиганов, саботажников и прочих паразитов»³. Для вынесения приговоров была создана особая внесудебная инстанция – тройка, в состав которой входили председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и его заместители В. А. Александрович и Я. Х. Петерс [7, с. 213, 8, с. 746–748]. После завершения Гражданской войны т. н. тройки продолжали свою деятельность. Апогея развития институт внесудебности достиг в период массовых репрессий 1937–1938 гг., иллюстрацией тому служит не только масштаб преследований, но и сама организация террора. В это время функционировали «кулацкие» и «милиейские» тройки, Комиссия НКВД и Прокурора СССР («двойка»), Особое совещание при НКВД СССР, Особые тройки. Все эти инстанции сосуществовали параллельно друг другу, но полномочиями они были наделены не одинаковыми. Каждый из перечисленных органов работал в масштабе одной из массовых операций 1937–1938 гг., что было закреплено в соответствующих оперативных приказах НКВД [9, с. 45–55].

В период Большого террора главными репрессивными направлениями в деятельности органов НКВД стали «кулацкая» операция и серия «национальных» линий. Дела по «кулацкой» карательной акции, запущенной приказом № 00447 от 30 июля 1937 г., рассматривала тройка, которая создавалась и функционировала на основании уже названного оперативного документа органов госбезопасности. Этот документ, подписанный наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым, утверждал персональный состав троек для 68 регионов Советского Союза и устанавливал строгие правила проведения заседаний. Согласно приказу тройки рассматривали материалы на арестованных, выносили в отношении них приговоры. «Кулацкая» карательная акция длилась чуть больше года, к весне-лету 1938 г. внесудебная организация повсеместно завершила свою работу по рассмотрению дел по приказу № 00447 и ждала дальнейших указаний. В середине сентября 1938 г. приказ НКВД СССР № 00606 передал тройкам полномочия по рассмотрению дел на арестованных в рамках «национальных» операций [10, с. 195–199].

Несмотря на то, что по сути новый оперативный документ не учреждал новой внесудебной инстанции, а передавал

¹ Протоколы Комиссии НКВД и Прокурора СССР, «кулацкой» и Особой троек по Красноярскому краю // Архив Красноярского общества «Мемориал». Рукопись. 1991.

² Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края / ред. кол.: Н. В. Крепышева, А. А. Бабий и др. Т. 1–14. Красноярск: Офсет. 2004–2016 гг.

³ Объявление ВЧК о расстреле на месте преступления врагов советской власти // Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917–1921 гг. / ред. кол.: Г. А. Белов и др. М.: Госполитиздат, 1958. С. 95–96.

карательные функции уже имеющейся репрессивной организации, можно найти некоторые отличия «кулацкой» тройки и воссозданной Особой тройки («национальные» тройки). Приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. утверждал персональный состав внесудебного органа, тогда как сентябрьские распоряжения не закрепляли членство за конкретной фамилией, они лишь определяли должности, входящие в состав «национальной» тройки, а именно: первый секретарь областного, краевого или республиканского комитета ВКП(б), начальник соответствующего управления НКВД и региональный прокурор. Отметим, что должностной состав, представленный в «троечных» судилищах, не был идентичен, например, в состав «кулацкой» тройки не всегда входили представители прокуратуры, в некоторых регионах во внесудебную инстанцию привлекали сотрудников милиции или помощников начальников НКВД. Количество «кулацких» троек, работающих в целом по стране, отличалось от числа «национальных». Фактически приказ № 00606 расширил целевые категории, которым тройка могла выносить приговоры. Теперь они имели право выносить репрессивные решения «инонационалам» и «иногражданам», обвиненным в шпионаже в пользу зарубежных государств, в то время как до сентября 1938 г. рассматривали дела и выносили приговоры в отношении «кулаков», уголовников, бывших политических противников большевиков, священнослужителей, офицеров и солдат белой армии, служащих царской администрации и др.

До осени 1938 г. дела на арестованных в рамках «национальных» операций были в ведении Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Этот внесудебный орган был создан приказом НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. Новый оперативный документ не только установил порядок проведения репрессий в отношении лиц, которым инкриминировали «шпионаж в пользу иностранных государств», но и запустил первую «национальную» акцию – «польскую». В рамках массовой операции органы госбезопасности проводили репрессии по «польской» [11], «немецкой» [12; 13], «харбинской» [14], «латышской», «греческой» [15], «афганской», «иранской», «эстонской», «финской» [16, с. 79–91], «румынской» и др. линиям [17, с. 249–252]. Особые тройки, взявшие эстафету по рассмотрению дел на арестованных по «национальным» операциям, продолжили традицию, заложенную «двойкой», и реализовывали те же репрессивные направления, что и Комиссия НКВД и Прокурора СССР.

Отработав два месяца, Особые тройки, как в целом и институт троек, были ликвидированы совместным Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» и приказом НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г. Согласно

данным НКВД результатом работы Особых троек стало около 108 тыс. репрессированных по всей стране человек, что составило около 31 % от общего числа прошедших в рамках «национальных» карательных акций⁴. Однако итоговая отчетная статистика НКВД от 15 ноября 1938 г. лишь частично совпадает с протокольными данными. Количественные результаты Комиссии НКВД и Прокурора СССР, как правило, подтверждаются решениями этой внесудебной инстанции. В некоторых случаях существуют незначительные разночтения, которые находят свое объяснение. Отчетные цифры по деятельности Особых троек не соответствуют сведениям, полученным в результате обработки решений этой организации. Так, для Красноярского края разница между отчетом и протоколами составила 87 человек, т. е. в итоговой сводке представлены заниженные цифры. Такая же тенденция обнаружена в регионах Казахской ССР, а также в Алтайском крае, Омской, Читинской, Новосибирской областях. Таким образом, итоговая сводка искажает настоящее положение дел. Объяснение этому находится в обстановке, в которой в Центральном аппарате НКВД составлялся итоговый отчет о результатах Большого террора. Сводку готовили в спешке, она не охватила статистические сведения последних нескольких дней работы региональных троек [18].

Результаты работы Особой тройки Красноярского края

С осени 1938 г. массовые операции приобрели иной характер. Смягчение контроля центра над проведением репрессий и полная передача карательных полномочий территориальным чекистским органам привели к неразберихе не только в подсчете осужденных, но и в карательном механизме. Отчетливо это прослеживается на примере Красноярского края, где Особая тройка составляла протоколы, нарушая всякие правила оформления подобного рода документов.

В период работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР репрессии в регионе проходили по «польской», «харбинской», «латышской», «эстонской», «немецкой», «финской», «румынской» линиям [19]. Особая тройка, не опираясь на традиции, заложенные «двойкой», формировала свои решения по трем направлениям, а именно: «польская» (приказ НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г.), «немецкая» (приказ НКВД СССР № 00439 от 25 июля 1937 г.) и «харбинская» (приказ НКВД СССР № 00593 от 20 сентября 1937 г.) акции. При этом после сентября 1938 г. в Красноярском крае операция по приказу № 00593 приобрела свои особенности. Из карательной акции по борьбе с «японскими шпионами» [20] из числа «харбинцев»⁵, китайцев, корейцев и др. [21] линия превратилась в т. н. смешанную, или разную. Арестованных в рамках «латышской», «эстонской»,

⁴ Центральный архив ФСБ России. Ф. 80с. Оп. 1. Поп. 70. Л. 17.

⁵ «Харбинцами», или «КВЖДинцами», сотрудники НКВД называли бывших служащих КВЖД, вернувшихся в СССР, и реэмигрантов из Китая.

«финской» и «румынской» операций чекисты включали в протоколы по приказу № 00593, инкриминируя им обвинения в «японском» шпионаже. Абсурдность ситуации заключалась в том, что людей арестовывали как агентов «латышской», «эстонской», «финской», «румынской» разведок, но осуждали их уже за «японский» шпионаж. Встречаются примеры, когда в протоколе имелась отсылка к «харбинскому» приказу, но сам он содержал исключительно лиц, обвиненных в «польском» шпионаже⁶. Добавим, что в семи протоколах вообще отсутствует указание приказа, в рамках которого сформирован документ, в табл. 1⁷ такие решения отмечены звездочкой. Только анализ содержательной части позволяет с большой уверенностью делать выводы, по какой карательной акции прошли репрессированные.

Возникает логический вопрос, как красноярские чекисты отчитывались в центр о ходе репрессий. Вопросы появляются и к итоговому отчету НКВД, в котором отражено, что в крае осенью 1938 г. репрессии шли по «польскому», «немецкому», «румынскому», «финскому», «латвийскому», «эстонскому», «греческому», «харбинскому», «английскому» направлениям. В то время как «греческая» и «английская» карательные акции не проводились в регионе во время работы Комиссии НКВД и Прокурора СССР. Таким образом, итоговая сводка о результатах «национальных» операций от 15 ноября 1938 г. далека от реального положения дел.

Особая тройка по Красноярскому краю приступила к работе 29 сентября 1938 г. В ее состав вошли начальник территориального органа НКВД А. П. Алексеев,

Табл. 1. Заседания Особой тройки по Красноярскому краю

Tab. 1. Meetings of the Special Troika in the Krasnoyarsk Territory

Дата заседания	№ протокола	№ приказа			Приговоры			
		439	485	593	Всего	ВМН	ИТА	Прочее
29.09.1938	1	–	–	115	115	114	1	–
29.09.1938	2	–	60	–	60	57	3	–
29.09.1938	3	–	49	–	49	48	1	–
02.10.1938	4	–	43	–	43	38	4	1 доследовать
02.10.1938	5	39	–	–	39	36	2	1 доследовать
02.10.1938	6*	–	81	–	81	74	4	3 доследовать
02.10.1938	7*	–	–	60	60	57	3	–
02.10.1938	8*	–	–	80	80	79	–	1 доследовать
04.10.1938	9	–	59	–	59	53	3	2 доследовать; 1 в суд
04.10.1938	10	20	–	–	20	19	1	–
04.10.1938	11	–	25	–	25	23	2	–
04.10.1938	12*	–	–	71	71	68	2	1 доследовать
04.10.1938	13	–	–	60	60	60	–	–
04.10.1938	14	–	–	43	43	38	5	–
05.10.1938	15	–	–	41	41	35	1	5 доследовать
05.10.1938	16	–	–	13	13	12	–	1 в суд
05.10.1938	17	–	–	61	61	55	6	–
05.10.1938	18*	–	51	–	51	42	9	–
05.10.1938	19	–	–	58	58	52	5	1 доследовать
05.10.1938	20*	69	–	–	69	62	7	–
05.10.1938	21	–	41	–	41	40	1	–
05.10.1938	22	–	23	–	23	19	4	–
05.10.1938	23*	–	9	–	9	9	–	–

⁶ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Д. 639. Л. 46.

⁷ Составлено по: Протоколы Особой тройки по Красноярскому краю // Архив Красноярского общества «Мемориал». Рукопись; Архив УФСБ по Красноярскому краю. Ф. 9. Протоколы Особой тройки (сентябрь–ноябрь 1938 г.). Прим.: Звездочкой отмечены те протоколы, в которых отсутствует указание приказа, на основании которого они составлялись.

Дата заседания	№ протокола	№ приказа			Приговоры			
		439	485	593	Всего	ВМН	ИТА	Прочее
15.10.1938	24	–	83	–	83	55	28	–
15.10.1938	25	–	56	–	56	41	14	1 доследовать
15.10.1938	26	–	33	–	33	26	7	–
15.10.1938	27	25	–	–	25	25	–	–
17.10.1938	28	–	–	53	53	44	9	–
17.10.1938	29	–	42	–	42	35	4	3 в суд
17.10.1938	30	12	–	–	12	7	2	3 в суд
17.10.1938	31	–	–	30	30	30	–	–
17.10.1938	32	–	–	36	36	34	2	–
17.10.1938	33	–	96	–	96	88	8	–
19.10.1938	34	38	–	–	38	36	2	–
19.10.1938	35	–	–	58	58	37	21	–
19.10.1938	36	–	97	–	97	88	9	–
19.10.1938	37	–	–	8	8	8	–	–
15.11.1938	38	–	56	–	56	46	10	–
Итого		203	904	787	1894	1690	180	16 доследовать; 8 в суд

крайпрокурор С. П. Калниш и первый секретарь крайкома ВКП(б) П. Х. Кулаков. Меньше чем за месяц инстанция завершила рассмотрение дел по «национальным» карательным акциям, тем не менее последний репрессивный протокол был подписан в последний день Большого террора. За весь период тройка собиралась восемь раз, за одну встречу рассматривала от одного до девяти протоколов. Заседание 5 октября 1938 г. стало самым «результативным», за этот день тройка подписала 473 карательных решения. Несмотря на то, что в «харбинскую» карательную акцию красноярские чекисты включали широкий круг лиц (даже арестованных по приказу № 00485), размах репрессий против «японских шпионов» уступал «польской» операции. Преследования по «немецкой» линии в регионе заняли третье место, в то время как в общесоюзном масштабе – второе. Результатом работы Особой тройки в Красноярском крае стало 1894 репрессированных. Доля расстрельных приговоров составила около 89 % от общего числа вынесенных решений.

Казалось бы, следует ставить точку в изучении «национальных» операций Большого террора в регионе. Приговоры вынесены, статистика по численности жертв получена, тем более что материалы Комиссии НКВД и Прокурора СССР и «кулацкой» тройки показывают безоговорочную исполнимость решений внесудебных инстанций. Но при исследовании «польской» операции в Красноярском крае А. А. Бабий на примере одного протокола показал, что решения Особой тройки не всегда реализовывались [22, с. 12]. А это значит,

что для установления численности жертв по «национальным» карательным акциям необходимо провести пофамильную сверку данных протоколов с Базой данных Красноярского общества «Мемориал» с целью корректировки статистики по карательным акциям.

Итогом такой работы стала таблица⁸, в которой отражены сведения о приговорах Особой тройки и реальное положение дел по Книгам памяти. В табл. 2 частично представлен результат, полученный в ходе исследования.

Из представленного фрагмента видно, что решения Особой тройки не были приведены в исполнение органами госбезопасности. Изменение репрессивных решений коснулось всех осужденных красноярским «судилищем», в том числе и тех, кто был приговорен к лагерному заключению. Из 1894 человек, прошедших через внесудебную инстанцию осенью 1938 г., реально расстреляли 15 человек (и уже по приговорам других органов), еще 73 человека умерли в тюрьме. Между тем репрессивные решения для остальных 1806 человек подверглись пересмотру, по итогам которого 532 человека получили различные лагерные сроки, 107 человек были оправданы судом и т. д. Кроме того, постановления различных советских органов закрыли около половины заведенных дел: НКВД прекратил 847 дел, прокуратура – 91, военные трибуналы – 53.

Процедура пересмотра дел жертв Особой тройки продолжалась около трех лет, но особый размах этот процесс получил в период т. н. бериевской оттепели 1939 г. [23, с. 257–258]. За год 1455 человек добились отмены или

⁸ Составлено по: Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т. 1 (А–Б). Красноярск: Издательские проекты, 2004. 512 с.; Т. 9 (Х–Я). Красноярск: Офсет, 2010. 496 с.

Табл. 2. Исполнимость репрессивных приговоров Особой тройки Красноярского края

Tab. 2. Enforceability of repressive sentences of the Special Troika of the Krasnoyarsk Territory

ФИО	№ приказа	Дата заседания	№ протокола	Приговор тройки	Книга памяти	Дата изменения приговора
Авдеев Осип Петрович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	17.01.1940
Баранов Степан Парфилович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	07.04.1939
Безруков Порфирий Герасимович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	10.08.1939
Белков Самуил Иванович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	11.01.1939
Беляев Афанасий Николаевич	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	15.07.1939
Богданов Григорий Тихонович	593	29.09.1938	1	Расстрел	ИТА-7	28.08.1939
Болотов Бато Болдаевич	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	01.02.1939
Бушуев Петр Федорович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	22.04.1940
Бушуев Степан Федорович	593	29.09.1938	1	Расстрел	Умер в тюрьме	22.04.1940
Валев Егор Семенович	593	29.09.1938	1	Расстрел	НКВД прекращено	31.05.1940
Цой Владимир Иванович	593	29.09.1938	1	ИТА	НКВД прекращено	07.02.1939

изменения приговора. Конечно, в 1920 г. – первой половине 1930-х гг. в чекистской практике были примеры неисполнения репрессивных приговоров. Однако, как отмечает историк А. Г. Тепляков, причины такого милосердия не объяснимы, их можно только предугадать [24, с. 19–20; 25, с. 373].

Заключение

В период проведения массовых операций 1937–1938 гг. центральный аппарат НКВД требовал от территориальных органов немедленного исполнения приговоров после вынесения внесудебными инстанциями репрессивных решений. На деле это предписание не всегда выполнялось региональными «чистильщиками». Ситуация, когда смертники несколько месяцев ждали исполнения приговора, была хоть и не частым, но случавшимся явлением Большого террора. Например, «кулацкая» тройка по Новосибирской области не раз выносила решения по первой категории по групповым делам, однако после этого обреченные к высшей мере наказания еще в течение месяца или даже нескольких месяцев допрашивались чекистами, до тех пор пока велось следствие по тому или иному делу. Были и примеры, когда утвержденный приговор так и не был приведен в действие. Переполненность тюрем и, как следствие, ошибки в учете арестованных спасли некоторых людей от неминуемой смерти: просидев забытыми в местах лишения свободы, они пережили период массовых операций 1937–1938 гг. и вышли на волю. Статистики подобных помилований в распоряжении у исследователей нет, ее наличие смогло бы скорректировать масштабы Большого террора.

Под снятие всяких обвинений попали и осужденные, которым репрессивный приговор не был объявлен до 17 ноября 1938 г. Амнистию регламентировал приказ НКВД СССР № 00762 от 26 ноября 1938 г., предписывающий прекратить преследования по карательным акциям Большого террора, а нерассмотренные дела рекомендовал передавать в суды⁹. Осужденные 15 ноября, в последний день массовых репрессий 1937–1938 гг., попадали под освобождение, органам НКВД запрещалось приводить в исполнение приговоры, утвержденные Особыми тройками в эту дату. Последующее разъяснение наркома внутренних дел Л. П. Берии от 22 декабря 1938 г. обязывало чекистов считать утратившими силу все расстрельные приговоры внесудебных инстанций, не приведенные в исполнение до 17 ноября¹⁰.

Можно предположить, что приговоренные Особой тройкой Красноярского края к ВМН 56 человек 15 ноября 1938 г. не были расстреляны, т. к. попадали под действие приказа № 00762. Однако вопрос о причинах неисполнения репрессивных решений в отношении остальных лиц, прошедших через «судилище» осенью 1938 г., остается открытым. Скорее всего, осознавая окончание Большого террора, чекисты откладывали расстрелы, а в последствии амнистия репрессированных стала возможной благодаря ноябрьским и декабрьским приказам Л. П. Берии. В любом случае для подтверждения или опровержения данной точки зрения необходима дальнейшая проработка темы, выявление новых источников. Надо полагать, что подобная картина со статистикой по «национальным» операциям складывалась

⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД 1937–1938 / сост.: В. Н. Хаустов и др. М.: Междунар. фонд «Демократия» [Иель]; Материк, 2004. С. 612–617.

¹⁰ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины. Ф. 9. Д. 672. Л. 201.

не только в Красноярском крае. Чтобы получить более точные цифры по карательным акциям, следует в каждом регионе сравнить пофамильно протоколы Особых троек с книгами памяти и региональными базами данных. Это сложная задача, решение которой будет способствовать ректировке численности жертв репрессий в СССР.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Тепляков А. Г. Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты. Новосибирск: НГУЭУ, 2018. 434 с.
2. Жанбосинова А. С., Потапова Н. А., Савин А. И. «Немецкая» операция в Казахской ССР (1937–1938 годы): к вопросу об этнической составляющей Большого террора // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 119–135. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108>
3. Юнге М., Биннер Р. Как Террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XXI, 2003. 352 с.
4. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. История операции по приказу НКВД № 00447. М.: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 784 с.
5. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 1. 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой» операции / сост. М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, А. О. Довбня, Б. Бонвеч, И. Е. Смирнова, Г. А. Бордюгов; под. общ. ред. О. А. Довбни, Л. С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010. 743 с.
6. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2. 1938–1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности» / сост. М. Юнге, С. А. Кокин, Р. Биннер, А. О. Довбня, Б. Бонвеч, И. Е. Смирнова, Г. А. Бордюгов; под. общ. ред. О. А. Довбни, Л. С. Макаровой. М.: РОССПЭН, 2010. 711 с.
7. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.
8. Папков С. А. Статистика приговоров тройки УНКВД Западно-Сибирского края – Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН, 2009. С. 746–784.
9. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты в Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / сост. и науч. ред. А. И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009. 752 с.
10. Политические репрессии в Горном Алтае (1922–1953 гг.) / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2017. 280 с.
11. Петров Н. В., Рогинский А. Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / ред. А. Э. Гурьянов. М.: Звенья, 1997. С. 22–43.
12. Охотин Н. Г., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев / ред.-сост. И. А. Щербакова. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.
13. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 341 с.
14. Аблажей Н. Н. «Харбинская операция» НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
15. Джуха И. Г. Греческая операция. История репрессий против греков в СССР. СПб.: Алетей, 2006. 416 с.
16. Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 172 с.
17. Жданова Г. Д. Политические репрессии на Алтае 1919–1938 гг.: историко-статистическое исследование. Барнаул: АЗБУКА, 2015. 255 с.
18. Кривенко С. Б., Прудовский С. Б. Статистика национальных операций НКВД 1937–1938 годов. 13.04.2021. Режим доступа: <https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).
19. Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб.: Алетей, 2020. 252 с.
20. Хаустов В. Н. Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Политические и социальные аспекты истории сталинизма. Новые факты и интерпретации / под ред. С. А. Папкова, К. Тэраяма. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 106–118.
21. Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР (сентябрь 1937 – ноябрь 1938 гг.) в Красноярском крае: общее и особенное в организации и проведении репрессивной акции // Исторический курьер. 2019. № 1. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-1-6>

22. Бабий А. А. Польская операция НКВД в Красноярском крае // Сибирь многонациональная: мат-лы Сибирского исторического форума. (Красноярск, 24–25 октября 2018 г.) Красноярск: Резонанс, 2018. С. 8–14.
23. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.
24. Тепляков А. Г. Процедура: исполнение смертных приговоров 1920–1930-х годах. М.: Возвращение, 2007. 107 с.
25. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.

original article

Special Troika of the Krasnoyarsk NKVD: the Number of the Repressed in the Fall of 1938

Natalia A. Potapova

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk; <https://publons.com/researcher/3880329//>; skna17talya@mail.ru

Alexey A. Babiya

Krasnoyarsk Historical, Academic, and Human Rights Society "Memorial", Russia, Krasnoyarsk; alex@maxsoft.ru

Received 30 Sep 2021. Accepted after peer review 22 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov Oct 2021.

Abstract: The research featured the Special Troika of the Krasnoyarsk Territory, i.e. a committee of three officials who issued sentences without public trial. The authors focused on the number of the convicted on the so-called ethnic cases during the late Great Terror in the fall of 1938. The study was based on the archival documents of the Special Troika of the Krasnoyarsk Territory. According to the protocols, 1,894 local residents were found guilty in the ethnic cases in the fall of 1938. Out of 1,690 people who were sentenced to capital punishment, less than 1% were executed. On November 26, 1938, the NKVD issued Order No. 00762, which marked the end of the Great Terror and recommended to transfer the remaining cases to the courts. Those convicted on the last day of mass repressions were released, and the NKVD authorities were forbidden to carry out sentences approved by the Special Troika after November 15, 1938. On December 22, 1938, People's Commissar of Internal Affairs L. P. Beria declared that all execution sentences issued by the Troika before November 17, 1928, became invalid.

Keywords: Great Terror, mass operations, ethnic punitive actions, extrajudicial authorities, NKVD Commission, USSR Prosecutor's Office, Special Troika

Citation: Potapova N. A., Babiya A. A. Special Troika of the Krasnoyarsk NKVD: The Number of the Repressed in the Fall of 1938. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 911–919. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-911-919>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Teplyakov A. G. *Activities of the Cheka-GPU-OGPU-NKVD (1917–1941): historiographic and source study aspects*. Novosibirsk: NGUEU, 2018, 434. (In Russ.)
2. Zhanbosinova A. S., Potapova N. A., Savin A. I. "German" operation in the Kazakh SSR (1937–1938). On the question of the ethnic component of Great Terror. *Noveishaia istoria Rossii*, 2020, 10(1): 119–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2020.108>
3. Junge M., Binner R. *How Terror Became Great. Secret order number 00447 and the technology of its execution*. Moscow: AIRO-XXI, 2003, 352. (In Russ.)
4. Junge M., Bordyugov G., Binner R. *Vertical of Great Terror. The history of the operation by order of the NKVD No. 00447*. Moscow: Novyi Khronograf; AIRO-XXI, 2008, 784. (In Russ.)
5. "Through the corpses of the enemy for the good of the people". "Kulak operation" in the Ukrainian SSR 1937–1941. Vol. 1. 1937. Preparation of order No. 00447, the first stage of the "kulak" operation, comps. Junge M., Kokin S. A., Binner R.,

- Dovbnya A. O., Bonvech B., Smirnova I. E., Bordyugov G. A., eds. Dovbnya O. A., Makarova L. S. Moscow: ROSSPEN, 2010, 743. (In Russ.)
6. "Through the corpses of the enemy for the good of the people". "Kulak operation" in the Ukrainian SSR 1937–1941. Vol. 2. 1938–1941 Second stage of repression. Ending the Great Terror and restoring "socialist legality", comps. Junge M., Kokin S. A., Binner R., Dovbnya A. O., Bonvech B., Smirnova I. E., Bordyugov G. A., eds. Dovbnya O. A., Makarova L. S. Moscow: ROSSPEN, 2010, 711. (In Russ.)
  7. Papkov S. A. *Terror as it is. The policy of Stalinism in Siberia*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 440. (In Russ.)
  8. Papkov S. A. Statistics of sentences of the troika of the NKVD of the West Siberian Territory – Novosibirsk Region. *Stalinism in the Soviet province: 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447*, comps. Junge M., Bonvech B., Binner R. Moscow: ROSSPEN, 2009, 746–784. (In Russ.)
  9. *Ethno-confession in the Soviet state. Mennonites in Siberia in the 1920s–1930s: Emigration and Repression. Documents and materials*, comp. and ed. Savin A. I. Novosibirsk: Posokh, 2009, 752. (In Russ.)
  10. *Political repressions in Gorny Altai (1922–1953)*, ed. Ekeev N. V. Gorno-Altaysk: NII altaistiki im. S. S. Surazakova, 2017, 280. (In Russ.)
  11. Petrov N. V., Roginsky A. B. Polish operation of the NKVD 1937–1938. *Repression against Poles and Polish citizens*, ed. Gurianov A. E. Moscow: Zvenia, 1997, 22–43. (In Russ.)
  12. Okhotin N. G., Roginsky A. B. From the history of the "German operation" of the NKVD 1937–1938. *Punished people. Repressions against Russian Germans*, ed. and comp. Shcherbakova I. L. Moscow: Zvenia, 1999, 35–75. (In Russ.)
  13. Vatlin A. Yu. "Evil spirits!" *German operation of the NKVD in Moscow and the Moscow region 1936–1941*. Moscow: ROSSPEN, 2012, 187. (In Russ.)
  14. Ablazhey N. N. The Harbin operation of NKVD in 1937–1938. *Humanitarian sciences in Siberia*, 2008, (2): 80–85. (In Russ.)
  15. Dzhukha I. G. *Greek operation. History of repressions against the Greeks in the USSR*. St. Petersburg: Aletea, 2006, 416. (In Russ.)
  16. Takala I. R. *Finns in Karelia and Russia: The history of the emergence and death of the diaspora*. St. Petersburg: Zhurnal "Neva", 2002, 172. (In Russ.)
  17. Zhdanova G. D. *Political repressions in Altai 1919–1938: historical and statistical research*. Barnaul: AZBUKA, 2015, 255. (In Russ.)
  18. Krivenko S. B., Prudovskiy S. B. *Statistics of national operations of the NKVD in 1937–1938*, 13 Apr 2021. Available at: <https://lib.memo.ru/media/book/27344.pdf> (accessed 10 Aug 2021). (In Russ.)
  19. Potapova N. A. "Harbin" operation of the NKVD of the USSR 1937–1938: mechanisms, target groups, and scale of repression. St. Petersburg: Aletea, 2020, 252. (In Russ.)
  20. Khaustov V. N. Japanese operation of the NKVD in 1937–1938. *Political and social aspects of the history of Stalinism. New facts and interpretations*, eds. Papkov S. A., Terayama K. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015, 106–118. (In Russ.)
  21. Potapova N. A. The "Harbinian operation" of the USSR NKVD (september 1937 – november 1938) in the Krasnoyarsk territory: general and special in the organization and conduct of repressive campaign. *Historical Courier*, 2019, (1). (In Russ.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2019-1-6>
  22. Babiya A. A. Polish operation of the NKVD in the Krasnoyarsk Territory. *Siberia multinational: Proc. Siberian Historical Forum, Krasnoyarsk, 24–25 Oct 2018*. Krasnoyarsk: Rezonans, 2018, 8–14. (In Russ.)
  23. Werth N. *Terror and disorder. Stalinism as a system*. Moscow: ROSSPEN, 2010, 447. (In Russ.)
  24. Teplyakov A. G. *Procedure: Execution of death sentences in the 1920s and 1930s*. Moscow: Vozvrashchenie, 2007, 107. (In Russ.)
  25. Teplyakov A. G. *Terror machine: OGPU-NKVD of Siberia in 1929–1941*. Moscow: Novyi Khronograf; AIRO-XXI, 2008, 632. (In Russ.)

оригинальная статья

«Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина

Ольга Вячеславовна Филиппенко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск, <https://orcid.org/0000-0001-9287-196X>; olga.kanyshkova@mail.ru

Поступила в редакцию 16.10.2021. Принята после рецензирования 08.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: В статье поднимается проблема активизации протестных настроений спецпоселенцев Томской области в первые месяцы после получения ими известия о болезни и последующей смерти И. В. Сталина (март-апрель 1953 г.). Исследование базируется на спецсообщениях Управления МГБ по Томской области, зафиксировавших различные формы «антисоветского» поведения депортантов. Их анализ показывает степень адаптивности спецпоселенцев к требованиям власти и позволяет оценить их способность придерживаться установленных политических ритуалов по имитации своей лояльности к системе, даже в тех ситуациях, когда позиции режима явно ослабли. Посредством анализа санкций, наложенных на спецпоселенцев, дается характеристика поведения работников местных карательных структур в условиях практически полного отсутствия инструкций. Исследование завершается выводом, что «антисоветское» поведение депортантов являлось не столько целенаправленным протестом, сколько иррациональной реакцией отдельных депортантов на экстраординарное событие. Реакция сотрудников регионального отделения МГБ на подобные действия соответствовала не новому курсу советской политики, а сформированным на протяжении сталинской эпохи поведенческим шаблонам, согласно которым нарушители выявлялись, а затем жестко и показательно наказывались.

Ключевые слова: спецпоселение, этнические депортации, поздний сталинизм, протестное поведение

Цитирование: Филиппенко О. В. «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 920–928. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>

Введение

Смерть И. В. Сталина потрясла все советское население, разрушила привычный порядок жизни и ознаменовала собой конец эпохи. Царившие в обществе настроения неопределенности ярко переданы в воспоминаниях Ривки Рабинович, бывшей ссыльнопоселенки, депортированной из Латвии в Томскую область в 1941 г.: «Сталин был постоянным фактором в нашей жизни, подобно восходу и закату солнца. Казалось, что порядок мироздания поколебался. Один из официальных лозунгов пропаганды гласил: "Ленин всегда с нами". Хотя этот лозунг можно было видеть везде, даже в классах школы, присутствие Ленина мы не ощущали, он лежал в мавзолее и никому не мешал. В противоположность этому Сталин действительно был всегда с нами. Народ привык к тому, что все делается по указаниям "сверху". На каждом уровне свой "верх" – сельский, районный, областной, республиканский, всесоюзный. А всесоюзный верх – это Сталин. Такова структура власти. И вдруг верха этой структуры больше нет. Кто же будет управлять страной? Незнание внушало страх» [1, с. 180]. В атмосфере неопределенности оказались не только рядовые граждане, но и представители власти, привыкшие неукоснительно выполнять указания центра, но вынужденные действовать в условиях их фактического отсутствия.

В историографии смерть И. В. Сталина рассматривается, прежде всего, как начало нового периода советской

истории. По этой причине акцент в анализе ставится не на первоначальной реакции граждан на это событие, а на его долгосрочных последствиях. В то же время достаточно подробно рассматриваются баталии, развернувшиеся в высших кругах власти в марте 1953 г. Среди биографов И. В. Сталина ведутся активные, хотя и не всегда беспристрастные, дискуссии о причинах его смерти и хронологии событий на даче в Кунцево [2, с. 487–497; 3; 4, р. 861–868; 5, р. 1–35; 6, р. 700–743; 7, с. 199–223; 8; 9; 10, с. 103–108; 11]. Эволюция идеологических установок и другие изменения, произошедшие в обществе в три первых месяца после смерти вождя, все еще остаются плохо изученными.

Однако в историографии есть отдельные статьи, заслуживающие особого упоминания. А. П. Куропаткин, проанализировав изменения советской пропаганды весны 1953 г., пришел к выводу, что уже в течение первых ста дней после смерти И. В. Сталина произошел отказ от культа личности вождя и усилилось «безличное» направление в советской идеологической политике [12, с. 168]. Однако, по мнению историка, этого времени было недостаточно для того, чтобы рядовые граждане приняли изменения: люди продолжали жить по ранее сформированным канонам [13, с. 100–101]. Это отчасти противоречит мнению Ю. А. Зуляра, отметившего, что десталинизация в вузах Иркутска начала ощущаться уже весной 1953 г., что проявилось

в прекращении идеологических кампаний и поисков носителей «чуждых» взглядов, а также снятии наложенных партийных взысканий [14, с. 233]. Рассматривая траурные мероприятия весны 1953 г. как полноценную идеологическую кампанию, Ю. В. Костяшов пришел к выводу, что партийные организации и комитеты всех уровней практически не функционировали в течение месяца после смерти вождя. По этой причине на территории Калининградской области практически не проводилось митингов, собраний и пикетов, кампания ограничивалась публикацией различных траурных материалов на страницах газет и выпуском тематических радиопрограмм [15, с. 81]. Подобные тенденции были характерны для Новочеркасска, где в течение марта 1953 г., парткомитет города заседал трижды, но вопрос о И. В. Сталине не поднимался [16, с. 62]. Иная ситуация сложилась в Кемеровской области: согласно данным Е. С. Гениной и М. М. Колязимовой, там проходили многочисленные траурные шествия, на которых присутствовало более 900 тыс. человек [17, с. 148]. Подобные выводы были сделаны В. А. Король в отношении Белорусской ССР [18, с. 195–196]. Эти диаметрально противоположные сведения показывают, что местные власти по-разному отреагировали на текущую атмосферу неопределенности. Одни были настолько деорганизованы, что практически не предприняли никаких мер по организации траурных мероприятий, другие, напротив, сумели относительно быстро сориентироваться и мобилизовать население.

Проблема активизации протестного поведения советского населения в марте 1953 г. была рассмотрена в комментариях к сборнику документов, посвященному инакомыслию в СССР 1953–1982 гг. Автор вступительной статьи к нему В. А. Козлов отметил, что сразу после смерти вождя власти по старой привычке провели репрессивную кампанию для поддержания общества в напряженном состоянии. По ее итогам были арестованы отдельные лица, забывшие на мгновение о «правилах безопасности» и позволившие себе сказать что-то нелицеприятное об усопшем вожде. При этом историк подчеркнул, что подобное протестное поведение было скорее исключением, чем правилом. В целом публичное выражение своего негативного отношения к И. В. Сталину рядовые граждане воспринимали как кощунство. В этой связи лица, вставшие весной 1953 г. на сторону протеста, рассматриваются В. А. Козловым как одиночки, выступившие против «коллектива» лояльных подданных. Для молчаливого большинства они были изгоями и врагами, подлежащими заслуженному наказанию [19]. Схожие паттерны поведения были характерны для граждан дружественных СССР стран, например Китая [20, с. 81–85].

В рамках настоящей статьи большое внимание уделяется протестным реакциям спецпоселенцев на смерть И. В. Сталина, поскольку они показывают, насколько сильно «неблагонадежные» элементы усвоили установленные в советской системе правила игры. Другими словами, если будет доказано, что депортанты даже в ситуации, когда власть явно ослабла, а население ожидало серьезных изменений, продолжали придерживаться ритуала или по крайней мере имитировать лояльность к системе, то можно предположить, что они были способны адаптироваться к существовавшим требованиям. Не менее важна и реакция региональных властей на протестное поведение спецпоселенцев: анализ санкций, наложенных на нарушителей правопорядка, покажет, действовали ли сотрудники надзорных органов в соответствии со старыми поведенческими шаблонами, и насколько они были готовы защищать старый порядок. Это в свою очередь актуализирует проблему функционирования диктатур в кризисных ситуациях. Исходя из этого, цель настоящей статьи была сформулирована следующим образом: выявить основные формы протестного поведения, характерные для спецпоселенцев в марте-апреле 1953 г., и сопоставить с последующими за ними наказаниями.

Основу источниковой базы исследования составляют спецсообщения, направленные начальником управления МГБ по Томской области Н. С. Великановым секретарю Томского обкома КПСС И. А. Смольянинову¹. Источники датируются преимущественно 7–14 марта 1953 г. и содержат описания фактов «антисоветской» деятельности правового населения и спецпоселенцев, произошедших, как правило, 4–8 марта. В рассматриваемых документах описано 20 случаев протестного поведения депортантов, и в качестве их участников поименно называются 26 человек. Кроме того, было обнаружено одно спецсообщение, в котором фигурирует восемь выдержек из частных писем спецпоселенцев². Несмотря на крайне низкую репрезентативность используемых документов (всего на 1 июля 1950 г. на территории Томской области было расселено 56604 спецпоселенца³), данный источник представляется крайне ценным, поскольку показывает едва ли не первую реакцию депортантов на рассматриваемые события, что отличает его, например, от воспоминаний.

Фигурирующие в спецсообщениях лица были сопоставлены с книгой памяти по Томской области⁴. В результате этого была не только дополнена формальная информация о жизни депортантов, но и частично прослежена их дальнейшая судьба. Помимо этого, в базе воспоминаний, собранной мемориальным музеем «Следственная тюрьма НКВД» г. Томск, было обнаружено интервью с одним

¹ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 310–315.

² Там же. Л. 270–272.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 556. Л. 16.

⁴ Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 1930-е – начале 50-х годов / под ред. В. Уйманова. Томск: Изд-во Томского университета, 2016. Т. 1–3.

из спецпоселенцев, который упоминается в спецсообщениях, Самуилом Львовичем Зиссером⁵. Интервью взял Аба Таратута в Иерусалиме в марте 2003 г., когда С. А. Зиссеру было 82 года. Спецпоселенец родился в Москве, его отец был евреем и лесопромышленником из Риги, мать – немкой. После вхождения Латвии в состав СССР отец С. А. Зиссера был направлен в лагерь на 10 лет, а он вместе с матерью был выслан на север Томской области, в Колпашево, где работал скрипачом. После войны он получил разрешение на выезд в Томск, где трудоустроился в местной филармонии. 9 марта 1953 г. он вместе с матерью был арестован за контрреволюционный саботаж и уже 11 июня 1953 г. был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей. Впоследствии в ходе пересмотра дела срок заключения был снижен до 10 лет. В 1973 г. он с семьей эмигрировал в Израиль. Это интервью позволило понять, какая личность стояла за формальными документами МГБ.

Состав «протестующих» спецпоселенцев

Возраст названных в спецсводках МГБ депортантов представлен в табл. 1⁶. По большей части протестное поведение было характерно для тридцати- и сорокалетних депортантов. Только одному спецпоселенцу в момент высылки было девять лет, еще двоим – 17 и 19 лет. Следовательно, обвиненные в «антисоветской» деятельности депортанты имели богатый жизненный опыт и уже выработанные модели поведения. Им, по сравнению с поколением, выросшим в спецпоселках, было намного труднее принять новые правила жизни.

При анализе гендерного состава исследуемой группы спецпоселенцев был выявлен перекося в пользу мужчин (61,5 %). Это не обязательно было связано с тем, что мужчины

были более склонны к выбору протестной модели поведения. Во-первых, работники МГБ могли чаще фиксировать «антисоветскую» деятельность мужчин, обращая меньшее внимание на протестное поведение женщин. Во-вторых, описывая враждебные настроения всей семьи, органы МГБ могли приводить в пример только высказывания главы семьи, которыми чаще всего являлись мужчины. Например, в спецсообщении, в котором органы МГБ зафиксировали «антисоветские» высказывания упомянутого выше спецпоселенца С. А. Зиссера, ничего конкретного не сообщается о поведении его матери, хотя она была осуждена вместе с ним и приговорена к 10 годам заключения и 5 годам поражения в правах. В источнике фигурирует только следующая фраза: «Зиссер, [имя другого спецпоселенца] и связанные с ними лица, всего в количестве четырех человек, арестованы и привлекаются к уголовной ответственности»⁷.

Информация о типах контингентов спецпоселенцев была установлена в отношении 19 человек. Подавляющее большинство спецпоселенцев были депортированы из Литвы (5 человек) или Латвии (7 человек). С этих территорий проводились две крупные депортационные кампании. Первая – июньская депортация 1941 г., проведенная после вхождения прибалтийских стран в состав Советского Союза. Вторая кампания, т. н. операция «Прибой», была проведена в марте 1949 г. Как минимум 5 ссыльных были депортированы в 1941 г., как минимум 2 – в 1949 г. Следовательно, спецпоселенцы, высланные из Литвы и Латвии, были более склонны к проявлению протестного поведения в сравнении с другими спецконтингентами, а степень их лояльности не зависела от срока пребывания в ссылке. По два человека принадлежали к «ссыльнопоселенцам из Украины» (высылка 1941 г.), репатриантам и «немецким пособникам» (высылка 1945 г.), еще один спецпоселенец был представителем «свидетелей Иеговы» (высылка 1951 г.). Среди исследуемых спецпоселенцев нет представителей советских немцев и калмыков, хотя именно они являлись одними из самых массовых категорий депортантов в Томской области.

Принадлежность к спецконтингенту не всегда отражала национальность человека. Например, в состав «ссыльнопоселенцев из Латвии» часто входили не только латыши, но и евреи, литовцы, поляки и немцы. Согласно табл. 2⁸, протестное поведение было характерно для литовцев, латышей и немцев. Следовательно, подобный тип протестного поведения был свойственен лицам, депортированным из западных регионов, в основном из Прибалтики. Остальные спецпоселенцы были более лояльны и могли, по крайней мере внешне, придерживаться установленных правил.

Табл. 1. Возраст спецпоселенцев, обвиненных в «антисоветской» деятельности в 1953 г.

Tab. 1. Age of deportees accused of "anti-Soviet" activities in 1953

Возраст	1953		На момент депортации	
	Количество человек	%	Количество человек	%
до 10 лет	–	–	1	7,6
10–19 лет	–	–	2	15,4
20–29 лет	4	18,2	4	30,8
30–39 лет	7	31,8	2	15,4
40–49 лет	6	27,3	4	30,8
50–59 лет	3	13,6	–	–
60–69 лет	2	9,1	–	–
Всего	22	100	13	100

⁵ Интервью с Самуилом Зиссером (провел Аба Таратута в марте 2003 г.) // Мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД». Режим доступа: <http://nkvd.tomsk.ru/projects/posledniysvidetel/writings/zissers/> (дата обращения: 15.10.2021).

⁶ Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

⁷ Там же. Л. 207–211.

⁸ Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

Табл. 2. Национальность спецпоселенцев, осуществлявших «анти-советскую» деятельность

Tab. 2. Nationality of the deportees charged with "anti-Soviet" activities

Национальность	Количество человек	%
Армяне	1	4
Евреи	3	12
Латыши	5	20
Литовцы	8	36
Молдаване	1	4
Немцы	5	20
Поляки	1	4
Турки	1	4
Всего	25	100

В Книге памяти фигурирует информация о профессии, образовании и партийной принадлежности спецпоселенцев. Хотя эти данные не являются репрезентативными, стоит отметить, что в анализируемую группу входят депортанты с различным уровнем образования (начальное, среднее, незаконченное высшее, высшее). Профессиональный состав рассматриваемой выборки также разнообразен (чернорабочий, токарь, кузнец, бухгалтер, инженер, врач и скрипач). Партийцев в рассматриваемой выборке обнаружено не было.

Формы протестного поведения и реакция властей

В исследуемых источниках названо три формы протеста депортантов:

- 1) отказ участвовать в траурных мероприятиях, проведенных в связи со смертью И. В. Сталина;
- 2) открытое выражение радости по поводу болезни или смерти вождя;
- 3) высказывание «антисоветских» суждений.

Первая форма представлена лишь одним случаем, который начальник Управления МГБ по Томской области Н. С. Великанов описал так: «6 марта 1953 года группа сектантов-иеговистов спецпоселенцев молдаван, работающих в Асиновской МТС, отказались от участия в траурном собрании, посвященном памяти Иосифа Виссарионовича Сталина. На неоднократные приглашения ссыльный Г., 1911 года рождения, в присутствии рабочих заявил: "На ваших собраниях нам делать нечего... Ваш бог умер, завтра другой умрет, а наш бог вечный. Мы только своему богу верим и надеемся, что кроме его никто не построит хорошей жизни". Г. в числе других участников антисоветской группы намечается нами в ближайшее время к аресту»⁹.

Спецпоселенец Г. действительно был арестован 23 марта 1953 г. по обвинению в «антисоветской» агитации и приговорен 5 июня 1953 г. к 25 годам исправительно-трудовых лагерей и пяти годам поражения в правах. Однако в октябре 1955 г. он был реабилитирован¹⁰. Представленная форма протеста была обусловлена религиозными мотивами. Догматы свидетелей Иеговы подразумевают отрицание земного правительства. По этой причине они не празднуют светские праздники, отказываются служить в армии, на государственной службе и т. д. Хотя первая форма протеста не носила массового характера, в ряде случаев значимость соблюдения правил своей веры могла оказываться для спецпоселенцев важнее, чем потенциальные риски, связанные с отказом от выполнения требований властей.

Вывод о том, что эта форма протеста не была массовой, подтверждается информацией о поведении правого населения, которая представлена в исследуемых спецсводках МГБ, – подобных данных в них не содержится. Об этом же свидетельствуют и собранные В. А. Козловым документы. Среди приведенных им случаев проявления протестных настроений назван только один, когда гражданин не только отказался пойти на поминальный митинг сам, но и препятствовал другим в осуществлении этого: «Пожилой заводской мастер с Верхней Волги, бывший член партии, прежде судимый по ст. 58, не пустил рабочих цеха на траурный митинг ("нужно работать, таких митингов будет еще много"), сказал сотруднице: "Не распускай нюни". В момент похорон вождя решил огласить приказ директора завода о распределении смен»¹¹.

Примером второй формы протестного поведения, демонстрирующего публичное празднование смерти И. В. Сталина, служит следующая цитата: «4 марта сего года на сборище спецпоселенцев литовцев, работающих в Тимирязевском леспромхозе, группа ссыльных: [Называются фамилии и годы рождения] с радостью восприняли весть о тяжелой болезни товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. При этом Ш. заявила: <...> "Ну, теперь он заболел и может быть ему придет конец". <...> Поддерживая ее измышления присутствовавшая С. ответила: <...> "очень хорошо, что у него парализовало речь, а то бы он перед смертью что-нибудь сказал на нашу шею". <...> Эти антисоветские выпады поддержал и спецпоселенец П., который пустился в пляс, заявляя: <...> "Хорошо, что так случилось, может быть он умрет". <...> После этого все присутствовавшие на сборище спецпоселенцы стали петь песни, в которых высказывали злобные антисоветские измышления по адресу Главы Советского Правительства, сопровождая их нецензурной бранью»¹². Спецпоселенка С. была арестована 1 апреля 1953 г. по обвинению в контрреволюционной

⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 225–226.

¹⁰ Боль людская... Т. 1. С. 319.

¹¹ Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. / ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 38.

¹² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 252–253.

деятельности и 17 июня 1953 г. была приговорена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Реабилитирована она была только в марте 1990 г.¹³

Указанный пример является единственным упоминаемым в источниках случаем, когда спецпоселенцы публично выражали свою радость по поводу болезни И. В. Сталина. Чаще депортанты праздновали это событие в приватной обстановке. Так, в спецсообщениях приводится следующее высказывание спецпоселенки М.: «Вдруг сообщают о болезни вождя, от этих слов мне стало так хорошо на душе[,] и я просто не знала, как дошла до дома от радости. А когда сообщили о смерти [называет имя вождя], я пришла домой и никак не могла дождаться мужа. И вот П. [муж] пришел такой радостный, что мы все вместе заплакали от такой радости»¹⁴. Или другой спецпоселенец Р., литовец, 9 марта 1953 г. заявил, что «надо бы выпить за такие радостные события грамм по 200, особенно в 4 часа вечера [примерное время нападения нацистской армии на Советский Союз]»¹⁵. Следовательно, в подавляющем большинстве случаев депортанты продолжали применять выработанные годами адаптивные механизмы. По этой причине они редко позволяли себе публично выражать свои чувства и пытались скрыть их от посторонних глаз, хотя и не всегда успешно.

Третьей и наиболее распространенной формой протестного поведения было высказывание «антисоветских» суждений. В них затрагивалось три основные темы:

- 1) описание своей радости по поводу смерти И. В. Сталина и разъяснение причин своей ненависти к вождю;
- 2) высказывание предположений о том, как будет развиваться внутренняя политика;
- 3) прогнозирование изменений во внешней политике.

Первая тема затрагивается в 16 из 34 высказываний, при этом в 11 из них не объясняются причины ненависти к режиму, спецпоселенцы просто выражают свои положительные эмоции. В этом плане типичными примерами являются следующие суждения: «Люди плачут, а меня смех берет»¹⁶, «Узнав это все[,] плясали на одной ноге, и наше сердце чувствует [себя] веселее»¹⁷, «Слава богу [называет имя вождя и допускает по его адресу оскорбительное выражение] и Советская власть тоже скоро подохнет»¹⁸. Причины ненависти спецпоселенцев в целом логичны и связаны с тем, что в результате деятельности И. В. Сталина «столько

невинных людей попали в тюрьмы, дети умирали с голоду[,] и некому было подать кусок хлеба»¹⁹. Единственное, что в этой связи вызывает особый интерес – то, что депортанты обвиняют власть в проведении репрессий не столько в отношении своей национальной группы, сколько в отношении всего советского народа. Следовательно, общая трагедия не только объединяла представителей различных спецконтингентов, но и стирала грань между спецпоселенцами и нерепрессированным населением.

Поскольку смерть И. В. Сталина разрушила привычный порядок вещей, в своих суждениях спецпоселенцы активно высказывали предположения о своем будущем и будущем политической системы страны и пытались понять, закрутит ли новая власть гайки еще сильнее или же примет решение об их освобождении. Эта информация содержится в десяти суждениях.

В семи высказываниях прогноз позитивный: новая власть смягчит режим и позволит спецпоселенцам вернуться домой. Депортанты связывали ссылку непосредственно с личностью И. В. Сталина. Так, спецпоселенка-латышка К. заявила: «Еще один [оскорбительное выражение] умер... самый главный в Москве. После этого все дела пойдут по[.] другому, этот только держал нас здесь... Нам скоро нужно будет готовиться уехать на родину»²⁰. Или спецпоселенец-латыш М. в разговоре с другими ссыльными утверждал следующее: «Обратите внимание[,] какие изменения произошли в Правительстве – все это обнадеживает нас. Сами эти факты говорят в нашу пользу»²¹. Кроме того, по мнению ряда спецпоселенцев, одним из последствий смерти И. В. Сталина должна была стать ликвидация колхозной системы. Указанное предположение было высказано «немецким пособником» Т.: «Так, руководитель партии и правительства уже умер. Ничего, правительство все по[.] маленьку подохнет, потом для нас, братцы, будет лучше... колхозов не будет, каждый будет делать, что он хочет»²².

Пессимистические суждения спецпоселенцы высказывали значительно реже. Эту позицию, например, занял выше упоминаемый С. А. Зиссер, который, согласно данным МГБ, в разговоре с другим спецпоселенцем А. заявил следующее: «Нет, вот[,] увидите, что Маленков будет вести себя более вызывающе по отношению к великим державам, а внутри страны усилятся террор и выселение людей

¹³ Боль людская... Т. 3. С. 153.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2) Л. 252–256.

¹⁵ Там же. Л. 310–315.

¹⁶ Там же. Л. 252–256.

¹⁷ Там же. Л. 270–272.

¹⁸ Там же. Л. 310–315.

¹⁹ Там же. Л. 225–230.

²⁰ Там же. Л. 262–266.

²¹ Там же. Л. 310–315.

²² Там же. Л. 262–266.

из родных мест»²³. С. А. Зиссер был уже на следующий день арестован и через три месяца был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей (наказание было заменено на 10 лет). В своем интервью 2003 г. он практически не рассказывает об обстоятельствах своего ареста. Память явно подводит 82-летнего спецпоселенца: он путает фактические обстоятельства по делу. Так, он сообщил, что его арест произошел в 1948–1949 гг., тогда как по данным МГБ и Книге памяти это случилось 9 марта 1953 г. В целом С. А. Зиссер описывает свою жизнь в ссылке как относительно счастливое время (хотя у него осталась глубокая обида на Советскую власть, и он воспринимает присоединение Латвии к СССР как оккупацию). По его мнению, в Сибири они «прекрасно жили, не очень легко, но все-таки неплохо». Особенно его радовал тот факт, что он не был мобилизован в армию, т. к. являлся в глазах власти «антисоветским элементом». В интервью С. А. Зиссер акцентирует внимание не на трудностях лагерной или ссыльной жизни (о голоде он упоминает как бы к слову), а на тех вещах, которые делали его счастливым (работа скрипачом в театре, знакомство с женой). Создается ощущение, что внешние условия не играли для него существенной роли: он практически не рассказывает про материальные и бытовые условия и не помнит ни одного важного политического события, ни имен руководителей страны. Так, бывший спецпоселенец сообщил, что после смерти И. С. Сталина к власти пришел какой-то человек с начинающейся на «К» фамилией, который прочитал какой-то доклад. При этом он подробно описывает обстоятельства встречи с женой, процесс изучения им русского языка, переезд в Иркутск после освобождения из лагеря. Так, вероятно, сработали защитные механизмы его психики, сохранившие в его памяти лишь те события, которые были связаны с его счастливой частной жизнью²⁴.

Спецпоселенцы большое внимание уделили оценке реакции новой власти на смерть вождя (шесть высказываний). По мнению депортантов, смерть И. В. Сталина была выгодна для нынешнего руководства, которое устало от репрессий и постоянных перестановок в высших эшелонах власти. Некоторые говорили и об убийстве вождя. Так, спецпоселенец В. высказал следующую мысль: «Кремль – место темное[,] там много творится. Стоило ввести в организм [называет имя вождя] препарат, вызывающий высокое кровяное давление[,] и он скончался, но никакие следы не покажут на злоумышленное умертвление»²⁵. Кроме того, два спецпоселенца выдвинули предположение, что смерть

И. В. Сталина приведет к усилению борьбы внутри элиты: «Я думаю, что произойдет еще что-нибудь – произойдет раскол»²⁶; «в Кремле образовалось два лагеря. Борьба за территорию, борьба между двумя лагерями в Кремле»²⁷.

Десять депортантов высказали мнение о скором обострении ситуации во внешней политике, шесть из них сообщили, что начнется война. При этом война воспринималась позитивно, в ее результате спецпоселенцы должны были непременно получить свободу. Роль державы-освободителя отдавалась Америке и другим капиталистическим западным странам, что выглядит вполне логично в условиях холодной войны. Литовец Ш. заявил: «Люди плачут, а меня смех берет. Все равно скоро будет война. Этот не сумеет руководить... Теперь американцы ждать не будут... А нам, как только услышим про войну, то надо бежать к американцам помогать их [советский народ] бить... Нам надо как-нибудь попасть к передовым линиям и перейти к американцам в плен... Для этого надо где-нибудь убить какого[-]нибудь русского и забрать его документы»²⁸. Еще трое человек хотя и придерживались точки зрения об обострении отношений между США и СССР, но не считали, что это приведет к войне. Последнее, десятое, суждение хорошо демонстрирует, насколько сильно было ожидание войны: любое сообщение в исполнении Левитана ассоциировалось у спецпоселенки М. с ее началом: «В среду 4 марта я... слышу около нашего магазина голос Левитана по радио, я обрадовалась, ну[,] думаю, война! И вдруг сообщают о болезни вождя»²⁹.

Миф о внешнем спасителе был характерен для сознания депортантов на протяжении всей истории спецпоселений. Роль освободителя отдавалась разным странам в зависимости от геополитической атмосферы. В начале 1930-х гг. по причине конфликта на КВЖД эта функция была возложена на Китай, а с началом войны – на Германию (немцы воспринимались как спасители как минимум до 1946–1947 гг.). С началом холодной войны спецпоселенцы стали связывать свое спасение с капиталистическими странами. Таким образом, свое освобождение депортанты связывали или с актом доброй воли новых правителей, или с военными действиями иностранных государств. Ни один спецпоселенец не высказал мысли, что свободу принесет, например, восстание народа.

В спецсводках названо два варианта дальнейшей судьбы протестантов. В первом случае в источниках указывается, что депортанты будут арестованы и привлечены к уголовной ответственности. Эта информация была подтверждена данными Книг памяти (в отношении 5 из 7 рекомендованных

²³ Там же. Л. 207–211.

²⁴ Интервью с Самуилом Зиссером...

²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 310–315.

²⁶ Там же. Л. 225–230.

²⁷ Там же. Л. 310–315.

²⁸ Там же. Л. 252–256.

²⁹ Там же. Л. 252–256.

к аресту человек был вынесен обвинительный приговор). Во втором случае служащие МГБ сообщали, что «в отношении данных спецпоселенцев проводятся мероприятия по вскрытию других фактов их антисоветской деятельности». В данном случае над спецпоселенцами устанавливался усиленный административный надзор. Информация о принятых в отношении депортантов санкциях представлена в табл. 3³⁰.

Табл. 3. Санкции, примененные по отношению к спецпоселенцам

Tab. 3. Sanctions applied to deportees

Категория	Количество человек	%
Не были арестованы	9	26,5
Были арестованы и осуждены, в том числе:	7	20,5
приговорены к 25 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах	2	5,9
приговорены к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах	3	8,8
нет данных	2	5,9
Нет данных	18	53,0
Всего	34	100

Примерно пятая часть депортантов получила жесткое наказание. К 25 годам исправительно-трудовых лагерей были приговорены С. А. Зиссер («антисоветская» беседа) и свидетель Иеговы Г. (отказ принимать участие в траурном митинге), к 10 годам – собеседник С. А. Зиссера. Арестованы были также трое публично выражавших свою радость литовцев. Наказание в виде 10 лет исправительно-трудовых лагерей получила латышка Б. Ее история не является типичной – «антисоветское» суждение высказал в школе ее сын, ученик 3 класса. Позже он признался, что повторял слова матери и ее друзей. В доме Б. был проведен обыск, в результате которого была найдена «антисоветская» литература³¹. Таким образом, спецпоселенцы получали жесткое уголовное наказание в случае, если их протестное поведение подтверждалось каким-либо действием (отказ

участвовать в собрании; публичное выражение радости; хранение запрещенной литературы). Единственное исключение – история С. А. Зиссера и его товарища. В остальных случаях спецпоселенцы за ведение «неправильных» бесед не арестовывались, даже если они велись в относительно публичном пространстве.

Заключение

Протестное поведение спецпоселенцев было пассивным, особенно в сравнении с поведением узников ГУЛАГа, встретивших смерть И. В. Сталина с большим энтузиазмом и регулярно поднимавших мятежи против режима в течение 1953–1955 гг. [21, с. 204–205; 22, с. 323; 23, с. 443–444]. Депортанты же не верили в возможность народного восстания. В этой связи можно согласиться с В. А. Козловым [19]: публичное выражение радости было не целенаправленным протестом, а иррациональной и не всегда контролируемой реакцией людей, забывших на время об осторожности. Эти действия не носили массового характера. В целом же спецпоселенцы приспособились к существующим правилам и научились имитировать свою лояльность к системе. Репрессивные акции марта 1953 г. не были инициированы центром. Напротив, представители высших эшелонов власти начали последовательно отказываться от прежних практик уже в первые дни после смерти И. В. Сталина. Была проведена реформа по объединению МВД и МГБ, созданы комиссии по рассмотрению особо важных политических дел и осуществлена амнистия [24, с. 21–22; 25, с. 127–128]. Однако смена курса не была четко доведена до местных властей, привыкших действовать в соответствии с исходящими из центра нормами. По этой причине весной 1953 г. они начали действовать на основе давно выработанного паттерна, в рамках которого любого, кто проявит нелояльность нынешней власти, следовало быстро выявлять и показательно наказывать.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Рабинович Р. Сквозь три строя. М.: Муза творчества, 2015. 520 с.
2. Chlevnjuk O. Stalin: Eine Biographie. München: Siedler Verlag, 2015. 592 S.
3. Kellmann K. Stalins langer Tod // Der Tod des Diktators: Ereignis und Erinnerung im 20. Jahrhundert / Hg. T. Großbölting, R. Schmidt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. S. 100–106.
4. Medvedev R. Let history judge: the origins and consequences of Stalinism. N. Y.: Columbia University Press, 1989. 891 p.
5. Rubenstein J. The last days of Stalin. New Haven, London: Yale University Press, 2016. 271 p.
6. Ulam A. B. Stalin. The Man and his Era. Boston: Beacon Press, 1989. 760 p.
7. Авторханов А. Г. Загадка смерти Сталина: заговор Берия. Frankfurt/Main: Посев, Соп., 1976. 317 с.
8. Жуков Ю. Н. Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 // Вопросы истории. 1996. № 5-6. С. 89–104.

³⁰ Составлено по: Боль людская ... Т. 1–3; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 207–216, 225–230, 252–256, 262–266, 270–272, 310–315.

³¹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1923 (2). Л. 212–213.

9. Зезина М. Р. Шоковая терапия от 1953-го к 1956 году // Отечественная история. 1996. № 2. С. 121–135.
10. Пихоя Р. Г. Советский союз: история власти. М.-Берлин: Direkt-Media, 2019. 655 с.
11. Рейман М. Н. С. Хрущев и поворот 1953 года // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 165–168.
12. Куропаткин А. П. Новые направления в идеологической пропаганде в СССР после смерти И. В. Сталина // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13. № 3. С. 165–169.
13. Куропаткин А. П. Новые веяния в идеологической пропаганде СССР в первые месяцы после смерти Сталина (на материалах передач союзного вещания) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 99–101.
14. Зуляр Ю. А. 1953 год в истории Иркутского государственного университета // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 231–244. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244>
15. Костяшов Ю. В. Идеологические кампании периода позднего сталинизма в колхозах Калининградской области: история повседневности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 75–84.
16. Стариков Н. В. «Мартовский» стресс 1953 года и адаптационный синдром в СССР // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 1. С. 57–76. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2017-1-57-76>
17. Генина Е. С., Колязимова М. М. Идеологические кампании в СССР 1946–1953 гг., связанные с образом И. В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2. С. 145–150.
18. Король В. А. Смерть Сталина и реакция жителей Советской Беларуси // Белорусский исторический обзор. 2021. № 1. С. 183–198.
19. Козлов В. А. Сталин умер! // Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1953–1982 гг. / ред. В. А. Козлов, С. В. Мироненко. М.: Материк, 2005. С. 33–36.
20. Hua-yu Li. Reactions of Chinese citizens to the death of Stalin // Journal of Cold War Studies. 2009. № 2. P. 70–88.
21. Бердинских В. А. Вятлаг. Киров: Кировская областная типография, 1998. 320 с.
22. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 440 с.
23. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. М.: Московская школа политических исследований, 2006. 608 с.
24. Артюков А. П., Рябов В. В. Преобразования в системе МВД СССР и пенитенциарной системе в марте-июне 1953 года (на материалах Куйбышевской области) // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 2. С. 17–22. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.2>
25. Лушин А. И., Калинин И. В. Трансформация органов государственной безопасности в период хрущевской «оттепели» // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 2. С. 125–136. <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.125-136>

original article

"People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death

Olga V. Filippenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Russia, Novosibirsk; <https://orcid.org/0000-0001-9287-196X>; olga.kanyshkova@mail.ru

Received 16 Oct 2021. Accepted after peer review 8 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: The research featured special reports from the Tomsk Department of State Security about the “anti-Soviet” protest movement of Tomsk deportees in the first months after Joseph Stalin's death. The analysis revealed how the deportees adapted to the authority demands and imitated their loyalty to the system, even when the regime positions was clearly weakened. The author analyzed the sanctions imposed on the deportees and the behavior of the local punitive officials, who received no instructions from Moscow. Most likely, the “anti-Soviet” behavior was not so much a purposeful protest as an irrational reaction to such an extraordinary event as Joseph Stalin's death. The responsive actions of the Regional Department of State Security did not follow the new course of Soviet policy but rather the behavioral patterns formed during the Stalin era: violators were identified and punished severely and demonstratively.

Keywords: political deportees, ethnic deportations, late Stalinism, protest behavior

Citation: Filippenko O. V. "People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 920–928. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-920-928>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Rabinovich R. *Through three regimes*. Moscow: Muza tvorchestva, 2015, 520. (In Russ.)
2. Chlevnjuk O. *Stalin: Eine Biographie*. München: Siedler Verlag, 2015, 592.
3. Kellmann K. Stalins langer Tod. *Der Tod des Diktators: Ereignis und Erinnerung im 20. Jahrhundert*, Hg. T. Großbölting, R. Schmidt. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, 100–106.
4. Medvedev R. *Let history judge: the origins and consequences of Stalinism*. N. Y.: Columbia University Press, 1989, 891.
5. Rubenstein J. *The last days of Stalin*. New Haven, London: Yale University Press, 2016, 271.
6. Ulam A. B. *Stalin. The Man and his Era*. Boston: Beacon Press, 1989, 760.
7. Avtorkhanov A. G. *The mystery of Stalin's death: Beria's conspiracy*. Frankfurt/Main: Posev, Cop., 1976, 317. (In Russ.)
8. Zhukov Yu. N. Struggle for power in the party and state leaders of the USSR in the spring of 1953. *Voprosy istorii*, 1996, (5–6): 89–104. (In Russ.)
9. Zezina M. R. Shock therapy in 1953–1956. *Otechestvennaia istoriia*, 1996, (2): 121–135. (In Russ.)
10. Pikhoya R. G. *Soviet Union: the history of power*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2019, 655. (In Russ.)
11. Reiman M. N. S. Khrushchev and the turn of 1953. *Voprosy istorii*, 1997, (12): 165–168. (In Russ.)
12. Kuropatkin A. P. New directions in ideological propaganda in the USSR after I. V. Stalin death. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2011, 13(3): 165–169. (In Russ.)
13. Kuropatkin A. P. New trends in the ideological propaganda of the USSR in the first months after Stalin's death (based on the materials of the Union broadcasting). *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2010, (12): 99–101. (In Russ.)
14. Zulyar Yu. A. 1953 in the history of Irkutsk State University. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2020, 16(1): 231–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244>
15. Kostyashov Yu. V. The ideological campaigns of the late Stalinism period at kolkhozes of the Kaliningrad region: everyday history. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2012, (12): 75–84. (In Russ.)
16. Starikov N. V. "The March stress" of 1953 and the syndrome of adaptation in the Soviet Union. *Novoe proshloe / The New Past*, 2017, (1): 57–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2017-1-57-76>
17. Genina E. S., Kolyazimova M. M. Ideological campaigns in the USSR in 1946–1953 connected with the image of J. V. Stalin (revealed by the example of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (3-2): 145–150. (In Russ.)
18. Korol V. L. Stalin's death and the response of Soviet Belarus citizens. *Belorusskii istoricheskii obzor*, 2021, (1): 183–198. (In Russ.)
19. Kozlov V. A. Stalin is dead! Sedition. *Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev 1953–1982*, eds. Kozlov V. A., Mironenko S. V. Moscow: Materik, 2005, 33–36. (In Russ.)
20. Hua-yu Li. Reactions of Chinese citizens to the death of Stalin. *Journal of Cold War Studies*, 2009, (2): 70–88.
21. Berdinskikh V. A. *Vyatlag*. Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya, 1998, 320. (In Russ.)
22. Ivanova G. M. *History of the GULAG, 1918–1958: socio-economic, political and legal aspects*. Moscow: Nauka, 2006, 440. (In Russ.)
23. Applebaum A. *The Gulag. Web of the Great Terror*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2006, 608. (In Russ.)
24. Artyukov A. P., Ryabov V. V. Changes in the USSR Ministry of Internal and in penitentiary system in March-June 1953 (by the material of Kuybyshev region). *Manuscript*, 2020, 13(2): 17–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.2.2>
25. Lushin A. I., Kalinin I. V. Transformation of state security agencies in the period of the Khrushchev's thaw. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2019, 19(2): 125–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.15507/2078-9823.046.019.201902.125-136>

оригинальная статья

Динамические аспекты трансформации системы идентичностей студентов вузов в процессе обучения

Ольга Артуровна Браун

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>;
oabraun09@rambler.ru

Марина Анатольевна Билан

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-1346-6163>

Михаил Геннадьевич Аркузин

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Елена Владимировна Аршинова

Кемеровский государственный университет, Россия,
г. Кемерово

Поступила в редакцию 19.11.2021. Принята после рецензирования 10.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: Высшее образование не ограничивается передачей профессиональных знаний и умений, а предполагает дальнейшее развитие личности, в первую очередь ее самосознания. В результате расширения компетенций, углубления процессов самосознания, освоения новых видов деятельности, формирования профессиональных ценностей изменяется Я-концепция студентов. На основе методологии системного и конструктивистского подходов мы рассматриваем Я-концепцию как систему идентичностей, которые складываются и изменяются в процессе жизнедеятельности личности, на основе осознания тождественности с какими-либо объектами психической реальности. За время обучения в вузе трансформируется структура Я-концепции студентов, изменяется общее состояние системы идентичности и отношение к ее отдельным видам. Представленные в статье результаты эмпирического исследования динамики системы идентичности студентов наглядно демонстрируют, что на выпускных курсах большее значение приобретает идентификация с семьей, близким социальным окружением, а также идентичность, связанная с внешней презентацией и оценкой личности. Более позитивно оценивается этническая идентичность и идентичность с будущими семейными ролями. Эти изменения происходят на фоне общего снижения устойчивости, автономности системы. В результате Я-концепция становится более зависимой, диффузной. Те же тенденции проявляются и в показателях динамики профессиональной идентичности. Более близкое знакомство со спецификой будущей профессии приводит к осознанию ее ограничений, образ профессии становится более неоднозначным, а отношение к ней меняется. Все эти изменения приводят к проявлению у части выпускников кризиса идентичности, переживание которого может быть достаточно сложным для личности.

Ключевые слова: личность, Я-концепция, развитие личности, профессиональная идентичность

Цитирование: Браун О. А., Билан М. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. Динамические аспекты трансформации системы идентичностей студентов вузов в процессе обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 929–938. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-929-938>

Введение

Постмодернистские трансформации затрагивают различные сферы отношений личности как на социально-культурном, так и бытовом уровнях. Современная действительность разрушает привычные паттерны и конфигурации поведения, стереотипы и отношения личности. Нарастает кризис идентичности, сказывающийся на индивидах и социальных группах, а также обществе в целом. Идентичность современного человека представлена в виде мультикультурного образования, множественных и фрагментарных образов, зависящих от контекста [1–3]. Значимость данной проблематики подтверждается стремительным ростом гуманитарных научных публикаций, посвященных проблеме идентичности в современном обществе [4–9].

З. А. Жаде подчеркивает, что идентичность формируется в течение всего жизненного пути личности, преодолевая кризисные этапы становления, изменяется в прогрессивном

или регрессивном направлениях, зависит от объективных условий социума, предлагающего определенные стратегии взаимодействия в группе и обществе. В понимании З. А. Жаде идентичность – это самотождественность человека с определенным социокультурным сообществом и способность человека ответить на вопрос *Кто я такой?* При этом структура идентичности представлена целевым, содержательным и оценочным компонентами [2].

Трансформационным процессам наиболее подвержено подрастающее поколение. Для изучения особенностей формирования идентичности личности наиболее благоприятным является студенческий возраст, характеризующийся активностью процессов социализации и индивидуализации [10]. Этот период характеризуется самоопределением и поиском своего места в социуме. Трансформация идентичности в этот период осуществляется за счет интеграции

элементов личного опыта в разных сферах жизни. Молодые люди учатся конструировать, видоизменять свою идентичность и занимать независимую позицию от оценок окружающих.

Помимо передачи профессиональных навыков, знаний и умений перед системой высшего образования стоит задача развития личности студентов. Решение этой задачи невозможно без учета изменений, происходящих в самосознании личности. Более того, именно эти изменения являются важнейшими для прогнозирования и конструирования жизненного и профессионального пути.

Под самосознанием личности мы понимаем процесс познания человеком себя, результатом которого становится Я-концепция – совокупность относительно устойчивых представлений о себе, своей личности, сопряженных с их оценкой. Содержательно Я-концепция представляет собой систему различных видов идентичности, каждый из которых отражает субъективную связанность, солидарность с определенным объектом психической реальности. Этот объект может быть представлен в виде конкретного человека, социальной группы, абстрактного понятия или идеи, быть реальным или воображаемым. Идентичность каждого вида свидетельствует о значимости объекта идентификации, принятии его характеристик, в первую очередь ценностных ориентаций как собственных, включение их в направленность личности. Поскольку Я-концепция представляет собой систему идентичностей, появление нового компонента, такого как профессиональная идентичность, приводит к изменению как структуры системы, так и ее состояния. Именно оценке таких изменений, происходящих в период обучения в вузе, и посвящено наше исследование.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 237 студентов различных направлений Кемеровского государственного университета: психология, реклама и связи с общественностью, менеджмент, социальная работа, отечественная и зарубежная филология – и специальности Клиническая психология.

Поскольку идентичность рассматривается нами с позиций методологии конструктивистского и системного подходов как система взаимосвязанных отдельных компонентов (видов идентичности), в исследовании изучалась динамика следующих характеристик: общее состояние системы, ее автономность, устойчивость; структура, иерархия отдельных видов идентичности; системные процессы.

Сбор эмпирической информации осуществлялся при помощи батареи методов. Для изучения структурных характеристик системы идентичности использовались разработанный нами опросник «Структура идентичности» [11] и опросник «Аспекты идентичности» (Aspects of Identity, AIQ – IV) (Дж. Чик и др.) [12]. Опросник «Структура идентичности» представляет собой перечень различных, прежде всего социально-ролевых компонентов

идентичности, которые испытуемому предлагается проанализировать по уровню значимости для Я-концепции от 1 (наиболее важно) до 16 (наименее важно). Кроме того, опросник позволяет фиксировать отношение респондента к той или иной категории: положительное (+), отрицательное (–), нейтральное (+/–) и неопределенное (?). Методика «Аспекты идентичности» в варианте, использованном А. Е. Войскунским и коллегами, представляет собой 45 утверждений, которые предлагается оценить по 5-балльной шкале от 1 (несущественно для моего ощущения, кто я) до 5 (существенно). Методика позволяет изучить степень представленности в идентичности ее отдельных аспектов (видов): личной, реляционной, социальной, коллективной, специальной и поверхностной.

Для оценки общего состояния системы идентичности применялись Тест статусов и структуры эго-идентичности (СЭИ-тест) Е. А. Солдатовой [13] и Методика изучения личностной идентичности (МИЛИ) А. Б. Шнейдер [14], позволяющие оценить статус идентичности. В СЭИ-тесте помимо общего показателя фиксируется статус по отдельным шкалам, поскольку, согласно представлениям Е. А. Солдатовой, характеристики идентичности в разных сферах жизнедеятельности могут отличаться. МИЛИ представляет собой вариант проективного метода изучения идентичности, она состоит из слов-стимулов, которые автор делит на «направленные на живое и мертвое». Респонденту предлагается выбрать те слова, которые, по его мнению, относятся к нему, на основе подсчета соотношения индикаторов категории *живое* и *мертвое* определяется один из статусов идентичности: диффузная, преждевременная, мораторий, достигнутая, гиперидентичность. Понятие *статус идентичности* предложено Дж. Марсиа и описывает уровень развития идентичности, ее сформированность, устойчивость автономность [15].

Изучение процессов, происходящих в системе идентичности, осуществлялось при помощи Опросника стилей идентичности М. Берзонски (в адаптации Е. П. Белинской, И. Д. Брониной) [16; 17]. Методика позволяет изучить стилевые характеристики процесса конструирования идентичности. Автор выделяет 3 стиля: информационный, нормативный и диффузный. Помимо этого, в методике есть шкала *приверженность*, отражающая, насколько последователен испытуемый в своих решениях, что может рассматриваться как один из признаков устойчивости системы.

Поскольку для профессионального образования критически важным является формирование профессиональной идентичности, данный компонент оценивался отдельно при помощи Опросника диагностики профессиональной идентичности студентов А. А. Озеринной. Методика позволяет оценить уровень сформированности и зрелости профессиональной идентичности, а также содержит 7 субшкал, отражающих ее различные компоненты [18; 19].

Динамика исследуемых характеристик рассматривалась на основе сравнения результатов студентов младших (1, 2)

и выпускных (4, 5) курсов. Проверка нормальности распределения данных, проведенная при помощи критерия Колмогорова-Смирнова показала, что большинство изучаемых характеристик не имеют нормального распределения, поэтому для оценки достоверности различий использовался U-критерий Манна-Уитни. Достоверность различий по пропорциям признака подсчитывалась при помощи модуля базовых статистик. Вся статистическая обработка проводилась в программе Statistica 10.0.

Результаты и обсуждение

Наиболее значимым компонентом системы идентичности студентов является личностная, а из видов социальной идентичности субъективно наиболее выражены гендерная, семейная, профессиональная, статусно-ролевая (идентичность с социальным статусом студента) и коммуникативная (табл. 1).

Все значимые виды идентичности положительно оцениваются более 80 % респондентов независимо от курса обучения. Выраженной динамики отношения к отдельным идентичностям не наблюдается за некоторым исключением. У выпускников более неоднозначно оценивается идентичность с социальной группой Я – студент, в то же время растет количество респондентов, позитивно оценивающих этническую, религиозную идентичность и идентичность с будущими семейными ролями.

Обращает на себя внимание слабая выраженность этнической, гражданской и средовой идентичностей (ранги 10, 11 и 13 соответственно). При этом положительно свою этничность оценивают 50 % студентов младших курсов и 61 % выпускников, гражданскую идентичность – 42 % и 45 % и средовую – 37 % и 40 % соответственно. Если относительно низкое место в иерархии системы идентичности данных видов объяснимо отсутствием межгруппового взаимодействия и ситуации социального сравнения, актуализирующих идентичность с большими группами, то на формирование более устойчивой позитивной оценки данных видов идентичности необходимо обратить внимание в ходе воспитательной работы.

Рассматривая динамику иерархии отдельных видов идентичности, можно говорить о повышении значения семейной и гендерной и снижении социально-ролевой и общечеловеческой идентичностей. Вероятно, эти тенденции отражают возрастные закономерности, в частности, конкретизацию, уточнение Я-концепции и смещение вектора жизненных задач с получения образования на поиск партнера и создание семьи.

Дополнительно структура идентичности изучалась при помощи формализованного опросника Дж. Чика (табл. 2). Поскольку шкалы опросника содержат неодинаковое количество вопросов, для возможности сопоставления выраженности отдельных шкал мы перевели сырые баллы

Табл. 1. Результаты теста структуры идентичности в исследуемой группе в зависимости от курса обучения, средние ранги

Tab. 1. Identity structure test depending on the year of study, mean ranks

Компоненты структуры идентичности	Вся выборка (n=231)	Курс обучения		U-критерий	p
		Младшие курсы (n=151)	Выпускные курсы (n=80)		
Я – уникальная личность	3,1	3,2	2,9	5949	0,85
Я – мужчина / женщина	4,9	5,2	4,2	4892	0,02
Я – сын / дочь	5,1	5,5	4,3	5158	0,07
Я – профессионал (будущий профессионал)	5,3	5,4	5,3	5765,5	0,57
Я – студент	6,2	5,8	6,8	4861,5	0,01
Я – друг / подруга	6,6	6,6	6,6	5861	0,77
Я – муж / жена (будущий муж / жена)	7,3	7,6	6,5	4966	0,03
Я – отец / мать (будущий отец / мать)	8,7	8,7	8,6	5790,5	0,72
Я – представитель молодежи	8,9	8,8	9	5950	0,85
Я – представитель своего народа	10,01	10,2	9,8	5297	0,12
Я – гражданин своей страны	10,03	10,2	9,7	5375	0,17
Я – представитель вида Homo sapiens	10,2	9,6	11,2	5054,5	0,04
Я – житель данного города	10,6	10,6	10,6	5758,5	0,56
Я – член неформальной группы	12	11,8	12,2	5617	0,47
Я – последователь своей религии	13	13	13	5505,5	0,27
Другое	14,9	14,7	15,3	5016,5	0,43

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

в приведенные. Для этого количество баллов, набранных респондентом по определенной шкале, разделили на максимально возможное количество баллов по данной шкале и умножили на 10. Полученные данные подтверждают преобладание в структуре идентичности личностного компонента, на втором месте – реляционная идентичность (связь с близким окружением, соответствует коммуникативной идентичности в нашем опроснике), на третьем – социальная (отражает субъективную значимость социальных оценок по любым параметрам: внешность, репутация, манеры, поведение и т. д.), затем – поверхностная (характеризует степень значимости для субъекта поверхностных характеристик Я, воспринимаемых другими людьми: материальных, физических, гендерных и т. п.), специальная (социально-демографические характеристики) и коллективная (идентичность с большими социальными группами, в том числе этническая, религиозная, гражданская, поколенческая и т. п.).

Сопоставление результатов студентов младших и старших курсов показывает рост значений по всем шкалам у выпускников. И хотя в целом иерархия видов идентичности сохраняется, реляционная идентичность (связанность с ближайшим социальным окружением) практически сравнивается по значению с личностной, а поверхностная с пятого места перемещается на четвертое. Более высокие оценки по шкалам опросника свидетельствуют о повышении значимости идентичности или большем осознании

этой значимости. Особенно ярко эта тенденция выражена в отношении социально оцениваемых видов идентичности – тех, которые презентуются во внешний мир и на основе которых формируется социальная оценка личности. Рост значимости социальной оценки для самовосприятия личности описывается как одна из тенденций, характерных для идентичности в современном обществе, особенно по отношению к молодежи [4; 5].

При изучении внутрисистемных процессов не было обнаружено никаких значимых изменений за период обучения (табл. 3). Наиболее выраженными у студентов являются информационный и нормативный стили. Стиль идентичности мы рассматриваем как процесс, в ходе которого формируются и пересматриваются отдельные виды идентичности и вся система в целом. При этом если у студентов младших курсов фиксируется незначительное преобладание информационного стиля, то на старших курсах более выраженным является нормативный. Возможно, это связано с реакцией на возрастающую неопределенность, при которой «заимствование» готовых решений позволяет снизить адаптационные усилия.

В целом система идентичности студентов характеризуется достаточно высокой самостоятельностью и осмысленностью, что выражается в доминировании автономного статуса идентичности. Однако и в данном случае наблюдается снижение автономности системы идентичности к выпускным

Табл. 2. Результаты опросника «Аспекты идентичности» Дж. Чика, средние баллы

Tab. 2. Responses to J. Chick's questionnaire "Aspects of Identity", mean scores

Аспекты (виды) идентичности	Вся выборка (n=231)		Младшие курсы (n=151)		Выпускные курсы (n=80)		U-критерий	P
	Сырые баллы	Приведенные баллы	Сырые баллы	Приведенные баллы	Сырые баллы	Приведенные баллы		
Личная	41,8	8,4	41,7	8,4	41,9	8,4	5834,5	0,42
Реляционная	40,1	8,0	39,3	7,9	41,3	8,3	4852,5	0,005
Социальная	22,8	6,5	22,1	6,3	24,1	6,9	4630	0,001
Коллективная	19,8	4,95	19,6	4,9	20,1	5,0	5708	0,29
Специальная	30,2	6,0	29,5	5,9	31,3	6,3	5184	0,034
Поверхностная	15,2	6,1	14,7	5,9	16,2	6,5	4751	0,003

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

Табл. 3. Результаты опросника «Стили идентичности» М. Берзонски

Tab. 3. Responses to M. Berzonski's questionnaire "Identity Styles"

Стили идентичности	Вся выборка (n=231)		Младшие курсы (n=151)		Старшие курсы (n=80)	
	Средние баллы	Приведенные баллы	Средние баллы	Приведенные баллы	Средние баллы	Приведенные баллы
Информационный	15,0	6,0	15,1	6,0	14,7	5,9
Нормативный	12,1	6,0	11,9	5,9	12,4	6,2
Диффузный	15,1	5,0	14,9	5,0	15,3	5,1
Шкала приверженности	16,5	6,6	16,7	6,7	16,1	6,4

курсам (табл. 4). Вероятно, этот факт также свидетельствует о приближающемся нормативном кризисе и росте неопределенности, связанном с изменением социальной ситуации развития и ведущего типа деятельности. Предстоящие выпускные испытания, трудоустройство вызывают сомнения, размывают представления о себе, требуют принятия новых решений и снижают устойчивость идентичности.

Наиболее выраженная трансформация идентичности происходит в сферах принятия ответственности за свои решения, самодостаточности (снижается ощущение предопределенности этих решений и, напротив, повышается неопределенность); осознанности ценностных ориентаций и жизненного пути в целом, эмоциональной зрелости (снижается субъектность, устойчивость). При этом в отношении собственных ценностей и жизненного пути растет ощущение предопределенности. Обобщая, можно

выделить 2 основных вектора изменений: 1) снижение устойчивости и самодостаточности системы идентичности в целом; 2) разнонаправленные изменения самостоятельности и активности в формировании идентичности: рост в сферах, связанных с принятием ответственности за выбор и его последствия, и снижение в областях, отражающих осознанность направленности личности и ее жизненного пути. То есть понимание, что необходимо принять решения, касающиеся будущего, и что за последствия этих решений нужно брать ответственность на себя, у выпускников есть, а вот осознания, чего именно они хотят и как этого добиться, гораздо меньше. Эта ситуация типична для кризиса идентичности.

Дестабилизация системы идентичности от младших к старшим курсам прослеживается и при анализе процентного распределения испытуемых по доминирующему

Табл. 4. Результаты Теста статусов и структуры эго-идентичности Е. Л. Солдатовой, средние баллы

Tab. 4. Responses to E. L. Soldatova's Test of Statuses and Structures of Ego-Identity, mean scores

Шкалы	Статус идентичности	Вся выборка (n=231)	Младшие курсы (n=151)	Старшие курсы (n=80)	U-критерий	P
Ответственность за выбор	A (автономная)	5,7	5,7	5,8	5511	0,57
	C (диффузная)	3,2	3,0	3,5	5036	0,11
	Ф (предрешенная)	3,1	3,3	2,7	4584	0,01
Самодостаточность	A (автономная)	4,7	4,6	4,7	5628,5	0,76
	C (диффузная)	2,6	2,4	3,0	4646,5	0,02
	Ф (предрешенная)	2,7	2,9	2,4	4605	0,01
Осознанность жизненного пути	A (автономная)	3,1	3,3	2,7	4410,5	<0,01
	C (диффузная)	1,8	1,8	1,8	5744,5	0,94
	Ф (предрешенная)	2,1	2,0	2,5	4450	<0,01
Эмоциональная зрелость	A (автономная)	2,3	2,4	2,0	4805	0,04
	C (диффузная)	2,3	2,2	2,6	5081,5	0,14
	Ф (предрешенная)	3,4	3,4	3,4	5745,5	0,95
Принятие настоящего	A (автономная)	1,9	2,0	1,7	4905,5	0,06
	C (диффузная)	1,3	1,2	1,4	5197	0,22
	Ф (предрешенная)	0,8	0,8	0,9	5184	0,21
Осознанность собственных ценностей	A (автономная)	2,5	2,7	2,1	4251	<0,01
	C (диффузная)	1,4	1,3	1,5	5215	0,23
	Ф (предрешенная)	1,1	1,0	1,4	4717	0,02
Соответствие себе	A (автономная)	1,8	1,9	1,6	5130	0,17
	C (диффузная)	2,7	2,6	2,9	5212	0,23
	Ф (предрешенная)	2,5	2,5	2,5	5689,5	0,86
Общий показатель статуса идентичности	A (автономная)	20,3	20,8	19,1	4697	0,02
	C (диффузная)	14,4	13,8	15,6	4821,5	0,04
	Ф (предрешенная)	15,4	15,4	15,4	5663	0,81

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

статусу идентичности. Так, если на младших курсах автономный статус преобладает у 63,3 % опрошенных, то среди старшекурсников таких студентов уже 51,9 % ($p=0,048$), при этом возрастает количество испытуемых с доминированием диффузного статуса с 20 % до 33,8 % ($p=0,01$) и незначительно снижается с предрешенным с 9,3 % до 6,5 %. Таким образом, главной тенденцией, характеризующей состояние системы идентичности в целом, является снижение ее автономности.

Снижение уровня устойчивости, определенности идентичности подтверждают и результаты теста МИЛИ Л. Б. Шнейдер. Согласно полученным данным, на младших курсах количество студентов с достигнутой идентичностью составляет 68,9 %, а на четвертом, пятом курсах – 57,5 % ($p=0,04$). Снижение происходит за счет увеличения количества испытуемых, переживающих кризис идентичности (статус моратория) и испытуемых с гиперидентичностью. Понятие *гиперидентичность* Л. Б. Шнейдер использует для обозначения ситуации поглощенности статусом, выраженного стремления «соответствовать». Большая значимость внешних характеристик идентичности, ориентация на внешнюю оценку для старшекурсников была выявлена и при анализе результатов по тесту Дж. Чика.

Обучение в вузе является этапом профессионализации, в ходе которого студенты начинают приобщаться к профессиональному сообществу, этическим и ценностным основам будущей профессии, результатом чего становится формирование профессиональной идентичности. Отражая включенности личности в ведущий тип деятельности, профессиональная идентичность является одним из основных элементов системы идентичности и оказывает существенное, а иногда определяющее влияние на Я-концепцию.

Динамика профессиональной идентичности изучалась многими исследователями [14; 18–25]. Подавляющее большинство исследований подтверждает наличие кризиса профессионального самоопределения на выпускных курсах [26]. Полученные нами результаты также отражают снижение сформированности профессиональной идентичности и ее отдельных компонентов на выпускных курсах. Наиболее четко это прослеживается в оценке зрелости профессиональной идентичности, отношении к профессии, целостности образа профессии (табл. 5).

Таким образом, при сохранении высокой субъективной значимости профессиональной идентичности в структуре Я-концепции ее содержательные характеристики меняются. Новая информация, проба себя в роли

Табл. 5. Результаты опросника диагностики профессиональной идентичности студентов А. А. Озеринной

Tab. 5. Responses to A. A. Ozerina's questionnaire of professional identity

Шкалы		Вся выборка (n=231)	Младшие курсы (n=151)	Старшие курсы (n=80)	U-критерий	P
Сформированность профессиональной идентичности		18,7	19,1	17,8	5178,5	0,12
Зрелость профессиональной идентичности		20,9	21,3	20,1	4723,5	0,01
Учебно-профессиональные планы	определенные / неопределенные	2,4	2,4	2,3	5565	0,45
	собственные / заимствованные	2,9	2,9	2,9	5680,5	0,61
Отношение к профессии	эмоциональное принятие / отвержение	2,5	2,8	2,2	4359	<0,01
	рациональное принятие / отвержение	3,1	3,2	2,7	4506,5	<0,01
Образ профессии	внутренний / поверхностный	3,1	3,2	3,0	5314	0,20
	целостный / фрагментарный	2,8	3,0	2,6	4750	0,01
Образ профессионала	четкий / размытый	3,2	3,2	3,2	5831	0,84
	осознанный / стереотипный	3,0	3,0	3,0	5805	0,80
Профессиональная позиция	активная / пассивная	2,0	1,9	2,0	5635	0,54
	автономная / зависимая	3,3	3,4	3,2	5161	0,11
Профессиональная самооценка	адекватная / неадекватная	3,3	3,3	3,3	5813,5	0,82
	как результат собственной рефлексии / результат оценки других	2,7	2,7	2,6	5717,5	0,66
Профессиональная мотивация	положительная / отрицательная	2,4	2,5	2,3	5417	0,29
	интринсивная / экстринсивная	2,8	2,9	2,7	5331	0,21

Прим.: полужирным шрифтом выделены статистически значимые различия.

профессионала в ходе учебных практик, более полное знакомство с содержанием и спецификой труда приводят к тому, что первое «очарование» выбранной профессией пропадает, отношение к ней меняется, а понимание плюсов и минусов деятельности может приводить к фрагментации образа профессии.

Использованная для диагностики профессиональной идентичности методика А. А. Озеринной позволяет помимо достаточно подробного изучения содержательных характеристик рассмотреть и общий статус данного вида идентичности. Так, если на младших курсах 52 % опрошенных имеют достигнутую профессиональную идентичность, то к выпуску таких студентов остается всего 35,4 % ($p < 0,01$), в то же время количество испытуемых с диффузной идентичностью, напротив, возрастает с 20 % до 31,6 % ($p = 0,03$). Выявленные тенденции трансформации профессиональной идентичности соответствуют изменениям системы идентичности в целом в процессе обучения.

Заключение

Окончание вуза знаменует для личности не только получение профессионального образования, но и завершение значительного жизненного этапа. На протяжении почти 15 лет ведущим типом деятельности в том или ином виде было учение, которое после получения диплома должно смениться на профессиональную деятельность. Изменение ведущего типа деятельности, социального окружения, статуса и в конечном итоге социальной ситуации развития дестабилизирует личность. Этот кризис развития отражается прежде всего на сфере самосознания и Я-концепции. Эволюционные изменения системы идентичности, происходящие весь период обучения, к его концу приобретают трансформационный характер и затрагивают в первую очередь структуру и состояние системы. В частности, большее значение приобретают виды идентичности, связанные с гендерными и семейными ролями, внешней оценкой, статусными характеристиками. Рост субъективной значимости идентичности, ориентированной на социальную оценку, является одним из тревожных факторов и может в крайних

вариантах приводить к тому, что К. Роджерс называл террором интроецированных оценок над самостью и считал одной из основных причин психологических проблем.

Еще одним негативным моментом является снижение к выпускным курсам общей устойчивости и автономности системы идентичности студентов, сдвиг в сторону неопределенности, неуверенности, зависимости от обстоятельств. Поскольку те же самые тенденции проявляются и в профессиональной идентичности, представляется вполне обоснованным утверждать, что именно данный вид играет ведущую системообразующую роль на этом этапе развития личности.

Большинство адаптационных, профориентационных и поддерживающих мероприятий, реализуемых в рамках воспитательных программ в современных вузах, предназначены для абитуриентов или первокурсников. Работа со студентами выпускных курсов направлена на их информирование и трудоустройство и, как правило, не предполагает психологической поддержки. Между тем, как показывают полученные в исследовании результаты, мониторинг и сопровождение переживания нормативного кризиса идентичности студентами выпускных курсов должны стать отдельным направлением деятельности в процессе психолого-педагогической поддержки студентов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: О. А. Браун – концептуализация, руководство проектом, обработка данных, формальный анализ, написание (40 %). М. А. Билан – обработка данных, написание и редактирование (30 %). М. Г. Аркузин – проведение исследования, сбор и обработка данных (15 %). Е. В. Аршинова – проведение исследования, сбор и обработка данных (15 %).

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

Литература

1. Савина О. О. Психологический анализ трансформации идентичности личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 118–128.
2. Жаде З. А. Проблема идентичности в современных социальных теориях // Философия и общество. 2007. № 2. С. 173–184.
3. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИПО, 2017. 202 с.
4. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: НГПУ, 2007. 472 с.
5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: НГПУ, 2009. 246 с.
6. Целуйкина Т. Г. Психологические особенности формирования гражданской идентичности студентов на разных этапах обучения в вузе // Мир науки. Педагогика и психология, 2019. Т. 7. № 2. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN219.pdf> (дата обращения: 24.11.2021).

7. Колядко Н. Н. Трансформация идентичности и противоречия постидеологической реальности // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. № 1. С. 44–51.
8. Скрипкина Т. П. Транзитивно-турбулентное общество: проблемы личности и образования // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. С. 188–208. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1076>
9. Чухин С. Г., Чухина Е. В. Факторы и закономерности формирования идентичности личности // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория (ИНСАЙТ). 2021. № 4. С. 114–131. <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2021-4-114-131>
10. Серый А. В., Вечканова Е. М. Темпоральные аспекты актуализации смысловых граней субъективных образов переживания кризиса идентичности в период юности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 238–247.
11. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>
12. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
13. Солдатова Е. А. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 267 с.
14. Шнейдер Л. Б. Психология идентичности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 328 с.
15. Marcia J. E. The ego identity status approach to ego identity // Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. Ego identity: a handbook for psychosocial research. N. Y.: Springer-Verlag, 1993. P. 3–21.
16. Белинская Е. П., Бронин И. Д. Адаптация русскоязычной версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 34. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html> (дата обращения: 24.11.2021).
17. Бронин И. Д. Психометрические показатели четвертой версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-1. С. 86–92.
18. Озерина А. А. Разработка опросника диагностики профессиональной идентичности студентов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2. С. 15–22.
19. Озерина А. А. Исследование содержания профессиональной идентичности студентов бакалавриата // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. № 1. С. 115–119.
20. Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические характеристики системы идентичности студентов-психологов в процессе обучения // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2019. Т. 30. С. 15–29. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.15>
21. Родыгина У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 39–51.
22. Родичкина И. И. Особенности профессиональной идентичности студентов-психологов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2008. № 1. С. 120–126.
23. Степанова Л. Н. Профессиональная идентичность выпускников-бакалавров // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: мат-лы 22-й Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2017 г.) Екатеринбург: РГППУ, 2017. С. 428–431.
24. Дьяченко Е. Н. Формы и методы психологического сопровождения личности, переживающей кризис идентичности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 355–359.
25. Кузьмин М. Ю. Особенности динамики идентичности младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 54–66. <https://doi.org/10.17223/17267080/62/5>
26. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.

original article

Identity System in University Students: Transformation Dynamics during Learning Process

Olga A. Braun

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>; oabrun09@rambler.ru

Marina A. Bilan

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-1346-6163>

Mikhail G. Arkuzin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Yelena V. Arshinova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Received 19 Nov 2021. Accepted after peer review 10 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: Higher education is not only about professional knowledge and skills: it also develops one's self-awareness. Students' self-identity changes as they expand their competencies and self-awareness, master new activities, and develop professional values. According to the systemic and constructivist approaches, self-identity is a system of identities that develop in during one's life and based on one's conscious identity with any subjects of psychic reality. During their university years, students' self-identity transforms in terms of structure, general state, and attitudes towards certain types of identity. In this empirical research, senior students identified more with family, close social environment, external representation, and personality assessment. They demonstrated a positive attitude towards ethnicity and family roles as their self-identity system grew less stable and autonomous. As a result, self-identity became more dependent and blurred. The same tendencies manifested themselves in the dynamics of professional identity. The more they learnt about their future profession, the more they grew aware of its limitations, and the image of the profession became more ambiguous. All these changes led to self-identity crisis in some graduates.

Keywords: personality, self-identity, personality development, professional identity

Citation: Braun O. A., Bilan M. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V. Identity System in University Students: Transformation Dynamics during Learning Process. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 929–938. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-929-938>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: O. A. Braunn developed the research concept, supervised the project, performed the data processing and the formal analysis, and wrote 40 % of the manuscript. M. A. Bilan processed the data, wrote and proofread 30 % of the manuscript. M. G. Arkuzin conducted the research, collected and processed the data (15 %). E. V. Arshinova conducted the research, collected and processed the data (15 %).

Funding: The reported study was funded by the RFB, project number 19-013-00066 "The system of identity in young students: dynamics, factors, and threats".

References

1. Savina O. O. Psychological analysis of the transformation of personal identity in adolescents. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2011, (4): 118–128. (In Russ.)
2. Jhade Z. A. The problem of identity in modern social theories. *Filosofiia i obshchestvo*, 2007, (2): 173–184. (In Russ.)
3. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
4. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V., Zagoruyko E. N. *Identity. Development. Oversaturation. Flight*. Novosibirsk: NGPU, 2007, 472. (In Russ.)
5. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V. Homo Postmodernus. *Psychological and mental disorders in the postmodern world*. Novosibirsk: NGPU, 2009, 246. (In Russ.)
6. Tseluikina T. G. The civic identity development of university students at different stages of study: psychological features. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, 7(2). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/34PSMN219.pdf> (accessed 24 Nov 2021). (In Russ.)
7. Kolyadko I. N. Transformation of identity and contradictions of postideological reality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*, 2021, (1): 44–51. (In Russ.)

8. Skripkina T. P. Transitive-turbulent society: problems of personality and education. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2021, (2): 188–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-2-1076>
9. Chukhin S. G., Chukhina E. V. Factors and peculiarities of personal identity formation. *INSIGHT*, 2021, (4): 114–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2021-4-114-131>
10. Seryy A. V., Vechkanova E. M. Temporal aspects of the actualization of the semantic facets of subjective images in the experience of identity crisis during adolescence. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-3): 238–247. (In Russ.)
11. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>.
12. Voiskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Online and real-life identity: a comparative study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013, 10(2): 98–121. (In Russ.)
13. Soldatova E. L. *Structure and dynamics of the normative crisis of transition to adulthood*. Chelyabinsk: IuUrGU, 2007, 267. (In Russ.)
14. Shneyder L. B. *Psychology of identity*, 2nd ed. Moscow: Iurait, 2019, 328. (In Russ.)
15. Marcia J. E. *The ego identity status approach to ego identity*. Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. *Ego identity: a handbook for psychosocial research*. N. Y.: Springer-Verlag, 1993, 3–21.
16. Belinskaya E. P., Bronin I. D. Adaptation of the Russian version of the identity style inventory of M. Berzonsky. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2014, 7(34). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/964-belinskaya34.html> (accessed 24 Nov 2021). (In Russ.)
17. Bronin I. D. Psychometric properties of the fourth version of the questionnaire of styles identities M. Berzonski. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (3-1): 86–92. (In Russ.)
18. Ozerina A. A. Development of a questionnaire for the diagnosis of students' professional identity. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2011, (2): 15–22. (In Russ.)
19. Ozerina A. A. Study of the content of professional identity of undergraduate students. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2012, (1): 115–119. (In Russ.)
20. Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Dynamic characteristics of the identity system of psychology students in the learning process. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019, 30: 15–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2019.30.15>.
21. Rodygina U. S. Psychological features of professional identity in students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2007, (4): 39–51. (In Russ.)
22. Rodichkina I. I. Features of the professional identity of psychology students. *Cherepovets State University Bulletin*, 2008, (1): 120–126. (In Russ.)
23. Stepanova L. N. Professional identity of graduates-bachelors. *Innovations in professional and vocational pedagogical education: Proc. 22 Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 18–20 Apr 2017*. Ekaterinburg: RGPPU, 2017, 428–431. (In Russ.)
24. Dyachenko E. N. Forms and methods of psychological support of personality undergoing identity crisis. *Problems of modern pedagogical education*, 2021, (70-4): 355–359. (In Russ.)
25. Kuzmin M. U. Peculiarities of identity dynamics of schoolchildren, teenagers and young people. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, (62): 54–66. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/62/5>
26. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice*. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2006, 479. (In Russ.)

оригинальная статья

Готовность молодежи к развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм обучения

Наталья Геннадьевна Воскресенская

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород; <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>; navoskr@mail.ru

Поступила в редакцию 10.09.2021. Принята после рецензирования 08.11.2021. Принята в печать 08.11.2021.

Аннотация: Работа направлена на выяснение готовности молодежи к дистанционным формам обучения для повышения цифровых компетенций. Представлены материалы эмпирического исследования, проведенного в октябре 2020 г. В анкетировании приняли участие 807 учащихся школ и вузов Нижнего Новгорода в возрасте от 14 до 24 лет ($M=18$, $SD=2,22$), из них 62,6 % – девушки, 37,4 % – юноши. Шесть фокусированных интервью с некоторыми участниками исследования позволили уточнить результаты анкетирования (63 студента в возрасте 17–24 лет: $M=18$, $SD=1,83$, из них 65 % – девушки, 35 % – юноши). Исследование показало, что готовность молодежи к дистанционному обучению связана с осознанием изменений, которые внесли цифровые технологии в жизнь в период пандемии, и уровнем развития цифровых компетенций. Всего было выделено четыре типа молодежи, по-разному относящихся к использованию дистанционных курсов в образовательном процессе. Выявлено, что осознание влияния цифровизации на разные сферы жизнедеятельности является мощным мотиватором к использованию дистанционных форм с целью развития цифровых компетенций. Обозначены такие сдерживающие факторы, препятствующие психологической готовности молодежи к обучению, как эмоционально-волевая незрелость, ориентация на гедонистические ценности, самоуверенность в собственной цифровой компетентности, неверие в способность дистанционного образования способствовать профессиональному и карьерному росту.

Ключевые слова: готовность к обучению, дистанционное образование, самосознание, саморегуляция, теория поколений, цифровизация

Цитирование: Воскресенская Н. Г. Готовность молодежи к развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм обучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 939–947. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-939-947>

Введение

Цифровые технологии все сильнее входят в наш мир, внося коррективы во все сферы жизнедеятельности как на уровне общества, так и на уровне личности, предъявляя к ней новые требования. Еще в конце XX в. Е. А. Климов отмечал, что выбор профессии «одной и на всю жизнь» превращается во вредный предрассудок [1, с. 107], а в марте 2000 г. на Европейском саммите в Лиссабоне был принят меморандум об образовании длиною в жизнь (*lifelong learning*)¹. В условиях цифровизации идеи, высказанные более 20 лет назад, становятся жизненной необходимостью: все больше специалистов в области психологии труда говорят о транспрофессионализме как интегральном качестве специалиста, требующем новых подходов к его обучению, направленных на формирование способности осваивать и осуществлять деятельность из разных видов

и групп профессий² [2–3]. Цифровые компетенции здесь играют значимую роль. Навыки взаимодействия в социальных сообществах посредством Интернета, умение работать с информацией в сети, знание популярных программ и приложений, оптимизирующих коммуникации в различных сферах жизнедеятельности, владение основами компьютерной безопасности – все это является не только важными компетенциями специалистов разных профессиональных сфер деятельности, но и определяет их дальнейший профессиональный рост в новой реальности цифрового общества³ [4–5]. Это стало особо очевидно в ситуации вынужденной изоляции, вызванной пандемией, в связи с активным внедрением цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности человека.

¹ Меморандум непрерывного образования Европейского союза. Brussels, 30.10.2000. Режим доступа: <http://www.znание.org/docs/memorandum.html> (дата обращения: 19.09.2020).

² Полевая М. А. Целевая модель компетенций в цифровой экономике. Режим доступа: http://www.fa.ru/org/dpo/finprofessional/Documents/ueft/mod3/1_161118%20Модель%20компетенций%20Полевая.pdf (дата обращения: 12.12.2019).

³ The Future of Jobs Report 2018 // World Economic Forum. 17.09.2018. Режим доступа: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (дата обращения: 12.08.2020).

Дистанционное образование предоставляет собой перспективный инструмент для развития цифровых компетенций учащихся [6–9]. Исследования результативности дистанционного образования доказывают их эффективность за счет снижения затрат на обучение, увеличения объема образовательных услуг, индивидуализации обучения (выбор индивидуального маршрута, темпа, уровня сложности, режима работы и т. д.), облегчения доступа к учебным материалам и гиперссылкам на источники, использование видеоуроков и сетевых технологий для осуществления совместной учебной и научно-исследовательской деятельности и т. д.

При несомненной важности цифровых компетенций и роста количества дистанционных курсов, позволяющих развиваться в выбранном направлении, важным фактором становится психологическая готовность к обучению, мотивирующая и мобилизующая психологические ресурсы для предстоящей учебной деятельности. Она является динамичным образованием, формирующимся и развивающимся в процессе учебной и профессиональной деятельности [10–14]. Рассматривая психологическую готовность применительно к развитию цифровых компетенций с использованием дистанционного формата, к важным структурным компонентам психологической готовности можно отнести мотивационную готовность как желание их развивать; интеллектуальную готовность, подразумевающую наличие определенной цифровой грамотности; личностную готовность, включающую в себя волевую готовность к обучению в дистанционном формате. Особая важность при этом уделяется развитию самоконтроля и адекватной самооценки успешности прохождения курсов в дистанционном формате в контексте своего саморазвития [15; 16].

Взросшие запросы общества к цифровым компетенциям, значимо усилившиеся в период вынужденной самоизоляции, вызванной эпидемией COVID-19, и изначальная ориентированность на цифровые технологии молодежи [17–21] оказали влияние на психологическую готовность к развитию цифровых компетенций в новых реалиях.

Цель – изучение готовности молодежи к развитию цифровых компетенций с использованием дистанционных форм обучения в ситуации усиленного внедрения цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности. Для ее претворения представлялось важным изучить специфику готовности молодежи к использованию дистанционных форм образования и проанализировать факторы, способствующие и препятствующие формированию данной готовности.

Гипотезой исследования явилось предположение, что психологическая готовность к развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм зависит от осознания значимости цифровых компетенций в своей жизни и индивидуально-личностных особенностей личности, обуславливающих способность обучаться в дистанционном режиме.

Методика исследования

Для решения поставленных задач был разработан опросник, включающий социально-демографические характеристики респондентов, знание цифровых компетенций в области информации, общения, создания контента, безопасности; опыт использования цифровых компетенций в быту, образовании, профессиональной деятельности; оценку роли цифровых компетенций в различных сферах деятельности, в том числе в ситуации вынужденной изоляции во время пандемии; мотивацию на дальнейшее формирование цифровых компетенций с использованием дистанционных форм обучения. Для исследования влияния особенностей осознания важности цифровых компетенций в жизни на готовность к дальнейшему развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм обучения были использованы факторный и корреляционный анализ. Факторизации были подвергнуты переменные, связанные с самооценками респондентов степени сформированности цифровых компетенций, оценками роли цифровизации в разных сферах жизнедеятельности и влияния пандемии на цифровизацию, а также индикаторы, отражающие готовность к дальнейшему саморазвитию в области цифровых технологий. Использование критерия Кайзера-Мейера-Олкина показало высокую адекватность применимости метода факторизации к выборке ($p < 0,001$). Корреляционный анализ Пирсона позволил составить более полное представление о влиянии особенностей осознания роли цифровых компетенций в жизни на готовность использования дистанционных форм для повышения образовательного уровня. Данные анкетирования анализировались с помощью статистического пакета SPSS.

Групповые обсуждения цифровизации и своего места в цифровом обществе помогли уточнить особенности восприятия дистанционных технологий, активно внедряемых в период вынужденной самоизоляции.

В опросе приняли участие 807 учащихся школ и вузов Нижнего Новгорода в возрасте 14–24 лет ($M=18$, $SD=2,22$), из них 62,6 % – девушки, 37,4 % – юноши; проведено шесть фокусированных интервью с некоторыми участниками опроса (63 студента в возрасте 17–24 лет: $M=18$, $SD=1,83$, из них 65 % – девушки, 35 % – юноши).

Результаты

В результате факторного анализа было выделено четыре типа молодежи, по-разному оценивающих влияние цифровизации на свою жизнь (таб.). Первые два типа отличаются разнородным с точки зрения возраста и уровня обучения составом. Цифровые технологии для них – в первую очередь средства удовлетворения потребностей и получения удовольствия от этого, что позволило условно обозначить их как *потребители*. Следующие два типа большое значение придают влиянию цифровых технологий на профессиональную сферу деятельности. В группе *профессионалов*

преобладают студенты старших курсов, которые чаще отмечают совмещение учебы и работы ($p < 0,001$ по коэффициенту Пирсона).

Внутри групп потребителей и профессионалов также выделились существенные различия в осознании значимости цифровизации в своей жизни. Первый тип *потребителей* особо остро почувствовал влияние цифровизации на разные сферы жизнедеятельности в период пандемии, что привело к актуализации значимости цифровых технологий в своей жизни. При дальнейшем анализе этот тип обозначился как *актуализированный потребитель*. Второй тип *потребителей* не отметил особых изменений в своей жизни во время вынужденной изоляции, т. к. роль цифровых технологий в жизни этой части молодежи изначально была высока и ориентирована на сферы развлечения, общения и интернет-покупок. Это позволило обозначить данный тип как *активный потребитель*. Профессионалы для дальнейшего анализа были обозначены как *самоуверенный профессионал* (т. к. этот тип склонен высоко оценивать свои цифровые компетенции) и *начинающий профессионал* (т. к. они видят в цифровизации возможности в реализации себя как профессионала и нацелены на профессиональное развитие в цифровом коммуникативном пространстве).

Корреляционный анализ выделенных в процессе факторного анализа типов молодежи обозначил значимые

различия в готовности развития цифровых компетенций с помощью дистанционных форм образования.

1 тип. Актуализированный потребитель (факторный вес – 32,22) – самая многочисленная группа, в которой преобладают девушки, не зависимо от их возраста, уровня образования и опыта профессиональной деятельности ($r = 0,095$; $p < 0,01$). Цифровые компетенции данной выборки до пандемии в большей степени ориентировались на общение ($r = 0,166$; $p < 0,01$), развлечения ($r = 0,182$; $p < 0,01$), покупки ($r = 0,166$; $p < 0,01$). Доступ к Интернету для удовлетворения этих потребностей до пандемии ограничивался родителями, обеспокоенными возможными негативными последствиями (интернет-зависимость, недоброкачественный контент, ухудшение познавательных процессов и т. д.). В период вынужденной изоляции в связи с переходом образования в дистанционный формат молодежь активизировалась в использовании Интернета не только для обучения в дистанционном формате, но и для организации разных форм досуга. Ослабление родительского контроля за временем, проведенным в сети, данной частью было воспринято как своеобразная победа над старшим поколением.

Анализ фокус-групп выявил следующие типичные высказывания для данного типа молодежи: *Теперь у меня появилось оправдание, почему я сижу так долго за компьютером: учусь дистанционно. Раньше меня за это ругали.*

Табл. Типы молодежи, по-разному оценивающие влияние цифровизации на свою жизнь

Tab. Types of young people according to the way they assess the impact of digitalization on their lives

Тип	Факторный вес, %	Значимые параметры	Факторная нагрузка
Актуализированный потребитель	32,22	влияние пандемии на сферу развлечений	0,812
		влияние пандемии на общение	0,798
		влияние пандемии на учебу	0,723
		влияние пандемии на сферу потребления	0,686
Активный потребитель	11,07	влияние цифровизации на учебу	0,776
		влияние цифровизации на сферу общения	0,764
		влияние цифровизации на сферу развлечений	0,689
		влияние цифровизации на процессы реализации своих гражданских прав и возможностей	0,543
Самоуверенный профессионал	8,84	самооценка цифровых компетенций в профессиональной деятельности	0,819
		самооценка цифровых компетенций в повседневной жизни	0,756
		самооценка цифровых компетенций при взаимодействии с сайтами государственного и муниципального управления	0,478
Начинающий профессионал	7,73	влияние пандемии на реализацию гражданских прав и возможностей	0,616
		влияние пандемии на профессиональную деятельность	0,573
		влияние цифровизации на профессиональную деятельность	0,556
		потребность в получении дополнительных знаний для оптимизации взаимодействия в сети	0,510

Вынужденная изоляция для данной группы молодежи стала периодом определенных откровений, раскрыв новые сферы применения интернет-технологий: *Во время пандемии благодаря цифровизации учеба не прервалась. Я даже приобрела новые навыки в интернете с некоторыми программами. Например, раньше я не работала в Zoom. И на сайт университета раньше редко заходила. Теперь знаю, где находятся все документы.* В этот период не только были освоены различные цифровые средства взаимодействия в сфере образования, но и формировались новые привычки в сфере потребления: *Раньше я не очень любила интернет-магазины. Любила походить, посмотреть, померить, а во время карантина я начала заказывать вещи в онлайн. Мне это понравилось. Сейчас я продолжаю это делать.* Режим самоизоляции, как и разрешение проводить больше времени в Интернете, привел к определенным открытиям и в сфере досуга: *Так как нужно было занять свободное время, которого много осталось вместо школы, появились новые увлечения: разные форумы, сайты, кино, книги. С помощью интернета можно читать и смотреть про то, что тебе интересно.*

Все перечисленное вызвало у данного типа молодежи определенную признательность к дистанционному образованию: появилась обоснованная причина больше времени проводить в Интернете, обозначились его новые возможности при организации учебного процесса и проведения досуга. Это активизировало и готовность молодежи использовать дистанционные формы образования для развития цифровых компетенций с целью получения дополнительного профессионального образования ($r=0,092$; $p<0,01$). Сдерживающим фактором здесь является беспокойство, связанное с необходимым для такой формы обучения уровнем развития самоконтроля: *В период дистанционного образования у меня пропало чувство времени. Было ощущение, что у меня сплошные каникулы. Даже когда нужно было что-то делать, не было ощущения, что на тебя что-то давит, что тебе это нужно сдать в определенное время.*

2 тип. Активный потребитель (факторный вес – 11,07) характеризуется тем, что как до пандемии, так и в период вынужденной изоляции проводил в сети много времени ($r=0,142$; $p<0,01$): *Во время пандемии я почти никаких изменений не почувствовал. Досуг у меня всегда так и проходил, просто появилось на него больше времени.* Они давно и активно используют интернет-технологии для совершения покупок ($r=0,332$; $p<0,01$), удовлетворения своих потребностей в развлечениях ($r=0,376$; $p<0,01$) и в общении ($r=0,204$; $p<0,01$). Они с интересом ищут информацию об интересующих их профессиях ($r=0,174$; $p<0,01$) и чувствуют себя уверенными пользователями прикладных программ ($r=0,162$; $p<0,01$). Данный тип молодежи не заметил особых изменений в образе жизни во время вынужденной самоизоляции, т. к. и до этого активно использовал цифровые технологии: *Я, как человек цифрового времени, никаких*

изменений в своей жизни во время пандемии не заметил. Думаю, она ощутимее всего сказалась на старшем поколении.

Будучи активными потребителями интернет-контента они чаще остальных сталкиваются с такими деструктивными формами общения в сети, как оскорбления и предоставление недостоверной информации ($r=0,281$; $p<0,0$), тем не менее не готовы к формированию цифровых компетенций, направленных на оптимизацию взаимодействия в сети с помощью дистанционных форм обучения, отличаются от остальной выборки отрицательными корреляциями по данному показателю ($r=-0,101$; $p<0,01$). Это во многом обусловлено критическим отношением к внедрению дистанционных технологий в образовательный процесс во время вынужденной самоизоляции, которое зачастую носило авральный характер: *Постоянно что-то сбоило, вылетало, задерживалось. Дистанционное образование очень непродуктивно. По некоторым дисциплинам мы вообще не получили никаких знаний.* Скептически относясь к дистанционным технологиям, данный тип молодежи считает, что сам способен получить необходимые знания из Интернета, тем более что уже есть опыт самостоятельного освоения прикладных программ: *В интернете обилие информации. И на разных сайтах можно найти идентичный контент, только на одном бесплатно, а на другом за деньги. Или информация может быть сформулирована чуть по-другому. Поэтому считаю, глупо платить, если можно взять бесплатно.*

Уверенность в способности самостоятельно осваивать необходимые цифровые компетенции, низкие оценки качества образовательных технологий и экономические причины лежат в основе неготовности использовать дистанционные формы обучения данным типом молодежи.

3 тип. Самоуверенный профессионал (факторный вес – 8,84) – этот тип представлен по большей части молодежью, совмещающей работу и учебу ($r=0,245$; $p<0,01$), в том числе с использованием интернет-технологий для удаленной работы ($r=0,228$; $p<0,01$), а наличие собственных средств позволяет им активно использовать Интернет для покупок ($r=0,255$; $p<0,01$). В перечне интересующих их тем обсуждения в сети на первое место выходят вопросы, связанные с профессиональной деятельностью ($r=0,256$; $p<0,01$), экономикой ($r=0,169$; $p<0,01$) и культурой ($r=0,165$; $p<0,01$). Этот тип чаще пользуется прикладными компьютерными программами в профессиональной деятельности ($r=0,254$; $p<0,01$), имеет больший опыт, чем в целом по выборке, в организации и проведении видеоконференций и презентаций ($r=0,167$; $p<0,01$), систематизации и анализе данных с помощью электронных таблиц ($r=0,169$; $p<0,01$), обладает опытом создания компьютерных продуктов ($r=0,228$; $p<0,01$).

Их профессиональная деятельность расширяет сферу применения цифровых технологий: молодежь активно пользуется такими рубриками сайта Госуслуги, как Производство и торговля, Труд и занятость, Транспорт, Гражданство, Культура, Имущественные взаимоотношения, Налоги и сборы, Юридические услуги ($r=0,169$; $p<0,01$).

Данный тип демонстрирует самый низкий уровень мотивации на приобретение дополнительных знаний по цифровым компетенциям с использованием дистанционных технологий ($p < 0,01$). Обсуждение в фокус-группах обозначило главные демотиваторы на дальнейшее развитие цифровых компетенций с помощью дистанционных форм: стагнация в профессиональном развитии: *Что нужно, мы и так знаем*; уверенность, что необходимые цифровые компетенции можно освоить самостоятельно и бесплатно: *В интернете обилие информации. Глупо платить, если можно взять бесплатно*; критическая оценка образовательной системы с точки зрения практической ориентированности: *У нас очень устаревшая программа образования. Приходят ИТ-ки после вузов устраиваться на работу, а их в вузе учили работать в программах, которые уже не используют лет как десять*. В эту же группу была отнесена молодежь, которая высоко оценивает свои умения использовать цифровые навыки в профессиональной деятельности, но испытывает чувство бессилия перед негативными ожиданиями вытеснения живого труда цифровыми технологиями: *Мне кажется, сокращение рабочих мест – это самый негативный аспект в цифровизации. Со всем остальным можно справиться, а когда тебя вытесняет робот, начинает делать твою работу – здесь уже ничего поделать нельзя*.

4 тип. Начинающий профессионал (факторный вес – 7,73), так же как самоуверенный профессионал, важную роль в интернет-коммуникациях отводит профессиональной деятельности, т. к. в данную группу входят будущие выпускники, задумывающиеся о будущей работе ($r = 0,239$; $p < 0,01$), а также студенты, совмещающие учебу и работу ($r = 0,149$; $p < 0,01$). Среди интересующих их тем обсуждения в сети, помимо профессиональных, находится здоровье ($r = 0,172$; $p < 0,01$) и политика ($r = 0,169$; $p < 0,01$). Интерес к политике при выборе тем обсуждения в сети находит отражение в опыте взаимодействия с электронным правительством для высказывания мнений по принятию решений общенародной значимости ($r = 0,169$; $p < 0,01$). Активная жизненная позиция, характерная для этого типа молодежи, нацеливает их на поиск курсов повышения квалификации ($r = 0,153$; $p < 0,01$), усиливающих их профессиональную и гражданскую значимость. Во многом это связано с тем, что их работа претерпела серьезные изменения в период вынужденной изоляции, в том числе за счет перевода на удаленную работу ($r = 0,153$; $p < 0,01$), что привело к актуализации личностной значимости цифровых технологий: *Во время карантина работу перевели на удаленку, и стало много удобнее. Мой директор тоже понял, что так лучше, поэтому я до сих пор работаю дистанционно. Благодаря цифровизации, появились новые площадки, платформы, дающие больше возможностей. Например, фестивали, которые проходили в России во время карантина, благодаря цифровым технологиям, смогли выйти на международный уровень. В них приняли участие представители других стран*.

Все снималось на видео, отправлялось жюри, те оценивали. Потом проводили онлайн трансляции. Было все интересно, и участников больше.

Таким образом, если самоуверенные профессионалы в период самоизоляции работали в привычном режиме, то этому типу молодежи пришлось многое для себя открывать, в результате чего к цифровизации сложилось отношение как к чему-то неведомому и дающему большие возможности, но при необходимости постоянной работы над собой, нацеленности на образование и самообразование в области цифровых компетенций: *Сейчас Сбербанк начал тестировать менеджеров под ввод искусственного интеллекта. И это наталкивает на мысль – а чем будут заниматься люди? И тогда либо ты научишься создавать роботов, т. е. быть выше их, либо работать на роботов, зависеть от них, а то и вовсе лишиться работы*. Не случайно начинающий профессионал в большей степени замотивирован на использование дистанционных курсов для оптимизации взаимодействия в сети ($r = 0,510$; $p < 0,01$), в области компьютерной безопасности ($r = 0,272$; $p < 0,01$), дополнительного образования ($r = 0,284$; $p < 0,01$), взаимодействия с электронным правительством ($r = 0,208$; $p < 0,01$).

Обсуждение

Исследование показало, что особенности осознания молодежью значимости цифровых компетенций в своей жизни и уровень развития цифровых компетенций влияют на готовность к использованию дистанционных форм образования для их дальнейшего развития. Так, в процессе факторизации было выделено четыре типа молодежи, по-разному воспринявших интенсивное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизнедеятельности в период вынужденной самоизоляции, вызванной пандемией. Два типа (активный потребитель и самоуверенный профессионал) не ощутили особых изменений, т. к. их среда изначально была насыщена цифровыми средствами. Они удовлетворены уровнем развития своих цифровых компетенций и не считают, что дистанционное образование способно сделать их лучше. Различия между этими типами касаются сферы применения своих цифровых компетенций и отношения к дистанционному образованию.

Активный потребитель, проводя много времени в сети, удовлетворяет гедонистические потребности в приятном времяпрепровождении, которое можно определить как стиль жизни, характерный для типичных представителей поколения Z. Его отношение к дистанционному образованию обусловлено скептическим отношением в целом к образованию как способному удовлетворять запросы цифрового общества. Это во многом вызвано обострившимся поколенческим разрывом, связанным с внедрением цифровых технологий, к которому часть старшего поколения оказалась не готова, что привело к утративанию ценности отцов в глазах детей в новом цифровом мире [18–20].

Для мотивированного профессионала цифровые компетенции относятся к профессионально важным качествам, развитие которых происходило в процессе профессиональной деятельности. При этом высокий базовый уровень развития цифровых компетенций позволяет этому типу молодежи самостоятельно осваивать интересующие его цифровые технологии, пользуясь бесплатными интернет-ресурсами. Несмотря на то, что данный контент не всегда отличается качеством и часто размещается с нарушением авторских прав, данный тип молодежи не готов платить за дистанционное образование, т. к. считает, что уже достиг уровня, позволяющего качественно осуществлять свои профессиональные обязанности. Кроме того, существуют определенные риски в переоценке уровня сформированности своей цифровой компетентности и проявлении эффекта иллюзии продуктивности, отмечаемые рядом исследователей как поведенческая особенность современной молодежи [22; 23]. Тогда негативное отношение к дальнейшему самообразованию и неверие в возможности карьерного роста за счет новых знаний может являться защитной стратегией, за которой прячется неверие в собственные способности.

Выявлено, что востребованность в дистанционном образовании для развития цифровых компетенций в большей степени обозначалась у тех, кто ощутил серьезные изменения в своей повседневной (актуализированный потребитель) или профессиональной жизнедеятельности (начинающий профессионал). В первом случае это связано с возможностью беспрепятственного доступа к Интернету в связи с переходом к дистанционному образованию. Ослабление родительского контроля к времяпрепровождению вызвало состояние эйфории от доступности интернет-коммуникаций, которые под предлогом учебной деятельности стали активно использоваться для удовлетворения гедонистических потребностей. Такая эмоционально-волевая незрелость косвенным образом подтверждается высказываниями типичных представителей данного типа в фокус-группах, где молодежь, высоко оценивая дистанционное образование вообще, отмечала с момента его введения внутреннее состояние праздника или затянувшихся

выходных, а также появление огромного количества неконтролируемого родителями свободного времени. Начиная профессиональную деятельность с внедрением дистанционных технологий, испытывает актуальную потребность в развитии цифровых компетенций, которые могут сделать его успешнее как в профессиональном, так и гражданском плане. Этот тип молодежи больше всего, относительно исследуемой выборки, ориентирован на использование дистанционных курсов, т. к. они позволяют совмещать учебу и работу, являются экономичным и удобным способом развивать необходимые компетенции.

Заключение

Активное внедрение дистанционных форм образования в период вынужденной самоизоляции повысило востребованность у молодежи дистанционных форм обучения, направленных на развитие цифровых компетенций. Вместе с тем выявлены сдерживающие факторы, препятствующие психологической готовности молодежи к обучению: эмоционально-волевая незрелость, ориентация на гедонистические ценности, самоуверенность в собственной цифровой компетентности, неверие в способность дистанционного образования содействовать профессиональному и карьерному росту. Дистанционный формат обучения играет важную роль в адаптации молодежи в цифровом обществе, невзирая на ее изначально более высокий уровень развития цифровых компетенций, чем у определенной части старшего поколения. Формирование психологической готовности на постоянное развитие цифровых компетенций повышает конкурентоспособность и снижает страх и неуверенность перед быстроизменяющимися условиями существования, которые касаются всех сфер жизнедеятельности современного человека.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Климов Е. А. Психология профессионала: избранные психологические труды. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 400 с.
2. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э., Лебедева Е. В. Транспрофессионализм как предиктор преадаптации субъекта деятельности к профессиональному будущему // Сибирский психологический журнал. 2021. № 79. С. 89–107. <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>
3. Harden R. M. International medical education and future directions: a global perspective // Academic Medicine. 2006. Vol. 81. № 12. P. 522–529. <https://doi.org/10.1097/01.ACM.0000243411.19573.58>
4. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Золотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей: результаты всероссийского исследования. М.: Фонд развития Интернет, 2013. 143 с.
5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 3. С. 47–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>

6. Дворянчиков Н. В., Калашникова Т. В., Печникова Л. С., Фролова Н. В. Использование электронного обучения в образовательном процессе: проблемы и перспективы // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 2. С. 76–83. <https://doi.org/10.17759/pse.201621020>
7. Кабрин В. И. Живая аутентичность встреч и проблема развития креативного лидерства в эпоху дистанционного образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 126–132. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-126-132>
8. Сорокова М. Г. Цифровая образовательная среда университета: кому более комфортно в ней учиться? // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 2. С. 44–58. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250204>
9. Чхутиашвили Л. В. Государственная политика в сфере онлайн-образования // E-Learning Stakeholders and Researchers Summit 2018: мат-лы Междунар. конф. (Москва, 5–6 декабря 2018 г.) М.: ИД ВШЭ, 2018. С. 18–21.
10. Дмитриева И. А., Морозова И. С., Елькина О. Ю. Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. № 2. С. 107–116. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-107-116>
11. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
12. Степанова Ю. Н. Готовность к продолжению образования и готовность к самообразованию как основы непрерывного образования // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 1. С. 265–268.
13. Шляпников В. Н. Взаимосвязь волевой регуляции и академической успеваемости студентов вузов // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 66–75. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260104>
14. Belshaw D. A. J. What is 'digital literacy'? A pragmatic investigation: Doctoral thesis. Durham University, United Kingdom, 2011. 274 p.
15. Антюхова Е. А., Касаткин П. И. Цифровой вектор глобальной образовательной политики // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 5. С. 331–351. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-331-351>
16. Ярошевская С. В., Сысоева Т. А. Представления студентов об успешности обучения: темы, ориентиры и противоречия // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 92–101. <https://doi.org/10.17759/pse.2021260106>
17. Воскресенская Н. Г., Рыхтик М. И., Баранова Т. В. Цифровизация в восприятии студентов поколения Y и Z // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4. С. 137–148.
18. Гурова И. М., Евдокимова С. Ш. Теория поколений как инструмент анализа, формирования и развития трудового капитала // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 3. С. 150–159. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159>
19. Тимченко А. А. Разрыв поколений в российском обществе XXI века: социологический анализ // Общество и право. 2018. № 3. С. 182–185.
20. Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 276–285. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>
21. Цариценцева О. П., Елфимова М. М. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 191–201. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201>
22. Солдатов Г. У., Никонова Е. Ю., Кошечкина А. Г., Трифонова А. В. Медиамногозадачность: от когнитивных функций к цифровой повседневности // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 8–21. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
23. Wu J.-Y. The indirect relationship of media multitasking self-efficacy on learning performance within the personal learning environment: implications from the mechanism of perceived attention problems and self-regulation strategies // Computers & Education. 2017. Vol. 106. P. 56–72. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2016.10.010>

original article

Distance Learning as a Means of Digital Skills Development in High School and University Students

Natalya G. Voskresenskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod; <https://orcid.org/0000-0002-4979-5989>; navoskr@mail.ru

Received 10 Sep 2021. Accepted after peer review 8 Nov 2021. Accepted for publication 8 Nov 2021.

Abstract: The present research featured the readiness of university and high school students for distance learning as a means of improving their digital skills. The survey was conducted in October 2020 and involved 807 students from schools and universities of Nizhny Novgorod aged 14–24 ($M=18$, $SD=2.22$; 62.6 % female, 37.4 % male). Six focus groups included 63 students aged 17–24 ($M=18$, $SD=1.83$; 65 % female, 35 % male). The study showed that the readiness of young people for distance learning depended on their awareness of how digital technologies changed human life during the pandemic. The research revealed four types of young people with different attitudes to distance learning. Awareness of the impact of digitalization appeared to be a powerful motivator for the use of distance learning to develop digital competencies. The constraining factors included emotional and volitional immaturity, orientation to hedonistic values, confidence in one's own digital competence, and skepticism regarding the ability of distance education to promote professional development.

Keywords: readiness for education, distance learning, generational theory, self-awareness, self-regulation, digitalization

Citation: Voskresenskaya N. G. Distance Learning as a Means of Digital Skills Development in High School and University Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 939–947. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-939-947>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Klimov E. A. *Professional psychology: selected psychological works*. Moscow: In-t prakticheskoi psikhologii; Voronezh: MODEK, 1996, 400. (In Russ.)
2. Zeer E. F., Symanyuk E. E., Lebedeva E. V. Transprofessionalism as a Predictor for the Preadaptation of an Agent to the Professional Future. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2021, (79): 89–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/79/6>
3. Harden R. M. International medical education and future directions: a global perspective. *Academic Medicine*, 2006, 81(12): 522–529. <https://doi.org/10.1097/01.ACM.0000243411.19573.58>
4. Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zolotova E. Yu. *Digital competence of adolescents and parents: results of an all-Russian study*. Moscow: Fond razvitiia Internet, 2013, 143. (In Russ.)
5. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Brief and screening versions of the Digital Competence Index: verification and application possibilities. *National Psychological Journal*, 2018, (3): 47–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.11621/npj.2018.0305>
6. Dvoryanchikov N. V., Kalashnikova T. V., Pechnikova L. S., Frolova N. V. Electronic learning in educational process: problems and perspectives. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2016, 21(2) 76–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.201621020>
7. Kabrin V. I. Live authenticity of meetings and problems of creative leadership development in the epoch of remote education. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 126–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-1-126-132>
8. Sorokova M. G. Digital educational environment in university: who is more comfortable studying in it? *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2020, 25(2): 44–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2020250204>
9. Chkhutiashvili L. V. State policy in the field of online education. *E-Learning Stakeholders and Researchers Summit 2018: Proc. Intern. Conf., Moscow, 5–6 Dec 2018*. Moscow: ID VShE, 2018, 18–21. (In Russ.)
10. Dmitrieva I. A., Morozova I. S., Elkina O. Yu. Psychological readiness for professional activity in students of pedagogical departments. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2020, 4(2): 107–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-2-107-116>
11. Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1984, 444. (In Russ.)
12. Stepanova Yu. N. Readiness to continue education and readiness for self-education as foundation of continuous education. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2014, (1): 265–268. (In Russ.)

13. Shlyapnikov V. N. Relationship between volitional regulation and academic achievements in university students. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2021, 26(1): 66–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260104>
14. Belshaw D. A. J. *What is 'digital literacy'? A pragmatic investigation*. Doctoral thesis. Durham University, United Kingdom, 2011, 274.
15. Antyukhova E. A., Kasatkin P. I. Digital vector in global educational policy: will it ensure social justice and access to education? *MGIMO Review of International Relations*, 2020, 13(5): 331–351. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-5-74-331-351>
16. Yaroshevskaya S. V., Sysoeva T. A. Students' conceptions of academic success: themes, guiding lines and contradictions. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2021, 26(1): 92–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2021260106>
17. Voskresenskaya N. G., Rykhtik M. I., Baranova T. V. Digitalization in the perception of generations Y and Z students. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2020, (4): 137–148. (In Russ.)
18. Gurova I. M., Evdokimova S. S. Theory of generations as a tool for the analysis, formation and development of labor potential. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2016, 7(3): 150–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.3.150.159>
19. Timchenko A. A. The generation gap in Russian society of the XXI century: sociological analysis. *Society and Law*, 2018, (3): 182–185. (In Russ.)
20. Fortunatov A. N., Voskresenskaya N. G. Digital competencies and technologies of new sincerity in the Web 4.0 era. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2021, 26(2): 276–285. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>
21. Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M. Coping with the reality situation during the COVID-19 pandemic in the context of individual resilience. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 191–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-191-201>
22. Soldatova G. U., Nikonova E. Yu., Koshevaya A. G., Trifonova A. V. Media multitasking: from cognitive functions to digital. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2020, 9(4): 8–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090401>
23. Wu J.-Y. The indirect relationship of media multitasking self-efficacy on learning performance within the personal learning environment: implications from the mechanism of perceived attention problems and self-regulation strategies. *Computers & Education*, 2017, 106: 56–72. <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2016.10.010>

оригинальная статья

Реконструкция психосемантического базиса системы межличностных отношений посредством системы ТЕЗАЛ

Дмитрий Николаевич Долганов

Беловский институт (филиал) Кемеровского государственного университета, Россия, г. Белово; <https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>; dodn-b@yandex.ru

Вероника Александровна Каменева

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Поступила в редакцию 16.11.2021. Принята после рецензирования 07.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: Представлены результаты исследования психосемантического базиса системы межличностных отношений, структурно отраженной в трех уровнях: психосемантический базис содержит имплицитные модели межличностных отношений; регулятивный уровень осуществляет регуляцию межличностных отношений в различных контекстах; поведенческий уровень проявляется в форме непосредственного межличностного поведения. Исследование психосемантического базиса осуществляется с использованием метода семантического дифференциала. На практике семантический дифференциал оказывается чувствителен к различного рода неоднородности испытуемых, что проявляется в невозможности выявления факторной структуры. Цель работы – исследовать возможность реконструкции психосемантического базиса системы межличностных отношений через конвертацию семантического дифференциала в факторные личностные системы посредством системы ТЕЗАЛ. Словарный профиль семантического дифференциала конвертирован в личностный профиль 16PF. Проведена статистическая обработка и сравнительный анализ данных семантического дифференциала и конвертированных данных. Показано, что операционализация психосемантического базиса в языке личностных черт позволяет выделить обобщенную структуру восприятия в системе межличностных отношений. Выявлено два двухполюсных фактора: социальная самоорганизация (отражает степень структурированности или упорядоченности социальной активности и поведения) и успешность социального взаимодействия (отражает гибкость, активность и инициативность социального поведения). Регрессионный анализ элементов психосемантического базиса позволил выявить более сложную и разветвленную систему связей – в процессе восприятия межличностных отношений происходит опосредование через ролевой образ матери и друга. Таким образом, конвертирование исходных данных позволяет более развернуто реконструировать психосемантический базис системы межличностных отношений.

Ключевые слова: семантический дифференциал, словарь-конвертер черт личности, исходный семантический дифференциал, конвертированные данные, социальная самоорганизация, успешность социального взаимодействия

Цитирование: Долганов Д. Н., Каменева В. А. Реконструкция психосемантического базиса системы межличностных отношений посредством системы ТЕЗАЛ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 948–957. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-948-957>

Введение

Модель структуры межличностных отношений (рис. 1) можно описать исходя из анализа межличностных отношений с позиции системного подхода и разбора отдельных проявлений и структурно-функциональных характеристик. Данная модель предполагает выделение трех уровней: 1) глубинный уровень – психосемантические модели (базис) межличностных отношений; 2) регуляторный уровень – система ценностно-смысловых координат субъекта, эмоциональные и мотивационные характеристики; 3) поведенческий уровень – межличностное взаимодействие (поведение). Подобное развертывание системы межличностных отношений мы видим в работе Э. В. Эрнани. Внутрличностные (внутренние) измерения человека становятся видимыми через межличностные отношения. Эти внутрличностные качества служат рабочими механизмами, планом того, как человек будет себя вести в конкретной ситуации межличностного взаимодействия [1].

В описанной модели наиболее значимым уровнем, на наш взгляд, является психосемантический. Особое положение психосемантического уровня можно проинтерпретировать в контексте механизмов формирования и появления психики по Л. С. Выготскому. Мы имеем в виду механизмы интериоризации и экстериоризации. Психосемантические структуры, являясь превращенной формой деятельности (интериоризация), в дальнейшем проявляются в различных внешних операционализациях (экстериоризация). Таким образом, психосемантический базис межличностных отношений выступает ключевым опорным элементом данной системы, позволяющим формировать модели отношений в межличностном пространстве и обладающим известной гибкостью – возможностью трансформироваться, включая или исключая отдельные признаки, соответствующие актуальной ситуации отношений.

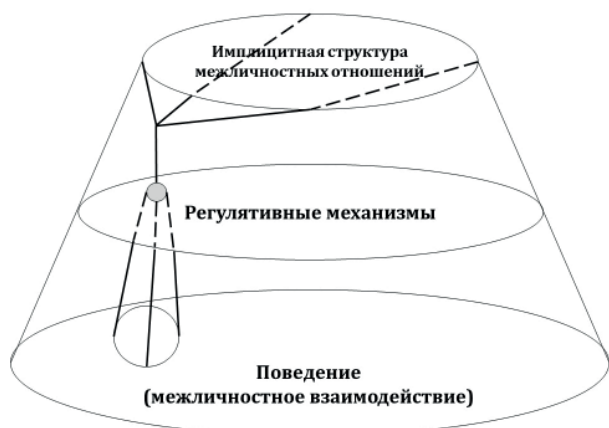

Рис. 1. Модель структуры межличностных отношений
Fig. 1. Structure of interpersonal relations

Постановка данного вопроса сама по себе не нова. Можно привести ряд иллюстраций, показывающих попытки описания системы отношений через когнитивные (психосемантические) элементы. В первую очередь отметим теорию личностных конструктов Дж. А. Келли. Личностный конструкт представляет собой способ восприятия и оценки среды, людей, отношений. То, как мы себя ведем с другими, как мы поступаем и реагируем на поступки, связано с тем, как мы думаем изначально о них [2].

Очень интересно в выделенном контексте звучат работы Г. Флетчера и соавторов, посвященные изучению идеалов или идеальных схем в области интимно-личностных отношений, являющиеся примером достаточно цельного исследования межличностных отношений в субъектной парадигме. Под идеалами авторы исследования понимают некоторые общие модели, которые предшествуют реальным отношениям. Это своего рода правила, которыми люди руководствуются, выстраивая реальное межличностное взаимодействие [3–5].

А. Арсет, Дж. Крогер и М. Мартинуссен развивают концепцию идеалов и рассматривают то, как данные идеалы влияют на оценку партнеров, оценку интимно-личностных отношений и принятие решений, касающихся данных отношений [6]. На основе используемой авторами методики мы провели аналогичное исследование на русскоязычной выборке и подтвердили сходство выделенных базовых факторов идеальных представлений об отношениях и идеальном партнере [7]. Это обстоятельство иллюстрирует кросскультурный характер психосемантических (когнитивных) моделей межличностных отношений.

В работе Е. А. Чернышовой анализируется связь функциональной характеристики системы конструктов (когнитивная дифференцированность (КД)) и положения субъекта в системе иерархических отношений в группе. Вначале студенты, обладающие более низкими показателями КД, занимают более высокие статусные позиции, что объясняется их способностью быть более гибкими

и перестраивать систему конструктов под новые обстоятельства. А студенты с более высоким уровнем КД занимают статусные позиции ниже. Причем в дальнейшем, когда на старших курсах происходит переориентация групп на систему инструментальных отношений, студенты с высоким уровнем КД начинают повышать свой статус, но при этом студенты с низким уровнем КД его не утрачивают, а переходят в плоскость аттракционных интрагрупповых отношений [8].

Кроме исследования системы конструктов, есть примеры изучения отношений с позиции психосемантики. Принципиальное отличие методов психосемантики заключается в том, что они позволяют измерять отношения не как внешнее проявление, а как внутреннюю, имплитную структуру, сложившуюся в процессе онтогенеза и определяющую восприятие, оценку и поведение субъекта.

В. Ф. Петренко и др. на примере методики сказочного семантического дифференциала показали, что закономерности категоризации, выявленные на материале восприятия и описания сказочных персонажей, персонажей литературных и кинематографических произведений, вполне работоспособны и в условиях восприятия реальных людей [9–14]. Мы полагаем, что художественные персонажи являются некой эталонной моделью, которую субъект усваивает и таким образом интегрирует в психосемантический базис межличностных отношений, а в дальнейшем использует данную систему координат для оценки и описания реальных межличностных отношений.

Отталкиваясь от методологии психосемантики, мы рассматриваем репертуарные решетки и семантические дифференциалы как наиболее удобные инструменты оценки (выявления) психосемантического базиса межличностных отношений. Удобство и гибкость этих инструментов позволяют адаптировать их к исследованию и оценке различных аспектов межличностного взаимодействия. Например, в работе М. Ю. Кондратьева и В. А. Лисицына показана гибкость и универсальность репертуарной решетки в вопросе изучения внутригрупповой структуры [15]. Но на данном этапе мы рассмотрим возможности метода семантического дифференциала как достаточно компактного, по сравнению с репертуарной решеткой, инструмента. Для оценки особенностей психосемантического базиса межличностных отношений нами разработана методика семантического дифференциала *межличностные отношения*, построенная на основе проведенных ранее исследований с использованием репертуарных решеток. Шкалами семантического дифференциала стали отобранные признаки, выявленные репертуарной решеткой и имеющие максимальный факторный вес. Объектами оценки послужили наиболее весомые образы, выделенные в предыдущих исследованиях: Я, Мать, Друг, Враг, Счастливый человек, Несчастный человек, Идеальный партнер.

При всем удобстве использования семантического дифференциала для оценки психосемантического базиса

межличностных отношений возникают сложности статистической оценки результата. Это связано с неоднородностью данных (коллинеарность), возникающей вследствие влияния различных неучтенных социально-демографических и социально-психологических параметров выборки. С данным явлением мы периодически сталкивались при анализе результатов изучения идеальных схем межличностных отношений; при оценке гендерных отличий; при оценке возрастных отличий; при изучении особенностей межличностных отношений в зависимости от уровня иррациональных когний; а также при обобщенном анализе психосемантического базиса. Несмотря на то, что каждый отдельный элемент оценки можно обработать отдельно, тем не менее обобщенный анализ семантических дифференциалов может содержать достаточно интересные данные, в связи с чем возникает вопрос о возможности извлечения информации из данных массивов.

Отталкиваясь от общей идеи структуры системы межличностных отношений, которая, разворачиваясь от психосемантического базиса, реализуется на уровне характеристик поведения и личности, мы можем предположить, что данные семантического дифференциала можно транслировать в иные, более операциональные формы представления. И такую возможность представляет нам система ТЕЗАЛ, разработанная компанией «Гуманитарные технологии». Данная система, как ее характеризует А. Г. Шмелев, является простой нейронной сетью. На первом уровне имеется набор более чем из двух тысяч слов, между которыми образуется множество связей и переходов. На втором уровне происходит проекция отдельных слов в факторные профили. Система содержит различные стандартные и разработанные авторами факторные профили (например, 16PF, MMPI и т. д.).¹

Общая гипотеза нашей работы заключается в предположении о возможности конверсии исходных данных семантического дифференциала в факторные профили посредством системы ТЕЗАЛ и извлечения данных из преобразованных результатов.

Методы и материалы

Для проверки гипотезы мы использовали данные семантических дифференциалов студентов высших средних учебных заведений, а также учащихся школ (табл. 1) – выборка достаточно равномерная и однородная. Результаты извлечены из общего массива данных, собранных нами в ходе исследования межличностных отношений. Распределение по гендерному признаку близко к общему соотношению мужчин и женщин в РФ: 46 % и 54 % соответственно в общей численности населения, по данным Росстата². Коэффициент вариации (7,8 %) позволяет говорить об однородности выборки по возрасту.

Табл. 1. Сведения об испытуемых

Tab. 1. Information about the test subjects

Группы испытуемых	Общее количество	Пол		Средний возраст
		мужской, 39 %	женский, 61 %	
Учащиеся школы	33	12	21	15,9
Студенты колледжа (1)	7	–	7	18,7
Студенты колледжа (2)	19	4	15	19,2
Студенты ВУЗа (1)	19	14	5	19,9
Студенты ВУЗа (2)	15	9	6	20,4
Студенты ВУЗа (3)	13	4	9	18,8
Студенты ВУЗа (4)	11	3	8	18
Итого	117	46	71	18,7

Далее приведем результаты сравнительного анализа исходного обобщенного семантического дифференциала и данных, преобразованных посредством системы ТЕЗАЛ. В целях проверки гипотезы мы использовали конвертацию в факторную систему 16PF, которая достаточно удобна в целях описания и характеристики воспринимаемых субъектов межличностных отношений.

Результаты

Анализ структуры ролевых образов межличностных отношений указывает на полное сходство категоризации (табл. 2). Как на уровне семантического дифференциала, так и на уровне конвертированных данных мы видим два фактора. Первый однополюсный фактор включает образы *Я, Мать, Друг, Идеальный партнер, Счастливый человек*. Второй фактор, двухполюсный, включает образы *Враг и Несчастный человек*. Интерпретируя выявленные факторы, мы отмечаем, что первый фактор содержит набор ролевых образов, которые можно обобщенно назвать *Я и положительный другой*. Второй фактор – *Отрицательный другой*. Причем ролевые образы *Враг и Несчастный человек* не являются тождественными и противопоставлены друг другу на разных полюсах фактора.

На рис. 2 представлены результаты сравнительного сопоставления кластерных структур, выделенных на материале исходного семантического дифференциала и конвертированных данных. Общее распределение ролевых образов сходно, однако на материале конвертированных данных мы видим изменение группировки некоторых образов. Более близко расположены образы *Я* и *матери*. Также заметно некоторое отделение образа идеального человека (что вполне логично) от образов реальных людей.

¹ Чем же система ТЕЗАЛ отличается от обычного словаря... Форум ЭСПП. Организатор – А. Г. Шмелев. 20.07.2019. Режим доступа: <http://forum.ht-line.ru/threads/chem-zhe-sistema-tezal-otlichается-ja-ot-obychnogo-slovarja.2812/> (дата обращения: 20.10.2021).

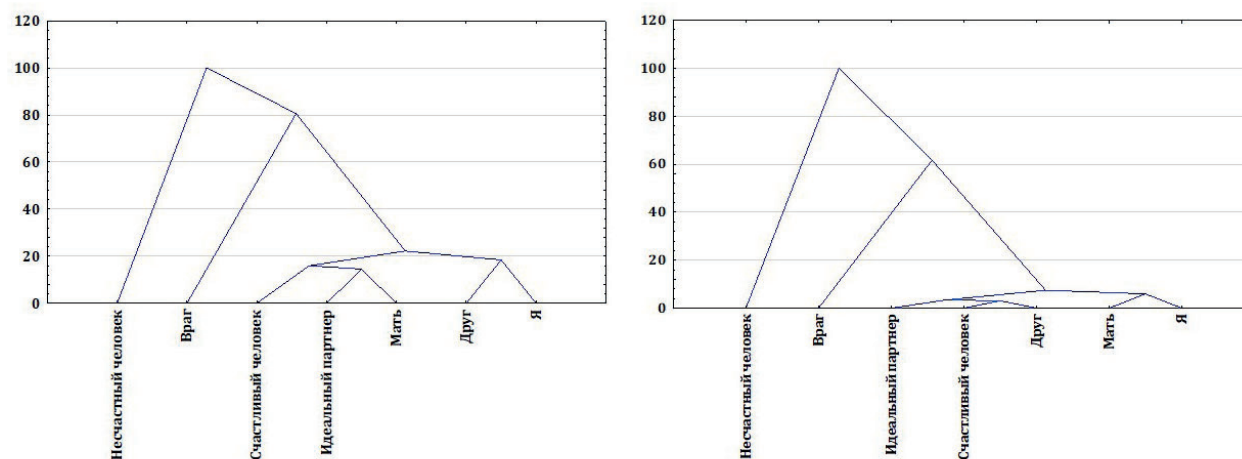
² Женщины и мужчины России. 2020: Стат. сб. М.: Росстат, 2020. С. 23.

Табл. 2. Сравнение результатов факторного анализ элементов исходного семантического дифференциала и конвертированных данных

Tab. 2. Factor analysis of the original semantic differential vs. converted data

Рольевые образы	Исходный семантический дифференциал		Конвертированные данные	
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 1	Фактор 2
Я	0,82	0,11	1,00	0,05
Мать	0,92	0,24	1,00	-0,02
Друг	0,92	-0,19	0,99	0,11
Враг	0,01	-0,85	0,28	0,94
Идеальный партнер	0,93	-0,06	0,99	0,10
Счастливый человек	0,83	-0,38	0,99	0,13
Несчастный человек	-0,18	0,89	-0,57	-0,79
Доля общей дисперсии	0,56	0,25	0,76	0,22

Прим.: полужирным шрифтом выделены признаки, входящие в структуру фактора.

А: данные исходного семантического дифференциала

Б: конвертированные данные

Рис. 2. Сравнение данных кластерного анализа элементов оценки: А) данные исходного семантического дифференциала; Б) конвертированные данные

Fig. 2. Cluster analysis of the assessment elements: A) original semantic differential; B) converted data

Данные факторного анализа сводного семантического дифференциала отражают коллинеарность, возникающую вследствие неоднородности выборки (табл. 3).

В табл. 4 представлены результаты анализа конвертированных данных, на основании которых выявлено два фактора. При интерпретации выявленных факторов мы учитываем и содержание каждого отдельного свойства и то, к какой группе свойств в факторной системе 16PF оно относится. Оба выявленных фактора двухполюсные.

Первый фактор – Социальная самоорганизация.

На одном полюсе расположены следующие свойства: аффектотимия, оптимизм, социальная смелость, подозрительность, радикализм, независимость, напряженность. Перечисленные свойства относятся к группам коммуникативных, эмоциональных и интеллектуальных свойств,

что впрочем не позволяет интерпретировать эту совокупность признаков. С учетом содержательной расшифровки каждого свойства мы видим, что на этом полюсе фактора расположены свойства общительности, направленности на людей; проявление оптимизма; социальная смелость, готовность к новым делам; подозрительность, т. е. отношение к другим как к конкурентам; готовность к принятию нового; проявление независимости (нонконформизма); напряженность и стоящее за ней стремление к достижениям. Обобщить выделенные параметры можно как *социальную упорядоченную активность*. На втором полюсе фактора расположены интеллектуальные и регулятивные свойства с преобладанием низких значений, в частности: сниженная обучаемость, практичность и предметность мышления; свободная трактовка моральных норм;

реализм, приземленность; импульсивность и неорганизованность поведения. Обобщить названные проявления можно как *неупорядоченность поведения*. Таким образом, первый фактор суммарно отражает степень структурированности или упорядоченности социальной активности и поведения.

Второй фактор – Успешность социального взаимодействия. Оба полюса фактора включают характеристики, относящиеся к коммуникативным и эмоциональным свойствам. На одном полюсе фактора расположены эмоциональная неустойчивость, лабильность и подчиненность. На втором полюсе – сентиментальность, эмоциональная чувствительность и гибкость, дипломатичность в общении. Суммируя тенденции, можно интерпретировать фактор как проявление гибкости и активности социального

взаимодействия, которое напоминает по содержанию эмоциональный (социальный) интеллект.

Кратко обобщая представленные данные, мы можем утверждать, что конвертирование семантического дифференциала в факторную систему 16PF позволило избежать ограниченности, связанной с неоднородностью выборки, и выделить вполне четкие особенности восприятия людей в системе межличностных отношений.

Следующим шагом сравнительного анализа является сопоставление моделей взаимосвязи элементов семантического пространства межличностных отношений. Для сравнения мы использовали модель связей, описанную нами на рис. 3 [1], и модель связей, построенную на основе конвертированных данных (рис. 4). Общая логика взаимосвязи элементов пространства межличностных отношений следующая: от оценки Я через систему идеализированных образов к образам положительных других и через них к образам отрицательных других. На рис. 4 показана более разветвленная и сложная система взаимосвязи элементов семантического пространства межличностных отношений. В табл. 5 представлены показатели регрессионных моделей описываемых связей элементов.

Как и в модели, основанной на результатах семантического дифференциала, в новой модели существенную роль

Табл. 3. Результаты факторного анализа признаков оценки исходного семантического дифференциала

Tab. 3. Factor analysis of the assessment of the initial semantic differential

Признаки	Фактор 1	Фактор 2
Дружелюбный – Недружелюбный	1,00	–0,06
Хороший – Плохой	0,95	–0,32
Умный – Глупый	0,97	–0,21
Целеустремленный – Бесцельный	0,99	0,15
Настойчивый – Упрямый	0,98	0,09
Ответственный – Безответственный	0,98	–0,16
Компанейский – Одинокий	0,95	0,30
Открытый – Замкнутый	0,99	0,12
Добрый – Злой	0,97	–0,24
Творческий – Нетворческий	0,99	–0,02
Скромный – Заносчивый	0,85	–0,51
Сексуальный – Несексуальный	0,99	–0,02
Раскрепощенный – Застенчивый	0,92	0,36
Счастливы – Несчастны	0,97	0,22
Уравновешенный – Вспыльчивый	0,97	–0,18
Веселый – Грустный	0,99	0,13
Уступчивый – Дотошный	0,95	–0,25
Сочувствующий – Зануда	0,97	–0,23
Везунчик – Неудачник	0,98	0,18
Развитый – Ограниченный	1,00	–0,06
Темпераментный – Спокойный	0,96	0,18
Мечтатель – Реалист	0,93	0,02
Активный – Пассивный	0,96	0,27
Доля общей дисперсии	93 %	5 %

Прим.: полужирным шрифтом выделены признаки, входящие в структуру фактора.

Табл. 4. Результаты факторного анализа признаков оценки (конвертированные данные)

Tab. 4. Factor analysis of assessment features (converted data)

Признаки	Фактор 1	Фактор 2
А – Аффектотимия	–1,00	0,04
В – Интеллект	0,99	0,05
С – Сила Эго	0,42	–0,91
Е – Доминантность	0,21	–0,98
Ф – Оптимизм	–0,99	0,15
Г – Сила Супер-Эго	0,99	–0,12
Н – Социальная смелость	–0,99	–0,10
И – Сензитивность	–0,34	0,94
Л – Подозрительность	–0,97	0,11
М – Мечтательность	0,98	0,06
Н – Тактичность	0,08	1,00
О – Ранимость	0,67	0,69
Q1 – Радикализм	–0,99	0,16
Q2 – Независимость	–1,00	0,05
Q3 – Самоконтроль	0,85	–0,50
Q4 – Напряженность	–0,71	–0,68
Доля общей дисперсии	68 %	31 %

Прим.: полужирным шрифтом выделены признаки, входящие в структуру фактора.

играет ролевой образ матери. Этот образ обычно выступает как крайне позитивный и идеализированный образ положительного другого. О значимости образа матери речь идет в работе С. В. Молчанова и О. В. Алмазовой: в подростковом возрасте степень доверия и привязанности к матери определяют интенсивность использования морального самооправдания, чем ниже доверие и привязанность, тем чаще и интенсивнее задействуются механизмы искажения последствий, дегуманизации и атрибуции вины [16]. Данный пример показывает, что образ матери интегрируется в семантическое пространство как функциональная позиция проводника ребенка в мир межличностных отношений.

С. К. Нартова-Бочавер и А. А. Адамян дополняют понимание влияния ролевых образов членов семьи на модели межличностных отношений субъекта. В работе показано, что особенности семейной среды связаны со способностью прощения в межличностных отношениях [17]. Поскольку

семейная среда определяется и формируется субъектами семейных отношений, ролевые позиции членов семьи являются важными предикторами отношений. Н. В. Нозикова, исследуя психосемантические особенности семейной целенаправленности, на примере юношей и взрослых мужчин показала, что ролевой образ матери выступает как важный компонент создания представлений о семье и семейных отношениях, тогда как ролевой образ отца для юношей является примером маскулинного поведения [18; 19].

Образ Матери в семантическом пространстве представляет собой собирательный ролевой образ Идеального партнера, существующего в реальности, в отличие от просто образа Идеального партнера. Именно этот ролевой образ опосредует восприятие других образов. Однако, в отличие от первой модели, появляется опосредующая роль ролевого образа друга, который расширяет спектр оценок и сравнений элементов в семантическом пространстве межличностных отношений.

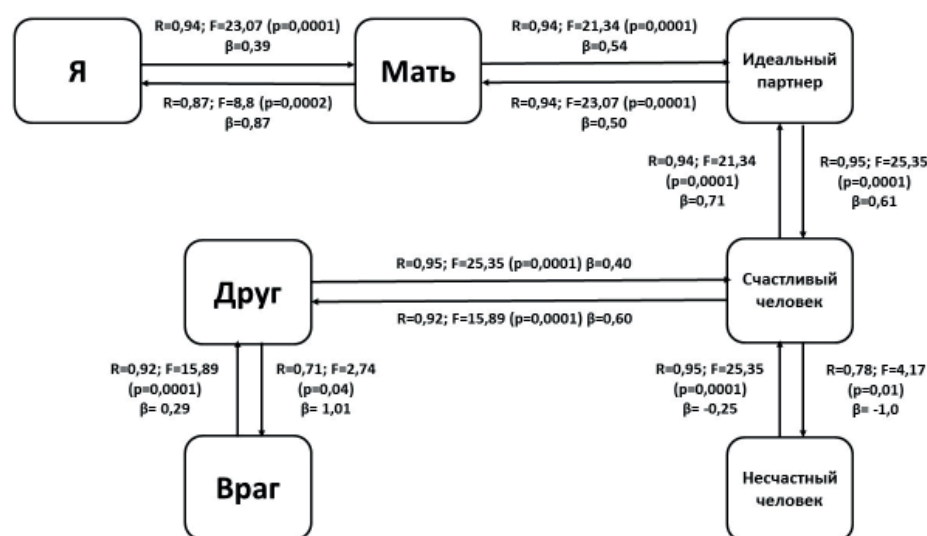

Рис. 3. Модель взаимосвязей элементов семантического пространства межличностных отношений (на основе исходного семантического дифференциала)

Fig. 3. Interrelationship of the elements within the semantic environment of interpersonal relations (based on the semantic differential)

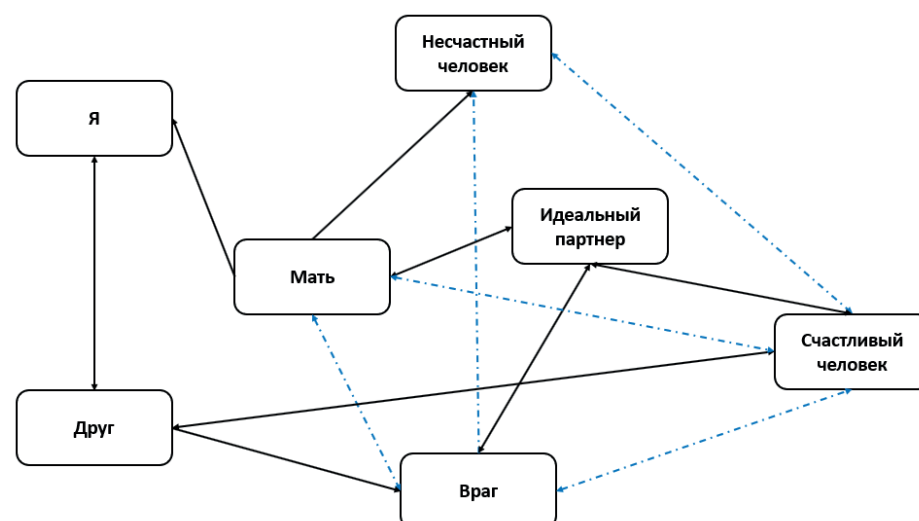

Рис. 4. Модель взаимосвязей элементов семантического пространства межличностных отношений (конвертированные данные)

Fig. 4. Interrelationships of elements within the semantic environment of interpersonal relations (converted data)

Табл. 5. Показатели регрессионных моделей, представленных на рисунке 4, $p=0,01$ Tab. 5. Regression models in Fig. 4, $p=0,01$

Зависимая переменная	Предиктор	β	R	F
Я	Мать	0,53	0,99	1326,7
Я	Друг	0,46	0,99	1326,7
Мать	Враг	-0,1	0,99	5789,8
Мать	Идеальный партнер	1,58	0,99	5789,8
Мать	Счастливый человек	-0,96	0,99	5789,8
Друг	Счастливый человек	0,74	0,99	3960,8
Друг	Я	0,25	0,99	3960,8
Враг	Счастливый человек	-0,11	0,98	72,9
Враг	Идеальный партнер	12,4	0,98	72,9
Враг	Друг	4,1	0,98	72,9
Враг	Мать	-5,6	0,98	72,9
Идеальный партнер	Счастливый человек	0,62	0,99	15733,8
Идеальный партнер	Мать	0,58	0,99	15733,8
Идеальный партнер	Враг	0,05	0,99	15733,8
Счастливый человек	Друг	0,38	0,99	11147,2
Счастливый человек	Идеальный партнер	0,98	0,99	11147,2
Счастливый человек	Несчастный человек	-0,06	0,99	11147,2
Счастливый человек	Враг	-0,07	0,99	11147,2
Счастливый человек	Мать	-0,38	0,99	11147,2
Несчастный человек	Враг	-0,33	0,98	117,6
Несчастный человек	Счастливый человек	-5,0	0,98	117,6
Несчастный человек	Мать	2,52	0,98	117,6

Заключение

Психосемантический базис системы межличностных отношений представлен набором ролевых образов и описывающим их набором характеристик. Основные инструменты выявления и описания психосемантического базиса – методы психосемантики (семантические дифференциалы, репертуарные решетки). Несмотря на свою гибкость, данные методики обладают некоторыми ограничениями, в частности чувствительностью к неоднородности выборки по социально-демографическим критериям. Отталкиваясь от общей логики структуры системы межличностных отношений, мы предполагаем, что возможно произвести конвертацию (разворачивание) описаний психосемантического уровня в языковые, факторные системы регулятивного и поведенческого уровня системы. Инструментом конвертации мы выбрали систему ТЕЗАЛ.

Проведя сравнительный анализ результатов семантических дифференциалов и конвертированных данных, мы подтвердили наше предположение и смогли выявить факторные структуры обобщенных представлений в области межличностных отношений. Выявлено два фактора, описывающих особенности самоорганизации социального поведения и степень успешности, гибкости социального

взаимодействия, что не так явно встречалось при анализе исходных семантических дифференциалов. Кроме того, на основе конвертированных данных мы смогли выявить развернутую систему связей ролевых образов в семантическом пространстве системы межличностных отношений, что также подтверждает результативность выбранного способа анализа. Если в результатах семантического дифференциала мы видели существенную роль ролевого образа матери, который опосредует оценки и восприятие других ролевых образов семантического пространства, то на примере конвертированных данных мы смогли выделить похожую опосредующую позицию ролевого образа друга. Данный факт позволяет чуть шире посмотреть на особенности восприятия межличностных отношений.

Но при всех положительных моментах есть ряд очень важных вопросов о том, насколько выявленные способы восприятия соотносимы с реальными процессами в межличностной сфере; насколько сохранены элементы психосемантического базиса при проведении процедуры конвертации в факторные системы; будут ли сохраняться выявленные закономерности связей и отношений между элементами при конвертации в различные факторные системы?

Поиск ответов на данные вопросы станет предметом дальнейшей работы в обозначенном направлении.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Д. Н. Долганов – формулирование общих целей и задач исследования; обзор и описание теоретического материала исследования; анализ и изложение полученных данных. В. А. Каменева – коррективировка теоретического обзора научных работ; валидация полученных теоретических данных.

Литература

1. Hernani E. V. Awareness, groundedness, embodiment: intrapersonal elements in interpersonal relationships // IntechOpen. 09.01.2021. <https://doi.org/10.5772/intechopen.95484>
2. Келли Дж. А. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
3. Fletcher G. J., Simpson J. A., Thomas G., Giles L. Ideals in intimate relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76. № 1. P. 72–89. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.76.1.72>
4. Fletcher G. J., Simpson J. A., Thomas G. Ideals, perceptions, and evaluations in early relationship development // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79. № 6. P. 933–940. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.79.6.933>
5. Overall N. C., Fletcher G. J., Simpson J. A. Regulation processes in intimate relationships: the role of ideal standards // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. № 4. P. 662–685. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.4.662>
6. Arseth A., Kroger J., Martinussen M. Factors associated with relationship and partner ideals among Norwegian university students // Psychological Reports. 2009. Vol. 105. № 3_suppl. P. 1057–1071. <https://doi.org/10.2466/PRO.105.F.1057-1071>
7. Долганов Д. Н. Психосемантика межличностных отношений. М.: Русайнс, 2016. 232 с. <https://doi.org/10.15216/978-5-4365-1358-4>
8. Чернышова Е. А. Взаимосвязь особенностей систем личностных конструктов студентов и их статусной позиции в учебных группах: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 151 с.
9. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб.: Питер, 2005. 480 с.
10. Петренко В. Ф., Митина О. В., Менчук Т. И., Исакова М. А. Сказочный семантический дифференциал: классический вариант и его модификация // Мир психологии. 2019. № 4. С. 184–200.
11. Петренко В. Ф., Митина О. В., Гамбарян М. П., Менчук Т. И. Сказочный семантический дифференциал // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 148–161.
12. Петренко В. Ф., Митина О. В., Коростина М. А. Психометрический анализ диагностических показателей методики «Сказочный семантический дифференциал» // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 2. С. 114–135.
13. Petrenko V. F., Mitina O. V. Fairytale semantic differential technique: diagnostic possibilities // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 41–54. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230604>
14. Petrenko V., Mitina O. The fairytale semantic differential technique: a cross-cultural application // Behavioral Sciences. 2020. Vol. 10. № 7. <https://doi.org/10.3390/bs10070112>
15. Кондратьев М. Ю., Лисицын В. А. К вопросу о модификации «внутригруппового» социально-психологического инструментария для исследования межгрупповых отношений и взаимовосприятия // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 133–149.
16. Молчанов С. В., Алмазова О. В. Близкие межличностные отношения с родителями и сверстниками в подростковом возрасте как фактор обращения к моральному самооправданию // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 3. С. 124–136. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120308>
17. Нартова-Бочавер С. К., Адамян А. А. Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 193–210. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110112>
18. Нозикова Н. В. Анализ психосемантической системы семейной целенаправленности у мужчин // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 2. С. 69–79. <https://doi.org/10.17759/chp.2016120207>
19. Нозикова Н. В. Анализ функциональной организации психосемантической системы семейной целенаправленности // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 1. С. 65–77. <https://doi.org/10.17759/chp.2018140108>

original article

Automated Personal Thesaurus TEZAL: Reconstructing the Psychosemantic Foundations of Interpersonal Relations

Dmitry N. Dolganov

Belovo Institute (branch) of Kemerovo State University, Russia,
Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0003-2389-4978>;
dodn-b@yandex.ru

Veronika A. Kameneva

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-8146-9721>

Received 16 Nov 2021. Accepted after peer review 7 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: The present research featured the psychosemantic foundation of interpersonal relations, the latter represented as a three-level system. The psychosemantic foundation contains implicit models of interpersonal relations; the regulatory level regulates interpersonal relationships in various contexts; the behavioral level manifests itself in direct interpersonal behavior. The research was based on the method of semantic differential. However, the method proved too sensitive to various kinds of heterogeneity of the test subjects, which rendered it impossible to identify the factor structure. As a result, the semantic differential was converted to factorial personality systems through the Automated Personal Thesaurus TEZAL. In this research, the semantic differential vocabulary profile was converted to 16PF personality profile. The semantic differential and converted data underwent statistical and comparative analyses, which singled out the general structures of perception in the system of interpersonal relations. The procedure revealed two bipolar factors. The factor of social self-organization reflected the degree of orderliness of social activity and behavior. The factor of social interaction demonstrated the flexibility, activity and initiative of social behavior. A regression analysis of the psychosemantic foundations revealed a more complex system, when interpersonal relations are perceived through the role image of mother and friend. Thus, initial data conversion provided a more detailed reconstruction of the psychosemantic foundation of interpersonal relations.

Keywords: semantic differential, dictionary-converter of personality traits, original semantic differential, converted data, social self-organization, effective social interaction

Citation: Dolganov D. N., Kameneva V. A. Automated Personal Thesaurus TEZAL: Reconstructing the Psychosemantic Foundations of Interpersonal Relations. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 948–957. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-948-957>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contributions: D. N. Dolganov managed the project, organized and coordinated the research, developed the theoretical concept, selection the diagnostic tools, and summed up the results of the statistical analysis. V. A. Kameneva corrected the review and improved the obtained theoretical data.

References

1. Hernani E. V. *Awareness, groundedness, embodiment: intrapersonal elements in interpersonal relationships*, 09.01.2021. <https://doi.org/10.5772/intechopen.95484>
2. Kelly G. A. *A theory of personality: the psychology of personal constructs*. St. Petersburg: Rech, 2000, 249. (In Russ.)
3. Fletcher G. J., Simpson J. A., Thomas G., Giles L. Ideals in intimate relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 76(1): 72–89. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.76.1.72>
4. Fletcher G. J., Simpson J. A., Thomas G. Ideals, perceptions, and evaluations in early relationship development. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, 79(6): 933–940. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.79.6.933>
5. Overall N. C., Fletcher G. J., Simpson J. A. Regulation processes in intimate relationships: the role of ideal standards. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2006, 91(4): 662–685. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.91.4.662>
6. Arseth A., Kroger J., Martinussen M. Factors associated with relationship and partner ideals among Norwegian university students. *Psychological Reports*, 2009, 105(3_suppl): 1057–1071. <https://doi.org/10.2466/PRO.105.F.1057-1071>
7. Dolganov D. N. *Psychosemantics of interpersonal relations*. Moscow: Rusains, 2016, 232. (In Russ.) <https://doi.org/10.15216/978-5-4365-1358-4>
8. Chernyshova E. A. *The relationship between the characteristics of the systems of personal constructs of students and their status position in study groups*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2012, 151. (In Russ.)
9. Petrenko V. F. *Basics psychosemantics*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2005, 480. (In Russ.)

10. Petrenko V. F., Mitina O. V., Menchuk T. I., Isakova M. A. Fairytale semantic differential: classical variant and modifications. *Mir psikhologii*, 2019, (4): 188–200. (In Russ.)
11. Petrenko V. F., Mitina O. V., Gambariyan M. P., Menchuk T. I. Fairy-tale semantic differential. *Voprosy psikhologii*, 2016, (4): 148–161. (In Russ.)
12. Petrenko V. F., Mitina O. V., Korostina M. A. Psychometric analysis of diagnostic indicators of the method "Fairy semantic differential". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2017, (2): 114–135. (In Russ.)
13. Petrenko V. F., Mitina O. V. Fairytale semantic differential technique: diagnostic possibilities. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2018, 23(6): 41–54. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230604>
14. Petrenko V., Mitina O. The fairytale semantic differential technique: a cross-cultural application. *Behavioral Sciences*, 2020, 10(7). <https://doi.org/10.3390/bs10070112>
15. Kondratyev M. Yu., Lisitsyn V. A. On the question of modifying the "intragroup" social psychological tools for investigating intergroup relationships and mutual perception. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2013, (4): 133–149. (In Russ.)
16. Molchanov S. V., Almazova O. V. Close interpersonal relations with parents and peers in adolescence as the factor of use of moral disengagement mechanisms. *Psychological-Educational Studies*, 2020, 12(3): 124–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120308>
17. Nartova-Bochaver S. K., Adamyan A. A. Forgiveness and home environment as aspects of interpersonal interaction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2020, 11(1): 193–210. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2020110112>
18. Nozikova N. V. Analysis of psychosemantic system of family goal-directedness in men. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2016, 12(2): 69–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2016120207>
19. Nozikova N. V. Analyzing the functional organization of psychosemantic system of purposefulness in families. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2018, 14(1): 65–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/chp.2018140108>

обзорная статья

Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества

Анастасия Владимировна Микляева

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Валерия Викторовна Хороших

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0001-7116-0042>

Юлия Львовна Проект

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург; <https://orcid.org/0000-0002-1914-9118>; proekt.jl@gmail.com

Поступила в редакцию 16.11.2021. Принята после рецензирования 07.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: Сущностные преобразования жизненной среды, вызванные ускоряющимися темпами информатизации и виртуализации общества, неизбежно приводят к качественным изменениям в ценностных ориентациях, в принятии социокультуры и традиций своей страны подрастающим поколением граждан. Целью исследования стало проведение мета-анализа характера изменений в ценностном самоопределении российского студенчества на различных этапах информатизации общества. Мета-анализ был осуществлен в несколько этапов, в ходе которых проводился поиск источников, оценка их уместности на основе критериев включения и исключения, качественный и количественный анализ отобранных данных исследования. В результате отбора публикаций в выборку мета-аналитического исследования вошло 90 публикаций, включая 53 исследования, выполненные на выборках российских студентов. По результатам частотного и сравнительного анализа данных исследований ценностей на различных этапах информатизации общества были определены основные тенденции трансформации ценностного самоопределения российского студенчества, сходства и различия в этом процессе сравнительно с характером трансформации ценностей студентов других стран. Исследование показало, что ключевым трендом в трансформации ценностного самоопределения становится переход от индивидуалистских ценностей к коллективным, большая ориентация на консервативные ценности.

Ключевые слова: мета-анализ, Россия, цифровые технологии, Интернет, ценности, трансформация

Цитирование: Микляева А. В., Проект Ю. А., Хороших В. В. Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 958–975. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-958-975>

Введение

Первые десятилетия XXI в. ознаменовались стремительным развитием цифровых технологий, существенным образом преобразивших жизненную среду современного человека. Быстрое проникновение информационных технологий в различные сферы жизнедеятельности человека, широкое распространение медиапрактик, развитие социальных сервисов, обеспечивающих публичность индивидуальной жизни, с одной стороны, и прозрачность политических и общественных процессов – с другой, создают новые предпосылки для макрогрупповой и средовой идентификации, самовыражения и самореализации, гражданских и политических действий человека в виртуальной среде [1; 2]. Наряду с этим, высокая степень энтропии, семиотическая неоднородность, плюралистичность и противоречивость информационных источников и психологических ресурсов Интернета приводят к возрастанию напряженности в социальном взаимодействии и ценностно-смысловом

самоопределении пользователей сети, особенно в периоды становления социокультурной идентичности личности.

Сущностные преобразования жизненной среды, вызванные ускоряющимися темпами информатизации и виртуализации общества, неизбежно приводят к качественным изменениям в ценностных ориентациях, принятии социокультуры и традиций своей страны подрастающим поколением граждан. Наблюдается переход от постфигуративного типа культуры к префигуративному: дети, вырастая, не стараются быть похожими на своих предшественников [3]. По мере взросления представителей цифрового поколения одну из ведущих ролей в ценностном и социальном окружении молодых людей принимает на себя интернет-дискурс, постоянно порождающийся и изменяющийся коллективным субъектом под влиянием двух составляющих: внутренней грамматики (включающей композиции знаков и их отношений, обеспечиваемые тем

или иным сервисом Интернета) и внешней грамматики (включающей способы организации мыслей, убеждений, ценностей, действий и взаимодействий пользователей в пределах, заданных имеющейся композицией знаков) [4].

Разнообразные сервисы Интернета с их специфичными возможностями знакового и символического обмена генерируют определенные типы социальных отношений и общностей, субъекты которых порождают новую мифологию и ритуалы социального поведения в виртуальных сообществах. За последние годы исследователи все чаще обращаются к изучению различных аспектов киберповедения человека [5–7], однако наблюдается нехватка научных работ, направленных на анализ влияния развития цифровых технологий на трансформацию ценностных ориентаций студенческой молодежи. На восполнение указанного дефицита направлено данное исследование, целью которого стало проведение мета-анализа характера изменений в ценностном самоопределении российского студенчества на различных этапах информатизации общества.

В своей эволюции Интернет и цифровые технологии прошли несколько существенно отличных по характеру взаимодействия человека с технологиями этапов. Выделяют четыре этапа информатизации общества, качественные изменения в которых определены появлением ЭВМ первого поколения (1960–1970-е гг.), моделей единой системы ЭВМ 3-го поколения (1970–1980-е гг.), персональных компьютеров для работы конечных пользователей (1980–1990-е гг.) и, наконец, разработкой информационных технологий для автоформализации знаний (1990-е гг. – настоящее время) [8]. Однако в указанной периодизации явно не находит отражения динамика развития цифровых технологий в начале нового тысячелетия, когда появившаяся в прошлом веке глобальная компьютерная сеть стала ключевым фактором изменения экономических, политических, общественных и межличностных отношений [9].

В этой связи более актуальной для понимания трансформирующего общества процессов становится периодизация развития WEB-технологий, описывающая переход от технологий поколения WEB 1.0 к технологиям WEB 4.0 [10]. И если технологии WEB 1.0 обеспечивали, прежде всего, доступ к информации через Интернет (до 2004 г.), то уже технологии WEB 2.0 предлагали пользователям наполнять глобальную сеть контентом и производить коллективную проверку качества этого контента. В 2004 г. появилась крупнейшая социальная сеть Facebook, в 2006 г. – русскоязычные социальные сети ВКонтакте и Одноклассники. Появление этих социальных сервисов привело не только к переходу из разнообразных чатов, ICQ, блогов и обогащению форм общения пользователей сети. По сути данные процессы привели к их выходу из зоны анонимности

и карнавальности [11; 12], подразумевающей альтернативный характер виртуальной идентичности, к зоне публичности частной жизни человека, раскрытию его инкогнито и сближению виртуальной и реальной идентичности [13].

Технологии WEB 3.0 связаны с активным проникновением социальных сетей и мессенджеров в жизнь человека, бурным развитием мобильного Интернета. В 2007 г. был представлен iPhone первого поколения, а уже в 2011 г. каждый 4-й россиянин пользовался смартфоном. По данным отраслевого доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, в 2012 г. объем мобильной аудитории Интернета возрос на 51 % и составил 34,5 млн человек¹.

Наконец, четвертый этап эволюции WEB-технологий связан с широким внедрением облачных сервисов, развитием технологий искусственного интеллекта и больших данных, экономики совместного потребления, что привело в том числе и к тому, что значительная часть совершаемых действий человека связана с использованием Интернета (умный дом, интернет-банкинг, покупки, обучение и т. п.). В 2017 г. аудитория мобильного Интернета впервые превысила число пользователей, выходящих в сеть со стационарных компьютеров. Цифровая трансформация коснулась и отношений граждан с государством. В 2018 г. более половины населения России зарегистрировано в Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА)². Стоит отметить и тот факт, что с 2018 г. усилилось государственное регулирование контента Интернета (вступление в силу т. н. Пакета Яровой, принятие ряда международных соглашений по борьбе с пиратством и др.). Таким образом, можно выделить четыре этапа цифровизации жизненной среды россиян, включая обеспечение доступа к информации (до 2006 г.); включение пользователей в создание цифрового контента (2006–2011 гг.); развитие мобильного Интернета (2011–2017 гг.); экспансию цифровизации в повседневную жизнь человека (2017 г. – настоящее время).

Указанные тенденции цифровой трансформации жизненной среды не могли не сказаться на характере социализации, межличностного взаимодействия и формирования картины мира подрастающего поколения. Одним из наиболее значимых факторов личностного развития выступают ценности, изменчивость которых под воздействием глобальных экономических и социальных изменений подтверждена множеством исследований (см., например, [14; 15]). Выступая базовыми принципами жизни человека, ценности задают направленность его мыслям и действиям, определяют характер самоидентификации с миром и другими людьми [14; 16]. По Р. Ингхарду и К. Вельцелю, само понятие культуры должно определяться на основе ценностей. Они утверждают, что именно ценности, наряду с установками и знанием, разделяемые большей частью конкретного сообщества

¹ Интернет в России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, 2013. 95 с.

² Подведены итоги работы портала госуслуг за 2018 год. 30.01.2019. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/events/38738> (дата обращения: 23.04.2019).

и транслируемые от поколения к поколению, составляют сущность культуры, субъективный смысл институтов общества. В этом контексте культурный сдвиг проявляет себя в трансформации ценностей, происходящих под влиянием изменения жизненных условий (экономических процессов, технологического развития, демократизации и т. п.). Вместе с тем на уровне индивидуального сознания перемены в ценностных ориентациях происходят медленнее, чем те изменения, которые претерпевают социальные институты общества [17], порождая тем самым конфликты ценностей как на межгрупповом, так и на межличностном и внутриличностном уровнях. Ш. Шварц полагает, что базовые потребности определяют индивидуальные цели человека, тогда как социальный опыт – общественные или культурные ценности. Раскрывая это положение, Ш. Шварц описывает три типа базовых потребностей: биологические (потребности человека как организма), социальные (потребности в координированном взаимодействии между людьми) и коллективные (потребности человеческих сообществ в выживании и благополучии) [18; 19]. В этой связи изучение ценностей определенной социальной группы в наибольшей степени отражает процессы социокультурных изменений в обществе.

Пожалуй, одной из наиболее существенных трудностей в изучении ценностного портрета какой-либо социальной группы (в нашем случае студенчества) является то, что они изменяются не только по пространственному признаку, различаясь у представителей разных территорий, но и по признаку временному, меняясь сообразно трансформирующимся жизненным условиям, в которых осуществляется ценностное самоопределение личности. Для того чтобы отразить трансформации ценностей студенческой молодежи, необходимо использовать формализованный подход к сопоставлению результатов изучения ценностей молодых людей в течение определенного исторического периода. В этом плане оптимальным методом исследования становится мета-анализ, строго регламентирующий процедуры сбора и анализа результатов предыдущих исследований на основе использования статистических расчетов [20]. Мета-анализ предполагает синтез результатов исследований на конкретных выборках в общую картину, описывающую изучаемый феномен с большей степенью приближения к генеральной совокупности [21].

При выборе временных периодов данного мета-аналитического исследования мы руководствовались двумя соображениями. Во-первых, в связи с увеличением темпа и интенсивности развития цифровых технологий и следующих за этим социокультурных изменений мы ограничились исследованиями, проведенными в XXI в. Во-вторых, необходимость поиска сопоставимых данных привела нас к решению использовать наиболее признанную и четко артикулируемую методологию исследования ценностей, предложенную Ш. Шварцем [22]. Проведенный анализ теоретических источников позволяет сформулировать следующие исследовательские вопросы:

- Как менялись ценностные ориентации студентов на различных этапах информатизации общества?
- Что общего в ценностном самоопределении с представителями студенчества разных стран и специфичного для российских студентов?

Методы и материалы

Мета-анализ был осуществлен в несколько этапов, в ходе которых проводился поиск источников, оценка их уместности на основе критериев включения и исключения, качественный и количественный анализ отобранных данных исследования. На этапе поиска релевантных проблеме исследования публикаций использовались следующие базы данных: Google Scholar, Elibrary, Web of Science и Scopus. Цель сбора данных состояла в нахождении эмпирических исследований, использующих количественные и смешанные методы исследования, а также обзоры литературы, проведенные по проблемам ценностного самоопределения студентов, опубликованные в рецензируемых журналах или отраженные в диссертациях за период 2000–2021 гг. Критерием включения было наличие в названии публикации, аннотации, ключевых словах следующих словосочетаний: ценности, ценностные ориентации, трансформация ценностей, культурные ценности, жизненные ценности, студенческая молодежь, студенты, университеты ("Values" OR "Value orientations" OR "Transformation of values" OR "Cultural values" OR "Life values" AND "University students" OR "University" OR "Student youth" OR "Young people"). В результате поиска было получено 1245 публикаций, пересекающихся хотя бы в двух из указанных баз данных.

По мере оценки уместности найденных публикаций использовались критерии исключения данных. К критериям включения были отнесены наличие эмпирических данных; четко прописанная методология исследования; указание на время и место проведения исследования; четко прописанная выборка исследования, ее репрезентативность; адекватность методов и методик исследования; использование среди методик исследования ценностного опросника Ш. Шварца. Среди критериев исключения учитывались неадекватная рандомизация (154 публикации); неадекватный отбор участников исследования (171 публикация); отсутствие приемлемых данных (717 публикаций); отсутствие описания методов исследования (73 публикации). В результате было отобрано 90 публикаций (табл. 1).

В связи с тем, что существуют разные версии обработки ценностного опросника Ш. Шварца, исходные данные, приведенные в найденных публикациях, были переведены в ранговые значения, на основе которых в дальнейшем и были предприняты статистические расчеты. Проводились частотный анализ с использованием критерия χ^2 Пирсона и сравнительный анализ с использованием медианного теста. Статистические расчеты выполнены с использованием компьютерной программы Statistica ver. 8 (StatSoft).

Табл. 1. Сведения о публикациях, вошедших в выборку мета-аналитического исследования

Tab. 1. Publications included in the meta-analysis

Характеристики	Россия [23–70]	Западные государства [23; 46; 71–83]	Восточные государства [46; 78; 84–96]	Постсоветские государства [96–101]
Общее количество выборочных данных, приведенных в публикациях, в том числе:	53	15	16	6
1 этап	8	2	1	0
2 этап	9	4	3	1
3 этап	17	7	9	5
4 этап	19	2	3	0
Страны / регионы РФ	Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Казань, Томск, Иркутск, Омск, Екатеринбург, Забайкальский край, Улан-Удэ, Оренбург, Челябинск, Курган, Ярославль, Вологда, Воронеж, Таймырский АО, Дагестан, Нижний Тагил, Воркута, Саратов	США, ФРГ, Канада, Финляндия, Греция, Македония, Испания, Польша	Китай, Вьетнам, Малайзия, Филиппины, Турция, Иран	Беларусь, Украина, Молдавия, Казахстан
Объем выборки				
Усредненный	342	616	1001	120
Суммарный	18133	9241	16022	723
Средний возраст	19,80	22,78	22,12	18,39

Результаты

На первом этапе анализа данных был осуществлен сравнительный анализ усредненных рангов ценностей российских студентов на разных этапах информатизации общества (табл. 2). Стоит отметить, что ведущей ценностью студентов на уровне нормативных идеалов на всех рассматриваемых этапах является самостоятельность. Также

студенты придают высокую значимость таким ценностям, как доброта, достижения и безопасность. Последние два приоритета показывают колебания в усредненных рангах значимости ценностей на различных этапах информатизации общества, но сохраняют при этом относительно высокие позиции. Таким образом, доминирующей ценностью студентов является самостоятельность в мышлении

Табл. 2. Усредненные ранги ценностей в исследованиях, выполненных на выборках российских студентов

Tab. 2. Mean ranks of values in Russian studies

Ценности	Этапы информатизации			
	1 этап	2 этап	3 этап	4 этап
Конформность ($\chi^2=2,36$; $p=0,50$)	7,00	6,56	5,35	5,84
Традиции ($\chi^2=2,49$; $p=0,48$)	8,75	9,33	8,21	8,61
Доброта ($\chi^2=1,15$; $p=0,76$)	3,81	4,11	3,09	3,24
Универсализм ($\chi^2=5,11$; $p=0,16$)	7,25	7,11	6,26	6,11
Самостоятельность ($\chi^2=2,07$; $p=0,56$)	1,69	1,56	2,88	2,26
Стимуляция ($\chi^2=0,82$; $p=0,84$)	6,31	6,67	7,68	7,97
Гедонизм ($\chi^2=0,73$; $p=0,87$)	3,63	4,67	5,76	4,71
Достижения ($\chi^2=7,83$; $p=0,049$)	3,44	3,78	3,12	4,03
Власть ($\chi^2=6,51$; $p=0,089$)	8,50	7,11	8,68	8,89
Безопасность ($\chi^2=12,52$; $p=0,0058$)	4,63	4,11	3,97	3,26

и действиях, творческая инициатива и исследовательская активность. При этом значимым компонентом ценностного самоопределения студенчества является ориентация на позитивные взаимодействия с другими людьми, обеспечение процветания значимого социального окружения. Среди отвергаемых ценностей чаще всего обнаруживаются ценности власти и традиций. Для студентов оказывается не столь значимо следовать традиционным нормам и идеалам, поддерживать устоявшиеся идеи и обычаи. Они не придают высокую значимость возможностям доминирования над людьми, контроля и управления их поведением.

Сравнительный анализ с помощью медианного теста показал наличие достоверных различий по рангам ценности *достижения* на общей выборке исследований. На уровне тенденций отмечаются различия в рангах ценности *власть*. Обе ценности теряют свое значение по мере цифровой трансформации общества. Сравнительный анализ рангов ценностей в исследованиях, которые проведены по выборкам студентов, обучающихся в крупнейших городах России с населением более 1 млн человек (первая группа) и в российских городах с меньшим населением (вторая группа), обнаруживает, что существенные трансформации происходят в ценностном самоопределении студентов первой группы. Так, обнаружены достоверные различия по ранговым значениям ценностей *универсализм* ($\chi^2=11,16$; $p=0,011$), *достижения* ($\chi^2=13,09$; $p=0,0044$), *безопасность* ($\chi^2=7,87$; $p=0,049$).

На уровне тенденции обнаруживаются различия в рангах ценности *стимуляция* ($\chi^2=6,61$; $p=0,0854$). По мере экспансии цифровых технологий в жизненную среду человека для студентов, обучающихся в мегаполисах, теряют

приоритетность достижения личного успеха, наращивание собственных компетенций (средние ранги: 1 этап – 2,00; 2 этап – 2,50; 3 этап – 2,71; 4 этап – 4,58), а также стремление к новизне, поиску новых впечатлений и глубоких переживаний (средние ранги: 1 этап – 5,25; 2 этап – 6,80; 3 этап – 6,88; 4 этап – 7,83). Вместе с тем для новых поколений студентов, обучающихся в мегаполисах, приобретают большую значимость понимание и терпимость, общая социальная культура и принятие ее многообразия в меняющемся мире (средние ранги: 1 этап – 7,00; 2 этап – 8,00; 3 этап – 6,29; 4 этап – 5,17) наряду с безопасностью, стабильностью общества и взаимоотношений (средние ранги: 1 этап – 5,75; 2 этап – 3,40; 3 этап – 5,00; 4 этап – 4,08). Таким образом, происходит поворот в ценностном самоопределении от индивидуальных ценностей к приоритетам коллективного сосуществования. При этом у студентов, обучающихся в больших и средних городах России, такой трансформации не обнаруживается.

Далее мы провели частотный анализ вхождения ценностей в приоритетные (1–3 ранги значимости) и наименее значимые (8–10 ранги значимости). Результаты показывают, что на разных этапах информатизации общества менялись и позиции ценностей в предпочтениях студентов (рис. 1).

Ценности *стимуляция* и *традиции* обнаруживались в числе ведущих ценностей преимущественно на первом этапе информатизации общества, второй этап связан с наличием в числе приоритетов ценностей *самостоятельность* и *власть*, а на третьем и четвертом этапах среди приоритетных ценностей чаще оказывались ценности *конформность* и *универсализм*. Сравнение частот с использованием критерия χ^2 Пирсона позволило выявить достоверные

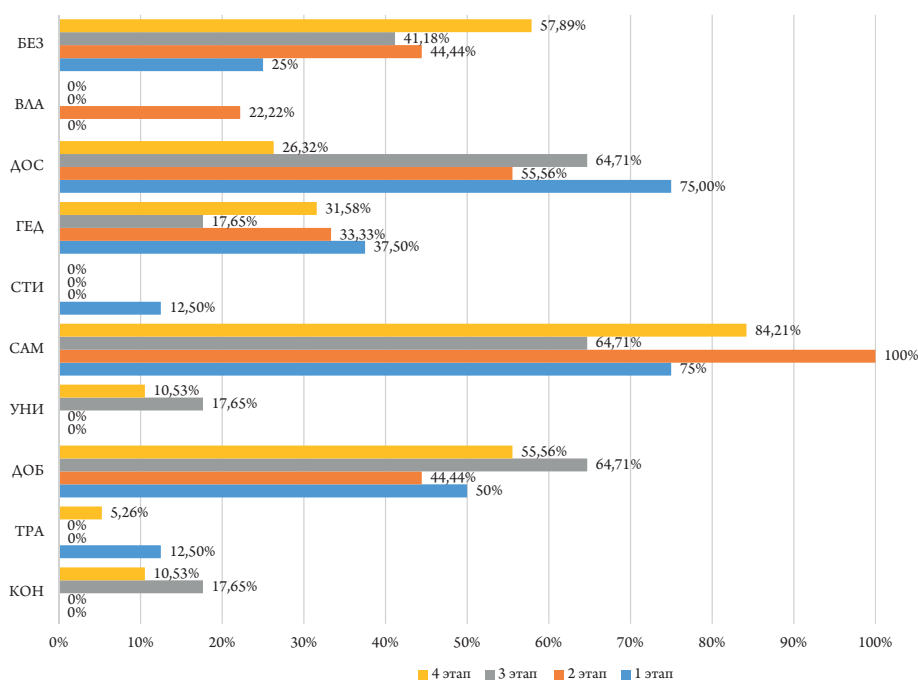

Рис. 1. Частота вхождения ценностей в состав доминирующих в исследованиях на выборках российских студентов по этапам информатизации: КОН – конформность; ТРА – традиции; ДОБ – доброта; УНИ – универсализм; САМ – самостоятельность; СТИ – стимуляция; ГЕД – гедонизм; ДОС – достижения; ВЛА – власть; БЕЗ – безопасность
Fig. 1. Frequency of values that dominate in Russian students by stages of digitalization (upwards): Conformity; Tradition; Benevolence; Universalism; Self-Direction; Stimulation; Hedonism; Achievement; Power; Security

различия в частотном распределении по группам ценностей студентов на разных этапах информатизации общества. Были обнаружены значимые различия в частотах ценностей *стимуляция* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$) и *достижения* ($\chi^2=12,94$; $p=0,044$). По обеим ценностям снижается частота их попадания в число приоритетных. Так, если на первом этапе информатизации общества 75 % публикаций обозначали присутствие ценности *достижения* в составе приоритетных, то на четвертом этапе подобные результаты отмечаются уже только в 26,32 % исследований. Ценность *стимуляция* была отмечена в числе ведущих только в одном исследовании, проведенном в 2005 г. на выборке студентов из Старого Оскола (первый этап). Общей тенденцией оценивания значимости этой ценности стало существенное увеличение исследований, показывающих ее присутствие в группе наименее значимых, к четвертому этапу информатизации общества (1 этап – 25,00 %; 2 этап – 33,33 %; 3 этап – 64,71 %; 4 этап – 78,95 %).

Выявлены достоверные различия в частотном распределении ценностей и в сопоставляемых группах студентов. В исследованиях, проведенных на выборках студентов, обучающихся в мегаполисах, обнаружены значимые различия в частоте присутствия в уровневых группах ценностей *универсализм* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$), *стимуляция* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$) и *достижения* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$). Как было уже отмечено выше, ценность *универсализм* возрастает и чаще оказывается в числе приоритетных, тогда как ценности *стимуляция* и *достижения* реже попадают в группы приоритетных и значимых. В исследованиях, выполненных на выборках студентов, обучающихся в больших, средних и малых городах, выявлены достоверные различия по ценностям *универсализм* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$) и *власть* ($\chi^2=12,38$; $p=0,049$). Интересно, что ценность *универсализм* для студентов, обучающихся в провинциальных

городах, практически не входит в группу приоритетных, однако ее присутствие в группе значимых ценностей возрастает от 50 % до 75 % всех проведенных исследований к четвертому этапу информатизации общества. По мере экспансии цифровых технологий в группах приоритетных и значимых ценностей существенно реже встречается ценность *власть*, прочно укрепляясь в группе наименее значимых ценностей (до 91,67 % исследований на 4 этапе). Итак, в трансформации ценностного самоопределения студентов значимую роль играет территориальный фактор, чье значение во многом связано с различными темпами социальных изменений в центре и на периферии страны.

Значимость территориального фактора была определена и в ходе сравнения ранговых значений ценностей в российских и зарубежных исследованиях. Культурные различия становятся очевидными при рассмотрении частотного распределения ценностей по значимости в группах исследований, выполненных в разных странах (рис. 2). Российские студенты чаще придают доминирующее значение ценностям *достижения*, *традиции* и *безопасность*. Студенты, проживающие в восточных странах, чаще склонны ставить в качестве приоритетов ценности *доброта* и *универсализм*, тогда как студенты, проживающие в странах Запада, чаще оценивают наивысшим образом ценности *стимуляция*, *гедонизм* и *власть*.

Медианный тест позволил обнаружить достоверные различия в значимости большинства ценностей для студентов разных стран: *доброта* ($\chi^2=19,50$; $p=0,0002$), *универсализм* ($\chi^2=24,71$; $p<0,0001$), *стимуляция* ($\chi^2=7,68$; $p=0,049$), *гедонизм* ($\chi^2=13,62$; $p=0,0035$), *достижения* ($\chi^2=17,49$; $p=0,0006$) и *безопасность* ($\chi^2=15,52$; $p=0,0014$). На уровне тенденций обнаружены уровневые различия в оценке значимости ценности *власть* ($\chi^2=6,81$; $p=0,078$). Среди исследований, выполненных на выборках российских

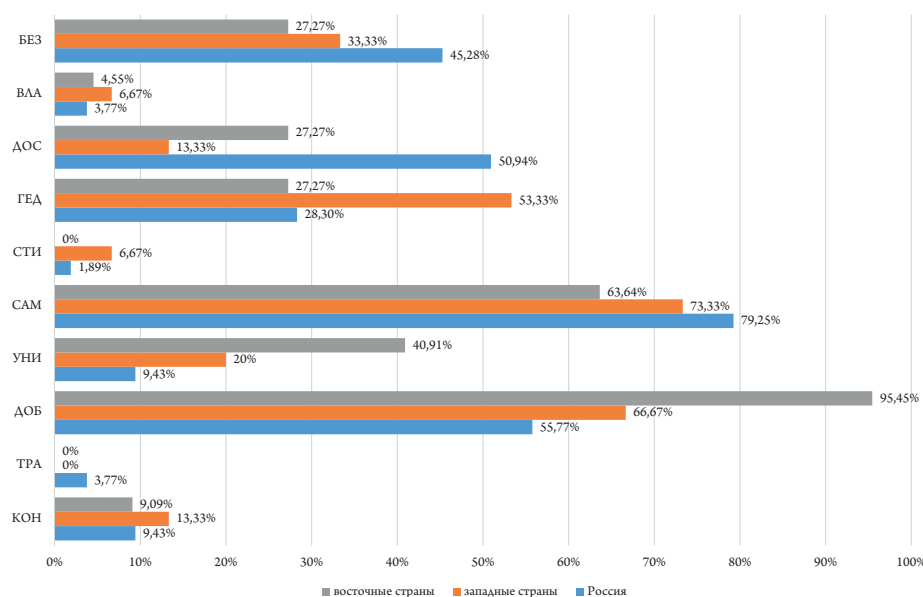

Рис. 2. Частота вхождения ценностей в состав доминирующих в исследованиях на выборках студентов из различных стран: КОН – конформность; ТРА – традиции; ДОБ – доброта; УНИ – универсализм; САМ – самостоятельность; СТИ – стимуляция; ГЕД – гедонизм; ДОС – достижения; ВЛА – власть; БЕЗ – безопасность
Fig. 2. Frequency of values in foreign students (upwards): Conformity; Tradition; Benevolence; Universalism; Self-Direction; Stimulation; Hedonism; Achievement; Power; Security

студентов, чаще обнаруживается большая значимость ценности *достижения*, тогда как исследования, выполненные на выборках студентов западных стран, показывают большую значимость для студентов доброты, стимуляции и гедонизма. Исследования, выполненные в восточных странах, демонстрируют большую значимость для студентов ценностей *универсализм* и *безопасность*. Интересно, что ценность *власть*, хоть и является одной из наиболее отвергаемых ценностей, вне зависимости от страны проживания студента, больше отвергается в странах Запада и Востока, тогда как на постсоветском пространстве оценивается более позитивно. В целом профиль предпочтения ценностей в исследованиях студентов стран бывшего СССР, включая Россию, отличается высоким уровнем схожести.

Мы провели анализ обобщенных ценностей, рассмотренных в работах Ш. Шварца как биполярные ортогональные шкалы (открытость изменениям – консерватизм; самотрансцендентность – самовозвышение). На рис. 3 представлено распределение ценностного самоопределения студентов на различных этапах информатизации общества в России и других странах. Полученные результаты указывают на наличие сходного тренда в трансформации ценностей студентов как в России, так и за рубежом. По мере широкой экспансии цифровых технологий в жизненную среду человека увеличивается значимость ценностей сохранения и самотрансцендентности.

Заключение

Культурные ценности выступают в качестве фундамента и мировоззренческих ориентиров в координации деятельности любой социальной общности [102]. Являясь индикаторами исторического этапа развития общества, они тем самым несут на себе отпечаток ключевых смыслов

бытия человека в предметном, социальном и ментальном мире. Эволюция системы ценностных ориентаций определенной социальной группы отражает сменяющиеся тенденции отношения человека к природе, технологиям, другим людям и самому себе. В данном исследовании преследовалась цель, связанная с определением характера изменений в ценностном самоопределении российского студенчества на различных этапах информатизации общества на основе мета-анализа данных исследований, опубликованных за двадцатилетний период. Исследование показало, что на всех рассматриваемых этапах в качестве ключевых ценностных ориентиров студенты выбирают самостоятельность в мышлении и действиях, творческую инициативу и исследовательскую активность, позитивные взаимодействия с другими людьми, обеспечение процветания значимого социального окружения. Неизменным остается и отвержение ценностей, связанных с доминированием над людьми, контролем и управлением их поведением, ориентацией на традиционные каноны поведения и соблюдением устоявшегося социального порядка и обычаев. Вместе с тем обнаружены различия в ценностном самоопределении студентов на различных этапах информатизации общества. Теряют свою привлекательность для студентов индивидуалистические ценности, проявляющиеся в стремлении наращивать свои компетенции, обретать уверенность в своих возможностях достигать успеха и высокого социального статуса. Подобные результаты свидетельствуют о сохранении ценностной антиномичности молодых людей [103; 104], проявляющейся в предпочтении самостоятельности, но снижении значимости ее результативности в форме личного успеха; предпочтении созидания позитивных отношений с другими людьми, но отказе от традиционных форм социального взаимодействия.

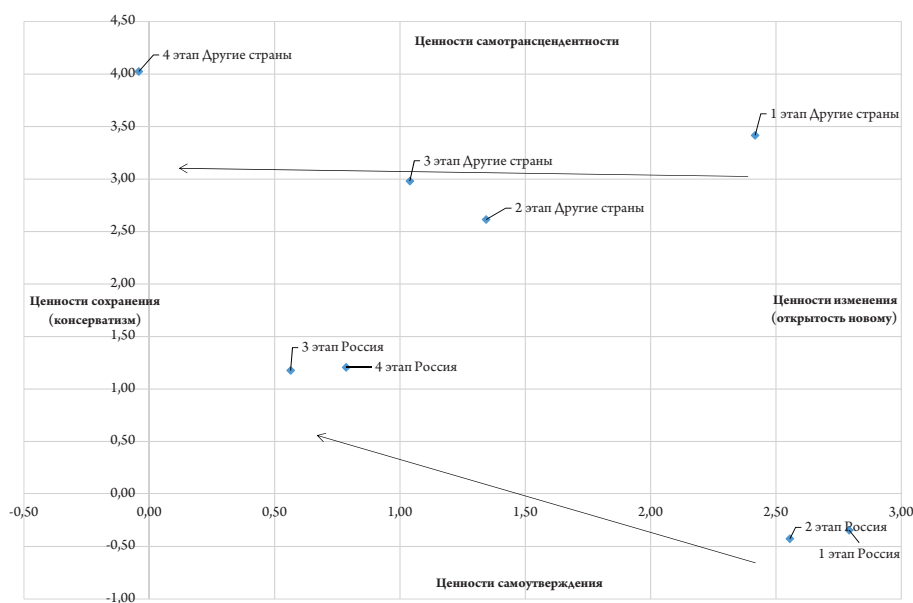

Рис. 3. Динамика ценностного самоопределения студентов в пространстве ключевых ценностных измерений
 Fig. 3. Dynamics of students' value self-determination in the space of key value dimensions

Мета-анализ ценностного самоопределения студентов позволил продемонстрировать значимость территориального фактора. Были показаны различия в темпах и содержании изменений в предпочтениях ценностей студентов, обучающихся в мегаполисах и других российских городах. Подобные процессы во многом определяются ритмами социальных изменений в больших городах. Являясь наиболее восприимчивыми к любым социальным новациям, мегаполисы оказываются эпицентрами технологических преобразований, вызывая тем самым и изменения в способах мировосприятия, характера адаптации человека к жизненной среде [105]. В этом плане большее число изменений в ценностях студентов, обучающихся в мегаполисах, характеризует специфику трансформации социального самочувствия и ценностного отношения молодежи к быстро меняющимся условиям жизни.

Стоит отметить, что характер трансформации ценностного самоопределения как российских студентов, так и студентов других стран отличается сходными трендами. На первых этапах развития Интернет-технологий студенчество ориентировалось в своем самоопределении на ценности изменений, открытости новому опыту, что может свидетельствовать об ожидании позитивных перемен, улучшения качества жизни в связи с появлением новых технологий, оптимистическом отношении к будущему. При этом для российских студентов большее значение имели ценности самоутверждения, определяющие настрой на возможности развития собственной компетентности, усиления эго, достижения контроля над событиями и другими людьми. Однако по мере развития Интернета и цифровых технологий большее значение приобретали ценности сохранения, консерватизма, что может быть связано с нарастанием технопессимизма, усилением напряженности и тревоги, обусловленных ростом энтропии и неопределенности, информационным бумом и снижением предсказуемости грядущих событий. Движение в сторону предпочтения консервативных ценностей может быть связано со стремлением сохранить хотя бы иллюзию стабильности в быстро меняющемся мире. По Л. В. Бaeвой, ценности являются ответом личности на ключевые вызовы бытия [103, с. 75], и усиление значимости консервативных ценностей может свидетельствовать о возрастающей потребности студентов

в поддержке их жизненной самореализации формализованными социальными институтами и гарантиями со стороны общества. В условиях нестабильного, хаотичного и сложного мира (VUCA-мир), ошибочности, а порой и невозможности прогнозов [106] особую значимость приобретают стабильность социального договора, целенаправленные действия по строительству оптимального со-бытия путем укрепления формализованных и неформальных социальных структур. Это подтверждается и вторым трендом в трансформации ценностного самоопределения российских студентов, который проявляется в переходе от ценностей самоутверждения к ценностям самотрансцендентности. Наблюдается смещение к ценностям коллективизма и сохранения позитивных отношений с другими людьми, тогда как ценности, определенные потребностями в доминировании над другими людьми и укреплении собственного эго, теряют свою привлекательность.

Проведенное мета-аналитическое исследование имеет ряд ограничений. Первое из них связано с тем, что российские исследователи придерживаются разных методологических и методических подходов к измерению ценностного самоопределения личности. Ценностный опросник Ш. Шварца стал популярным инструментом в России только после 2004 г., что также ограничивает число опубликованных исследований на первых этапах информатизации общества. Второе ограничение определено недостаточным доступом к социально-демографическим данным студентов, входящих в выборки исследования. Такая ситуация не позволяет в полной мере выявить факторы, опосредующие характер трансформации ценностного самоопределения российского студенчества. В целом представляется перспективным изучение подобных факторов на выборках современных российских студентов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31539 опн.

Литература

1. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 269 с.
2. Мартынов Д. С. Виртуальные ценности как фактор формирования политического сознания российского политического интернет-сообщества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 33–40.
3. Бесчасная А. А. Исследование префигуративных аспектов современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. № 4. С. 297–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401>
4. Gee J. P. Semiotic social spaces and affinity spaces: from *The Age of Mythology* to today's schools // *Beyond communities of practice: Language power and social context* / eds. D. Barton, K. Tusting. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 214–232. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610554.012>

5. Войскунский А. Е. Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 21–39. <https://doi.org/10.31429/26190567-21-1-21-39>
6. Войскунский А. Е. Психология киберсреды: два исследовательских подхода // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития / отв. ред. В. И. Панов. Курск: Университетская книга, 2020. С. 439–443. <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00101>
7. Алдашева А. А., Апреликова Н. Р., Гаврина Е. Е., Журавлев А. Л., Зиновьева Е. В., Зуев К. Б., Китов А. А., Китов М. А., Китова Д. А., Ковалева Ю. В., Костригин А. А., Костромина С. Н., Латынов В. В., Моргун А. Н., Москвичева Н. Л., Нургазина Г. Е., Олейник Ю. Н., Побоккин П. А., Пятаева О. А., Селиванов В. В., Симакова Т. А., Сорочинский П. В., Урусова Е. А., Хусяинов Т. М., Шейнов В. П. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы. М.: ИП РАН, 2020. 503 с. <https://doi.org/10.38098/soc.2020.89.12.001>
8. Кучинский В. Ф., Спирина Т. П. Теоретические основы экономической информатики. СПб.: НИУ ИТМО, 2014. 90 с.
9. Проект Ю. Л., Богдановская И. М., Королева Н. Н. Развитие сетевых технологий как фактор трансформаций жизненного пространства современного человека // Universum: Вестник Герценовского университета. 2014. № 1. С. 89–96.
10. Прохоров А., Коник Л. Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. 2-е изд., испр. и доп. М.: КомНьюс Групп, 2019. 368 с.
11. Нестеров В. Ю., Нестерова Е. И. Карнавальная составляющая как один из факторов коммуникативного феномена чатов (1999) // Cyberpsy. 10.09.2017. Режим доступа: https://cyberpsy.ru/articles/carnival_internet_chats/ (дата обращения: 14.10.2021).
12. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
13. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3–15.
14. Журавлева Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: ИП РАН, 2006. 334 с.
15. Inglehart R. Modernization and postmodernization: cultural economic, and political change in 43 societies. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. 464 p.
16. Андреева Г. М. Психология социального познания. 2. изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
17. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
18. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. № 3. P. 550–562. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.3.550>
19. Schwartz S. H. Basic human values: their content and structure across countries // Valores e Comportamento nas Organizações / eds. A. Tamayo, J. B. Porto. Petrópolis: Vozes, 2005. P. 21–55.
20. Корнилов С. А., Корнилова Т. В. Мета-аналитические исследования в психологии // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 6. С. 5–17.
21. Бороховский Е. Ф., Бернгард Р. М. Количественные синтезы в социальных науках: методология и практика мета-анализа. Часть 1 // Психология. Экономика. Право. 2013. № 2. С. 6–15.
22. Schwartz S. H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: taking a similarities perspective // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32. № 1. P. 268–290. <https://doi.org/10.1177/0022022101032003002>
23. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Helkama K., Andreyeva G. M., Bezmenova I., Manganelli Rattazzi A. M., Niit T., Stetsenko A. Self-esteem and values // European Journal of Social Psychology. 2009. Vol. 39. № 1. P. 40–51. <https://doi.org/10.1002/ejsp.465>
24. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
25. Бякова Н. В. Исследование ценностных ориентаций на первых этапах освоения профессии // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2007. Т. 13. № 3. С. 96–100.
26. Криворучко М. В. Ценности как детерминанты образов идеальной власти в представлениях молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2007. № 2. С. 54–60.
27. Голянич В. М., Грачев С. С. Представление о себе и противнике в системе ценностных ориентиров молодежи // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2007. № 4. С. 160–182
28. Дементий Л. И., Жирикова А. В. Ценности как детерминанта выбора карьерных ориентаций студентами – будущими предпринимателями // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2007. № 2. С. 4–10.

29. Шнуренко Т. И. Ценностные ориентации студенческой молодежи как результат межпоколенной преемственности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2009. 25 с.
30. Сладкомедова М. Ю. Динамика смысловых установок студентов в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Астрахань, 2007. 23 с.
31. Балина Т. Н., Дерипаско Д. А. Личностные детерминанты успеваемости студентов // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 2. С. 78–83.
32. Изотова Е. И., Гармаева Т. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций и степени социализированности в юношеском возрасте // Психологические исследования. 2008. № 1. Режим доступа: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/82-izotova1.html> (дата обращения: 14.10.2021).
33. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Культура как фактор общественного прогресса. М.: Юстицинформ, 2009. 408 с.
34. Голянич В. М., Тулупьева Т. В., Шаповал В. А. Новые подходы к оценке степени ценностного единства личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 3. С. 198–206.
35. Лебедева Н. М. Ценности и отношение к инновациям российских, канадских и китайских студентов // Психология в экономике и управлении. 2010. № 2. С. 59–68.
36. Мирошниченко И. Н. Профессионально-нравственное воспитание студентов в образовательной деятельности вуза: дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011. 216 с.
37. Хухлаев О. Е., Бучек А. А., Зинурова Р. И., Радина Н. К., Тудупова Т. Ц., Хакимов Э. Р. Этнонациональные установки и ценности современной молодежи (на материале исследования студенчества нескольких регионов России) // Культурно-историческая психология. 2011. № 4. С. 97–106.
38. Буравлева Н. А. Ценностные ориентации студентов // Вест. Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 6. С. 124–129.
39. Чеверикина Е. А. Ценностные ориентации студентов, склонных к зависимости от психоактивных веществ // Казанский педагогический журнал. 2011. № 3. С. 91–97.
40. Медведева С. А. Исследование ценностных доминант студентов-менеджеров как условие развития их профессиональных приоритетов // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 1-2. С. 80–84.
41. Бондарук А. Ф. Система ценностных ориентаций курсантов в процессе социально-психологической адаптации к условиям обучения // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13984> (дата обращения: 12.10.2021).
42. Хайбулаева А. Г. Динамика ценностных и смысложизненных ориентаций молодежи в полиэтнической образовательной среде: дис. ... канд. психол. наук. Махачкала, 2015. 194 с.
43. Schwartz S. H., Butenko T. Values and behavior: validating the refined value theory in Russia // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. № 7. P. 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
44. Баширова Т. Н. Ценностные ориентации студентов со склонностью к виктимности // Казанский педагогический журнал. 2013. № 5. С. 6–8.
45. Губин В. А., Огородникова Т. Г. Особенности ценностей студентов на этапе обучения в вузе в условиях моногорода // Приволжский научный вестник. 2013. № 10. С. 91–100.
46. Maercker A., Zhang X. C., Gao Z., Kochetkov Y., Lu S., Sang Z., Yang S., Schneider S., Margraf J. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: a three-culture study of Chinese, Russian, and German university students // International Journal of Clinical and Health Psychology. 2015. Vol. 15. № 1. P. 8–17. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2014.06.001>
47. Далгатов М. М., Давудова А. Р. Особенности личностных ценностей студентов с разным атрибутивным стилем // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 4. С. 5–9.
48. Petrova V. F. Religious identity and value systems of future preschool teachers // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. Vol. 11. № 6. P. 1117–1125. <https://doi.org/10.12973/ijese.2016.381a>
49. Соловьева Е. М., Заусенко И. В. Ценности и карьерные ориентации студентов педагогического вуза // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 3. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20248> (дата обращения: 12.10.2021).
50. Степанова Г. С. Содержательные аспекты рассогласования ценностных ориентаций будущих педагогов // Акмеология. 2015. № 3. С. 152–153.
51. Ячина Н. П., Шишова Е. О. Формирование общекультурных компетенций будущего учителя в условиях реализации инновационной модели педагогического образования // Образование и саморазвитие. 2016. № 2. С. 86–93.
52. Курочкина С. В. Ценностные ориентации студентов-участников инновационных форм занятости (на примере студентов ЯрГУ им. П. Г. Демидова) // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. Т. 22. № 3. С. 148–151.

53. Муртазина И. Р. Ценностно-смысловые факторы изменения жизненной ситуации (на примере выбора обучения в другом городе) // Мир науки. 2016. Т. 4. № 2. <http://mir-nauki.com/PDF/51PSMN216.pdf> (дата обращения: 13.10.2021).
54. Малахаева С. К., Уварова М. Ю., Кедярова Е. А. Исследование ценностных ориентаций российских студентов, обучающихся в Китае // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 4. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).8](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).8)
55. Разногладова Е. А., Дагбаева С. Б. Взаимосвязь ценностных ориентаций и компонентов социальной идентичности студентов // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 83–89.
56. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
57. Муращенкова Н. В. Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 77–93. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
58. Евдокимова А. С. Ценностные ориентации студенческой молодежи как фактор экономической социализации личности // Психолог. 2019. № 6. С. 17–26. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2019.6.31384>
59. Баистракова Н. С., Мухлынина О. В., Чубракова Е. В. Социально психологические установки и ценностные ориентации цифрового поколения // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2019. Т. 1. № 1. С. 43–50.
60. Ряжкин А. О. Ценностно-смысловая сфера студентов с различным уровнем успешности учебной деятельности в вузе // Человеческий капитал. 2019. № 9. С. 147–154. <https://doi.org/10.25629/НС.2019.09.16>
61. Богданович Н. В., Щеткина Е. И., Борисова А. А., Шевцова Н. А., Моисеева А. П. Особенности ценностно-смысловой сферы у студентов в период обучения в вузе // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2. С. 232–249. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090216>
62. Рягузова Е. В., Чинчевич Е. В. Ценностные профили современных студентов и преподавателей: согласованность или разрыв? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 3. С. 315–321. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>
63. Пахомова Я. Н., Пономарева И. В. Исследование культурных ценностей и выученной беспомощности студентов-мигрантов из Центральной Азии // Человеческий капитал. 2020. № 12. С. 99–107. <https://doi.org/10.25629/НС.2020.12.10>
64. Худякова Е. В. Анализ ценностных ориентаций современной молодежи // Развитие современных инновационных технологий и методик в образовательных учреждениях / отв. ред. Г. М. Федосимов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. С. 101–106.
65. Егоров И. В., Наумова Д. В., Павленко Т. А., Рассказова И. Н. Система ценностей девушек-студенток педагогических вузов с разным уровнем антисоциальной креативности // Перспективы науки и образования. 2021. № 3. С. 375–389. <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.26>
66. Овчарова Р. В. Взаимосвязь базовых ценностей и типов эмоциональной направленности личности студентов университета // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 7-2. С. 138–142. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.109.7.061>
67. Лимонцева Г. В. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи // Научное мнение. 2018. № 4. С. 60–66.
68. Баева И. А., Гаязова Л. А., Кондакова И. В., Лактионова Е. Б. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25. № 6. С. 5–18. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250601>
69. Павлова К. Н., Дагбаева С. Б. Особенности ценностных ориентаций студенческой молодежи (на примере г. Читы) // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 386–391.
70. Виганд А. М., Костригин А. А. Ценности молодежи с различной направленностью политической активности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 1. С. 16–32. <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-1-16-32>
71. Lindeman M, Verkasalo M. Measuring values with the short Schwartz's value survey // Journal of Personality Assessment. 2005. Vol. 85. № 2. P. 170–178. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8502_09
72. Feather N., McKee I. R. Values and prejudice: predictors of attitudes to Australian Aborigines // Australian Journal of Psychology. 2008. Vol. 60. № 2. P. 80–90. <https://doi.org/10.1080/00049530701449513>
73. Lan G., Gowing M., McMahon Sh., Rieger F., King N. A study of the relationship between personal values and moral reasoning of undergraduate business students // Journal of Business Ethics. 2008. Vol. 78. № 1. P. 121–139. <https://doi.org/10.1007/s10551-006-9322-z>
74. Cleveland M., Erdoğan S., Arıkan G., Poyraz T. Cosmopolitanism, individual-level values and cultural-level values: a cross-cultural study // Journal of Business Research. 2011. Vol. 64. № 9. P. 934–943. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2010.11.015>

75. Myyry L., Juujärvi S., Pessa K. Empathy, perspective taking and personal values as predictors of moral schemas // *Journal of Moral Education*. 2010. Vol. 39. № 2. P. 213–233. <https://doi.org/10.1080/03057241003754955>
76. Myyry L., Juujärvi S., Pessa K. Change in values and moral reasoning during higher education // *European Journal of Developmental Psychology*. 2013. Vol. 10. № 2. P. 269–284. <https://doi.org/10.1080/17405629.2012.757217>
77. Arnaudova V., Angeloska-Galevska N., Mustafa A. Value orientation of students from Teaching Faculties // *Yildiz international conference on Educational Research and Social Sciences Proceedings Book*. Pegem Academy, 2014. P. 329–341.
78. Nguyen K., Stanley N., Rank A., Stanley L., Wang Y. Relationship among storytelling, values, and resilience of college students from Eastern and Western cultural backgrounds // *The Journal of Poetry Therapy*. 2016. Vol. 29. № 2. P. 73–88. <https://doi.org/10.1080/08893675.2016.1176162>
79. Hanel P. H. P., Wolfardt U. The 'dark side' of personal values: Relations to clinical constructs and their implications // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 97. P. 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
80. Balakrishnan A., Plouffe R. A., Saklofske D. H. What do sadists value? Is honesty-humility an intermediary? Replicating and extending findings on the link between values and "dark" personalities // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 109. P. 142–147. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.055>
81. Papastylianou D., Lampridis E. Social values priorities and orientation towards individualism and collectivism of Greek university students // *Journal of Beliefs & Values*. 2016. Vol. 37. № 1. P. 40–54. <https://doi.org/10.1080/13617672.2016.1141528>
82. Huertas-Delgado F. J., Gómez López-Quinones L., Caballero Mariscal D., Tejero Olmedo R., García Jiménez E., Reyes Ruiz de Peralta N. Spanish teacher education students' values and satisfaction with life // *International Journal of Educational Psychology*. 2020. Vol. 9. № 1. P. 24–54. <https://doi.org/10.17583/ijep.2020.4143>
83. Maciuszek J., Polczyk R., Tucholska K. Direct and indirect relationships between life satisfaction, values, and time perspectives: Research on a sample of Polish students // *Advances in Cognitive Psychology*. 2019. Vol. 15. № 2. P. 133–142. <https://doi.org/10.5709/acp-0263-0>
84. Kaptan G., Shiloh S., Önköl D. Values and risk perceptions: a cross-cultural examination // *Risk Analysis*. 2013. Vol. 33. № 2. P. 318–332. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2012.01875.x>
85. Joshanloo M., Ghaedib G. Value priorities as predictors of hedonic and eudaimonic aspects of well-being // *Personality and Individual Differences*. 2009. Vol. 47. № 4. P. 294–298. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.03.016>
86. Dirilen-Gumus O., Buyuksahin-Sunal A. Gender differences in Turkish undergraduate students' values // *Sex Roles*. 2012. Vol. 67(9-10). P. 559–570. <https://doi.org/10.1007/s11199-012-0197-4>
87. Zhang K. C., Hui C. H., Lam J., Lau E. Y. Y., Cheung S., Mok D. S. Y. Personal spiritual values and quality of life: evidence from Chinese college students // *Journal of Religion and Health*. 2014. Vol. 53. № 4. P. 986–1002. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9686-1>
88. Isa A. A. M., Yusoff A. Reception of personal values among Muslim undergraduates in UNITEN // *International Journal of Asian Social Science*. 2014. Vol. 4. № 2. P. 334–342.
89. Çalışkan H., Sapmaz F., Uzunkol E. Value preferences of university students as predictors of life goals // *Social Indicators Research*. 2015. Vol. 124. P. 111–125. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0778-4>
90. Bilican F. I., Yapici A., Kutlu M. O. A value model for depressive symptoms and hopelessness among university students in Turkey // *Educational Sciences: Theory & Practice*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 1397–1418. <https://doi.org/10.12738/estp.2016.4.0112>
91. Bernardo A. B. I., Clemente J.-A. R., Nalipay M. J. N. What personal value types are associated with beliefs on the social value of religion? // *Psychological Studies*. 2016. Vol. 61. P. 170–180. <https://doi.org/10.1007/s12646-016-0359-5>
92. Tunç G. Ç., Yılmaz D., Özyazıcıoğlu N. Determination of the personal values of the university students in different department // *Journal of Religion and Health*. 2018. Vol. 59. № 3. P. 1189–1200. <https://doi.org/10.1007/s10943-018-0676-1>
93. Gullu M. Examining the values of students in the physical education and sport departments // *Educational Research and Reviews*. 2016. Vol. 11. № 19. P. 1812–1822. <https://doi.org/10.5897/ERR2016.2996>
94. Izadpanah M. A., Rakhshandehroo F., Eslami M., Shaker M. Value orientation and willingness to communicate: the case of Iranian university students // *Language Teaching Research Quarterly*. 2018. Vol. 5. P. 30–44. <https://doi.org/10.32038/ltrq.2018.05.02>
95. Bozkurt V., Gülerce H. Values and violence endorsement among college students in Turkey // *Insan & Toplum: the journal of humanity and society*. 2019. Vol. 9. № 4. P. 115–132. <https://dx.doi.org/10.12658/M0323>
96. Kagan M., Shabden M. B., Bulatbayeva A. A. Comparison of value orientations of university students in Kazakhstan and Turkey // *Journal of Educational Sciences*. 2019. Vol. 60. № 3. P. 41–50. <https://doi.org/10.26577/JES-2019-3-p4>
97. Медянова Е. В. Когнитивные составляющие как фактор развития ценностной сферы личности студента-медика: дис. ... канд. психол. наук. Одесса, 2013. 267 с.

98. Яценко Т. Е. Ценностные ориентации будущих педагогов как фактор обеспечения психологической безопасности образовательной среды // Довгирдовские чтения IV: тенденции духовно-нравственного развития современного общества: мат-лы Междунар. науч. конф. (Минск, 16–17 мая 2013 г.) Минск: Право и экономика, 2013. С. 393–395.
99. Кондратенко И. В., Могилевская В. Ю. Особенности ценностных ориентаций студентов // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. А. Н. Толстого. 2013. № 3. С. 109–117.
100. Струнина Н. Н., Руденок З. Г. Анализ ценностного компонента культурной компетентности личности современного студента // Психологический вademecum: психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в учреждениях различного типа / отв. ред. С. Л. Богомаз, В. А. Каратерзи. Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2015. С. 133–138.
101. Толеубекова Р. К., Аманова А. К. Ценностные ориентации как часть профессиональной компетентности будущих специалистов в сфере образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 113–118. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2016.23.113>
102. Ростовская Т. К., Калиев Т. Б. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.
103. Баева Л. В. Ценности молодежи «эпохи перемен»: взгляд из России // Sociologica. 2007. 2-1. С. 74–81.
104. Дулина Н. В., Стризов А. А. Современные студенты России в пространстве традиционных и либеральных ценностей (на примере Волгограда) // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 г.) Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 492–497.
105. Гончаров С. А., Чукуров А. Ю., Королева Н. Н., Проект Ю. А. Современный полиэтничный город как пространство угроз и возможностей: антропологические изменения жизненной среды современного мегаполиса // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2017. № 5. С. 18–26.
106. Иванова С. В., Иванов О. Б. Устойчивое развитие в неустойчивом мире: образовательный аспект // Ценности и смыслы. 2021. № 3. С. 6–26. <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-3-6-26>

review article

Axiological Identity of Russian Students at Different Stages of Social Digitalization: a Meta-Analysis

Anastasia V. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

Valeria V. Khoroshikh

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0001-7116-0042>

Yuliya L. Proekt

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia,
St. Petersburg; <https://orcid.org/0000-0002-1914-9118>;
proekt.jl@gmail.com

Received 16 Nov 2021. Accepted after peer review 7 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: Social informatization and virtualization are changing the living environment and life values. The article introduces a meta-analysis of the axiological identity of Russian students at various stages of the social digitalization. The authors selected sources, defined their relevance based on the inclusion and exclusion criteria, and performed their qualitative and quantitative analysis. The sample included 90 publications, 53 of which featured Russian students. The resulting trends in the axiological identity of Russian students were compared with foreign studies. The research revealed the following developmental trends in the life values of Russian students: individualistic values are giving way to collective ones, and conservative values are becoming more and more significant.

Keywords: meta-analysis, Russia, digital technologies, Internet, values, transformation

Citation: Miklyaeva A. V., Proekt Yu. L., Khoroshikh V. V. Axiological Identity of Russian Students at Different Stages of Social Digitalization: a Meta-Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 958–975. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-958-975>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project number 21-011-31539 opn.

References

1. Volodenkov S. V. *Internet communications in the global space of contemporary political management*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2015, 269. (In Russ.)
2. Martyanov D. S. Virtual values as a factor in the formation of political consciousness of the Russian Internet society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political science. International Relations*, 2015, (4): 33–40. (In Russ.)
3. Beschasnaya A. A. Research of modern childhood's prefigurative aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2019, 12(4): 297–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401>
4. Gee J. P. Semiotic social spaces and affinity spaces: from The Age of Mythology to today's schools. *Beyond communities of practice: Language power and social context*, eds. Barton D., Tusting K. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 214–232. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511610554.012>
5. Voiskounsky A. E. Cyberpsychology: the modern stage of development. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2020, 21(1): 21–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-21-1-21-39>
6. Voiskounsky A. E. Psychology of cyber environments: two research approaches. *Ecopsychological research-6: ecology of childhood and psychology of sustainable development*, ed. Panov V. I. Kursk: Universitetskaia kniga, 2020, 439–443. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/9999-044A-2020-00101>
7. Aldasheva A. A., Aprelikova N. R., Gavrina E. E., Zhuravlev A. L., Zinovieva E. V., Zuev K. B., Kitov A. A., Kitov M. A., Kitova D. A., Kovaleva Yu. V., Kostigrina A. A., Kostromina S. N., Latynov V. V., Morgun A. N., Moskvicheva N. L., Nurgazina G. E., Oleynik Yu. N., Pobokin P. A., Pyataeva O. A., Selivanov V. V., Simakova T. A., Sorochinskiy P. V., Urusova E. A., Khusyanov T. M., Sheinov V. P. *Psychological research of global processes: preconditions, trends, and prospects*. Moscow: IP RAN, 202, 503. (In Russ.) <https://doi.org/10.38098/soc.2020.89.12.001>
8. Kuchinskii V. F., Spirina T. P. *Theoretical foundations of economic informatics*. St. Petersburg: NIU ITMO, 2014, 90. (In Russ.)
9. Proekt Yu. L., Bogdanovskaya I. M., Koroleva N. N. The development of network technologies as a factor in the transformation of the living space of modern man. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2014, (1): 89–96. (In Russ.)
10. Prokhorov A., Konik L. *Digital transformation. Analysis, trends, and world experience*, 2nd ed. Moscow: KomNius Grup, 2019, 368. (In Russ.)
11. Nesterov V. Iu., Nesterova E. I. Carnival component as one of the factors of communicative phenomenon of chats (1999). *Cyberpsy*, 10 Sep 2017. Available at: https://cyberpsy.ru/articles/carnival_internet_chats/ (accessed 15 Oct 2021). (In Russ.)
12. Voiskounsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Alternative identity in social networks. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2013, (1): 66–83. (In Russ.)
13. Asmolov A. G., Asmolov G. A. From We-media to I-media: transformation of identity in the virtual world. *Voprosy psikhologii*, 2009, (3): 3–15. (In Russ.)
14. Zhuravleva N. A. *The dynamics of value orientations of a person in Russian society*. Moscow: IP RAN, 2006, 334. (In Russ.)
15. Inglehart R. *Modernization and postmodernization: cultural economic, and political change in 43 societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997, 464.
16. Andreeva G. M. *The psychology of social cognition*, 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2000, 288. (In Russ.)
17. Inglehart R., Welzel K. *Modernization, cultural change, and democracy. The human development sequence*. Moscow: Novoe izd-vo, 2011, 464. (In Russ.)
18. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, 53(3): 550–562. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.53.3.550>
19. Schwartz S. H. Basic human values: their content and structure across countries. *Valores e Comportamento nas Organizações*, eds. Tamayo A., Porto J. B. Petrópolis: Vozes, 2005, 21–55.
20. Kornilov S. A., Kornilova T. V. Meta-analytic studies in psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2010, 31(6): 5–17. (In Russ.)
21. Borohovski E. F., Bernard R. M. Quantitative syntheses in social sciences: methodology and practice of meta-analysis. Part 1. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo*, 2013, (2): 6–15. (In Russ.)
22. Schwartz S. H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: taking a similarities perspective. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2001, 32(1): 268–290. <https://doi.org/10.1177/0022022101032003002>

23. Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Helkama K., Andreyeva G. M., Bezmenova I., Manganelli Rattazzi A. M., Niit T., Stetsenko A. Self-esteem and values. *European Journal of Social Psychology*, 2009, 39(1): 40–51. <https://doi.org/10.1002/ejsp.465>
24. Karandashev V. N. *Schwartz methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance*. St. Petersburg: Rech, 2004, 70. (In Russ.)
25. Byakova N. V. Value orientations at the first stages of mastering the profession. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2007, 13(3): 96–100. (In Russ.)
26. Krivoruchko M. V. Values as determinants of images of ideal power in the perceptions of young people. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2007, (2): 54–60. (In Russ.)
27. Golyanich V. M., Grachev S. S. Representation of oneself and the adversary in the system of value orientations of youth. *Administrative consulting*, 2007, (4): 160–182. (In Russ.)
28. Dementiy L. I., Zhirikova A. V. Values as a determinant of choice of career orientations by students as future entrepreneurs. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2007, (2): 4–10. (In Russ.)
29. Shnurenko T. I. *Value orientations of student youth as a result of intergenerational continuity*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Kursk, 2009, 25. (In Russ.)
30. Sladkomedova M. Iu. *The dynamics of the semantic attitudes of students in the process of studying at the university*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Astrakhan, 2007, 23. (In Russ.)
31. Balina T. N., Deripasko D. A. Personal determinants of student performance. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniia i ekonomiki*, 2008, (2): 78–83. (In Russ.)
32. Izotova E. I., Garmaeva T. V. Interrelation of valuable orientations and socialization degree in youth. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2008, (1). Available at: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2008n1-1/82-izotova1.html> (accessed 14 Oct 2021). (In Russ.)
33. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Culture as a factor of social progress*. Moscow: Iustitsinform, 2009, 408. (In Russ.)
34. Golyanich V. M., Tulupyeva T. V., Shapoval V. A. New approaches to an evaluation of personal value consensus. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, (3): 198–206. (In Russ.)
35. Lebedeva N. M. Values and the relation to innovations of the Russian, Canadian and Chinese students. *Psychology in Economics and Management*, 2010, (2): 59–70. (In Russ.)
36. Miroshnichenko I. N. *Professional and moral education of students in the educational activities of the university*. Cand. Ped. Sci. Diss. St. Petersburg, 2011, 216. (In Russ.)
37. Khukhlaev O. Ye., Buchek A. A., Zinurova R. I., Radina N. K., Tudupova T. Ts., Khakimov E. R. Ethnonational attitudes and values of present-day youth. *Cultural-Historical Psychology*, 2011, (4): 97–106. (In Russ.)
38. Buravleva N. A. Value orientations of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (6): 124–129. (In Russ.)
39. Cheverikina E. A. Value orientations of students prone to addiction to psychoactive substances. *Kazan pedagogical journal*, 2011, (3): 91–97. (In Russ.)
40. Medvedeva S. A. Research of valuable dominants of students-managers as development condition their professional priorities. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1-2): 80–84. (In Russ.)
41. Bondaruk A. F. The system of value orientations of cadets in the process of socio-psychological adaptation to training. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2014, (4). Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13984> (accessed 12 Oct 2021). (In Russ.)
42. Khaybulaeva A. G. *Dynamics of value and life-meaning orientations of young people in a multi-ethnic educational environment*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Makhachkala, 2015, 194. (In Russ.)
43. Schwartz S. H., Butenko T. Values and behavior: validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology*, 2014, 44(7): 799–813. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2053>
44. Bashirova T. N. Value orientations of students with a tendency to victimization. *Kazan pedagogical journal*, 2013, (5): 6–8. (In Russ.)
45. Gubin V. A., Ogorodnikova T. G. Characteristic features of students values in the conditions of a monocity. *Privolzhskiy nauchniy vestnik*, 2013, (10): 91–100. (In Russ.)
46. Maercker A., Zhang X. C., Gao Z., Kochetkov Y., Lu S., Sang Z., Yang S., Schneider S., Margraf J. Personal value orientations as mediated predictors of mental health: a three-culture study of Chinese, Russian, and German university students. *International Journal of Clinical and Health Psychology*, 2015, 15(1): 8–17. <https://doi.org/10.1016/j.ijchp.2014.06.001>
47. Dalgatov M. M., Davudova A. R. Personal values characteristics of the students with different attributional style. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, 2017, 11(4): 5–9. (In Russ.)
48. Petrova V. F. Religious identity and value systems of future preschool teachers. *International Journal of Environmental & Science Education*, 2016, 11(6): 1117–1125. <https://doi.org/10.12973/ijese.2016.381a>

49. Soloveva E. M., Zausenko I. V. Values and career orientations of pedagogical university students. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (3). Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=20248> (accessed 12 Oct 2021). (In Russ.)
50. Stepanova G. S. Substantive aspects of disagreement value systems of future teachers. *Akmeologiya*, 2015, (3): 152–153. (In Russ.)
51. Yachina N. P., Shishova E. O. Formation of general cultural competencies of the future teacher in the context of the implementation of the innovative model of pedagogical education. *Education and Self-Development*, 2016, (2): 86–93. (In Russ.)
52. Kurochkina S. V. Values of participating in innovative forms of employment (in terms of students of Demidov Yaroslavl State University). *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 2016, 22(3): 148–151. (In Russ.)
53. Murtazina I. R. Axiological factors of change in the reality situation (as an example of the choice of education in another city). *World of Science*, 2016, 4(2). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/51PSMN216.pdf> (accessed 13 Oct 2021). (In Russ.)
54. Malakhayeva S. K., Uvarova M. Yu., Kedyarova E. A. Research of value orientations of Russian students studying in China. *Baikal Research Journal*, 2017, 8(4). (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8\(4\).8](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2017.8(4).8)
55. Raznogliadova E. A., Dagbaeva S. B. Interrelation of value orientations and components of students' social identity. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki*, 2017, (2): 83–89. (In Russ.)
56. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (72): 46–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
57. Muraschenkova N. V. Interrelation of values and emigration intentions of student's youth of Smolensk. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2021, 12(1): 77–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/sps.2021120106>
58. Evdokimova A. S. Value orientations of student youth as a factor of economic socialization. *Psychologist*, 2019, (6): 17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2019.6.31384>
59. Bastrakova N. S., Mukhlynina O. V., Chubrakova E. V. Social psychological attitudes and value orientations of the digital generation. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera*, 2019, 1(1): 43–50. (In Russ.)
60. Ryazhkin A. O. Value and semantic sense sphere of students with various level of success of educational activities at the university. *Human capital*, 2019, (9): 147–154. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2019.09.16>
61. Bogdanovich N. V., Shchetkina E. I., Borisova A. A., Shevtsova N. A., Moiseeva L. P. Features of the value-semantic sphere of students in the period of study at the university. *Psikhologiya i pravo*, 2019, 9(2): 232–249. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090216>
62. Ryaguzova E. V., Chinchevich E. V. Value profiles of modern students and teachers at university: consistensus or gap? *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, 20(3): 315–321. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-315-321>
63. Pakhomova Ya. N., Ponomareva I. V. Study of cultural values and learned helplessness of migrant students from Central Asia. *Human capital*, 2020, (12): 99–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.25629/HC.2020.12.10>
64. Khudyakova E. V. Analysis of value orientations of modern youth. *Development of modern innovative technologies and techniques in educational institutions*, ed. Fedosimov G. M. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2021, 101–106. (In Russ.)
65. Egorov I. V., Naumova D. V., Pavlenko T. A., Rasskazova I. N. Value system of female students studying at pedagogical universities with different levels of antisocial creativity. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2021, (3): 375–389. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2021.3.26>
66. Ovcharova R. V. The relationship between the basic values and types of emotional orientation of the personality of university students. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2021, (7-2): 138–142. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.109.7.061>
67. Limontseva G. V. Value orientations of modern student youth. *Nauchnoe mnenie*, 2018, (4): 60–66. (In Russ.)
68. Baeva I. A., Gayazova L. A., Kondakova I. V., Laktionova E. B. Psychological security and values in adolescents and young people. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2020, 25(6): 5–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.17759/pse.2020250601>
69. Pavlova K. N., Dagbaeva S. B. Features of student youth value orientations (using the example of Chita). *Problems of modern pedagogical education*, 2021, (70-4): 386–391. (In Russ.)
70. Vigand A. M., Kostargin A. A. Values of youth with different political activities. *Vestn. pedagog. psiol. Ūzn. Sib.*, 2021, (1): 16–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2303-9744-2021-1-16-32>

71. Lindeman M, Verkasalo M. Measuring values with the short Schwartz's value survey. *Journal of Personality Assessment*, 2005, 85(2): 170–178. https://doi.org/10.1207/s15327752jpa8502_09
72. Feather N., McKee I. R. Values and prejudice: predictors of attitudes to Australian Aborigines. *Australian Journal of Psychology*, 2008, 60(2): 80–90. <https://doi.org/10.1080/00049530701449513>
73. Lan G., Gowing M., McMahon Sh., Rieger F., King N. A study of the relationship between personal values and moral reasoning of undergraduate business students. *Journal of Business Ethics*, 2008, 78(1): 121–139. <https://doi.org/10.1007/s10551-006-9322-z>
74. Cleveland M., Erdoğan S., Arıkan G., Poyraz T. Cosmopolitanism, individual-level values and cultural-level values: a cross-cultural study. *Journal of Business Research*, 2011, 64(9): 934–943. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2010.11.015>
75. Myyry L., Juujärvi S., Pessa K. Empathy, perspective taking and personal values as predictors of moral schemas. *Journal of Moral Education*, 2010, 39(2): 213–233. <https://doi.org/10.1080/03057241003754955>
76. Myyry L., Juujärvi S., Pessa K. Change in values and moral reasoning during higher education. *European Journal of Developmental Psychology*, 2013, 10(2): 269–284. <https://doi.org/10.1080/17405629.2012.757217>
77. Arnaudova V., Angeloska-Galevska N., Mustafa A. Value orientation of students from Teaching Faculties. *Yildiz international conference on Educational Research and Social Sciences Proceedings Book*. Pegem Academy, 2014. 329–341.
78. Nguyen K., Stanley N., Rank A., Stanley L., Wang Y. Relationship among storytelling, values, and resilience of college students from Eastern and Western cultural backgrounds. *The Journal of Poetry Therapy*, 2016, 29(2): 73–88. <https://doi.org/10.1080/08893675.2016.1176162>
79. Hanel P. H. P., Wolfardt U. The 'dark side' of personal values: Relations to clinical constructs and their implications. *Personality and Individual Differences*, 2016, 97: 140–145. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.045>
80. Balakrishnan A., Plouffe R. A., Saklofske D. H. What do sadists value? Is honesty-humility an intermediary? Replicating and extending findings on the link between values and "dark" personalities. *Personality and Individual Differences*, 2017, 109: 142–147. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.055>
81. Papastyliaou D., Lampridis E. Social values priorities and orientation towards individualism and collectivism of Greek university students. *Journal of Beliefs & Values*, 2016, 37(1): 40–54. <https://doi.org/10.1080/13617672.2016.1141528>
82. Huertas-Delgado F. J., Gómez López-Quinones L., Caballero Mariscal D., Tejero Olmedo R., García Jiménez E., Reyes Ruiz de Peralta N. Spanish teacher education students' values and satisfaction with life. *International Journal of Educational Psychology*, 2020, 9(1): 24–54. <https://doi.org/10.17583/ijep.2020.4143>
83. Maciuszek J., Polczyk R., Tucholska K. Direct and indirect relationships between life satisfaction, values, and time perspectives: Research on a sample of Polish students. *Advances in Cognitive Psychology*, 2019, 15(2): 133–142. <https://doi.org/10.5709/acp-0263-0>
84. Kaptan G., Shiloh S., Önköl D. Values and risk perceptions: a cross-cultural examination. *Risk Analysis*, 2013, 33(2): 318–332. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6924.2012.01875.x>
85. Joshanloo M., Ghaedib G. Value priorities as predictors of hedonic and eudaimonic aspects of well-being. *Personality and Individual Differences*, 2009, 47(4): 294–298. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.03.016>
86. Dirilen-Gumus O., Buyuksahin-Sunal A. Gender differences in Turkish undergraduate students' values. *Sex Roles*, 2012, 67(9-10): 559–570. <https://doi.org/10.1007/s11199-012-0197-4>
87. Zhang K. C., Hui C. H., Lam J., Lau E. Y. Y., Cheung S., Mok D. S. Y. Personal spiritual values and quality of life: evidence from Chinese college students. *Journal of Religion and Health*, 2014, 53(4): 986–1002. <https://doi.org/10.1007/s10943-013-9686-1>
88. Isa A. A. M., Yusoff A. Reception of personal values among Muslim undergraduates in UNITEN. *International Journal of Asian Social Science*, 2014, 4(2): 334–342.
89. Çalışkan H., Sapmaz F., Uzunkol E. Value preferences of university students as predictors of life goals. *Social Indicators Research*, 2015, 124: 111–125. <https://doi.org/10.1007/s11205-014-0778-4>
90. Bilican F. I., Yapici A., Kutlu M. O. A value model for depressive symptoms and hopelessness among university students in Turkey. *Educational Sciences: Theory & Practice*, 2016, 16(2): 1397–1418. <https://doi.org/10.12738/estp.2016.4.0112>
91. Bernardo A. B. I., Clemente J.-A. R., Nalipay M. J. N. What personal value types are associated with beliefs on the social value of religion? *Psychological Studies*, 2016, 61: 170–180. <https://doi.org/10.1007/s12646-016-0359-5>
92. Tunç G. Ç., Yılmaz D., Özyazıcıoğlu N. Determination of the personal values of the university students in different department. *Journal of Religion and Health*, 2018, 59(3): 1189–1200. <https://doi.org/10.1007/s10943-018-0676-1>
93. Gullu M. Examining the values of students in the physical education and sport departments. *Educational Research and Reviews*, 2016, 11(19): 1812–1822. <https://doi.org/10.5897/ERR2016.2996>

94. Izadpanah M. A., Rakhshandehroo F., Eslami M., Shaker M. Value orientation and willingness to communicate: the case of Iranian university students. *Language Teaching Research Quarterly*, 2018, 5: 30–44. <https://doi.org/10.32038/ltrq.2018.05.02>
95. Bozkurt V., Gülerce H. Values and violence endorsement among college students in Turkey. *Insan & Toplum: the journal of humanity and society*, 2019, 9(4): 115–132. <https://dx.doi.org/10.12658/M0323>
96. Kagan M., Shabden M. B., Bulatbayeva A. A. Comparison of value orientations of university students in Kazakhstan and Turkey. *Journal of Educational Sciences*, 2019, 60(3): 41–50. <https://doi.org/10.26577/JES-2019-3-p4>
97. Medyanova E. V. *Cognitive components as a factor in the development of the value sphere of the personality of a medical student*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Odessa, 2013, 267. (In Russ.)
98. Yatsenko T. E. Value orientations of future teachers as a factor in ensuring the psychological safety of the educational environment. *Dovgirdov Readings IV: trends in the spiritual and moral development of modern society*: Proc. Intern. Sci. Conf., Minsk, 16–17 May 2013. Minsk: Pravo i ekonomika, 2013, 393–395. (In Russ.)
99. Kondratenko I. V., Mogilevskaya V. Yu. Features students value orientations. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2013, (3): 109–117. (In Russ.)
100. Strunina N. N., Rudenok Z. G. Analysis of the value component of the cultural competence of the personality of a modern student. *Psychological vademecum: psychological and pedagogical support of the academic process in institutions of various types*, eds. Bogomaz S. L., Karaterzi V. A. Vitebsk: VGU im. P. M. Masherova, 2015, 133–138. (In Russ.)
101. Toleubekova R. K., Amanova A. K. Value orientations as part of professional competence future specialists in education. *The Science of Person: Humanitarian Researches*, 2016, (1): 113–118. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2016.23.113>
102. Rostovskaya T. K., Kaliev T. B. *Value orientations of modern youth: features and trends*. Moscow: RUSAINS, 2019, 228. (In Russ.)
103. Baeva L. V. Values of the youth of the "era of change": a view from Russia. *Socioloska Luca*, 2007, (2-1): 74–81. (In Russ.)
104. Dulina N. V., Strizoe A. L. Modern students of Russia in the space of traditional and liberal prices (on the example of Volgograd. *XXI Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 15–16 Mar 2018. Ekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2018, 492–497. (In Russ.)
105. Goncharov S. A., Chukurov A. Yu., Koroleva N. N., Proekt Yu. L. Modern multi-ethnic megalopolis as the space of threats and possibilities: anthropological dimensions of the living environment of modern metropolis. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2017, (5): 18–26. (In Russ.)
106. Ivanova S. V., Ivanov O. B. Sustainable development in an unsustainable world (educational aspect). *Tsennosti i smysly*, 2021, (3): 6–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2071-6427-2021-3-6-26>

оригинальная статья

Оценка сформированности биоэтического сознания студентов (на материале обучающихся Пермского государственного национального исследовательского университета)

Любава Олеговна Пузырёва

Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Россия, Пермь; <https://orcid.org/0000-0002-3248-9133>; puzireva.l@gmail.com

Светлана Юрьевна Жданова

Пермский государственный национальный исследовательский
университет, Россия, Пермь; <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Поступила в редакцию 26.10.2021. Принята после рецензирования 24.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Анализируются существующие эмпирические исследования различных аспектов биоэтического сознания. Отмечается недостаток комплексного исследования биоэтического сознания различных групп населения. Для решения данной проблемы было проведено специальное эмпирическое исследование, посвященное оценке сформированности компонентов биоэтического сознания у студентов. Исследование является частью проекта, нацеленного на восполнение дефицита научных знаний по проблеме биоэтики и биоэтического сознания, изучение актуального уровня развития и формирование более углубленного, структурированного, развернутого биоэтического сознания. Цель – выявить общие тенденции, закономерности, структурно-содержательные компоненты биоэтического сознания, а также оценить уровень сформированности биоэтического сознания у студентов. В исследовании приняли участие 155 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета. Для диагностики показателей сформированности биоэтического сознания студентов была использована анкета, созданная на основании работ Ю. А. Евельсон и О. В. Евусяк и адаптированная для исследования широкой студенческой аудитории. Определены структурные компоненты биоэтического сознания: содержательно-когнитивный, мотивационно-коммуникативный и рефлексивно-деятельностный. Выявлен средне-низкий уровень развития компонентов биоэтического сознания у студентов, что является отправной точкой для дальнейшего исследования и создания программы формирования более глубокого, содержательно наполненного биоэтического сознания.

Ключевые слова: биоэтика, уровни сформированности, компоненты биоэтического сознания, содержательно-когнитивный компонент, мотивационно-коммуникативный компонент, рефлексивно-деятельностный компонент

Цитирование: Пузырёва Л. О., Жданова С. Ю. Оценка сформированности биоэтического сознания студентов (на материале обучающихся Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 976–984. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-976-984>

Введение

В мировом сообществе отмечается возрастание требований к молодым специалистам и в целом к подготовке высококвалифицированных кадров. Мировые процессы повлияли и на систему образования в России, где в настоящее время акцент ставится на практическую ориентацию учебного процесса и компетентностный подход в обучении. Высокая квалификация и компетентность специалиста подразумевает моральную ответственность в профессиональной сфере перед собой, коллективом и общественностью, что закреплено в ряде универсальных и общепрофессиональных компетенций учебных программ.

Проблемы нравственно-этического и морального характера, особенности человеческих взаимоотношений, связь общества и биосферы, сохранение равновесия экосистемы, применимость и правомерность открытий и достижений всегда являлись первостепенными вопросами в развитии знания. Современные исследования отличают тенденции к междисциплинарности, проблемной ориентации, к одновременной интеграции и дифференциации знания. Закономерное

появление относительно новой научной сферы биоэтики способствовало решению большого числа актуальных исследовательских вопросов и определению нравственных ориентиров не только научной работы, но и деятельности человека в принципе. Однако, несмотря на активное обращение исследователей к проблемам биоэтики, недостаточно изученной остается сфера биоэтического сознания и актуальные вопросы формирования биоэтического сознания у представителей разных групп населения.

Формирование биоэтического сознания и биоэтической культуры выступает в этом контексте важным условием обеспечения достойного выполнения профессиональных обязанностей будущих специалистов. В работах О. А. Семеновой [1], И. В. Силуяновой [2], Л. Б. Ляуш и др. [3] показано, что развитое биоэтическое сознание, включающее в себя биоэтическое мировоззрение и выработку практических навыков принятия моральных решений, является важным и необходимым условием формирования профессиональных компетенций современного специалиста.

Актуальность исследования обусловлена также и процессами глобализации, расширения взаимосвязи и влияния различных культур, повсеместного внедрения новых технологий во все сферы жизни человеческого общества, интеграции новых взглядов на фундаментальные проблемы бытия [4–9]. Формирование биоэтического сознания человека необходимо для понимания принципов глобальной этики, осознания того, что люди являются неотъемлемой частью биосферы, играют важную роль в защите друг друга, других форм жизни и планеты в целом.

Исследователи отмечают, что в настоящее время наблюдается дефицит научных работ по вопросам использования педагогического потенциала биоэтики в образовании [10]. Вместе с тем изучение значимости и особенностей формирования биоэтического сознания студентов как будущих специалистов и профессионалов имеет высокое теоретическое и практическое значение для современной отечественной педагогики и психологии.

В разное время к проблемам изучения различных аспектов биоэтического сознания и к вопросам его формирования обращались в своих работах И. В. Силуянова [2], Л. Б. Ляуш и др. [3], Ю. А. Евельсон [12; 13], О. В. Евусяк [13], О. А. Семенова [1; 14], Т. Г. Светличная и др. [15], С. Н. Чемидронов и О. Ю. Айдумова [16], Ш. Н. Шахбанов [17–20] и Э. Б. Сайпуева [18; 19]; А. Н. Магомедова и Л. Н. Харченко [10; 21; 22]. А. М. Островский и И. Н. Коляда [4].

Характеризуя степень представленности исследуемой проблемы в научной литературе, следует отметить, что в современной науке наблюдается повышенный интерес ученых к исследованиям ценностных ориентаций биоэтического характера как идейных оснований профессионального поведения и деятельности работников в сфере медицинской практики; биоэтических представлений о живом и возможностях медицинских манипуляций с ним у студентов медицинских университетов; отношения студентов-медиков к основным проблемам биоэтики; биоэтического воспитания и создания биоэтически ориентированной социокультурной среды вуза. Однако данные аспекты изучаются изолированно, в качестве предметов исследований выступают разные аспекты и грани проблемы биоэтического сознания.

Так, работа Ю. А. Евельсон посвящена проблеме формирования биоэтических ценностей студентов медицинских вузов как идейных оснований будущей профессиональной деятельности. Проводя теоретический анализ проблемы содержания понятия *ценностные ориентации*, автор называет особенности ценностей медицинских работников и выделяет три компонента: смысловой, эмоциональный и поведенческий. Это позволяет автору наполнить их контекст биоэтическим содержанием и описать биоэтические ценности медицинских работников. Вместе с тем отмечается недостаток эмпирического изучения наполненности и сформированности ценностей биоэтической направленности [12].

Анализируя концепции биоэтики и биомедицинской этики, О. А. Семенова делает вывод о цели обогащения биоэтических знаний студентов медицинских ВУЗов, что заключается в формировании комплекса знаний и практических навыков предупреждения и разрешения нравственных дилемм. В работе приведен пример программы, которая направлена на формирование биоэтической культуры студентов. Обогащение биоэтического сознания, согласно автору, призвано обеспечивать развитие личностных качеств, необходимых для достойного выполнения профессиональных обязанностей с учетом морально-этических и ценностно-правовых принципов биоэтики [14].

Феномен биоэтического воспитания рассматривается и описывается на основе теоретического анализа, проведенного Ш. Н. Шахбановым и Э. Б. Сайпуевой, которые понимают под биоэтическим воспитанием совокупность педагогических условий, воспитательной среды, субъектов, содержания воспитания и процесса в пространстве образовательного учреждения, направленного на формирование качеств личности биоэтической направленности. Выделены признаки биоэтического воспитания, сделан акцент на позитивных влияниях и благотворных, в теории, результатах внедрения биоэтического воспитания в образование [19].

В исследовании А. Н. Магомедовой и Л. Н. Харченко вводится научная категория *биоэтическое воспитание*, трактуемая авторами как психолого-педагогический процесс, который направлен на формирование биоэтических моральных качеств личности и реализуется непрерывно на разных ступенях образовательной системы. Авторами сделан вывод о необходимости внедрения целенаправленного биоэтического воспитания в образовательных учреждениях как основы формирования мировоззрения и возможности построения успешной будущей деятельности [10].

А. М. Островский и И. Н. Коляда изучили биоэтические представления студентов и рассматривают биоэтическое мировоззрение в ключе методологической основы выработки у студентов медицинских специальностей практических навыков решения экзистенциальных и метафизических проблем человеческого бытия. Результаты данного исследования показали отсутствие у студентов на начальных этапах обучения сформированной системы биоэтических представлений и возрастание осознанности в данной сфере соответственно курсу обучения. Но несмотря на выявленные факторы, влияющие на динамику формирования биоэтических представлений (пол, социальный статус, экономическое положение, политические взгляды, религиозные убеждения и др.), сделан вывод о недостаточной изученности данной сферы, что требует углубления и расширения исследований в данном направлении [4].

Анализ литературы показал, что чаще всего проблемы биоэтики и аспекты биоэтического сознания изучаются в связи с профессиями медицинской направленности.

Можно заключить, что на сегодняшний день нет четко определенного и устоявшегося определения понятия

биоэтическое сознание. Данная категория существует, скорее, как область актуальных вопросов, анализ которых позволяет говорить о функциях, которые она выполняет. В. В. Сергеев и др. предлагают понимать биоэтическое сознание как «область сознания, которая в обобщенной форме отражает действительность в форме биоэтических знаний, оценочных отношений к биоэтике и практике реализации ее законов, принципов и правил, моральных установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение разумного и нравственного человека в ситуациях морального выбора, связанного с его вмешательством в процессы жизнедеятельности» [23, с. 9].

Мы понимаем биоэтическое сознание как все биоэтические знания человека, отношение человека к обширному кругу проблем биоэтики и сформированный в сознании субъекта образ биоэтики как области знания, отношение человека к внедрению и применению законов биоэтики, правил и принципов, нравственные и моральные ценности и этичность действия и поведения.

Осмысление постоянно возникающих новых проблем биоэтического характера, необходимость адекватной оценки профессиональных проблем и принятия взвешенных аргументированных решений обуславливает необходимость изучения биоэтического сознания в первую очередь у молодежи. Кроме того, молодежь, являясь достаточно широкой социальной группой, непосредственно и активно включена в процессы модернизации и стабилизации общества, отношений, производства, науки, а также является индикатором происходящих перемен и основой формирования будущих инноваций в обширном ряде отраслей. Воспитание молодежи остается одной из приоритетных задач государства, где формирование биоэтического сознания является необходимым звеном гармоничного развития личности, способной реализовать во всех сферах общественной жизни, включая профессиональную.

Таким образом, целостное исследование биоэтического сознания, а не его компонентов изолированно друг от друга, с позиции специалистов разного профиля подготовки на данный момент отсутствует и требует комплексного решения.

Материалы и методы

Цель настоящей работы состояла в изучении особенностей биоэтического сознания студентов и оценке его сформированности. В задачи исследования входило также определение структурно-содержательных компонентов биоэтического сознания, значимости и перспектив его развития.

В исследовании приняли участие 155 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета специальностей естественно-научного и гуманитарного циклов в возрасте 17–25 лет (средний возраст – 19,5 лет). Исследование проводилось в сентябре-декабре 2020 г. В группу вошли 31 юноша (20 %) и 124 девушки (80 %) с филологического, философско-социологического, географического, химического

факультетов и факультета современных иностранных языков и литератур 1, 3 и 5 курсов обучения.

Для диагностики показателей сформированности биоэтического сознания студентов была использована анкета, созданная на основании анкеты Ю. А. Евельсон и О. В. Евусяк и адаптированная для исследования широкой студенческой аудитории [13; 24].

Для количественной обработки результатов исследования были подсчитаны частоты ответов респондентов по всем показателям анкеты.

Результаты

На первом этапе были выделены структурно-содержательные компоненты биоэтического сознания студентов. На основании анализа исследования Ю. А. Евельсон [24] и полученных нами данных с помощью модификации анкеты «Биоэтическая направленность студентов» были выделены следующие компоненты биоэтического сознания студентов: содержательно-когнитивный, мотивационно-коммуникативный, рефлексивно-деятельностный. В зависимости от степени выраженности показателей для каждого компонента выделены уровни проявления сформированности биоэтического сознания: начальный (уровень представления), базовый (уровень развития), оптимальный (уровень освоения).

Первичные ответы адаптированной анкеты были перекодированы в численные значения. Так, нам удалось выявить уровень наполненности и сформированности биоэтического сознания студентов и составляющих его компонентов. После сбора и анализа данных с использованием анкеты в целом по выборке были получены результаты, представленные в таблице.

В целом у студентов отмечается средний уровень сформированности содержательно-когнитивного компонента биоэтического сознания, что выражается в способности выделять общечеловеческие моральные ценности, видеть этические основания профессиональной деятельности, в осознании ответственности научных и медицинских работников перед обществом, в знании современных научных достижений. Однако наблюдается недостаток знаний о сущности биоэтики. Студенты не имеют систематизированных знаний в сфере биоэтики, отождествляют понятия *биоэтика* и *медицинская этика*, не могут описать проблемное поле биоэтики, не осознают общие нравственные основания биоэтики применительно к профессиональной деятельности.

Сформированность содержательно-когнитивного компонента биоэтического сознания обозначает наличие у студентов знаний и представлений о сущности биоэтики и определении основных терминов и понятий, понимание сущности гуманизма профессий, понимание нравственного компонента «биоэтического» и высших общечеловеческих моральных ценностей, а также способность к соотношению вышеуказанного с собственной деятельностью и повседневностью.

Табл. Показатели сформированности содержательно-когнитивного компонента биоэтического сознания студентов

Tab. Development indicators of the content-cognitive component of bioethical awareness in university students

Уровень сформированности знаний	Группа знаний	Показатель
Низкий	ЗБ – знание о сущности биоэтики, умение дать определения биоэтики;	1,5
Средний	ЗЦ – знание витальных и моральных ценностей, соотнесение с профессией	3,4
	ГП – знание о гуманизме профессий, умение назвать его проявления	3,4
	ЦД – знание о целях и назначении профессии	3,5
Высокий	ОТ – знание об ответственности и долге в профессиональной сфере	3,8

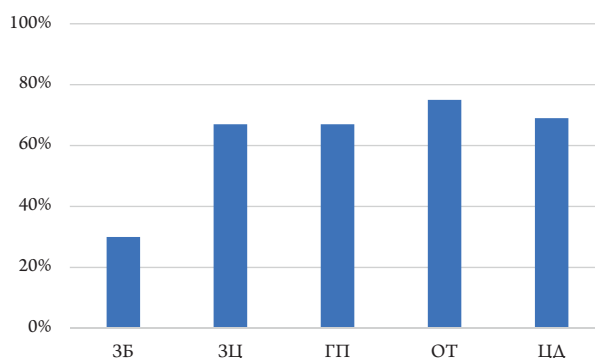

Рис. 1. Результаты выявления у студентов показателей содержательно-когнитивного компонента: ЗБ – знание о сущности биоэтики, умение дать определения биоэтики; ЗЦ – знание витальных и моральных ценностей, соотнесение с профессией; ГП – знание о гуманизме профессий, умение назвать его проявления; ОТ – знание об ответственности и долге в профессиональной деятельности; ЦД – знание о целях и назначении профессии

Fig. 1. Content-cognitive component in university students, i.e. knowledge about (left to right): bioethics and its definition; vital and moral values of their future profession; humanism of the profession and its manifestations; professional responsibility and duty; goals of the profession

У студентов наблюдается неравномерное развитие содержательно-когнитивного компонента биоэтического сознания, а его уровень является недостаточным для соответствия требованиям образовательных стандартов, ведь согласно ФГОС студент должен быть готовым брать на себя нравственные обязательства по отношению к природе, обществу и человеку, «уметь ориентироваться в наиболее общих философских проблемах бытия, познания, ценностей, свободы и смысла жизни как основе формирования культуры гражданина и будущего специалиста»¹.

На втором этапе исследования был подробно проанализирован наиболее важный компонент биоэтического сознания – содержательно-когнитивный (рис. 1). Студенты могут в общих чертах охарактеризовать моральные ценности, гуманизм в профессиональной деятельности, назвать признаки гуманного и негуманного отношения, проявления долга и ответственности профессиональной сферы. Неравномерность сформированности содержательно-когнитивного компонента отражает эклектичность знания биоэтики. Большая часть студентов не соотносят свои знания с терминами и понятиями биоэтики и даже не знают о концепте биоэтики на уровне определений. Студентам не хватает целостности и глубины развития биоэтического сознания.

На третьем этапе был проведен анализ двух других компонентов биоэтического сознания. В формировании будущих высококвалифицированных специалистов представляется важным мотивационный компонент биоэтического

сознания. Вместе с тем ни одна деятельность в настоящее время не может осуществляться без коммуникативной составляющей, также выступающей важным звеном биоэтического сознания. Коммуникация в профессиональной деятельности во многом детерминирована наличием биоэтических ценностей у человека, которые обуславливают характеристики общения. Стоит отметить, что ни одна профессиональная деятельность не может быть успешной и эффективной без рефлексивной составляющей.

Мотивационно-коммуникативный компонент биоэтического сознания предполагает осознание ценностных оснований профессиональной деятельности, наличие у студентов мотивации к развитию у себя гуманистической нравственной позиции, понимание и принятие нравственных и моральных основ, направленность на продуктивное и уважительное взаимодействие с другими людьми, умение инициировать и поддерживать социальные контакты.

На рис. 2 представлены показатели сформированности мотивационно-коммуникативного компонента биоэтического сознания студентов. Студенты затрудняются объективно оценить свои отношения, мнения, умения и прогнозируемые действия. У студентов наблюдается сниженная мотивация к формированию у себя морально-нравственных качеств в профессиональной деятельности, низкая самооценочность (уверенность в правильности своих действий и совершаемых выборов). Вероятно, это связано с недостаточно сформированным знаниевым компонентом биоэтического сознания. Кроме того, для студентов характерны

¹ Об утверждении ФГОС СПО по специальности 44.02.06 Профессиональное обучение (по отраслям). Приказ Минобрнауки России от 27.10.2014 № 1386 (ред. от 13.07.2021) // СПС КонсультантПлюс.

трудности в поддержании социальных контактов из-за опасения совершить ошибки и отсутствие ориентации на взаимодействие при решении профессиональных задач.

В целом по показателям мотивационно-коммуникативного компонента биоэтического сознания у студентов выявлен средний (базовый) уровень развития, который находится ближе к низкому (начальному) уровню. Начальный уровень сформированности данного компонента биоэтического сознания является обязательным для всех, поскольку у любого человека имеются представления о ценностях, гуманизме, ответственности. Можно предположить, что студенты в ходе анализа и оценки сформированности у себя данного компонента биоэтического сознания выставляли низкие баллы по всем позициям, т. к. умения соответствующей аналитической, рефлексивной деятельности в традиционной учебной деятельности у них не сформировались.

Аналогичные результаты были получены после анализа показателей сформированности рефлексивно-деятельностного компонента биоэтического сознания (рис. 3). Рефлексивно-деятельностный компонент биоэтического сознания проявляется в различных формах учебной деятельности и учитывает готовность к применению этических и моральных норм, сформированность рефлексивных умений по оценке и анализу результатов своей деятельности и желание овладевать биоэтическими ценностями общества и профессиональной деятельности. Уровень сформированности у студентов рефлексивно-деятельностного компонента биоэтического сознания характеризуется как средний, базовый. Данный уровень является основой, фундаментом и первой ступенью для формирования и дальнейшего развития биоэтического сознания и предполагает наличие тенденций к использованию знаний и представлений о биоэтике.

Заключение

Проблемы биоэтики на сегодняшний день являются актуальными и значимыми, они связаны со всеми сферами жизни и деятельности человека. Продуктивное, позитивное, эффективное существование не только человека, но и природы непосредственно зависят от качества биоэтических знаний, принятия и осознания биоэтических ценностей. Формирование биоэтических ценностей и развитие биоэтического сознания целесообразно проводить именно на этапе получения образования, длительного и важного периода социализации человека. Это позволит подготовить специалистов, обладающих личностными качествами и знаниями, способствующими реализации профессиональной деятельности на высоком уровне с соблюдением морально-этических и ценностно-правовых принципов биоэтики.

Реализация биоэтического подхода в образовании и воспитании предполагает формирование этически окрашенного субъективного отношения ко всем проявлениям жизни и соответствующее поведение [13]. Формирование биоэтического сознания и мировоззрения выступает в качестве основы для дальнейшей выработки у студентов

практических навыков решения морально-нравственных, этических проблем профессиональной деятельности. Без прочных систематизированных знаний о сущности биоэтики студент не может в полной мере овладеть необходимой базой ценностных знаний, ценностных отношений и ценностного поведения.

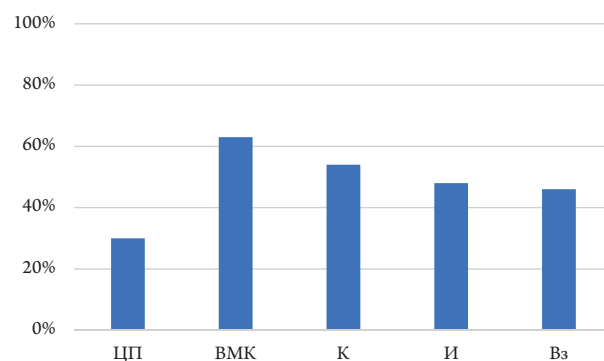

Рис. 2. Результаты выявления у студентов показателей мотивационно-коммуникативного компонента: ЦП – принятие и осознание ценностей профессии; ВМК – воспитание моральных качеств личности; К – знание этики и норм коммуникации; И – принятие индивидуальных проявлений; Вэ – умение выстраивать взаимодействие

Fig. 2. Motivational and communicative component in university students (left to right): acceptance and awareness of the values of their future profession; moral qualities; knowledge of ethics and norms of communication; acceptance of individual manifestations; social interaction

Рис. 3. Результаты выявления у студентов показателей рефлексивно-деятельностного компонента: АФД – участие в активных формах учебной деятельности по освоению биоэтических ценностей, норм, принципов; ЭНД – знание и применение этических норм профессиональной деятельности; РУ – рефлексивные умения анализа результатов своей деятельности; Д – стремление к завоеванию доверия в рамках учебной и профессиональной деятельности; КО – умение давать своим действиям и поступкам объективную и критическую оценку, умение проектировать свое профессиональное развитие

Fig. 3. Reflexive-activity component in university students (left to right): participation in active forms of academic activities; knowledge and application of ethical standards; reflexive skills; ability to gain trust in professional activities; ability to assess their own professional actions and to plan their professional development

Сформированность компонентов биоэтического сознания студентов в целом характеризуется средним уровнем развития. Знания о сущности биоэтики находятся на низком уровне развития. Данный уровень определен как начальный, т. к. означает потенциал и направление дальнейшего развития. Неравномерность сформированности содержательно-когнитивного компонента отражает эклектичность знания биоэтики. Большая часть студентов не соотносят свои знания с терминами и понятиями биоэтики и даже не знают о концепте биоэтики на уровне определений. Студентам не хватает целостности и глубины развития биоэтического сознания. На основании выявленных особенностей представляется возможным создание программы по формированию биоэтического сознания.

Таким образом, теоретический анализ актуального состояния разработки проблем биоэтического сознания показал важность и необходимость его развития у обучающихся широкого профиля подготовки. Высокий уровень его развития, рефлексивное отношение к биоэтическим ценностям, морально-нравственное отношение ко всему живому являются неотъемлемой частью культурного развития человека в целом и значимым звеном профессиональной квалификации в частности. Как было отмечено ранее в исследованиях коллектива авторов под руководством С. Ю. Ждановой, научная актуальность и практическая значимость исследования проблем биоэтического сознания

показывает необходимость комплексного исследования особенностей биоэтического сознания у представителей разных групп населения [6; 25]. В связи с этим полученные в настоящем эмпирическом исследовании выводы расширяют имеющиеся в науке данные относительно биоэтического сознания и вносят вклад в обоснование процесса организации педагогических условий его формирования.

Продолжение эмпирического изучения сформированности биоэтического сознания студентов разных направлений подготовки является актуальной задачей и предпосылкой создания психолого-педагогических условий и технологий. Как справедливо было отмечено Ю. А. Евельсон [24], отсутствие системы биоэтического воспитания на разных этапах становления квалифицированных специалистов может привести к деградации этической составляющей профессиональной деятельности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-413-590009-р-а «Формирование биоэтического сознания жителей Пермского края как фактор устойчивого развития региона».

Литература

1. Семенова О. А. Формирование биоэтической ответственности в профессиональной деятельности у студентов медицинского вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2011. 21 с.
2. Силуянова И. В. О сущности «этического» этических проблем современной медицины // Медицинская этика. 2019. Т. 7. № 1. С. 72–76.
3. Ляуш Л. Б., Сабурова В. И., Силуянова И. В., Сушко Н. А. Мировоззрение и биоэтические представления российских студентов-медиков // Медицинское право и этика. 2002. № 2. С. 67–82.
4. Островский А. М., Коляда И. Н. Сравнительная характеристика «первичных» биоэтических представлений студентов-первокурсников и выпускников медицинского вуза // Проблемы здоровья и экологии. 2020. № 2. С. 124–129.
5. Колосова О. Ю., Вергун Т. В. Социально-философский анализ этики современного этапа цивилизационного развития // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 48–56. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-48-56>
6. Жданова С. Ю., Печеркина А. В., Зарипова Л. З., Пузырёва Л. О. Биоэтика и биоэтическое сознание: актуальные направления исследования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 330–332. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0079>
7. Лузина И. И. Проблемы биоэтики в современной науке: философский аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20. № 3. С. 274–278. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-274-278>
8. Дубровина М. А. Биоэтически ориентированный подход к организации педагогической практики студентов-бакалавров: первое осмысление // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 3. С. 97–103.
9. Летов О. В. Современные проблемы биоэтики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. 2019. № 3. С. 69–75.
10. Магомедова А. Н., Харченко Л. Н. Биоэтическое воспитание личности: принципы, признаки, педагогические условия // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2020. № 3. С. 100–104.
11. Силуянова И. В. Биомедицинская этика в системе медико-биологических знаний // Медицинское право и этика. 2000. № 2. С. 66–75.
12. Евельсон Ю. А. Сущность и структура биоэтических ценностных ориентаций будущих медицинских работников // Система ценностей современного общества. 2010. № 15. С. 250–255.

13. Евельсон Ю. А., Евусьяк О. В. Обеспечение биоэтической направленности профессиональной подготовки студентов-медиков // Среднее профессиональное образование. 2011. № 3. С. 9–12.
14. Семенова О. А. Модель формирования биоэтической ответственности в профессиональной деятельности студентов медицинского вуза // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 219–221.
15. Светличная Т. Г., Чумакова Г. Н., Степанов Е. С., Ларионова Н. С. Характеристика начальных биоэтических представлений обучающихся в медицинском вузе // Экология человека. 2015. № 5. С. 14–20.
16. Чемидронов С. Н., Айдумова О. Ю. Формирование личностных качеств студентов-медиков в рамках проекта совместной социализации воспитанников детских домов // Высшее образование сегодня. 2017. № 1. С. 61–63.
17. Шахбанов Ш. Н. О возможности использования виртуальной дидактической среды в биоэтическом воспитании школьников // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2010. № 6. С. 212–215.
18. Шахбанов Ш. Н., Сайпуева Э. Б. Предпосылки подготовки будущих учителей к биоэтическому воспитанию школьников // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 287–288.
19. Шахбанов Ш. Н., Сайпуева Э. Б. Биоэтическое воспитание личности как философско-социальный и психолого-педагогический феномен // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 60–63.
20. Шахбанов Ш. Н. Подготовка будущих учителей к биоэтическому воспитанию школьников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2015. 22 с.
21. Магомедова А. Н., Харченко Л. Н. Обоснование педагогической категории «биоэтическое воспитание личности в системе образования» // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2. С. 92–94.
22. Магомедова А. Н., Харченко Л. Н. Исследование биоэтических ценностных ориентаций студентов педагогического вуза // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2. С. 199–201.
23. Сергеев В. В., Наследков В. Н., Шмелев И. А., Ильина Е. Р., Купряхин В. А., Антимонов А. В., Аськов Н. Н. Биоэтика. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 240 с.
24. Евельсон Ю. А. Формирование биоэтической направленности ценностных ориентаций будущих медицинских работников: дис. ... канд. пед. наук. Абакан, 2014. 218 с.
25. Пузырёва Л. О., Жданова С. Ю. Проблемное поле изучения биоэтического сознания в современной психологии // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 31. № 1. С. 39–44. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-1-39-44>

original article

Bioethical Awareness in Students of the Perm State National Research University

Lyubava O. Puzireva

Perm State National Research University, Perm, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-3248-9133>; puzireva.l@gmail.com

Svetlana Yu. Zhdanova

Perm State National Research University, Perm, Russia; <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>

Received 26 Oct 2021. Accepted after peer review 24 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: The present review of publications on bioethical awareness demonstrated a lack of a comprehensive, holistic study of bioethical awareness in different population groups. The research featured an empirical study of bioethical awareness in university students. The experiment was part of a big project aimed at filling the gap in scientific knowledge about bioethics and bioethical awareness. The research objective was to identify the current trends and patterns of bioethical awareness in university students. The study involved 155 students of the Perm State National Research University, who answered a modified questionnaire developed by Y. A. Evelson and O. V. Evusyak (2014). The study revealed the following structural components of bioethical awareness: content-cognitive, motivational-communicative, and reflexive-activity. The students showed a low level of bioethical awareness. Further research is needed to design a program for bioethical awareness development.

Keywords: bioethics, levels of formation, components of bioethical consciousness, content-cognitive component, motivational-communicative component, reflexive-activity component

Citation: Puzyreva L. O., Zhdanova S. Yu. Bioethical Awareness in Students of the Perm State National Research University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 976–984. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-976-984>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the scientific project № 19-413-590009 r_a "Formation of bioethical awareness in the population of the Perm Territory as a factor of sustainable development of the region".

References

1. Semenova O. A. *Formation of bioethical responsibility in professional activity among students of a medical university*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2011, 21. (In Russ.)
2. Siluyanov I. V. On the essence of the "ethics" ethical problems of modern medicine. *Medical Ethics*, 2019, 7(1): 72–76. (In Russ.)
3. Lyaush L. B., Saburova V. I., Siluyanov I. V., Sushko N. A. Worldview and bioethical ideas of Russian medical students. *Meditinskoe pravo i etika*, 2002, (2): 67–82. (In Russ.)
4. Ostrovsky A. M., Koliada I. N. Comparative description of "primary" bioethical notions of first-year and final-year medical students. *Problemy zdorov'ya i ekologii*, 2020, (2): 124–129. (In Russ.)
5. Kolosova O. Yu., Vergun T. V. Social and philosophical analysis of the ethics of the modern stage of civilizational development. *The Humanities and Social Sciences*, 2020, (2): 48–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-79-2-48-56>
6. Zhdanova S. Yu., Pechenkina A. N., Zaripova L. Z., Puzyreva L. O. Bioethics and bioethical consciousness: relevant directions of research. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020, 9(2): 330–332. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0079>
7. Luzina I. I. The problems of bioethics in modern science: philosophical aspect. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, 20(3): 274–278. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-274-278>
8. Dubrovina M. A. Bioethical oriented approach to the organization of pedagogical practice of students-bachelors: first review. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2019, (3): 97–103. (In Russ.)
9. Letov O. V. Modern problems of bioethics. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 3: Filosofii*, 2019, (3): 69–75. (In Russ.)
10. Magomedova A. N., Kharchenko L. N. Bioethical personal education: principles, features, pedagogical conditions. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2020, (3): 100–104. (In Russ.)
11. Siluyanov I. V. Biomedical ethics in the system of biomedical knowledge. *Meditinskoe pravo i etika*, 2000, (2): 66–75. (In Russ.)
12. Yvelson Yu. A. The essence and structure of bioethical value orientations of future medical workers. *Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva*, 2010, (15): 250–255. (In Russ.)
13. Yvelson Yu. A., Evusyak O. V. Providing bioethical focus of medical students' vocational training. *The Journal of Secondary Vocational Education*, 2011, (3): 9–12. (In Russ.)
14. Semenova O. A. Model of formation of bioethics in medical students of the university. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2012, (6): 219–221. (In Russ.)
15. Svetlichnaya T. G., Chumakova G. N., Stepanov E. S., Larionova N. S. Characteristics of initial bioethical views of medical school students. *Ekologiya cheloveka*, 2015, (5): 14–20. (In Russ.)
16. Chemidronov S. N., Aidumova O. Yu. Formation of personal qualities of medical students in the framework of the project of joint socialization of pupils of orphanages. *Vysshee obrazovanie segodnya*, 2017, (1): 61–63. (In Russ.)
17. Shakhbanov Sh. N. Using a virtual didactic environment in the bioethical education of schoolchildren. *Problemy i perspektivy razvitiia obrazovaniia v Rossii*, 2010, (6): 212–215. (In Russ.)
18. Shakhbanov Sh. N., Saypuyeva E. B. Preconditions of preparation of future teachers to bioethical education of school students. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2012, (6): 287–288. (In Russ.)
19. Shakhbanov Sh. N., Saypuyeva E. B. Bioethical education of the individual as a philosophical and social and psychopedagogical phenomenon. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2014, (2): 60–63. (In Russ.)
20. Shakhbanov Sh. N. *Preparing future teachers for bioethical education of schoolchildren*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Vladikavkaz, 2015, 22. (In Russ.)

21. Magomedova A. N., Kharchenko L. N. The description of contents of a pedagogical category of "bioethical education in the educational system". *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2015, (2): 92–94. (In Russ.)
22. Magomedova A. N., Kharchenko L. N. The study of bioethical value orientations of students of a pedagogical university. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2016, (2): 199–201. (In Russ.)
23. Sergeev V. V., Nasledkov V. N., Shmelev I. A., Ilyina E. R., Kupryakhin V. A., Antimonov A. V., Askov N. N. *Bioethics*. Moscow: GEOTAR-Media, 2013, 240. (In Russ.)
24. Yevelson Yu. A. *Formation of bioethical orientation of value orientations of future medical workers*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abakan, 2014, 218. (In Russ.)
25. Puzyreva L. O., Zhdanova S. Yu. Theoretical aspects of the study of bioethical consciousness. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, 31(1): 39–44. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2021-31-1-39-44>

оригинальная статья

Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности

Алёна Алексеевна Пфетцер

Кузбасский технопарк, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-3164-9094>; a.pfetzer@technopark42.ru

Поступила в редакцию 19.11.2021. Принята после рецензирования 10.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: Идентичность личности рассматривается в качестве структурно-динамической системы, последовательно формирующейся по мере расширения и освоения субъективного жизненного пространства. На этапе профессионального обучения интегрирующую роль в этой системе закономерно приобретает профессиональная идентичность. Пространством становления основ профессиональной идентичности является образовательная среда вуза или колледжа, расширяющаяся сегодня за счет цифровизации и освоения сетевого пространства. Цель – выявить особенности становления профессиональной идентичности учащихся в условиях цифровизации образовательной среды и определить пути психолого-педагогической оптимизации данного процесса. Исследование представляет собой теоретический анализ рассматриваемой проблемы и основывается на общих положениях культурно-исторической психологии, а также на методологии средового подхода в образовании. Результаты показали: новое образовательное пространство характеризуется дефицитом межличностного взаимодействия, что затрудняет вхождение в профессиональное сообщество и идентификацию с его членами. В то же время интерактивность цифровой образовательной среды создает возможности для оптимизации процесса становления профессиональной идентичности путем организации специального медиапространства, включающего различные информационно-коммуникационные площадки и позволяющего задействовать психолого-педагогические технологии осознания и принятия ценностей и смыслов будущей профессиональной деятельности в процессе опосредованного взаимодействия между обучающимися и преподавателями, другими студентами и представителями избранной профессии.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера, профессиональное образование, образовательное пространство, цифровизация, медиапсихология, нарративные технологии

Цитирование: Пфетцер А. А. Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 985–994. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994>

Введение

Идентичность личности в настоящее время понимается как иерархическая система, основными структурными компонентами которой являются конкретные составляющие образа Я, отражающие результат идентификации одновременно с различными социальными общностями – гендерными, поколенческими, этническими, конфессиональными, территориальными, профессиональными и др. [1]. Вместе с тем идентичность личности имеет динамический характер, последовательно формируясь в процессе социализации. В этом плане в системе идентичности выделяются элементы, поэтапно сформированные конкретными институтами и агентами социализации, играющими ведущую роль на соответствующем этапе развития. Наиболее важными институтами социализации, как правило, признаются семья, образовательные организации, трудовой коллектив, средства массовой коммуникации и, наконец, общество в целом. В известной теории экологических систем У. Бронфенбреннера смена таких «трансляторов социального опыта» выражается в последовательном освоении ребенком жизненных сред, представляющих собой совокупность концентрически расширяющихся систем,

характеризующих актуальное пространство социализации [2]. Тем самым идентичность личности формируется в ходе расширения и освоения жизненного пространства.

Пространство жизнеосуществления человека является одновременно абсолютным и относительным, объективным и субъективным, физическим и социально-психологическим. Познание реального, физического пространства связано при этом с психологической адаптацией к новой среде, успешность которой предопределяет его продуктивное освоение [3]. Если же механизмы психологической адаптации, заключающиеся в перестройке системы ценностно-смысловых ориентаций личности, оказываются недостаточно эффективными, или же смена жизненной среды носит резкий и травматичный характер, то результатом этого может стать своего рода сбой, проявляющийся в кризисе ценностного самоопределения и самоидентичности [4; 5]. Таким образом, познание объективного пространства выражается в субъективном наделении его смыслами и ценностями, вследствие чего на его основе формируется пространство субъективное. В психологии и других науках о человеке и обществе такое пространство обозначается как социальное, групповое,

психологическое, ментальное и т. п. и становится основным предметом исследования жизненного мира человека. Общепризнанной характеристикой этого пространства является ценностно-смысловая система координат, где основными измерениями выступают сверхчувственные характеристики – ценности и смыслы, задающие границы психологической территории человека [6–9].

Вполне очевидно, что ценностно-смысловые характеристики и особенности идентичности тесно взаимосвязаны: осознание себя как члена той или иной социальной группы подразумевает принятие ее ценностей; с другой стороны, сопоставление собственных ценностных ориентаций и ценностей социальной группы выступает «пусковым механизмом» для формирования социальной идентичности [10, с. 248]. В этой связи О. И. Муравьева и др., рассматривая жизненную среду как ментальное пространство, основными измерениями которого, наряду с собственно хронотопическими характеристиками, являются ценности и смыслы, используют понятие *средовая идентичность*, акцентирующее значимость средовых факторов в идентификационных процессах [11]. М. С. Яницкий и соавторы в данном контексте предлагают рассматривать идентичность, очерчивающую границы субъективной территории личности через оценку значимости членства в различных социальных группах, в качестве наиболее общей характеристики субъективного пространства человека [12]. При этом принадлежность к той или иной социальной общности, определяющей особенности среды, в которой происходит становление идентичности, рассматривается в качестве основной социальной детерминанты индивидуального развития. Каждая новая группа членства тем самым предстает и новым пространством социализации и становления идентичности.

Поскольку в постмодернистском обществе человек, вынужденно играя все возрастающее количество социальных ролей, является одновременно членом множества социальных групп, его идентичность приобретает не просто множественный, а фрагментированный, диффузный характер, формируя т. н. постмодернистский self. Ц. П. Короленко и Н. В. Дмитриева обоснованно связывают эти изменения с влиянием новой и фактически безграничной интернет-среды, обуславливающей постоянную стимуляцию человека множественной информацией, своего рода полифонией [13, с. 37]. Такой эффект воздействия дополнительно усиливается благодаря тому, что параллельное уменьшение «живого» межличностного общения приводит к еще большей потребности в «замещающей» идентификации в социальных сетях [14]. Интернет в этой связи приобретает все большее значение в качестве новой среды формирования идентичности.

Как констатируют А. Г. Асмолов и Г. А. Асмолов, единое информационное и коммуникативное пространство становится продолжением реального пространства существования человека и, соответственно, таким же пространством социализации и становления собственной идентичности [15]. В этой связи отчетливо растущий интерес

исследователей к проблематике изучения идентичности, по мнению А. Е. Войскунского и др., вызван быстрым развитием компьютерных сетевых структур, в частности широким распространением онлайн-социальных сетей. Проблемы, «связанные с психологией идентичности в Интернете, в условиях виртуальной реальности, в особенности в блогосфере и в социальных сетях, становятся чрезвычайно актуальными для современной психологии» [16, с. 98]. Как пишет И. В. Мирошниченко, «осмысление научной проблематики трансформации традиционных социальных идентичностей и формирование новых идентичностей невозможно рассматривать вне социокультурного контекста интенсивно развивающегося сетевого общества» [17, с. 127]. Закономерно, что изучение новых черт и свойств идентичности, а также специфики их формирования в интернет-пространстве находится сегодня в мейнстриме психологических исследований.

Данная проблема является особенно актуальной применительно к современному поколению молодежи, или же поколению Z, чей период становления идентичности совпал с развитием сетевого пространства. Это новое поколение многими авторами определяется как сетевое, цифровое или интернет-поколение, поскольку информационные ресурсы Интернета становятся для него одним из основных источников социокультурного развития [18]. Результаты исследования А. Н. Аянян и Т. Д. Марцинковской подтверждают, что особенности нового информационного пространства оказывают влияние на соотношение и содержание социокультурной и персональной идентичности и процесс социализации в целом [19]. По словам Е. Л. Солдатовой и Д. Н. Погорелова, проведение весьма значительной части времени в киберпространстве серьезно воздействует на процесс социализации поколения Z, определяя формирование новой идентичности личности [20]. Эта новая идентичность, сформированная в интернет-среде, привлекает сегодня основное внимание исследователей и характеризуется ими как особая виртуальная, сетевая, цифровая и т. п. идентичность [21–24]. Однако такой фокус рассмотрения описываемой проблемы, как правило, не затрагивает вопросы цифровизации уже существующих пространств социализации и ее воздействия на традиционные составляющие идентичности. Речь в данном случае прежде всего идет о цифровой трансформации образовательного пространства и соответствующем изменении компонентов идентичности, формируемых преимущественно в нем. В этой связи целью настоящего исследования является выявление особенностей становления профессиональной идентичности учащихся в условиях цифровизации образовательной среды и определение путей психолого-педагогической оптимизации данного процесса.

Методология

Настоящее исследование основывается на общих положениях культурно-исторической психологии А. С. Выготского, в соответствии с чем цифровые устройства и технологии рассматриваются в качестве новых культурно-исторических

орудий, опосредующих деятельность и общение современных учащихся и тем самым выступающих детерминантами их личностного и профессионального самоопределения [25]. В данном исследовании реализуются принципы средового подхода в образовании [26; 27], заключающегося в данном контексте в учете особенностей цифровой образовательной среды и целенаправленном использовании ее возможностей для обеспечения оптимальных условий становления профессиональной идентичности. В организационном плане исследование представляет собой теоретический анализ рассматриваемой проблемы, реализуемый посредством общенаучных методов анализа, синтеза, обобщения и моделирования.

Результаты

Изменения, свойственные постмодернистскому обществу (поликультурность жизненной среды, сокращение числа агентов социализации и изменение их роли, возрастание значимости средств массовой коммуникации), определяют необходимость переосмысления роли института образования в становлении идентичности личности. Как пишут в этой связи М. С. Яницкий и др., «школа и профессиональное образование должны помочь человеку сформировать свою идентичность, способствуя решению одной из основных проблем постмодерна – проблемы фрагментарной личности и множественной идентичности, формируемой информационными средами. Именно через профессиональное и личностное самоопределение субъект образования должен находить свой личностный стержень» [28, с. 23]. Пути решения названной проблемы авторы видят в трансформации образовательного пространства, способного обеспечить гуманизацию через профессионализацию.

Изложенное определяет значимость продуктивного становления профессиональной идентичности, выступающего одной из основных целей и критериев результативности образовательного процесса в вузе или колледже. В период профессионального обучения профессиональная идентичность закономерно занимает интегрирующую позицию в системе идентичностей личности. Так, А. Б. Шнейдер понимает под профессиональной идентичностью реализацию личностной и социальной идентичности в профессиональной сфере. По ее определению, становление профессиональной идентичности, связанной с осознанием своей принадлежности к той или иной профессии и профессиональной общности, представляет собой процесс профессионального самоопределения через формирование соответствующего образа Я [29]. По мнению Э. Ф. Зеера и М. В. Кормильцевой, становление профессиональной идентичности связано с социально-психологическими эффектами социальных контактов в той или иной коммуникативной реальности [30, с. 80–81]. С учетом поэтапного формирования профессиональной идентичности в контексте нашего исследования можно говорить о двух таких основных реальностях – пространстве профессионального

образования и пространстве осуществления профессиональной деятельности. В этой связи У. С. Родыгина обоснованно разделяет понятия *профессиональная идентичность специалиста* и *профессиональная идентичность студента*, рассматривая их как два различных феномена, имеющих преемственный характер [31]. В рамках данной статьи под профессиональной идентичностью мы будем понимать прежде всего ее первый уровень – профессиональную идентичность будущего специалиста, т. е. учащегося вуза или колледжа. Соответственно, основным объектом нашего исследования будет выступать образовательная среда как пространство становления основ профессиональной идентичности.

Само понятие *образование* метафорически описывается как культурное и социальное поле, имеющее определенную пространственную структуру. По Е. Э. Чеботарёвой, в социальном поле образования наблюдается определенный рост за счет присвоения им пространств незадействованных ранее практик, образующих новые поля института образования – его виртуальные пространства [32]. Иными словами, в настоящее время происходит цифровизация образовательного пространства или, точнее, расширение образовательной среды за счет ее цифровизации.

Собственно образовательная среда, по определению С. В. Тарасова и А. Е. Марон, представляет собой совокупность «социальных, культурных, а также специально организованных психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности, ее мировосприятия» [33, с. 15]. Наблюдающаяся сегодня цифровизация (или дигитализация, цифровая трансформация, виртуализация) образовательной среды выражается, по мнению О. Н. Томюк и соавторов, в следующих основных тенденциях: реальный переход к непрерывному образованию, определяющийся необходимостью постоянного обновления знаний и компетенций в связи с экспоненциальным ростом объема новой информации; расширение спектра существующих форм получения образования и дифференциация подходов к построению образовательных моделей; развитие дистанционного образования, основанного на использовании информационно-коммуникационных технологий; широкое распространение цифровых образовательных платформ [25]. Формирующаяся сегодня цифровая образовательная среда в самом общем виде определяется А. В. Постюшковым как «совокупность цифровых устройств, информационных систем, сервисов и инструментов, созданных и взаимодействующих с целью решения задач в ходе подготовки и осуществления образовательного процесса в учебных заведениях» [34, с. 10]. По его мнению, цифровизация – это новый этап трансформации образования, пришедший на смену уже завершенной информатизации, который заключается в создании новой парадигмы взаимодействия субъектов образования, соответствующей цифровому этапу развития экономики и общества.

Как отмечает Е. В. Лебедева, развитие цифровых технологий в экономической и социальной сферах «запустило процесс трансформации идентичности будущего профессионала. Приоритетной задачей современного образования должно стать создание обогащенной информационной среды для развития у обучающегося способности самостоятельно выстраивать свою профессионально-образовательную траекторию, грамотно используя возможности и инструменты цифровой реальности» [35, с. 54]. Вместе с тем многими авторами констатируется непроработанность теоретико-методологических и прикладных аспектов как цифрового образования в целом, так и вопросов формирования профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде в частности. Л. Р. Яруллина вообще утверждает, что сегодня фактически «отсутствуют психологические и педагогические теории цифрового обучения, которые послужили бы фундаментом в процессе преподавания» [36]. Существующие же «модели учебной работы, которые используют цифровые ресурсы, инструменты, сервисы и образовательный потенциал разветвленной системы взаимодействий в системе "учащиеся – информационная образовательная среда – преподаватели", остаются невостребованными» [37, с. 29].

М. С. Яницкий описывает целый ряд негативных эффектов цифрового обучения, некоторые из которых могут препятствовать продуктивному становлению идентичности личности в образовательном пространстве: «цифровизация образования приводит к неоднозначным психологическим последствиям для субъектов образовательного процесса. Особенно важным является изменение пространственно-временных характеристик их межличностного взаимодействия, "обезличивание" и виртуализация общения, связанные с использованием средств электронной образовательной коммуникации» [38, с. 38]. Данная проблема особенно отчетливо проявилась при вынужденном переходе обучающихся в цифровую образовательную среду в связи с распространением пандемии COVID-19. Как показывают результаты специально проведенного в этой связи исследования, при выборе дистанционной формы обучения характерным является преобладание атипичного (непродуктивного) кризиса профессионального становления, в отличие от традиционного очного формата взаимодействия с преподавателем, где подобная тенденция не наблюдается [39, с. 8]. Все вышесказанное определяет необходимость разработки специальных технологий поддержки становления профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде, нацеленных на повышение продуктивности данного процесса.

В настоящее время различными авторами предлагается достаточно широкий спектр цифровых психолого-педагогических технологий, в том числе электронное обучение, онлайн-обучение, виртуальный класс, мобильное обучение, геймификация и т. п. Однако, как справедливо отмечают Н. О. Бешпапошников и др., цифровизация образования

не может сводиться лишь к использованию информационно-коммуникационных технологий, а должна также включать изменение самих принципов организации учебной деятельности [40]. Особенно это касается наиболее общих задач образования, выходящих за рамки простой трансляции знаний, например такой как становление профессиональной идентичности личности.

Отдельными авторами анализируются психолого-педагогические условия собственно профессионального развития и профессионализации личности в цифровой образовательной среде. Е. В. Лебедева выделяет следующие направления педагогического сопровождения профессионального самоопределения обучающихся в условиях цифровизации образования: формирование информационной системы, содержащей банк данных спроса и предложения на рынке труда; проведение мероприятий, посвященных актуальным трендам востребованности различных профессий в цифровом обществе и уточнению необходимых для них компетенций; внедрение в образовательный процесс курсов, направленных на формирование метапредметных компетенций как основы формирования транспрофессионализма выпускников; актуализация знаний и навыков в области цифровых технологий профессиональной деятельности и дистанционных форм трудовой занятости; сопровождение построения профессионального маршрута будущего специалиста посредством информирования о функционировании виртуальных профессиональных сообществ [35]. Тем не менее приводимые автором результаты свидетельствуют о недостаточной эффективности этих и подобных технологий применительно к формированию собственно профессиональной идентичности. По ее данным, в условиях цифровизации образования более половины студентов демонстрируют диффузный или предрешенный статусы профессиональной идентичности, характеризующиеся низкой степенью сформированности ее компонентов или несамостоятельностью профессионального выбора, а почти четверть студентов обнаруживают наличие открытого кризиса профессиональной идентичности.

Существующая проблема может быть связана с тем, что применяющиеся сегодня психолого-педагогические технологии поддержки становления профессиональной идентичности далеко не всегда базируются на теориях, учитывающих специфику именно цифровой образовательной среды как нового и перспективного образовательного пространства. Одной из наиболее релевантных в данном ключе представляется концепция медиаобразования. Как указывают Л. В. Сорова и И. М. Кыштымова, актуальные проблемы, связанные с превращением современной образовательной среды в медиaprостранство, определяют необходимость разработки методологии и методик педагогической медиапсихологии, направленных на поддержку процессов развития, обучения и воспитания личности в условиях медиаопосредствования [41]. Использование новых возможностей современного образовательного

пространства как цифрового, информационного, мультимедийного и т. п. открывает широкий простор для разработки инновационных педагогических технологий.

Реализация соответствующих технологий становления профессиональной идентичности в таком образовательном медиапространстве, по нашему мнению, должна осуществляться в рамках ценностно-смысловой парадигмы личностного развития как общей методологической основы постнеклассической педагогической психологии [28, с. 33]. В частности, это связано с уже указанной детерминированностью идентификационных характеристик, особенностями и уровнем развития ценностно-смысловой сферы личности. Это касается и ценностно-смысловых детерминант профессиональной идентичности. Как отмечает С. Т. Джанерьян, смысловое отношение человека к его профессиональной деятельности является системообразующим фактором профессиональной Я-концепции, определяющим ее состав, структуру и динамику [42, с. 99]. Это подтверждает необходимость создания условий для осознания, внутреннего принятия и реализации в собственной учебно-профессиональной деятельности профессиональных ценностей, формирования смыслового отношения к будущей профессии.

Следует учитывать, что формирование смыслов в цифровом образовательном пространстве имеет свою специфику. Как указывает А. В. Плетнев, конструирование смыслов здесь, в силу интерактивности последнего, имеет совместный характер, приобретая форму коллективного текста, что открывает принципиально иные возможности [43]. Наиболее перспективными в этом контексте представляются нарративные психолого-педагогические технологии, представляющие собой средство формулирования смысловых и ценностных конструкторов путем описания жизненных событий. В исследовании А. А. Утюганова и др. подтверждается их эффективность применительно к задачам прояснения значения личных и профессиональных ценностей и смыслов, а также актуализации их субъективной значимости. Одной из технологий, использованных с этой целью авторами, является методика коллективных писем, представляющая собой «составление на основе обсуждения индивидуальных историй коллективного текста, содержащего "сплав" общих для студентов социальных и профессиональных представлений и ценностей, "редактором-составителем" которого выступает преподаватель» [44, с. 83]. Эта и подобные методики, на наш взгляд, могут быть результативно использованы для поддержки становления профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде.

Проведенный теоретический анализ проблемы исследования свидетельствует о целесообразности разработки и внедрения в процесс профессиональной подготовки специальной психолого-педагогической модели формирования профессиональной идентичности в цифровой образовательной среде, основанной на использовании возможностей интерактивного взаимодействия в интернет-пространстве, таких как тематические и профессиональные

чаты, форумы и другие виртуальные сообщества будущих специалистов. Примером такого сетевого образовательного ресурса может служить разработанный нами ранее портал *Профориентир*, обеспечивающий оперативное и объективное информирование учащейся молодежи об особенностях функционирования различных сфер профессиональной деятельности с учетом социально-экономической ситуации развития региона, а также организационно-педагогическое сопровождение процесса конструирования профессиональной карьеры в соответствии как с личными ценностями, так и потребностями регионального рынка труда [45]. Создание упорядоченной системы подобных информационно-коммуникационных площадок будет способствовать более полному использованию возможностей цифровой образовательной сети для оптимизации процесса становления профессиональной идентичности.

Заключение

Идентичность личности как структурно-динамическая система последовательно формируется в процессе социального развития по мере освоения как объективного, так и субъективного жизненного пространства человека. Важнейшей сферой становления основ профессиональной идентичности является образовательная среда вуза или колледжа. Отличительной особенностью современного образовательного пространства является его существенное расширение за счет освоения цифрового, информационного, мультимедийного пространства сети Интернет. Интенсивная цифровизация образовательной среды формирует новое образовательное пространство, в котором происходит становление профессиональной идентичности. Специфичность этого нового образовательного пространства в рассматриваемом контексте заключается, с одной стороны, в снижении возможностей реального взаимодействия и неформальных контактов между обучающимися и преподавателями, другими студентами и особенно с представителями избранной профессии, что затрудняет процесс вхождения в профессиональное сообщество и идентификацию с его членами. С другой стороны, интерактивность цифровой образовательной среды создает уникальные возможности для разработки эффективных психолого-педагогических технологий поддержки становления профессиональной идентичности. Продуктивными средствами оптимизации данного процесса могут рассматриваться нарративные технологии, реализуемые в специально организованном медиапространстве, включающем как собственно образовательные ресурсы, так и тематические и профессиональные чаты, форумы, виртуальные сообщества будущих специалистов и другие подобные информационно-коммуникационные площадки.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>
2. Bronfenbrenner U. The bioecological theory of human development // International encyclopaedia of the social and behavioural sciences. Oxford, UK: Elsevier, 2001. P. 6963–6970. <https://doi.org/10.1002/9780470147658.chpsy0114>
3. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на первом и втором курсах обучения в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии / ред. В. П. Михайлова, Т. С. Панина, А. А. Коробецкий, А. В. Юпитов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 60–69.
4. Яницкий М. С., Серый А. В. Трансформация представлений об экстремальной ситуации в постнеклассической психологии // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 120–124.
5. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 18.11.2021).
6. Ключко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
7. Логинова И. О. Хронотопические характеристики жизненного самоосуществления человека // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2. С. 98–103.
8. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 45–56.
9. Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. №1. С. 18–25. <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25>
10. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Структура «Я-образа» представителей различных ценностных типов // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Иркутск, 27–30 июня 2019 г.). Иркутск: ИГУ, 2019. С. 246–253.
11. Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. <https://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
12. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Образ мира как психологическая система и его природно-средовые детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2021. № 80. С. 6–29. <https://doi.org/10.17223/17267080/80/1>
13. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Аддикции в культуре отчуждения. Фрагментарная идентичность в зазеркалье постмодернизма. Новосибирск: НГПУ, 2013. 434 с.
14. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Homo postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: НГПУ, 2009. 246 с.
15. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
16. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
17. Мирошниченко И. В. Формирование идентичности в онлайн-пространстве сетевого общества // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего: труды XIX Междунар. объединенной науч. конф. «Интернет и современное общество». (Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г.) СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 119–129.
18. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
19. Аянян А. Н., Марцинковская Т. Д. Социализация подростков в информационном пространстве // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 46. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html> (дата обращения: 18.11.2021).
20. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>

21. Пахтусова Н. А., Уварина Н. В., Савченков А. В. Становление сетевой идентичности личности в условиях виртуальной образовательной среды. М.: Первое экономическое изд-во, 2021. 234 с. <https://doi.org/10.18334/9785912923708>
22. Уварина Н. В., Пахтусова Н. А. Аксиология становления сетевой идентичности личности в виртуальной среде // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 9. С. 199–204. <https://doi.org/10.18522/2658-6983-2020-09-199-204>
23. Шнейдер Л. Б., Сыманюк В. В. Пользователь в информационной среде: цифровая идентичность сегодня // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 52. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (дата обращения: 18.11.2021).
24. Голубева Н. А. Особенности цифровой идентичности подростков и молодежи в современном технологическом обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 1. С. 130–150. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-130-150>
25. Томюк О. Н., Дьячкова М. А., Кириллова Н. Б., Дудчик А. Ю. Цифровизация образовательной среды как фактор личностного и профессионального самоопределения обучающихся // Перспективы науки и образования. 2019. № 6. С. 422–434. <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.35>
26. Мануйлов Ю. С. Средовой подход в воспитании. 2-е изд., перераб. М.-Н. Новгород: ВВАГС, 2002. 157 с.
27. Менг Т. В. Средовой подход к организации образовательного процесса в современном вузе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 52. С. 70–83.
28. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИПО, 2017. 202 с.
29. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
30. Зеер Э. Ф., Кормильцева М. В. Профессиональное самоопределение студентов в условиях социально обусловленных конфликтующих реальностей // Образование и наука. 2012. № 10. С. 79–87. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-10-79-87>
31. Родыгина У. С. Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 39–51.
32. Чеботарёва Е. Э. Пространство и время в социальном поле институционализированного образования // Серия "Symposium". Философия образования. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. Вып. 23. С. 137–141.
33. Тарасов С. В., Марон А. Е. Инновационное развитие системы образования на основе методологии средового подхода // Человек и образование. 2010. № 3. С. 14–18.
34. Постюшков А. В. Проблемы развития образования в условиях цифровой экономики. М.: Международная академия образования, 2021. 169 с.
35. Лебедева Е. В. Сопровождение профессионального самоопределения обучающихся в условиях цифровизации // Профессиональное образование и рынок труда. 2019. № 2. С. 49–54. <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10208>
36. Ярулина Л. Р. Цифровое обучение в высшей школе: психологические риски и эффекты // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 6. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN620.pdf> (дата обращения: 18.11.2021).
37. Уваров А. Ю., Гейбл Э., Дворецкая И. В., Заславский И. М., Карлов И. А., Мерцалова Т. А., Сергоманов П. А., Фрумин И. Д. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М.: ИД ВШЭ, 2019. 343 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1990-5>
38. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2. С. 38–44.
39. Аршинова Е. В., Янко Е. В., Браун О. А., Аркузин М. Г. Проблема переживания кризиса профессионального становления при дистанционном обучении студентов в ситуации пандемии COVID-19 // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 5–9.
40. Бешпапошников Н. О., Леонов А. Г., Прилипко А. А. Цифровизация образования – новые возможности управления образовательными треками // Вестник кибернетики. 2018. № 2. С. 154–160.
41. Скорова Л. В., Кыштымова И. М. Педагогическая медиапсихология: методологическое обоснование интеграционной модели // Science for Education Today. 2020. Т. 10. № 5. С. 120–140. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2005.07>
42. Джанерьян С. Т. Смысловое отношение человека к профессии как системообразующий фактор его профессиональной Я-концепции // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 1. С. 97–100.
43. Плетнев А. В. Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и ее влияние на образование // Ученые записки СПбГИПСР. 2020. Т. 33. № 1. С. 115–121.

44. Утюганов А. А., Яницкий М. С., Серый А. В. Нарративные технологии формирования ценностно-смысловых ориентаций личности: психологическое содержание и применение в образовательной практике // *Science for Education Today*. 2019. Т. 9. № 1. С. 76–92. <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.05>
45. Пфетцер А. А. Разработка и применение современных инструментов информационного сопровождения профессионального самоопределения обучающихся // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2017. № 1. С. 132–138.

original article

Digital Academic Environment and Professional Identity Development

Alyona A. Pfetzer

Kuzbass Technopark, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-3164-9094>; a.pfetzter@technopark42.ru

Received 19 Nov 2021. Accepted after peer review 10 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: Self-identity is a structural and dynamic system that develops as one's living environment expands. During vocational training, professional identity acquires an integrating role in this system. Professional identity develops in the academic environment, which is expanding due to digitalization. The research objective was to identify the features of professional identity development in students in the conditions of academic digitalization and to determine the ways of psychological and pedagogical optimization of this process. The theoretical analysis is based on the general provisions of cultural and historical psychology, as well as on the methodology of the environmental approach in education. The contemporary academic environment demonstrated a lack of interpersonal interaction, which makes it difficult to enter the professional community and identify with it. However, the interactive character of the digital academic environment makes it possible to optimize the process of professional identity development. It comprises various information and communication platforms into a single media environment. Psychological and pedagogical technologies develop awareness and acceptance of professional values in the process of indirect interaction between students, teaching staff, and professionals.

Keywords: value-semantic sphere, professional education, educational space, digitalization, media psychology, narrative technologies

Citation: Pfetzer A. A. Digital Academic Environment and Professional Identity Development. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 985–994. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-985-994>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>
2. Bronfenbrenner U. The bioecological theory of human development. *International encyclopaedia of the social and behavioural sciences*. Oxford, UK: Elsevier, 2001, 6963–6970. <https://doi.org/10.1002/9780470147658.chps0114>
3. Yanitskiy M. S. The main psychological mechanisms of adaptation of students in the first and second years of study at the university. *Issues of general and differential psychology*, eds. Mikhailova V. P., Panina T. S., Korobetskii A. A., Lupitov A. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 60–69. (In Russ.)
4. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Transformation of ideas of the extreme situation in post-nonclassical psychology. *Lichnost v ekstremal'nykh usloviyakh i krizisnykh situatsiyakh zhiznedeiatelnosti*, 2013, (3): 120–124. (In Russ.)
5. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identities crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(43). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 18 Nov 2021). (In Russ.)

6. Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transpective analysis)*. Tomsk: TGU, 2005, 174. (In Russ.)
7. Loginova I. O. The chronotopic characteristics of human vital self-fulfillment. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2009, (7-2): 98–103. (In Russ.)
8. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. Psychological and socio-psychological space of person and group: understanding, types and trends in researches. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2011, 32(4): 45–56. (In Russ.)
9. Okunev I. Yu. Territorial and spatial identity: new approach to the basic concepts. *Comparative Politics Russia*, 2018, 9(1): 18–25. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-18-25>
10. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A. The "self-image" structure of representatives of various value types. *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of birthplace*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Irkutsk, 27–30 Jun 2019. Irkutsk: IGU, 2019, 246–253. (In Russ.)
11. Muravyeva O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Environmental identity: the concept content. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, (58): 136–148. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/58/10>
12. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhaeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. The image of the world as a psychological system and its environmental determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (80): 6–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/80/1>
13. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Addictions in the culture of alienation. Fragmentary identity in the looking glass of postmodernism*. Novosibirsk: NGPU, 2013, 434. (In Russ.)
14. Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Homo Postmodernus. Psychological and mental disorders in the postmodern world*. Novosibirsk: NGPU, 2009, 246. (In Russ.)
15. Asmolov A. G., Asmolov G. A. From We-media to I-media: identity transformations in the virtual world. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2010, (1): 3–21. (In Russ.)
16. Voiskunsky A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Online and real-life identity: a comparative study. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2013, 10(2): 98–121. (In Russ.)
17. Miroshnichenko I. V. Identity formation in online space of network society. *Information society: education, science, culture, and technologies of the future*: Proc. XIX Intern. Joint Sci. Conf. Internet and Modern Society, St. Petersburg, 22–24 Jun 2016. St. Petersburg: Universitet ITMO, 2016, 119–129. (In Russ.)
18. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (72): 46–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/17267080/72/3>
19. Ayanyan A. N., Martsinkovskaya T. D. Teenager's socialization in informational space. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2016, 9(46). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n46/1262-ayanyan46.html> (accessed 18 Nov 2021). (In Russ.)
20. Soldatova E. L., Pogorelov D. N. The phenomenon of virtual identity: the contemporary condition of the problem. *The Education and Science Journal*, 2018, 20(5): 105–124. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
21. Pakhtusova N. A., Uvarina N. V., Savchenkov A. V. *Research of the problem of youth network identity formation of in the conditions of virtual educational environment*. Moscow: Pervoe ekonomicheskoe izd-vo, 2021, 234. (In Russ.) <https://doi.org/10.18334/9785912923708>
22. Uvarina N. V., Pakhtusova N. A. Axiology of the personal network identity development in the virtual environment. *The world of academia: culture, education*, 2020, (9): 199–204. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2658-6983-2020-09-199-204>
23. Schneider L. B., Simanyuk V. V. User in information environment: digital identity today. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2017, 10(52). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1406-shneider52.html> (accessed 18 Nov 2021). (In Russ.)
24. Golubeva N. A. Digital identity features of teenagers and youth in modern technological society. *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2020, (1): 130–150. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-130-150>
25. Tomyuk O. N., Dyachkova M. A., Kirillova N. B., Dudchik A. Yu. Digitalization of the educational environment as a factor of personal and professional self-determination of students. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*, 2019, (6): 422–434. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2019.6.35>
26. Manuylov Yu. S. *Environmental approach in education*, 2nd ed. Moscow-Nizhny Novgorod: VVAGS, 2002, 157. (In Russ.)
27. Meng T. V. A milieu approach to organizing educational process in universities. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (52): 70–83. (In Russ.)

28. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
29. Shneider L. B. *Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis*. Moscow: MPSI, 2007, 128. (In Russ.)
30. Zeyer E. F., Kormiltseva M. V. Students' professional self-determination in the context of the socially conditioned conflicting realities. *Obrazovanie i nauka*, 2012, (10): 79–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-10-79-87>
31. Rodygina U. S. Psychological features of students' professional identity. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2007, (4): 39–51. (In Russ.)
32. Chebotareva E. E. Space and time in the social field of institutionalized education. *Series "Symposium". Philosophy of education. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo*, 2002, iss. 23, 137–141. (In Russ.)
33. Tarasov S. V., Maron A. E. Innovative development of education system based on the methodology of the environmental approach. *Chelovek i obrazovanie*, 2010, (3): 14–18. (In Russ.)
34. Postyushkov A. V. *Problems of education development in the digital economy*. Moscow: Mezhdunarodnaia akademiia obrazovaniia, 2021, 169. (In Russ.)
35. Lebedeva E. V. Support of professional self-determination of students under the constructions of digitalization. *Vocational Education and Labour Market*, 2019, (2): 49–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2307-4264-2019-10208>
36. Yarullina L. R. Digital learning in higher school: psychological risks and effects. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2020, 8(6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN620.pdf> (accessed 18 Nov 2021). (In Russ.)
37. Uvarov A. Yu., Gable E., Dvoretzskaya I. V., Zaslavskii I. M., Karlov I. A., Mertsalova T. A., Sergomanov P. A., Frumin I. D. *Difficulties and prospects digital transformation of education*. Moscow: ID VShE, 2019, 343. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1990-5>
38. Yanitskiy M. S. Psychological aspects of digital education. *Professional education in Russia and abroad*, 2019, (2): 38–44. (In Russ.)
39. Arshinova E. V., Yanko E. V., Braun O. A., Arkuzin M. G. The problem of experiencing a professional crisis with distance learning students in a COVID-19 pandemic situation. *Professional education in Russia and abroad*, 2020, (4): 5–9. (In Russ.)
40. Beshaposhnikov N. O., Leonov A. G., Prilipko A. A. Digitalization of education – new opportunities for controlling educational tracks. *Vestnik kibernetiki*, 2018, (2): 154–160. (In Russ.)
41. Skorova L. V., Kyshtymova I. M. Educational media psychology: methodological foundation of an integrated model. *Science for Education Today*, 2020, 10(5): 120–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2005.07>
42. Dzhaneryan S. T. The semantic relation of person to the profession as a system-forming factor of its professional self-concept. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*, 2005, (1): 97–100. (In Russ.)
43. Pletnev A. V. Socialization of representatives of generation Z in the digital environment and its impact on education. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty*, 2020, 33(1): 115–121. (In Russ.)
44. Utyuganov A. A., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Narrative technologies in developing personal value and meaning orientations: psychological content and application in education. *Science for Education Today*, 2019, 9(1): 76–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2658-6762.1901.05>
45. Pfettser A. A. Development and application of modern instruments of students' professional identity informational support. *Professional education in Russia and abroad*, 2017, (1): 132–138. (In Russ.)

original article

International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin

Vera A. Fedotova

National Research University Higher School of Economics (Perm), Russia, Perm; <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>;
vera_goldyreva@mail.ru

Received 8 Nov 2021. Accepted after peer review 29 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: The study aims to identify peculiarities of sociocultural adaptation (factors, coping strategies and anticipatory competence) of students from India, China and Arab countries. The research is based on the data obtained from the first-, second- and third-year students from India (73 respondents), China (45 respondents), Arab countries (64 respondents). The "Russian language proficiency" factor shows more significance for students from India and China, compared to students from Arab countries. Students from China, India and Arab countries tend to start and maintain relationships, to participate in academic activities, to have hobbies and interests and interact with other students. The prosocial coping strategy is predominant for Arab, Indian and Chinese students, regardless of their culture of origin, which proves universality of the strategy. Representatives of a polychronic culture (students from Arab countries and India) lack temporal anticipatory competence, with Arab students showing the lowest value of this parameter. Chinese students differ from representatives of a polyactive culture (Arab students) or a reactive-polyactive culture (Indian students) as they can hardly predict how a person they know would act in a certain situation.

Keywords: culture, coping strategies, anticipatory competence, sociocultural adaptation, adaptation scales

Citation: Fedotova V. A. International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 995–1004. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-995-1004>

Introduction

In the 21st century, many universities have chosen to internationalize their activity and give this new strategy the highest priority since the number of international students, as a rule, indicates the level of success for an institution in the global market of educational services. For international students to become active participants of various elements of the social environment, they need to adapt to the educational environment of an institution, which constitutes a vital condition and a means of socializing. This process may be complicated by a number of barriers such as linguistic differences, everyday life practices, climate, culture, ethnicity and motivation of the students. Having successfully adapted, foreign students can adequately interact with the sociocultural and intellectual environment of the institution, experience psycho-emotional stability, form new personality traits and obtain a certain social status, new social roles, find new values and realize the importance of traditions in their future professions [1–6]. Many recent research papers have analyzed the problem of adaptation to the educational environment of an institution [7–12]. However, these papers studied this process as in the case of Russian informants. At the same time, there are also papers looking into the problem of international students' adaptation [7–10; 13–15]. These works seem inadequate or insufficient: they either appear mainly theoretical or deal with adaptation programs (developed in the course of the studies) which disregard specific cultural background of international students. In addition, research papers

on international students' adaptation have a number of obvious contradictions between the general interest in adaptation and the variety of approaches to the definition of adaptation: criteria vary and so do approaches to classifying these criteria. There is also a discrepancy between the amount of empirical data on international students' adaptation and an actual absence of papers exploring the peculiar methods to predict problematic situations that foreign students may experience in their adaptation and help students cope with them; between the amount of empirical data on international students' adaptation and the absence of works aimed at revealing coping strategies and factors of successful adaptation of foreign students in line with their cultural affiliation.

With this background, the present research is highly relevant and innovative because it explores the specifics of adapting to the environment of Russian higher education institutions as affected by cultural background of international students. The goal of the present research is to study the peculiarities of adaptation demonstrated by international students depending on their culture of origin.

Adaptation of students from India, Arab countries and China to the environment of a Russian higher education institution depending on their cultural affiliation

Discussing the ways international students adapt to new environment depending on their culture of origin requires

defining the term “culture”. Culture is determined by the level of person’s awareness, by communication inside and outside a group, by the strength of person’s cultural system [11; 16]; by attitudes to various activities and planning [12; 16–19]; by relationship with the in-group and out-groups [20]. Students from India, Arab countries (Morocco, Syria) and China represent different types of cultures, which will be characterized individually.

Adaptation to the environment of a higher education institution

India is a low-context polychronic culture that balances between polyactivity and reactivity [16; 20–22]. Indian culture is one of the most ancient world cultures. Researchers describe India as a country of enormous variety, demonstrating a multitude of occupations, highly diverse beliefs, a wide range of traditions and a veritable feast of various points of view [22]. Society and culture of India are contradictory in many ways. People in India strive for material well-being, value success in business and highly praise creativity, especially in technology [17; 19; 23]. On the Hofstede scale of individualism vs. collectivism (2008), India is close to the world average. The earlier research demonstrated that Indian students were not different from American in the dimension of individualism [24]. While India was traditionally labelled as a high-context culture, recent studies suggest that India is rather identified as a low-context culture [21; 22; 24].

Chinese culture is a high-context reactive culture with a high level of collectivism. According to E. Hall, in countries with high cultural contexts, their inhabitants do not need much information or clarification on the future events in a day-to-day communication because they already have an idea of what is going to happen, and they find many things predictable [12; 16]. In high-context cultures, a significant part of things is described and defined by the non-linguistic context: people’s behavior, reactions, appearance, hierarchy, status. As for polychronicity and monochronicity of Chinese culture, the jury is still out on it. A. Serikov points out that schedules and working hours in Chinese culture are flexible, which is characteristic of polyactive cultures; however, punctuality is strictly observed, which is typical of monoactive cultures. What is specific for Chinese culture is the value of doing things right on time, as well as the value of doing what is best in the current, ever-changing, situation [25].

Arab countries may be characterized by a polyactive, polychronic and high-context culture. History of research demonstrates that Arab students from different countries have different abilities when it comes to studies. Generally, students from Morocco, Algeria and Tunisia achieve better results than students from other Arab countries. This can be explained by the educational system that was established in those three countries during French colonization. Students have necessary skills allowing them to extract the general idea from a text, they can work independently and take notes of a lecture

or a study text. They see a teacher, above all, as a person who communicates with them and is interesting to them, primarily as a source of new information [26].

Research organization and methods

Selection of informants. The present research is based on the data obtained from the first-, second- and third-year students from India (73 respondents), China (45 respondents), Arab countries (64 respondents). The informants are currently studying in higher education institutions of Perm, Moscow, St. Petersburg, Nizhny Novgorod, Ufa, Kazan, Saratov, and Ekaterinburg.

The first group of informants included young Chinese people studying in Russia, 45 people in total, 21 males and 24 females, aged from 18 to 24 (22 years old on average).

The second group of informants was composed of students from Arab countries (Morocco, Syria), of an average age of 23 (33 male and 29 female respondents).

The third group included 73 Indian students (39 males and 24 females) who had been studying at Russian institutions of higher education for 1 to 3 years, specialized in humanities and technical science. The average age of informants was 23.

Methods for evaluating the adaptation of international students to the environment of Russian higher education institutions, depending on their cultural affiliation

In order to find out the peculiarities of international students’ adaptation to the environment of Russian higher education institutions, depending on their culture, we performed a complex socio-psychological research. We used the following methodical tools:

1. Anticipatory competence test [27; 28]. The present method uses a questionnaire containing 81 statements. Informants have to evaluate to what extent they agree with the statements using a 5-point evaluation scale. Next, the score is calculated for three components of anticipatory competence: personal and situational, spatial and temporal, plus the general level of anticipatory competence. The method was approved by V. D. Mendelevich and G. D. Khafizova in 2007 [27]. The large spectrum of possible applications of this method allowed us to use it as a basis for our research, since time management and communicative peculiarities may be determined by cultural differences [6; 17].

2. Strategic Approach to Coping Scale – SACS [29]. S. Hobfoll sees coping behavior as a combination of cognitive and behavioral actions depending on the situational context. Adaptation of this theory made by N. E. Vodopianova and E. S. Starchenkova is designed to detect preferences for certain coping strategies in problematic (stressful) situations. The suggested model has 2 main axes (prosocial vs. asocial, active vs. passive) and one additional axis (direct vs. indirect). The axes indicate the dimensions of general coping strategies.

The method represents a questionnaire containing 54 statements; the respondents have to express their agreement or disagreement with the statements using a 5-point scale. After that, a score is calculated for each scale according to the key: “assertive actions”, “initiating social contact”, “seeking social support”, “cautious actions”, “impulsive actions”, “avoidance”, “indirect actions”, “asocial actions”, “aggressive actions”.

3. The “Revised Sociocultural Adaptation Scale” questionnaire [30]. The method is based on a questionnaire containing 21 statements. The respondents use a 5-point scale to assess to what extent they agree or disagree with the statements; then a score is calculated according to the key for each of the 5 scales contained in the method and formulated as a result of the exploratory factor analysis using the method of main components, with Varimax rotation of the correlation matrix (interpersonal communication, academic performance, community involvement, ecological adaptation, language proficiency). The method was tested and adapted in the Ph. D. dissertation by Jessie Kaye Wilson in 2013 [30].

Results of studying the peculiarities of adaptation demonstrated by representatives of a high-context and reactive culture (Chinese students)

The analysis of the results obtained from the “Revised Sociocultural Adaptation Scale” questionnaire [30] which is oriented to defining factors of sociocultural adaptation is given in Tab. 1.

Tab. 1. Factors of adaptation as demonstrated by Chinese students

Табл. 1. Факторы адаптации у студентов из Китая

Factors of adaptation	Mean	Min-max	St. Dev.
Interpersonal communication	4,23	2–5	1,05
Academic performance	3,2	2–5	0,9
Interests and community involvement	3,5	1–5	1,23
Ecological adaptation	3,25	1–5	1,29
Language proficiency	3,7	2–5	1,1

As seen from the data on Chinese students in Russian institutions, the higher values are associated with the “interpersonal communication” on socio-cultural adaptation scale. This means that Chinese students would normally take part in social life, show empathy, build and maintain relationships and can adjust their behavior to the rules, norms, beliefs and connections with other people. It is to be noted that Chinese students are more inclined to seek support from their countrymen who also came to Russia to study, and they rarely try to establish communication with representatives of out-groups, who are, in this case, Russian students and international students from other countries.

The results of the research demonstrated that Chinese students mostly struggle with academic adaptation (adaptation to the study process). By academic performance, we mean participating in academic activities, being actively involved in the study process, and getting accustomed to the new educational standards. The data related to adaptational mechanisms and coping strategies that were obtained using the “Strategic Approach to Stress” method [29] are given in Tab. 2.

Tab. 2. Behavioral strategies in stress situations shown by Chinese students

Табл. 2. Копинг-стратегии у студентов из Китая

Coping-strategies	Models of behaviour	The score of the overcoming models	St. dev.
Active strategy	Assertive actions	19,8	0,83
The prosocial strategy	Need to feel emotional support	26,2	0,90
	Seeking social support	28	0,74
The passive strategy	Cautious behaviour	24,2	0,69
	Avoidance	20,6	0,93
Direct strategy	Impulsive actions	22,6	0,84
Indirect strategy	Indirect actions	20	0,61
Asocial strategy	Asocial actions	24,58	0,85
	Aggressive actions	22,16	0,75

The Chinese who study in Russia demonstrated a dominance of the prosocial coping strategy, which means that their prevailing adaptational mechanisms include seeking social support and initiating social contact. High contextuality of Chinese culture implies a high level of collectivism and stability of China’s own cultural system, which also entails difficulties in establishing communication with representatives of other cultures. This is the cultural trait of Chinese students that stands out the most, compared with Arab and Indian students. Respondents belonging to this type of culture would join their effort with other people to solve a problem, seek advice from people who they closely related to, they do not hesitate to ask for help, but mostly seek it from representatives of the same in-group. In difficult times, they appreciate emotional support from relatives and friends.

Adaptational mechanisms of avoidance and assertive actions were less likely to be shown by the respondents. Chinese students may find it hard to say no when asked to do something, they feel awkward when people praise them and give them compliments. They are less likely to manipulate other people, play along with them or adapt their behavior to match other people’s needs, or hide the truth in order to achieve their goals.

The results of the “Anticipatory Competence Test” [19], designed to define components of anticipatory competence in Chinese students, are given in Tab. 3.

Tab. 3. Components of anticipatory competence among Chinese students

Табл. 3. Антиципационная состоятельность у студентов из Китая

Indicators of anticipatory competence	Mean	St. Dev.
Personal and situational anticipatory competence	164,2	0,73
Spatial anticipatory competence	48,4	0,34
Temporal anticipatory competence	44,6	0,88
Common anticipatory competence	247,2	0,68

The data in the table above allow to conclude that values related to the parameter of interpersonal and situational anticipatory competence, as well as spatial competence, shown by Chinese students are lower than the threshold value (which is 166 for the parameter of interpersonal and situational anticipatory competence, and 52 for spatial anticipatory competence). The Chinese, as representatives of a high-context and reactive culture, have high prognostic validity (the value is higher than 42). This shows in the fact that Chinese students in Russia are rarely late for class or meetings because of eventualities; they like planning their time up to smallest details and minutes; they track down their tasks for the day (week, month), planning how much time they will spend doing one or another task. Because they practice such behavior, the respondents expect the others to do the same, and they dislike it when someone is late for a meeting with them or otherwise lacks punctuality.

Therefore, interpersonal communication and establishing social contact are important to the Chinese as they represent a reactive and high-context culture. However, collectivism (as a consequence of high-contextuality and reactivity) does not let them properly anticipate problematic situations related to communication. The strategy of choice for Chinese students is the prosocial strategy of behavior which is expressed in a specific adaptational mechanism: seeking social support. High temporal anticipatory competence demonstrated by Chinese students is more expressed than other components of prognostic validity.

Results of studying the peculiarities of adaptation demonstrated by representatives of a high-context, polychronic and polyactive culture (Arab students)

The analysis of the results obtained from the “Revised Sociocultural Adaptation Scale” questionnaire [30] which is oriented to defining factors of sociocultural adaptation allowed to detect problems that students from Arab countries had while adapting to the environment of their institution (Tab. 4).

The respondents received high scores on the sociocultural adaptation scales of “interpersonal communication”

Tab. 4. Factors of adaptation demonstrated by Arab students

Табл. 4. Факторы адаптации у арабских студентов

Factors of adaptation	Mean	Min-max	St. Dev.
Interpersonal communication	4,26	1–5	0,44
Academic performance	4,13	3–5	0,73
Interests and community involvement	4,45	2–5	0,71
Ecological adaptation	3,2	1–5	0,57
Language proficiency	3,37	1–5	0,84

and “interests and community involvement”. Interpretation of the obtained data allows to say that Arab students are more eager to interact with other people, to take part in mass events, they have hobbies and interests and are more inclined to participate in academic activities and perform their work duties. At the same time, ecological adaptation does not seem difficult for this group of international students: they can easily adapt to a different density of population and climate conditions. Polychronicity of Arab culture implies that Arab students eagerly communicate and socialize. The study of the peculiarities of Arab students’ adaptation allowed to identify some typical coping strategies and adaptational mechanisms. The results obtained by the “Strategic Approach to Coping” method [29] are given in Tab. 5.

Tab. 5. Behavioral strategies shown by Arab students in stress situations

Табл. 5. Копинг-стратегии у арабских студентов

Coping-strategies	Models of behaviour	The score of the overcoming models	St. dev
Active strategy	Assertive actions	15	0,34
The prosocial strategy	Need to feel emotional support	19,7	0,81
	Seeking social support	16,3	0,66
The passive strategy	Cautious behaviour	20	0,34
	Avoidance	19	0,64
Direct strategy	Impulsive actions	15,7	0,62
Indirect strategy	Indirect actions	15,7	0,76
Asocial strategy	Asocial actions	14,3	0,41
	Agressive actions	14,3	0,59

Students from Arab countries demonstrated dominance of the passive coping strategy and adaptational mechanisms like cautious actions and avoidance, as well as the prosocial coping strategy which expresses itself as willingness to initiate social contact. Arab students usually do not give up when facing problematic situations, they tend to help others solve their

problems, weigh every possible solution carefully and “save” their energy, often delaying the moment of solving the problem out of hope that the problem will resolve by itself. Also, Arab students are less prone to asocial and aggressive actions which may find their way out in the asocial strategy of coping with stress. They never put their personal interests above everything else, they rarely demonstrate power and superiority to reinforce their authority. High contextuality implies high density of informational networks, close contact between family members or friends, etc. The passive coping strategy of Arab people studying in Russia can be explained by their high-context culture, namely, by the stability of their cultural system and the density of information networks inside a group.

The results of the “Anticipatory Competence Test” [28], designed to define components of anticipatory competence (ability of predicting difficulties) in Arab students, are given in Tab. 6.

Tab. 6. Components of anticipatory competence among Arab students

Табл. 6. Антиципационная состоятельность у арабских студентов

Indicators of anticipatory competence	Mean	St. Dev.
Personal and situational anticipatory competence	194	0,68
Spatial anticipatory competence	58,4	0,41
Temporal anticipatory competence	40,2	0,75
Common anticipatory competence	292,6	0,61

As seen from the results demonstrated in Tab. 6, Arab students tend to have better developed personal and situational anticipatory competence, as well as motional, compared with temporal anticipatory competence: this can be seen in the limits of normal development of respective types of anticipatory competence. The ability to predict situations related to communication is higher than the threshold value, in other words, students are able to predict how another person will act in various situations; they always try to anticipate potential threats before acting on something; lack of information makes them struggle; at the same time, such people are often taken advantage of and deceived by others, their success may not be adequately rewarded, and they tend to analyze the past, to seek understanding of the causes of their misfortunes, to replay possible outcomes of the past events in their mind over and over again. The underdeveloped temporal anticipatory competence (the value is under 42) shown by Arab students is due to the polychronicity of their culture, and their interpersonal and situational anticipatory competence is linked with their polyactive culture.

On the whole, analyzing the peculiarities of Arab students' adaptation to educational environment of Russian higher education institutions results in the conclusion that Arabs, being representatives of a polyactive culture do not experience difficulties communicating with other people. They use

prosocial and passive coping strategies. While the general level of anticipatory competence shown by Arab students is quite high, it is necessary to mention their lack of chronorhythmological anticipatory competence.

Results of studying the peculiarities of adaptation demonstrated by representatives of a low-context, polychronic culture balancing between polyactivity and reactivity (Indian students)

The analysis of the results obtained from the “Revised Sociocultural Adaptation Scale” questionnaire [30] which is oriented to defining factors of sociocultural adaptation are given in Tab. 7.

Tab. 7. Factors of adaptation demonstrated by Indian students

Табл. 7. Факторы адаптации у студентов из Индии

Factors of adaptation	Mean	Min-max	St. Dev.
Interpersonal communication	3,9	1–5	0,34
Academic performance	3,62	3–5	0,48
Interests and community involvement	3,8	2–5	0,49
Ecological adaptation	3,47	1–5	0,37
Language proficiency	3,2	1–5	0,65

The analysis of the data obtained shows that Indian students, as representatives of a low-context, polychronic and polyactive-reactive culture, have the highest scores on the scales of “socio-cultural adaptation” and “interests and community involvement”. Belonging to a culture balancing between polyactivity and reactivity, Indian students are eager to interact, to participate in social events, have hobbies and interests, and seem actively motivated to take part in academic activities and complete work tasks.

Studying peculiarities of adaptation shown by representatives of a low-context, polychronic culture that may be characterized by a middle position between polyactivity and reactivity, revealed their typical adaptational mechanisms and coping strategies. The results obtained using the “Strategic Approach to Coping” method [29] are given in Tab. 8.

Indian students show a preference for the prosocial coping strategy which expresses itself in this case as seeking social support. Indian students turn to their friends and relatives to ask for advice, they do not hesitate to ask others for help and support. At the same time, they rarely resort to asocial coping strategies, just as other representatives of a polychronic culture: Arab students. The prevailing coping strategy for Indian students, which is the prosocial strategy that makes them seek social support, is explained by the polyactive and reactive type of their culture. The passive coping strategy, on the contrary, has no connection with the specifics of their culture.

The results of the “Anticipatory Competence Test” [28], designed to define components of anticipatory competence

Tab. 8. Behavioral strategies shown by Indian students in stress situations

Табл. 8. Копинг-стратегии у студентов из Индии

Coping-strategies	Models of behaviour	The score of the overcoming models	St. dev
Active strategy	Assertive actions	16,8	0,33
The prosocial strategy	Need to feel emotional support	15,3	0,59
	Seeking social support	21,8	0,48
The passive strategy	Cautious behaviour	19,4	0,83
	Avoidance	18	0,58
Direct strategy	Impulsive actions	15	0,55
Indirect strategy	Indirect actions	16,6	0,56
Asocial strategy	Asocial actions	13	0,54
	Agressive actions	13,8	0,61

(ability of predicting difficulties) in Indian students who study in Russia, are given below (Tab. 9).

Tab. 9. Components of anticipatory competence among Indian students

Табл. 9. Антиципационная состоятельность студентов из Индии

Indicators of anticipatory competence	Mean	St. Dev.
Personal and situational anticipatory competence	172,41	0,73
Spatial anticipatory competence	60,8	0,59
Temporal anticipatory competence	37,19	0,74
Common anticipatory competence	270,4	0,70

Based on the data received during the research and represented in the table, the value of the parameter of interpersonal and situational, as well as spatial anticipatory competence demonstrated by Indian students in Russia is higher than the suggested norm. This means that Indian students are able to predict problematic situations related to communication and anticipate the movement of objects in physical space, in order to coordinate their own movements. At the same time, temporal and chrono-rhythmological anticipatory competence, which is understood as the ability to predict the flow of time and distribute it accordingly, is not typical of Indian students who represent a polychronic culture. It is worth mentioning that Indian culture is characterized by clearly expressed polychronicity, unlike the Arab and Chinese cultures. Polychronicity of culture is the underlying reason for low temporal anticipatory competence.

Therefore, Indian students demonstrate the dominance of the prosocial coping strategy and the "interpersonal communication" adaptation factor, which may be explained

by the fact that their culture can be described as polyactive and reactive using the typology created by R. Lewis. Indian culture is the most polychronic out of the four cultures studied; consequently, Indian students demonstrate lacking chrono-rhythmological anticipatory competence: they are not punctual and cannot anticipate events related to time.

Discussion and interpretation of the collected data

The analysis of the collected data on sociocultural adaptation of international students depending on their cultural affiliation gave the following results:

1. We found out the common tendencies in adaptation of international students. It was established that the prosocial coping strategy is the dominant strategy for Arab, Indian and Chinese students, regardless of their culture of origin, which means that this strategy is universal. Whichever culture they belong to, international students who adapt to an unfamiliar culture tend to get together with other people in order to find a solution, ask their friends and relatives, do not hesitate to seek help or advice.
2. It was found that the main difficulty for all the groups of foreign students was the need to communicate in Russian (which corresponds to the "Russian language proficiency" factor). The analysis of data has shown that students from all types of cultures have equal prevalence of the factors known as "interpersonal communication" and "interests and community involvement". It is typical of students from China, India and Arab countries to start and maintain relationships, to partake in academic activities, to have hobbies and interests and interact with other students.
3. We explored the specific ways of predicting problematic situations (anticipatory competence) typical for international students as they adapt to a new educational institution. Representatives of a polychronic culture (students from Arab countries and India) lack temporal anticipatory competence, with Arab students having the lowest value of this parameter. Students from India and Arab countries are less able to predict the time flow and distribute time adequately. They are often late, have troubles estimating how much time an activity will take up, they are not always punctual and cannot plan their commuting precisely enough to arrive on time. They also rarely track down their activities and use planners, unlike students from China. At the same time, Chinese students demonstrate the lack of personal and situational anticipatory competence. What makes them different from representatives of a polyactive culture (Arab students) or a reactive-polyactive culture (Indian students) is that they can hardly predict how a person they know would act in a certain situation. Before taking action, Chinese students do not try

to anticipate potential threats, they rarely think what could happen if they get expelled from university or fired.

Representatives of a high-context, reactive culture (the Chinese) demonstrated a lower level of general anticipatory competence.

Conclusion

The data we obtained, which include the peculiarities of coping strategies, factors, adaptational criteria and the skill of predicting situations related to communication, perception of time flow and time management, may provide a foundation for adaptation programs designed for students of different cultural backgrounds. This is the main pedagogical value of the research: as it was found earlier, the existing adaptation programs for international students do not take into account cultural specifics of students coming from various countries. Both the adaptation program and the organization of education itself have to align with cultural differences of students. Developing adaptation programs, one should have in mind that students from Arab countries and India (unlike Chinese students) adapt more easily to the educational process when they do it through communication. It makes sense to give

them group tasks more often, to use interactive activities, at least at the beginning of their education. At the same time, they cannot distribute their time efficiently, while Chinese students are very time-conscious. Indian and Arab students need to be given strict deadlines, informed of upcoming control tests, and encouraged to give more attention to how they manage time. Students from polychronic and polyactive cultures (students from Morocco and Syria) find it extremely hard to anticipate problematic situations related to time, which means that their adaptation to the education process may be enhanced if the educators emphasize the importance of time when interacting with them. For Chinese students who represent a high-context and reactive culture, it is most difficult to anticipate situations related to communication. This element of anticipatory competence needs to be specifically addressed when developing adaptation programs for people studying abroad.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Grigoryeva M. V. Basic conceptual positions the study of school adaptation. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2011, (2): 63–66. (In Russ.)
2. Guryev M. E. Socio-psychological characteristics of adaptation and adaptive capabilities of the individual in the social environment. *Fundamentalnye i prikladnye issledovaniia: problemy i rezultaty*, 2015, (22): 83–90. (In Russ.)
3. Krayushkina N. A. Social and psychological adaptation to management activities and coping-strategy at students during practice. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2014, (16): 88–96. (In Russ.)
4. Shtak S. V. Analysis of the problem of socio-psychological adaptation in the conditions of transformation of Russian society. *Siberian psychology today*, ed. Yanitskiy M. S. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 267–273. (In Russ.)
5. Trofimova N. S. Social and psychological adaptation of college student during their academic and professional activity. *Zauralskii nauchnyi vestnik*, 2014, (2): 75–77. (In Russ.)
6. Yuanyang W. Emotional intelligence and socio-psychological adaptation of foreign students in Russian universities (using the example of the Chinese students). *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, 2018, (2): 65–71. (In Russ.)
7. Abramova I. E., Ageeva N. A., Shapovalov G. N., Lysenko K. N., Samofalova M. V. Russia-India: Indian student's adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilization and cultures. *Periodico Tche Quimica*, 2018, 15(38): 87–94.
8. Arthur N., Flynn S. International students' views to employment and immigration. *The Canadian Journal of Career Development*, 2013, 12(1): 28–37.
9. Cao C., Men Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018, 63: 43–52. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.12.002>
10. Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 2017, 20(2): 85–96. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12171>
11. Dibraev A. D. Ethnic culture and civic identity becoming. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura*, 2015, (2), 406–410. (In Russ.)
12. Fedotova V. A. Anticipatory competence and coping strategies of international students regarding their cultural affiliation. *SMALTA*, 2021, (3): 99–114.
13. Ivanova A. D., Raherinjatovo J. C. The problem of psycho-pedagogical adaptation of foreign students in Russia. *Scientific Review. Pedagogical science*, 2017, (4): 57–61. (In Russ.)
14. Klyushnikova E. V. Adaptation problems of foreign students in Russia. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2018, (1): 133–140. (In Russ.)

15. Merç A., Subaşı G. Classroom management problems and coping strategies of Turkish student EFL teachers. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 2015, 6(1): 39–71. <https://doi.org/10.17569/TOJQI.41736>
16. Hall E. T., Hall M. R. *Understanding cultural differences: Germans, French and Americans*. Yarmouth, Boston, MA: Intercultural Press, 1990, 196.
17. Lewis R. D. *Business cultures in international business. From collision to understanding*, 2nd ed. Moscow: Delo, 2001, 448. (In Russ.)
18. Lewis R. D. *When culture collide: leading across cultures*, 4th ed. Boston-London: Nicholas Brealey, 2018, 560.
19. Lewis R. D. *When cultures collide: managing successfully across cultures*. London: Nicholas Brealey, 1999, 462.
20. Hofstede G. *Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations*, 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001, 596.
21. Nishimura S., Nevgi A., Tella S. Communication style and cultural features in high / low context communication cultures: a case study of Finland, Japan and India. *Renovating and developing subject didactic*: Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki, 2 Feb 2008. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2008, pt. 2, 783–796.
22. Sen A. *The argumentative Indian: writings on Indian history, culture and identity*. London, UK: Penguin, 2005, 432.
23. Varma P. K. *Being Indian: the truth about why the 21st century will be India's*. Delhi: Penguin Books India Pvt Ltd, 2004, 238.
24. Kapoor S., Hughes P. C., Baldwin J. R., Blue J. The relationship of individualism – collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003, 27(6): 683–700. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2003.08.002>
25. Serikov A. E. The perception in Chinese culture. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiia. Filologiya*, 2016, (2): 50–61. (In Russ.)
26. Pavlyukova Yu. V., Dryagalova E. A. Features of social-pedagogical adaptation of foreign students in high school (the case of Arabian students in the center pre-university department). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (6). Available at: <https://science-education.ru/article/view?id=23732> (accessed 10 Oct 2021). (In Russ.)
27. Khafizova G. D., Mendelevich G. D. Interrelation between anticipatory solvency and volitional activity in patients with personality disorders. *Practical medicine*, 2007, (3): 52–54. (In Russ.)
28. Mendelevich V. D. Test of anticipatory solvency (prognostic competence) – an experimental-psychological technique for assessing readiness for neurotic disorders. *Sotsial'naiia i klinicheskaia psikhiatriia*, 2003, 1(13): 35–40. (In Russ.)
29. Vodopianova N. E., Starchenkova E. S. *Burnout syndrome: diagnosis and prevention*. St. Petersburg: Piter, 2009, 336. (In Russ.)
30. Wilson J. *Exploring the past, present and future of cultural competency research: the revision and expansion of the sociocultural adaptation construct*. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013, 232. <https://doi.org/10.26686/wgtn.17004835>

оригинальная статья

Адаптация иностранных студентов в России в связи с их культурной принадлежностью

Вера Александровна Федотова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермь), Россия, Пермь; <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>; vera_goldyreva@mail.ru

Поступила в редакцию 08.11.2021. Принята после рецензирования 29.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: В XXI в. стратегией первостепенной важности для многих университетов стала ориентация на интернационализацию своей деятельности. Количество иностранных студентов, как правило, является одним из показателей успешности вуза на мировом рынке образовательных услуг. Успешность обучения иностранных студентов зависит от социокультурной адаптации в стране пребывания. Россия по традициям и культуре представляет собой особую евразийскую цивилизацию, вследствие чего иностранному студенту адаптироваться к новой культуре довольно сложно. Чаще всего приспособление к новой социокультурной среде достигается за счет изменений в стереотипах и способах поведения, при этом остается внутреннее отчуждение от социальной среды. Успешность процесса адаптации иностранных студентов обеспечивает адекватное взаимодействие иностранных студентов с социокультурной и интеллектуальной средой вуза, психоэмоциональную стабильность, формирование новых качеств личности и социального статуса, освоение

новых социальных ролей, приобретение новых ценностей, осмысление значимости традиций будущей профессии. На фоне существующих исследований проблемы адаптации иностранных студентов к настоящему времени все очевиднее обозначаются противоречия между количеством эмпирических данных об адаптации иностранных студентов и отсутствием работ, направленных на изучение особенностей прогнозирования трудных ситуаций у иностранных студентов, связанных с адаптацией в вузе, и возможных способов их преодоления, и отсутствием работ, нацеленных на выявление копинг-стратегий и факторов успешной адаптации иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре. Целью представленного исследования является выявление особенностей адаптации (факторов, копинг-стратегий и антиципационной состоятельности) студентов из Индии, Китая и арабских стран в связи с принадлежностью к той или иной культуре. Исследование основано на данных, полученных на выборке студентов первого, второго и третьего курсов обучения из Индии (73 респондента), Китая (45 респондентов), арабских стран (64 респондента). Фактор владения русским языком наиболее выражен у студентов из Индии и Китая по сравнению со студентами из арабских стран. Также для студентов из Китая, Индии и арабских стран типично поддерживать отношения, участвовать в академической деятельности, иметь хобби и интересы, общаться с другими студентами. Просоциальная копинг-стратегия является доминирующей для арабских, индийских и китайских студентов, независимо от культуры их происхождения. Данный факт свидетельствует об универсальности этой стратегии. Представителям полихронной культуры (студентам из арабских стран и Индии) не свойственна временная антиципационная состоятельность, причем арабские студенты имеют самое низкое значение по данному параметру. Китайские студенты отличаются от представителей полиактивной культуры (арабских студентов) и реактивно-полиактивной культуры (индийских студентов) тем, что с трудом могут предсказать, как будет действовать тот или иной человек в определенной ситуации. У студентов из Китая в меньшей степени по сравнению с другими иностранными студентами развита личностно-ситуативная антиципационная состоятельность. Полученные данные могут лечь в основу разработки сопровождающих программ адаптации для студентов, принадлежащих к разным культурам. При разработке программ адаптации нужно учитывать, что студенты из арабских стран и Индии (в отличие от китайских студентов) легче адаптируются к учебному процессу непосредственно через коммуникацию, им следует чаще давать групповые задания, включать интерактивные формы занятий, по крайней мере на первых этапах обучения. При этом они неэффективно распределяют время, в отличие от китайских студентов. Эта группа студентов, которым нужно четко обозначать дедлайны, предупреждать о текущих контролях, а им самим необходимо уделять особое внимание тайм-менеджменту. Студентам из полихронной и полиактивной культуры (студенты из Марокко, Сирии) крайне сложно прогнозировать трудные ситуации, связанные со временем, соответственно, сделав на этом акцент, можно ускорить их адаптацию к учебному процессу. Китайским студентам как представителям высококонтекстуальной и реактивной культуры труднее всего прогнозировать ситуации, связанные с общением. Именно этот элемент антиципационной состоятельности требует особого внимания при разработке программ адаптации к учебному процессу в инокультурной среде.

Ключевые слова: культура, копинг-стратегии, антиципационная состоятельность, социокультурная адаптация, шкалы адаптации

Цитирование: Fedotova V. A. International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 995–1004. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-995-1004>

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Григорьева М. В. Основные концептуальные положения исследования школьной адаптации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 2. С. 63–66.
2. Гурьев М. Е. Социально-психологическая характеристика адаптации и адаптационных возможностей личности в социальной среде // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. 2015. № 22. С. 83–90.
3. Краюшкина Н. А. Социально-психологическая адаптация к менеджерской деятельности и копинг-стратегии у студентов в период прохождения практики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. № 16. С. 88–96.
4. Штак С. В. Анализ проблемы социально-психологической адаптации в условиях трансформации российского общества // Сибирская психология сегодня / отв. ред. М. С. Яницкий. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. С. 267–273.
5. Трофимова Н. С. Социально-психологическая адаптация студента колледжа в процессе учебно-профессиональной деятельности // Зауральский научный вестник. № 2. С. 75–77.

6. Юаньян В. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в российских вузах (на примере китайских студентов) // Проблемы современного образования. 2018. № 2. С. 65–71.
7. Abramova I. E., Ageeva N. A., Shapovalov G. N., Lysenko K. N., Samofalova M. V. Russia-India: Indian student's adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilization and cultures // Periodico Tche Quimica. 2018. Vol. 15. № 38. P. 87–94.
8. Arthur N., Flynn S. International students' views to employment and immigration // The Canadian Journal of Career Development. 2013. Vol. 12. № 1. P. 28–37.
9. Cao C., Men Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 63. P. 43–52. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2017.12.002>
10. Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties // Asian Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 20. № 2. P. 85–96. <https://doi.org/10.1111/ajsp.12171>
11. Дибраев А. Д. Этническая культура и становление гражданской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2. С. 406–410.
12. Fedotova V. A. Anticipatory competence and coping strategies of international students regarding their cultural affiliation. СМАЛБТА. 2021. № 3. С. 99–114.
13. Иванова А. Д., Разриндзатуву Ж. С. Проблемы психолого-педагогической адаптации иностранных студентов в России // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 4. С. 57–61.
14. Ключникова Е. В. Проблемы адаптации иностранных студентов в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 1. С. 133–140.
15. Merç A., Subaşı G. Classroom management problems and coping strategies of Turkish student EFL teachers // Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry. 2015. Vol. 6. № 1. P. 39–71. <https://doi.org/10.17569/TOJQI.41736>
16. Hall E. T., Hall M. R. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans. Yarmouth, Boston, MA: Intercultural Press, 1990. 196 p.
17. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к пониманию. 2-е изд. М.: Дело Пресс, 2001. 448 с.
18. Lewis R. D. When culture collide: leading across cultures. 4th ed. Boston-London: Nicholas Brealey, 2018. 560 p.
19. Lewis R. D. When cultures collide: managing successfully across cultures. London: Nicholas Brealey, 1999. 462 p.
20. Hofstede G. Culture's consequences: comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 596 p.
21. Nishimura S., Nevgi A., Tella S. Communication style and cultural features in high / low context communication cultures: a case study of Finland, Japan and India // Renovating and developing subject didactic: Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki. (2 Feb 2008). Helsinki: Helsingin yliopisto, 2008. Pt. 2. P. 783–796.
22. Sen A. The argumentative Indian: writings on Indian history, culture and identity. London, UK: Penguin, 2005. 432 p.
23. Varma P. K. Being Indian: the truth about why the 21st century will be India's. Delhi: Penguin Books India Pvt Ltd, 2004. 238 p.
24. Kapoor S., Hughes P. C., Baldwin J. R., Blue J. The relationship of individualism – collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States // International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27. № 6. P. 683–700. <https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2003.08.002>
25. Сериков А. Е. Восприятие времени в китайской культуре // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. № 2. С. 50–61.
26. Павлюкова Ю. В., Дрягалова Е. А. Особенности социально-педагогической адаптации иностранных студентов в вузе (на примере арабских студентов в центре довузовской подготовки) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 6. Режим доступа: <https://science-education.ru/article/view?id=23732> (дата обращения: 10.10.2021).
27. Хафизова Г. Д., Менделевич Г. Д. Взаимосвязь антиципационной состоятельности и волевой деятельности у пациентов с личностными расстройствами // Практическая медицина. 2007. № 3. С. 52–54.
28. Менделевич В. Д. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) – экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. Т. 13. № 1. С. 35–40.
29. Водопьянова Н. Е., Старченкова Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
30. Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: the revision and expansion of the sociocultural adaptation construct: Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013. 232 p. <https://doi.org/10.26686/wgtn.17004835>

оригинальная статья

Личностные факторы адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза

Марина Борисовна Чижкова

Оренбургский государственный медицинский университет, Россия, г. Оренбург; <https://orcid.org/0000-0003-2881-8413>; chiztim@list.ru

Поступила в редакцию 16.10.2021. Принята после рецензирования 09.12.2021. Принята в печать 13.12.2021.

Аннотация: Представлены результаты исследования, направленного на выявление личностных детерминант успешности / неуспешности адаптации первокурсников к образовательной среде медицинского университета. Проведенный факторный анализ позволил выделить шесть личностных факторов, охватывающих 74,7 % первичных признаков, включенных в статистическую процедуру (качества личности опросника Р. Кеттелла и компоненты самооотношения опросника МИС С. Р. Пантелеева). Распределение испытуемых с разным уровнем адаптации (высокоадаптированные, среднеадаптированные и низкоадаптированные) по зонам положительных или отрицательных значений фактора послужило основанием для дифференциации выявленных детерминант на две группы: факторы успешности адаптации (эмоциональная зрелость и положительное отношение к себе и к жизни; готовность к изменению на основе оценки и принятия своего Я; ориентация на социальное одобрение, социальная активность и значимость общения, интеллект и умственные способности) и факторы нарушений адаптации (консервативные установки и осторожность при выраженной потребности в симпатии окружающих, идеалистичное мировосприятие и внутренние иллюзии). Наряду с этим, на основе анализа структуры факторов и их доли в общей факторной матрице констатируется ведущая детерминирующая роль эмоционально-волевых качеств личности будущих врачей, недостаточная представленность компонентов самооотношения и неоднозначное влияние интеллектуальных качеств на процесс и результат адаптации. По нашему мнению, полученные данные отражают как общие научные представления о феномене адаптации (роль эмоций и эмоциональная «окрашенность» начального этапа обучения в высшей школе), так и особенности личностного развития респондентов на данном этапе онтогенеза (незавершенность становления самооотношения как рефлексии своей системы отношений с окружающим миром). Результаты исследования могут использоваться в вузах в рамках программы психологического сопровождения, профилактики и коррекции личностных факторов нарушений адаптации у студентов-первокурсников медицинского университета.

Ключевые слова: адаптация к образовательной среде, личность, качества личности, самооотношение

Цитирование: Чижкова М. Б. Личностные факторы адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1005–1015. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1005-1015>

Введение

Проблема адаптации первокурсников к образовательной среде высшего учебного заведения давно привлекает к себе пристальное внимание ученых различных отраслей науки и практики [1–6]. Несмотря на наличие большого количества теоретических и эмпирических работ по данной тематике, она еще весьма далека от своего окончательного разрешения, что объясняется не только разнообразием экспериментально-методологических подходов в ее изучении, но и многоаспектностью содержания самой категории *адаптация человека*.

Обобщение имеющихся в специальной литературе точек зрения позволяет выделить несколько основополагающих идей, присущих большинству исследовательских установок и задающих ориентиры понимания адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского университета. Данный феномен – один из видов общей адаптации человека, «сложный процесс приспособления к совершенно новым условиям учебной

деятельности, социальному статусу, общению и взаимоотношениям с окружающими людьми» [7, с. 389]. Возникающие в процессе адаптации нарушения знакомых и привычных взаимоотношений между обучающимся и образовательной средой способствуют переходу субъекта адаптации к более качественному функционированию [8, с. 56], обеспечивающему выработку «оптимального режима целенаправленного функционирования, ... выполнение основных задач и ... превращение новых внешних условий жизнедеятельности, переживаемых как непривычные, в "свои условия"» [9, с. 157]. От успешности адаптации к новой образовательной среде во многом зависят эффективность и успешность его последующего обучения, овладения универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями.

Достижение желаемого результата адаптации определяется широким кругом факторов, охватывающих как особенности образовательной среды вуза, так и особенности

самого обучающегося. В контексте объективных факторов говорят об изменении федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных технологий; интернационализации студенческого сообщества; возрастающей роли дистанционного образования; повышении требований работодателей к выпускникам и т. п. [10, с. 67]. Однако в силу того, что адаптация к образовательной среде вуза предполагает «формирование и развитие когнитивных, мотивационно-волевых и коммуникативных связей, определяющих функционирование студента в образовательной и социокультурной среде университета» [11, с. 144], приоритет в изучении причин ее результативности в большинстве случаев отдается субъективным детерминантам, раскрывающим личность будущего специалиста во всей ее сложности и многообразии.

Личность студента – одно из основных исследовательских направлений психологии высшей школы. Это связано не только с представлениями о роли вузов в «формировании гармоничной, высокоразвитой личности со своими мировоззренческими позициями и конкретными установками в плане обучения и получения профессии, обеспечивающей высокое профессиональное будущее выпускника, его готовность к достижениям» [12, с. 136], но и фундаментальными положениями отечественной психологической школы о диалектической взаимосвязи личности и адаптации, при которой «личностные характеристики во многом определяют успешность или неуспешность адаптации, и в то же время сама эта адаптация является мощным стимулом для развития личности» [13, с. 25].

Человек, живущий в обществе, имеет определенные социальные роли, активную жизненную позицию, а потому «является субъектом определения своего индивидуального жизненного пути» [14, с. 13]. Развиваясь, личность двигается не вдоль жизни, в зоне комфорта, а вверх, по тернистому и сложному пути, к новому качеству жизнедеятельности, к глубине самой себя и своей жизни [15, с. 25–26]. Адаптация, будучи одной из разновидностей зоны дискомфорта, актуализирует все силы и ресурсы личности в процессе регуляции ее актуального состояния в новых условиях взаимодействия с окружающей средой. Таким образом, изучение личностной детерминации развития и устойчивости адаптационного процесса представляет для исследователей особый интерес, поскольку личность на всем протяжении своего развития приспосабливается к своей внешней и внутренней среде и одновременно более или менее целенаправленно и активно изменяет ее, адаптируя к своим осознанным потребностям [16, с. 168].

Студенческий возраст – возраст формирования мировоззренческой позиции, становления самосознания, критичного отношения к себе и другим, осознания собственной индивидуальности и неповторимости посредством оформления целостного видения себя как субъекта жизнедеятельности, «диалектический процесс ... самодвижения, активной работы над собой» [17, с. 93]. Базирующаяся на личностно-

ориентированном обучении образовательная среда вуза создает все необходимые условия для развития способностей к самоопределению, самообразованию, самосовершенствованию и самореализации студента [12, с. 136]. Тем не менее ее воздействие на каждого отдельного обучающегося носит сугубо индивидуальный характер, поскольку преломляется сквозь призму личности будущего специалиста. Присущие бывшим школьникам личностные качества и свойства определяют как отдельные составляющие, так и всю целостность адаптации к новой образовательной среде вуза.

Из числа разнообразных индивидуальных проявлений личности студента, входящих в число потенциальных факторов риска адаптации (возраст, пол, социально-экономический статус, этническая группа, гендерная принадлежность, отношение к избранной специальности и университету, взаимодействие с преподавателями и друзьями, индивидуальный стиль разрешения проблемных ситуаций, оптимизм, удовлетворенность учебой, самооффективность и др.), наибольшую объяснительную силу – от четверти до половины всех вариантов адаптации, в зависимости от ее типа, имеют особенности социальной поддержки, самооценки и стресса [5; 18; 19]. Интегральный показатель успешности адаптации во многих случаях связан с общим уровнем саморегуляции (и ее параметрами – моделированием, оценением результатов, гибкостью, программированием), надеждой, диспозиционным оптимизмом, удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем [20, с. 42], тогда как детерминантами дезадаптивных проявлений являются тревожность и ригидность, повышающие шанс возникновения невротических нарушений и неврозоподобных состояний [21, с. 163]. В целом для студентов с трудностями адаптации характерен дисгармоничный профиль личности с выраженными показателями пессимистичности, депрессивности, застенчивости, неуверенности, склонностью к стресс-реагированию по пассивно-оборонительному типу, скованностью в социальных контактах, построением аффективно насыщенных эмоциональных концепций в сочетании с враждебностью и нарушением (вплоть до разрыва) межличностных отношений [22, с. 77].

У студентов-медиков успешность адаптации к образовательной среде определяется принятием других людей и внутренним локусом контроля, ответственностью за свою жизнь, способностью к самоконтролю и положительной переоценке событий, толерантностью к неразрешимости проблем и жизнестойкостью, устойчивой профессионально-учебной позицией, отражающей стержень формирующейся личности [23; 24]. В одной из наших ранних работ было установлено, что адаптированные студенты имеют гибкую структуру личности, позволяющую задействовать актуальные для решения задач адаптации качества и свойства, тогда как дезадаптированные – диффузную структуру с общей личностной незрелостью, пассивным подчинением требованиям среды, конформизмом, социальностью, эмоциональной неустойчивостью и отсутствием

умения брать на себя ответственность при столкновении с трудностями [25]. Выявленные особенности профиля личности первокурсников позволяют предположить, что различный характер адаптации студентов к образовательной среде медицинского вуза – закономерный результат детерминирующей роли личности, «играющей в психической адаптации роль связующего звена между психическими процессами и жизненной средой» [26, с. 30].

Цель исследования – выявить личностные факторы адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза. Гипотеза: личностные факторы определяют как успешность, так и неуспешность адаптации. Критерием дифференциации выступает характер влияния личностных факторов на обучающихся с разным уровнем адаптации к образовательной среде.

Методы и материалы

База исследования – ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ (ОрГМУ). Выборку составили 214 студентов-первокурсников лечебного факультета, из них 75 юношей (35,1 %) и 139 девушек (64,9 %). Средний возраст испытуемых – 17,8 лет. Опрос проводился в ноябре 2018 г. В соответствии с этикой проведения психологического исследования все опрошенные были уведомлены о гарантированном соблюдении со стороны экспериментатора конфиденциальности полученной информации и использования персональных данных.

В качестве диагностического инструментария были избраны методика «Адаптированность студентов в вузе» [27], опросник «Тревожность студентов» (модификация опросника Ж. Тейлор) [28, с. 560–561], 16-факторный личностный опросник Р. Кеттелла [29, с. 243–267] и опросник «Методика исследования самооотношения» (МИС) С. Р. Пантелеева [30]. Первый инструмент позволяет оценить как общий уровень адаптации к образовательной

среде ОрГМУ, так и уровень отдельных ее составляющих – адаптации к студенческой группе и к учебной деятельности. Второй – уровень тревожности (эмоционального благополучия) студентов в вузе. Данные показатели соответствуют представлениям о целостности адаптации в совокупности основных ее видов, отражающих многообразие связей обучающихся с различными компонентами образовательной среды вуза: академическая, социальная и психологическая [31].

Выбор личностных опросников обусловлен двумя моментами. Согласно основным положениям теории личности Р. Кеттелла, черты личности представляют собой такие гипотетические психические структуры, которые обнаруживаются в поведении и обуславливают predisposition поступать единообразно в различных обстоятельствах и с течением времени [32, с. 308]. Категория *самоотношение* охватывает широкий круг понятий, отражающих самость человека, его личность и структуру Я [30]. Самоотношение в студенческом возрасте демонстрирует тесные взаимосвязи с различными личностными чертами, раскрывая содержание Я студентов как с точки зрения внутренних критериев собственной ценности, уникальности, способности вызывать интерес и положительные чувства окружающих, так и внешних, отражающих требования референтных взрослых к социальной приспособленности и успешности [33, с. 10].

Результаты и обсуждение

Сводные данные изучения личности первокурсников ОрГМУ представлены в табл. 1. Среди факторов личности наибольшие средние значения имеют факторы В, I, Q1 и Q3, а наиболее низкое – F. По методике МИС наибольшая выраженность наблюдается у компонентов *самоценность*, *самоуверенность* и *саморуководство*, наименьшая – у компонента *самообвинение*.

Обобщение полученных данных позволяет охарактеризовать обучающихся как сообразительных, проницательных,

Табл. 1. Средние значения выраженности факторов личности и компонентов самооотношения у студентов-первокурсников ОрГМУ (в стенах)

Tab. 1. Mean values of personality factors degree and self-attitude components in first-year full-time students of Orenburg State Medical University

Факторы личности (опросник Р. Кеттелла)																	
A	B	C	E	F	G	H	I	L	M	N	O	Q1	Q2	Q3	Q4		
6,0	6,6	5,4	6,1	4,3	5,1	6,1	6,5	5,8	5,3	5,0	6,2	6,4	6,0	6,5	5,5		
Компоненты самооотношения (опросник МИС)																	
ЗКР		СУВ		СРК		ОТСО		СЦЕ		СПН		СПВ		ВКФ		СОБ	
6,1		6,6		6,4		5,7		6,7		5,4		5,8		5,3		5,2	

Прим.: **факторы личности**: А – аффектотимия / шизотимия; В – высокий / низкий интеллект; С – сила / слабость Я; Е – доминантность / конформность; F – экспрессивность / сдержанность; G – высокое / низкое супер-эго; H – смелость / робость; I – мягкосердечие / толстокожесть; L – подозрительность / доверчивость; M – мечтательность / практичность; N – дипломатичность / прямолинейность; O – чувство вины / беспечность; Q1 – радикализм / консерватизм; Q2 – самодостаточность / зависимость от группы; Q3 – высокое / низкое самомнение; Q4 – высокая / низкая эго-напряженность; **компоненты самооотношения**: ЗКР – закрытость; СУВ – самоуверенность; СРК – саморуководство; ОТСО – отраженное самооотношение; СЦЕ – самоценность; СПН – самопринятие; СПВ – самопривязанность; ВКФ – внутренняя конфликтность; СОБ – самообвинение.

обладающих достаточно высокими общими умственными способностями, интеллектуальными интересами, аналитическим мышлением, вербальной культурой и эрудицией. Их взгляды отличаются либерализмом, свободомыслием, отсутствием «слепой» веры и беспрекословного доверия авторитетам. Молодые люди хорошо понимают ценность собственной личности и индивидуальности, хотя и относятся к своему Я достаточно избирательно. При высокой оценке отдельных качеств будущие врачи не всегда адекватно осознают другие свои свойства, в силу чего замечания близких людей вызывают у них периодические представления о собственной несостоятельности, которые в свою очередь проецируются на общий стиль поведения. Являясь в целом уверенными в себе, в привычных обстоятельствах юноши и девушки действуют спокойно и продуктивно. Однако при неожиданной смене обстановки у них нарастает тревога, снижается работоспособность и результативность жизнедеятельности.

Несмотря на то, что опрошенные самолюбивы, точны, предпочитают действовать по осознанному плану и доводить дело до конца, их способность к самоконтролю напрямую коррелирует с контекстом окружающей среды: в стандартных и знакомых условиях умения самоуправления проявляются ярко и эффективно. В новых же ситуациях регулирующая функция Я снижается, и у респондентов усиливается потребность в подчинении внешним детерминантам. При возникновении неудач или барьеров на пути к достижению целей первокурсники не всегда берут ответственность на себя, разделяя досаду и отрицательные эмоции с окружающими их людьми. В сфере социальных контактов могут быть сдержанными, рассудительными, задумчивыми, осторожными и производить впечатление скучных и чопорных собеседников. Однако в большинстве случаев способны к эмпатии, добры, терпеливы к себе и другим, направлены на получение симпатии, вплоть до навязывания взаимодействия. Обладая артистичностью и романтизмом, студенты могут поступать интуитивно, откровенно и простовато, надеясь на внимание, помощь и поддержку других людей.

Адаптация к образовательной среде ОрГМУ протекает у испытуемых достаточно благополучно, особенно по показателям адаптации к студенческой группе (рис.). Наибольшие трудности отмечаются в области дидактической адаптации: 50 % респондентов имеют различной степени выраженности проблемы в учебной деятельности. Как правило, они связаны с дискомфортом на занятиях, невозможностью в полной мере проявить свои способности, страхом публичных выступлений перед сокурсниками, сложностью содержания отдельных дисциплин. Чуть более 70 % испытуемых нуждаются в дополнительных консультациях со стороны педагогов, хотя и не уверены, что преподавателям есть дело до их успешности в обучении. К сожалению, новоявленные студенты не имеют резервов времени для работы над дополнительными заданиями, но очень стараются вникнуть в обязательный объем учебного материала и регулярно выполняют домашние задания.

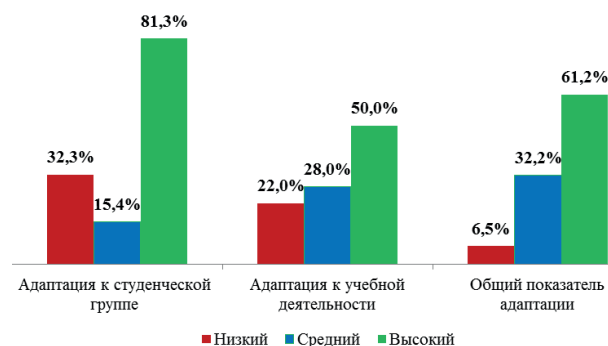

Рис. Показатели адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде ОрГМУ

Fig. Adaptation indicators: first-year students of Orenburg State Medical University

Указанные трудности сказываются на эмоциональном фоне опрошенных. У 39,7 % юношей и девушек зафиксирован повышенный и высокий уровень тревожности в вузе, представленный неверием в свои силы, представлениями о ничтожности собственных знаний, страхами о «завале» предстоящей сессии и последующем отчислении, замешательством от неожиданных вопросов педагога, зависимостью настроения и активности от результатов учебы, беспокойным сном и неумением организовать свой день так, чтобы все успевать в срок и полноценно усваивать изучаемый материал.

Далее был проведен факторный анализ, направленный на определение ведущих личностных детерминант процесса адаптации к образовательной среде ОрГМУ из числа изученных факторов личности и компонентов самоотношения. Статистическая обработка осуществлялась при помощи программы STATISTIKA-10. При интерпретации полученных данных особое внимание мы уделяли специфике влияния факторов на группы студентов с различным уровнем адаптации. Критерием разделения на группы выступило положение о том, что в студенческом возрасте учебно-профессиональная деятельность является ведущим видом деятельности и определяет формирование центральных психологических новообразований (А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин). На основании этого выборка была разделена на 3 группы по показателю адаптации к учебной деятельности: высокоадаптированные студенты (группа ВАД) – 107 человек (50 %); среднеадаптированные студенты (группа САД) – 60 человек (27 %); низкоадаптированные студенты (группа НАД) – 47 человек (22 %).

В результате факторного анализа (метод главных компонент, Варимакс вращение) было выделено шесть значимых психологических факторов, отражающих личностные особенности первокурсников. В совокупности данные факторы охватывают 74,7 % первичных признаков (доля дисперсии фактора с наименьшими собственными значениями равна 5,9 %) (табл. 2).

Табл. 2. Личностные факторы адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде ОрГМУ (с факторными нагрузками и % дисперсии)

Tab. 2. Personality adaptation factors: first-year students of Orenburg State Medical University (with factor loads and % of variance)

Составляющие фактора	Факторная нагрузка	Доля дисперсии
I фактор. Эмоциональная зрелость и положительное отношение к себе и к жизни		
Высокая эго-напряженность (Q4)	−0,791	25,4 %
Конфликтность	−0,770	
Чувство вины (O)	−0,752	
Сила Я (C)	0,740	
II фактор. Консервативные установки и осторожность при выраженной потребности в симпатии окружающих		
Радикализм (Q1)	−0,733	14,5 %
Мягкосердечие (I)	0,604	
III фактор. Готовность к изменению на основе оценки и принятия своего Я		
Самоценность	0,754	11,2 %
Самопривязанность	0,676	
Самопринятие	0,665	
IV фактор. Ориентация на социальное одобрение, социальная активность и значимость общения		
Экспрессивность (F)	0,752	10,1 %
Самодостаточность (Q2)	−0,750	
Смелость (H)	0,715	
V фактор. Идеалистичное мировосприятие и внутренние иллюзии		
Мечтательность (M)	0,863	7,6 %
VI фактор. Интеллект и умственные способности		
Высокий интеллект (B)	0,828	5,9 %

Прим.: в скобках указаны факторы личности из опросника Р. Кеттелла.

I фактор. Эмоциональная зрелость и положительное отношение к себе и к жизни. Представлен блоком эмоционально-волевых качеств личности и шкалой *внутренняя конфликтность* опросника МИС. Следовательно, решающую роль в адаптации первокурсников к образовательной среде играют эмоциональная выдержанность, жизнерадостность, энергичность, работоспособность, адекватная самоуверенность, трезвость оценки происходящих событий и умение управлять любой ситуацией. Существенным также является развитая рефлексия, положительное отношение к себе, ощущение баланса между собственными возможностями и требованиями новой социальной ситуации развития. Распределение опрошенных на зоны положительных и отрицательных значений

в группах с разным уровнем адаптации показывает, что две трети студентов группы ВАД имеют положительные значения по данному фактору, тогда как в группе САД и особенно в группе НАД большинство студентов смещено в зону отрицательных значений (табл. 3). На основании этого мы можем определить данный фактор как фактор успешности адаптации.

II фактор. Консервативные установки и осторожность при выраженной потребности в симпатии окружающих. Включает в себя качества из интеллектуальной (радикализм) и эмоционально-волевой (мягкосердечие) сфер личности будущих врачей. Это отражает «борьбу интеллекта и аффекта» (Л. С. Выготский) в процессе адаптации. Можно предположить, что бывшие школьники, входя в новый этап жизнедеятельности, переживают трудности выбора: или опираться на свои привычные взгляды и формы поведения, или положиться на интуицию, действовать по ситуации, довериться коллективу и разрешить себе получать от него помощь. С учетом двойственности содержания фактора и примерно равным распределением первокурсников разных групп адаптации на зоны «+» и «-» значений (табл. 3) мы относим данный фактор к группе факторов нарушений адаптации.

III фактор. Готовность к изменению на основе оценки и принятия своего Я. Имеет в своей структуре три компонента самооотношения – самоценность, самопривязанность и самопринятие. Эти переменные раскрывают обобщенное чувство симпатии респондентов к самим себе, ощущение собственной ценности и, что самое важное в контексте изучения адаптации, желание изменяться по отношению к актуальному состоянию, к ситуации здесь и сейчас. Как следует из табл. 3, на положительном полюсе фактора находится большинство высокоадаптированных студентов, в то время как представители других групп смещены в зону отрицательного полюса. На основании этого данный фактор мы причисляем к группе факторов успешности адаптации.

IV фактор. Ориентация на социальное одобрение, социальная активность и значимость общения. Компилирует эмоциональные (экспрессивность) и коммуникативные (самодостаточность и смелость) качества личности. Анализ входящих в фактор переменных наводит на размышления о том, что базисом интеграции юношей и девушек в новую социальную среду выступают преимущественно эмоциональные феномены (импульсивность, подвижность, чрезмерная восторженность и т. п.). Распределение первокурсников с разным уровнем адаптации по зонам «+» и «-» значений фактора (табл. 3) показывает, что установить оптимальный баланс и обеспечить гармоничное вхождение в новый социум при сохранении собственных границ удастся далеко не всем. Примечательно, что дистанцирование от окружающих и низкая социальная активность характерны преимущественно для группы САД, тогда как в группе НАД отмечается незначительный перевес положительных значений. Именно данный

факт подчеркивает позитивное влияние фактора и позволяет считать его фактором успешности адаптации.

V и VI факторы раскрывают место интеллектуальных качеств личности первокурсников в процессе адаптации к образовательной среде ОрГМУ. Высокие умственные способности, проницательность, достаточно развитая вербальная культура и эрудиция – залог успешного обучения в вузе. Неоспоримость данного положения подтверждается процентным соотношением испытуемых с «+» и «-» индивидуальными значениями **VI фактора** (табл. 3). Ригидность мышления, его эмоциональная дезорганизация и неспособность решать абстрактные задачи способствуют возникновению различного рода трудностей адаптации, как фрагментарных и периодических (группа САД), так и тотальных и постоянных (группа НАД). Следовательно, данный фактор выступает в качестве фактора успешности адаптации.

На этом фоне возникает вполне обоснованное побуждение рассматривать составляющие **V фактора** как качества, препятствующие успешной адаптации. Однако внимательный взгляд на число опрошенных с «+» и «-» значениями фактора (табл. 3) демонстрирует несколько иную картину. Смещение высокоадаптированных и низкоадаптированных студентов в зону отрицательного полюса говорит о наличии у первокурсников практичности, склонности руководствоваться насущной объективной ситуацией, прозаичности, твердости и т. п. Исходя из этого, логично было бы отнести данный фактор к группе факторов успешности адаптации. Тем не менее мы склонны трактовать его как фактор нарушений адаптации, поскольку невыраженное преобладание респондентов с отрицательными значениями в группе ВАД и равное распределение по полюсам обучающихся группы САД не дают достаточного основания для утверждения прогрессирующего влияния фактора на адаптацию к образовательной среде ОрГМУ.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлено шесть личностных факторов адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде ОрГМУ. Специфика их влияния на обучающихся с разным уровнем адаптации к образовательной среде позволила дифференцировать данные детерминанты на две группы. Группа факторов *успешности адаптации*: I фактор – Эмоциональная зрелость и положительное отношение к себе и к жизни; III фактор – Готовность к изменению на основе оценки и принятия своего Я; IV фактор – Ориентация на социальное одобрение, социальная активность и значимость общения; VI фактор – Интеллект и умственные способности. Группа факторов *нарушений адаптации*: II фактор – Консервативные установки и осторожность при выраженной потребности в симпатии окружающих; V фактор – Идеалистичное мировосприятие и внутренние иллюзии.

Анализ содержания факторов и доли их дисперсии позволяет констатировать, что ведущую детерминирующую роль в процессе адаптации к образовательной среде играют эмоционально-волевые качества личности испытуемых, раскрывающие эмоциональное благополучие / неблагополучие обучающихся, их способность регулировать актуальные состояния в зависимости от изменяющейся ситуации. Полученные данные вполне согласуются с имеющимися в научной литературе представлениями о роли эмоций в процессе адаптации вообще [34–36] и особой эмоциональной «окрашенности» начального этапа обучения в вузах в частности [4; 5; 37–39].

Приоритетность эмоциональных качеств в решении задач адаптации прослеживается и в ряде других факторов. Так, II и IV факторы демонстрируют специфическое «соседство» чувствительности, беспокойства и экспрессивности с коммуникативными и интеллектуальными чертами личности. В первом случае мы усма-

Табл. 3. Проявление личностных факторов адаптации к образовательной среде ОрГМУ в группах студентов-первокурсников с разным уровнем адаптации, %

Tab. 3. Manifestation of personality adaptation factors at Orenburg State Medical University: first-year students with different adaptation levels, %

Фактор	Группа ВАД		Группа САД		Группа НАД	
	+	–	+	–	+	–
Эмоциональная зрелость и положительное отношение к себе и к жизни	61,7	38,3	33,3	66,7	17,0	83,0
Консервативные установки и осторожность при выраженной потребности в симпатии окружающих	46,7	53,3	55,0	45,0	46,8	53,2
Готовность к изменению на основе оценки и принятия своего Я	69,2	30,8	43,3	56,7	40,4	59,6
Ориентация на социальное одобрение, социальная активность и значимость общения	64,5	35,5	45,0	55,0	51,1	48,9
Идеалистичное мировосприятие и внутренние иллюзии	46,7	53,3	50,0	50,0	42,6	57,4
Интеллект и умственные способности	54,2	45,8	50,0	50,0	40,4	59,6

Прим.: «+» – зона положительного значения данного фактора, «-» – отрицательного.

триваем эмоциональный характер социальных контактов бывших школьников на первичном этапе обучения в ОрГМУ. Во втором – «борьбу противоположностей» (интеллекта и аффекта), раскрывающую диалектическую природу адаптации как таковой. В целом противоречивость II фактора, а также разнонаправленность влияния V и VI факторов позволяют поставить вопрос о месте и роли интеллекта в процессе адаптации первокурсников к образовательной среде медицинского вуза.

Недостаточно, на наш взгляд, представлено детерминирующее воздействие самоотношения. Как известно, в студенческом возрасте идет становление качественно нового уровня самосознания, отмечается стабилизация отдельных компонентов отношения к себе, их интеграция и кристаллизация в виде целостной устойчивой структуры Я. Тем не менее феномен самоотношения, раскрывающий рефлексию человеком системы своих отношений с окружающим миром, является незавершенным в своем оформлении на данном этапе онтогенеза и потому слабо актуализированным в процессе адаптации. Исключение составляют лишь отдельные компоненты, отражающие уже сформированные на приемлемом уровне к концу ранней юности осознание

и принятие ценности собственного Я, его положительные / отрицательные оценки, желание быть открытым новому опыту самопознания и самосовершенствования.

В сфере практического применения полученных данных хотелось бы подчеркнуть, что адаптация студентов I курса – это и область научного исследования, и часть жизнедеятельности обучающихся, заслуживающая создания на основе изучения их личностных характеристик такой образовательной среды вуза, которая позволит юношам и девушкам максимально полно актуализировать свой личностный потенциал в решении актуальных задач начального периода обучения. Неотъемлемой частью такой среды должна стать программа психологического сопровождения адаптации обучающихся, имеющая в качестве ключевых задач профилактику и коррекцию личностных факторов нарушений адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского университета.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Кудрявцев В. Т., Бережковская Е. А., Кравцов О. Г., Меркулова О. П., Новикова Т. С., Перелыгина И. А., Прихожан А. М. Психология раннего студенческого возраста. М.: Проспект, 2014. 192 с.
2. Луков В. А., Луков С. В. Адаптация к учебе в вузе отдельных проблемных групп первокурсников: эмпирические данные и теоретические выводы // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 86–95. <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.7>
3. Резник С. Д., Черниковская М. В. Студенты России: жизненные приоритеты и социальная устойчивость. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2019. 242 с. https://doi.org/10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
4. Clinciu A. Ion. Adaptation and stress for the first year university students // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 78. P. 718–722. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>
5. Friedland L. J., Reid G. J., Shupak N., Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? // Journal of College Student Development. 2007. Vol. 48. № 3. P. 259–274.
6. Chemers M. M., Hu L.-t., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first year college student performance and adjustment // Journal of Educational Psychology. 2001. Vol. 93. № 1. P. 55–64. <https://doi.org/10.1037/0022-0663.93.1.55>
7. Ходжаян А. Б., Гевандова М. Г., Маяцкая Н. К., Савченко В. В. Проблемы адаптации первокурсников к обучению в медицинском университете // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 2-2. С. 389–392.
8. Мещеряков Б. Г., Соболев Г. И. Операционализация социально-психологической адаптации студентов через понятие переживания // Культурно-историческая психология. 2010. № 1. С. 56–63.
9. Скребнева А. В., Васильева М. В., Мелихова Е. П., Либина И. И. Адаптация к обучению в вузе и возможности ее ускорения // Новой школе – здоровые дети: мат-лы V Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 26–27 октября 2018 г.) Воронеж: Научная книга, 2018. С. 157–159.
10. Осипчукова Е. В., Попова Н. В., Попова Е. В. Адаптация студентов в учреждениях высшего образования: факторный анализ // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2016. Т. 8. № 4. С. 66–74. <https://doi.org/10.7442/2071-9620-2016-8-4-66-74>
11. Акименко Г. В., Михайлова Т. М. Адаптация студентов к условиям обучения в медицинском университете: психологические особенности и проблемы // Инновационное развитие науки и образования / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 143–151.
12. Михайлова А. В., Мохаммад А., Авилова Т. М., Чумаков В. И. Междисциплинарный подход к психолого-педагогической адаптации студентов медицинского вуза // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 4. С. 135–139.

13. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. 479 с.
14. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл; Academia, 2007. 526 с.
15. Сулимина О. В., Травина С. А. Подходы к личностному развитию в отечественной психологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2018. № 4. С. 22–30.
16. Кон И. С. В поисках себя: личность и самосознание. М.: Политиздат, 1984. 335 с.
17. Гречушкина Н. В. Возрастные особенности личности студента как субъекта саморазвития в образовательном процессе вуза // Актуальные проблемы развития личности в современном обществе: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. «XVII Мухинские чтения». (Псков, 19–20 апреля 2018 г.) Псков: ПсковГУ, 2018. С. 89–95.
18. Hope V., Henderson M. Medical student depression, anxiety and distress outside North America: a systematic review // Med Educ. 2014. Vol. 48. № 10. P. 963–979. <https://doi.org/10.1111/medu.12512>
19. Mayer F. B., Santos I. S., Silveira P. S. P., Lopes M. H. I., Souza A. R. N. D., Campos E. P., Abreu B. A. L., Hoffman Li I., Magalhães C. R., Lima M. C. P., Almeida R., Spinardi M., Tempiski P. Factors associated to depression and anxiety in medical students: a multicenter study // BMC Med Educ. 2016. Vol. 16. № 1. <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0791-1>
20. Голованова А. А., Фадеева Т. Ю. Субъектно-личностные предикторы социально-психологической адаптации студентов // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2016. № 4. С. 35–44.
21. Гадельшина Т. Г. Структурно-уровневая концепция психической адаптации // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 6. С. 161–164.
22. Воеводин И. В. Социально-психологическая адаптация и психодезадаптационные состояния у студентов // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 2. С. 75–80.
23. Костина Л. А. Социально-психологическая адаптация студентов-медиков как реализация особенностей их идентичности // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-6. С. 1398–1402.
24. Малышев И. В., Ручин В. А. Взаимосвязь социальной компетентности и адаптационных возможностей личности студентов разных специальностей // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2016. Т. 5. № 4. С. 355–360. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-4-355-360>
25. Чижкова М. Б. Структура личности студентов-первокурсников с разным уровнем адаптации к образовательной среде медицинского вуза // Мир науки. 2017. Т. 5. № 3. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/29PSMN317.pdf> (дата обращения: 20.09.2018).
26. Дикая Л. Г. Адаптация: методологические проблемы и основные направления исследований // Психическая адаптация и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев. М.: ИП РАН, 2007. С. 17–41.
27. Дубовицкая Т. Д., Крылова А. В. Методика исследования адаптированности студентов в вузе // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 2. С. 1–12.
28. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2002. 752 с.
29. Столяренко Л. Д. Основы психологии: Практикум. 5-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 704 с.
30. Методика исследования самоотношения С. Р. Пантелеева (МИС) // Настольная книга практического психолога / сост. С. Т. Посохова, С. Л. Соловьева. М.: АСТ; Хранитель; СПб.: Сова, 2008. С. 141–157.
31. Горбунова (Колотова) Е. В. Адаптация студентов 1–3 курсов бакалавриата / специалитета к университетской жизни (в НИУ Высшая школа экономики в 2011–2012 учебном году) // Эмпирические исследования. Universitas. 2017. № 1. С. 48–64.
32. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. 3-е изд. СПб.: Питер, 2013. 607 с.
33. Кузьмина А. С. Трансформация параметров самоотношения студентов на различных этапах обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 2018. 24 с.
34. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
35. Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
36. Посохова С. Т. Психология адаптирующейся личности. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 240 с.
37. Газенкамф К. А., Шнайдер Н. А., Дмитренко Д. В., Медведева Н. Н., Николаев В. Г., Романенко А. А., Соломатова Е. С., Яковлева К. Д., Магомедова Э. М., Гавердовская Л. С., Петров К. В. Состояние самооценочной, учебной и межличностной тревожности как маркеров нейropsychofизиологического здоровья у студентов первых курсов медицинского университета // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. Режим доступа: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/4/59.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

38. Кочергина К. Н., Яскевич Р. А. Анализ уровня личностной и ситуативной тревожности у студентов медицинского университета // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 6. Режим доступа: <https://s.eduherald.ru/pdf/2017/6/17877.pdf> (дата обращения: 24.06.2018).
39. Психофизиология эмоций и эмоционального напряжения студентов / под ред. Е. А. Юматова. М.: ИТРК, 2017. 200 с.

original article

Personal Factors of Adapting to Academic Environment in First-Year Medical Students

Marina B. Chizhkova

Orenburg State Medical University, Russia, Orenburg; <https://orcid.org/0000-0003-2881-8413>; chiztim@list.ru

Received 16 Oct 2021. Accepted after peer review 9 Dec 2021. Accepted for publication 13 Dec 2021.

Abstract: The article features personality determinants of adaptation in first-year medical students. The study involved R. Cattell's questionnaire of personality qualities and S. R. Panteleev's test of self-attitude components. The factor analysis revealed six personality factors that covered 74.7 % of the primary characteristics included in the statistical procedure. The participants had different adaptation levels: high, medium, and low. Based on the zones of positive or negative factor values, the identified determinants were divided into two groups. The group of successful adaptation factors included emotional maturity, positive attitude to oneself and to life, readiness to change, orientation towards social approval, social activity and importance of communication, intelligence and mental abilities. The factors of adaptation disorders included conservative attitudes and caution with a prominent need for sympathy from others, idealistic worldview, and internal illusions. The emotional and volitional qualities proved to be the most important factor of professional self, while self-attitude components appeared to be underrepresented, and intellectual qualities had ambiguous impact on the process of adaptation. The obtained data reflected both general scientific ideas about the phenomenon of adaptation, i.e. the role of emotions at the initial stage of university education. The article also describes the personality development of students at this stage of ontogenesis, e.g. incomplete self-attitude formation, etc. The results can be used in medical universities as a part of psychological support in order to prevent personality adaptation disorders in first-year students.

Keywords: adaptation to academic environment, personality, personality qualities, self-attitude

Citation: Chizhkova M. B. Personal Factors of Adapting to Academic Environment in First-Year Medical Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1005–1015. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1005-1015>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Kudryavtsev V. T., Berezhkovskaya E. L., Kravtsov O. G., Merkulova O. P., Novikova T. S., Perelygina I. A., Prikhodzhan A. M. *Psychology of early student age*. Moscow: Prospekt, 2014, 192. (In Russ.)
2. Lukov V. A., Lukov S. V. Adaptation to education of individual problem groups of freshmen: empirical data and theoretical results. *Gorizonty gumanitarnogo znaniia*, 2017, (5): 86–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.17805/ggz.2017.5.7>
3. Reznik S. D., Chernikovskaya M. V. *Russian students: life priorities and social sustainability*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2019, 242. (In Russ.) https://doi.org/10.12737/monography_5c0a17c3a354f0.90572513
4. Clinciu A. Ion. Adaptation and stress for the first year university students. *Procedia-Social and Behavioral Scincse*, 2013, 78: 718–722. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2013.04.382>
5. Friedland L. J., Reid G. J., Shupak N., Cribbie R. Social support, self-esteem, and stress as predictors of adjustment to university among first-year undergraduates? *Journal of College Student Development*, 2007, 48(3): 259–274.
6. Chemers M. M., Hu L.-t., Garcia B. F. Academic self-efficacy and first year college student performance and adjustment. *Journal of Educational Psychology*, 2001, 93(1): 55–64. <https://doi.org/10.1037//0022-0663.93.1.55>
7. Khodzhayan A. B., Gevandova M. G., Mayatskaya N. K., Savchenko V. V. Problems of adaptation of first-year students to training at medical university. *Modern high technologies*, 2016, (2-2): 389–392. (In Russ.)

8. Mescheryakov B. G., Sobolev G. I. Operationalization of social and psychological adaptation in students using concept of emotional experience. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2010, (1): 56–63. (In Russ.)
9. Skrebneva A. V., Vasilyeva M. V., Melikhova E. P., Libina I. I. Adaptation to training in the higher education and possibilities of its acceleration. *New school – healthy children: Proc. V All-Russian Sci.-Prac. Conf., Voronezh, 26–27 Oct 2018*. Voronezh: Nauchnaia kniga, 2018, 157–159. (In Russ.)
10. Osipchukova E. V., Popova N. V., Popova E. V. Adaptation of students in higher education institutions: factor analysis. *Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*, 2016, 8(4): 66–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.7442/2071-9620-2016-8-4-66-74>
11. Akimenko G. V., Mikhailova T. M. Adaptation of students to training conditions in medical university: psychological characteristics and problems. *Innovative development of science and education*, ed. Gulyaev G. Y. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2017, 143–151. (In Russ.)
12. Mikhaylova L. V., Mokhammad A., Avilova T. M., Chumakov V. I. Multidisciplinary approach to psychological and educational adaptation of medical students. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2018, (4): 135–139. (In Russ.)
13. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice*. St. Petersburg: Praim-EVROZNAK, 2006, 479. (In Russ.)
14. Asmolov A. G. *Psychology of personality: cultural and historical understanding of human development*. 3rd ed. Moscow: Smysl; Academia, 2007, 526. (In Russ.)
15. Sulimina O. V., Travina S. A. Approaches to personal development in the national domestic. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*, 2018, (4): 22–30. (In Russ.)
16. Kon I. S. *In search of yourself: personality and self-consciousness*. Moscow: Politizdat, 1984, 335. (In Russ.)
17. Grechushkina N. V. Age characteristics of the student's personality as a subject of self-development in the educational process of the university. *Actual problems of personality development in modern society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. "XVII Mukhinskie readings"*, Pskov, 19–20 Apr 2018. Pskov: PskovGU, 2018, 89–95. (In Russ.)
18. Hope V., Henderson M. Medical student depression, anxiety and distress outside North America: a systematic review. *Med Educ*, 2014, 48(10): 963–979. <https://doi.org/10.1111/medu.12512>
19. Mayer F. B., Santos I. S., Silveira P. S. P., Lopes M. H. I., Souza A. R. N. D., Campos E. P., Abreu B. A. L., Hoffman Li I., Magalhães C. R., Lima M. C. P., Almeida R., Spinardi M., Tempiski P. Factors associated to depression and anxiety in medical students: a multicenter study. *BMC Med Educ*, 2016, 16(1). <https://doi.org/10.1186/s12909-016-0791-1>
20. Golovanova A. A., Fadeeva T. Yu. Subject-personal predictors of socio-psychological adaptation of students. *MCU Journal of Pedagogy and Psychology*, 2016, (4): 35–44. (In Russ.)
21. Gadelshina T. G. Structural and level concepts of mental adaptation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (6): 161–164. (In Russ.)
22. Voevodin I. V. Socio-psychological adaptation and psychodisadaptive states among students. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2015, (2): 75–80. (In Russ.)
23. Kostina L. A. Socio-psychological adaptation of medical students as the implementation of internal features of their identity. *Fundamental research*, 2014, (11-6): 1398–1402. (In Russ.)
24. Malyshev I. V., Ruchin V. A. Correlation between social competence and adaptive capabilities of students of different specialties. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2016, 5(4): 355–360. (In Russ.) <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2016-5-4-355-360>
25. Chizhkova M. B. Personality structure of the first-year students with different levels of adaptation to educational environment of medical university. *World of Science*, 2017, 5(3). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/29PSMN317.pdf> (accessed 20 Sep 2018). (In Russ.)
26. Dikaya L. G. Adaptation: methodological problems and main directions of research. *Psychic adaptation and social environment: modern approaches, problems, and prospects*, eds. Dikaya L. G., Zhuravlev A. L. Moscow: IP RAN, 2007, 17–41. (In Russ.)
27. Dubovitskaya T. D., Krylova A. V. The method of studying the adaptability of students at the university. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru*, 2010, (2): 1–12. (In Russ.)
28. Ilyin E. P. *Emotions and feelings*. St. Petersburg: Piter, 2002, 752. (In Russ.)
29. Stoliarenko L. D. *Fundamentals of psychology: workshop*, 5th ed. Rostov-on-Don: Feniks, 2004, 704. (In Russ.)
30. Methodology of self-attitude studies S. R. Panteleeva (MIS). *Handbook of a practical psychologist*, comps. Posokhova S. T., Soloviova S. L. Moscow: AST; Khramitel; St. Petersburg: Sova, 2008, 141–157. (In Russ.)
31. Gorbunova (Kolotova) E. V. Adaptation of the 1–3-year students of Bachelor's / Specialist's program to university life (at the NRU Higher School of Economics in 2011–2012 academic year). *Empiricheskie issledovaniia. Universitas*, 2017, (1): 48–64. (In Russ.)
32. Hjellev L., Ziegler D. *Personality theories*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2013, 607. (In Russ.)

33. Kuzmina A. S. *Transformation of parameters of students' self-attitude at different stages of studying at the university*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Kemerovo, 2018, 24. (In Russ.)
34. Berezin F. B. *Mental and psychophysiological adaptation of a person*. Leningrad: Nauka, 1988, 270. (In Russ.)
35. Nalchadzhian A. A. *Psychological adaptation. Mechanisms and strategies*, 2nd ed. Moscow: Eksmo, 2010, 368. (In Russ.)
36. Posokhova S. T. *Psychology of an adapting personality*. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2001, 240. (In Russ.)
37. Gazenkampf K. A., Shnayder N. A., Dmitrenko D. V., Medvedeva N. N., Nikolaev V. G., Romanenko A. A., Solomatova E. S., Yakovleva K. D., Magomedova E. M., Gaverdovskaja L. S., Petrov K. V. State self-assessment, training and interpersonal anxiety as markers of neuropsychophysiological health of first-year students medical university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2015, (4). Available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2015/4/59.pdf> (accessed 15 Jun 2018). (In Russ.)
38. Kochergina K. N., Yaskevich R. A. Analysis of the level of personal and situative alert in students of the medical university. *International Student Research Bulletin*, 2017, (6). Available at: <https://s.eduherald.ru/pdf/2017/6/17877.pdf> (accessed 24 Jun 2018). (In Russ.)
39. *Psychophysiology of emotions and emotional stress in students*, ed. Yumatov E. A. Moscow: ITRK, 2017, 200. (In Russ.)

оригинальная статья

Антиценностный концепт *трусость* в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры

Арсентий Игоревич Бочкарев

Новосибирский государственный технический университет, Россия, г. Новосибирск; <https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>; arsentiy_87@mail.ru

Поступила в редакцию 17.08.2021. Принята после рецензирования 01.10.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: Цель – рассмотреть основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта *трусость* в англосаксонской лингвокультуре. Актуальность исследования предопределена тем, что в рамках комического дискурса не проводилось исследования концепта *трусость*, хотя данный концепт является одной из главных антиценностей современной англосаксонской лингвокультуры. Для реализации поставленной цели определяются и анализируются основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта *трусость*. В качестве основного метода применяется когнитивный анализ концептов, также используется аксиологический подход для построения концептосферы комического. В основу анализа вошли 50 выпусков стендап-комедий и 500 эпизодов различных ситкомов. Определяются основные признаки антиценностного концепта *трусость*. К ключевым признакам относятся страх, уровень опасности и важность преодоления опасности. Выделяются основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта *трусость* (различные аморальные поступки, бегство от опасностей, бездействие, потеря контроля над телом и неразумное поведение) и основные причины трусости (боязнь быть убитым, боязнь получения серьезных физических повреждений, боязнь потенциального социального неодобрения). Так как концепт *трусость* является важной составляющей гендерного комического, проведен анализ реализации данных характеристик в гендерном аспекте. В гендерном комическом *трусость* является характеристикой мужчин. Гендерное комическое преимущественно основано на разрушении стереотипа *мужчина сильнее / храбрее женщины*.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, концептосфера комического, ценностные концепты, антиценности, концепт *страх*

Цитирование: Бочкарев А. И. Антиценностный концепт *трусость* в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1016–1023. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023>

Введение

Цель данной работы заключается в подробном описании антиценностного концепта *трусость* в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры. Для достижения поставленной цели необходимо выделить основные высмеиваемые характеристики представленного концепта. По нашим данным, еще не проводилось подробного анализа антиценностного концепта *трусость* в комическом дискурсе. Более того, сам концепт *трусость* не становился объектом отдельного исследования, в основном он частично рассматривается при изучении концепта *страх*.

В англоязычных словарях даются следующие определения трусости: *Cowardice – fear or lack of courage*¹; 1. *The quality of a coward*; 2. *Want of courage to face danger*². *Coward (n) – A reproachful designation for one who displays ignoble fear or want of courage in the face of danger, pain, or difficulty*³.

В принципе в русскоязычных словарях дается похожее определение данного явления: трусость – это чувство страха перед кем-, чем-либо в сочетании с неспособностью преодолеть его⁴.

Из представленных определений отчетливо видно, что концепт *трусость* тесно связан с концептом *страх*, т. е. страх препятствует совершению необходимого действия. Следует отметить, что страх не всегда играет отрицательную роль в жизни человека [1–4], но страх, приводящий к трусости, преимущественно оценивается негативно представителями англосаксонской лингвокультуры, т. к. он является относительно устойчивой чертой характера [5, с. 247].

Следует отметить, что трусость находится в антонимических отношениях с храбростью, при этом трусость выступает в качестве антиценности, в то время как храбрость

¹ Cowardice // Oxford Learner's Dictionaries. Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/cowardice?q=cowardice> (дата обращения: 12.08.2021).

² The Oxford English Dictionary (20 Volume Set) / ed. by J. Simpson, E. Weiner. London: Clarendon Press, 1989. CD.

³ Там же.

⁴ Словарь современного русского литературного языка / ред. Г. А. Качевская, Е. Н. Толикина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 15. С. 1060.

воспринимается как ценность [6; 7]. На наш взгляд, ключевыми признаками двух данных концептов являются уровень опасности и важность преодоления опасности. В случае трусости уровень опасности ниже важности ее преодоления, субъект не преодолевает чувство страха и не совершает нужное действие. В случае храбрости уровень опасности равен или выше важности ее преодоления, человек преодолевает чувство страха и совершает соответствующее действие.

Мы рассматриваем комическое в рамках аксиологической лингвистики, объектом которой являются ценности и антиценности [8–10]. Многие исследователи отмечают, что зачастую не существует четкой границы между ценностями и антиценностями, при этом одним из главных признаков современной эпохи является *ценностный нигилизм*, т. е. многие ценности теряют свое значение в современном обществе [11–13].

Существует два подхода к определению ценностей. Согласно первому подходу, представляется невозможным определить устойчивую систему ценностей для конкретного общества, т. к. она постоянно находится в развитии и различается для разных социальных групп и тем более для отдельных индивидов. Согласно второй точке зрения, создание пусть и приблизительной системы ценностей необходимо для человека, т. к. без данной системы невозможна ориентация человека в пространстве [11; 12].

Сама парадигма базовых ценностей и антиценностей не претерпевает существенных изменений. Так, возможно либо изменение отношения к важности самих ценностей, либо трансформация ценностей в антиценности и наоборот. Ценности соотносятся с представлением о благе или его противоположности и проявляются через оценочную шкалу, оценочный стереотип, оценочный аспект, оценочное основание, субъект и объект оценки, оценочный модус, оценочную мотивировку [14, с. 47–96]. Кроме того, чем более значимой для общества является та или иная ценность, тем более вероятна вариативная детализация норм, связанных с этой ценностью, и появление различных карикатурных изображений этих норм [15].

В своем исследовании мы выявили, что осмеяние объекта реализуется через определенный набор концептов, т. е. можно выделить довольно ограниченный круг концептов, которые высмеиваются в большинстве современных комических текстов. Подобные концепты, как правило, относятся к антиценностям соответствующей культуры. Было выявлено, что основным компонентом концепта *трусость* в англосаксонской лингвокультуре является отрицательный эмоционально-оценочный компонент. Соответственно, данный концепт является антиценностью.

В качестве практического материала мы взяли записи и скрипты стендап-комедий, записи и скрипты ситкомов. В общей сложности нами было проанализировано более

50 выпусков стендап-комедий, 500 эпизодов различных ситкомов. В данной работе полужирным шрифтом выделены те фрагменты, которые сопровождались наиболее бурным смехом зрителей или закадровым смехом.

На первом этапе мы рассматриваем основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта *трусость*. На втором этапе мы анализируем основные социокультурные характеристики человека, которые высмеиваются через антиценностный концепт *трусость*.

Высмеиваемые характеристики антиценностного концепта *трусость*

В ходе нашего исследования было выявлено, что концепт *трусость* высмеивается через состояния или результаты, к которым приводит страх перед чем-либо, а именно различные аморальные поступки, бегство от опасности, бездействие, потеря контроля над телом и неразумное поведение.

Кроме того, можно выделить два типа трусости: физическую и нравственную [16]. Наше исследование показало, что физическая трусость вызвана двумя основными возможными последствиями: боязнью быть убитым и боязнью получения серьезных физических повреждений. Нравственная трусость обычно вызвана боязнью социального неодобрения.

А. Различные аморальные поступки

Трусость может приводить человека к различным аморальным поступкам, которые позволяют избежать совершения необходимого действия. Самыми популярными аморальными поступками, к которым приводит трусость, являются предательство и ложь. Трусость может приводить к *предательству* близкого человека в тех случаях, когда объекту осмеяния грозит опасность и он пытается перевести данную угрозу на другого человека: *Sharks are twice as likely, twice as likely to bite a woman as a man. So, gentlemen, if you're swimming with a woman, and you see a shark, here's what you do. You punch it as hard as you can on the nose, and you throw it towards the shark*⁵. В приведенном примере адресант предлагает отдать на съедение акуле свою девушку. Комический эффект основан на перевороте ситуации. Так, изначально ситуация интерпретируется следующим образом: мужчина, проявляя храбрость, должен сразиться с акулой, чтобы спасти девушку, рискуя собственной жизнью. Но в дальнейшем становится ясно, что, по мнению адресанта, мужчина должен ударить девушку и отдать ее на съедение акуле, чтобы спасти собственную жизнь.

Результатом проявления трусости может быть реализация антиценностного концепта *ложь*. В подобных ситуациях объект осмеяния обычно либо приписывает совершенное им действие другому человеку, либо оправдывает совершенное им действие при помощи лжи: *Lily: Until one day... (flashback: Lily is farting). Barney: Lily, we've all been there. When you've ripped one, it's not pretty. Robin:*

⁵ Carr J. Being Funny. 25.01.2018. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2018/01/25/jimmy-carr-being-funny-transcript/> (дата обращения: 12.08.2021).

*What did you do? Lily: Are you kidding? This was ninth grade. I only had one choice. (flashback) Oh, my God, Sasser. Fart much?*⁶ В представленном примере одна из главных героинь вспоминает эпизод, который произошел во время ее обучения в школе. Так, на одном из уроков она испустила газы и обвинила в этом соседа по парте. Следует отметить, что наибольший смех вызывает сам процесс испускания газов. Тем не менее обвинение другого человека в собственном проступке также вызывает смех.

В. Бегство от опасностей

Бегство является одной из самых распространенных реакций при встрече с опасностью, поэтому концепт *трусость* во многих случаях выражается именно через бегство от опасностей: *See, in real life, you don't hear no [musical sound effects]. All you feel is a knife in your ass. You won't be talking about [sound effects], so run! And teach your old lady how to run so you don't have to go back after her ass*⁷. Адресант приходит к выводу, что лучшим решением при встрече с неприятностями является бегство, т. к. в противном случае его могут убить. Соответственно, адресант восхваляет трусость, ситуативно переводя ее из антиценности в ценность, т. е. в представленном фрагменте трусость приравнивается к проявлению ума. Комический эффект основан на снятии табу, т. е. в современном обществе считается неприемлемым убегать от опасности даже в случае реальной угрозы для жизни. Комический эффект усиливается за счет использования обценной лексики (*ass*).

Кроме того, бегство от опасностей может выражаться через нахождение на большом расстоянии от опасности, т. е. расстояние больше необходимого. Таким образом, объекту осмеяния не нужно убегать от опасности, т. к. он и так находится от нее далеко, при этом он боится приближаться к источнику опасности: *I mean I left DC in the 80s. It was not like this in the 80s. When crack was going on. Remember when crack was going on? White people would be looking at DC from Virginia with binoculars*⁸. В представленном примере представители европеоидной расы боятся посещать Вашингтон из-за распространения там торговли наркотиками, предпочитая находиться на отдаленном расстоянии и наблюдать за жизнью Вашингтона из Вирджинии при помощи бинокля. Комический эффект основан на гиперболизации реальности, т. е. невозможно увидеть происходящее в одном штате из другого при помощи бинокля.

С. Бездействие

Высмеивание данной характеристики антиценностного концепта *трусость* зачастую реализуется через хвастовство, т. е. объект осмеяния перед бездействием объявляет о том, что он совершит определенное действие, но в итоге отказывается от его осуществления по разным причинам: *Howard: Crunching the numbers, I come up with a conservative 5,812 potential sex partners within a 40-mile radius. Leonard: You're joking. Howard: I'm a horny engineer, Leonard. I never joke about math or sex. Raj: What are we waiting for? Let's bounce, bitches. Leonard: You're right. It's Anything Can Happen Thursday. Let's hit the clubs and meet hot women! Raj: Here we go. Lock up your daughters! We're going to hit it and quit it. Leonard: Or we could finish eating and go to the comic book store. Raj: Also a good plan*⁹. Наибольший смех вызывают грубые фразы главных героев о том, как они будут знакомиться с девушками (*Let's bounce, bitches; We're going to hit it and quit it*). Следует отметить, что предыдущий контекст указывает на то, что главные герои боятся знакомиться с девушками. Соответственно, заявленное намерение пойти знакомиться с девушками и вести себя с ними агрессивно противоречит реальности, что и подтверждается итоговым решением пойти в магазин комиксов.

Кроме того, бездействие может выражаться через отказ объекта осмеяния от отстаивания собственной позиции: *Now I understand I have a responsibility to help lead people out of ignorance at every opportunity I can, but I left him there, people. Safety first*¹⁰. Адресант, побоявшись побоев, не пытается отстаивать права сексуальных меньшинств перед агрессивно настроенным человеком. Хотя, со слов адресанта, отстаивание данных прав – это необходимое действие в любой ситуации. Вместо этого он уходит от источника опасности, ссылаясь на то, что безопасность – превыше всего.

D. Потеря контроля над телом

Страх может приводить к разнообразным видам потери контроля над собственным телом. Самой критической формой является ситуация, в которой человек либо не может пошевелить определенными частями своего тела, либо падает в обморок: *And my body said get the fuck out of the way. I couldn't move, though. And my mind is saying drop your arm, block the punch, then counter with your right. But my arm said, I ain't got nothing to do with it*¹¹. Во время боксерского поединка адресант не защищается от удара, т. к. не может пошевелиться от страха. Следует отметить, что адресант

⁶ How I Met Your Mother. Happily Ever After. Режим доступа: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-4/episode-6-Happily_Ever_After (дата обращения: 12.08.2021).

⁷ Pryor R. Live in Concert. 27.04.2017. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/04/27/richard-pryor-live-concert-1979-full-transcript/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁸ Chappelle D. Killin' Them Softly. 19.05.2017. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/comedy/dave-chappelle-killin-softly-2000-full-transcript/> (дата обращения: 12.08.2021).

⁹ The Big Bang Theory. The Hofstadter Isotope. Режим доступа: https://sublikescript.com/series/The_Big_Bang_Theory-898266/season-2/episode-20-The_Hofstadter_Isotope (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁰ Gadsby H. Nanette. 2018. Режим доступа: https://www.scripts.com/script/hannah_gadsby%3A_nanette_9564 (дата обращения: 12.08.2021).

¹¹ Pryor R. Live in Concert...

сам согласился на боксерский поединок, поэтому адресат не испытывает к нему чувства жалости.

В большинстве случаев потеря контроля над телом выражается в неконтролируемом крике или соответствующей мимике, которые вызваны чувством страха. При высмеивании данной характеристики не существует реальной опасности для объекта осмеяния: *Scene: The Entomology Department. Raj: Holy crap. It's like Silence of the Lambs down here. (Howard tickles the back of his neck. He screams.) Don't do that!*¹² В представленном примере главные герои приходят в лабораторию энтомологов и видят там различных членистоногих в террариумах. Один из главных героев медленно и слабо трогает другого за шею, в результате чего последний издает непроизвольный крик. Данный эпизод вызывает смех и актуализирует антиценностный концепт *трусость*, т. к. объект осмеяния (1) знал, что за его спиной находится друг, (2) видел, что в лаборатории нет признаков какой-либо реальной опасности.

Е. Неразумное поведение

Обычно данная характеристика реализуется при помощи контраста: разумное поведение в повседневной жизни и неразумное поведение при встрече с опасностью. Например: *And even in the pub with mates I'd be the one who was going, "No, you can't say that. No, that's a generalization. That's ridiculous. No, that's unfair. You can't tar everyone with the same brush. No, it's still the safest form of transport. It's 60 million to one, the chance of a ..." You know, trying to be rational. That's in a pub. When I'm flying it's more like, "Check him again"*¹³. В представленном примере адресант ведет себя разумно при отсутствии опасности: в разговоре с друзьями адресант указывает на то, что вероятность террористической атаки в самолете очень низкая. При минимальной вероятности возникновения террористической атаки он начинает вести себя неразумно из-за чувства страха: при встрече с подозрительными личностями в самолете он просит стюардессу повторно проверить данных людей на наличие взрывчатки.

Высмеиваемые гендерные характеристики через антиценностный концепт *трусость*

Концепт *трусость* обычно высмеивается сам по себе, т. е. *трусость* является атрибутом непосредственно человека, независимо от его социокультурных характеристик. При этом наше исследование показало, что высмеивание антиценностного концепта *трусость* играет важную роль в гендерном дискурсе. При этом в других типах дискурса *трусость* высмеивается относительно редко.

В основе гендерного комического преимущественно лежит либо разрушение гендерных стереотипов, либо их закрепление. Гендерные стереотипы представляют собой культурно и социально обусловленное восприятие гендерных ролей и средств их выражения [17; 18]. Так, в любой культуре каждому гендеру «предписывается ряд обязательных правил, регламентирующих гендерное поведение и находящих свое отражение в языке» [18, с. 174]. Как отмечают многие исследователи, гендерные стереотипы имеют довольно устойчивую природу и играют важную роль в современном обществе [19–22], в основе большинства гендерных стереотипов лежит представление мужчины как сильного / уверенного в себе человека и восприятие женщины как слабого / неуверенного в себе человека [23; 24].

Как справедливо отмечает Х. Коттхофф, до недавнего времени гендерное комическое было направлено на высмеивание женщин [25, р. 6], но, как показало наше исследование, в современной англосаксонской культуре увеличивается количество примеров, в которых объектом осмеяния становятся мужчины в гендерном аспекте. Одним из самых популярных предметов гендерного комического является *трусость* мужчин, которая проявляется в их отношениях с женщинами. Высмеивание антиценностного концепта *трусость* в гендерном комическом в большинстве случаев основано на разрушении стереотипа *мужчина сильнее / храбрее женщины*.

В большинстве случаев *трусость* мужчин выражается через совершение ими аморальных поступков. Боязнь отстаивать собственную позицию перед женой / девушкой обычно приводит к проявлению концепта *ложь*: *The other night, my wife sent me to Walgreens to get toilet paper because we were out of toilet paper because I had thrown it all in the garbage so I could get out of the house*¹⁴. В данном случае адресант не хочет проводить время с женой, при этом он боится сказать ей об этом. Для того чтобы у него появился повод уйти из дома, он выбросил всю туалетную бумагу. Как следствие, жена послала мужчину в магазин. Следует отметить, что в данном контексте актуализируется и концепт *хитрость* через успешный обман жены.

Зачастую *трусость* высмеивается в ситуации, когда мужчина имеет превосходство над девушкой, но он проигрывает ей из-за *трусости*. В таких ситуациях обычно высмеивается такая характеристика *трусости*, как бездействие: *Marshall: You got to go up there and break up with her for real. Barney: And don't worry, if anything happens, just scream, we'll come rescue you. Ted: Okay. (falling down the stairs) Did you guys*

¹² The Big Bang Theory. The Jiminy Conjecture. Режим доступа: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-3-episode-02-the-jiminy-conjecture/> (дата обращения: 12.08.2021).

¹³ Gervais R. Out of England 2. 23.01.2017. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/06/23/ricky-gervais-england-2-2010-full-transcript/> (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁴ Louis C. K. Chewed Up. 07.07.2017. Режим доступа: <https://scrapsfromtheloft.com/2017/07/07/louis-c-k-chewed-2008-full-transcript/> (дата обращения: 12.08.2021).

not hear me screaming up there? Barney: *Aw, I feel so awful. We went to get subs. We got you one though. (Marshall shakes his head) We didn't get you one*¹⁵. В представленном примере друзья обещают главному герою, что помогут ему в драке с девушкой при необходимости. Но после того, как главный герой пошел к девушке, его друзья направились покупать себе сэндвичи и не пришли к нему на помощь, когда он звал их во время драки. В результате чего девушке удалось победить главного героя. Предыдущий контекст указывает на то, что герои ушли из-за страха перед данной девушкой, т. к. она является полицейским и физически сильнее каждого из них по отдельности. Соответственно, у мужчин было численное превосходство над девушкой, которое не удалось реализовать из-за трусости двух мужчин.

Также в рамках гендерного дискурса *трусость* мужчины может выражаться через бегство от опасностей, а девушка не бежит от данной опасности и, как правило, успешно с ней справляется: Penny: *Okay, it's done. Look, guys, for the future, I don't mind killing the big spiders, but you have to at least try with the little ones*¹⁶. В представленной ситуации четыре главных героя (мужчины) убегают от паука, т. к. они боятся членистоногих, в то же время девушка убивает данного паука. Комический эффект основан на гиперболе и разрушении стереотипа. Считается, что именно девушки боятся пауков, мышей и т. п.

Довольно частым предметом осмеяния становится трусливое расставание мужчины с женщиной, а именно расставание через записку на ночном столике, телефонный звонок, текстовое сообщение, изменение статуса в социальных сетях и т. д. Как отмечает К. Уэлш, данный вид трусости является одним из самых порицаемых в современном обществе [16, р. 185–186]. Зачастую данное проявление трусости реализуется через бегство от опасностей, где опасностью является девушка: Lily: *Why did you guys break up?* Marshall: *He wasn't ready for a commitment.* Lily: *Uh-huh.* Ted: *And her birthday might've been coming up.* Lily: *(Suspiciously): Uh-huh...* Ted: *Okay, so I didn't want to get a boyfriend-level gift for a girl I was just about to break up with.* Lily: *So you dumped her right before her birthday?* Ted: *No, I didn't dump her right before her birthday.* Marshall: *Uh-oh.* Ted: *Natalie! Hey. Happy birthday. Listen...* Lily: *(in rhythm): Never break up with a girl on her birthday!* Ted: *Lily, please! The shirt! I know! It was a mistake!* Lily: *Well, did she cry her eyes out?* Ted: *I don't know.* Lily: *How do you not...?! Oh, you didn't.* Ted: *Natalie! Hey, happy birthday. Listen... You're awesome. You really are. Awesome. I'm just like super-busy right now, so... Maybe we should just... Call it a day. But you're awesome.* Lily: *On her answering machine!?*

Ted: *Lily, come on.* Lily: *And on her birthday?! Oh, who breaks up with somebody On their answering machine on their birthday?! Marshall: Yeah, dude. E-mail*¹⁷.

В представленном примере описывается расставание главного героя со своей девушкой, при этом по мере развития сюжета раскрываются все более нелицеприятные детали данного расставания. Сначала герой рассказывает, что он бросил свою девушку в ее день рождения, потом выясняется, что сделал он это при помощи голосового сообщения. Оба этих факта вызывают смех зрителей, сопровождающийся неодобрительными вздохами, т. е. данный вид трусости помимо смеха вызывает еще и презрение. Наибольший смех вызывает в данном фрагменте реплика его друга о том, что с девушкой лучше расстаться по электронной почте. В данном случае комический эффект основан прежде всего на неожиданности, т. к. предполагаемой реакцией является полное осуждение главного героя. Вместо этого второй коммуникант предлагает ему другой вариант проявления трусости.

Следует отметить, что в некоторых контекстах антиценностный концепт *трусость* в гендерном аспекте может высмеиваться не через разрушения стереотипа *мужчина сильнее / храбрее женщины*. Так, осмеянию может подвергаться боязнь мужчины к вступлению в контакт с женщиной. Трусость в подобных ситуациях обычно высмеивается через потерю контроля над собственным телом: Penny (to Raj): *So, you guys work with Leonard and Sheldon at the University?* (Raj looks at her, looks back at his food, **takes a mouthful**). Penny: *Uh, I'm sorry, do you speak English?* Howard: *Oh, he speaks English, **he just can't speak to women***¹⁸. Боязнь мужчины вступить в контакт с женщиной гиперболизируется – один из главных героев не может разговаривать в присутствии женщин.

Заключение

Концепт *трусость* является одной из основных антиценностей современной англосаксонской лингвокультуры. В основе данного концепта лежит чувство страха и невозможность его преодолеть для совершения необходимого действия. Кроме того, антиценностный концепт *трусость* находится в антонимических отношениях с ценностным концептом *храбрость*. В представленной работе были впервые выделены комические характеристики данного концепта. Антиценностный концепт *трусость* высмеивается через состояние или результат, к которым приводит страх перед чем-либо. Соответственно, можно выделить следующие основные высмеиваемые характеристики

¹⁵ How I Met Your Mother. Bad Crazy. Режим доступа: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-8/episode-16-Bad_Crazy (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁶ The Big Bang Theory. The Dead Hooker Juxtaposition. Режим доступа: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-2-episode-19-the-dead-hooker-juxtaposition/> (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁷ How I Met Your Mother. Return of the Shirt. Режим доступа: https://sublikescript.com/series/How_I_Met_Your_Mother-460649/season-1/episode-4-Return_of_the_Shirt (дата обращения: 12.08.2021).

¹⁸ The Big Bang Theory. The Pilot. Режим доступа: <https://bigbangtrans.wordpress.com/series-1-episode-1-pilot-episode/> (дата обращения: 12.08.2021).

представленного концепта: потеря контроля над телом, бегство от опасностей, бездействие, различные аморальные поступки, неразумное поведение. Выявлены следующие основные причины трусости: боязнь быть убитым, боязнь получения серьезных физических повреждений, боязнь потенциального социального неодобрения.

Данное исследование показало, что высмеивание антиценностного концепта *трусость* играет важную роль в гендерном комическом. Также следует отметить, что гендерное комическое основано на разрушении стереотипа *мужчина сильнее / храбрее женщины*. Отмечено

значительное изменение в соотношении высмеивания женщин к высмеиванию мужчин. Так, происходит значительное увеличение контекстов, в которых объектом осмеяния становятся мужчины. Перспективным направлением исследования комического дискурса в рамках аксиологического подхода видится построение ценностной концептосферы комического.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб: Питер, 1999. 464 с.
2. Литвак М. Е. Неврозы: Клиника, профилактика и лечение. Ростов н/Д: Пайк, 1993. 112 с.
3. Щербатых Ю. В. Психология страха. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 507 с.
4. Зайкина С. В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 24 с.
5. Зайкина С. В. Страх // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. С. 247–268.
6. Дорджиева Д. В. Лингвокультурный концепт «подвиг» в русском, калмыцком и английском героических эпосах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 23 с.
7. Голубев Д. А. Лингвокультурный концепт «героизм» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2008. 22 с.
8. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. 422 с.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
10. Ильин В. В. Аксиология. М.: МГУ, 2005. 216 с.
11. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М.: URSS, 2013. 272 с.
12. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Серебренникова Е. Ф., Антипов Н. П., Ладыгин Ю. А., Малинович Ю. М., Плотникова С. Н., Тарева Е. Г., Хахалова С. А., Казыдуб Н. Н., Литвиненко Т. Е., Семенова Т. И., Готлиб О. М., Малинович М. В., Шарунов А. И., Кулагина О. А. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26.
13. Bréchon P. Les valeurs des Français. Paris: Armand Colin, 2003. 352 p.
14. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
15. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. 1997. № 1. С. 144–153.
16. Walsh C. Cowardice: a brief history. New Jersey: Princeton University Press, 2014. 304 p.
17. Любимова Н. В. Гендерные стереотипы сегодня // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады второй Междунар. конф. (Москва, 22–23 ноября 2001 г.) М.: Вудомино, 2002. С. 227–235.
18. Милованова М. В., Максимова В. Е. Гендерные стереотипы и средства их выражения в речи молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2011. № 2. С. 174–178.
19. Eagly A. H., Mladinic A. Gender stereotypes and attitudes toward women and men // Personality and Social Psychology Bulletin. 1989. Vol. 15. № 4. P. 543–558. <https://doi.org/10.1177/0146167289154008>
20. Heilman M. E. Gender stereotypes and workplace bias // Research in Organizational Behavior. 2012. № 32. P. 113–135.
21. Peus C., Braun S., Knipfer K. On becoming a leader in Asia and America: empirical evidence from women managers // The Leadership Quarterly. 2015. Vol. 26. № 1. P. 55–67.
22. Haines E. L., Deaux K., Lofaro N. The times they are a-changing ... or are they not? A comparison of gender stereotypes, 1983–2014 // Psychology of Women Quarterly. 2016. Vol. 40. № 3. P. 353–363. <https://doi.org/10.1177/0361684316634081>
23. Broverman I. K., Vogel S. R., Broverman D. M., Clarkson F. E., Rosenkrantz P. S. Sex-role stereotypes: a current appraisal // Journal of Social Issues. 1972. Vol. 28. № 2. P. 59–78. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1972.tb00018.x>
24. Hentschel T., Heilman M. E., Peus C. The multiple dimensions of gender stereotypes: a current look at men's and women's characterizations of others and themselves // Frontiers in Psychology. 2019. Vol. 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00011>
25. Kothhoff H. Gender and humor: The state of the art // Journal of Pragmatics. 2006. Vol. 38. № 1. P. 4–25. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2005.06.003>

original article

The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture

Arsentiy I. Bochkarev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-3869-2797>; arsentiy_87@mail.ru

Received 17 Aug 2021. Accepted after peer review 1 Oct 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: The article introduced the anti-value concept of cowardice in the humorous discourse of Anglo-Saxon linguistic culture. This concept is one of the main anti-values of modern Anglo-Saxon linguistic culture; however, it received very little scientific attention. Based on cognitive and axiological analyses, the author identified and analyzed the main characteristics of cowardice in humorous discourse. The analysis involved 50 episodes of stand-up specials and 500 episodes of various sitcoms. The key features of the anti-value concept of cowardice included fear, the level of danger, and the importance of overcoming danger. Other important characteristics of cowardice included immoral actions, avoiding danger, inaction, loss of control over one's bodily functions, and unreasonable behavior. The fear of death / injury / social disapproval proved to be the main reasons for cowardice. The author also analyzed the gender aspect of the concept. Cowardice appeared to be a typical male feature because humor is often derived from breaking the gender stereotype "a man is stronger / braver than a woman".

Keywords: axiological linguistics, humorous framework, value concepts, anti-values, concept of fear

Citation: Bochkarev A. I. The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1016–1023. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1016-1023>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Izard K. E. *Psychology of emotions*. St. Petersburg: Piter, 1999, 464. (In Russ.)
2. Litvak M. E. *Neuroses: Clinical presentation, prevention, and treatment*. Rostov-on-Don: Paik, 1993, 112. (In Russ.)
3. Shcherbatykh Yu. V. *The psychology of fear*, 2nd ed. Moscow: Eksmo-Press, 2002, 507. (In Russ.)
4. Zaikina S. V. *Emotional concept "fear" in English and Russian linguacultures (comparative aspect)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2004, 24. (In Russ.)
5. Zaikina S. V. Fear. *Anthology of concepts*, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 247–268. (In Russ.)
6. Dordzhieva D. V. *Linguacultural concept "fear" in Russian, Kalmyk, and English heroic epics*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2010, 23. (In Russ.)
7. Golubev D. A. *Linguacultural concept "heroism" in the Russian and English language pictures of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Yaroslavl, 2008, 22. (In Russ.)
8. Karasik V. I. *Language spiral: values, signs, and motives*. Moscow: Gnosis, 2019, 422. (In Russ.)
9. Karasik V. I. *Lingual circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
10. Ilyin V. V. *Axiology*. Moscow: MGU, 2005, 216. (In Russ.)
11. Maryanchik V. A. *Axiology and evaluativeness of the media-political text*. Moscow: URSS, 2013, 272. (In Russ.)
12. Serebrennikova E. F. Aspects of axiological linguistics. Serebrennikova E. F., Antipiev N. P., Ladygin Y. A., Malinovich Yu. M., Plotnikova S. N., Tareva E. G., Khakhalova S. A., Kazhdub N. N., Litvinenko T. E., Semenova T. I., Gotlib O. M., Malinovich M. V., Sharunov A. I., Kulagina O. A. *Linguistics and axiology: ethnosemiometry of value meanings*. Moscow: Tezaurus, 2011, 7–26. (In Russ.)
13. Bréchon P. *Les valeurs des Français*. Paris: Armand Colin, 2003, 352.
14. Wolf E. M. *Functional semantic of evaluation*. Moscow: Nauka, 1985, 228. (In Russ.)
15. Karasik V. I. Joke as a subject of linguistic study. *Speech Genres*, 1997, (1): 144–153. (In Russ.)
16. Walsh C. *Cowardice: a brief history*. New Jersey: Princeton University Press, 2014, 304.
17. Lyubimova N. V. Gender stereotypes today. *Gender: language, culture, and communication: Proc. second Intern. Conf.*, Moscow, 22–23 Nov 2001. Moscow: Vudomino, 2002, 227–235. (In Russ.)
18. Milovanova M. V., Maksimova V. E. Gender stereotypes and language means of their representation in youth's speech. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2011, (2): 174–178. (In Russ.)

19. Eagly A. H., Mladinic A. Gender stereotypes and attitudes toward women and men. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1989, 15(4): 543–558. <https://doi.org/10.1177/0146167289154008>
20. Heilman M. E. Gender stereotypes and workplace bias. *Research in Organizational Behavior*, 2012, (32): 113–135.
21. Peus C., Braun S., Knipfer K. On becoming a leader in Asia and America: empirical evidence from women managers. *The Leadership Quarterly*, 2015, 26(1): 55–67.
22. Haines E. L., Deaux K., Lofaro N. The times they are a-changing ... or are they not? A comparison of gender stereotypes, 1983–2014. *Psychology of Women Quarterly*, 2016, 40(3): 353–363. <https://doi.org/10.1177/0361684316634081>
23. Broverman I. K., Vogel S. R., Broverman D. M., Clarkson F. E., Rosenkrantz P. S. Sex-role stereotypes: a current appraisal. *Journal of Social Issues*, 1972, 28(2): 59–78. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1972.tb00018.x>
24. Hentschel T., Heilman M. E., Peus C. The multiple dimensions of gender stereotypes: a current look at men's and women's characterizations of others and themselves. *Frontiers in Psychology*, 2019, 10. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00011>
25. Kothhoff H. Gender and humor: The state of the art. *Journal of Pragmatics*, 2006, 38(1): 4–25. <http://dx.doi.org/10.1016/j.pragma.2005.06.003>

оригинальная статья

О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации

Николай Данилович Голев

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>; ngolevd@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2021. Принята после рецензирования 22.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Выявляются и описываются важнейшие тенденции современной письменной коммуникации. Обосновывается положение о том, что в существенной мере эти тенденции обусловлены конкуренцией двух важнейших коммуникативных кодов, используемых человечеством в течение ряда тысячелетий и веков: акустико-аудиального и мануально-визуального. Анализируются причины и следствия данной конкуренции в ее семиотическом, когнитивном и техническом аспектах. Аргументирована необходимость адаптации российского образования к современным тенденциям письменной речи, которые ярко обнаруживают себя в виртуальной коммуникации. Доказывается, что успешная адаптация предполагает предварительное научное изучение данных тенденций, а тенденция к целостно-системному представлению коммуникативного содержания, тесно увязанная с усилением визуального канала передачи информации, получает новые импульсы в современной письменной коммуникации. Школьные курсы русского языка отстают от них, так как сформированы поэтапными стратегиями. Холистические возможности визуально-письменного канала с помощью визуально-клиповых единиц более сильные, чем фоно-аудиально-письменного канала. В связи с этим автор обосновывает тезис о том, что конкуренция названных форм письма ведет не к вытеснению «слабого противочлена», а к перераспределению функций на основе преимуществ каждой из форм. Статья по своему формату является пилотной, на первый план в ней выдвигается постановка проблем, гипотез и исследовательских задач. Автор рассчитывает, что она будет способствовать переходу к конкретно-исследовательскому этапу решения поставленных задач.

Ключевые слова: коды письменной речи, холистические тенденции письменной речи, элементаристские тенденции письменной речи, виртуальная коммуникация, каллиграфия

Цитирование: Голев Н. Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1024–1031. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1024-1031>

Введение

Цель данного исследования¹ – рассмотреть важнейшие проявления прогрессивного развития письменной коммуникации, которые в своей совокупности образуют глобальные тенденции, выходящие за пределы ее сугубо технической стороны, и некоторые частные проявления глобальных тенденций в письменной коммуникации. Многие из таких тенденций восходят к глубокой древности, имеют длительную историю, продолжают в настоящее время и обладают перспективой дальнейшего продолжения в новом качестве. Лингвисты уже неоднократно обращали внимание на различные аспекты новизны, которые несет с собой современная виртуальная коммуникация (см., например, [1–5]). Настоящая статья является продолжением предшествующих исследований автора, их результаты, в частности, отражены в некоторых публикациях [2; 3] и отчасти представлены в содержании данной статьи.

Конкуренция в современной письменной речи двух кодов: акустико-аудиального и мануально-визуального,

на наш взгляд, определяет развитие коммуникативной сферы современности в рамках диалектики (закона о единстве и борьбе противоположностей). Начало конкуренции названных кодов можно усмотреть уже на заре человечества – на этапе противостояния жестового языка и звукового. Безоговорочную победу тогда одержал звуковой язык. С появлением письменности роль мануально-визуального кода существенно усилилась, хотя во многом этот код носит вторичный характер по отношению к звуковому.

В настоящее время, по нашему мнению, происходит возврат к состоянию былой конкуренции. Визуально-мануальная речь усиливает свои позиции; правда, то, что касается мануальной составляющей, не является однозначно ясным и понятным. В частности, было бы неправильным прямолинейно утверждать, что «рука» в письме однозначно уходит на второй план. Формируется другая роль «руки» – руки «печатающей», при этом возрастание скорости набора на клавиатуре усиливает эту новую позицию

¹ Статья написана на основе текста для доклада, прочитанного автором на Краевой научно-практической конференции «Каллиграфия: связь времен и социальных практик развития человека» (Бийск, 2021). В статье сохраняются некоторые стилистические и композиционные моменты устного доклада перед широкой публичной аудиторией.

«руки» в письме. (Ср. рекламный текст курсов обучения набора текста на клавиатуре: «у человека, который прошел обучение по курсу слепой печати скорость набора текста на профессиональном уровне владения клавиатурой > 400 зн/мин > 80 wpm; высокая скорость печати, близкая к скорости речи»².) Симптоматично признание опытного компьютерщика, объявившего: иногда я ловлю себя на мысли, что набираю быстрее текст, чем думаю. Понятно, что это гипербола и метафора будущей реальности письма, в которой роботизация достигла запредельных состояний. Следующие две шутки отражают нынешнюю и будущую реальность: 1) «Внук долго не мог поверить, что полное имя любимой бабы Клавы – вовсе не Клавиатура»; 2) вторая картинка, описывающая урок будущего, приведена в заключительном фрагменте статьи.

Анализ обозначенной конкуренции позволяет выдвинуть гипотезу о том, что конкурирующие формы в онлайн-общении функционально дифференцированы: каждая ищет и находит в нем свое место. Ее теоретическое обоснование – главная задача настоящей статьи. Она реализуется в увязке с понятием каллиграфии, которое в рамках поставленных теоретических задач трактуется нами как более общекоммуникативное понятие. Потребность и умение тщательно и красиво писать рукой буквы, строки и целые письменные тексты – лишь частный случай каллиграфии [6]. В широком понимании «тщательно и красиво» представляет собой отдельный аспект коммуникативной эффективности, так же как и «писать рукой» – отдельный способ фиксации смыслов. Этот широкий аспект включает эстетический, культурный и этический компоненты коммуникации, ее ориентацию на адресата, что подразумевает учет интересов адресата, в том числе эстетических и этических. Комфортное и удобное восприятие текста является маркировкой уважительного отношения к адресату. Если понимать каллиграфию таким широким образом, то мы с необходимостью приходим к выводу, что маркеры такого рода уважительности можно обнаружить не только в письме «от руки», но и в других формах письма, в том числе электронных. Развивая данную гипотезу, считаем возможным утверждать, что появление новых форм коммуникации создает ситуацию крупных изменений не только в технической части письма, но и в самой письменной ментальности [7], в том числе ее этических и эстетических составляющих, что выводит тематику статьи в область педагогики. Таким образом, в общую теоретическую парадигму каллиграфии мы намерены включить ее прикладные аспекты – дидактические и исследовательские, в которых также усматриваем перспективы развития каллиграфии как в области практической речевой деятельности, так и в области гносеологической.

Интернет, скайп, СМС, аудио-книги, презентации, дистанционное обучение активно включены в социальную жизнь, прежде всего – в жизнь молодого поколения.

Они интенсивно вторгаются в прежнюю систему письменной коммуникации, конкурируя с ее традиционными формами. Одновременно конкуренция осуществляется и внутри новых форм. Все эти процессы протекают на наших глазах, и задача лингвиста – их зафиксировать, описать и интерпретировать (о некоторых результатах см., например, в [1; 5]).

Холистическая и элементаристская тенденции виртуальной письменной коммуникации

Тенденция к холистическому представлению коммуникативного содержания тесно увязана с усилением визуального канала передачи информации. «За деревьями не видеть леса» – афористическая формула холистического видения явлений, подчеркивающая некоторую ограниченность элементаристского видения. Данная оппозиция нуждается в осмыслении в разных сферах научного (в том числе лингвистического) знания, особенно в дидактике, прежде всего потому, что школьное мышление – преимущественно элементаристское. Как школьное, так и бытовое сознание сформированы элементаристскими стратегиями, восходящими к процессу начального обучения письменной речи, но никак не к реальному письменно-речевому поведению взрослых носителей русского языка (пишущих и читающих), составляющими которого являются, в частности, скоропись, скороотение, чтение «про себя» (ярчайший образец беззвучной речевой деятельности).

Признание наличия и взаимодействия двух форматов коммуникации – мануально-визуального и акустико-аудиального, а в первом формате – наличия двух тенденций: элементаристской и холистической, иероглифической и фонематической – предполагает признание необходимости их гармонизации. На глубинном когнитивном уровне оппозиция названных тенденций коррелирует с оппозицией и одновременно тесным взаимодействием когнитивных функций правого и левого полушарий головного мозга. Первое из них в большей степени отвечает за целостное, нерасчлененное восприятие мира, второе – за поэлементное, расчлененное восприятие и за обработку результатов такого восприятия. Гармонизация таких когнитивных форматов на практике – в том числе педагогическая задача. И то и другое подлежит формированию и развитию в сознании учащихся.

В настоящее время, на наш взгляд, школа преимущественно «элементаристская», сосредоточенная на формировании алгоритмов движения от букв к звучанию и далее – к смыслам слова и фраз. В более широком смысле – от единиц низких уровней к единицам более высоких, от «мелких единиц» – к крупным. Так, однако, устроен школьный курс русского языка, который в школе изучают поэтапно, от фонетики к синтаксису. То обстоятельство, что движение мысли осуществляется наоборот, в школе обычно не замечается. Как следствие холистические

² Соло на клавиатуре. Режим доступа: <https://solo.nabiraem.ru/> (дата обращения: 15.08.2021).

алгоритмы речевой деятельности не развиваются, к примеру, умение схватывать мысль текста сразу не формируется. Скорочтение и скоропись [1], предполагающие такие алгоритмы, трактуются как второсортные и даже вредные форматы письменно-речевой деятельности. Так, есть немало методических книг с названием «Чтение под микроскопом», но нет книг с названием «Чтение под телескопом».

Новые тенденции, порождаемые виртуальной коммуникацией, актуализируют холистические процедуры письменно-речевой деятельности, в частности подачу информации крупными блоками: блок идентифицируется читателем целостно, минуя актуализацию алгоритмов, приводящих к такому блоку. Такие блоки часто называют клипами, а мышление на их основе – клиповым. Оно нередко оценивается негативно, для чего есть определенные объективные основания. Это понятно: во всяком новом явлении, еще не адаптированном сознанием, наличествуют моменты, содержащие негативный потенциал. Мы намерены, однако, вести речь о позитивном потенциале.

«Холистические возможности визуально-письменного канала с помощью таких клиповых единиц более сильные, чем фоно-аудиально-письменного канала. Само словосочетание "видение целого" на слух заметно привычнее, чем словосочетание "слышание целого", что вполне естественно: видеть картину в целом естественно, а слышать симфонию в целом – скорее исключение» [2, с. 9]. Конкуренция «звуковой» лекции-презентации является хорошим примером борьбы двух названных нами каналов в дидактической сфере. Причем нередко эта конкуренция происходит непосредственно в речевом акте, когда студент или школьник имеет выбор «считывания» информации: либо списывания текста с экрана, либо записывания «со слуха». «Возникает принципиальный вопрос: презентация с широким письменным представлением текста, обширным цитированием – это визуальное подкрепление звучащей речи докладчика или, напротив, – озвучивание письменного текста? Что здесь первично? Если письменное представление текста на экране, то получается, что лекции читает студент, а не лектор! По нашим наблюдениям, сильные студенты отдают предпочтение визуальному каналу» [2, с. 9]. Такая конкуренция повсеместна. Например, в этом ряду стоит конкуренция видов письменно-речевой деятельности на скайпе – здесь всегда есть возможность перейти от звукового общения к письменному. Подобным образом конкурируют СМС и прямые звонки адресату по сотовому телефону. В эту картину конкуренции звука и графического знака активно вторгается видеоряд, особенно в системе WhatsApp.

В ряду конкурирующих феноменов письменно-речевой деятельности стоят также виртуальные, лингво-когнитивные речевые механизмы: «планирование речевого произведения, прогностика, ретрогностика речи, необходимое присутствие в речи таких составляющих, как реконструкция подразумеваемого автора и авторского замысла, которые могут возникнуть при восприятии большого речевого произведения

уже на начальных его этапах как прообраз целого» [2, с. 11]. Все они олицетворяют примат холистического начала чтения как формы письменной речи. Особенно ощутимо это касается чтения «про себя». Убыстрение речи усиливают позиции речевого холизма. «Очевидно также, что в скорописи и скорочтении элементаристская цепочка "от простого к сложному" часто нарушается – эти формы письменно-речевой деятельности в значительной степени холистичны, пишущий и читающий оперируют, как правило, более крупными единицами, чем фонемо-буква или слог-буквосочетание. Эти крупные единицы также могут быть квалифицированы как иероглифы в широком понимании этого термина» [2, с. 11]. Одно из ярких проявлений этой тенденции – современная графодериватология, представляющая собой весьма развитую систему, конкурирующую с фонемно-буквенной системой – это всевозможные сокращения словесных и фразовых написаний, замен букв, буквосочетаний, написаний слов и фраз – небуквенными элементами, элементами других буквенных и графических систем.

Звуковой и письменный коды современной виртуальной коммуникации

Данная тема подробно описана нами в некоторых статьях [2; 3], хотелось бы лишь остановиться на некоторых моментах. Отрыв чтения от звучащей речи наиболее ярко проявляется в чтении «про себя», к которому прибегает большинство взрослых, овладевших этой формой письменной речи. Несмотря на ее распространенность и эффективность, к этой форме не проявляют интереса ни исследователи, ни педагоги. Последние ориентированы на обучение чтению вслух – по буквам, слогам, словам, на медленном чтении (через микроскоп), но скорочтение в этой парадигме обычно квалифицируется как поверхностное чтение, что никак не доказано. Напротив, хорошо известно, что умение схватывать смысл сразу и крупно способствует в конечном итоге прочтению текста на его более глубоком прочтении. Такому умению нужно учить детей. Не беремся утверждать, что делать это нужно с раннего возраста. Будет жаль, если современное понимание каллиграфии сосредоточится исключительно на узком ее значении, а именно на медленном выведении отдельных букв и побуквенном написании и чтении, как у толстовского Филиппа: *Ну-ка сложи свое имя. Филиппок сказал: – Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.*

Дидактические аспекты исследования

Прикладную значимость нашего исследования мы видим не в отрицании элементаристского (=каллиграфического) отношения к письменной речи, а в переносе акцентов с него на холистическое. Если очерченные тенденции объективны и в этом смысле необходимы и неизбежны, мы должны перестраивать и систему обучения с упором на умение работать с холистическими механизмами письменной речи – обучать скорописи и скорочтению, крупноблочному представлению материала.

Идея использования визуальных форм в учебном процессе принадлежит не нам, в частности, ее активно предлагал и использовал на практике В. Ф. Шаталов – советский учитель-новатор 1960–1970-х гг. [8]. В последнее время ее активно разрабатывает В. Б. Исаков применительно к правовой информации [9]. Нами накоплен немалый опыт использования данной формы обучения в формате учебного процесса, названного термином *ноотека*: суть ноотеки – в максимальной вовлеченности студентов в подготовку и проведение занятий по курсу [10]. Такие педагогические проекты предполагали использование презентаций. Одно из обязательных заданий в системе Ноотека – зафиксировать тему в форме плана-конспекта (пример представлен на рисунке), такая форма формирует способность холистического видения темы.

Рис. Пример оформления плана-конспекта в системе Ноотека, тема – *Определения*

Fig. Nootecha system: a plan outline for *Definitions*

Все вышеперечисленное в поддержку холистических тенденций в письменной коммуникации не означает, что элементаристские тенденции исчерпали себя, не должны и не могут служить развитию языковой личности. Это касается и каллиграфии в узком смысле слова – тщательному и красивому выписыванию каждой буквы в рукописном тексте. В качестве иллюстрации этого тезиса приведем использование переписывания для выработки орфографической зоркости в нашей инновационной программе развития письменно-речевых способностей школьников на основе пропедевтического изучения текста [11–13]. Школьник предварительно знакомится с текстом, по которому он далее будет писать диктант на оценку, чем мотивируется на актуализированное «знакомство» или изучение данного текста. В программе рассматривались разные способы изучения, например предлагалось глубокое «изучение», которое происходит при пропедевтическом переписывании текста, данный способ был назван нами *визуально-кинестетическим*. Рискнем предположить, что

тщательное переписывание в большей мере будет способствовать решению поставленной задачи – формированию зрительного образа слова.

Эта гипотеза нуждается в системной конкретно-исследовательской (экспериментальной) проверке. Под системностью понимаем, прежде всего, осуществление эксперимента в оппозиции нашего подхода противоположному подходу – опоре не на зрительный, а на звуковой образ. Последний подход предложил и активно использовал в своей дидактической практике П. С. Тоцкий, его суть изложена в учебном пособии, названном «Орфография без правил» [14]. В нем П. С. Тоцкий предложено артикуляционное чтение – звуковая актуализация как пропедевтика предстоящего диктанта. Автор доказывает, что тщательное проговаривание орфограмм (в правильном варианте) закрепляет правильное написание в сознании, и ребенок точно воспроизводит закрепленное таким образом правильное написание слова. Чтобы запомнить написание слова, ребенок должен несколько раз повторить его вслух так, как оно пишется. Как вариант закрепления подобного типа, который совмещает обе стратегии, в нашей программе предложено пропедевтическое изучение текста в виде слушания текста, подлежащего воспроизведению, с параллельным слежением глазами (чтением) за напечатанным текстом; данный способ является *аудиально-визуальным*.

Экспериментальное доказательство эффективности переписывания может придать новые импульсы введению традиционной каллиграфии в арсенал обучения и воспитания детей как элемента формирования их письменной культуры [15–17].

Заключение

Завершая представление современного письменного виртуального общения в лингводидактическом аспекте, выскажем обобщающий тезис, который представляется нам принципиально важным: в данной сфере функционирования русского языка формируются не только новые семиотические, технические, ментальные элементы, но и вырабатываются новые культурные и эстетические нормы. Эти нормы имеют позитивный потенциал и подлежат не только изучению, но и обучению. Мы полагаем, что новую культуру следует не осуждать (разумеется, как всякое новое, она является разрушительной по отношению к традиции), а повышать ее уровень. Надо учить писать СМС, посты, вести дискуссию в Интернете и т. п. Приведенный ниже шуточный пример считаем весьма показательным в данном отношении.

В каждой шутке, как известно, всегда имеется лишь доля шутки, остальное – серьезное. В каждой хорошей пародии всегда присутствует отражение реальности. Мы констатируем присутствие таковой серьезности в нашей компьютерно-виртуальной реальности и предлагаем не прятать голову в песок и не сосредотачиваться исключительно на критике виртуального письменного (и устного тоже) общения

Имитация урока русского языка в будущем:

- Здравствуйте, дети.
- Здравствуйте, Мария Юрьевна...
- Садитесь. Сегодня мы пишем пост!
- Уууу.. Мария Юрьевна, может, смс хотя бы, а?
- Так! Тихо там. Совсем тексты большие разучитесь писать. А у вас ЕГЭ на носу. Часть С. Что вы там напишите? «Чмок. Лол. Лойс»?
- Ну, давайте твит, может?
- Так! Перестаньте торговаться! Записывайте тему поста «Степан Данилов. Образ маленького человека». И чтобы к концу урока было минимум по 5 лайков и 3 комментария к каждому посту.
- Ну, Маааарь Юрьевна...
- Кто будет писать комментарии соседу по парте – сразу дизлайк в журнал. Все поняли?
- Да-а-а.

молодого поколения россиян в социальных сетях. Учителям вслед за «Марь Юрьевной» предлагаем вырабатывать новую культуру письменной речи у молодежи. Лингвистам-профессионалам предлагаем всерьез изучать нашу новую реальность. Такая работа уже начата [18–20].

В статье представлены результаты исследования письменной коммуникации новейшего времени, выявлены важнейшие особенности, определяющие ее функционирование, и тенденции развития. Обосновано усиление тенденции к визуализации, отмечаемое нами и другими исследователями в ряде предшествующих работ [2; 6; 8;

13; 21–25]. Проведенное исследование по своему формату является пилотным, на первый план в нем выдвигается постановка проблем, гипотез и исследовательских задач. Автор рассчитывает, что оно будет способствовать переходу к конкретно-исследовательскому этапу, к решению конкретных задач. К их числу автором отнесены конкретно-исследовательские задачи, связанные с наблюдением, описанием и обобщением реальной практики использования современных двухканальных форматов общения (как в позиции адресанта, так и в позиции адресата), в которых наиболее отчетливо проявляется конкуренция визуально-мануального и акустико-аудиального кодов: смартфон, скайп, лекции, презентации и др. Особое внимание в статье уделено педагогическим аспектам быстро развивающегося визуально-мануального канала. Мы подчеркиваем необходимость опережающего обучения коммуникации в ее новейших форматах. Особенно значимым является формирование у учащихся холистических алгоритмов письменной коммуникации. В рамках мануальной составляющей письменной коммуникации в статье предлагается широкое понимание каллиграфии, которая в контексте современных тенденций письма приобретает новые смыслы.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-412-420004 p_a «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

Литература

1. Алтухова Т. В., Лебедева Н. Б. Виртуальное общение: новый этап развития письменной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 105–111.
2. Голев Н. Д. Письменная коммуникация Новейшего времени: основные векторы развития // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2. С. 5–18.
3. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5. С. 12–30.
4. Строганов В. Б., Ворошилова М. Б. «Ризоморфизация» социальных сетей как этап перехода к системе Web.3 // Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. А. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 1. С. 30–40.
5. Социальные сети: комплексный лингвистический анализ / науч. ред. Н. Д. Голев, отв. ред. А. Г. Ким.. Кемерово: КемГУ, 2021. Т. 2. 300 с.
6. Ян И. Каллиграфия: искусство, которое меняется вместе со временем // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. № 4. С. 124–128.
7. Шкуратов В. А. Историческая психология. Книга первая. Введение в историческую психологию. 3-е изд., расш. М.: Кредо, 2015. 244 с.
8. Кондракова С. О. Опорные сигналы В. Ф. Шаталова – средство активизации творческого подхода к учебному процессу // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена 2008. № 65. С. 404–408.
9. Исаков В. Б. Графенто 1: Графический язык правовой аналитики. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 50 с.
10. Голев Н. Д. Ноотека: балльно-рейтинговая система + проектирование, или К вопросу о переходе количественных измерений ЗУН в качественные // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 3. С. 199–213. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-3-199-213>

11. Голев Н. Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике / под ред. Т. И. Стексовой. Новосибирск: НГПУ, 1999. С. 97–107.
12. Голев Н. Д. Инновационная программа развития письменно-речевых способностей школьников на основе пропедевтического изучения текста (технологический аспект) // Доклады Сибирского отделения Академии наук высшей школы. 2001. № 1. С. 86–93.
13. Голев Н. Д. Опорные точки текста как элементы когнитивных механизмов его пропедевтического анализа (на примере обучения стилизации) // Социально-когнитивное функционирование языка / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2017. 226–240.
14. Тоцкий П. С. Орфография без правил. М.: Просвещение, 1991. 142 с.
15. Культурно-речевая ситуация в современной России / отв. ред. Н. А. Купина. Екатеринбург: УрФУ, 2000. 379 с.
16. Голев Н. Д. Лингвистические и лингводидактические проблемы языкового образования: опыт построения единого курса развития языковой способности // Прикладная филология в сфере инженерного образования. Методология и методика языкового обучения в техническом вузе / гл. ред. Е. Г. Новикова. Нортхэмптон-Томск: ТПУ, 2004. Т. 1. С. 15–38.
17. Тискова О. В. К возможности рассмотрения русской пунктуации в перлокутивном аспекте на материале рекламных сообщений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-1. С. 166–169.
18. Тимошенко Н. В. Современная молодёжь и её коммуникация в сети Интернет: поколения Y и Z // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2017. № 11. С. 94–98.
19. Крохмальский Р. О. Коммуникация и современная образовательная среда вуза: вызовы информационного общества // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 137–140.
20. Хмелькова М. А. Современная коммуникация и общение в образовательном пространстве вуза // Ахмадиева Л. Р., Барлас Т. В., Буслаева Е. А., Калинина Н. В., Кошелева Ю. П., Малова Ю. В., Пашукова Т. И., Троицкая Е. А., Хмелькова М. А., Юркина Л. В. Психолого-педагогические аспекты эффективного общения в образовательной среде. М.: МГАУ, 2018. С. 33–42.
21. Ким Л. Г. Единицы описания интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1. С. 186–190.
22. Голев Н. Д., Лебедева Н. Б., Халина Н. В., Мурзин Л. Н., Карпухина В. А., Чернышова Т. В., Чувакин А. А., Бринев К. И., Трубникова Ю. В. Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул: АлтГУ, 1998. 252 с.
23. Шпильная Н. Н. Визуализация как грамматологический принцип (к проблеме описания принципов русского письма) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 106–115. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-106-115>
24. Salimzanova D. A., Bilyalova A. A., Bazarova L. V., Khairullina D. D. Visualization as a basis for the high quality education in linguistic university // Global Scientific Potential. 2020. № 3. С. 103–107.
25. Моторная С. Е. Визуализация информации как технология обучения в высшей школе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 177–183. <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0041>

original article

Codes of Modern Written Communication: Acoustic-Auditory vs. Manual-Visual

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>; ngolevd@mail.ru

Received 2 Sep 2021. Accepted after peer review 22 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: The article introduces the semiotic, cognitive, and technical aspects of the most important trends in the modern written communication, which arise as a result of the competition between acoustic-auditory and manual-visual codes. The author believes that Russian education has to adapt to the contemporary trends in virtual communication, which requires a preliminary research. The problem is that the integral-systemic presentation of communicative content is developing as a result of the growing share of visual data in various types of communication. The school course of Russian is based on elementary strategies and cannot keep up with these changes. Video-clip unites give the visual-written perception much better holistic

possibilities than those of the phono-auditory-written channel. The competition of these two forms of writing is unlikely to displace the weaker opposition member. Chances are that it will redistribute their functions based on the advantages of each form.

Keywords: codes of writing, holistic tendencies in writing, elementary tendencies in writing, virtual communication, calligraphy

Citation: Golev N. D. Codes of Modern Written Communication: Acoustic-Auditory vs. Manual-Visual. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1024–1031. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1024-1031>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Funding: The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-412-420004 r_a "Linguistic monitoring of social tension in Kuzbass".

References

1. Altukhova T. V., Lebedeva N. B. Virtual communication: a new stage in writing communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1): 105–111. (In Russ.)
2. Golev N. D. Written communication of modern time: main vectors of development. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, (2): 5–18. (In Russ.)
3. Golev N. D. Russian colloquial written speech and the reflection of its modern state in the ordinary metalanguage consciousness of virtual communication participants. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2013, (5): 12–30. (In Russ.)
4. Stroganov V. B., Voroshilova M. B. "Rhizomorph" of social networks as a stage of transition to the Web.3 system. *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemGU, 2021, vol. 1, 30–40. (In Russ.)
5. *Social networks: a complex linguistic analysis*, eds. Golev N. D., Kim L. G. Kemerovo: KemGU, 2021, vol. 2, 300. (In Russ.)
6. Yang Yi. Calligraphy: an art that changes with time. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2006, 5(4): 124–128. (In Russ.)
7. Shkuratov V. A. *Historical psychology. Book one. Introduction to Historical Psychology*, 3rd ed. Moscow: Kredo, 2015, 244. (In Russ.)
8. Kondrakova S. O. V. Shatalov's reference signals as means of activation of the creative approach to the teaching process. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (65): 404–408. (In Russ.)
9. Isakov V. B. *Grafento 1: Graphic language of legal analytics*. Moscow: NIU VShE, 2016, 50. (In Russ.)
10. Golev N. D. "Nootheca": point-rating system + design, or Revisiting the issue of transition from quantitative to qualitative measurements of knowledge, skills, and abilities. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(3): 199–213. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-3-199-213>
11. Golev N. D. Cognitive aspect of Russian spelling: spelling-centrism as a principle of ordinary metalanguage consciousness. *Reflection of the Russian language picture of the world in vocabulary and grammar*, ed. Steksova T. I. Novosibirsk: NGPU, 1999, 97–107. (In Russ.)
12. Golev N. D. An innovative program for the development of writing and speech methods of schoolchildren on the basis of a propaedeutic study of the text (technological aspect). *Doklady Sibirskogo otdeleniia Akademii nauk vysshei shkoly*, 2001, (1): 86–94. (In Russ.)
13. Golev N. D. Reference points of the text as elements of the cognitive mechanisms of its propaedeutic analysis (the case of teaching stylization). *Social and cognitive functioning of language*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, 2017, 226–240. (In Russ.)
14. Totskii P. S. *Spelling without rules*. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 142. (In Russ.)
15. *Cultural and speech situation in modern Russia*, ed. Kupina N. A. Ekaterinburg: UrFU, 2000, 379. (In Russ.)
16. Golev N. D. Linguistic and linguadidactic problems of language education: the experience of building a unified course for the development of language ability. *Applied Philology in the field of engineering education. Methodology and methodology of language teaching at a technical university*, ed. Novikova E. G. Northampton-Tomsk: TPU, 2004, vol. 1, 15–38. (In Russ.)
17. Tiskova O. V. On potential considering the Russian punctuation from the perlocutionary perspective. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (4-1): 166–169. (In Russ.)
18. Timoshenko N. V. Modern youth and its communication in the Internet: generations Y and Z. *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki*, 2017, (11): 94–98. (In Russ.)
19. Krokmalny R. O. Communication and modern educational environment of HEE: challenges of information society. *Molody ucheny*, 2016, (10): 137–140. (In Russ.)

20. Khmelkova M. A. Modern communication and communication in the educational space of the university. Akhmadieva L. R., Barlas T. V., Buslaeva E. L., Kalinina N. V., Kosheleva Yu. P., Malova Y. V., Pashukova T. I., Troitskaya E. A., Khmelkova M. A., Yurkina L. V. *Psychological and pedagogical aspects of effective communication in the educational environment*. Moscow: MGLU, 2018, 33–42. (In Russ.)
21. Kim L. G. The description units of the text interpretive functioning in the addressee field. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (1): 186–190. (In Russ.)
22. Golev N. D., Lebedeva N. B., Khalina N. V., Murzin L. N., Karpukhina V. A., Chernyshova T. V., Chuvakin A. A., Brinev K. I., Trubnikova Yu. V. *Essays on linguistic determinology and derivatology of the Russian language*. Barnaul: AltGU, 1998, 252. (In Russ.)
23. Shpilnaya N. N. Visualization as a grammatical principle (to the problem of describing the principles of Russian writing). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2020, (4): 106–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2020-4-106-115>
24. Salimzanova D. A., Bilyalova A. A., Bazarova L. V., Khairullina D. D. Visualization as the basis of quality education in a linguistic university. *Global scientific potential*, 2020, (3): 103–107. (In Russ.)
25. Motornaya S. E. Information visualization as a higher education technology. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2020, 9(2): 177–183. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0902-0041>

оригинальная статья

Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей в речевых жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*

Елена Романовна Кравчук

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, г. Симферополь; <https://orcid.org/0000-0001-6622-4259>;
elenacrav4uk@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.07.2021. Принята после рецензирования 28.09.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: Публикация посвящена изучению конструирования имиджа телеведущей в речевых жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*. Речевой жанр рассматривается как фактор, влияющий на создание лингвистического имиджа медийной личности. Под лингвистическим имиджем понимаются языковые средства-экспликативы, используемые телеведущей для достижения основной цели речевого жанра. Цель статьи – продемонстрировать взаимосвязь между имиджем телевизионной ведущей и речевыми жанрами *интервью-беседа* / *портретное интервью*. Предметом исследовательского внимания послужили языковые средства экспликации имиджа телевизионной ведущей, работающей в указанных речевых жанрах. При проведении работы применялся описательный метод с привлечением качественного и количественного контент-анализа, дискурс-анализа. Лингвистический имидж телеведущей проанализирован на четырех уровнях языковой системы. На каждом из них обнаружены единицы, являющиеся своеобразными маркерами языкового имиджа телеведущей в речевых жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*. Результаты работы могут быть применены в теоретических и практических курсах по теории медиадискурса, спецкурсах по медиалингвистике, лингвоимиджелогии и коммуникативной жанрологии. В перспективе исследование может быть направлено на определение невербальных средств-экспликативов имиджа телевизионной ведущей в исследуемых речевых жанрах.

Ключевые слова: имиджелогия, телевизионный дискурс, языковые средства-экспликативы, медиатекст, контент-анализ, дискурс-анализ

Цитирование: Кравчук Е. Р. Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей в речевых жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1032–1040. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1032-1040>

Введение

Терминологическим аппаратом для настоящего исследования послужили понятия *речевой жанр*, *имидж*, *интервью-беседа*, *портретное интервью*. Для осмысления специфики конструирования лингвистического имиджа следует отталкиваться от определений *имидж* (в целом) и *речевой жанр*. Д. А. Щитова трактует *имидж* следующим образом: «"долговременная ролевая маска", которая "надевается" кем-либо для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания общественного интереса к своей персоне, достижения целей» [1, с. 149]. Лингвистическое формирование имиджа отражено в работах О. В. Булгаковой [2], А. С. Герасимовой и О. С. Иссерс [3], М. В. Катинской [4], Е. С. Кубряковой [5], А. Г. Шилиной [6] и др. Под *лингвистическим имиджем* будем понимать языковые средства-экспликативы, используемые телеведущей для достижения цели речевого жанра. Речевой жанр, вслед за Ст. Гайдой, определяем как «культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [7, с. 103]. В научных трудах XXI в. жанр *интервью* изучается с позиций лингвистики [8–10], журналистики [11–13], имиджелогии [14–16], социологии [17–19]. Немало внимания уделяется жанру *портретное интервью* [20–24].

Цель данного исследования – продемонстрировать взаимосвязь между имиджем телеведущей и речевыми жанрами *интервью-беседа* / *портретное интервью*. Изменение языковых средств экспликации имиджа телеведущей при переходе из одного речевого жанра в другой является недостаточно изученным с точки зрения сферы функционирования современного русского литературного языка, чем и обусловлена актуальность работы.

В работе используется описательный метод, реализующийся в выявлении фонетических, лексических, морфологических и синтаксических средств-экспликативов лингвистического имиджа телевизионной ведущей. Вспомогательными являются методы качественного и количественного контент-анализа, предполагающие определение языковых средств-экспликативов имиджа телевизионной ведущей, подсчет данных единиц и дальнейшее обобщение результатов. Помимо вышеуказанных методов, в работе применяется метод дискурс-анализа, подразумевающий выбор текста для анализа (выбор выпуска телевизионной программы), транскрибирование текста (медиатекста), выполнение самого анализа (характеристика языковых средств-экспликативов). Нами применяются

процедуры контент-анализа и дискурс-анализа, описанные в монографическом труде О. А. Леонтович [25].

Материалом исследования послужили телевизионные тексты программ «Белая студия» (за период 2015–2018 гг.) и «Синяя птица» (за период 2018–2019 гг.). Проанализировано около 100 медиатекстов. Лингвистический имидж телевизионной ведущей Д. Златопольской проанализирован на каждом уровне языковой системы.

Имидж Д. Златопольской в речевом жанре интервью-беседа

Фонетический уровень:

- звуки-паразиты (81,8 %): *Но я тебе хочу сказать, что человек, который выбрал эту музыку, вчера э-э-э для Лалы, это, конечно, человек, к мнению которого мы не могли не прислушаться* (Синяя птица. 24.11.2019);
- стяженные формы отчеств (18,2 %): *Константин Аркадь[и]ч, огромное Вам спасибо* (Синяя птица. 24.11.2019).

Лексический уровень:

- молодежный сленг (50 %): *Девочки, какой класс¹!* (Синяя птица. 24.11.2019);
- иноязычная лексика, заимствованные слова² (25 %): *Трудно поверить, но это известное произведение было написано в поддержку рекламы фуникулера³, который вел на Везувий* (Синяя птица. 29.12.2019);
- разговорная лексика (25 %): *Я знаю, Коля, что ты хочешь увидеть, как я буду лететь с моноцикла* (Синяя птица. 24.11.2019).

Фразеологический аспект:

- прецедентные единицы (83 %):
  - прецедентные феномены-оригиналы: 1) вербальные прецедентные феномены (прецедентные высказывания): *«Щас спую», да?* [мультфильм «Жил-был пес», 1982 г.] (Синяя птица. 24.11.2019); 2) невербальные прецедентные феномены: *Ты играл Юру Медяника или волка из «Ну, погоди!»?* [отсылка к персонажу волка из мультсериала «Ну, погоди!»] (Синяя птица. 24.11.2019); *В декабре семьдесят девятого на центральном телевидении состоялась премьера фильма «Д'Артаньян и три мушкетера»* (Синяя птица. 29.12.2019);
  - прецедентные феномены трансформированной структуры (прецедентные высказывания): *Светлана Борисовна, Вы же любите цирк так, как люблю его я?* [В. Г. Белинский: «Любите ли вы театр так, как я люблю его...»] (Синяя птица. 24.11.2019);

- фразеологические единицы (17 %): *В добрый путь! И тебе большое спасибо за то, что ты сегодня здесь сияла* (Синяя птица. 18.11.2018).

Морфологический уровень:

- глаголы (50,18 %):
  - 1 лица ед.ч. (13,6 %): *Я уверена, что наши участники поддержат такую высокую планку, ведь это большой предновогодний финал конкурса юных талантов «Синяя птица»* (Синяя птица. 29.12.2019);
  - 1 лица мн. ч. (несколько адресатов) (5,8 %): *Жители Саранска, мы вам завидуем* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 2 лица ед.ч. (один адресат на ты) (10,7 %): *Коля, если ты выйдешь сейчас и попробуешь сесть на моноцикл рядом со мной* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 2 лица ед. ч. в повелительном наклонении (один адресат на ты) (1,7 %): *Ну, расскажи, сколько нужно времени, чтобы на него взгромоздиться?* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 2 лица ед. ч. в повелительном наклонении (один адресат на ты) + этикетная лексика (0,08 %): *Скажи, пожалуйста, тебе нравится самой эта музыка?* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 2 лица мн. ч. в повелительном наклонении (несколько адресатов) (0,7 %): *Помните, что «Синяя птица» помогает взлететь* (Синяя птица. 02.12.2018);
  - 2 лица мн. ч. (один адресат на вы) (3,2 %): *Я всегда очень волнуюсь, когда Вы к нам приходите* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 2 лица мн. ч. (несколько адресатов) (3 %): *Вы так посмотрели друг на друга* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - инклюзивный императив 2 лица мн. ч. (несколько адресатов) (0,6 %): *В другие города? Давайте, рассказывайте* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - инклюзивный императив 1 лица ед. ч. (один адресат на ты) (0,3 %): *Давай назовем – «Николай Цискаридзе»* (Синяя птица. 18.11.2018);
  - 3 лица ед. ч. (7,1 %): *Я думаю, что и Денис к нам присоединяется* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - 3 лица мн. ч. (3,4 %): *Они смотрели сюда* (Синяя птица. 24.11.2019);
- местоимения (45,6 %):
  - личные: местоимение я (12 %): *Я тебя поздравляю* (Синяя птица. 24.11.2019); местоимение ты (20,6 %), используемое по отношению к членам комиссии: *Я знаю, Коля, что ты хочешь увидеть, как я буду лететь с моноцикла* (Синяя птица. 24.11.2019), а также участникам конкурса: *Ты давно*

¹ Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. М.: Гранд, 2003. С. 203.

² Иноязычные слова, заимствованные слова // Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2012. С. 30.

³ Фуникулёв // Егорова Т. В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014. С. 726.

- начала заниматься моноциклом? (Синяя птица. 24.11.2019); местоимение *вы* (8,7 %), адресованное участникам конкурса: *Я знаю, что вы уже любимы публикой, да?* (Синяя птица. 24.11.2019), телезрителям и присутствующим в студии: *С вами всероссийский конкурс юных талантов «Синяя птица»* (Синяя птица. 24.11.2019), одному лицу и являющееся формой выражения вежливости при обращении: *Спасибо огромное Вам, Константин Аркадьич, за эти слова* (Синяя птица. 24.11.2019);
- притяжательное местоимение *наш* (4,3 %), которое используется для обозначения принадлежности к программе: *А нашим зрителям я желаю брать примеры с детей* (Синяя птица. 29.12.2019), *Наше жюри, состоящее из народных артистов России* (Синяя птица. 29.12.2019); принадлежности к стране: *В этом году уникальному инструменту (придуманному в нашей стране) – терменвоксу, исполнилось сто лет* (Синяя птица. 29.12.2019);
  - количественные числительные (1,6 %), используемые, например, с целью уточнения времени: *В девять часов утра* (Синяя птица. 18.11.2018);
  - диминутивы (0,9 %): *Я благодарю Дашеньку Заяц, которая на ремнях работала с нашей звёздочкой* (Синяя птица. 24.11.2019); *Если вы вдруг где-нибудь устанете, на работе, например, помните Арину, ее голубые глазки, и как она говорит: «Самое главное – не показывать, что ты устал»* (Синяя птица. 18.11.2018);
  - эмоциональные междометия (0,5 %): *Ой, такие две красавицы* (Синяя птица. 24.11.2019); *Браво, Ваня!* (Синяя птица. 29.12.2019);
  - аналитическая форма превосходной степени имени прилагательного (0,4 %): *Что самое главное, когда ты катишься на моноцикле по сравнению с велосипедом?* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - частица *-то* (0,2 %), характерная для разговорной речи: *Я-то не рискну сегодня, наверное* (Синяя птица. 24.11.2019), на наш взгляд, употребляется с целью создания атмосферы беседы с адресатом;
  - звукоподражания (0,08 %): *Если ты захочешь учиться в академии, ты придешь туда первого июня, там тра-та-та-та* (Синяя птица. 18.11.2018).
- Синтаксический уровень:**
- вопросы (45,5 %):
    - открытые (7,3 %): *Ну а что такое «Синяя птица» для тебя?* (Синяя птица. 02.12.2018);
    - закрытые (26,3 %): *А можешь мне позволить подбросить?* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - альтернативные (1,1 %): *Теперь скажи мне, пожалуйста, я ошибаюсь или нет?* (Синяя птица. 18.11.2018);
    - ведущие (10,8 %): *Хочешь, чтобы везде были твои афиши, да?* (Синяя птица. 18.11.2018);
  - обращения (27,4 %):
    - этикетные (2,9): *Дорогие друзья, у нас радостные новости* (Синяя птица. 29.12.2019);
    - по имени (18,1 %): *Ваня, на твой взгляд, что самое главное в характере д'Артаньяна?* (Синяя птица. 29.12.2019);
    - по имени и отчеству (6,4 %): *Спасибо, Светлана Борисовна!* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - этикетные конструкции (21,7 %), адресованные:
    - телезрителям и присутствующим в студии (2,6 %): *Добрый вечер! Добрый вечер, дорогие друзья, зрители в студии и, конечно, наши телезрители* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - членам жюри (4 %): *Спасибо, Светлана Борисовна!* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - участникам конкурса (11,6 %): *Лала, здравствуй!* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - гостям (3,5 %): *Спасибо огромное, Константин Аркадьич, Вам за эти слова* (Синяя птица. 24.11.2019);
  - вводные единицы (4,7 %):
    - служащие для привлечения внимания собеседника (0,5 %): *Слушай, но э-э-э у тебя же такой вот твой характер и целеустремленность – это семейное, да?* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - выражающие степень уверенности говорящего (2,9 %): *Невероятно это все красиво, конечно* (Синяя птица. 02.12.2018);
    - указывающие на источник информации (0,5 %): *По-моему, твоя сестренка хочет к тебе* (Синяя птица. 24.11.2019);
    - выполняющие функцию упорядочения мыслей и указывающие на их связь между собой (0,8 %): *Наталья Владимировна, во-первых, Маша у Вас замечательная* (Синяя птица. 18.11.2018).
- Имидж Д. Златопольской в речевом жанре портретное интервью**
- Е. Ю. Джандалиева подчеркивает, что «цель интервью-портрета – раскрыть личность собеседника. При этом приоритет отдается выяснению социально-психологических эмоциональных характеристик интервьюируемого, выявлению его системы ценностей» [26, с. 87]. В портретном интервью «роль интервьюера сводится к тому, чтобы подготовить и задать такие вопросы, которые, с одной стороны, станут достаточным стимулом для развернутых реакций интервьюируемого, а с другой стороны, будут содержать необходимую информацию для того, чтобы читатель смог составить свое мнение о герое» [27, с. 99].
- Фонетический уровень:**
- звуки-паразиты (86 %): *Вы в семьдесят лет приняли очень сложное решение – э-э-э изменить свою жизнь* (Белая студия. 18.02.2017);

- стяженные формы отчества (14 %): *А с другой стороны, Никита Серге[и]ч, вот это вообще очень точная вещь* (Белая студия. 05.10.2015).

Лексический уровень:

- иноязычная лексика (иноязычные вкрапления⁴), применяемая с целью произнесения названия произведения / понятия на языке оригинала (67 %): *Вот то, что Вы делаете, это же где-то граничит с тем, что делают американцы, э-э-э то, что называется «стэндап комеди» [stand-up comedy]* (Белая студия. 13.04.2018); *Джаст со сториз [Just So Stories] они называются, и Вы перевели как «Рассказы просто так»* (Белая студия. 18.02.2017);
- арготизмы (33 %): *Мужчина, которого отличает, к примеру, миролюбивость и нежелание **давать** кому-то в морду⁵, он всю жизнь сталкивается с тем, что он должен доказывать свое право на это* (Белая студия. 18.02.2017).

Фразеологический аспект:

- прецедентные феномены-оригиналы (62 %): 1) вербальные прецедентные феномены (прецедентные имена): *Абсолютно точно сформулировал Достоевский словами **Алеши Карамазова**, мне кажется, эту абсолютную формулу* (Белая студия. 05.10.2015); *Опять же, **Чарли Чаплин**, как только придумал образ бродяги, у него сразу все стало получаться* (Белая студия. 13.04.2018); 2) невербальные прецедентные феномены: *Потрясающая история, я о ней вспоминаю именно в связи с Вашим атеизмом, как Вы встретились с **Джокондой** первый раз* (Белая студия. 18.02.2017.);
- фразеологические единицы-оригиналы (38 %): *Допустим, столкнувшись в детстве там с каким-то непониманием, с э-э-э тем, что **подрезают крылья*** (Белая студия. 05.10.2015); *А вот Вы сказали сейчас, что Вы младший брат и должны **знать свое место**, простите, Никита Сергеич* (Белая студия. 05.10.2015).

Морфологический уровень:

- местоимения (56,1 %):
  - личные: местоимение я (1,4 %): ***Я** хочу подарить подарок* (Белая студия. 13.04.2018); местоимение мы (1,4 %): *Вот **мы** ведем программу «Танцы со звездами»* (Белая студия. 13.04.2018.); местоимение вы (53 %), используемое как форма выражения вежливости при обращении к одному лицу: ***Вас** не уносит вот в эту сторону?* (Белая студия. 13.04.2018);
  - притяжательное местоимение наш (0,3 %), выражающее отнесенность к телепередаче: *Для **наших зрителей** надо пояснить два слова буквально* (Белая студия. 05.10.2015);

- частицы (17,6 %):
  - просторечная частица угу (17,3 %): *Я слышал, что в Швеции Пеппи Длинныйчулок популярнее гараздо, чем Карлсон. У нас как-то все наоборот [гость в студии]. – **Угу** [Д. Златопольская] (Белая студия. 13.04.2018); *А это разговор вот с тем самым невидимым как бы существом [гость в студии]. – **Угу** [Д. Златопольская] (Белая студия. 05.10.2015);**
  - разговорная частица ага (0,3 %), которая употребляется с целью выражения согласия: *Потом у меня был такой герой, то есть у меня были свои Карлсоны, условно говоря. У меня был такой герой, которого вешают вот на машину, он так болтается [гость в студии]. – **Ага** [Д. Златопольская] (Белая студия. 13.04.2018);*
- глаголы (10,6 %):
  - 1 лица ед. ч. (3 %): *У Сэлинджера, я **знаю**, что Вам нравится «Над пропастью во ржи»* (Белая студия. 13.04.2018);
  - 1 лица мн. ч. (несколько адресатов) (2 %): *Владимир Владимирович, мы **начинаем** в «Белой э-э-э студии» с детства* (Белая студия. 18.02.2017);
  - 2 лица мн. ч. (один адресат) (5 %): ***Понимаете?*** (Белая студия. 13.04.2018);
  - 2 лица в повелительном наклонении во мн. ч. (один адресат на вы) (0,3 %): ***Пересмотрите**, на Вас произведет он большое впечатление* (Белая студия. 18.02.2017);
  - инклюзивный императив (один адресат на вы) (0,3 %): ***Давайте** [щас] **посмотрим**, что Андрей Сергеич говорил здесь о Вас* (Белая студия. 05.10.2015);
- количественные числительные (10 %), используемые, например, для указания возрастных особенностей: *Лет **пять?*** (Белая студия. 13.04.2018);
- степени сравнения имени прилагательного (1,7 %):
  - синтетическая форма сравнительной степени (0,6 %), используемая для противопоставления степени востребованности героев произведений: *Ведь Карлсон в России **популярнее**, чем даже в Швеции* (Белая студия. 13.04.2018);
  - аналитическая форма превосходной степени (1,1 %), которая применяется, чтобы подчеркнуть качество пародии в сравнении с другими пародиями: *Это **самая смешная** просто пародия такая* (Белая студия. 13.04.2018);
- звукоподражания (0,8 %), которые дублируют слова, произносимые собеседником: *Потому что **пам!** Да? [гость в студии]. – Вы же много именно «**пам!**» делали в молодости [Д. Златопольская] (Белая студия. 05.10.2015);*

⁴ Иноязычные вкрапления // Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики ... С. 106.

⁵ Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. М.: Рус. слов., 2000. С. 105.

- диминутивы (0,3 %): Для нас э-э-э такая немножко **червоточинка** в характере, она близка (Белая студия. 13.04.2018).

Синтаксический уровень:

- вопросы (68,3 %):
  - открытые (19,2 %): Что Вы подразумеваете под успехом? (Белая студия. 13.04.2018);
  - закрытые (42,1 %): А сколько Вам было лет? (Белая студия. 13.04.2018);
  - альтернативные (3,5 %): А принцессе тоже важно было спасти или больше проскакать куда-то? (Белая студия. 13.04.2018);
  - ведущие (3,5 %): Ну, Фаусту, например, Вы же посвятили свою работу, да? (Белая студия. 13.04.2018);
- вводные единицы (19,2 %):
  - служащие для привлечения внимания собеседника (14 %): **Смотрите**, Вы э-э-э человек очень-очень известный и популярный (Белая студия. 13.04.2018);
  - передающие различную степень уверенности в том, о чем сообщается (5,2 %): Если ты тащишь камни и полагаешь, что ты тащишь камни, то, **конечно**, ты никогда не будешь воодушевлен (Белая студия. 18.02.2017);
- обращения (8,7 %):
  - по имени и отчеству (5,2 %): **Владимир Владимирович**, мы начинаем в «Белой э-э-э студии» с детства (Белая студия. 18.02.2017.);
  - по имени (3,5 %): **Максим**, мы с Вами встречаемся накануне Нового Года, это будет последний эфир программы «Белая студия» в прошедшем году (Белая студия. 13.04.2018);
- этикетная лексика (3,5 %): А вот Вы сказали сейчас, что Вы – младший брат, и должны знать свое место, **простите**, Никита Сергеевич (Белая студия. 05.10.2015).

Заключение

Лингвистический имидж телевизионной ведущей формируется на основе речевого жанра. Использование тех или иных языковых единиц в жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью* непосредственно зависит от целей самих речевых жанров. Процентное соотношение средств-экспликаторов фонетического уровня в двух жанрах отличается незначительно, что объясняется видом речевой деятельности.

В речевом жанре *интервью-беседа* используются разговорная лексика и молодежный сленг, скорее всего, чтобы расположить к себе интервьюируемых (возраст которых, как правило, от 5 до 18 лет). В жанре *портретное интервью* прослеживается доминирование иноязычной лексики (иноязычных вкраплений) для произнесения названия произведения / понятия на языке оригинала, что позволяет коммуниканту расценивать телеведущую как эрудированную личность. Использование арготизмов свидетельствует о речевой раскрепощенности телеведущей, что связано с возрастными особенностями опрашиваемых, а также

может использоваться с целью привлечения аудитории, относящейся к различным социальным группам.

Фразеологические единицы в речевом жанре *портретное интервью* применяются в 2,2 раза чаще, чем в жанре *интервью-беседа*, это объясняется тем, что значения фразеологизмов могут быть понятны не всем интервьюируемым. Прецедентные единицы обнаружены в двух жанрах, однако в жанре *портретное интервью* они называют произведения / героев / деятелей художественной литературы, изобразительного искусства, а в жанре *интервью-беседа* обозначают мультипликационных героев / художественные фильмы.

Морфологический и синтаксический уровни имиджа телеведущей в соотношении по жанрам представлены на рисунках 1 и 2 соответственно. Диминутивы, используемые в жанре *портретное интервью*, имеют негативную окраску, а в жанре *интервью-беседа* выражают положительное отношение к собеседнику (ребенку). В жанре *портретное интервью* зафиксировано применение синтетической формы сравнительной степени имени прилагательного, отсутствие данных языковых единиц в жанре *интервью-беседа* может быть вызвано тем, что аналитическая форма превосходной степени более понятна детям. Частотность использования личного местоимения *вы* как формы выражения вежливости при обращении к одному лицу в речевом жанре интервью-портрет обоснована тем, что в данном жанре телеведущая коммуницирует с одним собеседником. По этой же причине отмечаем доминирование глаголов 2 лица мн. ч. (один адресат на *вы*) в портретном интервью. В жанре *интервью-беседа* прослеживается частое употребление местоимения *ты*. На наличие и количество данных языковых единиц в речевых жанрах влияют возрастные особенности коммуникантов. В жанре *интервью-беседа* наблюдаем доминирование глаголов 1 лица ед. ч., поскольку телеведущая выражает свое отношение к увиденному, возможно, чтобы поддержать участников конкурса.

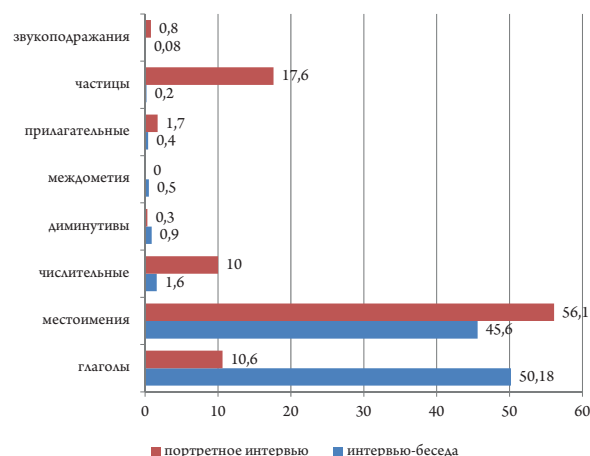

Рис. 1. Употребление морфологических средств-экспликаторов в жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*, %
Fig. 1. Morphological explicators in chat and portrait interviews, %

Частое использование частиц, выражающих согласие / подтверждение, в жанре *портретное интервью* позиционирует телеведущую как внимательного собеседника, который заинтересован в том, что рассказывает герой программы. И. П. Амзаракова подчеркивает, что «междометие занимает в речевой деятельности ребенка дошкольного и младшего школьного возраста значительное место» [28], именно по этой причине в жанре *интервью-беседа* наблюдаем употребление эмоциональных междометий, свидетельствующих также о том, что телеведущая пытается выразить свое эмоциональное отношение к увиденному.

В жанре *интервью-беседа* отмечается применение этикетных обращений, доминируют обращения по имени, часто используются этикетные конструкции (рис. 2). Среди вводных единиц чаще применяются единицы, выражающие степень уверенности. В данном жанре телеведущая задает, как правило, закрытые и ведущие вопросы, поскольку основная цель заключается в том, чтобы сформулировать емкий вопрос, который ребенок поймет и сумеет ответить на него. В жанре *портретное интервью* доминируют обращения по имени и отчеству, поскольку интервьюируемые, как правило, старше телеведущей. Этикетная лексика адресуется только к гостю в студии. Среди вопросов доминирующие позиции занимают закрытые и открытые вопросы, т. к. цель портретного интервью – узнать подробнее о жизни коммуниканта, о его взглядах на те или иные

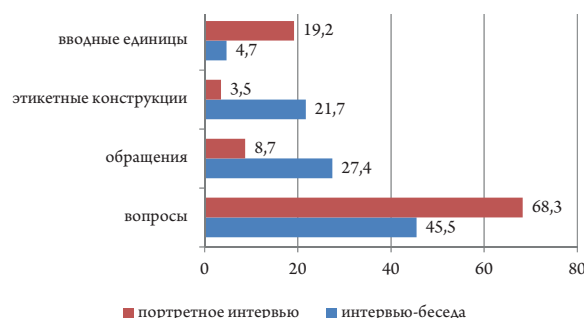

Рис. 2. Употребление синтаксических средств-экспликаторов в жанрах *интервью-беседа* и *портретное интервью*, %
Fig. 2. Syntactic explicators in chat and portrait interviews, %

вещи. Среди вводных единиц наиболее часто используются единицы, служащие для привлечения внимания собеседника.

Таким образом, отличия в имидже телевизионной ведущей обнаружены на всех уровнях языковой системы. В перспективе исследование может быть направлено на выявление средств-экспликаторов, формирующих невербальный имидж телевизионной ведущей.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Щитова Д. А. Интервью как способ создания имиджа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4. С. 146–153.
2. Булгакова О. В. Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании (на материале приложения «Бизнес» к газете «Красное знамя»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009. 23 с.
3. Герасимова А. С., Иссерс О. С. Имидж члена жюри развлекательного телешоу (на материале телепроекта «Голос») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 117–131.
4. Катинская М. В. Лингвистическое моделирование имиджа. Благовещенск: АмГУ, 2012. 168 с.
5. Кубрякова Е. С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 5–11.
6. Шилина А. Г. У информационно-психологической войны женское лицо: массмедиалингвистические модели конструирования образов Дженнифер Псаки, Надежды Савченко и Натальи Поклонской (российские и украинские интернет-практики) // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 17–18 сентября 2015 г.) Ростов н/Д: РГУПС, 2015. Ч. I. С. 88–95.
7. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. 1999. № 2. С. 103–112.
8. Бычковская Н. В. Синтактико-прагматическая вариативность в текстах интервью // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 981–984.
9. Иньиго-Мора И., Делиджорджи К. Стратегия уклонения в политическом интервью: анализ телевизионных интервью Тони Блэра // Политическая лингвистика. 2007. № 3. С. 78–90.
10. Косякова Я. С. Приемы воплощения речевой стратегии кооперации в жанре интервью // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12. № 4-2. С. 77–84.
11. Ахметьянова Н. А. Особенности жанра интервью в башкирской журналистике. Уфа: РИЦ «БашГУ», 2016. 82 с.
12. Доева З. У. Интервью как жанр журналистики // Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие / под ред. А. А. Магометова. Владикавказ: СОГУ им. К. Л. Хетагурова, 2015. С. 241–247.
13. Цицинов А. Ю., Шуйская Ю. В. Интервью в дискурсивном аспекте в современной военной журналистике // Mass-media. Действительность. Литература / под ред. Е. Н. Брызгаловой, А. М. Бойникова. Тверь: ТвГУ, 2019. Вып. 18. С. 161–166.

14. Сандлер Л. А. Дискурсивные признаки журналистского интервью и имиджевого интервью в PR // Коммуникация в современном мире: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов «Журналистика, реклама, связи с общественностью: новые подходы», преподавателей и исследователей журналистики «Проблемы региональной журналистики». (Воронеж, 29 октября – 9 ноября 2001 г.) Воронеж: ВГУ, 2001. С. 137–138.
15. Щитова Д. А. Формирование имиджа города на материале интервью его известных представителей // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2015. № 6-3. С. 117–123.
16. Боброва Д. А., Катькало А. О. Интервью с руководителем как инструмент формирования положительного имиджа органа государственной власти // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2017. № 1. С. 5–9.
17. Ипатова А. А., Рогозин Д. М. Способы преодоления коммуникативных затруднений в стандартизированном телефонном интервью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 1. С. 144–166. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-144-166>
18. Мартынова Н. А. Глубинные интервью в современной социологической методологии // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 28 октября 2018 г.) Вологда: Маркер, 2018. Ч. 2. С. 115–117.
19. Супиков В. Н., Карабанова М. Ю. Интервью в системе подбора персонала: техники проведения интервью // Социокультурные факторы консолидации современного российского общества: сборник статей II Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 29–30 мая 2018 г.) Пенза: Приволжский Дом знаний, 2018. С. 6–9.
20. Брызгалина Е. Д. Жанр портретного интервью в лингводидактическом аспекте // Языки. Культуры. Перевод. 2019. № 1. С. 27–35.
21. Васильченко К. Е. Жанр портретного интервью: возможности дифференциального подхода // Медиасреда. 2019. № 16. С. 15–19. <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2019-10203>
22. Казакова И. Н., Маркина Е. Е. Тактика уклонения в диалогическом дискурсе портретного интервью // Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах: мат-лы Междунар. науч. конф. (Самара, 12–14 мая 2011 г.) Самара: Универс групп, 2011. С. 87–91.
23. Колокольцева Т. Н. Портретное интервью творческой личности: содержательно-тематические и коммуникативные особенности // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: СГУ, 2018. Вып. 18. Кн. 1. С. 27–37.
24. Кузнецова В. В. Коммуникативное поведение участников портретного интервью (на материале французской и русской прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 20 с.
25. Леонтович О. А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. 224 с.
26. Джандалиева Е. Ю. Портретное интервью как жанр речевого общения: некоторые особенности коммуникативного поведения участников (на материале немецкого языка) // Научный диалог. 2012. № 12. С. 86–101.
27. Сахнова Е. Б. Жанр интервью и его модификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. Т. 13. № 4. С. 98–103.
28. Амзаракова И. П. Междоимение в речи немецких детей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 54–59.

original article

Linguistic Image of a TV Hostess in Chat and Portrait Interviews

Yelena R. Kravchuk

Crimean Federal V. I. Vernadsky University, Russia, Simferopol; <https://orcid.org/0000-0001-6622-4259>; elenacrav4uk@yandex.ru

Received 16 Jul 2021. Accepted after peer review 29 Sep 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: The present study featured the image of a TV hostess in such genres as chat interview and portrait interview. The speech genre is a factor that affects the linguistic image of a media personality. The linguistic image explicates various linguistic means used by TV hostesses to achieve the main goal of the speech genre. The research objective was to demonstrate the interrelation between the TV hostess image and the chat / portrait interview speech genres. The study involved the descriptive method, the qualitative and quantitative content analysis, and the discourse analysis. The linguistic image was analyzed at four levels. Each level revealed units that served as markers of the linguistic image of a TV hostess during chat and portrait interviews.

The research results can be applied in theoretical and practical courses of media discourse theory, as well as in special courses of media linguistics, linguistic imagology, and communicative genreology. Further research is required to identify the non-verbal means of the image of a TV hostess in these speech genres.

Keywords: imagology, TV discourse, linguistic explicators, media text, content analysis, discourse analysis

Citation: Kravchuk Ye. R. The Linguistic Image of a TV Hostess in Chat and Portrait Interviews. Specifics of Formation of the Linguistic Image of a TV Hostess in the Chat Interview and Portrait Interview Speech Genres. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1032–1040. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1032-1040>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Shchitova D. A. Interview as way of creating image. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, (4): 146–153. (In Russ.)
2. Bulgakova O. V. *Linguistic modeling of the image in the economic publication (based on the material of the appendix "Business" to the newspaper "Red Banner")*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tomsk, 2009, 23. (In Russ.)
3. Gerasimova A. S., Issers O. S. The juror's image of an entertainment TV-show (on the basis of "The Voice" show). *Russian Journal of Linguistics*, 2016, 20(3): 117–131. (In Russ.)
4. Katynskaya M. V. *Linguistic modeling of image*. Blagoveshchensk: AmGU, 2012, 168. (In Russ.)
5. Kubryakova E. S. To the definition of the notion "image". *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2008, (1): 5–11. (In Russ.)
6. Shilina A. G. Information and psychological warfare has a woman's face: mass media linguistic models of construction of images of Jennifer Psaki, Nadezhda Savchenko, and Natalia Poklonskaya (Russian and Ukrainian Internet practices). *Advertising and public relations: traditions and innovations: Proc. Intern. Sci-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 17–18 Sep 2015*. Rostov-on-Don: RGUPS, 2015, pt. 1, 88–95. (In Russ.)
7. Gajda St. Genres of spoken utterances. *Speech Genres*, 1999, (2): 103–112. (In Russ.)
8. Bychkovskaya N. V. Syntactic-pragmatical variability in texts of interview. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2015, 20(3): 981–984. (In Russ.)
9. Iñigo-Mora I., Deligiorgi K. Evasion in political interviews: an analysis of televised interviews with Tony Blair. *Political Linguistics*, 2007, (3): 78–90. (In Russ.)
10. Kosyakova Ya. S. Techniques for implementing a speech strategy of cooperation in the interview genre. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem*, 2020, 12(4-2): 77–84. (In Russ.)
11. Akhmetyanova N. A. *Features of the interview genre in Bashkir journalism*. Ufa: RITs "BashGU", 2016, 82. (In Bashk.)
12. Doeva Z. U. Interview as a genre of journalism. *Journalism of the XXI century: historical experience and modern development*, ed. Magometov A. A. Vladikavkaz: SOGU im. K. L. Khetagurova, 2015, 241–247. (In Russ.)
13. Tsitsinov A. Yu., Shuyskaya Yu. V. Interviews in the discursive aspect in modern military journalism. *Mass-media. Reality. Literature*, ed. Bryzgalova E. N., Boynikov A. M. Tver: TvGU, 2019, iss. 18, 161–166. (In Russ.)
14. Sandler L. L. Discursive signs of a journalistic interview and an image interview in PR. *Communication in the modern world: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. undergraduate and graduate students "Journalism, advertising, and public relations: new approaches", teachers and researchers of journalism "Problems of regional journalism", Voronezh, 29 Oct – 9 Nov 2001*. Voronezh: VGU, 2001, 137–138. (In Russ.)
15. Shchitova D. A. Formation of the city's image based on interviews with its famous representatives. *Novaia nauka: Sovremennoe sostoianie i puti razvitiia*, 2015, (6-3): 117–123. (In Russ.)
16. Bobrova D. A., Katkalo A. O. Interview with leader as the tool in the process of formation positive image of public authority. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia*, 2017, (1): 5–9. (In Russ.)
17. Ipatova A. A., Rogozin D. M. Techniques for communication repair in the standardized telephone interview. *RUDN Journal of Sociology*, 2019, 19(1): 144–166. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-144-166>.
18. Martianova N. A. In-depth interviews in modern sociological methodology. *Science today: problems and prospects of development: Proc. Intern. Sci-Prac. Conf., Vologda, 28 Oct 2018*. Vologda: Marker, 2018, pt. 2, 115–117. (In Russ.)
19. Supikov V. N., Karabanova M. Yu. Interview in the personnel selection system: interview techniques. *Socio-cultural factors of consolidation of modern Russian society: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Penza, 29–30 May 2018*. Penza: Privolzhskii Dom znani, 2018, 6–9. (In Russ.)
20. Bryzgalina E. D. Genre of portrait interview in linguodidactic aspect. *Iazyki. Kultury. Perevod*, 2019, (1): 27–35. (In Russ.)

21. Vasil'chenko K. E. The genre of portrait interview: the possibilities of a differential approach. *Mediasreda*, 2019, (16): 15–19. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2070-0717-2019-10203>
22. Kazakova I. N., Markina E. E. Evasion tactics in the dialogic discourse of a portrait interview. *Language – text – discourse: problems of utterance interpretation in different communicative spheres*: Proc. Intern. Sci. Conf., Samara, 12–14 May 2011. Samara: Univers grupp, 2011, 87–91. (In Russ.)
23. Kolokoltseva T. N. Portrait interview of a creative personality: content-thematic and communicative features. *Verbal communication problems*, eds. Kormilitsyna M. A., Sirotinina O. B. Saratov: SGU, 2018, 27–37. (In Russ.)
24. Kuznetsova V. V. *Communicative behavior of participants in a portrait interview (based on the material of the French and Russian press)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Volgograd, 2008, 20. (In Russ.)
25. Leontovich O. A. *Methods of communicative research*. Moscow: Gnozis, 2011, 224. (In Russ.)
26. Dzhandalieva E. Yu. Portrait interview as conversational genre: some peculiarities of participants' communicative behavior (by examples from German language). *Nauchnyi dialog*, 2012, (12): 86–101. (In Russ.)
27. Sahnova E. B. Genre of interview and its modifications. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2013, 13(4): 98–103. (In Russ.)
28. Amzarakova I. P. Interjection in German children's speech. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2005, (1): 54–59. (In Russ.)

оригинальная статья

Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе англоязычных поэтических текстов

Наталья Александровна Куракина

Балтийский федеральный университет имени Иммануила
Канта, Россия, г. Калининград; <https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>; petrusevich1@mail.ru

Игорь Сергеевич Ачинович

Балтийский федеральный университет имени Иммануила
Канта, Россия, г. Калининград

Поступила в редакцию 16.07.2021. Принята после рецензирования 28.09.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: В наши дни интерес к изучению связи между звуком и значением, фоностилистического оформления текста возрос. Актуальность данного исследования заключается в том, что одним из перспективных фонетических направлений стало изучение функционирования звукоизобразительности в поэзии, которая сообщает произведению большую выразительность. Цель – выявить прагматические особенности передачи фонических средств при переводе современных англоязычных поэтических текстов. Цель обусловила выбор методов: сравнительно-сопоставительный анализ, методы фоносемантической и фоностилистической интерпретации оригиналов стихотворений и их переводов, закон тесноты стихотворного ряда О. Н. Тынянова. Для вычисления частотности встречаемости звуков в контексте фоносемантического анализа в русскоязычных текстах нами был использован метод подсчета звуков В. Н. Елкиной и Л. С. Юдиной, а для вычисления частотности звуков в англоязычных текстах – метод подсчета звуков Цоя Вай Чуэн Томаса. Теоретическую базу исследования составили труды М. А. Балаш, Г. В. Векшина, З. С. Дотмурзиевой, В. Н. Елкиной, А. П. Журавлева, Л. В. Лаенко, Ф. Мико, Л. П. Прокофьевой, Е. А. Титовой и др. Объектом исследования является фоника поэтического текста и ее прагматический потенциал. Предметом – сравнение прагматики звукоизобразительных средств в английском и русском языках. В качестве материала для настоящего исследования были рассмотрены современные поэтические тексты: стихотворение современной британской поэтессы С. Дагдейл Zaitz и три его перевода на русский язык, выполненные Е. Третьяковой, А. Щетиной и М. Виноградовой, а также стихотворение К. Э. Даффи Энн Хэттуэй и его перевод Ю. Фокиной. Теоретическая значимость исследования определяется ролью звукоизобразительных средств в поэтическом дискурсе и установлении взаимосвязи между звуковой организацией поэтической речи и реализацией прагматического потенциала на фонографическом уровне, в развитии способов определения эффективности передачи фонических (фоносемантических и фоностилистических) приемов при переводе. Результаты исследования можно применять при разработке учебно-методических пособий по письменному переводу, стилистике, фонетике.

Ключевые слова: фоностилистика, фоносемантика, звуко-цветовая организация текста, эмоциональная окрашенность текста, прагматический потенциал, современная британская поэзия

Цитирование: Куракина Н. А., Ачинович И. С. Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе англоязычных поэтических текстов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1041–1050. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050>

Введение

Долгое время многие лингвисты игнорировали звукоизобразительную систему, считая ее объем малочисленным, а словообразовательную продуктивность низкой. Однако во второй половине XX в. было доказано, что объем фоносемантических и фоностилистических средств намного больше, чем принято считать.

Рассматривая прагматику текста, целесообразно провести сравнительный фонический анализ оригиналов и переводов поэтических текстов на предмет реализации прагматического потенциала, сравнить звуко-цветовую организацию современного англоязычного поэтического текста и его перевода на русский язык. Принято считать, что прагматический потенциал может присутствовать на любом из текстовых уровней, среди которых можно выделить фонографический, лексический, синтаксический

и общетекстовый [1–3]. Также мы установили, что текст может взаимодействовать с реципиентом и воздействовать на него, т. е. вызывать определенные эмоциональные реакции [4–11]. В. Н. Комиссаров называет это прагматическим потенциалом текста или коммуникативным эффектом [12, с. 95]. Прагматический потенциал текста на фонографическом уровне реализуется такими приемами, как ритм, рифма, аллитерация, ассонанс, диссонанс, анафора, эпифора, параллельные конструкции, которые играют важную роль для достижения эвфонии текста, т. е. его благозвучия [1–3].

Авторы современных поэтических текстов уделяют особое внимание языку, а именно фоносемантическим и фоностилистическим особенностям [13, с. 6]. Перед созданием текста автор ставит перед собой задачу объективировать

свои мысли и реализовать свой творческий замысел посредством передачи накопленных знаний [14, с. 10]. Для того чтобы создать текст, автору необходимо на ментальном уровне отобрать те явления реальной действительности, которые совпадают с его мыслями и убеждениями. Личностные особенности автора могут существенно повлиять на содержание и модель художественного текста. Отражение личности автора в художественном произведении проявляется с помощью средств выразительности языка, образов и скрытого смысла текста. Звуко-цветовая организация текста является важной частью скрытого подтекста, где раскрывается отношение автора, его настроение, мироощущение.

Т. М. Рогожникова утверждает, что существуют общие тенденции весомости звуко-цветовых соответствий для любого типа текста и отличительная фоносемантическая организация у определенного типа текста. Исследуя вопрос цветового значения в различных контекстах и сознания, она сделала вывод, что в анализе звуко-цветовых соответствий заложен важный прикладной аспект. Благодаря исследованию явления звуко-цвета можно создавать гармонично построенные тексты с точки зрения визуального, аудиального и кинестетического восприятия [15, с. 220]. Минимальной единицей звуко-цветового оформления текста можно считать звукобукву, которую А. П. Журавлев определяет как «элемент языка, который формируется за счет звуков речи, но воспринимается и закрепляется в сознании лишь за счет буквы, графической формы

звука» [16, с. 11]. При переводе поэтических текстов особенности передачи экстралингвистической информации стоят наравне со способами передачи лингвистической информации [17].

Способы реализации прагматического потенциала на фоническом уровне в оригинале и переводах стихотворения С. Дагдейл Zaitz

Для фонического анализа мы взяли стихотворение Zaitz¹ британской поэтессы С. Дагдейл и три его перевода на русский язык, выполненные Е. Третьяковой², А. Щетиной³ и М. Виноградовой⁴ (табл. 1).

Dugdale S. Zaitz

Noon, and the woods are still bright
With the sun, the snow that fell last night.
The birds, the few that haven't gone
Are watched by a fisherman, crouching alone.
I've been here a while by the lake
Where the ice is marbled, opaque.
I've been here a while, sniffing about
Wondering if he will come riding out
Knowing that he must come riding by
Past the dark mill on the rise.
As he approaches through the snow
I will prick my ears and I will know
And then when he draws close at last
I will throw myself across his path.

Табл. 1. Переводы стихотворения Zaitz S. Dugdale на русский язык

Tab. 1. Russian Translations of S. Dugdale's Zaitz

Третьякова Е.	Щетина А.	Виноградова М.
Зимний полдень, снег искрится, Лес под солнцем серебрится, Под тоскливый крик ворон Рыбаки впадают в сон. Я все жду, все жду и жду, Лапкам холодно на льду. Воздух нюхаю и злюсь: Пропустить его боюсь. Путь его известен мне – Мимо мельни на холме; Только грянет конский шаг В растревоженных ушах, Я не струшу, я смогу, Путь ему перебегу.	Полдень. Снегом опушку укрыло, Все вокруг неподвижно застыло. Смотрит, ежась, рыбак одинокий На сорок у замерзшей осоки. Лед на озере мраморно-белый По нему я прошелся несмело. Новый запах с тревогой вдыхаю, Он сегодня проедет, я знаю, Мимо мельницы, что за холмами, Мимо сосен седых за домами. Чу! Он едет. Все ближе и ближе. Я замру. И как только увижу Тень его на слепящем снегу, Перед ним по тропе пробегу.	Полдень, солнце ласкает лес, Снег искрится – он падал всю ночь с небес. Рыбак одинокий в снегах Глядит на зимних – немногих – птах. У озера, где я несую дозор, Матовый лед расстилает узор. Я несую дозор, я сижу и жду – Не поскачет ли он, на свою беду. А дорога его по лесной кайме Мимо темной мельницы на холме. Застучат копыта на хрустом снежку, Я уши прижму, изгибаюсь к прыжку. Вот подъедет он – ну, еще чуть-чуть – Я под ноги метнусь, перережу путь.

¹ Дагдейл С. Zaitz // В двух измерениях: Современная британская поэзия в русских переводах / ред. М. Бородинская, Г. Кружков. М.: НЛО, 2009. С. 436.

² Zaitz (перевод Е. Третьяковой) // Там же. С. 437.

³ Zaitz (перевод А. Щетиной) // Там же. С. 438.

⁴ Zaitz (перевод М. Виноградовой) // Там же. С. 439.

Предпереводческий анализ стихотворения показал, что оно носит странное для носителя английской культуры название – *Zaitz*, что является транслитерацией русского слова *заяц*. Подобным образом поэтесса предлагает нам взглянуть на известную легенду, когда А. С. Пушкин в 1825 г. отправился к друзьям в Санкт-Петербург из усадьбы Михайловское, однако позже вернулся из-за перебежавшего ему дорогу зайца, посчитав это дурным знаком.

В европейской традиции, к которой принадлежит поэтесса, заяц ассоциируется с быстротой и робостью, зайца принято изображать в прыжке, тогда как в славянской культуре образ зайца символизирует трусость, слабость, осторожность, а также душу, явившуюся с того света, мощь нарождающейся жизни. Именно этими смыслами С. Дагдейл и наполнила образ зайца, который затаился, чтобы пробежать перед неизвестным.

Повествование ведется через напряженный внутренний монолог зайца. Эффект напряженного ожидания, который заставляет нас замереть и всмотреться в природу, создается посредством прерывистого ритма. Эмоциональное напряжение усилено повторами, которые звучат, как заклинание: *I've been here a while* (в пятой и седьмой строчках), *I will prick, I will know, I will throw* (в двенадцатой и четырнадцатой строчках).

Стихотворение написано в рифмованной форме. В англоязычной культуре рифмованная поэзия ассоциируется с детской литературой или пародийным жанром. Вероятнее всего, эта форма обусловлена русской темой и А. С. Пушкиным, однако поэтесса исказила размер хорея.

Для описания эмоциональной окрашенности стихотворение было затранскрибировано, подсчитано количество звуков и выявлено отклонение от среднего показателя частотности встречаемости звука в английском языке на основе исследования Цоя Вай Чуэн Томаса [18].

Анализ частотности встречаемости звуков в оригинале показал (табл. 2), что в стихотворении присутствуют отклонения от среднего показателя, однако они незначительны

Табл. 2. Отклонение количества звуков от нормы в оригинале стихотворения *Zaitz*, %

Tab. 2. Deviation in the number of sounds from the norm in the original text, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель
n	13,66	11,56
l	8,69	6,67
w	7,45	3,84
d	6,21	7,94
v	1,86	3,38
ai	56,25	34
ei	6,25	27,4
i	27,27	15
i:	6,81	9,8

для эмоционального воздействия. Например, дифтонги [ai] и [ei] выражают удовольствие, т. е. они положительны. Можно заметить, что встречаемость дифтонга [ai] в тексте на 22 % больше, чем в среднем, однако это не нарушает уровень нейтрального эмоционального воздействия, поскольку встречаемость дифтонга [ei] понижена, что стабилизирует уровень эмоционального воздействия. Стихотворение можно охарактеризовать как эмоционально нейтральное.

Во всех переводах сохранено оригинальное название стихотворения – *Zaitz*, которое узнается русскому читателю, однако для него остается неясным данный выбор его написания латинскими буквами, тогда как в оригинале такое написание оправдано. Для передачи названия кириллицей можно воспользоваться похожим приемом – транскрипцией, однако слово *hare* (заяц) в английском языке является омофоном слову *hair* (волосы) из-за чего возникает ненужная двусмысленность. Слово *rabbit* (кролик) мы не рассматривали, поскольку у него другая семантика, а перевод названия как *Заяц* несет смысловые потери. Таким образом, можно сделать вывод, что название передано единственным возможным способом – с сохранением инородных элементов, что влияет на целостное восприятие стихотворения.

Переводчица Е. Третьякова решила исправить обрывистый ритм правильным хореем, что нарушает эффект напряженного ожидания, присутствующий в оригинале, а для передачи параллельных конструкций *I've been here a while* она трижды использует слово *жду*, в котором звуки [ж] и [у] обладают негативной коннотацией. Е. Третьякова – единственная переводчица, которая использует графон. Так, она выделяет слово *его* в восьмой и девятой строчках (Пропустить *его* боюсь. // Путь *его* известен мне), однако данный прием отсутствует в оригинале. Таким способом она хотела обратить внимание читателей на это слово, т. е. сделать эксплицитным то, что в оригинале скрыто, имплицитно для достижения прагматического воздействия.

Для вычисления частотности встречаемости звуков в русскоязычных текстах нами был использован метод подсчета звуков В. Н. Елкиной и Л. С. Юдиной [19]. Выполнив фоносематический анализ, мы пришли к выводу, что данный текст можно охарактеризовать как злой, согласно разработанной А. П. Журавлевым качественной характеристики текста. Это подтверждает частотность встречающихся негативных (по А. П. Журавлеву) звуков (табл. 3), а если эти звуки, как, например, в 11 и 12 строчках (*Только грянет конский шаг // В растревоженных ушах*), находятся внутри рифмы, то эффект усиливается.

А. Щетинина сохраняет ритм неправильного хорея, благодаря чему удается воссоздать эффект ожидания. В ее переводе можно заметить большее количество пауз, вызванных короткими предложениями, к концу стихотворения они создают эффект ожидания перед прыжком. Она не сохраняет параллельные конструкции двенадцатой и четырнадцатой строчек, но при этом для передачи повтора вводит другие параллельные конструкции в девя-

Табл. 3. Отклонение количества звуков от нормы в переводе

Е. Третьяковой, %

Tab. 3. Deviation in the number of sounds from the norm

in E. Tretyakova's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель
ó	4,96	3,69
у	2,6	0,83
ý	4,58	2,3
х	2,29	0,92
ж	1,52	0,8
л	4,19	5,75

той и десятой строчках и аллитерацию звука [с] (*Мимо мельницы, что за холмами, // Мимо сосен седых за домами*). В девятой строчке появляется аллитерация звуков [м] и [л], отсутствующая в оригинале (*Мимо мельницы, что за холмами*). В своем переводе она вводит прием звукоподражания при помощи употребления междометия *чу* с шипящей согласной (*Чу! Он едет. Все ближе и ближе*), который сигнализирует о затаившем дыхании и сосредоточенности перед прыжком.

Анализ эмоциональной окрашенности текста (табл. 4) показал нейтральность текста, что соответствует оригиналу. Сравнив частотность звуков, мы увидели, что негативно окрашенных (по А. П. Журавлеву) среди них меньше. Например, ударный звук [у] встречается в 1,8 % процентах случая, вместо 4,5 %, как было в первом переводе, а положительно окрашенный ударный звук [л] в 6,9 % против 4,1 %.

Табл. 4. Отклонение количества звуков от нормы в переводе

А. Щетининой, %

Tab. 4. Deviation in the number of sounds from the norm

in A. Shchetinina's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель
ó	6,3	3,69
э	5,4	2,75
х	1,2	1,2
ж	1,52	0,8
ý	1,8	2,3
л	6,9	5,75

М. Виноградова в переводе сохранила ритм неправильного хорея. В первой строчке появляется аллитерация звука [л] (*Полдень, солнце ласкает лес*), которая придает благозвучие тексту. В отличие от перевода А. Щетининой вспомогательными средствами для создания эффекта ожидания у нее служат не короткие предложения, а тире, которые выполняют ту же функцию. Повторение *I've been here a while* в пятой и седьмой строчках оригинала она передает

повтором *я несу дозор*, а на следующей строчке читаем *на свою беду*, что означает, что она переводит с позиции всезнающего переводчика, как и в случае с Е. Третьяковой, т. е. она делает эксплицитной информацию, только подразумеваемую в тексте, усиливая эмоциональное воздействие.

Анализ эмоциональной окрашенности текста (табл. 5) показал, что в тексте преобладает эмоция печали. Это объясняется повышенным количеством ударного звука [ý], который часто присутствует в рифмованных словах, повышенным количеством аллофона [ие], а также расположенными на коротком расстоянии друг от друга шипящими звуками [ж], [ш], [ч] и глухим звуком [х] (*Глядит на зимних – немногих – птах.... // Застучат копыта на хрустком снежку, // Я уши прижму, изгибаюсь к прыжку. // Вот подьедет он – ну, еще чуть-чуть – // Я под ноги метнусь, перережу путь*).

Табл. 5. Отклонение количества звуков от нормы в переводе

М. Виноградовой, %

Tab. 5. Deviation in the number of sounds from the norm

in M. Vinogradova's translation, %

Звук	Частотность в тексте	Средний показатель
ó	6	3,69
ие	5,14	2,01
ý	4,85	2,3
д'	1,42	0,99
с	4,57	3,27
х	1,71	0,92

Таким образом, среди трех представленных переводов самым удачным является перевод А. Щетининой, поскольку общий фоносемантический уровень текста в нем соответствует оригиналу, т. е. является нейтральным, в отличие от двух остальных, а различные фоностилистические средства, такие как аллитерация, повторы и ритм, переданы без нарушения эмоциональной окрашенности текста. Перевод А. Щетининой полностью выполняет коммуникативную функцию оригинала и реализует прагматический потенциал.

Звуко-цветовая организация оригинала стихотворения Zaitz и его переводов на русский язык: сравнительный анализ

Основываясь на результатах исследования А. П. Прокофьевой о цветовых соответствиях для графонов английского языка [20] и результатах исследования А. П. Журавлева [16] о цветовых соответствиях для звукобукв русского языка, мы придали каждому графону стихотворения Zaitz С. Дагдейл и каждой звукобукве его переводов соответствующий цвет и вычислили их процентное соотношение к целому тексту.

Фоносемантический анализ оригинала показал, что в нем преобладает зеленый цвет (31,7 %), следующими

представлены белый (21,86 %), красный (15,72 %) и желтый (15 %), реже встречаются синий (5,9 %), оранжевый (5,65 %) и коричневый (2,94 %), фиолетового (0,73 %) и черного (0,5 %) цветов очень мало, а серый цвет в тексте отсутствует. Полученные результаты очень близки к средним показателям других текстов, поскольку ранее собранная статистика частотности звуков в оригинале стихотворения *Zaitz*, которая позволила нам определить отклонения от нормы, показала, что отклонения минимальны и не создают дополнительного семантического значения.

Самым явным отличием цветовой организации стихотворения *Zaitz* в оригинале и его переводах на русский язык является разный доминирующий цвет. Если в оригинале почти треть всего текста окрашена в зеленый цвет (31,7 %), то в переводах зеленого цвета в два раза меньше (табл. 6, рис. 1), но в пять раз больше синего, по сравнению с английским текстом. В русской культуре синий цвет долгое время имел негативную коннотацию, он ассоциировался с опасностью. В английской культуре синий означал верность. Из общих черт можно выделить, что в обеих культурах он ассоциируется с грустью и унынием. У зеленого цвета похожие ассоциации – грусть и тоска, однако он приобретает и дополнительное значение – неопытность, молодость. Желтый цвет в русской культуре ассоциируется с болезнью, в английской – с трусостью, а также с неопытностью в обеих культурах. У красного цвета в русской культуре – положительное значение, поскольку он относится к славянскому слову, означающему красоту, а в английской культуре красный цвет ассоциируется больше с кровью [21].

Фоносемантический анализ оригинала и переводов показал, что переводы – более грустные по сравнению с оригиналом. Самым тоскливым (применяя качественную

характеристику текста, разработанную А. П. Журавлевым) оказался перевод Е. Третьяковой с наибольшим суммарным процентом цветов, означающих уныние, – синий и зеленый. Цветовая палитра более равномерно в процентном соотношении распределена по тексту в русском языке, что говорит о ее богатстве.

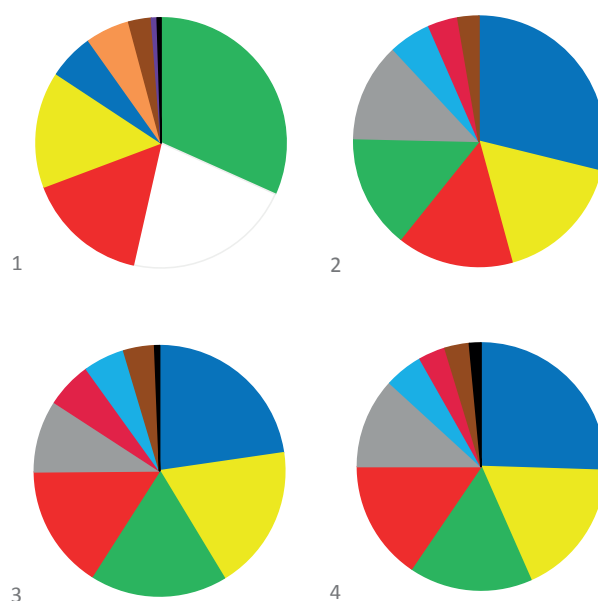

Рис. 1. Соотношение цветовой организации стихотворения *Zaitz* С. Дайгдейл в оригинале (1) и его переводах: 2 – Е. Третьякова, 3 – А. Щетинина, 4 – М. Виноградова
Fig. 1. Color organization of S. Daigdale's *Zaitz* (1) and its translations: 2 – E. Tretyakova, 3 – A. Shchetinina, 4 – M. Vinogradova

Табл. 6. Частотность звукобукв в процентном соотношении в оригинале и переводах стихотворения *Zaitz* С. Дайгдейл, %

Tab. 6. Frequency of sound-letters in S. Daigdale's *Zaitz* and its translations, %

Цвет	Оригинал	Переводы		
		Третьякова Е.	Щетинина А.	Виноградова М.
Зеленый	31,7	14,6	17,7	16,1
Белый	21,86	–	–	–
Красный	15,72	15	15,83	15,5
Желтый	15	16,92	18,65	17,9
Синий	5,9	28,84	22,7	25,5
Оранжевый	5,65	–	–	–
Коричневый	2,94	2,7	4	3,2
Фиолетовый	0,73	–	–	–
Черный	0,5	–	0,62	1,5
Серый	–	12,7	9,3	11,8
Голубой	–	5,4	5,3	5
Малиновый	–	3,84	5,9	3,5

Способы реализации прагматического потенциала на фоническом уровне в оригинале и переводе стихотворения Кэрол Энн Даффи Anne Hathaway

Кэрол Энн Даффи (р. 1955) – английская поэтесса и драматург. В табл. 7 представлено ее стихотворение Anne Hathaway в оригинале⁵ и переводе⁶ на русский язык Ю. Фокиной. Выбор эпиграфа не случаен: в него вынесена цитата из завещания У. Шекспира о *second best bed* – «второй из лучших моих постелей / второй по качеству кровати» для жены (платоновская аллюзия), причем жена в завещании указана без собственного имени, тогда как в названии мы видим ее биографическое имя, к тому же она названа не по фамилии мужа, а по своей девичьей. Лирическое Я стихотворения рефлексировало о значении этой «второй из лучших постелей / второй по качеству кровати» в жизни У. Шекспира и его жены.

Рассматривая фонические средства, стоит обратить внимание на ритм и рифму стихотворения. Оно написано в форме сонета, но, в отличие от привычной шекспировской схемы рифмовки abab cdcd efef gg и преимущественно пятистопного ямба, К. Э. Даффи отклоняется от привычной схемы рифмовки в пользу abab cdce ffgg hh и сбивчивого метра пятистопного ямба. В первых двух четверостишиях – рифмовка перекрестная, а в третьем четверостишии и последнем двустишии – смежная.

Подсчитав количество звуков в оригинале, мы смогли вычислить средний показатель частотности встречаемости

звука в тексте и выявить его отклонения от нормы, ориентируясь на результаты исследования Цоя Ван Чуэн Томаса. К явным отклонениям от нормы можно отнести звуки [i], [e], [ɔ] и дифтонги [ei], [ai], [au], [ɔu], [ɔi]. Так, частотность светлого, положительного звука [i] в тексте составляет 2,1 % (при норме 15 %), а темного и негативного звука [ɔ] – 13,6 % (при норме 4,6 %), однако данное эмоциональное смещение в негативную сторону компенсируется повышенной частотностью светлого и положительного звука [e] – 20 % (при норме 9,1 %). В тексте отсутствуют напряженные дифтонги [ei], [ai], [ɔi] (при норме 27,4 %, 34 % и 5,2 % среди дифтонгов соответственно), а присутствующие [ɔu] и [au] в процентном соотношении 63,6 % к 36,3 % (при норме 24 % и 11,9 % соответственно) обладают темным, негативным значением. Мы пришли к выводу, что стихотворение обладает нейтральной эмоциональной окраской.

Во второй строчке перечисление (*of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas*) создает аллитерацию звуков [s], [t], [l], что напоминает шуршание листвы, шум моря, потрескивание огня. Важной составляющей для мотива противопоставления супружеской, *второй лучшей*, кровати и гостевой, *другой лучшей*, кровати является аллитерация звуков [b] и [d] в восьмой (*Some nights I dreamed he'd written me, the bed*) и десятой (*and drama played by touch, by scent, by taste*) строчках, усиленная звуками [s] и [t] в параллельной конструкции. Аллитерация в привычном для английской культуры смысле слова, т. е. в начальной позиции,

Табл. 7. Оригинал стихотворения Anne Hathaway К. Э. Даффи и его перевод на русский язык Ю. Фокиной

Tab. 7. C. E. Duffy's Anne Hathaway and Y. Fokina's translation

Anne Hathaway	Энн Хэтуэй (перевод Ю. Фокиной)
<i>Item I gyve unto my wife my second best bed... (from Shakespeare's will)</i> The bed we loved in was a spinning world of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas where he would dive for pearls. My lover's words were shooting stars which fell to earth as kisses on these lips; my body now a softer rhyme to his, now echo, assonance; his touch a verb dancing in the centre of a noun. Some nights I dreamed he'd written me, the bed a page beneath his writer's hands. Romance and drama played by touch, by scent, by taste. In the other bed, the best, our guests dozed on, dribbling their prose. My living laughing love – I hold him in the casket of my widow's head as he held me upon that next best bed.	Своей жене я оставляю одну из двух кроватей – ту, что похуже. Из завещания Шекспира Земля была о четырех углах и балдахине, и она пыла. И, вынырнув с метафорой в зубах, он погружался снова. Рифмопад мне плечи щекотал. Упрямый ямб он мял о небо, и анжамбеман так долго точку ощупью искал... Потом мне снилось, будто я – сюжет, кровать – страница. Сочиняя роль флюиду, привкусу, касанью – он прислушивался к гостю – тот храпел на лучшем ложе, а во рту балласт ремарок пузырился... Этот лист я расправляю сморщенной рукой, как наволочку под его щекой.

⁵ Duffy C. E. Anne Hathaway // Там же. С. 392.⁶ Даффи К. Э. Anne Hathaway // Там же. С. 393.

отражена в двенадцатой строчке (*dribbling their prose. My living laughing love*) звуком [l] и усилена внутренним повтором V-F-V.

Ю. Фокина еще в эпиграфе неправильно интерпретирует строчку из завещания У. Шекспира и придает ей негативную коннотацию, переводя *second best bed* как *одну из двух кроватей – ту, что похуже*. Изучив оригинал стихотворения, мы пришли к выводу, что эта кровать является бескрайним миром, вмещающим леса, замки и моря, тем местом, где писались стихотворения, а другая кровать – условно *первая* лучшая – предназначалась для гостей, выраженных в оригинале словами *guests* и *their* и противопоставленным местоимениям *I, his, we*. Таким образом, *вторая из лучших постелей / вторая по качеству кровать* для У. Шекспира и его жены была более ценной, чем *первая*.

Следующими несоответствиями в передаче фонических средств является неправильная передача размера, рифмы и структуры. В отличие от оригинального сонета с четырнадцатью строчками переводчица добавляет одну дополнительную строчку, что нарушает его структуру и изменяет рифмовку с *abab cdce ffgg hh* на *abab cdce ffgg ijj*. Поскольку К. Э. Даффи ссылается на творчество У. Шекспира, то сохранение сонетной структуры является необходимым. Если в оригинале у нас сбивчивый пятистопный ямб, то Ю. Фокина исправляет это и создает перевод с правильным пятистопным ямбом, которым писал У. Шекспир. Данное переводческое решение нам кажется неправильным, потому что повествование ведется не от лица У. Шекспира, а от лица его жены, и оно, соответственно, должно носить отличительные признаки поэзии, поскольку у каждого автора – свой идеостиль.

В переводе утрачивается противопоставление кроватей местоимениями *other* и *we* (единство *I* и *he, his*), в переводе едва заметно лирическое Я, однако повтор важного для мотива оригинала негативного переднеязычного, звонкого, щелевого звука [d], который входит в состав слова *bed*, передается многократным повтором следующих звуков: шумного, заднеязычного, глухого, смычного [к], сонорного, небно-зубного, дрожащего [р] и шумного, переднеязычного, глухого, смычного [т], которые присутствуют в слове *кровать*. В шестой строчке (*он мял о нёбо, и анжамбеман*) аллитерация звуков сонорных звуков [н] и [м] хоть и создает впечатление мятости, сминания, но в добавок к этому появляется ощущение того, что создание стихотворений было через силу, что это было мукой, а аллитерация звуков [т] и [к] в седьмой строчке (*так долго точку ощупью искал*) говорит о неудачных попытках любителя, тогда как в оригинале говорится о том, что весь язык ему подчинялся.

Изучив перевод Ю. Фокиной, мы пришли к выводу, что переданная часть фонических приемов не оказывает того воздействия, которое заложено в оригинале сонетом (обращение к творчеству У. Шекспира) сбивчивым ритмом и рифмовкой (указание на то, что лирическое Я в стихотворении – не У. Шекспир, а его жена).

Звуко-цветовая организация оригинала стихотворения *Anne Hathaway* и его перевода на русский язык: сравнительный анализ

Фоносемантический анализ оригинала показал, что в нем преобладает зеленый цвет (31,51 %), следующими по частотности представлены желтый (16,76 %), белый (16,56 %), красный (14,14 %), оранжевый (7,5 %), синий (6,86 %) и коричневый (5,05 %), а меньше всего фиолетового (1,22 %), черного (0,2 %) и серого (0,2 %) цветов (рис. 2). Анализ перевода показал, что основным цветом стихотворения является синий (27,4 %), затем идут красный (21,4 %), желтый (17,26 %), серый (10,95 %), зеленый (8,5 %), голубой (5,2 %), малиновый (3,83 %), коричневый (3 %), черный (1,64 %) и фиолетовый (0,82 %) (рис. 2).

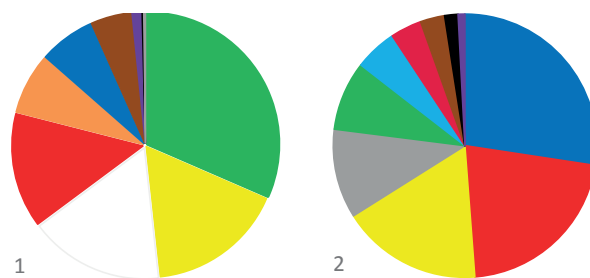

Рис. 2. Соотношение цветовой организации оригинала стихотворения *Anne Hathaway* К. Э. Даффи (1) и его перевода на русский язык Ю. Фокиной (2)

Fig. 2. Color organization of C. E. Duffy's *Anne Hathaway* (1) and Yu. Fokina's translation (2)

В отличие от оригинала, в переводе зеленого цвета почти в четыре раза меньше (8,5 %). Как в русской, так и в английской культуре он ассоциируется с неопытностью и природой, однако в последней культуре приобретает дополнительное семантическое значение – плохое состояние здоровья, самочувствия. Частотность в переводе желтого цвета сохранена. В системе цветовых соответствий А. П. Журавлева для русских звукобукв отсутствует белый цвет, которого в оригинале 16,56 %. В английской языковой картине мира он часто ассоциируется с честностью, добродетелью, добром, радостью. Вместо белого цвета А. П. Журавлев вводит серый, который в обеих культурах считается нейтральным, «никаким» [22, с. 5]. Серого цвета в переводе – 10,95 %, а красного почти на 7 % больше (21,4 %), чем в оригинале (14,14 %). Помимо общих ассоциаций, вызываемых красным цветом (огонь, радость, гнев), в английской культуре он более негативно окрашен и связан с нечистой силой, тогда как в русской – с красотой. В переводе преобладает синий цвет (27,4 %), в оригинале он занимает шестое место по частотности (6,86 %). В обеих культурах он ассоциируется с мистикой, нечистой силой, тоской, грустью, бедой и водой, и только в русской – еще и с огнем.

Поскольку лирическое Я в стихотворении ностальгически вспоминает о своем умершем муже, У. Шекспире, о пережитых вместе моментах творчества и рефлексии о важнейшей и интимной роли *second best bed* (второй по качеству кровати) в их жизнях, то наилучшим цветом, который бы это выразил, является синий, который доминирует в переводе. В оригинале же эту функцию выполняет белый цвет – цвет добродетели. Частотность остальных цветов обусловлена различием количества словоформ в разных языках.

Заключение

Установив, что в поэтических текстах связь между звучанием и значением становится наиболее ощутимой [23], мы пришли к выводу, что подобные связи создают смысловые парадигмы. Однако, как мы обнаружили, при их передаче могут возникнуть проблемы с передачей прагматического потенциала на фонографическом уровне, потому что один и тот же звук в разных культурах может вызывать разные ассоциации и иметь разную эмоциональную окраску, поэтому нужно передавать не точный звуковой строй, а прежде всего те смысловые парадигмы, которые заложены в оригинале [24; 25].

Наиболее частотным фоностилистическим средством в оригиналах является аллитерация. Для реализации прагматического потенциала в переводах используются такие же средства, однако передаются не те же самые структуры или звуки, а те структуры или звуки, которые позволяют использовать язык перевода. Важной частью сохранения прагматического потенциала является передача метрики оригинала – анализ показал, что искажение

оригинальной метрики может изменить целостное восприятие текста.

Звуко-цветовая организация текста в английской и русской культурах по большей части совпадает, однако наблюдается разная цветовая ассоциативность, что обусловлено культурной спецификой. Разное историческое и культурное развитие стран – причина того, почему переводчикам не всегда удается точно передать прагматический потенциал на фонографическом уровне, а также цветовую организацию текста.

Данная работа может помочь при выявлении идиостилей авторов и углубить знания в области фоники. Перспектива дальнейшего исследования может заключаться в разработке более усовершенствованных компьютерных программ, позволяющих проводить фонетический анализ текстов. С помощью анализа звуко-цветовых соответствий можно создавать переводные тексты, которые будут выстроены грамотно и логично с точки зрения визуализации, аудиального восприятия и кинестетики. Кроме того, можно обратиться к усовершенствованию переводов поэтических текстов с английского языка на русский с учетом фонетических характеристик, что позволит изменить качество письменного перевода художественных текстов.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Н. А. Куракина – научное руководство проектом, концептуализация, методология, валидация, анализ данных и их редактирование, визуализация. И. С. Ачинович – сбор материала, анализ данных, визуализация.

Литература

1. Дотмурзиева З. С. Прагматика англоязычного художественного текста и проблемы прагматики его перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2006. 20 с.
2. Безменова А. Э. Функционально-семантические и прагматические особенности речевых актов (на материале комплиментов в современном английском языке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001. 18 с.
3. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. 4-е изд. М.: URSS, 2018. 176 с.
4. Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 23. № 1. С. 98–115. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115>
5. Титова Е. А. Прагматический аспект передачи звукоизобразительных средств при переводе поэтических текстов (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
6. Фатюхин В. В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 184 с.
7. Чернец А. О. Языковые средства выражения эмоциональности в тексте английской пьесы и в переводе на русский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 19 с.
8. Филимонова О. Е. Категориальный статус эмотивности // Язык как функциональная система / отв. ред. Н. Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. С. 163–178.
9. Орлова О. Ю. Фонетические средства выразительности в языке и тексте: существующие подходы и перспективы исследования // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. № 3. С. 93–99.
10. Векшин Г. В. Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования. М.: МГУП, 2006. 462 с.
11. Лайонз Д. Лингвистическая семантика. Введение. М.: Языки славян. культуры, 2003. 397 с.
12. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.

13. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: НЛО, 2010. 384 с.
14. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. 464 с.
15. Рогожникова Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. Уфа: УГАТУ, 2000. 242 с.
16. Журавлев А. П. Звук и смысл. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1991. 160 с.
17. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Academia, 2005. 296 с.
18. Tsoi W. C. T. The effects of occurrence frequency of phonemes on second language acquisition: a quantitative comparison of Cantonese, Mandarin, Italian, German and American English. Chinese University of Hong Kong, 2005. 20 p.
19. Елкина В. Н., Юдина Л. С. Статистика слогов русской речи // Вычислительные системы. 1964. № 10. С. 58–78.
20. Прокофьева Л. П. Изучение звуко-цветовой ассоциативности в европейских языках: история и современность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 256–262.
21. Воевода Е. В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный вестник Воронеж. гос. арх.-строит. ун-та. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2012. № 18. С. 113–123.
22. Лаенко Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале русских и английских прилагательных, обозначающих цвет): авторефер. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988. 17 с.
23. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против» / ред. Е. Я. Басин, М. Я. Поляков. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
24. Мико Ф. Передача звучания при переводе лирической поэзии. М.: Радуга, 1988. 235 с.
25. Балаш М. А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 1999. 159 с.

original article

Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts

Natalia A. Kurakina

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad;
<https://orcid.org/0000-0001-6696-2227>; petrusevich1@mail.ru

Igor S. Achinovich

Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Received 16 Jul 2021. Accepted after peer review 29 Sep 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: Phono-stylistics is a promising research area. Expressive power of a text depends on its phonetic imagery. The research objective was to identify the pragmatic features of phonic expressive means in translations of contemporary English poetry. The methods included a comparative analysis, phono-semantic and phono-stylistic interpretation of the original poems and their translations, and O. N. Tynyanov's law of versification. The method of sound counting developed by E. V. Elkina and L. S. Yudina was used to calculate the frequency of sounds in the context of phono-semantic analysis in the Russian translations. The method of sound counting designed by Tsoi Vi Chuen Thomas was used to calculate the frequency of sounds in the original English texts. The theoretical foundation of the research was formed by the works by M. A. Balash, G. V. Vekshin, Z. S. Dotmurzieva, V. N. Elkina, A. P. Zhuravlev, L. V. Laenko, F. Miko, L. P. Prokofyeva, E. A. Titov, etc. The study featured the phonics and pragmatics of S. Dugdale's poem *Zaitz* and its three translations made by E. Tretyakova, A. Shchetinina, and M. Vinogradova, and C. E. Duffy's *Anne Hathaway* translated by Yu. Fokina. The author compared the pragmatics of sound imagery in the English originals and their Russian translations. The research made it possible to define the role of sound imagery in the poetic discourse, as well as the relationship between the sound organization of poetic speech and the pragmatic value at the phonographic level. The results can be used in courses of translation, stylistics, and phonetics.

Keywords: phono-stylistics, phono-semantics, sound-color organization of the text, emotional coloring of the text, pragmatic potential, contemporary British poetry

Citation: Kurakina N. A., Achinovich I. S. Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1041–1050. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1041-1050>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: N. A. Kurakina supervised the project, developed the concept and methodology, performed the data analysis, designed the visualization, and proofread the manuscript. I. S. Achinovich collected the material, analyzed the data, and developed the visualization.

References

1. Dotmurzieva Z. S. *The pragmatics of the English fiction text and the issues of pragmatics of its translation*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2006, 20. (In Russ.)
2. Bezmenova L. E. *Functional, semantic and pragmatic features of speech acts in compliments in modern English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Samara, 2001, 18. (In Russ.)
3. Kolshansky G. V. *The communicative function and structure of language*, 4th ed. Moscow: URSS, 2018, 176. (In Russ.)
4. Kotorova E. G. Pragmatics among linguistic disciplines: problems of definition and classification. *Russian Journal of Linguistics*, 2019, 23(1): 98–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115>
5. Titova E. A. *The pragmatic aspect of the transmission of sound representations in translation poetic texts in English and Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Chelyabinsk, 2006, 19. (In Russ.)
6. Fatiukhin V. V. *Features of the translation of onomatopoeia and interjection verbs in Russian and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2000, 184. (In Russ.)
7. Chernets A. O. *Linguistic means of expressing emotiveness in the text of an English play and in translation into Russian*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Pyatigorsk, 2004, 19. (In Russ.)
8. Filimonova O. E. *The categorical status of emotiveness. Language as a functional system*, ed. Boldyrev N. N. Tambov: Izd-vo Tamb. un-ta, 2001, 163–178. (In Russ.)
9. Orlova O. Yu. Phonetic expressive means in language and text: current approaches and research perspectives. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2013, (3): 93–99. (In Russ.)
10. Vekshin G. V. *Outline of text phonological philology: sound repetition in the perspective of meaning formation*. Moscow: MGUP, 2006, 462. (In Russ.)
11. Lions J. *Linguistic semantics. Introduction*. Moscow: Iazyki slavian. kultury, 2003, 400. (In Russ.)
12. Komissarov V. N. *The translation theory (linguistic aspects)*. Moscow: Vyssh. shk., 1990, 253. (In Russ.)
13. Zubova L. V. *Languages of contemporary poetry*. Moscow: NLO, 2010, 384. (In Russ.)
14. Babenko L. G. *Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis*. Moscow: Akad. Proekt; Ekaterinburg: Delovaia kn., 2004, 464. (In Russ.)
15. Rogozhnikova T. M. *Psycholinguistic study of the functioning of the polysemous word*. Ufa: UGATU, 2000, 242. (In Russ.)
16. Zhuravlev A. P. *Sound and meaning*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1991, 160. (In Russ.)
17. Solodub Yu. P., Albrekht F. B., Kuznetsov A. Yu. *Theory and practice of literary translation*. Moscow: Academia, 2005, 296. (In Russ.)
18. Tsoi W. C. T. *The effects of occurrence frequency of phonemes on second language acquisition: a quantitative comparison of Cantonese, Mandarin, Italian, German and American English*. Chinese University of Hong Kong, 2005, 20.
19. Elkina V. N., Yudina L. S. Statistics of syllables of Russian speech. *Vychislitelnye sistemy*, 1964, (10): 58–78. (In Russ.)
20. Prokofyeva L. P. The study of sound-and-color associations in the European languages: history and the present. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, (4): 256–262. (In Russ.)
21. Voevoda E. V. Colour perception and associative fields in the Russian and English languages. *Nauchnyi vestnik Voronezh. gos. arkh.-stroit. un-ta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia*, 2012, (18): 113–123. (In Russ.)
22. Laenko L. V. *From the semantics of color to the social semantics of the language in Russian and English adjectives of color*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saratov, 1988, 17. (In Russ.)
23. Jakobson R. Linguistics and poetics. *Structuralism for and against*, ed. Basin E. Ya., Polyakov M. Ya. Moscow: Progress, 1975, 193–230. (In Russ.)
24. Miko F. *The transfer of sound in the translation of lyric poetry*. Moscow: Raduga, 1988, 235. (In Russ.)
25. Balash M. A. *Phono-semantic structure of the text as a factor of its understanding: an experimental study*. Cand. Philol. Sci. Diss. Gorno-Altaysk, 1999, 159. (In Russ.)

оригинальная статья

Стратегия дискредитации власти в интернет-комментариях к публикациям мэров Нью-Йорка и Лондона

Наталья Владимировна Мельник

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
<https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>, saikova@mail.ru

Ольга Викторовна Митякина

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
<https://orcid.org/0000-0001-8855-8524>

Поступила в редакцию 01.10.2021. Принята после рецензирования 08.11.2021. Принята в печать 08.11.2021.

Аннотация: Данная статья посвящена лингвоперсонологическому исследованию языковых средств и речевых приемов реализации стратегии на понижение в текстах интернет-комментариев. Особое внимание уделено речевой представленности стратегий и тактик, направленных на дискредитацию действующей власти. Основными методами исследования являются метод сплошной выборки и метод лингвистического анализа. Материалом исследования послужили наиболее резонансные публикации мэров Нью-Йорка и Лондона на официальных страницах политиков в социальных сетях Twitter и Facebook и интернет-комментарии пользователей к ним. Ведущей стратегией в рамках дискредитации власти является стратегия на понижение. В результате исследования были определены преобладающие тактики речевой реализации стратегии на понижение и выявлены речевые приемы их воплощения. В качестве ведущих тактик определены тактика «анализ-минус», тактика оскорбления и тактика обвинения. Исследование содержания интернет-комментариев к выступлениям политических деятелей свидетельствует о снижении доверия к власти. Проведенный анализ комментариев показал, что авторы интернет-откликов обладают индивидуальным стилем выражения мысли, обусловленным субъективными факторами и отраженным в соответствующем ситуативном подборе слов и выражений. В связи с этим проблема дискредитации действующей власти представляется значимой.

Ключевые слова: тактики, манипуляция, лингвоперсонология, языковые средства, политический дискурс

Цитирование: Мельник Н. В., Митякина О. В. Стратегия дискредитации власти в интернет-комментариях к публикациям мэров Нью-Йорка и Лондона // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1051–1059. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1051-1059>

Введение

В гносеологическом плане представленная в статье проблема исследования заключается в лингвоперсонологическом осмыслении способа реализации стратегии на понижение как эффективного средства языковой манипуляции с целью делегитимации власти, в онтологическом – в поиске доминанты, предопределяющей персонную составляющую политической коммуникации как в автороцентрическом, так и в адресатоцентрическом аспектах, которая заключается в иерархизации следующих компонентов: личностные особенности, типологические характеристики и национальные черты как политических деятелей, так и рядовых личностей, реализующих себя в непрофессиональном политическом дискурсе. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью социальных сетей в формировании когнитивных процессов как коллективного, так и индивидуального сознания, в связи с этим выбор стратегий и тактик подрыва легитимности действующей власти становится одним из наиболее актуальных механизмов формирования негативного отношения к политическому актору.

В настоящее время существует большое количество исследований, посвященных проблеме изучения языковой личности. Антропоцентрическая парадигма современной науки повлияла на интегрированность смежных областей

научного знания, сформировав ряд новых направлений, ставящих в центр внимания языковую личность. Одним из таких направлений можно считать лингвоперсонологию. Лингвоперсонологические исследования строятся на основе анализа текста как продукта речевой деятельности языковой личности.

Наиболее важным аспектом анализа языковой личности является коммуникативный. Еще в первой половине XIX в. В. фон Гумбольдт отмечал, что «язык развивается только в обществе, и человек понимает себя только тогда, когда на опыте убедится, что его слова понятны также и другим людям» [1, с. 77]. В. В. Виноградов в своей книге «Русский язык» писал, что «слово является одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [2, с. 21]. Так, в широком смысле коммуникация означает сообщение информации. И. В. Арнольд, говоря об общих вопросах стилистики, обращает внимание на очень важное для коммуникации понятие *обратная связь*, что означает «любой вид обратного сигнала, показывающего эффективность понимания со стороны принимающего, возвращающегося к отправителю и корректирующего его дальнейшую деятельность» [3, с. 31]. Для нашего исследования данный термин представляется важным, т. к. мы анализируем

отклики рядового носителя языка на публикации и выступления политических деятелей.

В современном мире существуют различные информационные потоки: печатный текст, устное высказывание, интернет-комментарий. Т. А. ван Дейк писал, что «изучение медиавлияния в терминах "контроля над сознанием" должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного подхода, который связывает сложные структуры современного (нового) медийного ландшафта с использованием медиа и, в конечном итоге, с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает» [4, с. 29]. Ясно, что речевая коммуникация обладает в той или иной степени функцией манипуляции сознанием.

Языковая манипуляция сознанием осуществляется с помощью определенных стратегий. Известные ученые Дж. Марвелл и Д. Шмитт выделяют 16 техник-стратегий подчинения: позитивную и негативную стимуляцию, позитивную и негативную «экспертизу», выражение симпатии, подкуп, обратную стимуляцию, апелляции к чувству долга, нравственному императиву, самооценке, качествам партнера [5]. К позитивной и негативной стимуляциям относят обещания и угрозы, под позитивной и негативной «экспертизой» подразумевают указание на пользу либо вред для объекта.

Согласно определению О. С. Иссерс, «речевая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [6, с. 54]. Автор дифференцирует основные и вспомогательные стратегии: основные стратегии воздействуют на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение; к вспомогательным стратегиям относят прагматические, диалоговые, риторические.

О. Н. Паршина, анализируя эффективность применения стратегий в политическом дискурсе, разграничила стратегии самопрезентации, дискредитации, нападения, манипуляции, самозащиты, информативно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и др. [7, с. 13]. Стратегия как направленная на читателя речевая деятельность реализуется с помощью тех или иных тактик. Как отмечает Г. А. Копнина, любая тактика, применяемая нами для достижения целей коммуникации, по сути своей несет в себе характер манипуляции, которая является «видом психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [8, с. 10].

Настоящая статья посвящена описанию речевых приемов и языковых средств по принципу эффективности / неэффективности реализации стратегии на понижение, а также объединению исследуемых средств воплощения тактик на основе семантических инвариантов с негативной оценкой политика в контексте интернет-комментариев. В ходе исследования нами были определены тактики речевой реализации стратегии на понижение; проанализированы

конкретные приемы воплощения тактик; выделены наиболее эффективные и частотные языковые модели, актуализирующие семантические инварианты речевых тактик оценки образа политика рядовой / ординарной / непрофессиональной языковой личностью.

С лингвистической точки зрения, научный интерес представляют использованные представителями разных лингвокультур языковые средства и речевые приемы, направленные на реализацию стратегии на понижение действующей власти в текстах интернет-комментариев, осмысленные в лингвоперсонологическом ключе. Своеобразие нашего исследования заключается в акцентировании исследовательского внимания на выборе стратегий и тактик, который обусловлен как объективными, так и субъективными факторами, в работе мы выявляем в первую очередь факторы персонные. Несмотря на то, что в последние годы появляются публикации, исследующие в лингвоперсонологическом аспекте применение реальными носителями языка речевых стратегий и тактик делегитимации, многие вопросы в данном направлении остаются открытыми, в связи с чем исследование представляется актуальным.

В контексте нашей статьи мы рассматриваем стратегию дискредитации политических решений и тактик «анализ-минус», обвинения, оскорбления. Стратегии и тактики позволяют либо подрывать, либо укреплять легитимность действующей власти. По словам А. А. Керимова, в качестве основного индикатора делегитимизации политической власти выступает уровень политического протеста населения [9, с. 88].

Изучение основных механизмов речевого воздействия в политической коммуникации осуществляется посредством реализации коммуникативной функции языка в рамках политических текстов. Р. Маккей, изучая разные аспекты мультимодальной легитимации, замечает, что легитимация привлекает внимание посредством анализа политических дискурсов. Легитимность опирается на контекстные знания, доступные в данный момент [10].

Политическая коммуникация – это явление, с которым мы сталкиваемся ежедневно. Борьба за власть является основной темой в данной сфере общения. Политическим языком интересуются как профессионалы в области политики, в том числе журналисты и политологи, так и самые широкие массы граждан.

В последние десятилетия политическая коммуникация, или политический дискурс (вслед за Е. И. Шейгал, мы рассматриваем эти понятия как синонимичные), стала объектом изучения многих лингвистов, таких как А. Н. Баранов [11], В. З. Демьянков, В. И. Карасик [12], П. Серю [13], Д. В. Шапочкин [14], Е. И. Шейгал [15], Р. Абди и А. Басарати [16], Р. Водак [17] и др. По мнению Т. Г. Скребцовой, многообразие подходов к изучению данного явления стало причиной пересмотра содержания понятия *политический дискурс*. Если раньше в центре внимания оказывались преимущественно жанры,

которые «в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть (публичные выступления политиков, парламентские дебаты, официальные документы), то в последнее время исследователи все чаще обращаются к анализу политической рекламы, мемуаров политиков, дискурса СМИ и прочих пограничных жанров» [18, с. 51].

Е. И. Шейгал, затрагивая вопрос о том, какие речевые жанры входят в сферу политического дискурса, отмечает, что всякий дискурс, в том числе и политический, «будучи конгломератом определенных жанров, представляет собой полевою структуру, в центре которой находятся жанры, прототипные для данного вида дискурса, а на периферии – вторичные (или маргинальные) жанры, имеющие двойственную природу и находящиеся на стыке разных типов дискурса» [15, с. 320]. Таким образом, перспективность изучения политического дискурса очевидна. Дальнейшие исследования позволят полнее выявить специфику современной политической коммуникации, ее обусловленность факторами адресата и адресанта, коммуникативной и политической ситуацией. Эффективность реализации политического дискурса можно проследить, исследуя интернет-комментарии, в которых формируется отношение к личности политика. В. В. Виноградов, рассуждая о языковой личности, писал о неразрывной связи слов с интеллектуальной и эмоциональной жизнью человека [2].

Проблеме изучения речевого поведения субъекта политического дискурса как многогранного и сложного феномена, определенного намерениями коммуниканта, посвящены исследования Ю. Ю. Суханова. Ученый отмечает, что политики в борьбе за власть применяют все возможные средства для эффективной реализации стратегий и тактик политического дискурса [19, с. 206]. Представители власти, пытаясь заручиться поддержкой граждан, стремятся легитимировать свои решения и действия.

Немецкий ученый Н. Луман определяет легитимность как возможность принимать решения в рамках толерантности. Легитимным, с социальной точки зрения, будет то решение, которое принимается без критики [20, с. 95]. Подрыв легитимности власти наблюдается в тех странах, где общество является неоднородным в силу экономических, политических, социальных причин. Формы выражения недовольства политикой действующей власти могут быть самыми разными: от акций протеста до комментариев в социальных сетях. Последние играют особую роль, т. к. их содержание косвенно или явно воздействует на сознание человека. Читатели интерпретируют информацию и формируют свое мнение и представление о ситуации. По словам Т. А. ван Дейка, «люди, понимающие реальные события или речевые события, способны сконструировать ментальное представление, и в особенности осмысленное представление, только при том условии, что они располагают более общими знаниями о таких событиях» [4, с. 155]. Таким образом, посредством частных высказываний в социальных

сетях формируется коллективное представление об одном из фрагментов картины мира, а именно о политической ситуации в стране. Согласно И. В. Савельевой, своеобразие интернет-комментариев как продукта деятельности языковой личности заключается в значительном лингвоперсональном потенциале функционирования [21, с. 198]. В комментариях особенно ярко прослеживаются стилистические особенности и доминирующие признаки участников социальных сетей.

Изучением языковых средств, репрезентирующих обмен политической информацией (т. е. политической коммуникацией), занимается политическая лингвистика. По мнению Н. А. Сидоровой и др., политическая коммуникация сквозь призму речевой деятельности имеет эмоциональное воздействие на реципиентов и побуждает их к принятию политических и социальных решений [22, с. 72].

Методы и материалы

В рамках исследования публикаций мэров Нью-Йорка (Билла де Блазио) и Лондона (Садики Хана) в социальных сетях и, как следствие, откликов граждан на обращения политиков были использованы методы сплошной выборки и лингвистического анализа. Выбор методов был определен сущностью исследуемого предмета – речевой представленностью стратегий и тактик, направленных на дискредитацию действующей власти. Суть метода сплошной выборки заключается в подборе материала для анализа и демонстрации теоретических положений. Метод лингвистического анализа применяется для выделения и классификации языковых единиц. Методы взаимно дополняют друг друга и позволяют сформулировать и обосновать выводы относительно эффективности реализации стратегии на понижение. Данные методы активно применяются в подобных работах большинством ученых (Р. Абди и А. Басарати [16], Дж. Кан и Б. Бойер [23], Ю. Ю. Суханов [19], Д. В. Шапочкин [14] и др.).

Свое исследование мы дополняем методом компонентного анализа, который позволяет выделить семантические инварианты значений языковых единиц. Наличие семантического инварианта негативной оценки в структуре их значений является основанием для формирования двух основных групп анализируемых комментариев – негативных и позитивных. В данной статье мы анализируем негативные комментарии, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы с семантическими инвариантами *критика*, *обвинение* и *оскорбление*. Выделенные компоненты значений позволяют актуализировать тактики обвинения и оскорбления в рамках стратегии на понижение с целью делегитимации власти.

Получены следующие количественные данные реализации стратегии на понижение в повседневных интернет-комментариях: общее количество интернет-комментариев пользователей к постам мэров Лондона и Нью-Йорка, размещенных на официальных страницах социальных сетей Twitter и Facebook – 670. На основе изучения содержания

интернет-комментариев пользователей установлено, что в процентном соотношении дискредитирующие власть комментарии составляют 80 % от общего количества проанализированных высказываний; в 5 % комментариев авторы дают позитивную оценку действиям политика, совсем незначительную часть; 3 % анализируемого материала представляют промежуточные комментарии с нейтрально окрашенными языковыми средствами; оставшиеся 12 % никак не связаны с содержанием публикаций.

Стимулом для интернет-комментариев послужили публикации мэров Нью-Йорка и Лондона в сети Интернет. Комментаторы, воспринимая информацию, формируют собственную оценку личности политика и действий, им предпринимаемых. При создании комментариев проявляются индивидуальные языковые способности авторов. Интерпретация конкретных языковых приемов, используемых комментаторами, позволяет судить о степени доверия / недоверия решениям государственных деятелей.

В содержании обращений политиков самых крупных городов двух государств – США и Великобритании, посвященных восстановительным мероприятиям в постковидное время, затронута тема инвестиций в экономику.

В своем обращении на странице в Facebook мэр Лондона объявляет о решении мэрии инвестировать в экономику города / столицы, чтобы вернуть рабочих и туристов в Центральный Лондон, т. к. экономика сталкивается с огромными проблемами из-за спада туризма и удаленной работы:

Mayor Sadiq Khan: *We have to be bold and innovative in our vision for a post-COVID London. As Mayor, I'm investing £6 million to get people back into central London's world-leading cultural attractions, restaurants and retail businesses when COVID restrictions are lifted*¹ – Мы должны быть смелыми и инновационными в нашем видении постковидного Лондона. Как мэр, я инвестирую 6 млн фунтов стерлингов, чтобы вернуть людей в центральную часть Лондона с его мировыми культурными достопримечательностями, ресторанами и розничной торговлей, когда будут сняты ограничения на коронавирус².

На странице в Твиттере Билл де Блазио обращается к жителям Нью-Йорка с призывом инвестировать в экономику города, чтобы сократить дефицит городского бюджета, возникшего из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19:

Mayor Bill de Blasio: *We're facing the greatest crisis since the Great Depression. And we got out of that by being BOLD. Austerity won't work. It never does. The New Deal proved that investment is the only way out. Invest in our economic engines. Invest in New York City*³ – Мы переживаем величайший кризис со времен Великой депрессии. И мы вышли из него, проявив смелость. Жесткая экономия не работает. Этому не бывать. Новый Курс доказал, что единственный выход –

это инвестиции. Инвестируйте в силы нашей экономики. Инвестируйте в Нью-Йорк.

В выступлениях обоих политиков мы выделили как идентичные, так и специфичные средства манипуляции сознанием аудитории. Среди идентичных языковых приемов были проанализированы «МЫ-инклюзивное» и лексический материал. По мнению О. Л. Михалевой, «семантическая размытость МЫ-инклюзивного (часто – из-за отсутствия конкретизаторов) создает предпосылку для манипулирования сознанием слушающего в политическом дискурсе» [24, с. 84]. В своих коротких публикациях в социальных сетях Садик Хан и Билл де Блазио употребляют местоимение *мы* и тем самым подчеркивают свое единение с народом. Лексема *bold* придает эмоциональную окраску обоим выступлениям, т. к. в сознании человека это слово ассоциируется с решимостью, храбростью, риском.

Политики Великобритании и США, используя в своих обращениях одинаковые речевые приемы, преследуют одну и ту же цель – сделать свою речь понятной и близкой широкой массе граждан. Они ожидают, что доступное изложение темы поможет вызвать желаемую реакцию и завоевать доверие и поддержку аудитории.

При этом у каждой из сторон есть и свои особенности. Так, британский мэр использует местоимение *я*, что свидетельствует о его твердом намерении помочь своему городу и представляет его в выгодном свете. В то же время словосочетание *As Mayor* имеет несколько оттенков значения. С одной стороны, данное выражение отдаляет политика от народа, т. к. он собирается все сделать самостоятельно. С другой стороны, такое отделение себя от народа закономерно обусловлено. В качестве мэра он обладает полномочиями и осознает всю меру ответственности за свои действия, а значит, полностью готов соответствовать своему статусу.

Билл де Блазио использует аргументативный прием, ассоциируя себя с прецедентной личностью Теодора Рузвельта. Как известно, программы и реформы администрации президента, разработанные с целью преодоления последствий Великой депрессии, имели успешный исход.

Результаты

Эффективность / неэффективность достижения коммуникативной цели политического дискурса можно определить, исследуя интернет-комментарии, в которых формируется отношение к личности политика. Анализ содержания интернет-комментариев позволил выявить преобладание стратегии на понижение. Она реализуется с помощью тактик «анализ-минус», оскорбления, обвинения и т. д. Тактика «анализ-минус» – основанное на фактах рассмотрение, разбор ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также

¹ Facebook. Режим доступа: www.facebook.com/sadiqforlondon/posts/288722982610473 (дата обращения: _15.09.2021).

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен авторами статьи.

³ Twitter. Режим доступа: <https://twitter.com/NYCMayor/status/1324347429290942464> (дата обращения: _15.09.2021).

к людям, их действиям и поступкам [24, с. 46]. Приведем примеры комментариев, в которых реализуется тактика «анализ-минус».

Отклики на текст-стимул мэра Лондона:

Betty Otieno: *There is no need to launch a campaign just advertise the jobs and people will apply. Another waste of taxpayers' money, if you ask me!*⁴ – Нет необходимости запускать кампанию, разместите объявления о вакансиях, и люди будут подавать заявки. Еще одна трата денег налогоплательщиков, если хотите знать! Автор передает свое отношение к мэру через употребление слов с негативной коннотацией: *no, waste*, разговорного выражения *если хотите знать*.

Roger Evans: *Must be getting near voting time opening up after COVID and yesterday building council houses must think Londoners were born yesterday* – Должно быть, приближается время голосования после COVID и совет по финансированию Программы *Building Council Homes for Londoners*, должно быть, считает, что лондонцы родились вчера. Комментарий выражает свое негативное мнение как о политике, который недооценивает жителей Лондона, так и его действиях. Фразеологизм *Londoners were born yesterday* (так говорят о человеке, который слабо ориентируется в жизненных ситуациях) используется для характеристики субъекта, а безагенсная модальная конструкция – для выражения негативного отношения к действию.

DWSculds: *It beggars belief you're still playing at Mayor – Не верится, что Вы все еще играете в мэра.* Посредством словосочетания с переносным значением *playing at Mayor* комментатор выражает сомнение в том, что мэр относится серьезно к своим обязанностям.

Gultekin Tatar: *Never ever vote because of you – Из-за Вас никогда не буду больше голосовать.* Семантика данного примера позволяет понять, что комментатор не одобряет действия политика, т. к. не собирается больше участвовать в голосовании.

Приведем еще один пример, подтверждающий неблагоприятность сложившейся ситуации вокруг мэра:

JohnMichael: *I am a black Londoner – grew up supporting Labour but YOU are one of the reasons i will NEVER vote for them again* – Я темнокожий лондонец – вырос, поддерживая лейбористов, но ВЫ – одна из причин, по которым я НИКОГДА не буду голосовать за них снова. Негативная характеристика личности политика создается за счет лексем *YOU* и *NEVER*, написанных прописными буквами, актуализирующих смысл данного отклика. Именно действующий мэр Лондона является причиной того, что автор комментария не будет участвовать в выборах.

Отклики на текст-стимул мэра Нью-Йорка:

Peter Burka: *You invested in even more cops. Resign – Вы вложили в полицейских еще больше. В отставку.* Автор комментария высказывает предположение о расходовании

бюджетных средств не по назначению, не доверяет словам мэра, использует императив *Resign* с целью побуждения других участников коммуникации к действию.

Michael Anthony: *I will increase my investments in NYC when you are run out of office. This city cannot survive another mayor like you* – Я увеличу свои вложения в Нью-Йорк, когда у Вас закончится срок пребывания на посту. Этот город не сможет пережить другого мэра вроде Вас. В комментарии передается эмоциональное состояние автора с помощью глагола *survive*, а придаточное предложение *when you are run out of office* соответствует короткому *Resign* (в отставку). Негативная коннотация конструкции *cannot survive* передается через иронию, т. к. истинный смысл противоречит явному. Таким образом, автор выражает свое недоверие действиям и выступлению мэра. Сравнение *another mayor like you* способствует раскрытию авторского мироощущения, выявляя субъектно-оценочное отношение комментатора.

Vito: *Your legacy of the worst mayor in the history of NYC will never be forgotten...RESIGN* – Ваше наследие худшего мэра в истории Нью-Йорка никогда не будет забыто... В отставку; **Deana Margarita:** *You ruined our city. Nobody trusts you;* **Mike Bryant:** *Your legacy will live on to for being a sorry mayor and a road paver with yellow paint.* В представленных примерах словосочетания *will never be forgotten*, *will live*, выраженные простым будущим временем, указывают на вероятность предстоящего события, на то, как может или должна сложиться ситуация. Выразительность лексемы *nobody* заключается в ее семантическом значении – никто, ни один человек. Эпитет *sorry* раскрывает личное отношение автора к автору.

В следующих комментариях присутствует тактика обвинения, которая реализуется языковыми средствами с негативным компонентом.

Отклики на текст-стимул мэра Лондона:

Lowell Walker: *Cancel Silvertown Tunnel! You're wasting BILLIONS on that only so there can be even more traffic in London* – Отмените строительство туннеля в Сильвертауне! Вы тратите МИЛЛИАРДЫ на это только для того, чтобы в Лондоне было еще больше транспорта. Об эмоциональном состоянии автора можно судить по семантическим средствам, которые он использует в комментарии. Употребление императивной конструкции, неуместное написание слова прописными буквами придают важность сообщаемой информации и способствуют достижению необходимого иллокутивного эффекта.

Gordon Shennan: *Sadiq Khan on his Self Promotion And Not Protecting the people in London* – Садик Хан о саморекламе и отказе от защиты людей в Лондоне. Автор, придавая значимость словосочетанию (пишет слова с заглавных букв) *Self Promotion And Not Protecting*, обвиняет мэра в его личной заинтересованности, т. е. в сокрытии достоверных фактов о предпринимаемых политиком действий.

⁴ Во всех примерах орфография и пунктуация авторов сохранены.

John Smith: *You bankrupted tfl you must go before 06 may or will be booted out!!! #kHANOUT* – Вы обанкротили оператора транспортной системы столицы Великобритании Transport for London!!! Вы должны уйти до 6 мая, иначе вас выгонят!!! Комментатор, используя повтор, знаки пунктуации, лексические средства с негативным оценочным компонентом, открыто выражает свое отношение к действиям мэра. Употребление хэштега позволяет выделить главную мысль сообщения [25].

Отклики на текст-стимул мэра Нью-Йорка:

Joshua Robert: *The great irony here is that last week you were thinking about PREVENTING a guy with \$14 billion who wanted to invest in NYC from doing so. Why did you give Steve Cohen such a hard time? You should have rolled out the red carpet, but you had an agenda* – Великая ирония заключается в том, что на прошлой неделе Вы препятствовали парню с 14 миллиардами долларов, который хотел инвестировать в Нью-Йорк. Почему Вы создали такие проблемы Стиву Коэну? Вам следовало расстелить красную ковровую дорожку, но у Вас были другие планы. Эмоциональную окраску речи автора придают лексема PREVENTING, написанная прописными буквами, просторечное слово *guy*. В данном комментарии используется прием диалогизации монологической речи. Автор сам задает вопрос и сам же на него отвечает, и тем самым фокусирует внимание адресата на проблеме инвестиций. Употребляя прецедентное выражение *the red carpet*, предполагающее пышную встречу, автор комментария обвиняет Билла де Блазио в бездействии, говоря о том, что ему следовало бы с радостью принять предложение Коэна, но у мэра, оказывается, был свой план. Такое стилистическое средство придает эмоциональность и образность комментарию. Проявляется противоречие между призывом мэра вкладывать деньги в экономику города и его настоящими действиями.

ArtThompson: *The more investment equals more opportunity for Chirlane to dip her beak* – Чем больше вложений, тем больше возможностей для Чирлейн засунуть руки в чужой карман. Автор комментария использует фразеологизм *dip her beak* с негативным оценочным компонентом, чтобы унизить мэра, обвинив не только его самого, но и членов его семьи в том, чему нет доказательств.

HRCisTrue45: *Are you done soon killing the economy? – Ты скоро убьешь экономику?* В данном комментарии автор обвиняет мэра в разрушении экономики через метафору *kill the economy*.

Deana Margarita: *Is the city broke? Where's our money? Can we get a real mayor. At least it won't cost us the lunch money you saved for us during the pandemic* – Неужели город разорен? Где наши деньги? Нам бы настоящего мэра. По крайней мере, это не будет стоить нам денег на обед, которые вы сэкономили на нас во время пандемии. Риторические вопросы автор использует для передачи скрытого обвинения, привлечения внимания других пользователей к проблеме и выражения собственного убеждения в справедливости обвинения.

Тактика оскорбления реализуется в ряде комментариев, которые содержат целый ряд инвектив, представленных лексическими единицами с отрицательными коннотациями. Помимо этого, данная тактика представлена примерами, содержащими акронимы, а также удлиненные слова для передачи эмоционального состояния автора.

Отклики на текст-стимул мэра Лондона:

Abu Mariam: *What a useless mayor* – Какой бесполезный мэр; **Nicholas Rooke:** *1:10 people expected to be unemployed in London. By December Sadiq khan the worst London mayor ever* – Ожидалось, что один из десяти останутся безработными в Лондоне. К декабрю Садик хан стал худшим мэром Лондона за всю историю; **Ali Khawaja:** *No vote for this stupid* – Не голосуйте за дурака; **Hassan Kassem:** *What a freaking clown. Pure trash this guy is* – Помешанный клоун. Этот парень – чистейший хлам; **Paul Ashman:** *you fool – ты – дурак*; **Peter Hogman:** *shut up* – заткнись; **David Shapcott:** *Khan is a RACIST PIG* – Хан – расистская свинья.

Отклики на текст-стимул мэра Нью-Йорка:

Rob Taub: *Have you ever ridden the subway with us little people. Despot* – Вы когда-нибудь ездили в метро с нами, маленькими людьми. Деспот; **Nick:** *Worst mayor in NY history. Get out of the way of progress please* – Худший мэр в истории Нью-Йорка. Уйдите с пути прогресса, пожалуйста; **PaSwede:** *My sense is that De Blasio is freaking out* – Я считаю, что Де Блазио сходит с ума. В этих комментариях авторы пытаются уклониться от темы, по-своему интерпретировать информацию. Пренебрежительный, ироничный тон достигается посредством таких выразительных средств, как фразеологизм *is freaking out*, лексем с негативной оценкой *Worst, Despot, useless, stupid*, инверсии *Pure trash*.

shia: *U r crazy don't think what you're doing ....* – Ты сумасшедший и не думаешь о том, что творишь. В данном комментарии акроним *u r* выступает как экспрессивное средство выражения эмоционального состояния автора.

boom: *I bet she thought of u as an idiot hahaha* – Бьюсь об заклад, она думает о тебе, что ты идиот хахаха; **st8ofgr8nss:** *FFFFFFUUUUUCCCCCKKKKKYYYYYOOOOOOOOUUUUUUJJEEEEERRRRKKKOOOOFFFF* – Пошел ты, придурок. Авторы используют удлиненное слово *hahaha* и растянутое выражение *fuck you jerk off*. Кроме того, для визуализации негативных эмоций автор последнего комментария использует прописные буквы.

Использование таких приемов способствует достижению манипулятивных целей авторов и указывает на уничижительное отношение к мэру.

Речевые средства, используемые комментаторами, представлены в таблице. Выделенные тактики представляют собой широкий набор приемов для манипуляции сознанием читателей и формирования у них негативного отношения к политическому деятелю. Среди средств, реализующих тактику «анализ-минус», обвинения и оскорбления, наиболее многочисленны лексические средства. Они преобладают как в количественном отношении, так и в частотном

Табл. Речевые средства выражения тактик реализации стратегии на понижение

Tab. Expressive means as part of discrediting tactics

Тактики	Общее количество	Средства	Количество
Анализ-минус	984	грамматические	386
		стилистические	18
		лексические	580
Обвинение	43	интертекстуальность	3
		стилистические	12
		лексические	28
Оскорбление	153	грамматические	29
		лексические	124

употреблении в текстах всех комментариев. В их составе наиболее употребительны фразеологизмы с осложненными и переносными значениями. Наибольшее количество лексических средств мы выделили в тактике «анализ-минус». Кроме того, данная тактика выражается самым разнообразным набором средств (грамматических, лексических и стилистических). На наш взгляд, это обусловлено сущностью данной тактики, которая предполагает косвенную оценку политического лидера посредством анализа его действий и актуальных ситуаций. В сравнении с тактиками обвинения и оскорбления (у которых лишь один объект воздействия – политический лидер), тактика «анализ-минус» направлена как на политика, так и на его поступки и их последствия.

Заключение

Исследование языковых средств манипуляции коллективным сознанием в рамках лингвоперсонологического подхода дает основания выделить стратегию на понижение как одну

из наиболее эффективных для формирования негативного имиджа политика и, как следствие, дискредитации власти. Метод компонентного анализа позволил выявить в структуре значений языковых единиц семантический инвариант негативной оценки политика. Мы разделили негативные комментарии на подгруппы с семантическими инвариантами *критика, обвинение и оскорбление*. Выделенные компоненты значений репрезентируют тактики «анализ-минус», обвинения и оскорбления в рамках стратегии на понижение. В соответствии с полученными данными наиболее разнообразной в плане языковых средств является тактика «анализ-минус». В количественном отношении данная тактика также превалирует. На наш взгляд, это объясняется тем, что она имеет три объекта оценивания (политик, действия, ситуация), по сравнению с единичными объектами тактик обвинения и оскорбления.

Таким образом, посредством индивидуальных комментариев происходит формирование коллективного представления о политике. Политический имидж в коллективном сознании включает следующие компоненты: личностные особенности, типологические характеристики и национальные черты. Анализ показал, что наименее в структуре образа политика представлен национальный компонент, с нашей точки зрения, это обусловлено глобализацией всех мировых процессов, ведущей к универсализации понятий как в социальной, так и в языковой сферах.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Финансирование: Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

Литература

- Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.
- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 13-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 384 с.
- Дейк Т. А. ван, Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
- Marwell G., Schmitt D. R. Dimensions of compliance-gaining behavior: an empirical analysis // Sociometry. 1967. Vol. 30. № 4. P. 350–364.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
- Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2007. 232 с.
- Копнина Г. А. Речевое манипулирование. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА; Наука, 2017. 176 с.
- Керимов А. А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 1. С. 81–91.
- Mackay R. Multimodal legitimation // Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice / eds. P. Cap, U. Okulska. John Benjamins Publishing Co, 2013. P. 353–354.
- Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108–118.
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

13. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.
14. Шапочкин Д. В. Политический дискурс: когнитивный аспект. 2-е изд., перераб. и доп. Тюмень: ТюмГУ, 2018. 292 с.
15. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
16. Abdi R., Basarati A. Legitimation in discourse and communication revisited: a critical view towards legitimizing identities in communication // *International Journal of Society, Culture and Language*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 86–100.
17. Wodak R. Disorders of discourse. London-N. Y.: Longman, 1996. 200 p.
18. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика. М.: ИД ЯСК, 2018. 392 с.
19. Суханов Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 200–212. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>
20. Луман Н. Власть. М.: Праксис, 2001. 256 с.
21. Савельева И. С. Лингвоперсонологический потенциал интернет-комментария // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 192–201. <https://doi.org/10.17223/18137083/61/18>
22. Сидорова Н. А., Степанов С. А., Лимарова Е. В. Языковые маркеры манипуляций политического дискурса // Сидорова Н. А., Степанов С. А., Лимарова Е. В. Политический дискурс – языковые манипуляции. М.: ИТЦ, 2018. С. 72–85.
23. Kahne J., Bowyer B. The political significance of social media activity and social networks // *Political Communication*. 2018. Vol. 35. № 3. P. 470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
24. Михалева О. А. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
25. Bouvier G., Machin D. What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags // *Discourse and Society*. 2021. Vol. 32. № 3. P. 307–327. <https://doi.org/10.1177/0957926520977215>

original article

Discrediting Strategy in Internet Comments to Publications made by the Mayors of New York and London

Natalia V. Melnik

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-9390-5842>, saikova@mail.ru

Olga V. Mityakina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0001-8855-8524>

Received 1 Oct 2021. Accepted after peer review 8 Nov 2021. Accepted for publication 8 Nov 2021.

Abstract: This research featured the lingua-personological aspect of linguistic means and speech techniques connected with the use of discrediting strategy in online comments aimed at discrediting the authorities. The study was based on the methods of continuous sampling and linguistic analysis of official Facebook and Twitter pages of the mayors of New York and London. Lowering proved to be the leading strategy used in comments aimed at discrediting the government. The research revealed the prevailing tactics and techniques of the speech strategy for lowering, e.g. "analysis minus", insult, accusation, etc. Internet users appeared to have an individual style and vocabulary choice that depended on various subjective factors. The comments showed little trust for the government, which makes discrediting the authorities an important contemporary issue.

Keywords: tactics, manipulation, linguapersonology, linguistic means, political discourse

Citation: Melnik N. V., Mityakina O. V. Discrediting Strategy in Internet Comments to Publications made by the Mayors of New York and London. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1051–1059. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1051-1059>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-00202 A "Everyday political communication in social media: a comprehensive linguistic analysis".

References

1. Humboldt von W. *Selected works on linguistics*, 2nd ed. Moscow: Progress, 2000, 400. (In Russ.)
2. Vinogradov V. V. *Russian language*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1972, 614. (In Russ.)
3. Arnold I. V. *Stylistics. Modern English language*, 13th ed. Moscow: Flinta, 2016, 384. (In Russ.)
4. Dijk van T. A. *Discourse and power: representation of dominance in language and communication*. Moscow: LIBROKOM, 2013, 344. (In Russ.)
5. Marwell G., Schmitt D. R. Dimensions of compliance-gaining behavior: an empirical analysis. *Sociometry*, 1967, 30(4): 350–364.
6. Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*, 5th ed. Moscow: Izd-vo LKI, 2008, 288. (In Russ.)
7. Parshina O. N. *Russian political speech: theory and practice*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2007, 232. (In Russ.)
8. Kopnina G. A. *Speech manipulation*, 6th ed. Moscow: FLINTA; Nauka, 2017, 176. (In Russ.)
9. Kerimov A. A. Legitimacy of political power: problems, definition and key theoretical models. *Izvestiia Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki*, 2015, (1): 81–91. (In Russ.)
10. Mackay R. Multimodal legitimation. *Analyzing Genres in Political Communication: Theory and practice*, eds. Cap P., Okulska U. John Benjamins Publishing Co, 2013, 353–354.
11. Baranov A. N. Political discourse: farewell to ritual. *Chelovek*, 1996, (6): 108–118. (In Russ.)
12. Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)
13. Sériot P. How are texts read in France. *Squaring of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress, 1999, 14–53. (In Russ.)
14. Shapochkin D. V. *Political discourse: cognitive aspect*, 2nd ed. Tyumen: TiumGU, 2018, 292. (In Russ.)
15. Sheygal E. L. *Semiotics of political discourse*. Volgograd: Peremena, 2000, 386. (In Russ.)
16. Abdi R., Basarati A. Legitimation in discourse and communication revisited: a critical view towards legitimizing identities in communication. *International Journal of Society, Culture and Language*, 2018, 6(1): 86–100.
17. Wodak R. *Disorders of discourse*. London-N. Y.: Longman, 1996, 200.
18. Skrebtsova T. G. *Cognitive linguistics*. Moscow: ID IaSK, 2018, 392. (In Russ.)
19. Sukhanov Yu. Yu. Political discourse as object of linguistic analysis. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2018, 9(1): 200–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2018-9-1-200-212>
20. Luhmann N. *The power*. Moscow: Praxis, 2001, 256. (In Russ.)
21. Saveleva I. V. Internet comment potential in linguistic personology aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2017, (4): 192–201. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/18137083/61/18>
22. Sidorova N. A., Stepanov S. A., Limarova E. V. Language markers of political discourse manipulation. Sidorova N. A., Stepanov S. A., Limarova E. V. *Political discourse – language manipulation*. Moscow: ITTs, 2018, 72–85. (In Russ.)
23. Kahne J., Bowyer B. The political significance of social media activity and social networks. *Political Communication*, 2018, 35(3): 470–493. <https://doi.org/10.1080/10584609.2018.1426662>
24. Mikhaleva O. L. *Political discourse: The specificity of manipulative influence*. Moscow: LIBROKOM, 2009, 256. (In Russ.)
25. Bouvier G., Machin D. What gets lost in Twitter 'cancel culture' hashtags. *Discourse and Society*, 2021, 32(3): 307–327. <https://doi.org/10.1177/0957926520977215>

оригинальная статья

Первопризнаки концептов *богатство* и *wealth* в русской и английской языковых картинах мира

Мээрим Мелисовна Мендешева

Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Киргизская Республика, г. Бишкек; <https://orcid.org/0000-0002-8213-0460>;
meerimtutor17@gmail.com

Поступила в редакцию 26.04.2021. Принята после рецензирования 18.10.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: Цель – описать и сопоставить мотивирующие признаки концептов *богатство* и *wealth*. Для выявления всего спектра мотивирующих признаков привлечено 11 этимологических словарей русского языка, 7 этимологических и 4 толковых словаря английского языка, в которых приводится история развития слова *wealth*. Задачи: 1) проанализировать слова *богатство* и *wealth* – основные репрезентанты изучаемых концептов – в этимологических и толковых словарях русского и английского языков; 2) выявить все мотивирующие признаки концептов *богатство* и *wealth*; 3) сравнить полученные данные в свете теории ментальности. Актуальность работы: в русской языковой картине мира определяется спектр областей, связанных с представлениями о богатстве, их восприятию в аспекте первопризнаков в двух языковых картинах мира. Научная новизна: впервые определяются мотивирующие признаки концептов *богатство* и *wealth*, которые рассматриваются в аспекте теории ментальности. У русского концепта *богатство* выделено 15 мотивирующих признаков, которые можно объединить в 5 блоков: 1. Материальное состояние: (большое личное) имущество; (из)обилие; пища; скот; (благо)состояние; хлеб / жито. 2. Распределение ресурсов: Бог; господин; назначать / давать / наделять. 3. Выделенная часть: достояние / доля; удел. 4. Духовное достояние: благо / блага; счастье. 5. Ценности: духовные ценности; (материальные) ценности. У английского концепта *wealth* отмечено 14 мотивирующих признаков, которые можно представить в виде 3 блоков: 1. Материальное состояние: благополучие; благосостояние; добро; достаток; изобилие / избыток; (большое) имущество (любого вида); собственность. 2. Ценности: драгоценности; (материальные) ценности; накопления; сокровища. 3. Духовное достояние / состояние: благоденствие / процветание; (общественное) благо; счастье.

Ключевые слова: мотивирующий признак, структура концепта, ментальность, лингвокультурология

Цитирование: Мендешева М. М. Первопризнаки концептов *богатство* и *wealth* в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1060–1066. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1060-1066>

Введение

Появившееся в лингвистике в конце XX в. направление концептуальных исследований стремится к комплексному изучению структур различных ментальных образований. Это лингвистическое направление в России представлено несколькими школами. Воссоздание структуры концепта предполагает определение полного набора когнитивных признаков через поэтапное их исследование. Данная работа выполнена в русле методики Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований, в рамках которой на первом этапе изучаются мотивирующие признаки концепта. Под *мотивирующим* понимается такой признак, который «послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [1, с. 18]. Второй этап предполагает поиск понятийных признаков на базе толковых словарей, словарей синонимов и языкового материала. С третьего по шестой этапы изучаются категориальные, образные, символические и иронические признаки концепта; эти группы признаков восстанавливаются на основе языкового материала.

Начинать исследование необходимо с определения первопризнака концепта. В. В. Колесов по этому поводу пишет: «Определяются три уровня изучения, обеспеченных терминами общей латинской основы *concep-tio*, в числе которой имеются значения "содержать, воображать, задумывать, образовывать": *концептум* (*conceptum* "зерно, зародыш" первосмысла, аперца Аристотеля) – по происхождению супин ("достигательное наклонение" в славянской традиции), *концепт* (*conceptus* "содержащий", как имя – "произрастание", "восполнение") по происхождению перфектное причастие, и концепция (*con-ceptio* "соединение, сумма, совокупность")» [2, с. 439]. Первопризнак – тот, что бросается в глаза, это внутренняя форма слова. «Внутренняя форма слова – признак, положенный в основу названия и отражающий первоначальное понимание (видение) называемого предмета» [3, с. 12]. В. В. Колесов так соотносит первопризнак и концепт: «Концептум как составная часть концепта порождает образ концептума, символ образа и понятие символа, следовательно, концепт, представленный как понятие, является всего лишь **результатом**

последовательного накопления содержательных форм концепта – образа, символа и собственно понятия» [2, с. 439].

Материалом исследования стали современные авторитетные этимологические и толковые словари русского и английского языков. Основными в работе выступают метод компонентного анализа словарных дефиниций, описательный метод с применением приемов интерпретации и обобщения, элементы концептуального метода.

Актуальность проводимого исследования заключается в определении особенностей восприятия богатства в аспекте ментальности русского и английского народов. «Ментальность есть средство национального самосознания и способ создания традиционной картины мира, коренящиеся в категориях и формах языка» [3, с. 148]. Ментальность народа лучше всего проявляется в сопоставлении: «Трудно судить о чужой ментальности, не укореняясь, например, в духовном пространстве своего языка» [4, с. 14–15]. Научная новизна работы состоит в первом опыте определения мотивирующих признаков русского концепта *богатство* и английского концепта *wealth*. Работы подобного рода в современной лингвистике отсутствуют.

Концепт *богатство* уже был объектом исследования в лингвистике. Например, Е. В. Клементьева описывает концепт *богатство* в русском и английском языках в когнитивно-прагматическом аспекте [5]. Н. С. Макеева анализирует русский концепт *богатство* на фоне испанского языка [6]. Г. Р. Ижбаева и А. С. Мырзагалиева обращаются к концепту *богатство* в русских поговорках [7]. Материалом для изучения концепта *богатство* для Ш. К. Фазиловой стали пословицы и поговорки английского языка [8], а также английские фразеологические единицы [9]; концепт *богатство* сравнивается на материале трех лингвокультур: английской, русской и таджикской [10]. Н. Н. Панченко и Ф. В. Боштан обращаются к одному из субконцептов богатства – *деньги*, сопоставляя когнитивные признаки в английской и русской лингвокультурах [11].

Некоторые лингвистические работы посвящены анализу антонимичных концептов. С. Б. Куцый акцентирует внимание на лингвокультурной специфике русских и английских концептов *богатство* и *бедность* [12]. Е. А. Боровых в рамках культурологического подхода сопоставляет тематическую группу *богатство* – *бедность* на материале русских и английских пословиц [13]. З. Н. Вердиева производит семантический анализ лексики со значением *бедный* и *богатый* в современном английском языке [14]. А. А. Гетман

рассматривает концептосферу *бедность* – *богатство* в англо-американской лингвокультуре [15]. Мы в свою очередь сопоставили пословицы о богатстве и бедности в русской и кыргызской языковых картинах мира [16]. К теме богатства и бедности обращаются социологи [17].

Существует группа исследователей, темой изучения для которых стали представления о богатых и бедных в разных лингвокультурах, например в американской [18]. Г. М. Шипицына приводит список обозначений бедных и богатых людей в русском языке XIX–XXI вв. [19]. М. В. Пименова рассматривает стереотипы о богатстве в русской лингвокультуре [20]. О. В. Ильина исследует стереотипные представления о богатых и бедных в современных газетных текстах [21], на материале словарей русского языка прослеживает развитие семантики признаков имен *богатый*, *бедный* [22]. Т. Н. Грошева изучает словообразовательные гнезда *бедный*, *богатый* в современном русском языке [23]. И. В. Глазкова учитывает и промежуточное состояние между богатством и бедностью, называя людей этой группы середняками [24]. Тема концептуализации богатства в разных языковых картинах мира и лингвокультурах весьма актуальна.

Мотивирующие признаки концепта *богатство* в русской языковой картине мира по данным этимологических словарей

Слово *богатство* – основной репрезентант изучаемого концепта – является производным от прилагательного *богат(ый)*. Практически все этимологические словари указывают, что слова *богатый* и *богатство* являются производными от *бог*. Г. А. Крылов пишет: «*Богатый*. Образовалось от того же корня, что и *Бог*, посредством суффикса *ат*»¹. Л. В. Успенский придерживается того же мнения: «Со словом *бог* связано и *богатый*. Некогда его значение было: "наделенный свыше всякими благами счастливый"»². Таким образом, словообразовательная цепочка выглядит следующим образом: *Бог* → *богатый* → *богатство*. М. Фасмер пишет, что у исходной формы слова *богатый* было два значения: «От **bogъ* "бог" или **bogъ* "достояние, доля"»³. Н. М. Шанский расширяет список значений исходного слова: «*богъ* "богатство, имущество, доля (ср. *счастья-доли мне нет*)"»⁴.

Этимологические словари указывают разное количество мотивирующих признаков концепта *богатство*: от одного (Г. А. Крылов), двух (И. И. Срезневский⁵), трех (Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.⁶;

¹ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфсервис, 2005. С. 40.

² Богатый // Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/6/богатый> (дата обращения: 23.04.2021).

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. I. С. 182.

⁴ Богатый // Шанский Н. М. Этимологический онлайн-словарь русского языка. Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/shansky/6/богатый> (дата обращения: 23.04.2021).

⁵ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. А–К. СПб.: Типография императорской Академии наук, 1893. С. 128.

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1989. Т. I. С. 251.

А. Г. Преображенский⁷; Этимологический словарь славянских языков⁸), четырех (А. К. Шапошников⁹) до десяти признаков (Н. В. Горяев¹⁰; Г. П. Цыганенко¹¹). Ни один из указанных этимологических словарей не представляет весь набор мотивирующих признаков исследуемого концепта. В целом отмечено 15 мотивирующих признаков (табл. 1), которые можно описать в виде пяти блоков:

1. Материальное состояние: (большое личное) имущество; (из)обилие; пища; скот; (благо)состояние; хлеб / жито.
2. Распределение ресурсов: Бог; господин; назначать / давать / наделять.
3. Выделенная часть: достояние / доля; удел.
4. Духовное достояние: благо / блага; счастье.
5. Ценности: духовные ценности; (материальные) ценности.

Мотивирующие признаки концепта *wealth* в английской языковой картине мира

Для определения мотивирующих признаков структуры концепта *wealth* было взято 11 словарей: 7 этимологических и 4 толковых словаря, где приводится история происхождения слова *wealth* – основного репрезентанта английского концепта.

В Chamber's etymological dictionary of the English language указывается, что у слова *wealth* англо-саксонское происхождение, восходящее к древнегерманскому корню *vela*: A.S. and old Ger. *vela "abundance"; A.S. *wela*, *welig* "rich"¹². Этимологические словари английского языка предлагают разные версии становления слова *wealth*. Одна из них: *weleþu Old English (ca. 450–1100) → *weolthe* Middle English (1100–1500) → *wealth* English¹³.

Табл. 1. Мотивирующие признаки концепта *богатство* в русской языковой картине мира

Tab. 1. Motivating signs of the concept of *bogatstvo* in the Russian language picture of the world

№	Признак	Горяев Н. В.	Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.	Крылов Г. А.	Преображенский А. Г.	Срезневский И. И.	Успенский Л. В.	Фасмер М.	Цыганенко Г. П.	Шанский Н. М.	Шапошников А. К.	Этимологический словарь славянских языков
1	благо / блага	+	–	–	–	–	+	–	–	–	+	–
2	Бог	+	–	–	–	–	+	+	+	+	–	–
3	господин	–	–	+	+	–	–	+	+	–	–	–
4	достояние / доля	+	–	–	–	–	–	+	+	+	–	–
5	духовные ценности	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
6	(большое личное) имущество	+	+	–	–	–	–	+	+	+	–	+
7	назначать / давать / наделять	+	–	–	+	–	+	+	+	–	+	–
8	(из)обилие	–	–	–	–	+	–	–	+	–	–	+
9	пища	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
10	скот	+	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–
11	(благо)состояние	+	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–
12	счастье	+	–	–	–	–	+	+	+	–	+	–
13	удел	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–
14	хлеб / жито	+	–	–	–	–	–	+	+	–	–	–
15	(материальные) ценности	–	+	–	+	+	–	–	–	–	–	+

⁷ Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. А–О. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. С. 33.

⁸ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Наука, 1975. Вып. 2: *bez – *bratřь. С. 158.

⁹ Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. Т. 1. С. 69.

¹⁰ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис: Тип. Канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1896. С. 21–22.

¹¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Радянська школа, 1989. С. 36.

¹² Chamber's etymological dictionary of the English language / ed. J. Donald. London & Edinburgh: W. & R. Chambers, 1874. P. 557.

¹³ Etymologee.com. Режим доступа: <https://etymologee.com/eng/wealth> (дата обращения: 24.04.2021).

В своем словаре W. W. Skeat пишет, что исходной формой слова *weath* было *weal* (М. Е. *wele*); это производное слово с добавлением суффикса *-th*, обозначающего условие или состояние¹⁴. В среднеанглийском слово *wele* означало *well-being*¹⁵. Развитие формы слова *wealth*, согласно The Concise Oxford Dictionary of English Etymology, имело следующий вид: OE. *wela* = OS. *welo* – WGmc. *welan-, f.¹⁶ Merriam-webster dictionary уточняет: *Middle English welthe, from wele weal*¹⁷. Эту же этимологию поддерживает Webster's New International English Dictionary: *Middle English welthe, from wele "weal"*¹⁸.

Этимологические словари английского языка приводят один (Merriam-Webster dictionary; W. W. Skeat), два (E. Klein¹⁹; Oxford Advanced Learner's English Dictionary²⁰), три (The Concise Oxford Dictionary of English Etymology), четыре (D. R. Harper; Webster's New International English Dictionary), пять (Chamber's etymological dictionary of the English language; Etymologeeek.com) и шесть (Etymology-online.com²¹; E. Weekley²²) мотивирующих признаков (табл. 2). Ни один из указанных словарей не приводит и половины из выделенных 14 мотивирующих признаков концепта *wealth*, которые можно представить в виде 3 блоков:

1. Материальное состояние: благополучие; благосостояние; добро; достаток; изобилие / избыток; (большое) имущество (любого вида); собственность.
2. Ценности: драгоценности; (материальные) ценности; накопления; сокровища.
3. Духовное достояние / состояние: благоденствие / процветание; (общественное) благо; счастье.

Заключение

Мотивирующие признаки – первопризнаки – те, что «бросаются в глаза» (по А. А. Потебне), т. е. заметны и понятны всем носителям языка. Они представляют собой синкретичные понятия, делимые лексикографами для удобства описания. Не все синкреты понятны современным носителям языка. Эти признаки служат основой для дальнейшего развития концептуальных структур, они важны в аспекте самоосознания народа, т. к. указывают на ценности, которыми народ дорожит.

Восприятие богатства в рамках русской и английской ментальностей наглядно выражено на данном этапе проводимого исследования. Количество мотивирующих признаков у сравниваемых концептов несколько отличается: 15 – *богатство*, 14 – *wealth*. Из них совпадает полностью или частично только 10 мотивирующих признаков: 1) (большое личное) имущество (рус.) – (большое) имущество (любого вида) (англ.); 2) (благо)состояние (рус.) – благосостояние (англ.); 3) благо / блага (рус.) – (общественное) благо (англ.); счастье (рус. и англ.); 5) (материальные) ценности (рус. и англ.). В русской языковой картине мира *богатство* многоаспектно – оно представлено пятью тематическими группами, в английской языковой картине мира *wealth* (богатство) выражено только тремя тематическими группами.

В русской и английской языковых картинах мира богатство ассоциируется с благом и счастьем. Общими характеристиками богатства в изучаемых языковых картинах мира выступают материальные ценности, связанные с изобилием и благосостоянием. Специфика сравниваемых языковых картин мира проявляется в несовпадении представлений о богатстве. Для русской языковой картины мира свойственно включение в категорию богатых тех, кто распределяет блага. На это указывают мотивирующие признаки *Бог; господин; назначать / давать / наделять*. К богатству могут быть причислены *пища; скот; хлеб / жито*. Богатством является выделенная часть материальных благ: *достояние / доля; удел*. Богатством для русского народа являются *духовные ценности*. В английской языковой картине мира богатство воспринимается как благо, связанное с получением, владением и состоянием. Богатством считается *добро; достаток; благополучие; собственность; драгоценности; накопления; сокровища; благоденствие / процветание*.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

¹⁴ Skeat W. W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford University Press, 1882. P. 699.

¹⁵ Harper D. R. Online Etymology Dictionary. Режим доступа: https://www.etymonline.com/search?q=wealth&ref=searchbar_searchhint (дата обращения: 24.04.2021).

¹⁶ Weal // The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / ed. T. F. Hoad. Oxford University Press, 1996. P. 848. Режим доступа: <https://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780192830982.001.0001/acref-9780192830982-e-16941?rskey=2z1YY9&result=16944> (дата обращения: 24.04.2021).

¹⁷ Wealth // Merriam-webster dictionary. Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/wealth> (дата обращения: 24.04.2021).

¹⁸ Wealth // Webster's New International English Dictionary. 2012. Режим доступа: <https://slovar-vocab.com/english/websters-international-vocab/wealth-8654553.html> (дата обращения: 25.04.2021).

¹⁹ Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the English language. 1971. Режим доступа: <https://archive.org/details/AComprehensiveEtymologicalDictionaryOfTheEnglishLanguageByErnestKlein> (дата обращения: 24.04.2021).

²⁰ Wealth // Oxford Advanced Learner's English Dictionary. 2005. Режим доступа: <https://slovar-vocab.com/english/oxford-learners-vocab/wealth-7011728.html> (дата обращения: 25.04.2021).

²¹ Weal // Etymology-online.com. Режим доступа: <http://www.etymology-dictionary.com/weal> (дата обращения: 24.04.2021).

²² Weekley E. An etymological dictionary of modern English. London: J. Murray, 1921. Clm. 1619. Режим доступа: <https://archive.org/details/etymologicaldict00weekuoft/page/810/mode/2up> (дата обращения: 24.04.2021).

Табл. 2. Мотивирующие признаки концепта *wealth* в английской языковой картине мираTab. 2. Motivating signs of the concept of *wealth* in the English language picture of the world

№	Признак	Chamber's etymological dictionary of the English language	Etymologeeek.com	Etymology-online.com	Klein E. A comprehensive etymological dictionary of the English language	Merriam-Webster dictionary	Harper Douglas R. Online Etymology Dictionary	Oxford Advanced Learner's English Dictionary	Skeat Walter W. An etymological dictionary of the English language	The Concise Oxford Dictionary of English Etymology	Webster's New International English Dictionary	Weekley E. An etymological dictionary of modern English
1	(общественное) благо	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–
2	благоденствие / процветание	–	–	+	+	–	+	–	–	–	–	–
3	благополучие	+	+	+	–	+	–	+	–	–	+	+
4	благосостояние	+	–	+	+	–	–	–	–	+	+	+
5	добро	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	+
6	достаток	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
7	драгоценности	–	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–
8	изобилие / избыток	+	+	+	–	–	+	–	–	–	–	–
9	(большое) имущество (любого вида)	+	–	–	–	–	+	–	–	–	–	+
10	(материальные) ценности	–	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–
11	накопления	–	–	–	–	–	–	–	+	+	–	–
12	собственность	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+
13	сокровища	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
14	счастье	–	+	+	–	–	+	–	–	–	+	+

Литература

1. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
2. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 3. С. 438–452. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
3. Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
4. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции // Язык и этнический менталитет / отв. ред. З. К. Тарланов. Петрозаводск: ПГУ, 1995. С. 13–24.
5. Клементьева Е. В. Концепт «Богатство»: когнитивно-прагматический аспект: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008. 201 с.
6. Макеева Н. С. Концепт «богатство» в русском языковом сознании: на фоне испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 237 с.
7. Ижбаева Г. Р., Мырзагалиева А. С. Концепт «богатство» в паремиологических единицах русского языка // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2018. Т. 2. № 2. С. 108–114.
8. Фазылова Ш. К. Концепт «богатство» на примере пословиц и поговорок английского языка // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филологических наук. 2017. № 4-6. С. 107–112.
9. Фазылова Ш. К. Семантика концепта «богатство» во фразеологических единицах английского языка // Вестник Таджикского национального университета. Серия Филологических наук. 2017. № 4-7. С. 117–119.
10. Фазылова Ш. К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2019. 211 с.

11. Панченко Н. Н., Боштан Ф. В. Концепт «деньги» в английской и русской лингвокультурах // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания / ред. Н. А. Красавский. Волгоград: Колледж, 2002. С. 95–100.
12. Куций С. Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность»: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 202 с.
13. Боровых Е. А. Анализ русских и английских пословиц тематической группы «богатство – бедность» (культурологический подход) // Материалы конференции по итогам научно-исследовательских работ аспирантов и соискателей ЧГПУ за 2004 год / отв. ред. А. Ю. Нестерова. Челябинск: ЧелГПУ, 2005. С. 57–63.
14. Вердиева З. Н. Семантический анализ группы слов, обозначающих понятия «бедный», «богатый», в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1965. 245 с.
15. Гетман А. А. Концептосфера «бедность – богатство» в англо-американской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2015. 277 с.
16. Мендешева М. М. Пословицы о богатстве и бедности в кыргызской языковой картине мира на фоне русской // Новое в современной филологии / отв. ред. М. В. Пименова. СПб., 2017. С. 93–102.
17. Ярмиев М. З. Бедность и богатство в современном российском обществе: изменения в социальной структуре и их репрезентация в СМИ: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2007. 162 с.
18. Getman A. A. Concepts WEALTH and POVERTY in the collective portrait of the rich and the poor // European science and technology: materials of the VII Intern. research and practice Conf. (Munich, 23–24 Apr 2014) Waldkraiburg: Vela Verlag, 2014. Vol. II. P. 174–177.
19. Шипицына Г. М. Обозначения бедных и богатых людей в русском языке XIX–XXI веков // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. 2013. № 3. С. 211–213.
20. Пименова М. В. Стереотипы о богатстве // Пименова М. В. Этногерменевтика русской сказки. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 225–228.
21. Ильина О. В. Речевое воплощение стереотипных представлений о богатых и бедных в современных газетных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 23 с.
22. Ильина О. В. Развитие семантики признаков имен *богатый*, *бедный* (по данным словарей русского языка) // Lingua mobilis. 2011. № 3. С. 54–67.
23. Грошева Т. Н. Словообразовательные гнезда *бедный*, *богатый* в современном русском языке: семантический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2010. 216 с.
24. Глазкова И. В. Бедняк, богач, середняк // Русская речь. 2006. № 2. С. 50–53.

original article

Basic Signs of the Concepts of *Bogatstvo* and *Wealth* in Russian and English Language Pictures of the World

Meerim M. Mendesheva

Kyrgyz-Turkish University "Manas", Kyrgyz Republic, Bishkek; <https://orcid.org/0000-0002-8213-0460>; meerimtutor17@gmail.com

Received 26 Apr 2021. Accepted after peer review 18 Oct 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: The article compares the motivating signs of the concepts of *bogatstvo* and *wealth* based on eleven Russian etymological dictionaries and seven English etymological and four explanatory dictionaries. The author analyzed the words *bogatstvo* and *wealth* as the main representatives of the concepts in question and identified their motivating signs. The interpretation relied on the theory of mentality. The Russian concept of *bogatstvo* appeared to have 15 motivating signs that could be grouped into five blocks: 1) material wealth, 2) allocation of resources, 3) a share of property, 4) spiritual wealth, 5) values. The English concept of *wealth* demonstrated fourteen motivating signs represented as three blocks: 1) material wealth, 2) values, 3) spiritual wealth.

Keywords: motivating sign, concept structure, mentality, cultural linguistics

Citation: Mendesheva M. M. Basic Signs of the Concepts of *Bogatstvo* and *Wealth* in Russian and English Language Pictures of the World. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1060–1066. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1060-1066>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
2. Kolesov V. V. "Pervosmysl" of the concept. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, 15(3): 438–452. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
3. Kolesov V. V. *"Life comes from the word..."*. St. Petersburg: Zlatoust, 1999, 368. (In Russ.)
4. Kolesov V. V. Mental characteristics of the Russian word in the language and in philosophical intuition. *Languages and ethnic mentality*, ed. Tarlanov Z. K. Petrozavodsk: PGU, 1995, 13–24. (In Russ.)
5. Klementyeva E. V. *Concept "Wealth": cognitive-pragmatic aspect: on the material of Russian and English languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2008, 201. (In Russ.)
6. Makeeva N. S. *The concept of "wealth" in the Russian linguistic consciousness: against the background of the Spanish language*. Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2009, 237. (In Russ.)
7. Izhbaeva G. R., Myrzagalieva A. S. The concept of "wealth" in paramiological units of Russian language. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2018, 2(2): 108–114. (In Russ.)
8. Fazylova Sh. K. Concept "wealth" on the case of proverbs and sayings of the English language. *Bulletin of the Tajik National University. Series of the philological sciences*, 2017, (4-6): 107–112. (In Russ.)
9. Fazylova Sh. K. Semantics of the "wealth" concept in phraseological units of the English language. *Bulletin of the Tajik National University. Series of the philological sciences*, 2017, (4-7): 117–119. (In Russ.)
10. Fazilova Sh. K. *Concept "Wealth" in English, Russian and Tajik linguacultures in phraseological units, proverbs, and sayings*. Cand. Philol. Sci. Diss. Dushanbe, 2019, 211. (In Russ.)
11. Panchenko N. N., Boshtan F. V. The concept of "money" in English and Russian linguaculture. *Axiological linguistics: studies of cultural concepts and ethnic consciousness*, ed. Krasavskiy N. A. Volgograd: Kolledzh, 2002, 95–100. (In Russ.)
12. Kutsy S. B. *Linguacultural specificity of the concepts "wealth" and "poverty" in Russian and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2003, 202. (In Russ.)
13. Borovykh E. A. Analysis of Russian and English proverbs of the thematic group "wealth – poverty" (culturological approach). *Proceedings of the conference for post-graduates of the Chelyabinsk State Pedagogical University in 2004*, ed. Nesterova L. Iu. Chelyabinsk: ChelGPU, 2005, 57–63. (In Russ.)
14. Verdieva Z. N. *Semantic analysis of a group of words denoting the concepts of "poor" and "rich" in modern English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Baku, 1965, 245. (In Russ.)
15. Getman A. A. *The concept sphere of "poverty – wealth" in the Anglo-American linguistic culture*. Cand. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2015, 277. (In Russ.)
16. Mendesheva M. M. Proverbs about wealth and poverty in the Kyrgyz language picture of the world against the background of the Russian one. *New in modern philology*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg, 2017, 93–102. (In Russ.)
17. Yarmiev M. Z. *Poverty and wealth in modern Russian society: changes in social structure and their representation in the media*. Cand. Sociol. Sci. Diss. Kazan, 2007, 162. (In Russ.)
18. Getman A. A. Concepts WEALTH and POVERTY in the collective portrait of the rich and the poor. *European science and technology: materials of the VII Intern. research and practice Conf., Munich, 23–24 Apr 2014*. Waldkraiburg: Vela Verlag, 2014, vol. II, 174–177.
19. Shipitsyna G. M. Designations of poor and rich people in the Russian language of the XIX–XXI centuries. *Bulletin of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov*, 2013, (3): 211–213. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. Wealth stereotypes. Pimenova M. V. *Ethnohermeneutics of a Russian fairy tale*. Moscow: INFRA-M, 2018, 225–228. (In Russ.)
21. Ilyina O. V. *Speech embodiment of stereotypical ideas about the rich and the poor in modern newspaper texts*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Ekaterinburg, 2008, 23. (In Russ.)
22. Ilyina O. V. Development of semantics of adjectives rich, poor (according to Russian dictionaries). *Lingua mobilis*, 2011, (3): 54–67. (In Russ.)
23. Grosheva T. N. *Word-building nests "poor" and "rich" in modern Russian: semantic aspect*. Cand. Philol. Sci. Diss. Arzamas, 2010, 216. (In Russ.)
24. Glazkova I. V. Poor man, rich man, middle man. *Russkaia rech*, 2006, (2): 50–53. (In Russ.)

оригинальная статья

Степень вариативности денотата языкового знака (экспериментальное исследование интерпретационной деятельности говорящих)

Татьяна Юрьевна Сатучина

Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово; <https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>;

TatianaKuznetsova86@mail.ru

Поступила в редакцию 23.08.2021. Принята после рецензирования 18.10.2021. Принята в печать 18.10.2021.

Аннотация: Представлена концепция выявления и описания степени денотативной вариативности языкового знака. В аспекте изучения вариативности языка в целом данная концепция не подвергалась глубокому осмыслению. Актуальность и новизна работы определяются отсутствием специальных исследований, посвященных выявлению степени вариативности денотата (высокая / низкая). Введение понятия *степень денотативной вариативности* в контекст настоящего исследования обнаруживает его практическую и теоретическую значимость. Предпринятое исследование позволяет верифицировать основные тезисы, концепцию работы как в русле изучения вариативности языка в целом, так и в частных аспектах, связанных с описанием степени вариативности денотата слова в процессе его толкования говорящими. Ставится цель описать степень вариативности денотата как высокую или низкую. Сбор материала осуществлялся методом лингвистического эксперимента. Эксперимент проходил в два этапа, на каждом из которых была смоделирована ситуация по толкованию значения слова говорящими. Результаты эксперимента показывают, что низкая степень вариативности наблюдается на уровне соотношения слова с денотатом, что обусловлено низким потенциалом денотативного компонента к реализации множественности смысловых модификаций. Наоборот, высокую степень вариативности проявляют коннотативный и ассоциативный компоненты слова, которые обладают более высоким потенциалом для возникновения различных смысловых версий. Полученные в рамках проведения эксперимента данные позволяют определить возможности их использования в изучении феномена вариативности языка, расширить и углубить границы исследования языковой вариативности.

Ключевые слова: смысловые модификации, значение слова, толкование слова, интерпретационная деятельность, контекст, лингвистический эксперимент

Цитирование: Сатучина Т. Ю. Степень вариативности денотата языкового знака (экспериментальное исследование интерпретационной деятельности говорящих) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1067–1073. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1067-1073>

Введение

Цель настоящей статьи – выявить и описать степень вариативности слова на уровне соотношения его с денотатом. В отечественной и зарубежной лингвистике понятию денотата, вариативности денотата посвящено много работ. Основным тезисом теории Г. Фреге, впоследствии ставшей классической теорией о значении и смысле, является рассмотрение денотата как конкретной вещи, на которую указывает слово [1; 2]. Денотат слова, законы семантики лексической единицы описывает в своей работе Х. Вайнрих [3]. А. С. Кравец исследует особенности денотата знака и его речевое воплощение [4]. А. А. Уфимцева рассматривает денотативно и сигнификативно ориентированную лексику [5]. Объектом многих исследований и рефлексий ученых становится лексическая семантика, множественность интерпретации текста / слова (т. е. его денотативного и сигнификативного содержания), которая объясняется различными факторами [6–10].

При описании ведущих способов толкования лексического значения слова Д. И. Арбатский выделяет способ

толкования через указание более широкого класса и отличительных признаков [11]. В более общем контексте данный способ толкования предполагает соотношение языкового знака с денотатом и указание на видовые отличия. Некоторые исследования Н. Д. Голева и возглавляемого им научного коллектива посвящены смысловой вариативности слова (денотату и видовым признакам слова), детерминированной разными аспектами [12–15]. По замечанию Н. Д. Голева и Л. Г. Ким, вариативность слова «задается факторами одновременно индивидуально психологического и объективно структурного характера как следствие объективных свойств языка и языковых знаков» [16, с. 13]. Многие другие положения нашли отражение в статье о денотате в Лингвистическом энциклопедическом словаре [17]. Кроме того, слову и его характеристикам посвящены некоторые разделы коллективной монографии «Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» [18].

Вместе с тем в лингвистике не подвергался глубокому осмыслению тезис о степени (высокая / низкая) вариативности денотата слова в процессе интерпретационной деятельности участников эксперимента. Это обстоятельство определяет актуальность предлагаемого исследования. Другими словами, отсутствием специального исследования по выявлению и описанию степени вариативности денотата языкового знака определяется значимость данной научной работы. Новизна определяется, во-первых, дополнением и конкретизацией уже имеющихся в научном мире исследований по вариативности семантики слова, что позволяет детальнее и глубже рассмотреть феномен смысловой вариативности, во-вторых, верификацией оригинальной концепции, связанной с описанием степени вариативности денотата слова (высокая / низкая) в процессе его толкования говорящими. Следовательно, введение понятия степени вариативности денотата языкового знака является целесообразным и значимым для настоящего исследования. Мы полагаем, что степень вариативности выявляется при установлении лексических значений слов носителями языка. Кроме того, новизна исследовательского подхода связана не столько с фиксацией результатов эксперимента в традиционном количественном аспекте, сколько с градуированностью языкового материала по степени вариативности (высокая / низкая). Выделение степени вариативности денотата языкового знака, вариативности его ассоциативного ореола может найти дальнейшее отражение в теоретических исследованиях, посвященных денотату слова, а также в изучении полученных экспериментальным методом результатов с проекцией на толковые и ассоциативные словари.

Согласно нашей концепции, высокую степень денотативной вариативности будет проявлять слово, помещенное в контекст и заданную речевую ситуацию по толкованию его значения; низкую степень вариативности – изолированное от контекста слово, но помещенное в речевую ситуацию по толкованию его значения.

Само по себе слово, изолированное от контекста и речевой ситуации, не несет никакой информации об объеме и содержании, вне речевого воплощения «ничего вообще нельзя сказать о деноте слова» [4, с. 18]. Содержание слова оказывается неопределенным и лишенным какой-либо конкретики. Немецкий филолог Х. Вайнрих в статье «Лингвистика лжи» приводит пример с лексемой *огонь*, демонстрирующей сформулированное выше наблюдение. Слушающему известно значение слова *огонь*, однако «его понимание приостанавливается в ожидании дальнейшей информации. Пока она не поступит, ... значение (растянутое) слова-знака огонь по своему содержанию ("интенционалу") остается для слушающего неопределенным» [3, с. 49]. На данном этапе еще не ясно, с каким денотатом соотнесет слово *огонь* говорящий. «Это может быть *огонь* очага или мимолетная вспышка, пожар или *огонь* свечи, ... *огонь* вина, *огонь* любви или ружейный *огонь*» [3, с. 48–49].

Как только возникает смоделированная для слова речевая ситуация (например, по толкованию его значения говорящими), представления о его содержании, объеме становятся более конкретными и определенными. Следовательно, толкуемое слово будет обладать потенциальным спектром множественной интерпретации.

Данные наблюдения подтверждаются результатами лингвистического эксперимента, однако с некоторыми уточнениями общей исследовательской концепции.

Методы и материалы

Поставленная цель настоящей работы предполагает привлечение комплексной методики исследования. Сбор материала осуществлялся методом лингвистического эксперимента. Эксперимент проходил в два этапа, на каждом из которых была смоделирована ситуация по толкованию значения слова. Материалом исследования послужили слова, относящиеся к конкретной лексике (*чайка, фонарь, свеча, книга, женщина* и др.). В настоящей статье данные эксперимента проиллюстрированы на примере трех лексем: *фонарь, женщина, змея*. На первом этапе эксперимента одной группе участников в количестве 30 человек было предложено определить значение слова, например: *фонарь – это...* На втором этапе эксперимента другой группе респондентов в количестве 30 человек было также предложено дать толкование значения того же самого слова, но помещенного в контекст, например: *Ночь, улица, фонарь, аптека / Бессмысленный и тусклый свет...* В качестве контекста выступали стихотворения *Ночь, улица, фонарь, аптека...* А. Блока, *Пророк* А. Пушкина, *Женщине* В. Брюсова и др. Контекст в анкете приведен частично. Данные стихотворения широко известны участникам эксперимента (в качестве респондентов выступали студенты-филологи Кемеровского государственного университета). Слово для толкования подчеркнуто. Всего было получено 60 реакций. Каждый из испытуемых принимал участие на одном этапе лингвистического эксперимента.

Задача эксперимента – экспликация и описание семантических модификаций толкуемого слова. Данный тип эксперимента «предполагает развертывание метаречевой деятельности интерпретатора (интерпретационно-метатекстовую деятельность)» [19, с. 124].

Результаты

Анализ результатов **первого этапа** эксперимента иллюстрирует вариативность интерпретационной деятельности говорящих. Все ответы испытуемых мы разделили на денотативные группы с обобщенными названиями.

Денотативная группа для слова **фонарь** с общим названием **осветительный прибор** представлена следующими интерпретационными реакциями говорящих: *осветительное устройство; предмет освещения; предмет, который излучает свет; прибор для освещения улиц; приспособление для освещения* (30 толкований). Для слова **женщина** выявлена одна

денотативная группа – **гендерная идентификация / человек женского пола**. Ответы респондентов: *взрослый человек, у которого есть отличительные гендерные признаки; человек, относящийся к женскому полу; человек женского пола* (30 толкований). Для слова **змея** по ответам говорящих определены две денотативные группы: **пресмыкающееся** и **человек**. Примеры для группы **пресмыкающееся**: *пресмыкающееся с длинным хвостом; пресмыкающееся с длинным извивающимся телом; пресмыкающееся с гибким телом, не имеющее конечностей* (28 толкований). Примеры для группы **человек**: *человек, который может предать; человек, обладающий хитростью; человек язвительный* (3 толкования).

В большинстве случаев носители языка в процессе своей интерпретационной деятельности отмечали основное значение слова, соотносимое с выделенными нами денотативными группами (осветительный прибор, гендерная идентификация, пресмыкающееся). Полученные в ходе эксперимента значения слов коррелируют с их словарными значениями. Говорящим актуализируется «отраженное знание – знание, структура которого отражает форму его существования в сознании» [20, с. 119]. На наш взгляд, это обусловлено влиянием смоделированного задания, отсутствием контекста как дополнительного смыслопорождающего фактора. Испытуемый, получивший простую, не осложненную ничем инструкцию (дать толкование словам), апеллирует к лексикографическому значению слов. Таким образом, он стремится «достичь языковой общности» [3, с. 49] с потенциальным адресатом (в конкретном случае с теми, кто проводит лингвистический эксперимент). Лексемы **фонарь**, **женщина** и **змея** имеют одинаковые основные значения «для всех тех, кто принадлежит к одной языковой общности» [3, с. 49]. Следовательно, это «предполагает наличие общей, хорошо известной всем носителям языка информации о денотате» [21, с. 20]. Это означает, что всем нам присущи одинаковые ожидания относительно наших знаний о словах, что и делает слово узнаваемым, а по Х. Вайнриху, социальным образованием.

Несмотря на общий механизм мыслительных реакций, единство психических функций по восприятию языкового знака, свойственных конкретной языковой группе людей, отмечаются случаи денотативной вариативности слова в их интерпретационных суждениях. Так, слово **змея** соотносится и с животным, и с человеком. Значение данной лексической единицы характеризуется размытостью, отсутствием четких границ ее денотативного компонента. Однако степень смысловых модификаций денотата фиксируется как низкая.

Интерпретационная деятельность участников **второго этапа** эксперимента обнаруживает большую степень денотативной вариативности. Все ответы испытуемых мы снова разделили на денотативные группы с обобщенными названиями. На втором этапе эксперимента респондентам было предложено для толкования слово, помещенное в контекст. Полученные значения слов в процессе интерпретационной

деятельности говорящих представлены в анкетах в чистом виде или с указанием на какой-либо видовой (отличительный) признак.

Смысловые модификации слова **фонарь** сводятся к трем денотативным группам с общими названиями:

- 1) **осветительный прибор**: прибор для освещения улиц; приспособление как источник света; уличный источник света (30 толкований);
- 2) **символ**: символ застоя; символ одиночества и однообразия; символ статичности (3 толкования);
- 3) **образ человека**: образ одинокого человека; образ человека (2 толкования).

Для слова **женщина** выявлены две денотативные группы:

- 1) **гендерная идентификация / лицо женского пола**: лицо по гендерной принадлежности; представительница женского пола; человек женского пола (22 толкования);
- 2) **образ** (духовный образ / божественный образ / собирательный образ): божественный образ; духовный облик человека женского пола с определенным набором прекрасных черт; не как человек женского пола, а как некий образ, соединяющий определенные черты характера, пробуждающие в другом человеке целый спектр эмоций; собирательный образ, в котором есть черты женственности, красоты, душевности, возможно, коварства (8 толкований).

Значения слова **змея** классифицируются по трем денотативным группам:

- 1) **пресмыкающееся**: животное класса пресмыкающихся, покрытое чешуей, не имеет конечностей; пресмыкающееся; пресмыкающееся с длинным телом; пресмыкающееся животное, может быть ядовитым (26 толкований);
- 2) **символ**: в стихотворении – символ мудрости и опыта; образ и символ мудрости; олицетворение, символ; символ мудрости; символ мудрости и гордыни; символ мудрости, знания (12 толкований);
- 3) **мифологическое существо**: змей-искуситель; змий, который был в райском саду; коварный искуситель (5 толкований).

Степень вариативности денотата на втором этапе лингвистического эксперимента выше степени вариативности денотата на первом этапе, но по-прежнему остается низкой. Количество денотатов анализируемых слов на первом и втором этапах эксперимента колеблется от одного до трех. Это наблюдение и дальнейшие дополнительные данные эксперимента позволяют охарактеризовать в целом степень вариативности денотата как низкую. Однако при разности условий, в которые помещено слово, низкая степень вариативности является неравномерной. На втором этапе эксперимента таким условием является наличие контекста, как результат, степень вариативности будет выше, а на первом этапе – его отсутствие, что обуславливает низкую степень вариативности денотата.

Любая актуализация значения слова в контексте представляет собой смысловое варьирование, т. е. «его семантическое варьирование по составу компонентов» [22, с. 85]. Слово и закрепленное за ним значение, функционируя в контексте, приобретает «нередко уникальный смысл, который в его плане содержания оказывается величинной вариативной, окказиональной» [23, с. 93]. Одним из факторов, влияющих на степень / показатель степени вариативности денотата, является фактор наличия текста (контекста). Участник эксперимента «воспринимает текст как некую целостность, в совокупности формы и значения, или ... актуализирует отдельные элементы текста, комбинация содержательных компонентов которых позволяет "вычлени" смысл в целом» [24, с. 30].

По нашему мнению, высокую степень вариативности будет проявлять не денотативный компонент слова, о чем свидетельствуют результаты эксперимента, а его коннотативный и ассоциативный компоненты, имеющие «высокий полиинтерпретационный потенциал» [25, с. 40]. Следовательно, считаем целесообразным привлечь дополнительные результаты лингвистического эксперимента по описанию степени вариативности коннотативного и ассоциативного компонентов, вносящих некоторые уточнения в общую концепцию настоящего исследования (табл.). В процессе толкования слова *фонарь* ассоциации на первом этапе эксперимента отсутствуют. В толкованиях слова *женщина* выделяем четыре ассоциации: *дом; забота; мужчина; уют*. В пяти ответах говорящих слово *змея* ассоциируется с *мудростью*.

Табл. Вариативность репрезентируемых ассоциаций и коннотаций
Tab. Associative and connotative variations

Слово	Ассоциативный компонент		Коннотативный компонент	
	1 этап	2 этап	1 этап	2 этап
Фонарь	–	6	–	–
Женщина	4	11	1	6
Змея	5	10	1	6

Второй этап эксперимента демонстрирует высокую степень вариативности ассоциаций. Фонарь: *безысходность; вечер; круг; одиночество; рутина; смерть* (6 ассоциаций). Женщина: *загадка; интрига; коварство; мудрость; опасность;*

тайна (11 ассоциаций). Змея: *гордыня; мудрость; обман и коварство* (10 ассоциаций). Коннотативный компонент репрезентирует высокую степень вариативности преимущественно по данным результатов второй части лингвистического эксперимента. Женщина: *прекрасное существо; чудесное создание* (6 коннотаций). Змея: *гадкое существо; противное, липкое животное* (6 коннотаций). На первом этапе эксперимента встречаются единичные коннотации в ответах говорящих (табл.). Вариативность коннотаций и ассоциаций в семантике слов обусловлена разными факторами (типом задания, природной сущностью лексем и т. д.) [26].

Сопоставительный анализ позволяет скорректировать общую идею исследования. Безусловно, фактор наличия контекста влияет на вариативность денотата слова. Однако степень вариативности (высокая / низкая) обусловлена преимущественно не только данного фактора, но и другого, например, большим потенциалом конкретных компонентов в структуре лексического значения слова к реализации множественности смысловых версий. Так, высокая степень смысловой вариативности проявляется у коннотативного и ассоциативного компонентов. Низкая степень вариативности обнаруживается у денотативного компонента. Следовательно, степень вариативности как высокая / низкая обусловлена и природой компонентов слова.

Заключение

Высокую степень вариативности проявляет слово на уровне соотнесения с различными ассоциациями, коннотациями. Количественные показатели ассоциаций и коннотаций фиксируются в пределах от одного до одиннадцати. Низкая степень вариативности наблюдается на уровне соотнесения слова с денотатом. Количество денотатов анализируемых слов на первом и втором этапах эксперимента колеблется от одного до трех. Вариативность денотата задана, с одной стороны, объективными условиями, поскольку это закономерное проявление изначально присущих лексической единице свойств (например, денотативная неопределенность семантики слова); с другой – субъективными условиями, а именно интерпретационной деятельностью говорящих.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика / под ред. А. М. Михайлова. М.: ВИНТИ, 1977. Вып. 8. С. 181–210.
2. Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика / под ред. З. А. Кузичевой. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–247.
3. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / ред. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1987. С. 44–87.
4. Кравец А. С. Топологическая структура смысла // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 17–25.
5. Уфимцева А. А. Лексическое значение слова. Принципы семиологического описания лексики. М.: Наука, 1986. 239 с.

6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
7. Голев Н. Д. Экспериментальные исследования русской лексики в рамках одного лингвистического направления: опыт обобщения и методологической рефлексии постфактум. Статья 2 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 3. С. 172–179. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-172-179>
8. Ким Л. Г. Неполнота и избыточность информации как факторы множественности интерпретации рекламного текста // Язык. Право. Общество: сб. ст. VI Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 10–13 ноября 2020 г.) Пенза: ПГУ, 2020. С. 145–148.
9. Ким Л. Г., Беляева Е. А. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности интерпретации политического текста // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 48–62. <https://doi.org/10.17223/19986645/57/3>
10. Сатучина Т. Ю. Зависимость стратегий толкования слова от его лексико-семантических характеристик // Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сб. тез. Междунар. науч. конф. (Москва, 28–29 октября 2020 г.) М.: РУДН, 2020. С. 130–132.
11. Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова // Русский язык в школе. 1970. № 3. С. 26–31.
12. Волобуева Ю. С., Голев Н. Д. Дефиниция и ассоциация как разные формы репрезентации лексического значения русских слов-денотативов // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 282–289.
13. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Известия Алтайского государственного университета. 2004. № 4. С. 41–45.
14. Ким Л. Г., Кузнецова Т. Ю. Дефиниционная стратегия семантизации слов с предметным значением // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 207–216.
15. Кузнецова Т. Ю. К проблеме вариативности семантики слова // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика / отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: КемГУ, 2012. С. 131–137.
16. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27. С. 12–20.
17. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Денотат // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 128–129.
18. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. 350 с.
19. Ким Л. Г. Текст как объект метаязыковой деятельности субъекта-интерпретатора // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 122–142.
20. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.
21. Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2015. 92 с.
22. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.
23. Нестерова Н. Г. К проблеме соотношения значения и смысла // Актуальные проблемы русистики / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 91–96.
24. Ким Л. Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 29–36.
25. Ким Л. Г. «Длина текста» как фактор множественной вариативности его интерпретационного функционирования // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 38–51. <https://doi.org/10.17223/19986645/49/3>
26. Кузнецова Т. Ю. Факторы, детерминирующие вариативность толкований слов // Вопросы образования и науки в XXI веке: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Тамбов, 29 апреля 2013 г.) Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2013. Ч. 3. С. 85–86.

original article

Denotation Variation Degree of Linguistic Sign: an Experimental Study of Interpretative Activity

Tatyana Y. Satuchina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo; <https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>; TatianaKuznetsova86@mail.ru

Received 23 Aug 2021. Accepted after peer review 18 Oct 2021. Accepted for publication 18 Oct 2021.

Abstract: This article features the concept of denotation variation degree of the linguistic sign, which remains largely understudied. The research introduced the term "denotation variation degree" and revealed its practical and theoretic significance, both for general linguistics and for particular aspects related to the world denotation variation degree as part of individual interpretation. The objective was to describe the denotation variation degree as high or low based on specific vocabulary. The linguistic experiment included two steps; speakers were given a model situation and asked to interpret a definition. Test results demonstrated a low variation degree at the level of the word and denotation correlation because the denotate component had a low potential for notional plurality. High variation degree appeared in connotative and associational word components with a higher potential for the different notional variants.

Keywords: semantic modifications, word meaning, interpretation, interpretative practice, context, linguistic experiment

Citation: Satuchina T. Y. Denotation Variation Degree of Linguistic Sign: an Experimental Study of Interpretative Activity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1067–1073. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1067-1073>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Frege G. Sense and denotation. *Semiotics and informatics*, ed. Mikhailov A. M. Moscow: VINITI, 1977, iss. 8, 181–210. (In Russ.)
2. Frege G. Sense and significance. *Logics and logical semantics*, ed. Kuzicheva Z. A. Moscow: Aspect Press, 2000, 230–247. (In Russ.)
3. Weinrich H. Linguistics of lying. *Language and modeling of social interaction*, ed. Petrov V. V. Moscow: Progress, 1987, 44–87. (In Russ.)
4. Kravets A. S. The value topological structure. *Methodological problems of cognitive linguistics*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VGU, 2001, 17–25. (In Russ.)
5. Ufimtseva A. A. *The word lexical meaning. Foundations of the semiologic lexical description*. Moscow: Nauka, 1986, 239. (In Russ.)
6. Alefirenko N. F. *The semantics outstanding issues*. Moscow: Gnozis, 2005, 326. (In Russ.)
7. Golev N. D. Experimental research on the Russian vocabulary and texts within one linguistic school: experience of summary and methodological reflection in hindsight. Paper 2. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (3): 172–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2017-3-172-179>
8. Kim L. G. Incomplete and redundant information as factor of multiple interpretations of advertising text. *Language. Right. Society: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 10–13 Nov 2020. Penza: PGU, 2020, 145–148. (In Russ.)
9. Kim L. G., Belyaeva E. A. Recipient's pre-text expectations as a factor of various interpretations of political discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2019, (57): 48–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/57/3>
10. Satuchina T. Y. Dependence of strategies of a word interpretation on its lexical and semantic characteristics. *Russian language in modern scientific and educational space: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 28–29 Oct 2020. Moscow: RUDN, 2020, 130–132. (In Russ.)
11. Arbatskii D. I. The main methods word meaning explanation. *Russian Language at School*, 1970, (3): 26–31. (In Russ.)
12. Volobueva Y. S., Golev N. D. Definition and association as different forms of the Russian denotative words lexical meaning representation. *Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, 2010, pt. 3, 282–289. (In Russ.)
13. Golev N. D. Personological difference of the language. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2004, (4): 41–45. (In Russ.)

14. Kim L. G., Kuznetsova T. Y. Definitional strategy of the objective meaning words semantization. *Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, 2010, pt. 3, 207–216. (In Russ.)
15. Kuznetsova T. Y. Revised the word semantics variability. *The ordinary metalinguistic consciousness and simple linguistics*, ed. Kim L. G. Kemerovo: KemGU, 2012, 131–137. (In Russ.)
16. Golev N. D., Kim L. G. Variably interpretative text functioning: revising the linguistic variation expansion. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (27): 12–20. (In Russ.)
17. Bulygina T. V., Krylov S. A. Denotate. *Linguistic encyclopedic dictionary*, ed. Yartseva V. N. Moscow: Sov. entsikl., 1990, 128–129. (In Russ.)
18. *Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, 2010, pt. 3, 350. (In Russ.)
19. Kim L. G. The text as the object of the metalinguistic activity of the subject expositor. *Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemGU, 2010, pt. 3, 122–142. (In Russ.)
20. Rostova A. N. *Metatext as the metalinguistic consciousness explication form in a Siberian Russian dialect*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000, 194. (In Russ.)
21. Kuznetsova T. Y. *The words semantization strategies and conditions determining their choice*, 2nd ed. Kemerovo: KemGU, 2015, 92. (In Russ.)
22. Sternin I. A. *Lexical meaning in language*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985, 170. (In Russ.)
23. Nesterova N. G. Revising the meaning and sense. *Current topics of the Russian Philology*, ed. Demeshkina T. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000, 91–96. (In Russ.)
24. Kim L. G. Interpretation process model and factors determinating the variability of the interpretation result. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, (318): 29–36. (In Russ.)
25. Kim L. G. "Text length" as a factor of variety and its interpretative functioning. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2017, (49): 38–51. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/49/3>
26. Kuznetsova T. Y. The factors determining the variability of words interpretations. *Issues of Education and Science in the XXI century: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Tambov, 29 Apr 2013. Tambov: Konsaltingovaia kompaniia Iukom, 2013, pt. 3, 85–86. (In Russ.)

оригинальная статья

К вопросу о склонении топонимов среднего рода на -ово/-ево, -ино/-ыно

Михаил Спартакович Тейкин

Северо-Восточный государственный университет, Россия, г. Магадан; <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>; teikin-ms@mail.ru

Поступила в редакцию 09.08.2021. Принята после рецензирования 21.10.2021. Принята в печать 08.11.2021.

Аннотация: Настоящая статья рассматривает вопрос склоняемости славянских топонимов среднего рода на -ово/-ево, -ино/-ыно в русском языке. До XX в. такие названия последовательно изменялись по падежам, с середины столетия наметилась тенденция к несклонению топонимов, несмотря на существующее правило. Исследователи выделяют три причины, послужившие распространению данного явления: профессиональная речь военных и топографов, влияние неславянских несклоняемых топонимов среднего рода, устранение возможного смешения названий среднего рода с названиями мужского рода при одинаковой основе. Автор оценивает достоверность причин появления на практике топонимов на -ово/-ево, -ино/-ыно в несклоняемом виде, степень их возможности повлиять на отступление от нормативной практики, дополняет материал самостоятельными исследованиями. Главным фактором, послужившим широкому закреплению на практике несклонения топонимов на -ово/-ево, -ино/-ыно, является то общество, в котором функционировал русский язык большую часть XX в. Это был тоталитарный период, для которого характерен культ простого человека и ориентация на наименее образованных; данное обстоятельство не могло не сыграть в пользу распространения многочисленных отступлений от литературной нормы. Кроме того, появление значительного числа топонимов на -ово/-ево, -ино/-ыно, образованных от фамилий вождей коммунистической эпохи (*Сталино, Ленино, Калинино, Ульяново, Куйбышево* и др.), в косвенных падежах создавало опасную аналогию с советскими лидерами, что могло способствовать распространению несклонения.

Ключевые слова: славянские онимы, заимствованная лексика, тоталитарный язык, двусмысленность в речи, литературная норма

Цитирование: Тейкин М. С. К вопросу о склонении топонимов среднего рода на -ово/-ево, -ино/-ыно // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1074–1085. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1074-1085>

Введение

По правилам русского языка топонимы среднего рода, оканчивающиеся на -ово/-ево, -ино/-ыно, являются склоняемыми. Исключений из данного правила не имеется. Вопреки распространённым заблуждениям на склонение не влияет:

1. Славянское или неславянское происхождение топонима: *Волково, Колоко́льцево, Наха́бино, Строги́но, Голи́цыно* или *Ку́ичино, Авто́во* имеют в основе славянские суффиксы. Посредством суффиксации даже слово иноязычного, неславянского происхождения становится славянским именем собственным – топонимом, адаптируется в русском языке и изменяется по падежам согласно парадигме первого склонения существительных среднего рода. Это делает их отличными от неадаптированных иноязычных топонимов: *Осло, Торонто, Кале* и др. Впрочем, адаптированные неславянские топонимы подчиняются общему правилу: финское по происхождению *То́сно* может склоняться¹.

2. Производящее слово: отфамильное *Ре́пино* (посёлок под Санкт-Петербургом), поименованное в честь художника

Ильи Ефимовича Репина, склоняется так же, как *Строги́но, Новосё́лово* и др.

3. Возникновение топонима в русском или ином славянском языке: сербские *Сара́ево, Ко́сово, Па́нчево*, болгарское *Ца́рево* склоняются так же, как и русское *Кеме́рово*.

То же правило действует в славянских языках, имеющих склонение.

Тем не менее даже в академических изданиях советской эпохи встречается различная подача вышеуказанного правила. Так, в Русской грамматике 1980 (далее – Грамматика-80) написано, что несклоняемость географических наименований нормальна в следующих случаях: «1) Если такое наименование является приложением к одному из следующих обобщающих слов: *село, деревня, посёлок, станция, становище*, реже – *город*: в *селе Васильково*, в *посёлке Пушкино*, в *деревне Белкино*, на *станции Гоголево*. 2) Если населённый пункт назван собственным именем известного лица: *около Репино* (назв. посёлка под Ленинградом), *недалеко от Лермонтово* (назв. небольшого города около Пензы)»².

¹ Разбору склонения топонимов среднего рода неприятного происхождения, представляющих большую сложность, включая в данную группу славянские *Ровно, Гродно, Молодечно, Брно* и др. (однозначно склоняемые) и неславянское *То́сно*, необходимо посвятить отдельную статью.

² Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 504.

1. С первым пунктом Грамматики-80 можно согласиться, но с оговоркой: даже с родовым словом в косвенном падеже топоним, являющийся приложением при первом, может употребляться не только в неизменяемом виде, но и в том же косвенном падеже, что и родовое слово: равно допустимы варианты *живу в селе Василькове* и *живу в селе Васильково*, *хожу по району Бирюлёво* и *хожу по району Бирюлёво* и т. п. Допустимо также употреблять родовое слово в местном падеже с топонимом в предложном падеже: *нахожусь в аэропорту Толмачёве*, наряду с *нахожусь в аэропорту Толмачёво*. Оставление наименования в неизменяемом виде перед родовым словом уместно, когда необходимо по каким-либо причинам указать исходную форму. Такое употребление свойственно канцелярскому стилю и используется иногда для топонимов всех трёх родов: *в городе Санкт-Петербург*, *в городе Пермь*, *в городе Кемерово*. В некоторых контекстах во избежание двусмысленности при родовом слове топоним-приложение среднего рода допускается оставлять в неизменяемом виде в противоположность топониму мужского рода с той же основой: *в селе Львово* (но *в городе Львове*), *в селе Царицыно* (но *в городе Царицыне*).

2. Против второго пункта Грамматики-80 следует возразить: никаких грамматических оснований не склонять топонимы лишь потому, что они образованы от фамилий знаменитых людей, не имеется. Однако введение в научную работу советской эпохи такого пункта не случайно: возможно, это свидетельство, почему именно в период господства советской власти возникло несклонение топонимов среднего рода.

Автор настоящей статьи исследует причины появления несклоняемого варианта топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*, оценивает их достоверность, степень возможности повлиять на отступление от нормативной практики, дополняет материал самостоятельными исследованиями, рассматривает реакцию современников на склонение топонимов и выносит заключение о судьбе литературной нормы.

Первая причина – профессиональное аргю

Издревле топонимы среднего рода на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* склонялись, поскольку были славянскими в своей основе, образованными на «родной» почве, имея притяжательное значение. Современная исследовательница Р. А. Агеева отмечает: «Откуда это пошло – не склонять топонимы на *-ино*, *-ово*? Ведь не склонять такие слова – совершенно не свойственно русскому языку и не является литературной нормой. <...> А истоки этого явления лежат в практике военного дела. <...> В царской армии был издан приказ употреблять географические названия только в форме именительного падежа во избежание путаницы. В самом деле: если в сводке говорится "в населённом пункте Вознесенском", то неясно, как называется данный населённый пункт в именительном падеже – Вознесенское или Вознесенский, ведь формы обоих названий в предложном падеже совпадают» [1, с. 113–114].

На военные документы как на причину возможного закрепления несклоняемого варианта ссылаются и иные исследователи: В. К. Лебедев [2, с. 44], У. И. Турко [3, с. 164], Л. А. Шлыкова [4, с. 270] и др. В. Г. Костомаров указывает на приказ, изданный во время Великой Отечественной войны, с требованием употреблять все названия неизменно в именительном падеже и сопровождать родовым словом даже общеизвестные топонимы: *в городе Москва* [5, с. 49].

Сей довод частично обосновывает причину появления несклоняемости топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*, однако он одновременно опровергает возможность широкого закрепления на практике несклоняемости под влиянием военных. Во-первых, для точного указания исходной формы топонима, и не только в военных сводках, достаточно употреблять родовое слово, а сам топоним – приложение к родовому слову оставлять в именительном падеже, что исключает возможную путаницу в названиях *Вознесенский* и *Вознесенское*, *Ростово* и *Ростов*. Для военных сводок и иных войсковых документов имеет большое значение не только название населённого пункта, но и его вид: необходимо отличать деревню от села, посёлка, города; данное обстоятельство должно было способствовать широкому распространению употребления топонимов с родовым словом, что исключает не только смешение наименований мужского и среднего родов, но и смешение различных видов населённых пунктов между собою. Во-вторых, несклонение появилось на практике у топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*, но не у топонимов среднего рода – субстантивированных прилагательных: *Вознесенское* и иные подобные названия оставались склоняемыми, несмотря на возможность смешения их в косвенных падежах (кроме винительного) с топонимами мужского рода.

Частичным опровержением вышеуказанной причины закрепления неизменяемых по падежам форм на практике является замечание М. Ю. Федосюка, что употребление топонимов рассматриваемого типа как несклоняемых в значительной степени свойственно младшему поколению носителей русского языка, т. е. людям, на речь которых едва ли могли повлиять официальные сводки времён Великой Отечественной войны и которые вряд ли часто сталкивались с профессиональной речью географов и топографов [6, с. 334].

Таким образом, должны были быть и иные причины появления и широкого закрепления на практике несклоняемой формы топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*.

Вторая причина – влияние несклоняемых иноязычных топонимов

И. А. Шаронов указывает, что на практическое закрепление несклоняемого варианта топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* могли повлиять неславянские топонимы на *-о*: «Хотя распространение несклоняемости в таких словах произошло во многом под влиянием военного и географического жаргонов, однако, как кажется, воздействие не было

бы столь значительным, если бы не подпитывалось аналогией с заимствованной топонимикой. В самом деле, почему *Конаково* должно изменяться, если не изменяются *Коломбо* и *Монако*?» [7, с. 345]. Схожего мнения придерживаются Т. Б. Астен, В. И. Демченко, И. В. Павлютенкова: «Характерно, что под влиянием иноязычных слов утрачивают склоняемость и некоторые из исконных слов. Это относится прежде всего к топонимам на *-ино, -ово (-ево)*» [8, с. 165]. Э. Г. Куликова и О. М. Акай также видят в этом основную причину: «Под влиянием иноязычных слов утратили словоизменение и некоторые группы исконных слов, например топонимы на *-ино, -ово (-ево)*. До середины XX в. они склонялись, а, начиная со второй половины XX в., всё более частотными становятся неизменяемые варианты – в *Останкино, в Пушкино*» [9, с. 157]. В. Г. Костомаров указывает: «Эта мода [не склонять иноязычные топонимы на *-о*] незаконно и эпидемически распространяется на русские названия» [5, с. 48].

Данное обстоятельство могло косвенно повлиять на появление несклоняемой формы славянских топонимов в русском, украинском и белорусском языках, где большое количество иностранных слов среднего рода не склоняется. В славянских языках, где неславянские существительные с финалью *-о, -е* склоняются, не возникает несклонения топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно*. Так, в сербском языке слова типа *депо* и *ателье* суть существительные мужского рода с нулевым окончанием и склоняются по парадигме существительных первого склонения мужского рода за исключением того, что звательный падеж в единственном числе совпадает с именительным, как у существительных среднего рода того же склонения:

	Ед. ч.	Мн. ч.
И.	депо, ателье	депои, ательеи
Р.	депоа, ательеа	депоа, ательеа
Д.	депоу, ательеу	депоима, ательеима
В.	депо, ателье	депое, ательее
З.	депо, ателье	депои, ательеи
Т.	депоом, ательеом	депоима, ательеима
М.	депоу, ательеу	депоима, ательеима

Таким образом, большое количество несклоняемых топонимов иностранного происхождения могло способствовать появлению несклоняемого варианта славянских топонимов. Против данной причины как единственно возможной может свидетельствовать следующее обстоятельство: славянские имена нарицательные среднего рода: *слово, окно, болото, море, поле* – последовательно склоняются в отличие от иноязычных, большей частью несклоняемых, например: *барокко, депо, бюро, кашне*; ср. заимствованные в давние времена и склоняющиеся *эхо, клеймо, тавро*; в русском имеется колебание в склонении существительного *пальто* (мн. ч. *пальта*), в украинском литературном языке *пальто* последовательно склоняется и имеет форму мн. ч.

пальта, в белорусском *паліто* не склоняется. Носителям языка не представляет трудности различить иноязычные нарицательные существительные от славянских; топонимы на *-ово/-ево, -ино/-ыно* по форме так же отличаются от неславянских топонимов (например, *Осло, Торонто, Бордо*), как и имена нарицательные. Влияние иноязычных топонимов могло иметь место, но не должно было быть решающим в закреплении на практике несклоняемого варианта легко узнаваемых топонимов со славянскими суффиксами среди носителей русского и иного славянского языка. Однако данная причина в совокупности с другими оказала влияние на появление и распространение несклоняемых форм топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно* в русском, украинском и белорусском языках, где слова типа *депо, ателье; депо, ателье; дэпо, атэльє* не склоняются.

Третья причина – устранение смешения топонимов среднего рода с топонимами мужского рода

М. Ю. Федосюк указывает на социальные причины появления аналитизма в виде несклонения славянских топонимов среднего рода. В результате интенсивной внутренней миграции и с увеличением роли средств массовой информации в обиход широких масс начали входить топонимы, до того им малоизвестные. Исследователь подчёркивает важную деталь: «Так, жители Москвы хорошо знали о существовании парков Останкино, Царицыно и Кусково. Поэтому, произнося фразы *Сегодня мы всей семьёй гуляли по Останкину* или *Не могу не восхищаться осенним Кусковым*, они не опасались, что их собеседники воспримут только что упомянутые топонимы как существительные мужского рода *Останкин* и *Кусков*. Однако впоследствии под влиянием двух упомянутых выше факторов в русской речи стали широко встречаться такие топонимы на *-ино, -ово*, которые были неизвестны большинству адресатов» [6, с. 336]. Далее исследователь, выражая явные симпатии склоняемым формам, делает предположение, что в будущем несклоняемые формы полностью вытеснят склоняемые. Самый главный аргумент в пользу неизменяемого варианта, по М. Ю. Федосюку, состоит в том, что употребление несклоняемых форм снимает грамматическую неоднозначность: конструкция в *Рассказово* однозначно информирует о том, что начальная форма данного топонима – *Рассказово*, а не *Рассказов*, тогда как конструкция в *Рассказове* такой информации не несёт [6, с. 339].

Автор настоящей статьи, однозначно стоя на позиции склоняемости топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно*, в отличие от М. Ю. Федосюка не считает, что несклоняемые варианты вытеснят склоняемые в будущем по причине возможности различать топонимы среднего рода от топонимов мужского рода на *-ов/-ев, -ин/-ын*, – наоборот, склоняемый вариант в будущем должен вытеснить несклоняемый.

Различие между склонением существительных первого склонения мужского и среднего рода выражается разными флексиями только в именительном и винительном падежах,

флексии форм всех других падежей существительных обоих родов совпадают; это касается нарицательных и собственных имён. Несклонение топонимов среднего рода на *-ово/-ево, -ино/-ыно* по причине возможного смешения их с топонимами мужского рода на *-ов/-ев, -ин/-ын* следует признать недопустимым с лингвистической точки зрения.

Смешение парадигм склонения существительных в единственном числе встречается и в иных случаях: например, единую парадигму имеют существительные первого и второго склонения в предложном падеже: *о брате, о сестре*; здесь также возможны смешения топонимов. Так, Д. Э. Розенталь, указывая на необходимость падежного согласования названий городов с родовым словом, уточняет, что в начальной форме остаются названия редко встречающихся городов: *Переговоры имели место в городе Мина* (при сочетании *в городе Мине* начальная форма могла бы быть воспринята и как *Мин*, и как *Мина*), *близ города Ниш* [10, с. 285]. Без родового слова, часто опускаемого в устной речи, различить топонимы женского и мужского рода невозможно, если не знать, о каком названии идёт речь. Нужно подчеркнуть: названия мужского и женского рода с одинаковой основой встречаются: например, существуют города *Констанц* в Германии и *Констанца* в Румынии, хутор *Сулин* в России и город *Сулина* в Румынии, деревня *Луг* и город *Луга* в России, город *Ягодина* в Сербии и станция *Ягодин* на польско-украинской границе, город *Авеста* в Швеции и населённый пункт *Авест* в Нидерландах. Антропонимы разного рода могут смешиваться: женское краткое имя *Вита* (Виталия, Виталина) и мужское краткое имя *Витя* (Виктор), относясь соответственно к твёрдой и мягкой группам второго склонения, имеют одинаковую форму в дательном и предложном падежах: *говорю Вите* (ей), *передам Вите* (ему), *думаю о Вите* (о ней), *вспоминаю о Вите* (о нём); однако это не мешает в устной речи избегать двусмысленности и там, где это необходимо, использовать полные имена, местоимения и иные уточнения для различия носителей разных имён.

Субстантивированные прилагательные мужского и среднего рода занимают немалое место в топонимии: *Озёрный* и *Озёрное*, *Вознесенский* и *Вознесенское*, *Глубокий* и *Глубокое* и т. д. Во всех косвенных падежах, кроме винительного, данные топонимы невозможно различить; смешение парадигм склонения существительных разных родов имеет место, теоретически это может привести к неправильному восприятию рода топонима, однако при коммуникации в устной и письменной речи для точного донесения информации делаются уточнения.

Лингвистических оснований для перехода топонимов среднего рода на *-ово/-ево, -ино/-ыно* в разряд несклоняемых не имеется. Практические основания употреблять вышеуказанные суффиксальные топонимы в несклоняемом виде также отсутствуют: в косвенных падежах смешиваются разнородовые топонимы иного морфемного состава: топонимы типа *Луга* и *Луг* в предложном падеже, топонимы типа

Глубокий и *Глубокое* в родительном, дательном, творительном и предложном падежах. В любом случае полного смысловыражения путём несклонения достичь не удастся.

В связи с вышеизложенным видится сомнительным, что несклонение на практике топонимов среднего рода на *-ово/-ево, -ино/-ыно* закрепилось только потому, что таким образом их удаётся отличить от топонимов мужского рода с той же основой. Правильность речи, выражающаяся в последовательном склонении топонимов на *-ый/-ий /-ой, -ое/-ее*, обуславливается тем, что носители языка, даже малограмотные, воспринимают такого рода наименования как прилагательные, где изменение по падежам обязательно. Топонимы среднего рода на *-ово/-ево* и *-ино/-ыно*, будучи по происхождению притяжательными прилагательными, не только воспринимаются как существительные носителями языка, но и в настоящее время имеют парадигму склонения существительных. Как указывает В. К. Лебедев, в XIX в. такие топонимы последовательно склонялись, но в творительном падеже единственного числа они имели окончание *-ым*. В изданных в XIX в. грамматиках и учебниках русского языка эта норма была зафиксирована и проиллюстрирована примерами [2, с. 43]. Такое окончание, типичное для притяжательных прилагательных (например, *с отцовым чемоданом, с сестриним платьем, с тестиним сукном*), использовалось и для некоторых топонимов мужского рода на *-ов/-ев, -ин/-ын*. Ныне для топонимов мужского и среднего рода с суффиксами *-ов/-ев-, -ин/-ын-* на практике закрепилось окончание *-ом* в творительном падеже: *Ки́евом, Ростóвом-на-Дону́, Гдóвом; Ке́меровом, Чудóвом, Бородинóм*. Данное обстоятельство позволяет различать фамилии от топонимов и устраняет смешение онимов разного типа в одной парадигме: *Гдóвом, Львóвом* (м. р.) – городами, *Бородинóм* (с. р.) – деревней; *Ростóвым, Львóвым, Бородины́м* – людьми.

Именно восприятие наименований среднего рода на *-ово/-ево, -ино/-ыно* как существительных допустило закрепление несклоняемого варианта, хотя возможное смешение топонимов среднего рода с топонимами мужского рода, имеющими схожие суффиксы, не могло, по мнению автора настоящей статьи, явиться главной причиной появления на практике несклоняемого варианта.

Следует представить ниже иную версию появления на практике несклоняемой формы топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно*, не опровергающую вышеизложенные, а лишь дополняющую их.

Новая версия закрепления на практике несклоняемого варианта

Истоки закрепления на практике несклонения топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно* следует искать в падении уровня гуманитарной культуры после Октябрьской революции. Наплыв необразованных людей в высшие сферы, явившийся неизбежным при устранении из всех кругов управления классово чуждых, но высокообразованных

представителей старого общества, не мог не дать результата в виде многочисленных грамматических ошибок в речи. Яркие примеры падения грамотности в печатном слове, призванном быть образцом устной и письменной речи, можно обнаружить в «Правде» – органе Центрального Комитета ВКП(б). В номерах газеты систематически встречаются грамматические ошибки в виде несклонения склоняемых фамилий. Для примера взяты приказы Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в период последних месяцев Великой Отечественной войны, указаны только военнослужащие-генералы по причине того, что их легко идентифицировать по фамилиям без инициалов в силу ограниченного круга лиц высокого звания:

1. Приказ Верховного Главнокомандующего № 275 от 12.02.1945: «В боях <...> отличились войска: <...> генерал-лейтенанта **Батюня**, <...> генерал-майора авиации **Головня** <...>»³. В документе отмечают Александра Григорьевича Батюню и Михаила Михайловича Головню, но фамилий их не склоняют, что не только неверно грамматически, но и порождает заблуждение о форме антропонимов: это могут быть *Батюнь* и *Головень* в родительном падеже.

2. Приказ Верховного Главнокомандующего № 302 от 18.03.1945: «В боях <...> отличились войска: <...> генерал-майора **Каракоз**, <...> генерал-майора **Кеневича**»⁴. В документе отмечают Марка Трофимовича Каракоза, но ошибочно не склоняют его фамилию, в отличие от фамилии генерал-майора Болеслава Альбиновича Кеневича. Кроме грамматической ошибки в склонении антропонима, имеется в приказе также ошибка в склонении топонима: «За отличные боевые действия **объявляю благодарность** руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за овладение **Кольберг**» (имеется в виду город и порт)⁵.

3. Приказ Верховного Главнокомандующего № 351 от 29.04.1945: «В боях <...> отличились войска: <...> генерал-лейтенанта **Киносяна**, <...> генерал-майора **Брикель**, <...> генерал-лейтенанта артиллерии **Михельсона**, <...> генерал-майора танковых войск **Новак**, <...> генерал-майора танковых войск **Фирсовича**, <...> генерал-майора инженерных войск **Швидкой**, <...> генерал-майора войск связи **Новарчука**»⁶. Фамилии Степана Ильича Киносяна, Александра Николаевича Фирсовича, Николая Николаевича Михельсона, Давида Григорьевича Новарчука в документе даются грамматически верно. Женщин генеральского звания с фамилиями *Брикель* и *Новак* не было; в приказе отмечают Павла Порфирьевича Брикеля и Анатолия Юльевича Новака. Фамилия *Швидкой* (субстантивированное прилагательное) может относиться только к мужчине: женская форма той же фамилии – *Швидкая*; в приказе отмечают Павла Васильевича Швидкого.

В вышеуказанных приказах Верховного Главнокомандующего упоминаются и иные фамилии военнослужащих-негенералов, оканчивающиеся на согласную, с высокой долей вероятности принадлежащие мужчинам, но данные без склонения; склоняемые формы произвольно перемежаются с несклоняемыми.

Подобного рода грамматические ошибки в центральной газете были обычным явлением, не говоря о газетах меньшего масштаба; продолжалось это все годы советской власти. Л. П. Калакуцкая приводит многочисленные примеры грамматических ошибок из советских газет разных лет: *о смерти Николая Кононовича Чайка* (Вечерняя Москва. 17.11.1964); *Корж Нина Николаевна... о разводе с Корж Виктором Сергеевичем* (Московская правда. 30.08.1962); *Куль Валентина Дмитриевна... о разводе с Куль Израилем Моисеевичем* (Вечерняя Москва. 03.10.1956); *Речь полковника войска польского Владислава Мруз* (Правда. 26.07.1963); *Вовк Раиса Андреевна возбуждает дело о расторжении брака с Вовк Анатолием Ивановичем* (Курортная газета. 07.04.1964); *... извещаем о смерти Степана Казимировича Гиль* (Вечерняя Москва. 29.04.1966) [11, с. 34–35, 37–38]. Всё это – свидетельство малограмотности. Самое главное, что такие ошибки воспринимались или как допущение возможности не склонять имена собственные, или – в случае склонения и несклонения онимов в одной или разных статьях – порождали пренебрежение к грамматическим правилам: если даже «Правда» допускает произвольное обращение с грамматикой, сложно требовать соблюдения нормы от читателя газет.

Р. Ю. Намитокова, указывая на ошибочное несклонение фамилий, отмечает, что причины данному явлению следует искать в снижении общей грамотности населения и в отсутствии в школьном традиционном обучении русскому языку должного внимания к этой группе имён существительных [12, с. 153]. Те же проблемы, связанные со склонением фамилий, касаются и топонимов среднего рода.

Автор настоящей статьи видит в несклонении топонимов проявление феномена тоталитаризма. Историк С. В. Волков отмечает важную деталь: «Непременным атрибутом тоталитарного режима является культ "простого человека", пренебрежение к умственному труду вообще и к его носителям в частности. Считается, что человек физического труда обладает высшей нравственностью по сравнению с интеллектуалом, лучшей способностью к управлению государством и даже большим художественным вкусом. "Пролетарское происхождение" представляет в таком обществе самостоятельную ценность, причём такого достоинства, которое обычно предпочитается всем прочим» [13, с. 46–47]. Действительно, в тоталитарном

³ Правда. 13.02.1945. № 38 (9809). С. 3.

⁴ Правда. 19.03.1945. № 67 (9838). С. 1.

⁵ Там же.

⁶ Правда. 30.04.1945. № 103 (9874). С. 1.

обществе при занятии высших эшелонов, требующих значительной интеллектуальной подготовки, часто отбираются люди по принципу низкого происхождения и – в случае с СССР – принадлежности к Коммунистической партии. Появление «простых людей», не обладающих высоким уровнем образования, на должностях, требующих хорошего знания грамматических правил языка (например, в журналистике), не может не выразиться в появлении значительного числа ошибочных написаний и грамматических неточностей. По замечанию Л. В. Щербы, «[р]еформа русской орфографии привела к тому мнению в широких массах, что орфография – это вещь такая, что пиши, как хочешь, и очень серьёзные люди стали думать так» [14, с. 101]. Упрощение правописания и появившееся вслед за ним равнодушное отношение к соблюдению правил орфографии и пунктуации даже среди серьёзных людей не могло не повлечь за собою пренебрежение к неукоснительному следованию грамматическим правилам: если позволить себе писать, как хочешь, тем более можно позволить говорить, как хочешь, и не склонять фамилии и топонимы.

Л. И. Маршева делает важное замечание: в исследовании «Русский язык и советское общество» 1968 г. констатируется безусловное преобладание в живой речи изменяемых форм топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*, но данный факт совершенно неожиданно квалифицируется как искусственное правило. Учёные (читай – советские учёные) открывали дорогу тенденции не склонять топонимы в устной речи, а нормы употребления склоняемых и несклоняемых топонимов на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* были признаны нестабильными [15, с. 50].

В советское время неграмотное употребление имён собственных охватило даже самые высокие инстанции, должны показывать пример нормативного использования русского языка. Л. П. Калакуцкая в статье 1970 г. указывает на ошибку, допущенную научным учреждением высочайшего ранга: «Несклонением фамилий, совпадающих с апеллятивами, пытаются отличить эти фамилии от соответствующих апеллятивов. Весьма показателен вопрос справочной службе Института русского языка: "Склоняется ли женская фамилия Дудка?" И ещё более показателен ответ: "Нет!"» [11, с. 35].

Не имеется лингвистических оснований не склонять имена собственные, совпадающие с именами нарицательными, поскольку словоизменение обеих категорий имён в русском языке схожее. Малограмотный человек может воспринять имя собственное как нечто, не должное совпадать с именем нарицательным или с похожим именем собственным, – отсюда может быть стремление не изменять склоняемое существительное по падежам. Несклонение является самым

простым способом для выделения имени собственного, но даже в устной речи в большинстве случаев контекстуально легко различить апеллятив от проприатива: адресат вербальных фраз *Я отдаю дудку Дудке*, *Мы с Дудкой играем на дудке*, *У Дудки нету дудки* ясно догадается о синтаксических отношениях двух существительных, одно из которых обозначает человека (мужчину или женщину с фамилией *Дудка*), а второе – музыкальный инструмент.

В отношении ответа справочной службы советского времени можно лишь указать, что ныне подобную ошибку, исходящую от авторитетной инстанции, представить невозможно⁷.

Фактически в послереволюционный период начал складываться тоталитарный язык со своими особенностями не только в лексике, но и в распространении значительного числа своевольных грамматических упрощений. Н. А. Купина отмечает важное явление: «Тоталитаризация языка осуществляется не сразу. Идеологические стандарты и мифы формируются постепенно, причём не только по линии *язык – речь*, но и по линии *речь – язык*. Речь выступает как сфера реализации идеологических предписаний и одновременно как среда, в которой они вырастают и из которой переходят в язык» [16, с. 77].

Несклонение на практике топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* закрепилось не сразу после революции; официально правило склонения такого вида наименований никогда не было отменено, старшие поколения, воспитанные до революции, в большинстве придерживались нормы. Языковая практика новых поколений, воспитанных при советской власти в советских образовательных учреждениях, пошла по пути несклонения топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно*. Советский исследователь И. П. Мучник приводит данные по употреблению несклоняемого варианта на основе проведённого опроса: «Как видно из рубрик таблицы [приводимой в книге], наибольший процент лиц, употребляющих неизменяемые формы, относится к группе рабочих. Это, вероятнее всего, объясняется тем, что рабочие, в качестве сравнительно новых носителей литературного языка, легче вовлекаются в русло свободного и беспрепятственного развития литературного языка в соответствии с действующими в нём тенденциями» [17, с. 276]. Автор настоящей статьи видит здесь скорее лингвистический узус, типичный для наименее образованной части населения. Опора власти на «простого человека» и его поощрение в пропаганде лишь усугубляли распространение грамматически неверного варианта; языковые ошибки в именах собственных широко тиражировались газетами, примеры чего приводятся выше, это способствовало распространению таких ошибок в широких массах.

⁷ На обращение петербуржца о склонении Мурина (города под Петербургом) Институт русского языка составил ответ от 25.03.2021 № 157-0341/82, где указал: в образцовом литературном стиле славянские топонимы на *-о* следует склонять. Материал от 26.03.2021 взят на сайте «Мегаполис». Режим доступа: <https://megapolisonline.ru/> (дата обращения: 15.07.2021); Официальный портал «Грамота.ру» указывает: фамилии на безударный и ударный [а], следующий после согласного звука, склоняются; единственное исключение – французские фамилии и имена, оканчивающиеся на ударный [а]: *Дюма*, *Золя*, *Деррида*; *Тома*, *Николя*. Режим доступа: <http://new.gramota.ru/spravka/letters/71> (дата обращения: 15.07.2021).

Немалую роль в закреплении несклоняемого варианта в практическом употреблении сыграли лингвисты, особенно советской эпохи. Л. И. Маршева, разбирая труды учёных того периода, указывает: «[С]южет о тенденции к неизменяемости географических наименований на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* с [19]60-х годов стал пользоваться у лингвистов неослабевающей популярностью и порождать всё новые и новые ошибки. <...> Дело в том, что пример со словоизменительными особенностями географических названий на *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* наглядно демонстрирует негативное влияние так называемой кодифицированной нормы, когда новые, нераспространённые факты письменного языка поспешно возводятся в ранг типичных и правильных, и тем самым даёт мощный толчок к их расширяющемуся устному употреблению» [15, с. 50]. Далее исследовательница делает важное заключение: «Широкое распространение несклоняемых вариантов у топонимов с формантами *-ов(о)*, *-ев(о)*, *-ин(о)*, *-ын(о)* свидетельствует о том, что выбор тех или иных форм (а именно выбор, отбор лежит в основе механизма нормирования) осуществляется в данном случае не носителями языка, а навязывается лингвистами» [15, с. 51]. Учёные всегда пользуются авторитетом в обществе, особенно среди образованного населения. Преднамеренное указание в справочниках и научных изданиях на допустимость не склонять топонимы на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* не могло не повлиять на всё большее распространение такого варианта на практике.

Кроме общего снижения уровня грамотности, появления непоследовательного отношения к норме и падения уровня языковой эстетики, по мнению автора настоящей статьи, имеется ещё одна возможная причина закрепления несклоняемого варианта славянских топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* в практике.

В годы советской власти переименовали многие населённые пункты в честь вождей, революционеров и деятелей коммунистической партии. Так, город *Донецк* (до революции *Юзовка*) с 1929 по 1961 г. носил название *Сталино*; получил распространение топоним *Ленино*. В те времена, возможно, опасались говорить и особенно писать *захват бандитами Ленина, грязные улицы Ленина, обманули в Ленине, родился в Сталине, хожу по Сталину, бомбёжки немцами Сталина, разрушения Сталина* и т. п.: компетентные органы могли бы счесть, что человек издевается над вождями. В целях собственной безопасности было лучше вопреки грамматике *Сталино* и *Ленино* не склонять. То же касается наименований *Калинино, Кирово, Куйбышево, Ульяново* и проч. Несклонение «советских» топонимов могло затем распространиться на остальные онимы подобного типа. Ниже – один из наиболее вероятных примеров.

Задолго до революции существовало подмосковное *Пушкино*. В 1937 г. бывшее *Царское Село*, расположенное возле Санкт-Петербурга, получило имя *Пушкин* в честь поэта. Вышло так, что рядом с двумя крупнейшими городами возникли топонимы, имеющие единую основу и различные лишь в именительном и винительном падежах: «старое»

Пушкино и «новый» *Пушкин*. Поскольку «советские» отфамильные топонимы могли закрепляться в несклоняемой форме, та же система имела вероятность распространиться на *Пушкино*. В исследовании И. П. Мучника 1971 г. указано: топонимы *Большево* и *Щёлково* изменяет по падежам ещё большинство опрошенных, имеется тенденция к снижению частоты склонения среди младших поколений, но большая часть даже из самой молодой выборки (родившиеся после 1940 г.) склоняет топонимы – минимальный уровень составляет 59,53 %; топоним *Пушкино* резко выделяется: его изменяет в предложном падеже большинство родившихся до 1909 г. (т. е. пошедшие в начальную школу до революции) – 48,19 % против 47,37 %, затем склоняемость резко снижается: 27,6 % против 68,23 % у родившихся в 1910–1919 гг., 29,18 % против 64,81 % у родившихся в 1920–1929 гг., 17,76 % против 77,07 % у родившихся в 1930–1939 гг., 9,87 % против 86,81 % у родившихся после 1940 г. (второе советское поколение) [17, с. 274–275].

На закрепление несклоняемой формы могло повлиять желание отличать разные города, хотя оснований для этого не было, поскольку затруднительно было перепутать *Пушкин*, находившийся под Ленинградом, с подмосковным *Пушкином*. Если человек в Москве сказал бы собеседнику-москвичу: *У меня нет московской прописки, я живу в Пушкине*, его бы поняли корректно: речь может идти о близлежащем объекте, о подмосковном *Пушкине* среднего рода. Если бы с собеседником-москвичом участвовал в разговоре житель бывшего Царского Села и сказал: *У меня нет московской прописки, я живу в Пушкине*, уточнение о том, что имеется в виду город *Пушкин* под Ленинградом, понадобилось бы, только если москвич не знал, что он беседует с немосквичом и неподмосковцем; если же москвич знает или догадывается, что он беседует с человеком с неевских берегов, он бы без уточняющей информации понял, что речь идёт о бывшем Царском Селе. В обратной ситуации – при разговоре подмосковного пушкинца с ленинградцем в Москве – употребление топонима *Пушкино* в несклоняемом виде (*живу в Пушкино*) было бы излишне: если речь идёт о московской прописке, собеседник-ленинградец из фразы *живу в Пушкине* догадался бы, что имеется в виду близлежащий от Москвы объект – подмосковное *Пушкино*. Единственная ситуация, где на первый взгляд несклоняемый вариант мог бы иметь предпочтение: фраза подмосковного пушкинца в Ленинграде – *У меня нет ленинградской прописки, я живу в Пушкино*. Однако жертвовать правилами грамматики в этой ситуации не имеет смысла: поскольку реплика сказана не в Москве или ближайшем Подмосковье, правильнее было бы добавить уточнение, о городе в каком именно регионе идёт речь, поскольку место проживания отдалено от неевских берегов.

Таким образом, в живой речи затруднительно спутать *Пушкин* с подмосковным *Пушкином*. Смешение топонимов с человеком *Пушкиным* затруднительно не только по причине различной формы склонения в творительном

и винительном падежах, но и по причинам употребления топонимов и антропонимов в разных контекстах.

Существует большое число населённых пунктов с совершенно схожими названиями: *Белогорск* в Амурской области и в Крыму, *Мирный* в Архангельской области и в Якутии, *Никольск* в Пензенской и Вологодской областях и др.; в устной речи некоторые населённые пункты имеют одинаковые названия-прозвища: *Владивосток* и *Владикавказ* часто называют *Владиком*. Во всех подобных случаях возможно смешение одного объекта с другим не по причине грамматического рода, а по причине идентичных названий, совпадающих и в именительном падеже. В устной речи во всех случаях собеседники имеют в виду близлежащий объект: так, в южном регионе России и особенно на Кавказе под *Владиком* подразумевают *Владикавказ*, на Дальнем Востоке и во всех иных регионах страны *Владик* – это *Владивосток*; возможное смешение разных городов не препятствует широкому использованию неофициального названия.

В заключение необходимо сделать важную оговорку. Вопрос о выборе топонимических наименований лежит вне лингвистической плоскости; в советское время топонимика менялась по политическим и идеологическим причинам. Подходя к вопросу с точки зрения исторической науки и преемственности в обществе, нужно заявить: городу под Санкт-Петербургом следует вернуть прежнее название – *Царское Село*. На неофициальном уровне оно уже употребляется, железнодорожная станция города-спутника Санкт-Петербурга вновь обрела дореволюционное название. То же касается города Гжатска, в 1968 г. получившего название *Гагарин*. Правильнее называть в честь выдающихся деятелей (поэт Пушкин и космонавт Гагарин к таковым принадлежат) вновь образуемые населённые пункты; при выборе названия мужского рода предпочтительнее, чтобы оно не было идентично фамилиям: *Пушкинск*, *Пушкинград*, *Гагаринск* и др.

Реакция современников на склонение топонимов

Сегодня в практике широко распространено несклонение топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно*. Однако нормативным является именно склонение: в Грамматическом словаре русского языка А. А. Зализняка, приказом Министерства

образования и науки России № 195 от 08.06.2009 включённом в список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, топонимы на *-ово/-ево, -ино/-ыно* указаны как склоняемые⁸; стилистический словарь А. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской предписывает склонять эти формы в образцовом литературном стиле (со сцены, с телеэкрана, в радиопередаче)⁹.

Несклонение топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно* прочно вошло в практику; в словаре А. А. Зализняка указывается: «Степень распространённости этого явления настолько значительна, что, по-видимому, оно уже приближается к статусу допустимого варианта»¹⁰. На начало 2000-х гг. Н. Е. Ильина констатировала захват несклоняемыми существительными на *-ово, -ино* позиций в средствах массовой информации [18, с. 333].

Несклоняемый вариант проникает в научные работы, в частности в диссертации: *Проблема международно-правового признания Косово*¹¹; *Миротворческая операция российского воинского контингента в Косово как одно из направлений реализации внешней политики РФ*¹²; *Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении конфликтов в Косово и на Кипре*¹³. В примерах склоняемое *Косово* не склоняется даже в названии; при этом в статье одной из диссертанток топоним употребляется в правильной форме: *Проблема признания Косова*¹⁴. Одни и те же авторы могут склонять *Кемерово* в одной статье (*Эпидемиология инсульта в г. Кемерово*¹⁵), а в другой употреблять название города в несклоняемом виде (*Эпидемиология и факторы риска инсульта в Кемерово*¹⁶). Имеются гротескные примеры, когда близкородственный язык «подсказывает» правильный вариант, остающийся неиспользуемым в русском тексте; так, в сборнике статей «Косово, Сербия и Россия», изданном на русском и сербском языках¹⁷, в русской версии *Косово* не склоняется, но склоняется в сербской. Во всех вышеперечисленных случаях авторы диссертаций, их научные руководители, авторы статьи и литературный редактор сборника пренебрегли нормой русского языка, не заметили грамматической неточности.

⁸ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. 6-е изд., стер. М.: АСТ-Пресс Книга, 2019. С. 770–771, 772.

⁹ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2001. С. 200.

¹⁰ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка ... С. 739.

¹¹ Строева А. С. Проблема международно-правового признания Косово: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 185 с.

¹² Криворучко А. А. Миротворческая операция российского воинского контингента в Косово как одно из направлений реализации внешней политики РФ: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 212 с.

¹³ Антонова И. А. Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении конфликтов в Косово и на Кипре: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013. 208 с.

¹⁴ Строева А. С. Проблема признания Косова // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 275–282.

¹⁵ Коваленко А. В., Гилева О. А. Эпидемиология инсульта в г. Кемерово // Медицина в Кузбассе. 2003. Т. 2. № 2. С. 32–35.

¹⁶ Коваленко А. В., Гилева О. А. Эпидемиология и факторы риска инсульта в Кемерово // Бюллетень сибирской медицины. 2008. Т. 7. № 5-1. С. 170–175.

¹⁷ Косово, Сербия и Россия / под ред. В. Зотова. М.: ИА Regnum, 2021. 76 с.

Но наименее значительный урон заключается в том, что неточности в виде несклонения склоняемых топонимов в научных и аналитических изданиях снижают степень доверия к такому тексту у грамотного человека: если пишущий не владеет в совершенстве правилами грамматики и не использует норму в письменной речи, возникает сомнение относительно содержания написанного. То же касается не только научной, но и художественной литературы, где требование к безукоризненной грамотности даже выше. В письменной речи авторы должны склонять топонимы на *-ово/-ево, -ино/-ыно*, а редакторы – устранять неточности в случае их наличия.

Автор настоящей статьи полагает единственно допустимым склоняемый вариант и по лингвистическим, и по практическим, и по эстетическим причинам. Сегодня наблюдается возвращение к литературной норме: например, в Москве топонимы на *-ово/-ево, -ино/-ыно* склоняются на указателях маршрутов общественного транспорта, на телевидении профессиональные дикторы и спортивные комментаторы следуют норме, предписываемой справочными изданиями¹⁸. Имеет место постепенное закрепление литературного варианта на практике.

В. Г. Костомаров верно отмечает, что несклонение, во-первых, даже для иноязычных онимов есть мода (значит, не норма и всё может поменяться), а во-вторых, в отношении русских названий является незаконным [5, с. 48].

В советский период не за одно поколение выработалась практика не склонять топонимы на *-ово/-ево, -ино/-ыно*, такой вариант используют в речи многие лица, он стал для них привычным, и склоняемый вариант для некоторых из них может казаться странным или даже ошибочным.

М. Н. Панова отмечает, что среди учащихся склонение топонимов на *-ово/-ево, -ино/-ыно* нередко вызывает бурную эмоциональную реакцию, становится откровением для них [19, с. 175].

В отдельных случаях имеет место агрессивность со стороны несклоняющих топонимы: несмотря на наличие официального правила, они возмущаются при встрече со склонением названия города или района, обвиняют собеседников в безграмотности. Налицо иррациональное неприятие «иног», несмотря на то что «иное» является верным. Это явление отмечается исследователями.

Р. А. Агеева пишет: «Когда лингвист поправляет своих собеседников, то одни благодарят и стараются исправлять ошибку, другие удивляются, третьи возражают: "Но ведь все так говорят!" Более того, некоторые люди начинают довольно агрессивно спорить. Один из моих коллег (не филолог, но с высшим образованием) даже сказал: "Я не могу

произнести «Живу в Строгинё», только – «Живу в Строгино»". И добавил: "Вы, учёные-лингвисты, выдумываете правила и навязываете их людям"» [1, с. 113].

Самое интересное, что агрессивно настроенные обвиняют учёных в выдумывании правил, не зная того, что лингвисты не выдумывают, а исследуют узус, находят схожие и различные явления, систематизируют их и лишь затем устанавливают действующее правило. Кроме того, образцы литературной нормы, вслед за которыми в языке могут закрепиться какие-либо правила, создают лучшие писатели и поэты, а не лингвисты и филологи.

И. А. Шаронов приводит яркий пример агрессивного поведения: «Так, в 2016 году жители Петербурга собирали подписи за запрет склонения [топонимов] *Купчино, Колпино, Репино, Волосово, Комарово* и других близлежащих населённых пунктов и написали письмо министрам культуры и образования, которое было опубликовано на сайте *Change.org*» [7, с. 345]. Следует привести полный текст данного обращения (*прим.: выделения автора статьи*):

Уважаемый министр культуры РФ Владимир Ростиславович Мединский и министр образования и науки Дмитрий Викторович Ливанов! Жители Петербурга устали терпеть невежественные и уродующие русский язык склонения таких населённых пунктов Северной столицы и Ленинградской области, как Купчино, Колпино, Мурино, Токсово, Репино, Волосово, Тосно, Комарово, Парголово, Автово и многих-многих других городов и районов.

Учёные диктуют нам правила и нормы, которые не имеют никакой связи с реальностью!

Все коренные жители привыкли говорить Купчино и Колпино, а такие нелепые выражения[,] как «в Купчине» и «из Колпина»[,] режут слух истинным петербуржцам. Лингвистические аргументы могут оставить при себе учёные и понаехавшие знатоки, а простые люди хотят видеть и слышать родные и любимые названия без склонения окончаний.

Требуем на законодательном уровне раз и навсегда решить спор в пользу жителей Купчино, Колпино, Мурино, Тосно и всех остальных городов, объединённых этой нелепой проблемой. Мы уверены, что нарушителей нужно штрафовать за неграмотную речь, чтобы другим было не повадно¹⁹.

Всё содержание обращения указывает на тоталитарное сознание адресантов: учёные и знатоки противопоставляются простым людям, налицо невнимание к мнению окружающих и агрессивное стремление с помощью принуждения, используя власть, придать своей привычке статус закона и карать инакомыслящих.

Подобные реакции объясняются двумя причинами: плохим уровнем среднего образования и непривычкой

¹⁸ Работающим на телевидении обязательно указывают на необходимость склонять склоняемые имена собственные. Большой уровень грамотности сегодня можно встретить в крупных средствах массовой информации, нежели в документах, исходящих от органов власти низового (муниципалитеты, районы, суды первой инстанции) и даже среднего уровня (областные и районные центры, суды второй инстанции).

¹⁹ Законодательно запретить склонение названий населённых пунктов Петербурга и Ленобласти!!! Режим доступа: www.change.org/p/министр-культуры-рф-владимир-мединский-законодательно-запретить-склонение-названий-населённых-пунктов-петербурга-и-ленобласти#petition-letter (дата обращения: 15.07.2021).

видеть склоняемые топонимы. Агрессивная и отрицательная реакция свидетельствует о том, что в жизнь возвращается литературная норма. Постепенно, по мере увеличения частоты употребления склоняемой формы топонимов, широкие массы начнут привыкать к такому узусу, негативная реакция исчезнет даже среди наименее образованных.

Заключение

М. Ю. Федосюк указывает в своей статье, что он, как представитель старшего поколения, не испытывает никаких симпатий к несклоняемым формам топонимов на *-ин(о)*, *-ов(о)*, но вынужден высказать предположение, что в будущем эти формы постепенно вытеснят склоняемые формы [6, с. 339]. Автор настоящей статьи, представитель младшего поколения (*1984), также не испытывающий никаких симпатий к несклоняемым формам, смотрит на будущее топонимов среднего рода оптимистичнее. Выше разбирался вопрос смешения разнородовых топонимов с суффиксами *-ов/-ев-*, *-ин/-ын-*, лингвистических и практических причин укоренения несклоняемых форм среднего рода не имеется.

Закреплению несклоняемого варианта топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* способствовала совокупность причин: косвенно – наличие значительного количества несклоняемых собственных и нарицательных существительных среднего рода иноязычного происхождения; уменьшение числа грамотных людей после революции и как следствие появление недостаточно грамотных авторов в средствах массовой информации; снижение уровня гуманитарного образования; равнение не на наиболее образованных, а на лиц простого происхождения, пусть и не обладающих достаточными грамматическими навыками. С годами положение ухудшалось: единичное употребление становилось массовым.

Неизменение по падежам топонимов входило в широкую практику в послевоенные годы, когда досоветские поколения стали меньшинством и численно почти заменились советскими поколениями. В. Г. Костомаров отмечает: в 1960-е гг. активно обсуждалась перспектива отхода русского языка от флективно-синтетической грамматики, данный вектор движения О. Есперсен считал – с непростительной для крупного учёного наивностью – по примеру истории ставшего аналитическим английского языка столбовой дорогой языкового прогресса [5, с. 50]. В тоталитарную эпоху было свойственно выбирать во всех сферах жизни столбовую дорогу, по которой следует идти всем обществам и языкам. Тоталитаризм ориентируется на наиболее простые интеллектуальные формы, что проявляется в практическом пренебрежении грамматическими правилами языка.

Ныне наблюдается постепенное возвращение в разные сферы литературной нормы. С увеличением частоты употребления топонимов на *-ово/-ево*, *-ино/-ыно* в склоняемой форме на телевидении, в иных средствах массовой информации увеличится число носителей языка, предпочитающих склоняемый вариант, поскольку узус окружения оказывает существенное влияние на узус человека. С годами просторечный вариант должен занять своё место в истории языка. Однако время и скорость полного возврата к литературной норме зависит от тех, кто использует русский язык.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Благодарность: Автор выражает благодарность лингвисту и блогеру Никите Алексеевичу Сафронову (Москва) за критические замечания, способствовавшие улучшению данной статьи.

Литература

1. Агеева Р. А. Отклик на статью Р. Ю. Намитоковой «Склонять или не склонять – вот в чем вопрос...» // Вопросы ономастики. 2012. № 1. С. 112–115.
2. Лебедев В. К. «Так вышло, что я живу в Переделкино», или К вопросу о склонении топонимов // Мир русского слова. 2014. № 2. С. 40–46.
3. Турко У. И. Языковая норма употребления топонимов // Информационно-телекоммуникационные системы и технологии: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Кемерово, 8–10 октября 2020 г.) Кемерово: КузГТУ, 2020. С. 164–165.
4. Шлыкова Л. А. Склонять или не склонять (о правилах склонения топонимов в русском языке) // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2019. № 5. С. 269–272.
5. Костомаров В. Г. Почему нас волнует какого рода *кофе*, но не то, что оно не склоняется? // Русская речь. 2013. № 1. С. 44–50.
6. Федосюк М. Ю. «Недаром помнит вся Россия про день... Бородино», или Почему перестают склоняться топонимы на *-ино*, *-ово* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 333–341. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-333-341>
7. Шаронов И. А. Мода на неизменяемость: история разрастания и современное состояние // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. № 13. С. 340–348.
8. Астен Т. Б., Демченко В. И., Павлютенкова И. В. Падежная вариантность в системе и в тексте // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 164–168.
9. Куликова Э. Г., Акай О. М. Анализация: несклоняемые существительные как фактор межъязыковой лакунарности // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 155–161. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-82-5-155-161>

10. Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. 5-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 399 с.
11. Калауцкая Л. П. О склонении некоторых групп фамилий и личных имён (русских и иноязычных) // Антропонимика / ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. М.: Наука, 1970. С. 26–38.
12. Намитокова Р. Ю. Склонять или не склонять – вот в чем вопрос... // Вопросы ономастики. 2011. № 1. С. 152–157.
13. Волков С. В. Почему РФ – не Россия. Н. Новгород: Чёрная Сотня; Магадан: Новое Время, 2020. 384 с.
14. Щерба Л. В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: хрестоматия научных работ / сост. С. В. Друговейко-Должанская, М. Б. Попов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2019. С. 97–101.
15. Маршева Л. И. Тенденции к анализу, или предпосылки? // Вестник Православного Свято-Тихоновского богословского института. 2004. № 2. С. 49–59.
16. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 144 с.
17. Мучник И. П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М.: Наука, 1971. 300 с.
18. Ильина Н. Е. Изменения в функционировании имён // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 327–335.
19. Панова М. Н. Грамматические трудности русского языка в документных текстах как объект лингвистического описания и преподавания // Язык государственной службы. Лингвистические вопросы теории и практики: сб. мат-лов Междунар. круглого стола. (Москва, 28 мая 2020 г.) М.: Академия ГПС МЧС России, 2020. С. 168–178.

original article

To the Question of Neuter Gender Toponyms' Declension Ending on *-ovo/-evo, -ino/-yno*

Mikhail S. Teikin

North-Eastern State University, Russia, Magadan; <https://orcid.org/0000-0003-3545-3192>; teikin-ms@mail.ru

Received 9 Aug 2021. Accepted after peer review 21 Oct 2021. Accepted for publication 8 Nov 2021.

Abstract: The present paper deals with the issue concerning neuter gender toponyms' declension ending on *-ovo/-evo, -ino/-yno* in Russian language. Until the 20th century, these place names had been changed in cases steadily; in the middle of the century, a tendency outlined not to decline these toponyms despite the valid rule. The researchers highlight three reasons for distribution of this phenomenon: the professional speech of military men and topographers, the influence of non-Slavic indeclinable neuter gender toponyms, the attempt to eliminate the possible confusion of neuter and masculine nouns that have the same basis. The author estimates the reliability of the reasons that toponyms on *-ovo/-evo, -ino/-yno* appeared in indeclinable form, determines the possibility of these reasons to influence on deviation from the normative practice and makes an independent research based on available material. The main factor that strongly fastened in practice the non-declension of toponyms on *-ovo/-evo, -ino/-yno* is the society in which Russian language functioned for the most of 20th century. That was the totalitarian period with its cult of a simple man and orientation on the least educated; this circumstance could not but play in favour for distribution of multiple deviations from the literary norm. In addition, the appearance of numerous toponyms on *-ovo/-evo, -ino/-yno* formed from the surnames of the communist chiefs (*Stalino, Lenino, Kalinino, Ulyanovo, Kuybyshevo*, etc.), in indirect cases, created a dangerous analogy with the Soviet leaders, which could contribute in expansion of non-declension.

Keywords: Slavic onyms, adopted lexicon, totalitarian language, ambiguity in speech, literary norm

Citation: Teikin M. S. To the Question of Neuter Gender Toponyms' Declension Ending on *-ovo/-evo, -ino/-yno*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1074–1085. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1074-1085>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Acknowledgments: The author expresses his gratitude to Nikita Alexeyevich Safronov, linguist and blogger, Moscow, for critical comments that contributed to improving this paper.

References

1. Ageyeva R. A. A reply to R. Yu. Namitokova's article "To decline, or not to decline: that is the question...". *Voprosy onomastiki*, 2012, (1): 112–115. (In Russ.)
2. Lebedev V. K. "It happens so that I live in Peredelkino", or Some aspects of the toponyms' declension. *Mir russkogo slova*, 2014, (2): 40–46. (In Russ.)
3. Turko U. I. Linguistic norm of toponyms' usage. *Information and telecommunication systems and sechnologies*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Kemerovo, 8–10 Oct 2020. Kemerovo: KuzGTU, 2020, 164–165. (In Russ.)
4. Shlykova L. A. To decline or not decline (on the rules for declining toponyms in Russian). *Sovremennye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2019, (5): 269–272. (In Russ.)
5. Kostomarov V. G. Why we worry about the gender of *coffee*, but not why it does not decline? *Russkaia rech*, 2013, (1): 44–50. (In Russ.)
6. Fedosyuk M. Yu. "Nedarom pomnit vsya Rossiya pro den'... Borodino", or Why toponyms ending on *-ino*, *-ovo* stop to be declined. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, (5): 333–341. (In Russ.) <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2019-5-333-341>
7. Sharonov I. A. About the tendency not to decline burrowed nouns in historical perspective and contemporary perspective. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2017, (13): 340–348. (In Russ.)
8. Asten T. B., Demchenko V. I., Pavlyutenkova I. V. Gender / case variability in the system and in the text. *The Caucasus Scientific Thought*, 2010, (1): 164–168. (In Russ.)
9. Kulikova E. G., Akay O. M. Analytization: indeclinable nouns as a factor of interlingual lacunarity. *The Humanities and Social Sciences*, 2020, (5): 155–161. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2020-82-5-155-161>
10. Rozental D. E. *Practical stylistics of Russian language*, 5th ed. Moscow: Vyssh. shk., 1987, 399. (In Russ.)
11. Kalakutskaya L. P. About declension of some groups of surnames and personal names (Russian and foreign). *Anthroponymy*, eds. Nikonov V. A., Superanskaya A. V. Moscow: Nauka, 1970, 26–38. (In Russ.)
12. Namitokova R. Yu. To decline, or not to decline: that is the question... *Voprosy onomastiki*, 2011, (1): 152–157. (In Russ.)
13. Volkov S. V. *Why RF is not Russia*. Nizhny Novgorod: Chernaia sotnia; Magadan: Novoe Vremia, 2020, 384. (In Russ.)
14. Shcherba L. V. Main principles of orthography and their social importance. *Contemporary Russian writing: graphics, orthography, punctuation: scientific works anthology*, comps. Drugoveyko-Dolzanskaya S. V., Popov M. B. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2019, 97–101. (In Russ.)
15. Marsheva L. I. Tendencies for analytism, or premises? *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta*, 2004, (2): 49–59. (In Russ.)
16. Kupina N. A. *Totalitarian language: Vocabulary and speech reactions*. Ekaterinburg-Perm: Izd-vo Ural. un-ta, 1994, 144. (In Russ.)
17. Muchnik I. P. *Grammatical categories of the verb and the name in contemporary Russian language*. Moscow: Nauka, 1971, 300. (In Russ.)
18. Ilyina N. E. Changes in names' functioning. *Russian language at the end of the 20th century (1985–1995)*, ed. Zemskaya E. A., 2nd ed. Moscow: Iazyki russkoi kultury, 2000: 327–335. (In Russ.)
19. Panova M. N. Grammatical difficulties of the Russian language in official documents as an object of linguistic description and teaching. State service language. *Linguistic issues of the theory and practice*: Proc. Intern. round table, Moscow, 28 May 2020. Moscow: Akademiia GPS MChS Rossii, 2020, 168–178. (In Russ.)

оригинальная статья

Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья: принципы создания, структура и возможности использования

Ольга Викторовна Фельде

Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск; <https://orcid.org/0000-0003-4299-7833>; Feldeo@list.ru

Поступила в редакцию 26.10.2021. Принята после рецензирования 22.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Цель – представить концепцию корпуса устных и мультимедийных (поликодовых) текстов традиционной региональной лингвокультуры, под которой понимается гетерогенный лингвокогнитивный феномен, обусловленный пространственными координатами, ценностными доминантами и социальным опытом локального сообщества, а также такими национальными и этнотерриториальными культурными кодами и субкодами, как мифологический, теологический, антропоморфный, биоморфный, бытовой, промысловый и т. д. Предметом исследования являются основные принципы создания Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья (КЛСП), который создается в Сибирском федеральном университете и включает эмпирический материал комплексных фольклорно-диалектологических и этнографических экспедиций в старожильческие районы Северного Приангарья: Кежемский, Богучанский и Мотыгинский. В статье раскрываются основные принципы создания КЛСП – принципы репрезентативности, синхронизма, региональности, тематического, жанрового и функционально-смыслового многообразия устных и поликодовых текстов. Выявляются критерии отбора культурно маркированных (культуроносных) устных текстов для включения в корпус, рассматриваются вопросы их лингвокультурологической информативности. Обосновывается целесообразность структуры КЛСП, который включает в себя диалектный, фольклорный и мультимедийный подкорпуса. Материалы всех подкорпусов содержат ценные сведения для решения различных проблем русистики. Взятые в совокупности, они способствуют решению практических задач экологии лингвокультуры. Технические возможности корпуса позволяют осуществлять поиск по нескольким параметрам: речевому и фольклорному жанру, теме, базовому концепту, слову. Сопоставление типологически значимых характеристик КЛСП с другими специализированными корпусами диалектной речи позволило обосновать его уникальность и наметить перспективы дальнейшего развития и использования в региональной лексикографии и других отраслях русистики при изучении современного состояния традиционной сибирской лингвокультуры, ее базовых концептов и жанров, при многоаспектном исследовании фундаментальных проблем: язык и культура, язык и ментальность.

Ключевые слова: электронный корпус, традиционная лингвокультура, параметры корпуса, устный текст, культуруносный текст, лингвокультурологическая информативность, экология лингвокультуры

Цитирование: Фельде О. В. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья: принципы создания, структура и возможности использования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1086–1095. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1086-1095>

Введение

Современный этап развития русистики характеризуется повышенным интересом к особенностям национальных лингвокультур. Этот феномен изучается в самых разных аспектах: когнитивном, коммуникативном, сопоставительном, семантическом и т. д. [1–8]. Важно отметить, что в последние годы появились работы, посвященные исследованию региональных лингвокультур, в том числе и отдельным фрагментам диалектной сибирской лингвокультуры [9–18]. Как правило, такие исследования выполняются на эмпирическом материале большого числа устных текстов, которые отражают материальную и духовную культуру регионального лингвокультурного сообщества; несут информацию о традиционной лингвокультуре как гетерогенном лингвокогнитивном феномене, обусловленном пространственными координатами, ценностными доминантами

и социальным опытом локального сообщества, национальными и этнотерриториальными культурными кодами и субкодами (мифологическим, теологическим, антропоморфным, биоморфным, бытовым, промысловым и т. д.). Для всестороннего изучения этого феномена необходимо создание текстовых корпусов, которые отражают не только состояние различных форм русского языка в том или ином регионе, но и разные типы культуры.

Фиксация на цифровые носители устных текстов традиционных региональных лингвокультур и создание электронных текстовых корпусов – актуальная задача современного отечественного языкознания. Важность решения этой практической задачи обусловлена возможностью использования материалов электронных текстовых корпусов при рассмотрении разнообразных проблем

в рамках достаточно широкого спектра лингвистических наук. Необходимость корпусной фиксации устной диалектной и региолектной речи, «погруженной в жизнь»: духовную, ритуально-праздничную, производственно-промысловую, бытовую – связана также с необходимостью информационного обеспечения региональной лексикографии, которая в наше время переживает период своего активного развития. Особое значение имеет фиксация и обработка методами корпусной лингвистики культурно-носных текстов, т. е. таких текстов, которые эксплицируют лингвокультурные и аксиологические концепты, содержат информацию о духовной культуре, характере и судьбе лингвокультурного сообщества и его отдельных представителей. Кроме того, следует отметить и лингвозоологическую значимость сохранения для потомков образцов современной устной речи жителей различных краев и областей РФ – представителей разных субэтносов и социальных групп.

Цель статьи – представить концепцию электронного корпуса устных и мультимедийных (поликодовых) текстов региональной лингвокультуры. Предметом исследования являются основные принципы создания, структура и содержание Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья (КАСП)¹. В статье детально описываются принципы отбора культурноносных текстов, предлагается модель фиксации и корпусной трансмиссии ценностных доминант старожильской лингвокультуры. Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании критериев выделения культурно маркированных текстов, в рассмотрении круга проблем, связанных с репрезентацией культурно значимой информации в корпусе устной речи.

Методы и материалы

В процессе создания КАСП использован комплекс методов, направленных на запись устных и поликодовых текстов в полевых условиях, на отбор, кодирование и поиск необходимых данных внутри корпуса. Для программной реализации поставленных задач была использована операционная система CentOS 6.8 – Веб-сервер: Apache – СУБД: mysql. Язык разработки и стили: PHP + JQuery + Bootstrap 4 + CSS. Поиск слов, тем, концептов, типов текстов помогает осуществлять корпусный мессенджер, который автоматически выстраивает список текстов, в которых встречается искомый элемент.

В основу корпуса положены:

- а) материалы диалектологических и фольклорных практик студентов отделения филологии и журналистики Сибирского федерального университета (2014–2018) в Северное Приангарье (Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края);
- б) материалы комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций 2017–2019 гг., осуществленных

- в рамках проекта, поддержанного РФФИ, Правительством Красноярского края, Красноярским краевым фондом поддержки научной и научно-технической деятельности;
- с) записи живой речи вынужденных переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС, сделанные участниками проекта «Ангарский словарь» при поддержке Фонда М. Прохорова (2012–2013) и Президентского гранта на реализацию проекта «Кежемская матёра: код малой родины» (2020–2021);
  - д) фрагменты документальных фильмов о зоне затопления Богучанской ГЭС, которые включают большие по объёму высказывания коренных ангарцев – как переселенцев из затопленных мест, так и коренных жителей Кежемского района, проживающих в настоящее время вблизи от Богучанского водохранилища (г. Кодинск, д. Сыромолотово Кежемского района);
  - е) фрагменты документальных видеосюжетов, снятых местными телевизионными компаниями и сотрудниками Лаборатории «Телевидение СФУ», включающие интервью с коренными ангарцами – жителями Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов;
  - ф) фотографии людей, мест и артефактов, сделанные участниками экспедиций при сборе материала для корпуса.

При отборе материалов для корпусной разметки учитывались следующие критерии: учет этнокультурологической и лингвозоологической миссии корпуса; учет лингво-социокультурной ценности текстов, ориентированность текста на современную этнокультурную информацию; учет функционально-семиотических особенностей текста и его локальной «привязки»; учет коммуникативного фактора; учет жанрового и функционально-смыслового многообразия устных и поликодовых (аудиовизуальных) текстов.

Областные текстовые корпуса, ориентированные на отражение особенностей русских говоров региона и традиционной формы национальной культуры

Одной из ведущих тенденций развития корпусной лингвистики является создание текстовых корпусов, дающих представление о различных коммуникативных практиках с учетом фактора культуры. Такие корпуса создаются во многих странах, в том числе и в Российской Федерации.

Работа над текстоориентированными корпусами русской диалектной речи проводится в научных центрах и лабораториях Саратова, Вологды, Славянска-на-Кубани, Томска, Омска, Красноярска и некоторых других городов. Создаваемые корпуса различаются по своей структуре, архитектонике, объёму, глубине разметки, доступности, типу данных (включают только диалектные тексты; включают, наряду с транскрибированными диалектными текстами, художественные, публицистические, деловые тексты; включают, наряду с диалектными, тексты на просторечии

¹ Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья. Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru> (дата обращения: 24.10.2021).

и на общенародном разговорном языке; включают диалектные и фольклорные тексты; включают / не включают видеозаписи диалектной речи). Объединяет все корпуса так или иначе выраженная установка на отражение различных дискурсов сельского общения и особенностей картины мира носителей традиционной культуры.

Мультимедийный лингвокультурологический корпус русских народных говоров «Русская диалектная речь», который создается в Саратовском университете, включает подкорпус говора куста сел. Мегра Вытегорского района Вологодской области; подкорпус говора с. Белогорное Вольского района Саратовской области и подкорпус говора с. Зеляные Хутора Аткарского района Саратовской области. Основной материал этих подкорпусов – диалектная речь, представленная в виде аудио- и видеозаписей диалектной коммуникации и их аннотированных символьных расшифровок². Создатели корпуса справедливо отмечают, что «изучение диалектной речи на материале текстовых корпусов дает уникальную возможность получить принципиально новую информацию о диалектной коммуникации: о строе диалектной речи, о соотношении различных жанров в составе диалектной коммуникации, об особых приемах раскрытия темы, о когнитивных особенностях диалектного общения, об особой картине мира, реализуемой в этом общении и т. д.» [19]. Для построения лингвокультурологической модели общения составителями данного мультимедийного корпуса делается акцент на социокультурных условиях бытования говора. Для этого приводятся сведения исторического и демографического характера, графические изображения. В настоящее время в открытом доступе находятся только материалы, подробно освещающие теоретико-методологические основы создания данного корпуса, а также образец XML-разметки.

Лингвокультурологическая направленность корпуса вологодских текстов «Жизненный круг» по замыслу его создателей выражается в иерархии тематических модулей, эксплицирующих концепты *Труд* и *Игра* (например, концепт *Игра* представлен текстами, которые объединены в модули *Детские игры*, *Развлечения молодежи*, *Свадьба*, *Календарные праздники*), что позволяет получить достоверную информацию об особенностях жизни, материальной и духовной культуры севернорусского крестьянина. Всего в данном корпусе на момент отчета перед грантодателем было размещено более 160 часов аудио- и видеозаписей речи более 200 информантов – носителей традиционной культуры [20, с. 73; 21]. В настоящее время на сайте Института

социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета находится открытая электронная база данных «Говор северной деревни», которая включает, наряду с текстами, фотоархив, аудио- и видеозаписи, словарь, в котором приведены дефиниции некоторых диалектных с приведением минимального контекста в иллюстративной части³. Статистические данные (число размещенных текстов, количество словоупотреблений) в данном корпусе не приводятся.

Принцип этнолингвистического представления локального варианта традиционной культуры является основным в Электронном корпусе диалектной культуры Кубани, который создан сотрудниками Лаборатории региональной и компьютерной лексикографии СГПИ (Славянск-на-Кубани). Тексты группируются по подкорпусам: Бытовая культура; Народные верования; Обрядовая культура; Песенное творчество; Промысловая культура; Ремесла, искусство; Семейный уклад и др., которые призваны достаточно полно отразить картину мира населения западной части Кубани⁴. В настоящее время в статусе «подключен» находятся подкорпуса *Народные верования* и *Обрядовая культура*. Материалы этого корпуса нацелены на то, чтобы дать представление о «структурно-семантическом своеобразии тематического лингвокультурного дискурса», отразить разные формы культуры и ценностные установки местного населения [22]. На основе Электронного корпуса диалектной культуры Кубани был составлен гипертекстовый мультимедийный словарь традиционного кубанского дискурса «Свадебный обряд Кубани»⁵, макро- и микро-структура которого были разработаны Е. Н. Трегубовой и М. В. Емельяновой [23], а также ряд других словарей.

Текстоцентричная форма представления материала говоров Среднего Приобья характерна для создаваемого в настоящее время Томского диалектного корпуса (ТДК)⁶, который нацелен на «системное представление диалекта в его дискурсивно-жанровом разнообразии» [24, с. 41]. Ориентацию данного корпуса Е. В. Иванцова определяет как лексико- и текстоцентрическую. Именно такой подход к формированию корпуса позволяет рассматривать его материалы в качестве «когнитивного ключа» для постижения народной ментальности [25]. В настоящее время данный корпус активно пополняется, но уже и сейчас он представляет собой один из самых репрезентативных корпусов русской областной речи. В нем размещено 3248 текстов разного объема и жанра, 2918680 словоупотреблений⁷. Для сравнения: в диалектном подкорпусе Национального

² Кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики СарГУ. Режим доступа: <http://sarteorlingv.narod.ru/projects.htm> (дата обращения: 24.10.2021).

³ Говор северной деревни. Режим доступа: <https://borbushino.vogu35.ru/> (дата обращения: 24.10.2021).

⁴ Диалектный корпус. Режим доступа: <https://ethnolex.ru/kubdk/> (дата обращения: 24.10.2021).

⁵ Словарь «Свадебный обряд Кубани». Режим доступа: <https://ethnolex.ru/slovariglav/18-l-r/31-slovsvkub.html> (дата обращения: 21.10.2021).

⁶ Томский диалектный корпус // Лаборатория общей и сибирской лексикографии НИ ТГУ. Режим доступа: <http://losl.tsu.ru/corpus> (дата обращения: 24.10.2021).

⁷ Там же. Режим доступа: http://losl.tsu.ru/?q=corpus/tech_info (дата обращения: 24.10.2021).

корпуса русского языка – 1080⁸. Пользователи ТДК могут осуществлять информацию по слову, теме, жанру, типу (ситуативное вкрапление, ответы на вопросники, диалог диалектоносителей, полилог, реплика, прецедентный текст, религиозный текст, пересказ разговора, деловые бумаги, школьные тетради).

Электронный текстовый КАСП органично вписывается в круг областных корпусов русского языка, реализуя ряд принципов, которые определяют современное состояние отечественной корпусной лингвистики. Оригинальным является привлечение в качестве объектов научного исследования современного фольклорного репертуара и устных текстов, отражающих особенности мировидения и спонтанной речи жителей Северного Приангарья – представителей разных поколений, социальных групп, носителей разных типов речевой культуры.

Принципы создания и структура Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья

К созданию электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья филологи Сибирского федерального университета приступили в 2017 г. В настоящее время он находится в стадии пополнения контента. КАСП включает три подкорпуса:

- 1) диалектный (с ареальной, тематической, жанровой и лексической разметкой)⁹;
- 2) фольклорный (с ареальной, жанровой, сюжетно-мотивной разметкой)¹⁰;
- 3) мультимедийный (с ареальной и жанровой разметкой)¹¹.

Основная направленность корпуса – этнолингвистическая и лингвоэкологическая. Он призван зафиксировать для потомков традиционную лингвокультуру большого сибирского региона, которая в настоящее время переживает период серьезных трансформаций, нуждается в сохранении и в трансмиссии ценностных доминант лингвокультурного сообщества ангарцев в русское интернет-пространство. При создании корпуса учитывались принципы лингвоэкологичности, репрезентативности, наглядности, синхронизма, региональности, коммуникативности, жанрового и функционально-смыслового многообразия устных и поликодовых текстов.

По типу данных КАСП – устный; по числу языков – одноязычный (русский); по критерию литературность / нелитературность – смешанный (включает диалектные, региолектные, просторечные тексты, а также тексты на общенародном обиходном языке); по временному критерию – синхронический (включает только современные

тексты); по назначению – универсальный (исследовательский и иллюстративный); по прагматической направленности – ориентированный на отражение и сохранение текстов традиционной культуры, на репрезентацию современного языкового состояния и фольклорной ситуации в Северном Приангарье; размеченный; доступный в сети Интернет всем пользователям.

Материалы в корпусе размещаются в орфографической записи, с отражением характерных фонетических и морфологических особенностей (*яшишук, Рожество, возму, вредна продукта*). Фонетическая информация может быть также получена из аудио- и видеофайлов, размещенных в мультимедийном подкорпусе. В перспективе каждая размещенная там видео- и аудиозапись будет сопровождаться символическими расшифровками.

Составители корпуса стремятся к максимально полному отражению экстралингвистической информации. В КАСП приводятся сведения об истории Кежемского, Богучанского и Мотыгинского районов, этническом составе населения, времени возникновения населенных пунктов, числе их жителей. В разделе *Библиотека* размещаются опубликованные работы по истории и культуре исследуемых районов и отдельных населенных пунктов. Большой раздел мультимедийного корпуса занимают фотографии информантов (информация размещена с их согласия); фотографии обследованных населенных пунктов, различных типов построек, артефактов, а также пейзажные снимки. Наведение курсора на фотографию позволяет увеличить ее размеры и получить минимальные сведения об изображении¹². Размещение графического материала способствует реализации принципа наглядности и дает пользователю более полное представление об условиях жизни и быта ангарцев.

Принцип репрезентативности обеспечивается не только за счет постепенного увеличения объема корпуса, но и за счет тщательной выборки загружаемых в корпус текстов.

При отборе текстов для включения в корпус была сделана установка на их культурологическую и лингвистическую информативность.

Основные критерии отбора вербальных и поликодовых (аудиовизуальных) текстов

Учет этнокультурологической и лингвоэкологической миссии корпуса

КАСП призван, как уже отмечалось, не только отразить современную духовную и материальную культуру, мировидение сибиряков-ангарцев, но и сохранить образцы живой современной региолектной и диалектной речи,

⁸ Статистика корпуса // Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/corpora-stat.html> (дата обращения: 24.10.2021).

⁹ Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=dialect#>

¹⁰ Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=folklor#>

¹¹ Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=multiabout#>

¹² Режим доступа: <http://angara.sfu-kras.ru/?page=gallery-b#> (дата обращения: 24.10.2021).

фольклора жителей территории, которая в настоящий момент переживает серьезные социально-экономические и социокультурные изменения, вызванные пуском Богучанской ГЭС (последний агрегат был введен в эксплуатацию в 2014 г.), а также планами строительства Нижнебогучанской, Мотыгинской и Стрелковской ГЭС с неизбежным затоплением старожиловских населенных пунктов, расположенных по берегам низовья Ангары.

Учет лингвосоциокультурной ценности текстов

Показателем такой ценности является наличие в тексте элементов содержания, которые позволяют получить представление о мировидении, нравственных установках, традиционном жизненном укладе старожилов Северного Приангарья. Приведем в качестве примера один из таких текстов: *Да, чтобы создать крепкую семью, не зря такая есть мудрость, что жизнь прожить – не поле перейти. И прожить жизнь так, чтобы, во-первых, хоть и вот действительно я... Как у меня получилось в жизни, что он пил, и я как бы себя возвышала, гордилась, гордость зато у меня была, он... Ну, у меня было как-то: ну, он пьет, и я не хотела с ним жить. И вот это всё меня испортило, что он всё был пьян, а я вот как бы с такой гордостью, что всё, я развожусь, я выезжаю. И потом со временем в жизни понимаешь, что это гордость, даже это и в Библии написано: «Гордым Бог противится». Такие слова в Библии есть: «Гордым Бог противится». И чтобы была в семье любовь и взаимопонимание, нужно понять, что муж – глава семьи. Муж глава семьи! И не говорит о том, что ты прям за ним ходи и там для него, и только его, и... Должно что-то быть и в женщине немножко! Но чтобы всегда был в подчинении муж в семье – это нет. Муж глава. Муж по Библии глава. А мы, мы хранительницы очага, мы должны воспитывать детей, на кухне готовить. Естественно, когда ты будешь сама, муж будет видеть твоё внимание, твою любовь твою такую вот, понимание и не возвышение – ничего. Он тебя будет любить, сильно любить, и будете как бы жить в гармонии и жить в любви. Ну вот мне мешала-то всегда гордость потом по жизни. И сейчас я ещё могу вспылить, хотя это нельзя, вообще нельзя! Но намного я стала смиреннее, конечно, я вижу, что в этом и руку Бога. Но надо всегда помнить, что муж глава семьи (Кеж.: Яркино, 2018).*

Ориентированность текста на современную этнокультурную информацию

В корпус отбираются тексты, записанные с 2012 г. по настоящее время, отражающие актуальные события и базовые ценностные установки ангарцев на природолюбие, отчизнолюбие, христианскую веру: *ГЭС построить для народа. Для этого ГЭС построим, а этот уничтожим. Ну, так получатся. Этих переселим мы, как уничтожим. Оне вымрут, вот сейчас за пять лет, все вымрут люди, потому что со скуки умрут. Переселение..., я считаю, тут много говорить не надо. Кто это пережил, тот поймёт, а кто не пережил,*

тот и не поймёт. Ему и не понять. Вот сейчас по радио послушаешь про продукты – не единый продукт не годно есть, которые его проверяют. Конечно, который делает, ему лишь бы продать, да деньги взять. Так. Ему хорошо. А тот, кто его ест? Одного ещё не понятно, все хочет сделать подделку, и все живём в одной стране и все друг у друга это покупаем. Ну давай делать все подделку, не естественно, всё ядовито. И мы сами себя искореним. Так? Ты мою подделку возмёшь, я волей-неволей твою подделку возму. Ты шубы шьёшь, я продукты делаю. Я в твоей шубе поехал и замёрз. Она, оказывается, до плюс пятнадцати, а не до минус сорока оказалась. Так? Потому что подделка. Я замёрз в лесу в ней. Ты мои продукты съела – тоже умерла. Вот и всё. Вот и доживам. Не знаю, конечно, всем миром, всей страной руководить – это не проста проблема. Но уничтожать то, что растёт и то, что природа, это, конечно, нельзя. Моё-то решение тако, а там дале-то, кто знает, меня-то никто не спрашивает, как. Ну, вот видите, как мы живём, как деревня живет? Как мы тут в лесах живём? Хорошо? Хорошо! Да я думаю, если бы жили, не уничтожая всё это, леса и всё, жили бы ещё лучше, чем, как сейчас. Конечно, каждый по-своему. Тут по радио слушаю, передача: химик какой-то ли кто он там, ну по нефти он работает какой-то там высокой человек. Он говорит: «С нефти сейчас мы будем делать, основна продукта будет... с нефти, продукта». Я сначала думал – я ослышался, он ишо раз повторил. Это, говорит, воровство, что мы нефть пускам на бензин, ну всё типа, это, ну, уничтожам. Можно делать миллионы продуктов из нефти, не знаю. У меня аж! Я думал, неужто так можно на самом деле? И вот по радио услышал – точно. Продукты делать с нефти! Где, в какой книге написано, что давайте нефть сажать будем, из неё огурцы есть, ли ково ли. Я согласен, что, может, там како удобрение из неё сделать. Но делать явно продукт с нефти? Я это понять не могу. А по ихнему-то «цивилизация»! Давайте это всё уничтожим, нефть будем добывать, продуктов будет полно. Вот оне как думают. Не получится никак! Если в Библии сказано, что сей и жни, только вовремя, и будет у тебя всё в изобилии, вот надо сеять и жать, а не из нефти придумывать (Кеж.: Яркино, 2012).

Учет функционально-семиотического фактора и локальной отнесенности текста

В корпус включены тексты, которые отражают современное функционирование русского языка на территории Северного Приангарья, т. е. передающие особенности таких функционально-семиотических подсистем национального русского языка, как территориальный диалект (старожиловские ангарские говоры), ангарский региолект, региональное просторечие, разговорный вариант общенародного разговорного языка. При отборе текстов предпочтение отдается культурноносным диалектным и региолектным текстам. Как справедливо отметила О. Ю. Крючкова, «рассказы диалектоносителей, обиходно-бытовое общение

на диалекте, диалоги сельских жителей с представителями иной социокультурной среды – важнейший транслятор традиционной народной культуры. Если такие лингвокультурные феномены, как устное народное творчество, системы обрядов и ритуалов, представляют культурную традицию скорее в ее диахронном срезе, сохраняя и транслируя в символически обобщенном и эстетически обработанном виде сложившиеся на протяжении длительного времени элементы мировидения и миропонимания, то актуальная этнокультурная информация (современная картина мира носителей репрезентирована прежде всего современной диалектной речью, в которой в виде актуализованного знания могут также объективироваться и элементы других семиотических систем, параллельно существующих в данном социуме и в сознании его представителей» [26, с. 67–68]. В корпус включены исключительно тексты, записанные на территории Северного Приангарья, а также от недавних старожилов Приангарья – переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС в города Красноярск, Сосновоборск, Саяногорск, Дивногорск. Такие тексты помечены звездочкой с указанием реального места и времени записи, а также населенного пункта Кежемского района, откуда был переселен информант: Сосновоборск ← Кеж.: Паново* 2012; Красноярск ← Кеж.: Кежма*, 2013; Дивногорск ← Алёшкино*, 2013 и т. д. Поисковая система корпуса позволяет искать тексты, отражающие тексты 12 населенных пунктов Кежемского района, 36 сел и деревень Богучанского района и 22 – Мотыгинского.

Учет коммуникативного фактора

В корпус включаются тексты спонтанной устной речи, записанные в условиях направленных интервью и включенного наблюдения за речью старожилов Северного Приангарья. Поисковая система КАСП позволяет выделить в массиве текстов диалектного подкорпуса такие виды устной речи, как монологи, диалоги, полилоги. Фольклорные тексты приводятся с приведением максимально широкого разговорного контекста.

Учет жанрового и функционально-смыслового многообразия устных и поликодовых (аудиовизуальных) текстов

В корпусе размещаются тексты различных речевых и фольклорных жанров. Поисковая система диалектного подкорпуса позволяет искать: 1) тексты повествовательного характера; 2) тексты-рассуждения, 3) тексты описательного характера. Лингвистическую и этнолингвокультурологическую ценность материалов корпуса обеспечивают включение таких жанров, как 1) устный рассказ; 2) разговор, беседа; 3) интервью; 4) реплика. Среди рассказов преобладают устные нарративы – монологические тексты повествовательного характера, обладающие сюжетом (автобиографические нарративы, охотничьи нарративы, нарративы о несчастных случаях, путешествиях и т. д.),

а также мемораты – разновидности устного нарратива, воспоминание о том, чему был свидетелем, что пережил сам рассказчик (например, мемораты о знакомстве с будущим мужем, о службе в армии, о работе в колхозе и т. п.). Особое место среди меморатов занимают т. н. суеверные мемораты (о встречах человека со сверхъестественными существами: с нечистой силой, домовым, лешим, русалкой и т. п., а также со сверхъестественными явлениями). Они содержат информацию о культурных архетипах, национальных особенностях мировоззрения, а также о существующих в культуре правилах и запретах.

Высокой степенью лингвокультурологической содержательности обладают тексты, в которых комбинируются рассуждение, повествование и описание, поэтому они достаточно частотны в корпусе. Приведем в качестве примера один из них: *А вот святую водичку обязательно надо иметь. Я бы вам налила, но вы не повезёте ведь. Вот, кстати, святая вода, она очень много лет будет стоять. У меня мама, они вот жили недалеко, на Ленина дом. Потом брат у меня умер, он там жил. И я его <дом> продала. Ну, он старинный. Когда они там в 50-м году его строили и потом ремонт затеяли, и мама говорит: «Я, – говорит, – не помню, когда эту святую воду набрали». В общем, три банки святой воды трёхлитровки прямо крышками закрыты всё стояли в подполье. Стояли, это я не знаю, ну, мож лет двадцать стояли, даж вот так вот. И в 1972 году, наверно, они стали ремонт делать, фундамент подводить, и дом подымали. Дом подняли, когда ж эти банки-то открылись. Они прямо даже там землей присыпанные уже были маленько. А она вот прозрачна, как слеза, вода. И мы открыли, я сама лично. Мы открыли банку одну. Мама сразу полила там в огороде всё ней, значит. Потому что каждый год воду эту набирают. И всё она говорит: – Я даже забыла, – говорит, – я не знаю, ну, лет двадцать, наверно, точно стояла. И мы открыли её и попробовали, а она вот прозрачная, как слеза, и вкус, как будто она вот вчера вот взятая и налитая. Ни даже ни осадочка, ни дёнышка, ничё, прозрачная, как слеза, почему и называет святой водой. И силу имеет она. Вот обязательно силу имеет она хорошую (Бг.: Богучаны, 2017).*

Тексты диалогического и полилогического характера также включаются в корпус. Среди них преобладают т. н. информативные и предписывающие разговоры – виды диалога или полилога, когда первая реплика представляет собою вопрос, а вторая – подробный ответ на него (например, разговор о рецептах приготовления того или иного блюда или о том, какие приметы следует соблюдать охотникам и рыбакам и т. п.). Например: – *Расскажите, пожалуйста, о том, какие приметы следует обязательно соблюдать таёжнику [Собир.]. – Ну-от, о разных приметах, допустим, да. Вот как тот же денисовский дед говорил мне. Заходишь, там, в чужую избушку, там переночевать надо, обязательно спросить, сказать: «Батюшка хозяин, пусти переночевать». Что там... домовый же там... В избушках тоже есть. Вот тогда он мешать тебе не будет там, да, он спокойно тебе*

даст переночевать. Вот собака если не лает, особенно молодые собаки, ну, по следу, вроде идёт, идёт, а вот он и не стоит, и не лает. Вот... Вот это вот... На берёзах такая берёста, если са-а-а-амый верхний слой такой, она тоненькая-тоненькая, так, на ветру так всё шуришит, так колеблется. Вот надо еду вот с этой берёстой заваривать и дать... давать собаке, тогда, вроде как она будет лаять. Такая вот примета. Если ружьё мажет... Вот, мажет ружьё – мушку выкручивают, в костре пожгут её, опять вкрутят, вот всё – наладилось ружьё. Вот, на рыбалке... Через снасть ни в коем случае переступать нельзя. Иначе ловить не будет. То есть, пес... Через сеть, там, через ... да хоть через что, чё ж, любую снасть... Не переступают! И обратный случай, от... У нас две рыбки были. Тётки. Бабушки. Они даже официально в госпромхозе как рыбаками были. И оформлены. Дак вот, вроде про них рассказывали, что так вот ставят там или плавяжом идут. Ну вот не ловит сеть, не ловит, не ловит, не ловит... Сеть, значит. Вроде как нормальная, хорошая сеть – не ловит. Они её вытаскивают на берег, на остров, кладут на землю, потоптались там, помочились на неё, значит, то есть полное пренебрежение к сети. Ставят – всё, ловить начала. Вот такая, значит, примета. (Мт.: Мотыгино, 2016).

Учет тематического принципа

В КЛСП принят тематический принцип отбора текстового материала. На этапе отбора тексты группируются по макротемам:

1. Материальная культура.
2. Духовная культура.
3. Социальная жизнь.
4. Семья.
5. Природа и человек. Свои и чужие.
6. Прошлое и настоящее.

Каждая из макротем включает множество тем и микротем, список которых постоянно пополняется. Корпусный мессенджер позволяет осуществлять поиск текстов

на определенную тему, например: Богучанская ГЭС, Быт и домашнее хозяйство, Вера, Детство, Народная педагогика, Народная медицина и т. д.

Заключение

Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья, создание и дальнейшее совершенствование которого относится к числу важнейших задач красноярских филологов, является неотъемлемым звеном сохранения, изучения и трансляции традиционной русской сибирской лингвокультуры. Материалы всех подкорпусов КЛСП содержат ценные сведения для решения различных проблем русистики. Взятые в совокупности, они способствуют решению практических задач экологии лингвокультуры. Технические возможности корпуса позволяют осуществлять поиск по нескольким параметрам: речевому и фольклорному жанру, теме, базовому концепту, слову.

Реализация избранных принципов позволяет создавать корпус, материалы которого обладают высокой степенью лингвокультурологической информативности, доступны всем пользователям Интернета для решения различных научных, учебных и социокультурных задач.

Материалы Электронного текстового корпуса лингвокультуры Северного Приангарья найдут применение в коммуникативной диалектологии, лингвокультурологии и этнолингвистике; они представляют ценность для исследования различных дискурсов, а также для анализа фольклорной и постфольклорной ситуации в регионе. Особую ценность материалы корпуса имеют для создания мультимедийного словаря лингвокультуры Северного Приангарья, завершение работы над которым входит в ближайшие планы автора.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Когнитивные категории лингвокультуры // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 146–147.
2. Брагина Н. Г. Тематический классификатор «Русская лингвокультура в сопоставлении с другими лингвокультурами»: принципы составления // Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте: сб. мат.-лов I Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14–16 февраля 2018 г.) М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 53–54.
3. Газизов Р. А. Коммуникативные табу в немецкой лингвокультуре // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8. С. 37–40.
4. Григорьева Н. О. Проекция лингвокультуры: эргонимы в коммуникативном пространстве города // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 142–145.
5. Малахова С. А. Семантика обиды в русской лингвокультуре // Альманах современной науки и образования. 2010. № 6. С. 174–176.
6. Монгилева Н. В. Нарративные схемы лингвокультуры // Вестник Челябинского университета. 2019. № 6. С. 107–114. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10614>
7. Павлова А. В. О некоторых особенностях категории «вежливость» в разных лингвокультурах // Известия Юго-Западного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9. № 2. С. 82–87.

8. Савинова А. В. Ассоциативные характеристики категории «дисциплинированность» в русской, английской и японской лингвокультурах // Гуманитарные исследования. 2011. № 4. С. 145–154.
9. Банкова Т. Б., Угрюмова М. М., Агапова Н. А. Константы русской народной культуры: языковые воплощения. Томск: ТГУ, 2017. 200 с.
10. Банкова Т. Б., Васильковская А. А. Костюмный код в диалектной лингвокультуре: определение понятия (на материале говоров среднего Приобья) // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2019. № 7. С. 48–54. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-7-48-54>
11. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Воспоминания о дедушках и бабушках в структуре автобиографического рассказа (на материале речи жителей сибирских сёл) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 13–22. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/2>
12. Вязовикина О. В. Ангарский охотничий нарратив как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 1. С. 135–138. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.26>
13. Демешкина Т. А. «Ссылака» как феномен сибирской лингвокультуры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 34–46. <https://doi.org/10.17223/19986645/56/3>
14. Жигачева Е. С. Концепт Байкал в региональной лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2015. 274 с.
15. Смирнов Е. С. Концепт «ссылыные» в ангарской лингвокультуре // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 3. С. 217–222. <https://doi.org/10.21603/20788975-2018-3-217-222>
16. Смирнов Е. С. «Свои» и «чужие» в традиционной лингвокультуре Северного Приангарья: на материале устных текстов конца XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2020. 23 с.
17. Юрина Е. А., Авраменко О. В. Когнитивные основания интерпретации метафорического образа в разных лингвокультурах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 1. С. 63–74. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.5>
18. Фельде О. В. Устный текст как транслятор старожильской лингвокультуры Северного Приангарья // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 55–76. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0380>
19. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. Электронный диалектный корпус как новый источник изучения русских народных говоров // Язык и культура в России: состояние и эволюционные процессы: мат-лы Междунар. науч. конф. (Самара, 24–27 октября 2007 г.) Самара: СамГУ, 2007. С. 385–390. Режим доступа: http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/isto4nik_izu4enia.html#ftn0 (дата обращения: 21.10.2021).
20. Драчева Ю. Н., Морозова И. В. Мультимедийный корпус региональных текстов «Жизненный круг»: к проблеме архитектоники оболочки // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3. С. 72–75.
21. Громыко С. А., Драчёва Ю. Н., Зорина Л. Ю., Ильина Е. Н. Словесная культура России и региона в проблематике филологических исследований: отчёт о работе по проектам, финансируемым РНГФ / РФФИ в 2016 году // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2. С. 100–105.
22. Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Кубанский диалектный корпус: принципы построения и программное обеспечение // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Вып. 12 / под ред. В. В. Дубичинского, Т. Ройтера. Харьков: Підручник НТУ «ХПІ», 2011. С. 66–71.
23. Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Гипертекстовый мультимедийный словарь лингвокультурного дискурса // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и мат-лы II Междунар. конгресса исследователей русского языка. (Москва, 18–21 марта 2004 г.) М.: МГУ, 2004. С. 472–473.
24. Резанова З. И. Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: типологически релевантные параметры сбалансированности и репрезентативности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1. С. 38–50. <https://doi.org/10.17223/19986645/33/4>
25. Иванцова Е. В. Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспектива развития // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 54–70. <https://doi.org/10.17223/22274200/11/4>
26. Крючкова О. Ю. Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров // Славянский альманах. 2010. Т. 2009. С. 67–84.

original article

Electronic Corpus of Linguaculture of the Northern Angara Region: Foundations, Structure, and Application

Olga V. Felde

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-4299-7833>; Feldeo@list.ru

Received 26 Oct 2021. Accepted after peer review 22 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: Linguaculture is a heterogeneous linguacognitive phenomenon that depends on the local area, values, and community, as well as on national and ethno-specific cultural codes and subcodes of mythology, theology, anthropomorphism, biomorphism, household, commerce, etc. The article introduces the linguacultural corpus of the Northern Angara Region that unites oral and multimedia (polycode) texts of traditional regional linguaculture. The corpus is being developed at the Siberian Federal University and includes empirical material of complex folklore, dialectological, and ethnographic expeditions to Kezhemskiy, Boguchany and Motygino areas. The article describes the basic principles of the corpus, i.e. representativeness, synchronism, and regionality, as well as the thematic, genre, functional, and semantic diversity of oral and polycode texts. Culturally marked oral texts are included in the corpus based on their linguistic and cultural informativeness. The corpus is divided into dialect, folklore, and multimedia subcorpora of valuable information, which can solve various issues of Russian studies, as well as practical issues of linguacultural ecology. The information search process depends on several parameters: speech and folklore genre, topic, basic concept, and word. The article also contains a comparative analysis with other specialized corpora of oral speech, which revealed prospects for further development and application. The linguacultural corpus of the Northern Angara Region contributes to regional lexicography and other branches of Russian studies, e.g. Siberian linguaculture, language and culture, language and mentality, etc.

Keywords: electronic corpus, traditional linguaculture, corpus parameters, oral text, cultural text, linguacultural informativeness, ecology of linguaculture

Citation: Felde O. V. Electronic Corpus of Linguaculture of the Northern Angara Region: Foundations, Structure, and Application. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1086–1095. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1086-1095>

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

References

1. Alefirenko N. F. Cognitive categories of linguaculture. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2009, (4): 146–147. (In Russ.)
2. Bragina N. G. The ideographic classifier "Russian linguoculture in comparison with other linguocultures": the basic principles of compilation. *Crossing borders: intercultural communication in a global context: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 14–16 Feb 2018. Moscow: Gos. IRiA im. A. S. Pushkina, 2018, 53–54. (In Russ.)
3. Gazizov R. A. Communicative taboos in German linguaculture. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2011, (8): 37–40. (In Russ.)
4. Grigorieva N. O. Linguocultural projections: ergonyms in communicative space of the city. *Dinamika iazykovykh i kulturnykh protsessov v sovremennoi Rossii*, 2016, (5): 142–145. (In Russ.)
5. Malakhova S. A. Semantics of resentment in Russian linguaculture. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2010, (6): 174–176. (In Russ.)
6. Mongileva N. V. Linguocultural narrative schemes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, (6): 107–114. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10614>
7. Pavlova A. V. About some aspects of the category "politeness" in different linguocultures. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 2019, 9(2): 82–87. (In Russ.)
8. Savinova A. V. Associative characteristics of the category "discipline" in Russian, English, and Japanese linguacultures. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2011, (4): 145–154. (In Russ.)
9. Bankova T. B., Ugryumova M. M., Agapova N. A. *Constants of Russian folk culture: language incarnations*. Tomsk: TGU, 2017, 200. (In Russ.)

10. Bankova T. B., Vasil'kovskaya A. A. Clothing code in dialectal linguaculture (based on the dialectal material of the middle Ob River). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (7): 48–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2019-7-48-54>
11. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Memories about grandparents in the structure of an autobiographical story (on the material of Siberian villages' speech). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, (464): 13–22. <https://doi.org/10.17223/15617793/464/2>
12. Vyazovikina O. V. Angara hunters' narrative as an object of linguistic studies. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(1): 135–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.1.26>
13. Demeshkina T. A. "Exile" as a phenomenon of Siberian linguoculture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, (56): 34–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/56/3>
14. Zhigacheva E. S. *The concept of Baikal in regional linguaculture*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ulan-Ude, 2015, 274. (In Russ.)
15. Smirnov E. S. The concept of the exiled in the Angara linguaculture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (3): 217–222. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/20788975-2018-3-217-222>
16. Smirnov E. S. "Us" and "Them" in the traditional linguaculture of the Northern Angara region: oral texts of the late XX – early XXI centuries. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2020, 23. (In Russ.)
17. Yurina E. A., Avramenko O. V. Conceptual basis for interpretation in different linguocultures. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2021, 20(1): 63–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.1.5>
18. Felde O. V. The oral text as a translator of ancient linguoculture of the Northern Angara region. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2019, 12(1): 55–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0380>
19. Kryuchkova O. Yu., Goldin V. E., Sdobnova A. P. Electronic dialect corpus as a new source of studying Russian vernacular dialects. *Language and culture in Russia: state and evolutionary processes*: Proc. Intern. Sci. Conf., Samara, 24–27 Oct 2007. Samara: SamGU, 2007, 385–390. Available at: http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/isto4nik_izu4enia.html#ftn0 (accessed 21 Oct 2021). (In Russ.)
20. Dracheva Yu. N., Morozova I. V. Multimedia corpus of regional texts "Life circle": to the problem of architectonics. *Cherepovets State University Bulletin*, 2015, (3): 72–75. (In Russ.)
21. Gromyko S. A., Dracheva Yu. N., Zorina L. Yu., Ilyina E. N. Verbal culture of Russia and the region in the field of philological research: projects funded by the Russian Foundation for Basic Research in 2016. *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, 2017, (2): 100–105. (In Russ.)
22. Tregubova E. N., Emelyanova M. V. Kuban dialect corpus: principles of construction and software. *Word and Dictionary. Vocabulum et vocabularium*, iss. 12, eds. Dubichinsky V. V., Roiter T. Kharkov: Pidruchnik NTU "KhPI", 2011, 66–71. (In Russ.)
23. Tregubova E. N., Emelyanova M. V. Hypertext multimedia dictionary of linguacultural discourse. *Russian language: historical destinies and modernity*: Proc. II Intern. Congress of Russian Language Researchers, Moscow, 18–21 Mar 2004. Moscow: MGU, 2004, 472–473. (In Russ.)
24. Rezanova Z. I. "Tomsk regional corpus": typologically relevant parameters of balance and representativeness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, (1): 38–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/33/4>
25. Ivantsova E. V. Tomsk dialect corpus: substantiation of the concept and prospects of development. *Voprosy leksikografii*, 2017, (11): 54–70. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/22274200/11/4>
26. Kryuchkova O. Yu. Dialect corpus as a source of lingua-cultural study of Russian popular dialects. *Slavic Almanac*, 2010, 2009: 67–84. (In Russ.)

оригинальная статья

Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях

Табассом Хакрах Кахнамуи

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Амир Алиасгар Хоссейни

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран

Поступила в редакцию 23.08.2021. Принята после рецензирования 15.11.2021. Принята в печать 29.11.2021.

Аннотация: Категория косвенной эвиденциальности в русском и персидском языках указывает на недостоверный источник информации. Категория адмиративности отражает неожиданную и новую информацию, получаемую участником речевого акта. Вопросительные предложения, как правило, употребляются для передачи категории адмиративности и разных модальных значений. Определить эти значения в русских вопросительных предложениях иногда оказывается сложным для иностранных студентов, изучающих русский язык как иностранный. Актуальность нашего исследования состоит в анализе и сравнении русских и персидских вопросительных предложений и языковых средств, выражающих категорию адмиративности с оттенками модальных значений возможности и побуждения. Научная новизна заключается в отсутствии работ по изучению категории адмиративности в персидском языке, не существует научного исследования, в котором сравниваются категории адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях. Более того, связь адмиративности с модальными значениями возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях не была раньше подробно рассмотрена в подробностях. Цель – показать на языковом материале выражение значений адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях, а также рассмотреть ситуации, в которых это значение выражает чувство удивления говорящего от наличия или отсутствия возможности для осуществления определенного действия. В данной статье мы стараемся указать у субъекта речевого акта на чувство побуждения, которое выражается иногда помимо значения адмиративности в русских и персидских вопросительных предложениях. Задачами нашего исследования являются сравнение категории адмиративности в двух языках и рассмотрение ее в русских и персидских вопросительных предложениях, передающих модальные значения возможности или побуждения. Проанализированы языковые средства, используемые в вопросительных предложениях для передачи вышеназванных значений в двух языках. Полученные результаты могут быть использованы при обучении русскому языку как иностранному с целью интерпретации замысла говорящего. Кроме того, результаты данного исследования могут оказать содействие студентам в восприятии и переводе русских и персидских вопросительных предложений, отражающих значение адмиративности с оценками возможности и побуждения.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, эвиденциальность, вопросительные конструкции, значение возможности, значение побуждения

Цитирование: Хакрах Кахнамуи Т., Хоссейни А. А. Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 1096–1103. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1096-1103>

Введение

Модальность рассматривается с различных точек зрения на уровне предложения или дискурса. На протяжении длительного времени модальные отношения привлекают к себе внимание многих исследователей [1, с. 43; 2–4; 5, р. 105–139]. Большинство лингвистов изучают модальность как функционально-самантическую категорию, которая традиционно воспринимается как отношение высказывания к действительности и говорящего к высказыванию [6, с. 400; 7, с. 321].

Американский лингвист Ф. Боас был первым языковедом, который определил эвиденциальность как универсальную грамматическую категорию, в разных языковых системах обладающую обязательными и необязательными грамматическими формами выражения. На материале

русского языка категорию эвиденциальности рассматривал Р. О. Якобсон [8]. И. А. Мельчук [9], В. А. Плунгян [10], Н. А. Козинцева [11], Г. Лазард [12] и др. изучили языковые средства для выражения значения эвиденциальности в разных языках.

В персидском языке некоторые исследователи рассматривали время и вид глагола в качестве языковых единиц, используемых иногда для выражения значения эвиденциальности [13, р. 86].

Однако, в двух указанных языках не существует особых языковых средств выражения значения эвиденциальности. Это значение указывает на источники сообщения, получаемые говорящим посредством его собственных наблюдений, личного опыта или чужих сведений. Таким образом,

эта категория подразделяется на прямую и косвенную эвиденциальность.

Адмиративность как косвенная эвиденциальность в русском и персидском языках выражает эмоциональные чувства неожиданности у субъектов речевых актов, иногда связана с разными семантическими значениями, например, возможности и побуждения. Мы намерены в этом исследовании рассмотреть и сравнить лингвистические характеристики некоторых русских и персидских вопросительных предложений, используемых для передачи значений адмиративности, возможности и побуждения.

Методы и материалы. Материалом послужили вопросительные предложения из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и произведения персидского художественного творчества В. Фариба «Луна становится полной». Среди всех примеров были выбраны вопросительные предложения, передающие значения адмиративности с оценкой возможности или побуждения. В ходе нашего исследования на основе сопоставительного анализа были изучены психические, ментальные и коммуникативные особенности каждого участника речи с целью выявления лингвистических и экстралингвистических языковых средств выражения указанных семантических значений в русских и персидских вопросительных предложениях.

Результаты

Категория эвиденциальности в области рамочных значений используется для выражения источника информации [11, с. 92]. Участник речевого акта при выражении категории эвиденциальности играет существенную роль. При помощи своего визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания он оформляет источник своего сообщения [14, р. 3; 15; 16, с. 592; 17].

По мнению Н. А. Козинцевой, субъект речевого акта при выражении прямой эвиденциальности указывает на источники информации, извлекаемые из его памяти или его собственных сведений. В данном случае говорящий является уверенным в том, что событие действительно происходит / происходило. Однако косвенная эвиденциальность выражает сведения, полученные «от другого лица (сны, откровения, слухи, догадки, предположения)» [11, с. 92].

Значение эвиденциальности в русском и персидском языках выражается различными языковыми средствами, используемыми субъектом речевого акта. Например, частицы *мол* (миگویند), *де* (миگویند) и т. п. могут употребляться для выражения значения не прямой эвиденциальности: *Мол, можно я пример приведу из нашего с тобой личного опыта?* – *میگویند که میشه من یه مثال از تجربه شخصیمان بزنم؟*. В некоторых случаях спрягаемая форма глагола *говорят* (миگویند) в простых односоставных неопределенно-личных предложениях указывает на значение не прямой эвиденциальности: *Многие говорят, что это великий фильм о Родине* – *خیلیها میگویند که این فیلم بزرگ درخصوص وطن است*. В другом случае безличный глагол *кажется* (به نظر)

می‌رسد) указывает на значение не прямой эвиденциальности [18, с. 88–89]: *Мне вообще кажется, что у Рязанова невозможно сыграть плохо!* – *به طور کلی به نظرم غیر ممکن است که در جوار ریزانوا بد بازی کرد*. В персидском языке, как и в русском, для передачи значения не прямой эвиденциальности можно использовать лексические и грамматические единицы, в том числе односоставное неопределенно-личное предложение *говорят* (миگویند), вводное слово *кажется* (به نظر) и др.

В других случаях в персидском языке форма наклонения глагола играет существенную роль при выражении значения эвиденциальности. Используя форму изъявительного наклонения, говорящий иногда выражает значение прямой эвиденциальности:

دیدم، سهراب چطور فوتبال بازی می کرد [114-115, صفحه 19] – *Я увидела, как Сохраб играл в футбол*.

В то время как форма сослагательного наклонения глагола в персидском языке контекстуально выражает значение не прямой эвиденциальности:

شاید، باران میبارید [114–115, صفحه 19] – *Наверное, пошел бы дождь*.

Видно, что наличие вводного слова *شاید* (наверное) в первом предложении, помимо формы сослагательного наклонения глагола *میبارید* (пошёл бы) в обоих языках, передает суждение участника речевого акта.

Между прочим, по Г. Лазарду, в персидском языке иногда вид глагола в связи с наклонением выражает значение эвиденциальности [12].

Согласно А. Omidvari и А. Golfam, форма совершенного вида глагола в персидском языке указывает на тот момент, когда действие полностью осуществилось, в то время как форма несовершенного вида глагола выражает процессуальное значение. Например, в предложении *علی پاریز را زد* (Али побил Парвиза) говорящий в персидском языке использует глагол в форме совершенного вида [13, р. 70–74] и в то же время указывает на значение не прямой эвиденциальности. В приведенном предложении неясно, откуда субъекту речевого акта было известно, что Али побил Парвиза. Однако при употреблении глагола в форме несовершенного вида [13, р. 72] в предложении *علی پاریز را می زد* (Али бил Парвиза) можно указывать на тот факт, что контекстуально говорящий сам был наблюдателем данного события, т. к. в этом предложении глагол *زدن* (бить) употребляется в форме несовершенного вида. Однако в русском языке невозможно определить ситуации, в которых видовые формы глагола являются главными показателями значений не прямой эвиденциальности.

Противопоставляются субъективные и объективные значения. Объективные значения указывают на действительность, а субъективные модальные значения выражают отношение говорящего к определенной действительности [20, с. 94]. Согласно Ш. Балли, эти элементы называются диктумом и модусом [21, с. 43]. Под диктумом понимается какое-то событие, относящееся к внешнему миру

говорящего: *вот машина* (اینهاش ماشین), или иногда эти события принадлежат к самому субъекту речевого акта: *Меня толкнули* (من را هل دادند). Говорящий как участник речевого акта выражает свою мыслительную операцию: *Здесь хорошо* (اینجا خوب است). Эти операции обозначают иногда наименование субъекта (или предмета): *Девушку зовут Анна* (اسم این دختر آنا است) – или его квалификацию и др.: *Он – учитель* (او آموزگار است). Субъективные значения исходят от самого участника речевого акта (*Я сыграл бы теперь чтонибудь*) или от любого другого субъекта (*Иван Иванович хочет приехать*) [20, с. 94; 22, с. 679, 686].

Необходимо подчеркнуть, что категория эвиденциальности тесно связана с субъективными и объективными модальными значениями. Следовательно, эвиденциальность не только указывает на источник сообщаемого факта, но и лексически, грамматически и интонационно выражает субъективное отношение участника речевого акта к определенному предмету или явлению в действительности.

Субъективное значение или модус в современном русском языке обозначает желание, побуждение и целесобразность говорящего по отношению к осуществлению действия. Объективное значение или диктум в связи с субъективным значением указывает на состояние, ситуацию и действие, наличие которых является необходимым, возможным, неизбежным, нужным для выражения субъективного значения. Между тем объективное значение наблюдается в структуре предикативной единицы, т. к. названное значение образует основу предикативной конструкции [23, с. 373; 24, с. 8–9; 25, с. 234–235]. Уже ясно, что для выражения вышеназванных модальных значений в русском языке используются вводные компоненты *вероятно* (احتمالا), *может быть* (شاید) и др., спрягаемые формы модальных глаголов, частицы и даже инфинитив.

В нашем случае субъективные и объективные модальные значения взаимосвязаны со значением эвиденциальности. Эти значения в русских вопросительных предложениях выражаются лексическими и морфологическими языковыми средствами.

Известно, что вопросительные предложения выражают вопрос и предполагают ответ в русском и персидском языках с помощью порядка слов, вопросительной интонации, вопросительных местоимений *кто* (چه کسی), *что* (چه چیزی), вопросительных наречий *когда* (چه زمانی), *где* (کجا), *как* (چگونه) и вопросительных частиц *неужели*, *разве*, *ли*. Вопросительное предложение в зависимости от его коммуникативной функции и семантической особенности может иногда ожидать ответа на вопрос (*Вы скоро придете?* – شما بزودی میرسید؟) или быть риторическим вопросом без ответа (*За что им меня любить?* – برای چی باید من را دوست داشته باشد?). Кроме того, вопросительное предложение иногда включает в себя отрицательное, утвердительное и побудительное значения [26, с. 371, 372].

Говорящий в качестве языковой личности при выражении вопросительных предложений размышляет, догадывается

или иногда удивляется от того, что случилось, т. е. субъект речевого акта отражает свою эмоциональную реакцию на то, что было сказано.

Адмиративность как один из видов категории непрямой эвиденциальности выражает эмоциональные чувства говорящего. Эта категория отражает модальные значения сомнения, неодобрения и удивления. Субъект речевого акта получает новую информацию о естественном ходе событий. Следовательно, говорящий чувствует интеллектуально-психологическое состояние неожиданности [27, с. 303; 28, с. 151].

Адмиративное значение, как отмечает А. А. Савченко, в разных языках выражается по-разному. Данное значение в некоторых языках выражается морфологическими средствами, а в других – не морфологическими, а лексико-грамматическими фразеологизмами, вводными словами. Вопросительное предложение как синтаксическое средство иногда служит для передачи эмоциональной реакции участника речевого акта на предшествующее высказывание [28, с. 151]. В этом случае с помощью вопросительного предложения говорящий старается получить больше знаний о всех новых событиях и предметах в действительности. Сравните:

1. *Ну как же ты не дик? Чем же объяснить то, что ты вдруг исчез из Москвы?* = Ну как же ты не *можешь* быть диким? Чем же *можешь* объяснить то, что ты вдруг исчез из Москвы?

خب پس چطوری تو وحشی نیستی؟ چگونه توضیح میدهی که ناگهان از مسکو ناپدید شدی؟ = خب پس چطوری تو نمیتوانی که وحشی باشی؟ چگونه میتوانی توضیح دهی که ناگهان از مسکو ناپدید شدی؟

2. *Насколько же это опоздал поезд?* = Насколько же это поезд *мог* опоздать?

چقدر پس این قطار تاخیر داشت؟ چقدر پس این قطار *میتوانست* تاخیر داشته باشد؟

3. *Неужели я скажу ему, что я его не люблю?* = Неужели я *могу* сказать ему, что я его не люблю?

واقعا من بگویم که او را دوست ندارم؟ = واقعا من *میتوانم* بگویم که او را دوست ندارم؟

4. *Я так и скажу?* = Я так и *могу* сказать?

من اینطوری بگویم؟ = من اینطوری *میتوانم* بگویم؟

В данных предложениях легко можно заметить чувство удивления говорящего как субъекта речевого акта. В первом и во втором примерах частица *же* со значением утверждения в сочетании с вопросительными местоимениями *как*, *чем*, *насколько* и наречием *вдруг* указывает на объективное значение возможности. Говорящий в первом примере удивляется от поступка своего собеседника и называет его диким, к тому же субъект речевого акта не может понять, почему вдруг его собеседник исчез из Москвы. Во втором примере контекстуально можно указывать на чувство неожиданности у субъекта речевого акта. Он не ожидал, что поезд мог сильно опоздать. В этом предложении также можно рассмотреть наличие значения невозможно-

сти. Можно подчеркнуть, что в этих примерах значения возможности / невозможности описывается в качестве предпосылок для достижения чего-либо возможного [29, с. 6; 30, с. 119; 31, с. 70]. Кроме того, это значение объясняется как уверенность говорящего в появляющихся в своей голове мыслях о наличии возможных условий для достижения цели [32, с. 205; 33, с. 47]. В третьем примере при наличии частицы *неужели* субъект речевого акта выражает свое эмоциональное чувство удивления, он не может представить, что скажет герою романа, что не любит его. В четвертом примере участник речевого акта при помощи наречия *так* интонационно и контекстуально указывает на отсутствие у него возможности сказать герою романа о том, что случилось. Во всех примерах передаются значения адмиративности и модальное значение возможности.

В персидском языке специальные языковые средства выражения модального значения возможности редко являются предметом иранских исследований [34, с. 143]. Для передачи этого значения на персидский язык больше всего используются модальные слова и модальные глаголы со значением возможности: *میتوان* (можно), *میشود* (можно, возможно), *امکان دارد* (можно, возможно) и т. п. Однако в вышеуказанных примерах для выражения значения адмиративности с оценкой возможности в персидском языке можно использовать вопросительные местоимения *چطوری* (как), *چگونه* (чем), *چقدر* (насколько), частицы *پس* (же), *واقعاً* (неужели) и наречия *ناگهان* (вдруг), *اینطوری* (так). Эти предложения в двух языках могут быть синонимами с конструкциями, в которых эксплицитно функционируют спрягаемая форма глагола *мочь* (*توانستن*) и модальное наречие *можно* (*میتوان*) со значением возможности.

Адмиративность в персидском языке никогда не была предметом исследования лингвистов. На основе нашего анализа эта категория в персидском языке, как и в русском, выражает чувство удивления у говорящего. Субъект речевого акта обычно при наблюдении неожиданных и случайных событий удивляется и использует какие-либо языковые средства. Например, иногда для выражения значения адмиративности в персидском языке используются говорящим вопросительные предложения:

فکرهايت را کرده ای؟ برای چی می روی

– *А, чего она хотела?* = *А чего она могла хотеть?*

چرا متوجه نیستی خانم؟ = چرا نمیتوانی متوجه شوی خانم؟

– *Зачем (почему) вам не понятно, госпажа?* = *Зачем вы не можете понять, госпажа?*

В приведенных персидских вопросительных предложениях значения адмиративности и возможности отражаются говорящим средствами частицы *اما*, вопросительных местоимений *چه* и *چرا* и вопросительной интонации. Они указывают на удивление участника речевого акта. В первом примере он удивляется, т. к. не ожидал такой реакции от героя, т. е. субъект речевого акта не знал, чего хотел герой рассказа. Говорящий в этом предложении думает

о всех возможных предметах, которые могут отвечать на все просьбы героя.

Во втором примере говорящий, используя вопросительное местоимение *چرا*, интонационно и контекстуально выражает свое удивление от того, что случилось. Участник речевого акта считает, что его собеседнику невозможно ничего понять.

Для выражения этих значений в русском языке используются частица *а* (*اما*), вопросительные местоимения *чего* (*چه*), *почему* (*چرا*), *зачем* (*چرا*); присоединительно-усилительный союз *а*, который употребляется в начале вопросительных и восклицательных предложениях для усиления значений адмиративности и возможности.

В следующих примерах субъект речевого акта с помощью вопросительных местоимений *что*, *как* и спрягаемой формы модального глагола *можешь* побуждает своего собеседника пойти в первом примере и задуматься о своем отношении к делу – во втором:

1. *Пошли! Что ты стоишь?* – *برویم! چرا تو ایستاده ای؟*

2. *Как ты можешь относиться к этому серьезно?* – *چگونه میتوانی این کار را جدی انجام دهی؟*

Эти вопросительные конструкции интонационно, помимо значения побуждения, выражают значения возможности / невозможности и чувства удивления участника речевого акта. Таким образом, в этих примерах отражаются значения побуждения, возможности и категории адмиративности, которые в персидском языке, как и в русском, переводятся посредством вопросительных местоимений *چرا* (*что*), *چگونه* (*как*) и спрягаемой формы модального глагола *میتوانی* (*можешь*).

В персидском языке для передачи модального значения побуждения, желания и др. используется повелительное или сослагательное наклонения [35, с. 61; 36, صفحه 381; 37, صفحه 61]. Однако в нашем случае интонационно и при помощи вопросительных местоимений, частицы и т. д. можно отражать значение побуждения в категории 1 адмиративности. Сравните:

2. *فکرهايت را کرده ای؟ برای چی می روی؟*

– *Ты принял решение? Зачем уезжаешь?*

یعنی تو خوشبختی من را نمیخواهی؟

– *Значит, ты не хочешь моего счастья?*

Используя вопросительное местоимение *برای چی*, вводное слово *یعنی*, говорящий в персидских вопросительных предложениях интонационно удивляется и побуждает своего собеседника к какому-либо определенному действию. Эти значения в русском языке передаются посредством интонации, вопросительного местоимения *зачем* (*برای چی*) и вводного слова *значит* (*یعنی*).

Заключение

Вопросительные предложения функционируют как языковые средства для передачи адмиративности и в русском, и в персидском языках. Более того, иногда в зависимости от контекста категория адмиративности связана с неко-

торыми субъективными и объективными модальными значениями, такими как возможность и побуждение. Для выражения удивления говорящего о наличии или отсутствии возможности осуществления действия в русских и персидских вопросительных предложениях можно использовать одинаковые языковые единицы, такие как частицы *же* (پس), *неужели* (واقعا), спрягаемую форму модального глагола *мочь* (توانستن), вопросительные местоимения *как* (چطوری), *чем, как* (چگونه), *насколько* (چقدر), *чего* (چه), *почему* (چرا), *зачем* (چرا) и наречия *вдруг* (ناگهان), *так* (اینطوری). Кроме того, для выражения адмиративности с оценкой побуждения интонационно можно использовать вопросительные местоимения *что* (چرا), *как* (چگونه), *зачем* (برای چی), вводное слово

значит (یعنی) и спрягаемую форму модального глагола *можно* (میتوان). Следовательно, для передачи значения адмиративности в русском и персидском языках можно использовать лексико-грамматические конструкции, выражающие эмоциональное чувство удивления говорящего.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Вклад Хакрах Кахнамуи Табассом в качестве главного автора этой статьи заключается в формировании темы статьи, ее подготовки и написании. Хоссейни Алиасгар Амир участвовал в обсуждении темы статьи, в подготовке примеров и их переводов.

Литература

1. Клочкова Е. С., Евтушенко Т. Г. Особенности реализации модальных значений необходимости и эпистемической возможности в русском и китайском языках // *Litera*. 2021. № 2. С. 42–52. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.34928>
2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // *Исследования по русской грамматике*: Избр. тр. М.: Наука, 1975. С. 53–87.
3. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: URSS, 2020. 200 с.
4. Palmer F. R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 236 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178>
5. Hyland K. Hedging in scientific research articles. Amsterdam-N. Y.: John Benjamins Publishing, 1998. 314 p. <https://doi.org/10.1075/pbns.54>
6. Базоркина Х. Б., Барахоева Н. М. К вопросу о модальных показателях эвиденциальных значений в ингушском языке // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 3. С. 400–402. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-400-402>
7. Астащенко Е. В. Контекстные особенности ирреальной модальности в русском языке // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. № 1. С. 321–326. <https://doi.org/10.26140/bgj3-2021-1001-0076>
8. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя* / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
9. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Морфологические значения. М.: Языки рус. культуры; Вена: Кошелев, 1998. 544 с.
10. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 384 с.
11. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // *Вопросы языкознания*. 1994. № 3. С. 92–104.
12. Lazard G. Le mediatif en Persian // *L'énonciation médiatisée* / ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996. P. 22–30.
13. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: a typological approach // *Language related research*. 2017. Vol. 8. № 1. P. 79–99.
14. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
15. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии* / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
16. Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 591–598. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>
17. Скоробач Н. Ю. Категория эвиденциальности как средство формирования модальности сомнения в текстах публицистического дискурса // *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2020. № 4. С. 134–139.
18. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2005. № 1. С. 86–98.
19. 99–120. صفحه 2. شماره 4. جلد 4. 2020. *تحليل معنایی گواه نمایی در زبان فارسی و گویشهای ایرانی*. <https://doi.org/10.22124/plid.2019.11631.1318>
20. Захраи С. Х. Типы диктальных значений русских падежных форм // *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*. 2005. № 19. P. 93–106.

21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
22. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.
23. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 709 с.
24. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 8. С. 7–12.
25. Эслон П. А. Проблема разграничения модальных значений // Труды по русской и славянской филологии. 1997. № 1. С. 233–248.
26. Современный русский язык / под ред. Е. И. Дибровой. М.: Академия, 2008. Ч. II. 616 с.
27. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2002. С. 303–304.
28. Савченко А. А. Некоторые структуры вопросительных реплик (на материале переводов с французского языка на русский) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 1. С. 151–157.
29. Федорова И. Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет). Калининград: Изд-во КГУ, 2000. 85 с.
30. Зеленщиков А. В. Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 216 с.
31. Будильцева М. В., Денисова А. П. О средствах выражения модальных значений возможности и предположительности в испанском языке в сопоставлении с русским // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2012. № 1. С. 69–79.
32. Перфильева Н. П. «Надежда» как модальная категория // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6. С. 201–211. <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16>
33. Поддубная Н. Н. Специфика реализации категории модальности в комическом тексте (на примере шванка российских немцев) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2. С. 45–54. <https://doi.org/10.17223/19986645/34/5>
34. Тайебианпур Ф., Валипур А. Средства выражения модального значения возможности в персидском языке // ВВ: Филологические исследования. 2014. № 2. С. 129–143. <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2014.2.12190>
35. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
36. غلامرضا ارزنگ. دستور زبان فارسی امروز. تهران. نشر قطره. 1373. 186 صفحه
37. مهدی مشکوه الدینی. دستور زبان فارسی: بر پایه نظریه گشتاری. مشهد. انتشارات دانشگاه فردوسی مشهد. 1366. 240 صفحه

original article

Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation in Russian and Persian Interrogative Sentences

Tabassom Khakrah Kahnamouei

University of Tehran, Tehran, Iran; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Amir A. Hosseini

University of Tehran, Tehran, Iran

Received 23 Aug 2021. Accepted after peer review 15 Nov 2021. Accepted for publication 29 Nov 2021.

Abstract: In Russian and Persian, the category of indirect evidentiality points out to some unreliable source of information. The category of admirativity expresses unexpected and new information gained by the speaker. Such interrogative sentences convey combine admirativity with different modal meanings. Foreign students of Russian often find it hard to distinguish these meanings in Russian interrogative sentences. The authors compared Russian and Persian interrogative sentences and the linguistics tools that reflect the admirative category with an assessment of modal meanings of possibility and motivation. This is the first research of the category of admirativity in the Persian language and the first publication on the comparison of Russian and Persian interrogative sentences, as well as on the relationship between admirativity and modal meanings in Russian and Persian interrogative sentences. The research objective was to perform a comparative analysis of admirativity in Russian and Persian interrogative sentences and to study the situations in which this meaning conveys the surprise of the speaker from the availability or lack of possibility to perform a certain action. In both languages, admirativity can accompany the feeling of motivation in the subject of the speech act. The findings can be useful in teaching Russian as a foreign language.

Keywords: Russian language, Persian language, evidentiality, interrogative structures, possibility meaning, motivation meaning

Citation: Khakrah Kahnamouei T., Hosseini A. A. Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation in Russian and Persian Interrogative Sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(4): 1096–1103. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-1096-1103>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: Tabassom Khakrah Kahnamouei supervised the project, developed the research topic, and wrote the manuscript. Amir Hosseini discussed the research topic, worked with the research material, and translated the examples.

References

1. Klochkova E. S., Evtushenko T. G. The peculiarities of realization of modal values of necessity and epistemic possibility in the Russian and Chinese languages. *Litera*, 2021, (2): 42–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.2.34928>
2. Vinogradov V. V. Modality and modal words in Russian. *Studies in the Russian grammar: Selected works*. Moscow: Nauka, 1975, 53–87. (In Russ.)
3. Lomtev T. P. *Sentence and its grammatical category*. Moscow: URSS, 2020, 200. (In Russ.)
4. Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, 236. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139167178>
5. Hyland K. *Hedging in scientific research articles*. Amsterdam-N. Y.: John Benjamins Publishing, 1998, 314. <https://doi.org/10.1075/pbns.54>
6. Bazorkina Kh. B., Barakhoeva N. M. To the question of modal indicators of evidential values in the Ingush language. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2021, (3): 400–402. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-400-402>
7. Astashchenko E. V. Contextual features of the irreal modality in the Russian language. *Baltic Humanitarian Journal*, 2021, 10(1): 321–326. (In Russ.) <https://doi.org/10.26140/bg3-2021-1001-0076>
8. Jakobson R. O. Shifters, Verbal categories, and the Russian verb. *Principles of typological analysis of different language structures*, comp. Revzina O. G. Moscow: Nauka, 1972, 95–113. (In Russ.)
9. Melchuk I. A. *A course in general morphology. Vol. 2. Morphological values*. Moscow: Iazyki rus. kultury; Vienna: Koshelev, 1998, 544. (In Russ.)
10. Plungian V. A. *General morphology: An introduction to the problem*. Moscow: URSS Editorial, 2000, 384. (In Russ.)
11. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, (3): 92–104. (In Russ.)
12. Lazard G. *Le médiatif en persan. L'énonciation médiatisée*, ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996, 22–30.
13. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: a typological approach. *Language related research*, 2017, 8(1): 79–99.
14. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 480.
15. Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, and admiration. *Evidentiality in European and Asian languages*, ed. Xrakovskij V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632. (In Russ.)
16. Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Multifunctional words of inference and admiration in Russian and Persian exclamatory sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 591–598. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>
17. Skorobach N. Yu. The category of evidence as a means of the development of the doubt modality in the texts of publicistic discourse. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2020, (4): 134–139. (In Russ.)
18. Kobrina O. A. Category of evidentiality: its status and forms of expression. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2005, (1): 86–98. (In Russ.)
19. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in the Persian language. *Persian Language and Iranian Dialects*, 2020, 4(2): 99–120. (In Pers.) <https://doi.org/10.22124/plid.2019.11631.1318>
20. Zahraee S. H. Types of dictal meanings of Russian case forms. *Pazhuhesh-e Zabanha-ye Khareji*, 2005, (19): 93–106. (In Russ.)
21. Bally Ch. *General linguistics and French language issues*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1955, 416. (In Russ.)
22. *Modern Russian language*, ed. Beloshapkova V. A. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 800. (In Russ.)
23. *Russian grammar. Vol. 2: Syntax*, ed. N. Yu. Shvedova. Moscow: Nauka, 1980, 709. (In Russ.)
24. Vaulina S. S. Modality as a communicative category: some debatable aspects of research. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 2013, (8): 7–12. (In Russ.)
25. Eslon P. A. Problem of differing different modal meanings. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii*, 1997, (1): 233–248. (In Russ.)
26. *Modern Russian language*, ed. Dibrova E. I. Moscow: Akademiia, 2008, pt. II, 616. (In Russ.)

27. Lyapon M. V. *Modality. Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: BRE, 2002, 303–304. (In Russ.)
28. Savchenko A. A. Some structures of interrogative (ad)mirative replications (based on the translation from French to Russian). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2012, (1): 151–157. (In Russ.)
29. Fedorova I. R. *The modality of possibility in Russian language (on the material of newspaper)*. Kaliningrad: Izd-vo KGU, 2000, 85. (In Russ.)
30. Zelenshchikov A. V. *Proposition and modality*. Moscow: LIBROKOM, 2010, 216. (In Russ.)
31. Budiltseva M. V., Denisova A. P. The means to express possibility and supposition in Spanish compared to the Russian language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2012, (1): 69–79. (In Russ.)
32. Perfilova N. P. Hope as a modus category. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (6): 201–211. (In Russ.) <https://doi.org/10.15293/2226-3365.1606.16>
33. Poddubnaya N. N. Specificity of modality representation in the comic text of the Russian Germans schwank. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2015, (2): 45–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/34/5>
34. Tayebniapour F., Valipour A. Methods of expressing modal meaning of possibility in Persian language. *NB: Filologicheskie issledovaniia*, 2014, (2): 129–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2409-8698.2014.2.12190>
35. Rubinchik Iu. A. *Modern grammar of the Persian literary language*. Moscow: Vost. lit., 2001, 600. (In Russ.)
36. Arjang A. *The modern Persian grammar*. Tehran: Ghatre, 1994, 186. (In Pers.)
37. Meshkato Dinm M. *Persian grammar: based on the transformational grammar*. Meshhad: Ferdowsi university of Mashhad, 1985, 240. (In Pers.)

Указатель статей, изданных за 2021 г. в журнале «Вестник КемГУ»

	Стр.	№
ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ		
Берман Е. А. Творчество еврейского фольклориста Соломона Хаимовича Бейлина в контексте развития идиш-культуры в СССР (1920–1930-е гг.)	297	2
Бершадская С. В. Гражданский журнализм сибирской провинции начала 1920-х гг. (на материалах СМИ Центрально-Сибирского региона)	306	2
Боброва Л. Ю., Белоусова Н. А. Археологическое наследие с территории Мариинской лесостепи в музеях России	599	3
Головченко Н. Н., Дьяков Н. Р. Сакрализация ландшафта: к результатам рекогносцировочных исследований курганных могильников в окрестностях с. Усть-Калманка	314	2
Ермоленко А. Н., Касенова А. Д., Курманкулов Ж. К. А. Р. Кызласов и проблемы изучения каменных изваяний Центрального Казахстана	613	3
Казьмин В. Н., Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Кадровое обеспечение физической культуры и спорта Кемеровской области в конце XX – начале XXI в.	1	1
Киселева О. В., Малютина А. Ф. История становления градостроительной политики развития малых городов Красноярского края в 1950–1960-е гг.	325	2
Климова О. Г. Библиографические указатели по торговле, купечеству, предпринимательству в Сибири второй половины XIX – начала XX в.: историографический обзор	624	3
Ковтун И. В. Оглахтинско-томские петроглифы Нижнетомского очага наскального искусства	10	1
Колбина Л. М., Осокина А. С. У истоков развития племенного репродуктора медоносных пчел Удмуртской АССР (вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг.)	341	2
Кузьмин О. Ю. Ассимиляция русскими чулымских тюрок в первой половине XIX в. (на примере семьи Колмогоровых – старожилы села Чумай)	20	1
Кузьмин О. Ю. Динамика численности населения села Чумай в XIX – начале XX в.	634	3
Лекаренко О. Г., Гостев К. В. Участие НАТО и ЕС в урегулировании ливийского кризиса (2011–2020 гг.)	350	2
Мажар Ф. Изображения на керамике халафской культуры в Сирии	855	4
Мажар Ф. Планиграфические и архитектурные особенности памятника Тель Саби Абьяд (Сирия)	360	2
Макарчук С. В., Генина Е. С. Межвузовский сборник научных трудов «Сибирь: XX век» (Вып. 1–6. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997–2007) как комплексный историографический источник	371	2
Мамаева Г. Е. Научная деятельность ученого-востоковеда А. А. Семенова в составе Туркомстариса и Средазкомстариса (1921–1928 гг.)	865	4
Мирзабеков М. Я. Отражение женской темы на страницах газеты «Красный Дагестан» в 1920-е гг.	645	3
Мирзабеков М. Я. Трансформация общественного и семейного статуса дагестанки в 1920-е гг.	34	1
Михайлов Ю. И. Нож и пояс: опыт анализа сейминско-турбинского бронзового оружия	44	1
Мишенин С. Е. Источники формирования контингента учащихся Тайгинского техникума железнодорожного транспорта в 1943–1991 гг.	876	4
Морозов Н. М. С Кузбассом связаны судьбы: Николай Самуилович Пенн (К 300-летию Кузбасса)	389	2
Овчинников В. А., Суверов Е. В. Жизнь и деятельность подполковника милиции Алексея Николаевича Овчинникова (1920-е гг. – 1941 г.)	884	4
Подзюбан Е. В. Мезолитические стоянки в верховьях Притоболья	897	4
Подзюбан Е. В. Стоянка Карасор-3 в верховьях Притоболья	52	1
Попова А. Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.)	62	1

	Стр.	№
Потапова Н. А., Бабий А. А. Особая тройка НКВД Красноярского края: к вопросу исполнения приговоров (осень 1938 г.)	911	4
Почеревин Е. В. Развитие сельской медицинской сети в Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.	71	1
Реховская Т. А. Первая мировая война (1914–1918 гг.) и продовольственный кризис в России	396	2
Савельева А. С. Лепешкинский комплекс бронз из могильника тагарской культуры Серебряково I в Мариинской лесостепи (по результатам анализа элементного состава металла)	405	2
Садовой А. Н., Овчинников В. А. Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации: к проблеме организации мониторинга	80	1
Филиппенко О. В. «Люди плачут, а меня смех берет»: протестная реакция спецпоселенцев Томской области на смерть И. В. Сталина	920	4
Шевелев Д. Н., Мельник А. Г. Взаимодействие Центра и регионов в период разработки Федеративного договора 1992 г.	95	1
ПСИХОЛОГИЯ		
Адмакина Т. А. Проективные показатели эмоциональной дестабилизации у детей в практике психолого-педагогической экспертизы	105	1
Андронникова О. О., Ветерок Е. В. Практики осознанности в развитии рефлексивности у виктимной личности	652	3
Антипина С. С. Опросник «Типология киберагрессии»: структура и первичные психометрические характеристики	113	1
Баланев Д. Ю., Бредун Е. В. Компромисс скорость–точность как предмет психологического анализа	123	1
Безгодова С. А., Васильева С. В., Микляева А. В. Организация учебного материала видеолекции: психологические критерии и факторы эффективности	415	2
Белашева И. В., Шумакова С. В. Эмоциональные компетенции в структуре параметров психологического здоровья старшеклассников с разной степенью вовлеченности в виртуальные коммуникации	133	1
Белинская Е. П., Столбова Е. А., Цикина Е. О. Массовые информационные запросы в ситуации пандемии COVID-19: психологические детерминанты и особенности	427	2
Бохан Т. Г., Шабаловская М. В., Терехина О. В., Ульянич А. А., Бородич Ю. В., Танабасова У. В. Идентичность как предиктор субъективной оценки качества жизни студентов: кросскультурный аспект	143	1
Браун О. А., Билан М. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. Динамические аспекты трансформации системы идентичностей студентов вузов в процессе обучения	929	4
Бредун Е. В., Ваулина Т. А., Шамаков В. А., Щеглова Э. А. Технологические задачи психологического обеспечения мониторинга действий пользователей в электронной образовательной среде современного вуза	156	1
Волкова О. В., Цветкова О. А., Шадрин А. Ю., Рупека А. В. Актуальные проблемы в сфере психологического здоровья студенчества: вызов пандемии COVID-19	661	3
Воскресенская Н. Г. Готовность молодежи к развитию цифровых компетенций с помощью дистанционных форм обучения	939	4
Долганов Д. Н., Каменева В. А. Реконструкция психосемантического базиса системы межличностных отношений посредством системы ТЕЗАЛ	948	4
Духновский С. В., Забелина Е. В. Особенности отношения к времени у выпускников вузов с разным уровнем субъективного благополучия и оптимизма	673	3
Духновский С. В., Мищенко В. А. Доминирующее психическое состояние и настроение субъектов с разными видами отношения к себе как профессионалу	166	1

	Стр.	№
Кадыров Р. В., Дмитриева О. Б. Моральная травма: современные подходы к определению понятия, этиологии, диагностике и психотерапии	438	2
Кудинов С. И., Кудинов С. С., Кудинов В. С. Особенности отношения к режиму самоизоляции в период пандемии у студентов с разными показателями ответственности и ценностных ориентаций	174	1
Лукьянов О. В. Психология от конца к началам	447	2
Микляева А. В., Проект Ю. А., Хороших В. В. Мета-аналитическое исследование ценностного самоопределения российского студенчества на различных этапах информатизации общества	958	4
Морозова И. С., Каменева В. А., Рябова М. Ю., Долганов Д. Н., Гриненко Д. Н. Динамические трансформации содержательных характеристик креативности студентов с различными когнитивными стилями	682	3
Павлова Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Ценностно-смысловое измерение состояния вовлеченности: опыт эмпирического исследования	691	3
Пузырёва Л. О., Жданова С. Ю. Оценка сформированности биоэтического сознания студентов (на материале обучающихся Пермского государственного национального исследовательского университета)	976	4
Пфетцер А. А. Цифровая образовательная среда как новое пространство становления профессиональной идентичности	985	4
Расина Э. О. Психологические детерминанты, оказывающие влияние на конструирование виртуального образа личности	705	3
Рогачева Т. В. Факторы, влияющие на жизнеспособность людей с инвалидностью, перенесших COVID-19	717	3
Скорова Л. В., Качимская А. Ю., Якушева Ю. А. Диагностический ресурс кейс-метода в оценке готовности будущих педагогов к обеспечению психологической безопасности	456	2
Солдатова В. И., Яницкий М. С., Серый А. В., Фомин А. Г. Текст как средство дистанционного психологического консультирования: язык и смысловое содержание тематических блогов	729	3
Тузлукова А. В. Особенности стратегии конкуренции у работающих субъектов с Я-ориентированной и ориентированной на других перфекционистской направленностью	183	1
Федотова В. А. Адаптация иностранных студентов в России в связи с их культурной принадлежностью	1002	4
Цариценцева О. П., Елфимова М. М. Особенности переживания жизненной ситуации, обусловленной пандемией COVID-19, в контексте жизнестойкости личности	191	1
Чижкова М. Б. Личностные факторы адаптации студентов-первокурсников к образовательной среде медицинского вуза	1005	4
Эльзессер А. С., Капустина Т. В., Кадыров Р. В. Психодиагностика экстремистских тенденций личности в образовательной среде	740	3
Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабацук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19	466	2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
Бодриков А. Б. Опыт анализа структуры заимствованного макроконцепта (на примере макроконцепта <i>армия</i>)	750	3
Бочкарев А. И. Антиценностный концепт <i>трусость</i> в комическом дискурсе англосаксонской лингвокультуры	1016	4
Бхатти Н. В., Ковш Е. В., Харитонова Е. Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду)	760	3

	Стр.	№
Воробьева Е. Н. Корпусное исследование простых неинвертированных местоименных вопросительных конструкций в английском языке	477	2
Гимашева Г. М. Концепт как лингвокультурная единица в когнитивной лингвистике: концептосфера <i>Ғаил</i> (Семья) в башкирском языке	202	1
Го А. Отражение семейных отношений в пословицах и поговорках русского и китайского языков (на материале фреймов <i>свекровь – невестка, теща – зять, золовка – невестка</i>)	211	1
Голев Н. Д. О конкуренции акустико-аудиального и мануально-визуального кодов современной письменной коммуникации	1024	4
Дединкин А. А. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука	220	1
Желудкова Е. Г., Пургина К. М. Стратегии и тактики формирования бренда (на материале рекламных слоганов компаний на французском, английском и русском языках)	229	1
Задобрицкая О. Ф., Егорова В. Г. Категоризация политических явлений по образу и подобию вместилища	773	3
Ибраимова Г. О. Структурные особенности символического макроконцепта <i>мать</i> : от первопризнака до символа	782	3
Каменева В. А., Морозова И. С., Рябова М. Ю., Федянина Л. И., Фомин А. Г., Яницкий М. С. Образ Кузбасса через призму антропоморфной метафоры (кейс-стади институционально-административного дискурса министерств региона)	790	3
Кафтан И. И. Артефактные, природные и идеологические символические признаки в структуре концепта <i>счастье</i>	798	3
Ким А. Г., Рафикова Е. А. Истинность / ложность как свойства рекламного дискурса: адресаторно-центрический аспект	237	1
Климова Г. С., Смирнова А. Г. Ассоциативное поле лексемы <i>Инстаграм</i> в репрезентации носителей русского и немецкого языков	486	2
Корогодина И. В., Сазонова А. А. Вербализация аксиологического аспекта образа игрока в новелле С. Цвейга «Двадцать четыре часа из жизни женщины»	494	2
Кравчук Е. Р. Специфика формирования лингвистического имиджа телеведущей в речевых жанрах интервью-беседа и портретное интервью	1032	4
Кузьмина Р. П. Специфика концептуализации стыда и совести в эвенской языковой картине мира	247	1
Куракина Н. А., Ачинович И. С. Прагматический аспект передачи фонических средств при переводе англоязычных поэтических текстов	1041	4
Мальшев А. А. Из истории фатической речи: приветственное слово издателя в научно-популярной журналистике первой половины XVIII в.	503	2
Мельник Н. В., Митякина О. В. Стратегия дискредитации власти в интернет-комментариях к публикациям мэров Нью-Йорка и Лондона	1051	4
Мендешева М. М. Лексико-семантический анализ прилагательного <i>poor</i> в английском языке: дефиниции, синонимы и антонимы	256	1
Мендешева М. М. Первопризнаки концептов <i>богатство</i> и <i>wealth</i> в русской и английской языковых картинах мира	1060	4
Михеева Ю. А. Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика	512	2
Орлова О. Г., Каракчиева В. А. Концептуальные подходы к научному дискурсу и некоторым особенностям его функционирования	521	2
Ошанова Е. С. Функциональная характеристика модальных маркеров в немецком, русском и удмуртском языках	805	3

	Стр.	№
Панкратова С. А. О некоторых аспектах языкового портрета киногероев (на примере научно-фантастического фильма «Робот по имени Чаппи»)	532	2
Париз Г., Рамезани Р. Герменевтический анализ пословиц в Амали аль-Сайида аль-Муртады	824	3
Плахотная Ю. И. Ассоциация как механизм когнитивной деятельности в формировании концептуальной картины мира	541	2
Полежаева Ж. Ю., Письмак Т. Г. Глаголы-светобозначения в русском и французском языках (лексико-семантическая классификация, грамматические признаки глаголов)	265	1
Савельева И. В. Интернет-комментарии как дискурс делегитимации (на материалах сайта Fox News о политике президента США Джо Байдена)	826	3
Сатучина Т. Ю. Степень вариативности денотата языкового знака (экспериментальное исследование интерпретационной деятельности говорящих)	1067	4
Синегубова К. В. Письмо сибирского поэта президенту США: отражение социально-политических взглядов в текстах естественной письменной речи	278	1
Судина Л. В. Специфика функционирования концепта <i>семья</i> в рекламном дискурсе на радио	551	2
Сунгатуллина З. Ф., Радикова Т. И. Речевые тактики комплимента и ответа на комплимент: гендерный аспект	560	2
Сюй А. Синонимические средства объективации концептов <i>упорство</i> и <i>упрямство</i> в русском языке	572	2
Тейкин М. С. К вопросу о склонении топонимов среднего рода на <i>-ово/-ево, -ино/-ыно</i>	1074	4
Телегуз А. А., Балобанова А. Г., Фомин А. Г. Словообразовательное гнездо как способ систематизации англоязычных военных терминов	582	2
Усатова А. С., Прохорова Л. П. Система скриптов и черный юмор в пьесах М. Макдонаха	286	1
Фельде О. В. Электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья: принципы создания, структура и возможности использования	1086	4
Хакрах Кахнамуи Т., Хоссейни А. А. Анализ категории адмиративности с оценкой возможности и побуждения в русских и персидских вопросительных предложениях	1096	4
Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях	591	2
Чепкасов А. В. Имиджевые тактики в публичных выступлениях руководителя региона	837	3
Юрченко М. Г. Мотивирующие признаки макроконцепта <i>учитель / ученик</i>	847	3

Index of articles published in 2020 in the journal "Bulletin of Kemerovo State University"

	Pages	No
HISTORY & ARCHEOLOGY		
Berman E. A. The Work of Jewish Folklorist Solomon Beilin in the Context of the Development of Yiddish Culture in the 1920s–1930s	304	2
Bershadskaya S. V. Citizen Journalism in Provincial Siberia in the Early 1920s (Based on the Media of the Central Siberian Region)	312	2
Bobrova L. Yu., Belousova N. A. Archaeological Heritage of the Mariinsk Forest-Steppe in Russian Museums	610	3
Ermolenko L. N., Kasanova A. D., Kurmankulov Zh. K. L. R. Kyzylasov and the Stone Statues of Central Kazakhstan	622	3
Filippenko O. V. "People are Crying, but I Can't Stop Laughing": Protest Reaction of the Deportees of Tomsk region to Joseph Stalin's Death	927	4
Golovchenko N. N., Dyakov N. R. Sacralization of the Landscape: Survey Campaign 2020 in the Ust'-Kalmanka district of the Altai region	322	2
Kazmin V. N., Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. Physical Training and Sports in the Kemerovo Region: Human Resourcing in the Late XX – Early XXI Centuries	8	1
Kiseleva O. V., Malyutina L. F. Urban Planning Policy in Small Towns of the Krasnoyarsk Territory in 1950s–1960s	338	2
Klimova O. G. Bibliographic Indexes on Trade, Merchants, and Entrepreneurship in Siberia in the Second Half of the XIX – Early XX Centuries: a Historiographic Review	631	3
Kolbina L. M., Osokina A. S. Honey Bee Farming in the Udmurt ASSR in the Latter Half of the 1940s – Early 1950s	348	2
Kovtun I. V. The Oglakhty-Tom Petroglyphs of the Lower Tom Rock Art Complex	18	1
Kuzmin O. Yu. Assimilation of the Chulym Turkic People by the Russians in the First Half of the XIX Century: the case of the Kolmogorov Family from Chumay Village	30	1
Kuzmin O. Yu. Population Dynamics of the Village of Chumay in the XIX – Early XX Centuries	642	3
Lekarenko O. G., Gostev K. V. NATO and EU's Involvement in the Libyan Crisis (2011–2020)	358	2
Majar F. Images on Halaf Pottery from Syria	862	4
Majar F. Planigraphic and Architectural Features of Tell Sabi Abyad (Syria)	368	2
Makarchuk S. V., Genina E. S. Interuniversity Collection of Papers "Siberia: XX Century" (Issues 1–6. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 1997–2007) as a Comprehensive Historiographic Source	384	2
Mamaeva G. E. Asian Studies Expert A. A. Semenov: Turkomstaris and Sredazkomstaris Periods (1921–1928)	874	4
Mikhailov Yu. I. Knife and Belt: Analysis of Seima-Turbino Bronze Weapons	49	1
Mirzabekov M. Ya. Transformation of the Social and Family Status of Dagestani Women in the 1920s	42	1
Mirzabekov M. Ya. Women's Question in the Red Dagestan newspaper in the 1920s	650	3
Mishenin S. E. Students of Railway College of the Town of Taiga in 1943–1991	881	4
Morozov N. M. Nikolai S. Penn, a Man from Kuzbass (300th Anniversary of Kuzbass)	394	2
Ovchinnikov V. A., Suverov E. V. Life and Work of Lieutenant Colonel of Militia Alexey N. Ovchinnikov in 1920s – 1941	894	4
Pocherevin E. V. Development of a Rural Healthcare System in Tomsk Province in the Late XIX – Early XX centuries	78	1
Podzuban E. V. Karasor-3 Site in the Upper Tobol	60	1

	Pages	No
Podzuban E. V. Mesolithic Sites in the Upper Tobol	909	4
Popova A. D. Battle after Victory: Causes of the Post-War Crime Rate Increase (1945–1950)	69	1
Potapova N. A., Babiy A. A. Special Troika of the Krasnoyarsk NKVD: the Number of the Repressed in the Fall of 1938	918	4
Rehovskaya T. A. World War I and the Food Crisis in Russia	403	2
Sadovoy A. N., Ovchinnikov V. A. Regional Ethnic and Confessional Situation in the Russian Federation: Arrangements for Monitoring	92	1
Savelieva A. S. Lepeshkinsky Complex of Bronzes from Tagar Burial Site Serebryakovo I in the Mariinsk Forest-Steppe: the elemental composition of the metal	413	2
Shevelev D. N., Melnik A. G. Interaction between the Center and the Regions during the Development of the Treaty of Federation in 1992	103	1
LINGUISTICS		
Bhatti N. V., Kovsh E. V., Kharitonova E. Yu. Culturological Characteristics of Phraseological Comparative Units in Indo-European Languages (English, German, Russian, and Urdu)	771	3
Bochkarev A. I. The Anti-Value Concept of Cowardice in Humorous Discourse of Anglo-Saxon Linguistic Culture	1022	4
Bodrikov A. B. Macroconcept <i>Army</i> : Analyzing the Structure of a Borrowed Macroconcept	758	3
Chepkasov A. V. Image Tactics in Public Speeches of the Head of the Region	845	3
Dedinkin A. L. Legal Discourse as a Multi-Dimensional Integrated Phenomenon and Legal Linguistics as a Syncretic Science	227	1
Felde O. V. Electronic Corpus of Linguaculture of the Northern Angara Region: Foundations, Structure, and Application	1094	4
Gimasheva G. M. Concept as a Linguacultural Unit in Cognitive Linguistics: Conceptual Framework <i>Faila</i> (Family) in the Bashkir Language	209	1
Golev N. D. Codes of Modern Written Communication: Acoustic-Auditory vs. Manual-Visual	1029	4
Guo L. Reflection of Family Relations in the Russian and Chinese Languages (Based on Frames <i>husband's mother – daughter-in-law, wife's mother – son-in-law, husband's sister – sister-in-law</i>)	218	1
Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences	597	2
Ibraimova G. O. Structural Features of the Symbolic Macroconcept of <i>Mother</i> : from the First Sign to the Symbol	788	3
Iurchenko M. G. The Concept of <i>Uchitel / Uchenik</i> (Teacher / Pupil): Motivating Signs	853	3
Kaftan I. I. Artifact, Natural, and Ideological Symbolic Signs in the Structure of the <i>Happiness</i> Concept	803	3
Kameneva V. A., Morozova I. S., Ryabova M. Yu., Fedyanina L. I., Fomin A. G., Yanitskiy M. S. Kuzbass through Anthropomorphic Metaphors (Case Study of Institutional Administrative Discourse of Ministries in the Region)	796	3
Khakrah Kahnamouei T., Hosseini A. A. Admirative Category with an Assessment of Possibility and Motivation in Russian and Persian Interrogative Sentences	1101	4
Kim L. G., Rafikova E. A. Truth / Falsity as Properties of Advertising Discourse: Addressee-Centered Aspect	244	1
Klimova G. S., Smirnova A. G. The Associative Field of the Lexeme <i>Instagram</i> in the Representation of Russian and German Native Speakers	492	2
Korogodina I. V., Sazonova A. A. Image of a Gambling Addict in Stefan Zweig's "24 Hours in the Life of a Woman": Verbalization of the Axiological Aspect	501	2
Kravchuk Ye. R. Linguistic Image of a TV Hostess in Chat and Portrait Interviews	1038	4

	Pages	No
Kurakina N. A., Achinovich I. S. Translation Pragmatics of Phonic Expressive Means in English Poetic Texts	1049	4
Kuzmina R. P. Conceptualization of Shame and Remorse in the Even Linguistic World View	254	1
Malyshev A. A. Phatic Speech Diachrony: Editor's Welcome Speech in Russian Popular Science Journalism of the First Half of the 18th Century	510	2
Melnik N. V., Mityakina O. V. Discrediting Strategy in Internet Comments to Publications made by the Mayors of New York and London	1058	4
Mendesheva M. M. Basic Signs of the Concepts of <i>Bogatstvo</i> and <i>Wealth</i> in Russian and English Language Pictures of the World	1065	4
Mendesheva M. M. Lexical-Semantic Analysis of the Adjective <i>Poor</i> in English: Definitions, Synonyms, and Antonyms	262	1
Mikheeva Yu. A. Alternative Forms of Current Business Communication: Text Structure and Composition Evolution	519	2
Orlova O. G., Karakchieva V. L. Conceptual Approaches to Scientific Discourse and its Functions	530	2
Oshanova E. S. Functional Characteristics of Modal Markers in German, Russian, and Udmurt	812	3
Pankratova S. A. Linguistic Portrait of Film Characters in Sci-Fi Movie "Chappie"	539	2
Pariz Gh., Ramezani R. A Hermeneutic Analysis of Proverbs in <i>Amāli</i> by al-Sayyid al-Murtada	814	3
Plakhotnaya Yu. I. Association as a Cognitive Activity Mechanism in Shaping a Conceptual Worldview	549	2
Polezhaeva Zh. Yu., Pismak T. G. Verbs of Light in Russian and French: Lexical-Semantic Classification and Grammatical Characteristics	276	1
Satuchina T. Y. Denotation Variation Degree of Linguistic Sign: an Experimental Study of Interpretative Activity	1072	4
Saveleva I. V. Internet Comments as Delegitimization-Driven Discourse (a Case Study of the Fox News Materials on the Political Actions of the U.S. President Joe Biden)	834	3
Sinegubova K. V. A Letter from a Siberian Poet to the President of the United States of America: Natural Written Speech as a Reflection of Socio-Political Views	283	1
Sudina L. V. The Concept of Family in Advertising Discourse: Linguistic and Pragmatic Aspects	558	2
Sungatullina Z. F., Radikova T. I. Speech Tactics of Compliments and Compliment Responses in Gender Perspective	569	2
Teikin M. S. To the Question of Neuter Gender Toponyms' Declension Ending on <i>-ovo/-evo, -ino/-yno</i>	1084	4
Teleguz A. A., Balobanova A. G., Fomin A. G. Family of Words as a Way to Systematize English-language Military Terms	589	2
Usatova A. S., Prokhorova L. P. Script System and Black Humor in Plays by M. McDonagh	295	1
Vorobyova Y. N. Corpus-Based Research of Simple Non-Inverted Pronominal Interrogative Constructions in English	484	2
Xu L. Synonymous Means of Objectification of the Concepts of Persistence and Stubbornness in the Russian Language	579	2
Zadobrivskaia O. F., Egorova V. G. Categorization of Political Terms in the Image and Likeness of the Container	780	3
Zheludkova E. G., Purgina K. M. Strategies and Tactics of Brand Formation (Based on the Material of Advertising Slogans in French, English, and Russian)	235	1

	Pages	No
PSYCHOLOGY		
Admakina T. A. Projective Indicators of Emotional Destabilization in Children in the Practice of Psychological and Pedagogical Expertise	111	1
Andronnikova O. O., Veterok E. V. Mindfulness Techniques as a Means of Developing Reflexivity in Patients with Victim Mentality	659	3
Antipina S. S. Cyber-Aggression Typology Questionnaire: Structure and Primary Psychometric Characteristics	121	1
Balaney D. Yu., Bredun E. V. The Speed–Accuracy Tradeoff as a Subject of Psychological Analysis	131	1
Belasheva I. V., Shumakova S. V. Emotional Competencies as Part of the Parameter Structure of Psychological Health in High School Students with Different Virtual Communication Engagement Rates	140	1
Belinskaya E. P., Stolbova E. A., Tsikina E. O. Mass Information Requests during the COVID-19 Pandemic: Psychological Determinants and Specific Features	435	2
Bezgodova S. A., Vasileva S. V., Miklyaeva A. V. Structuring a Videolecture: Psychological Criteria and Efficiency Factors	424	2
Bokhan T. G., Shabalovskaya M. V., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Borodich J. V., Tanabasova U. V. Identity as a Predictor of Subjective Assessment of Quality of Campus Life: Cross-Cultural Aspect	153	1
Braun O. A., Bilan M. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V. Identity System in University Students: Transformation Dynamics during Learning Process	937	4
Bredun E. V., Vaulina T. A., Shamakov V. A., Shcheglova E. A. Activity Monitoring in the Digital Learning Environment of a Modern University: Technological Tasks of Psychological Support	164	1
Chizhkova M. B. Personal Factors of Adapting to Academic Environment in First-Year Medical Students	1013	4
Dolganov D. N., Kameneva V. A. Automated Personal Thesaurus TEZAL: Reconstructing the Psychosemantic Foundations of Interpersonal Relations	956	4
Dukhnovsky S. V., Mishchenko V. A. Dominant Mental State and Mood in People with Different Professional Self-Awareness	172	1
Dukhnovsky S. V., Zabelina E. V. Time Attitude in Senior Students with Different Levels of Subjective Well-Being and Optimism	680	3
Elzesser A. S., Kapustina T. V., Kadyrov R. V. Psychodiagnostics of Extremist Personality Tendencies in School Environment	746	3
Fedotova V. A. International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin	995	4
Kadyrov R. V., Dmitrieva O. B. Moral Injury: Modern Approaches to the Definition of the Concept, Etiology, Diagnosis, and Psychotherapy	444	2
Kudinov S. I., Kudinov S. S., Kudinov V. S. Attitudes to Lockdown in Students with Different Indicators of Responsibility and Value Orientations	181	1
Lukyanov O. V. Psychology from the End to the Beginning	454	2
Miklyaeva A. V., Proekt Y. L., Khoroshikh V. V. Axiological Identity of Russian Students at Different Stages of Social Digitalization: a Meta-Analysis	970	4
Morozova I. S., Kameneva V. A., Ryabova M. Yu., Dolganov D. N., Grinenko D. N. Dynamic Transformations of the Content Characteristics of Creativity in Students with Different Cognitive Styles	689	3
Pavlova E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Value-Semantic Measurement of Commitment: an Empirical Study	703	3
Pfettser A. A. Digital Academic Environment and Professional Identity Development	992	4

	Pages	No
Puzyreva L. O., Zhdanova S. Yu. Bioethical Awareness in Students of the Perm State National Research University	982	4
Rasina E. O. Psychological Determinants of Virtual Personality Image	715	3
Rogacheva T. V. Factors Affecting the Viability of Disabled COVID-19 Patients	726	3
Skorova L. V., Kachinskaya A. Y., Yakusheva J. A. Case Method as a Diagnostic Tool for Assessing the Readiness of Future Teachers for Providing Psychological Safety in Class	464	2
Soldatova V. I., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Fomin A. G. Text as a Means of Remote Psychological Counseling: Language and Semantics of Feature Blogs	738	3
Tsaritsentseva O. P., Elfimova M. M. Coping with the Reality Situation during the COVID-19 Pandemic in the Context of Individual Resilience	200	1
Tuzlukova A. V. Competitive Strategy in Employees with Self-Oriented and Socially-Oriented Perfectionism	188	1
Volkova O. V., Tsvetkova O. A., Shadrina A. Yu., Rupeka A. V. The Urgent Problems in the Sphere of Student's Mental Health: Challenge of COVID-19 Pandemic	670	3
Voskresenskaya N. G. Distance Learning as a Means of Digital Skills Development in High School and University Students	946	4
Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic Characteristics of the Image of the World during the COVID-19 Pandemic	474	2

16+

Вестник Кемеровского государственного университета =
The Bulletin of Kemerovo State University

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
avgrey@yahoo.com

Старикова Людмила Семеновна, ответственный редактор
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
avgrey@yahoo.com

Lyudmila S. Starikova, Executive Editor
+7(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Редакторы выпуска:

Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 15.12.2021.

Дата выхода в свет 29.12.2021.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 33,12. Уч.-изд. л. – 28.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет».

Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000,
г. Кемерово, ул. Красная, 6, <https://kemsu.ru>

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область –
Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.